Д. Л. ВАТЕЙШВИЛИ

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ПЕЧАТЬ НА КАВКАЗЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории, археологии и этнографии
им. И. А. Джавахишвили
Академии наук Грузинской ССР

Д. Л. ВАТЕЙШВИЛИ

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ПЕЧАТЬ НА КАВКАЗЕ

в первой трети XIX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1973

В монографии рассматриваются русско-кавказские культурные взаимосвязи, главным образом в области книгопечатания и журналистики, предопределившие возникновение и развитие на Кавказе русского печатного слова и общественной мысли. Основное внимание автор уделяет анализу содержания первых образцов русской периодической и непериодической литературы в крае, выявлению плодотворных контактов передовых представителей русской и преимущественно закавказской национальной интеллигенции, их идейной общности в борьбе с самодержавием. На обширном, в значительной степени вновь обнаруженном документальном материале автор исследует вопросы, связанные с общением и участием в местной русской периодической печати декабристов, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, С. И. Додашвили, А. К. Бакиханова, Х. Абовяна и других передовых деятелей России и Кавказа.

В $\frac{0164-0069}{042(02)-73}$ 8-73

ОТ АВТОРА

XIX век занимает особое место в истории культуры и общественной мысли России, знаменуя собой значительный рост политического самосознания народов, входивших в состав бывшей Российской империи. Борьба прогрессивных и реакционных тенденций в общественной жизни многонациональной России наглядно проявилась в первые же три десятилетия прошлого столетия, найдя отражение в тогдашнем русском печатном слове как в центре, так и на периферии.

Представляя читателю монографию по истории становления и развития русского книгопечатания, журналистики и общественной мысли на Кавказе в первой трети XIX века, считаем необходимым сделать несколько предварительных замечаний.

Передовая общественная мысль на Кавказе, так же как и в России, пробивала себе путь в борьбе с клерикализмом и политической реакцией. Путь этот был тернистым, сложным, противоречивым. Национальная и местная русская печать служила не только отражением поступательного развития общественной мысли: она ее двигала вперед, демократизировала, классово целеустремляла. Поэтому печатное наследие кавказских народов и занимает важное место в кавказоведении как особом разделе советской исторической науки.

В изучении истории национальной печати на Кавказе сделано немало. Особенно заметен сдвиг в последние десятилетия, когда появились монографические исследования, воспроизводящие отдельные значительные периоды в развитии книгопечатания и журналистики кавказских народов. О состоянии научного исследования истории русской общественной мысли и печатного слова на Кавказе красноречиво говорит тот факт, что она до сих пор не стала объектом монографического исследования. Между тем русская печатная литература на Кавказе со времени своего зарождения в крае вплоть до наших дней наряду с местной национальной печатью всегда являлась и является важным стимулятором развития общественно-политической мысли.

Современный уровень развития отечественной историко-журналистской науки таков, что он настоятельно диктует необходимость создания обобщающих исследований по истории развития русской общественной мысли и печатного слова на бывших окраинах Российской империи. Эти исследования наряду с углублением научных изысканий в области национальной печати народов СССР легли бы в основу будущего капитального коллективного труда по истории отечественного книгопечатного дела и журналистики.

Предлагаемая монография представляет собой одно из звеньев в цепи научных усилий по созданию широкой картины развития книгопечатания и журналистики в России. Основное внимание сосредоточено в ней на изучении исторических истоков русской печати на Кавказе как ответвлении общероссийского печатного слова, специфически отразившем идеи первого этапа освободительного движения в России на ее обширной национальной окраине.

Колониалистская экспансия русского самодержавия на Кавказе, промышленное освоение природных ресурсов края, внешнеполитические акции царизма на Ближнем Востоке, крепнущее воинское содружество братских народов в русско-персидской и русско-турецкой кампаниях 1826—1829 гг., проблески демократизации просвещения в крае, нарастание освободительной борьбы в Грузии под влиянием идей декабризма — таков круг проблем, потребовавших методологической оценки и конкретно-исторического рассмотрения.

Другой круг составили вопросы более специальные: история возникновения полиграфической базы; выявление печатников-просветителей, журналистов-энтузиастов, посвятивших свое слово развитию и укреплению дружбы русского и закавказских народов; анализ содержания первых русских печатных образцов на Кавказе, в том числе детальное рассмотрение проблематики «Тифлисских ведомостей» за 4 года существования газеты, позволившее уточнить характеристики многих личностей, способствовавших общественному прогрессу либо препятствовавших ему, и др.

К исследованию был привлечен в значительной степени вновь выявленный в архивах и научных учреждениях Москвы, Ленинграда и Тбилиси документальный и прочий фактический материал. Он также позволяет уточнить некоторые положения, получившие приблизительное или ошибочное толкование в научной литературе. Осмысление обнаруженного архивного материала, его сопоставление с другими сведениями по исследуемой теме помогли восполнить определенные пробелы в истории русско-кавказского культурного сотрудничества, сделать некоторые выводы.

В сложный, насыщенный социальными потрясениями период первых трех десятилетий прошлого века кавказская русская печать наряду с передовым печатным словом на местных национальных языках способствовала в основном правильной ориентации своих читателей в ожесточенной борьбе «двух культур» и «двух Россий». Русская печать исследуемого периода на Кавказе явилась как бы древом, на котором впоследствии появились прогрессивная и реакционная ветви русской журналистики в крае. В полемическом единоборстве этих противоположных тенденций выявлялись идеалы социальной справедливости, гуманности и дружбы народов.

Богатый и зачастую уникальный материал кавказской русской печати, запечатлевший поступательное развитие передовой общественной мысли в крае, дает основание рассматривать его как один из ценнейших первоисточников по общей истории народов Кавказа.

ВВЕДЕНИЕ

Непреложен факт, что печатное слово — ускоритель общественного прогресса, стимул развития человеческой мысли.

Политическая, экономическая и культурная жизнь народов формируется в тесной связи с традициями национального печатного слова. История печати представляет собой один из аспектов общей истории народа, процесса становления, борьбы и развития классового политического сознания, общественной мысли в исторических социально-экономических условиях.

На тесную взаимосвязь истории печатного слова с историей общественно-политического движения неоднократно указывал В. И. Ленин, который писал, что «без журналистического аппарата ни одно массовое движение обойтись не может в сколько-нибудь цивилизованной стране» [1] и что, в частности, «история рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения» [2]. Ленинские высказывания, подчеркивающие классовый характер печатного слова в буржуазном обществе, ориентируют нас на систематическое исследование истории развития национальной печати и журналистики.

Мы не можем представить историю России, развитие ее общественно-политической мысли без анализа журналистской деятельности декабристов, герценовского «Колокола», печатных органов революционных демократов, первых пролетарских изданий и революционной рабочей печати 1900—1917 гг. Столь же актуальны вопросы изучения истории печати народов Советского Союза. Они получили углубленную разработку в ряде диссертаций, монографий и статей.

Вместе с тем нам представлялось важным обратиться и к таким источникам развития общественной мысли в стране, каким была местная русская печать, привнесшая в национальную не только общерусский опыт журналистики и полиграфии, но и идеи основных этапов национально-освободительного движения в России. Изучение

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 99.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

прошлого местной русской печати дополняет научную историю общественно-политической мысли народов нашего государства.

Под местной русской печатью мы понимаем печатную литературу, в том числе периодическую, на русском языке, выходившую на присоединенной к России территории бывших самостоятельных национальных государственных образований. Большой интерес в этом отношении представляет Кавказский край, как называли его в прошлом. На редкость упорная борьба местного населения за свою независимость, многонациональность края создавали большие трудности для царского правительства и в период завоевания Кавказа и в годы управления им. Сложной была здесь и задача русской печати, которой вменялось в обязанность быть проводником правительственной политики на Кавказе. Однако вопреки этой обязанности, наложившей определенный отпечаток на содержание местной русской печати, она предшествующим ходом развития русско-кавказских отношений была подготовлена к выполнению также и прогрессивной роли, которая сказывалась не только в просветительской ее функции, но и в налаживании связей и плодотворных контактов между передовыми людьми России и Кавказа. Есть основание утверждать, что с этой ролью местная русская печать справлялась вполне успешно. Даже в ранний период освоения Кавказа она во многом способствовала сближению и дружескому общению русского и кавказских народов.

Территория Кавказского края включала Ставропольскую губернию и Кубанскую и Терскую области, которые занимали северную часть перешейка, называемую Северным Кавказом, а также Тифлисскую, Кутаисскую, Эриванскую, Бакинскую губернии и южную часть Дагестана в Закавказье [3].

Известно, что вслед за приобретением стратегического плацдарма в Закавказье русское самодержавие простирало свои политические интересы до Северо-Кавказского нагорья, претендуя на роль активного участника в мировом политическом соперничестве на Ближнем и Среднем Востоке [4]. Уже к началу XIX в. «захват Кавказа был результатом наступательного движения царизма на юг широко развернутым фронтом от Балкан до Закаспия и обусловливался экономическими интересами втянутого в рынок крупного русского дворянства» [5]. В этих условиях местная русская печать, находившаяся в подчинении военного командования, способствовала политической и экономической колонизации края вплоть до поддержки военных акций царизма против коренного местного населения. Это соответствовало политике русского самодержавия, которое «жителей остальной части Кавказа» (имеется в виду население Северного Кавказа. — *Д. В.*) подразделяло «на покорных и не признающих еще

---

[3] «Кавказский календарь», 1868, стр. 383.

[4] *Н. А. Бердзенишвили.* Вопросы истории Грузии, кн. II. Тбилиси, 1965, стр. 248.

[5] *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг. Тбилиси, 1946, стр. 1—2.

власти нашего правительства»[6]. Со времени присоединения Грузии к России «правительство смотрело на Кавказ как на пункт чисто военный, как на какой-то обширный плац-парад, где можно было на опыте приложить сведения, вынесенные из слушанных со школьной лавки лекций стратегии и тактики. Самые лица, призванные к начальствованию этим краем, кто были они? Генералы, отличившиеся военной доблестью... которые руководствовались установленными правилами военной науки, которые не сознавали, что на Кавказе наука эта не применима, что на Кавказе не все берется „на ура“ и притом что покорение Кавказа должно быть скорее нравственным, чем военным»[7].

Именно нравственное воздействие на местное население (которое менее всего поощрялось правительством) послужило проводником прогрессивного влияния русского печатного слова на Кавказе, ускорившего просвещение кавказских народов и укрепившего связи между отдельными передовыми представителями России и Кавказа.

Первые шаги в культурном сближении России и Кавказа через печатное слово были сделаны эмигрировавшими в XVII в. в Россию грузинскими, а несколько позже — армянскими государственными деятелями. В Москве, Петербурге и других городах России стали распространяться грузинские и армянские книги — светские и духовные. Продукция грузинской и армянской типографий в России способствовала не только просвещению и росту национального самосознания этих народов, но и осознанию политической необходимости, а также культурной и экономической обусловленности союза между русским и закавказскими народами. Не будет преувеличением сказать, что в «идейной» подготовке населения Восточного Закавказья в конце XVIII в.—начале XIX в. к присоединению к России весьма значительной была роль печатного слова на грузинском и армянском языках.

Одновременно рос интерес к Кавказу и его разноплеменному населению со стороны русских читателей. До присоединения Закавказья к России в русской периодической печати информация о нем ограничивалась газетно-журнальной хроникой о прибытии или отъезде коронованных особ из стран Кавказа либо «экзотическими» или сенсационными сообщениями о народах, «по ту и по сю сторону Кавказа обитающих». Скудость информации частично объяснялась отсутствием тогда на Кавказе постоянных корреспондентов. «Сужденья черпались», как полагают, из консульских донесений, поступавших в Петербург кружным путем — из Константинополя, Венеции, Ливорно и других мест[8]; большинство из них оказывались обычными слухами.

---

[6] ЦГВИА, ф. 287, оп. 1, д. 73, л. 2 об.

[7] *Ю. Толстой.* Очерк жизни и службы Е. X. Головина, кн. 1. М., 1872, стр. 43—45; Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (кн. II), стр. 63.

[8] *Я. Лордкипанидзе.* Сведения, касающиеся Грузии, из Московских и Петербургских «Ведомостей» за 1762—1767 годы. — «Бюллетень Государственного музея Грузии». Тбилиси, 1940, стр. 175.

Другим источником сведений о Кавказе для российской периодической печати были свидетельства путешественников. На исходе XVIII в. в связи с заключением Георгиевского трактата (1783 г.) путешествия участились. Этому способствовала прямая магистраль через хребет — Военно-Грузинская дорога. Мы не склонны рассматривать всех путешественников по Кавказу как «разведчиков» политического или экономического освоения — многие из их наблюдений носили чисто этнографический характер. Однако чаще всего политическая индифферентность туристов оказывалась мнимой [9].

И только с 1801 г., когда официально было провозглашено присоединение к России Грузии — первой кавказской страны, вошедшей сперва под покровительство, а затем непосредственно в состав Российской империи, публикация в русских периодических изданиях сообщений о Кавказе приобретает регулярный и в известной степени объективный характер. Корреспондентами на Кавказе обзавелись многие российские периодические издания: «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Вестник Европы», «Друг просвещения», «Беседа любителей русского слова», «Сын Отечества», «Военный журнал», «Отечественные записки», «Горный журнал», «Журнал садоводства», «Северная пчела», «Русский инвалид», «Московский телеграф», «Северный архив» и др. В качестве корреспондентов все чаще стали выступать квалифицированные журналисты, чуткие не только к политическим событиям в Кавказском крае, но и к укладу жизни, нравам и обычаям местного населения. Их информация в основном способствовала формированию у русского читателя реальных представлений о Кавказе, укрепляла русско-кавказские отношения. Немалую роль сыграла специальная кавказоведческая литература, с самого начала XIX в. поощрявшаяся правительством. В ее издании, главным образом в Петербурге, принимали участие наряду с русскими деятелями просвещенные представители кавказских народов, проживавшие в России.

Первым опытом подобного содружества явилась книга Е. Н. Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» (СПб., 1802 г.). Она содержала энциклопедические сведения о Грузии и ее народе, а также касалась вопросов грузинской литературы, в частности Шота Руставели и печатного издания «Витязя в тигровой шкуре» в начале XVIII в. в Тифлисе [10].

В качестве признанного знатока истории Кавказского края Болховитинов поддерживал связи с русской журналистикой [11]. Примеча-

[9] *М. А. Полиевктов.* Указ. соч., стр. 2—3.

[10] Книга Е. Н. Болховитинова была переведена на французский (1803 г.) и немецкий (1804 г.) языки, так что Болховитинова принято считать одним из первых популяризаторов и переводчиков Руставели в России и Европе.

[11] Выясняется, что в 1828 г. Болховитинов имел корреспондентов в Закавказье. Так, в письме генерала А. Ф. Красовского к киевскому митрополиту Евгению (Болховитинову) от 9 апреля 1828 г. из Тифлиса сообщались сведения о христианских древностях Эриванской области (*М. А. Полиевктов.* Указ. соч., стр. 27).

тельно, что одна из первых после присоединения Грузии к России корреспонденций с Кавказа — «Письмо из Тифлиса. От 20 августа 1804» (предназначенная для «Друга просвещения») — литературно обрабатывалась Болховитиновым [12].

Автора «Письма», подписавшегося инициалами «N. N.», установить пока не удалось. Но несомненно, что им был один из представителей русской периодической печати. О взаимоотношениях «N. N.» с редакцией «Друга просвещения» узнаем из самого начала «Письма»: «Из-за гор Кавказских, с земли, славящейся ныне благотворным правлением российского монарха и успехами нашего оружия, получаете вы письмо сие. Вам хотелось от меня известий о сей земле; но, не успев еще обозреть ее, о сю пору я везде вижу только больше благодеяний Александра I, нежели национальных редкостей» [13]. Скудость и кратковременность своих наблюдений над местной жизнью автор пытается восполнить верноподданническими излияниями. «Письмо» содержит сведения, касающиеся истории, географии, экономики, просвещения и литературы Грузии. Е. Н. Болховитинов так обстоятельно правил корреспонденцию «N. N.», что из «выправителя» сделался соавтором [14].

Содержание «Письма» показывает, что «N. N.» проявил интерес к грузинской литературе: «Классические наши книги переводятся уже на грузинский язык, а в отплату за то скоро и мы увидим на русском языке грузинского Оссиана — Руставеля и славного их же романиста... Тмогвеля» [15]. Не исключено, что это обещание давалось от имени Болховитинова [16]. Заслуживает внимания и другое место из корреспонденции: «Гораздо пространнее можно здесь описать натуру, чрезвычайно разнообразную во всех своих предметах. Но я и сего еще обозреть не успел. Некоторые из наших русских давно

---

[12] Вероятно, литературная обработка «Письма» была поручена Болховитинову графом Хвостовым. «Посылая его гр[афу] Д. И. Хвостову для напечатания, Евгений (Болховитинов) замечал: „Письмо из Грузии я сократил. Ибо иное показывать на публику не годилось“» («Журнал Министерства народного просвещения», 1888, май, стр. 172).

[13] «Друг просвещения», 1805, январь, ч. I, стр. 80. Заключительная фраза «Письма» также утверждает в мнении, что «N. N.» был корреспондентом журнала «Друг просвещения»: «Я намерен в следующую осень проехать Имеретию и Мингрелию до самых берегов Черного моря. Что замечу в сем путешествии, не премину сообщить вам и проч.» (там же, стр. 35).

[14] «Друг просвещения», 1805, январь, ч. I, стр. 31; Е. Н. Болховитинов, редактировавший этот материал, ссылается от себя на нашумевшую свою книгу о Грузии. В контексте корреспонденции, содержание которой изложено от имени автора (т. е. от «N. N.»), эта «опечатка» выглядит следующим образом: «Г. Шлецер в рецензии на книгу нашу о Грузии (в сноске к данному месту указана вышеупомянутая книга о Грузии Е. Н. Болховитинова. — *Д. В.*) почти отгадал и пространство и население сей земли».

[15] «Друг просвещения», 1805, январь, ч. I, стр. 30.

[16] Судим на том основании, что в книге «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии» Болховитинов предпринял попытку подстрочного перевода отдельных мест из поэмы Ш. Руставели.

уже тем занимаются, и вы когда-нибудь увидите обстоятельное описание Грузии» [17].

Автор указывает на русских журналистов на Кавказе, среди которых выделялись сотрудники «Вестника Европы» Е. Басин и М. Ворончеиков, отбывавшие в Грузии военную службу. В 1805 г. они поместили в журнале два письма с описанием пути от Петербурга до Тифлиса, в частности по Военно-Грузинской дороге, и от Тифлиса до Телави [18]. В письме Е. Басина описан город Ганджа, который, по мнению автора, «теперь лучший из всех грузинских строением и местоположением» [19].

Хотя еще не установлены фамилии других кавказских корреспондентов первого десятилетия XIX в., но можно сказать, что некоторые неподписанные материалы о Кавказе, публиковавшиеся, например, в «Санкт-Петербургских ведомостях», представляли собой отнюдь не официальные донесения местных властей. Мы допускаем, что при гражданских учреждениях, сосредоточенных преимущественно в Тифлисе, и войсковых соединениях, расквартированных на Кавказе, были другие корреспонденты, кроме Басина и Ворончеикова. По крайней мере, нам известны имена С. М. Броневского и В. Т. Нарежного, хорошо знавших историю и обычаи местных народов и отлично разбиравшихся в политической ситуации.

В первой трети XIX в. среди корреспондентов российской периодической печати в Грузии и других местностях Кавказа мы встречаем имена А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, А. И. Якубовича, А. Ф. Воейкова, Е. Е. Лачинова, П. А. Муханова, А. А. Бестужева-Марлинского и др. Своеобразную дань обязанности корреспондента русской периодики на Кавказе отдал и А. С. Пушкин, посетивший этот край в 1829 г. и поделившийся впоследствии своими воспоминаниями о поездке на страницах «Современника».

Как отмечает В. С. Шадури, «декабристы и связанные с ними великие русские писатели Грибоедов и Пушкин сыграли исключительную роль не только в русском общественно-литературном движении, но и в развитии грузинской литературы и в сближении русской и грузинской культур. Первое поколение русских революционеров вписало яркую страницу в историю содружества наших народов. Декабристы первыми из русских писателей близко познакомились с Грузией и отразили ее в своих произведениях верно, колоритно, художественно. Русские вольнодумцы занесли в этот край революционные идеи, установили дружбу с передовой грузинской интеллигенцией и оказали на грузинскую литературу весьма плодотворное влияние» [20].

---

[17] «Друг просвещения», 1805, январь, ч. I, стр. 31—32.

[18] *М. Ворончеиков.* Письмо из Грузии в Астрахань. — «Вестник Европы», 1805, № 13, стр. 60—65. У нас есть предположение, что автор письма — уроженец Астрахани.

[19] *Е. Басин.* Другое письмо из Грузии в Тотьму (там же, стр. 66—70). Письмо содержит сведения о взятии Ганджи кн. П. Цициановым и о его походе на Эривань в 1804 г.

[20] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, стр. 8.

В этом же духе можно трактовать объективные последствия контактов и воздействия русских дворянских революционеров на литературу и культуру некоторых других народов Кавказа. Средством укрепления литературных связей и сближения родственных национальных культур с культурой великого русского народа было местное печатное слово на русском языке, в развитии которого особая заслуга принадлежит А. С. Грибоедову и сосланным на Кавказ декабристам.

Большое дело сделали кавказские корреспонденты российской периодической печати, ознакомив русское общество с Кавказом. Но при всем их журналистском усердии они были не в состоянии удовлетворить растущий интерес русской читающей публики к «полуденным странам Кавказа». Этот интерес поддерживался тем, что «границы России широким фронтом соприкасались с Кавказом. Русско-кавказские отношения имели к этому времени богатую историю. В Европе не было другой страны, которая являлась бы столь заинтересованной в кавказских делах, как Россия. Уже одно это обстоятельство предрешало, что в XIX в. русская дипломатия должна будет уделять Кавказу значительное внимание, а русское общество живо откликаться на происходящие там события» [21].

Появление русского печатного слова на Кавказе, в том числе периодической печати, становилось настоятельной необходимостью. Зарождению и развитию русской печати на Кавказе в первой трети XIX в. способствовали конкретно-исторические обстоятельства. Идя навстречу некоторым культурным нововведениям в окраинных губерниях империи, вроде создания некоей базы для производства печатной продукции, царское правительство вынуждено было учитывать при этом интересы не только русской читающей публики и местной администрации. Нельзя было не считаться с тем фактом, что Россия — многонациональное государство, что культурные запросы вошедших в состав Российской империи малых народов Кавказа тоже нуждались, наряду с другими, в безотлагательном удовлетворении. Повышение культурных потребностей всех слоев общества в свою очередь «способствовало той демократизации культуры, которая являлась едва ли не самым ярким выражением духовного прогресса в XIX столетии» [22].

Не случайно попытка возродить в начале XIX в. тифлисскую типографию была предпринята прежде всего с целью удовлетворить потребность Тифлисского дворянского училища в необходимой учебной литературе, что первое периодическое издание на Кавказе вышло не на русском, а на грузинском языке, что первая русская книга на Кавказе была русско-грузинским разговорником, что, наконец, первая на Кавказе русская газета выходила одновременно и на местных национальных языках.

Преобладание национального печатного слова в Грузии после ее присоединения к России было недолговечным. Первоначально его

[21] *А. В. Фадеев.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, стр. 23.

[22] *А. В. Фадеев.* Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966, стр. 4.

поддерживали, так как до конца первой четверти XIX в. усиленное внедрение русского печатного слова считалось неоправданным в связи с незнанием русского языка подавляющим большинством местного населения. Поэтому всевозможные печатные обращения к жителям Кавказа в этот период осуществлялись главным образом на местных национальных языках.

Начало русской печати на Кавказе следует связывать приблизительно с концом первого десятилетия XIX в. Спустя почти десять лет после создания первой грузинской газеты (1819 г.) увидел свет и первенец русской периодической печати на Кавказе: «С основанием в 1828 г. „Тифлисских ведомостей" русское правительство обзавелось на Кавказе как бы постоянным информационным центром»[23]. С другой стороны, несмотря на сугубо служебное назначение «Тифлисских ведомостей», создание на Кавказе первой правительственной русской газеты (с дубликатами на грузинском и фарси) расценивалось и как значительное событие в культурной жизни местного населения, которое при отсутствии в крае высших учебных заведений уповало на просвещение посредством периодической печати. Между прочим, точка зрения на журналистику как на некий заменитель просветительно-учебного заведения была довольно распространенной в тогдашней охранительной периодике. «Чтение благонамеренных журналов, — отмечалось в „Сыне Отечества", — более распространило у нас просвещение и ускорило развитие многих познаний, нежели учебные заведения. Сии последние, при самом лучшем образовании, хотя с великим успехом назидают круг обучающихся юношей, но всеобщее, скорое и взаимное обучение предоставлено трудам гг. журналистов»[24].

С появлением первых образцов русского книгопечатания и журналистики на Кавказе, чему во многом способствовала сложившаяся в крае политическая ситуация, права и обязанности местной русской и национальной печати как бы уравновесились. Это, прежде всего, сказывалось в строгой подцензурности любого печатного издания на Кавказе, независимо от языка.

Вопреки специфичности условий, языковому несоответствию и разрыву во времени, при которых осуществлялся выпуск многонациональной печатной продукции на Кавказе, развитие и совершенствование русского и национального печатного слова шло с самого начала параллельными путями. Местные периодические издания на русском и национальных языках взаимно обогащались опытом, поисками реальных концепций. Независимо от строгостей цензуры в результате полемики обозначалось превосходство справедливого над несправедливым, передового, демократического над реакционным. По крайней мере, местный читатель это чувствовал и понимал.

Воспитание у кавказских читателей политической проницательности дало положительные плоды в будущем, когда под влиянием

---

[23] *М. А. Полиевктов.* Указ. соч., стр. 3.

[24] «Сын Отечества», 1829, № 9, стр. 83. В примечании к статье сказано: «Печатается в „Сыне Отечества" по недостатку места в „Северной пчеле"».

революционных потрясений в стране возникла необходимость в классовой организованности. Именно в этой роли местная русская периодическая печать предстает перед нами и как богатейший источник сведений по истории кавказских народов, и как неповторимый документ, отразивший основные этапы культурного, социально-экономического и политического развития народов Кавказа за последние полтора века. Именно с учетом широкого диапазона положительной деятельности кавказской русской периодики можно утверждать, что последняя наряду с передовой прессой на местных национальных языках принадлежала к действенным средствам формирования общественно-политической мысли на Кавказе.

Между тем приходится констатировать, что в монографическом плане история русского печатного слова на Кавказе изучена пока недостаточно. В конце XIX — начале XX в. были предприняты попытки историографического или критико-библиографического характера; появились статья без подписи «„Кавказ“, 1846—1896» (библиографическая заметка к 50-летию газеты) [25], «Краткий очерк истории русской периодической печати на Кавказе» Г. Кипшидзе [26] и неопубликованный очерк Г. М. Туманишвили «Кавказские писатели в русской беллетристике» [27] (раздел «Периодическая печать на Кавказе» содержит весьма скудные сведения о местной русской периодике и повторяет фактические неточности, допущенные в «Очерке» Г. Кипшидзе [28]).

Сведения по истории русской печати на Кавказе и о деятелях местной русской журналистики содержатся в архивном фонде известного кавказоведа Е. Г. Вейденбаума, хранящемся в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР [29].

Систематическое же изучение национального печатного слова на Кавказе, истории местной русской печати относится уже к советскому периоду. В 1941 г. в Тбилиси увидели свет «Грузинская журналистика» (на груз. яз.) П. В. Гугушвили и «Библиография русской

---

[25] «Кавказ», 1896, № 4, стр. 2—5. В 1901 г. в Тифлисе вышла брошюра «Газета „Кавказ“, 1846—1901», мало чем отличавшаяся от предшествующей юбилейной статьи.

[26] «Периодическая печать на Кавказе». Тифлис, 1901, стр. 3—23.

[27] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 68, стр. 98—106.

[28] Между прочим, фактические неточности допускались и позднее. Так, один из видных деятелей русской периодической печати в Грузии первой половины XIX в. Н. Берзенов в «Обзоре грузинских периодических изданий с начала их основания» писал: «Закавказская, или, правильнее, тифлисская, периодическая литература вообще обязана своим возникновением покойному фельдмаршалу кн. Мих. Сем. Воронцову. Первая и пока еще единственная у нас русская газета „Кавказ“ начала издаваться по его побуждению, обусловленному на первых порах его просвещенным нравственным содействием и материальною поддержкой» («Кавказский календарь» за 1869 г., Литературный отдел, стр. 55).

[29] См. также *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901; *М. О. Косвен.* Этнография и история Кавказа. М., 1961 (биографические данные и сведения о декабристах, сотрудничавших в кавказской русской периодике).

периодики Грузии», ч. I (1828—1920), составленная Г. В. Зерцаловым. Если труд П. В. Гугушвили — первый опыт научного изложения истории грузинской журналистики, то «Библиография» Г. В. Зерцалова — сравнительно полный справочник по русской периодике в Грузии.

До появления специальных исследований некоторые аспекты истории русской печати на Кавказе были освещены в фундаментальных трудах М. К. Гоцадзе «История грузинской журналистики» (Тбилиси, 1954, на груз. яз.) и В. С. Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность» (Тбилиси, 1958), а также в исследованиях А. З. Абрамишвили[30], И. К. Ениколопова[31] и др.

Литературу по истории и проблематике русской печати на Кавказе составляют труды обзорного характера, охватывающие отдельные, как правило, небольшие периоды в развитии русской печати на Кавказе, и труды, посвященные определенной проблематике, отдельным периодическим печатным органам на русском языке.

Из трудов обзорного характера следует отметить докторскую диссертацию Э. Н. Арджеванидзе («Проблема изучения грузинского фольклора в дореволюционной русской периодике Грузии», Тбилиси, 1970), а также кандидатские диссертации Ю. В. Хоруева («История печати на Тереке. 1863—1907 гг.», Орджоникидзе, 1966) и Г. Д. Джавахишвили («Нико Николадзе — сотрудник русской и зарубежной печати. 1860—1875 гг.», Тбилиси, 1968), статьи Д. Л. Ватейшвили[32], М. А. Кипнис[33] и др.

Из русского печатного наследия на Кавказе объектами изучения были газеты «Тифлисские ведомости», «Кавказ», «Тифлисский вестник», «Обзор» и «Кавказский рабочий листок». Все они, кроме «Кавказа» и «Обзора», исследованы в кандидатских диссертациях[34].

---

[30] *А. З. Абрамишвили.* «Тифлисские ведомости» (обзор и аннотации годовых комплектов газеты за 1828—1829 годы, на груз. яз.). — «Библиографиис Моамбе» («Вестник библиографии»). Тбилиси, 1948, № 4—5, стр. 237—261. Аннотированная библиография литературного отделения «Тифлисских ведомостей» (1832) с предисловием, указателем и примечаниями составлена С. Хуцишвили и Н. Татишвили (см. «Вестник библиографии», Тбилиси, 1940, № 1, стр. 65—98, на груз. яз.). См. также *А. З. Абрамишвили.* Грузинская периодика (аннотированный каталог грузинской периодики 1819—1917 гг., хранящейся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Тбилиси, 1968.

[31] *И. К. Ениколопов.* Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954; *он же.* Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1966.

[32] *Д. Л. Ватейшвили.* Первые русские издания в Грузии. — «Мацне» («Вестник» — орган Отделения общественных наук АН Груз. ССР), 1964, № 2, стр. 45—53.

[33] *М. А. Кипнис.* Первые сатирические журналы на Кавказе. — «Вопросы теории и истории журналистики». Сборник научных работ кафедры журналистики Тбилисского университета. Тбилиси, 1968, стр. 227—260.

[34] О газете «Тифлисские ведомости» см.: *Н. А. Махарадзе.* Первая русская газета на Кавказе, канд. дисс. Тбилиси, 1968; *она же.* У истоков русской периодической печати в Грузии. — «Вопросы теории и истории журналистики», стр. 171—180. О газете «Кавказ» см.: *Э. Н. Арджеванидзе.* Аннотированная библиография материалов грузинской народной словесности, опубликованных в газете «Кавказ». Тбилиси, 1965; *Д. А. Канделаки.* Предшественник русских

Из перечисленных работ остановимся на тематически нам близких кандидатских диссертациях Ю. В. Хоруева и Н. А. Махарадзе.

Труд Юрия Хоруева — первая попытка описания основных этапов развития русской периодической печати в одной из крупных областей Северного Кавказа вплоть до завершения буржуазно-демократической революции в России. Автор анализирует такие русские периодические издания, как «Терские ведомости», «Владикавказский листок объявлений», «Терек», «Пятигорское эхо», «Жизнь Северного Кавказа», «Нарзан», «Искра» и др., разграничивая в северокавказской журналистике реакционные, демократические и революционные тенденции. Автор коснулся ряда острых вопросов, волновавших в свое время терскую русскую журналистику.

Но при характеристике роли передовых представителей горской интеллигенции в развитии печатного слова на Кавказе допущены неточности. На стр. 63 диссертации Хоруев говорит: «Значение деятельности лучшей части горской интеллигенции огромно... Она стояла у истоков кавказской журналистики... являясь первым выразителем общественной, философской, социально-политической мысли». Это категорическое утверждение автора не соответствует действительности. Не решаясь утверждать, кого на Кавказе с 1863 г. можно считать «первыми», мы должны все же напомнить, что кавказская журналистика началась еще с 1819 г., когда появилась «Сакартвелос газети» («Газета Грузии»), или «Картули газети» («Грузинская газета»), как она именовалась впоследствии, а с 1828 г. — «Тифлисские ведомости».

Судя по теме диссертации («История печати на Тереке (1863—1907 гг.)»), можно было бы предположить, что Хоруев не ограничится изучением только местной периодической печати, а исследует другую разновидность печатной литературы в Терской области[35].

Если «Тифлисские ведомости» интересовали ранее исследователей «в зависимости от поставленных проблем»[36], то Н. Махарадзе впервые специально заинтересовалась историей создания и проблематикой

журналов в Грузии «Сборник газеты „Кавказ"». — «Вопросы теории и истории журналистики», стр. 261—277. О газете «Тифлисский вестник» см.: *Л. Ф. Чиковани.* Социально-политический профиль газеты «Тифлисский вестник» (1873—1882 гг.), канд. дисс. Тбилиси, 1966; *она же.* Социально-политический профиль газеты «Тифлисский вестник» (1873—1882 гг.) (на груз. яз.). Тбилиси, 1967. О газете «Обзор» см.: *Л. Ф. Чиковани.* К истории газеты «Обзор». 1878—1881 гг. — «Вопросы теории и истории журналистики», стр. 154—170. Газете «Кавказский рабочий листок» (наряду с грузинским журналом «Могзаури» — «Путешественник») посвящена канд. дисс. Д. Л. Ватейшвили (Москва, 1960); *он же.* Из истории легальной рабочей печати Закавказья. Тбилиси, 1968.

[35] Сведения об отдельных русских периодических изданиях, в разное время выходивших на территории Северного Кавказа, можно было бы почерпнуть из работ Д. Н. Ахмедова («Периодическая печать Дагестана». Махачкала, 1963), А. А. Хатанова («Адыгейская печать за 10 лет». Ростов-на-Дону, 1933) и др.

[36] *Н. А. Махарадзе.* Первая русская газета на Кавказе (1828—1832), стр. 4.

газеты, в том числе и ее литературным отделом. Выводы, сделанные автором, в основном соответствуют нашим суждениям о «Тифлисских ведомостях». Но мы намерены изложить историю появления и основные этапы деятельности «Тифлисских ведомостей» не обособленно, а в тесной связи с общим историческим процессом становления и развития русского печатного слова на Кавказе в первой трети XIX в. на основе главным образом новых архивных материалов, что позволяет нам в некоторых случаях по-новому взглянуть на уже известные факты и события из истории первой русской газеты на Кавказе.

«Тифлисские ведомости» занимают особое место в истории русской журналистики. Это был правительственный печатный орган, основанный в крае, присоединившемся к России, с вполне определенными целями и полномочиями, которые не могли не сказаться на характере газеты. В связи с тем, что «Тифлисские ведомости» выходили в конце первой трети XIX в. (1828—1832 гг.), можно было бы предположить, что обращение Н. Махарадзе к «общественно-политической жизни Грузии первой половины XIX века» имеет целью показать преемственность традиций, положительное воздействие опыта издания первой русской газеты в крае на дальнейшее развитие здесь периодики и печатного слова вообще на русском и национальном языках. Соответствующий материал в диссертации, к сожалению, отсутствует.

Впервые попытка периодизации русской периодической печати в Грузии была предпринята в упомянутом нами библиографическом справочнике Г. В. Зерцалова. В предисловии Книжной палаты Грузинской ССР было сказано: «Истекшие сто двенадцать лет в зависимости от того, в чьих руках находилась в это время периодическая печать и какие задачи и цели преследовала она, в основном могут быть разбиты на два диаметрально противоположных отрезка времени; первый, более длительный, — со дня возникновения в Грузии русской периодики и до свержения здесь власти защитников буржуазии и помещиков — грузинских меньшевиков и второй, начавшийся в 1921 г., со дня установления здесь власти рабочих и крестьян» [37].

Нам представляется это упрощением сложного вопроса об идейной направленности и классовой принадлежности русской периодики в Грузии вплоть до установления здесь Советской власти. При всей специфичности условий и хронологическом разнообразии возникновения в различных местностях обширного Кавказского края периодических изданий на русском языке мы обязаны рассматривать этот процесс как проявление плодотворного сотрудничества русского и кавказских народов в области печатного слова, как звенья общего и единого процесса полуторавекового развития русской журналистики на Кавказе.

---

[37] *Г. В. Зерцалов.* Библиография русской периодики Грузии, ч. I (1828—1920). Тбилиси, 1941, стр. III.

Более правильной, как нам думается, была бы следующая периодизация:

I. Зарождение русского печатного слова на Кавказе. Местная русская журналистика дворянского периода освободительного движения (1800-е — конец 50-х годов XIX в.).

«Тифлисские ведомости» (1828—1832 гг.) — первая русская газета на Кавказе. «Закавказский вестник» (с 1838 г.) — предшественник губернских ведомостей на Кавказе. «Кавказский календарь» (с 1845 г.) — первый сводный официальный справочник (ежегодник) по Кавказу. «Кавказ» (с 1846 г.) — первая попытка издания в Грузии частной газеты. Слияние «Закавказского вестника» с «Кавказом» (1851 г.) и образование официоза Кавказского наместничества.

II. Русская журналистика на Кавказе буржуазно-демократического периода освободительной борьбы (конец 50-х годов XIX в. — 1900-е годы).

Создание на Кавказе отраслевой (ведомственной) периодики на русском языке, в том числе периодической литературы по кавказоведению (1847—1900-е годы). Зарождение официальной русской журналистики на Северном Кавказе (60—70-е годы XIX в.) и в Закавказье, исключая Восточную Грузию (80-е годы XIX в. — 1900-е годы). Появление на Кавказе русских частных периодических изданий (70-е годы XIX в. — 1900-е годы) демократического, революционно-демократического, либерально-буржуазного и реакционного направлений.

III. Русская журналистика на Кавказе пролетарского периода освободительного движения (1900-е годы — начало 20-х годов XX в.).

Появление на Кавказе первых рабочих изданий на русском языке (начало 1900-х годов). Нелегальная и легальная кавказская русская периодика накануне и в период первой революции в России (1900—1907 гг.). Русская периодическая печать Кавказа в годы реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.). Русская журналистика на Кавказе в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (1914—1917 гг.). Нелегальная и легальная периодика на русском языке в Закавказье в период господства мелкобуржуазных партий до установления здесь Советской власти (1917—1921 гг.).

IV. Русская партийно-советская пресса на Кавказе (20-е годы XX в. — по настоящее время).

Предлагаемая нами периодизация русской журналистики на Кавказе отнюдь не категорична. В процессе дальнейших исследований, очевидно, станет необходимым уточнить хронологические рамки отдельных этапов истории русской журналистики на Кавказе.

Как уже говорилось, специальная литература по истории русской печати, в том числе русской журналистики, на Кавказе располагает научными исследованиями, освещающими отдельные периоды в развитии кавказской русской печати в XIX в. Вместе с тем созрела необходимость в монографической работе, освещающей зарождение

и становление русского печатного слова в Грузии первой трети XIX века.

В предлагаемой монографии на основе документального и другого фактического материала делается попытка исследовать в историческом единстве развитие русской печати на Кавказе со времени присоединения Восточно-Грузинского царства к России до конца первой трети XIX в. При выборе данной темы мы были убеждены, что без изучения истоков истории русского печатного слова в Грузии невозможно представить историю журналистики и развития общественной мысли на Кавказе, выразившейся с особенной наглядностью в местных изданиях газетного типа. Обобщающие работы по истории собственно газетного дела в нашей стране, включая развитие типографской техники, очень редки. Между тем «развитие истории журналистики показывает, что сейчас необходимо выделить историю газеты в предмет самостоятельного изучения, проследить общие закономерности развития газетного дела, лучше понять роль газет в системе печати классового общества» [38].

Подавляющее большинство работ по истории русской печати на Кавказе, как в этом можно было убедиться, фактически ограничено преимущественно Грузией либо Закавказьем. Предлагаемая монография рассматривает русскую печать примерно в тех же географических пределах. Однако анализ печатных изданий убедил нас в том, что с зарождения русской печати в Тифлисе ее интересы не ограничивались Грузией и даже Закавказьем, а охватывали практически весь Кавказ, почти все народности, населявшие этот край. К тому же развитие печатного дела на русском языке в Грузии первой трети XIX в. явилось исходным пунктом русской печати на Кавказе вообще.

Первая треть XIX в. в развитии русской печати на Кавказе явилась своеобразным водоразделом, своеобразным этапом в определении задач русской периодики на Кавказе, в частности в Грузии. В последующий период вплоть до конца 50-х годов XIX в. в связи с изменением политической ситуации в крае, когда Закавказье постепенно стало превращаться в арену активного экономического освоения (однако не столь успешного, каким было его политическое освоение), несколько видоизменились и задачи русской печати на Кавказе. Местная русская периодическая печать с этого времени характеризуется появлением частной инициативы, некоторыми послаблениями со стороны цензуры, повышением технической оснащенности местных типографий.

В пользу выделения первой трети XIX в. как самостоятельного объекта для изучения русско-кавказских отношений высказывались М. А. Полиевктов, А. В. Фадеев, Г. И. Бакрадзе и другие. М. А. Полиевктов рассматривал первую треть XIX в. в истории Кавказа как период борьбы России «за определенную стратегическую базу» на Кавказе, как первый — «военный» — период русского царизма на

---

[38] *Б. И. Есин.* Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII—XIX веков. М., 1967, стр. 5.

Кавказе, когда «начинаются первые попытки систематической колониальной эксплуатации Кавказа» [39]. О целесообразности выделения первой трети XIX в. в истории Кавказа и русско-кавказских отношений А. В. Фадеев пишет: «Правомерность выделения данного этапа в истории русско-кавказских отношений вполне оправдана тем, что в это время в основном завершается присоединение к России Закавказья и вступает в решающую фазу сложный и противоречивый процесс включения в состав России Северного Кавказа. Два исторических акта — манифест о присоединении Грузии к России и Адрианопольский трактат — позволяют достаточно точно датировать начало и конец указанного этапа» [40].

В предлагаемой монографии использованы архивные фонды Ленинграда (ЦГИА СССР, филиал Института народов Азии), Москвы (ЦГАОР СССР, ЦГВИА, ЦГАДА, АВПР) и Тбилиси (ЦГА Грузинской ССР, Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР) и, кроме того, эпистолярная, мемуарная и периодическая литература XIX в.

Считаем своим долгом с чувством глубокой признательности вспомнить ценные советы покойных академика АН Груз. ССР Н. А. Бердзенишвили и члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова, а также поблагодарить коллег, взявших на себя труд ознакомиться с рукописью работы и дать свои замечания.

---

[39] *М. А. Полиевктов.* Указ. соч., стр. 2.

[40] *А. В. Фадеев.* Россия и Кавказ в первой трети XIX века, стр. 28.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ ПЕЧАТИ НА КАВКАЗЕ

Русское печатное слово на Кавказе насчитывает более чем полуторавековую историю. Она восходит к знаменательному политическому акту на рубеже XIX в. — присоединению Восточной Грузии к России, положившему начало всестороннему и регулярному, в том числе культурному и экономическому, сотрудничеству между двумя издревле дружественными народами.

Зарождению и развитию русской печати в Тифлисе, в Грузии, а затем и на всем Кавказе предшествовали тесные обоюдно поощрявшиеся русско-грузинские связи в области книгопечатания — одной из действенных форм международных культурных взаимоотношений. Правда, до присоединения Грузии к России не было условий для развития русской печати в Грузии, но мы знаем, что уже с начала XVIII в. в России при поддержке Петра I и его преемников предпринимались меры к печатанию грузинских книг.

К изданию грузинских книг в России обратился эмигрировавший в 80-х годах XVII в. в Москву грузинский государственный деятель, талантливый поэт и историк Арчил II (1647—1713). Оставив в силу напряженной политической ситуации в Грузии имеретинский престол, Арчил в России целиком отдался просветительской и литературной деятельности. В качестве первоочередной задачи Арчил определил основать грузинскую типографию в Москве. На его прошение о содействии последовал положительный ответ Петра I, разрешавший учреждение при Московской синодальной типографии специализированной книгопечатни для издания грузинских церковных книг. Однако на пути осуществления замыслов Арчила (особенно в деле изготовления грузинского типографского шрифта) обозначились серьезные препятствия [1].

[1] Первый приезд Арчила II в Москву отмечен в конце 1685 г. (ЦГАДА, ф. 110, реестр II, 1685 г., д. 2). В книге Х. Г. Шарашидзе «Первая типография в Грузии (1709—1722)» (на груз. яз., Тбилиси, 1955 г.) в качестве даты первого приезда в Москву указан в одном случае 1686 г., а в другом — 1687 г. (стр. 79).

Многие историко-литературные источники и недавно выявленные архивные данные подтверждают версию о том, что идею основания грузинской типографии Арчил вынашивал еще до эмиграции в Россию[2]. Находясь в Грузии, Арчил уже наладил связь с определенным кругом просвещенных иностранцев, среди которых были знатоки книгопечатного дела. В первую очередь следует назвать иерусалимского патриарха Досифея (о взаимоотношениях между ним и Арчилом будет сказано особо), бургомистра Амстердама, известного ученого XVII в. Витшена Миклоша (Николу Витцена). О личном знакомстве Арчила с бургомистром рассказывается в историческом романе современного венгерского писателя Немета Андора «Мастер букв» («A Betü mestere»), посвященном известному типографщику Тотфалушу Киш Миклошу[3]. По роману бургомистр Амстердама познакомился с Арчилом во время предпринятого путешествия по Грузии перед воцарением Арчила в Имеретии (1661 г.)[4].

В Москве Арчил, естественно, расширил свои связи с просвещенными иностранцами при петровском дворе. Известно, что Арчил и его наследник царевич Александр[5] поддерживали самые дружеские отношения со шведским ученым Шпарвенфельдом. Здесь же Арчил возобновил переписку со своим старым знакомым из Амстердама. К этому побудили затруднения по изготовлению грузинского шрифта в Москве[6]. Напоминаем, что Амстердам славился книгопечатанием. Бургомистру Николе Витцену (Витшену Миклошу), получившему письмо из Москвы от Арчила[7], очевидно, не составило большого труда уговорить Тотфалуша Киш Миклоша оказать содействие Арчилу. Когда Арчил получил известие о том, что его просьба об изготовлении грузинского шрифта в Амстердаме уважена, он с возросшей энергией взялся за подготовку к изданию грузинских книг в Москве, пользуясь известным покровительством Петра I. Арчил писал в 1703 г. Ф. А. Головину: «Прешедших [лет] повелеся нам от высочайшия державы печатать книги на нашем языке, ради церковныя и гражданския пользы нашему ивер-

---

[2] *Х. Г. Шарашидзе.* Первая типография в Грузии (1709—1722), стр. 79.

[3] О романе Н. Андора см.: *Н. Чиковани.* Царь Арчил и грузинская типография. — «Дроша» («Знамя»), 1955, № 7, стр. 17.

[4] *Nemeth Andor.* A Betü mestere, стр. 145. Перевод см.: «Дроша», 1955, № 7, стр. 17; ср.: *N. Witzen.* Nord — en Ost Tartarie. Amsterdam, 1692, стр. 327. Мы согласны с Н. Чиковани в том, что вопрос о знакомстве и взаимоотношениях Арчила и Витшена Миклоша «требует специального изучения».

[5] Александр Арчилович, один из приближенных Петра I, занимал должность первого генерала-фельдцейхмейстера России. Во время битвы под Нарвой (1700 г.) попал в плен к шведам. Скончался в 1711 г. при возвращении из плена в Россию.

[6] *Х. Г. Шарашидзе.* Грузинский шрифт в Амстердаме 1686—1687 гг. — «Труды Государственной публичной библиотеки Груз. ССР им. К. Маркса», т. III. Тбилиси, 1937, стр. 23, 26 (на груз. яз.).

[7] Письмо Арчила к Витшену Миклошу с просьбой отлить грузинский шрифт в Амстердаме, как отмечает Н. Андор, было написано в Москве «17 декабря 7905 г. по сотворении мира» (см. *Nemeth Andor.* A Betü mestere, стр. 147).

скому народу, а наипаче в тиранстве под турком и персом сущим, кои зело великую скудость книг церковных имеют. И тогда начатое дело недостатком литер и людей к делу приличных остановилось, а ныне за божиею помощию литеры нашего диалекта построились изрядно и художники к делу обретаются искусные» [8].

Можно допустить, что к этому времени Арчил располагал уже двумя образцами грузинского шрифта, один из которых и был использован им при напечатании в Москве первой грузинской печатной книги в России — «Давитни» («Псалмы Давида») [9], вышедшей в свет в 1705 г. Она была снабжена титульным листом на грузинском и русском языках и издана тиражом в 600 экземпляров [10].

«Давитни» — единственная грузинская книга, изданная в России при жизни Арчила. Между тем его издательские намерения не ограничивались публикованием в Москве грузинского текста Библии [11], но простирались до светской литературы. К сожалению, им не суждено было сбыться: в 1713 г. Арчил скончался. Однако его начинание было продолжено представителями Московской грузинской колонии, а впоследствии и Петербургской грузинской колонии.

Стремление Арчила создать очаг грузинской культуры за рубежом своей страны, каким в действительности стала грузинская книго-

---

[8] ЦГАДА, ф. 110, оп. I, 1703 г., д. № 2, л. 10. В этом же письме Арчил просил Головина: «...донеси державнейшему, дабы повелел в своей царской типографии на нашем языке несколько книг церковных напечатать...» (там же). В ответном письме, датированном 11 августа 1703 г., Головин сообщал Арчилу: «А что, государь, изволил ты ко мне писать о позволении печатания книг, и о том указ монаршеской послан уже напредь сего к Ивану Алексеевичю Мусину-Пушкину, велено дать позволение печатать и на то употребить некоторое число денег ис казны его монаршеской» (там же, л. 19). Именным указом Петра I было выделено 200 руб. на изготовление в Синодальной типографии нового печатного станка для издания грузинских церковных книг, а так же на другие нужды по выпуску первой в России грузинской книги (там же, ф. 1182, оп. 2, д. 28, лл. 11—13 об.; д. 30, лл. 1 об.—2, 37, 37а, 37а об., 37б).

[9] Факт исполнения просьбы Арчила по отливке грузинского шрифта в Амстердаме с незначительными отклонениями от образцов грузинских церковных и гражданских букв, пересланных из Москвы, подтверждает сам Тотфалуш Киш Миклош (см. «Maga mentsege» («К оправданию себя»), стр. 111; журн. «Дроша», 1955, № 7, стр. 17). Биографические сведения о Т. Киш Миклоше (1650—1702) см. «Uj Magyar Lexikon» («Новый венгерский словарь»), т. 5, Будапешт, 1961, стр. 23. Известно, однако, что «Давитни» была напечатана не тем шрифтом, который был отлит в Амстердаме венгерским мастером. В связи с этим любопытны аргументы П. М. Сихарулидзе, предположившего, что Александр Арчилович Багратиони, будучи участником «Великого посольства» в 1697—1698 гг., мог повторно лично заказать в Амстердаме пунсоны грузинского шрифта, которые впоследствии с его помощью были переправлены в Москву из Стокгольма (см. *П. М. Сихарулидзе.* Из истории русско-грузинских культурных взаимоотношений на рубеже XVII—XVIII веков (Московская грузинская колония). Рукопись канд. дисс. Тбилиси, 1967, стр. 82—86).

[10] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 2, д. 30, л. 37.

[11] *Х. Г. Шарашидзе.* Первая типография в Грузии (1709—1722), стр. 80.

печатня при Московской синодальной типографии, не было исключением для того времени. Почти на 80 лет опередил Арчила в этом стремлении Никифор Ирбах (Николоз Чолакашвили-Ирубакидзе), специальный посланник кахетинского царя Теймураза I к монархам некоторых европейских государств, в том числе и к папе римскому. Именно здесь, в Риме, и были опубликованы в 1629 г. первые печатные книги на грузинском языке: «Грузино-итальянский словарь» и «Грузинский алфавит с молитвами», составленный Стефаном Паолини при помощи посланца из Грузии[12]. Обе книги были напечатаны в типографии римского духовного Общества по распространению католической веры («Congregatione de Propaganda Fide»). Словарь, как свидетельствует надпись на титульном листе, предназначался для миссионеров общества.

Просветительская деятельность Никифора Ирбаха (Чолакашвили) и Арчила II имела вполне определенную подоплеку. Политическая обстановка в позднефеодальной Грузии, осаждаемой внешними врагами и раздираемой внутренней междоусобицей, явилась главной причиной того, что важнейший сдвиг в культурной жизни страны — начало грузинского книгопечатания — был осуществлен не в самой Грузии, а далеко за ее пределами. В то время участились опустошительные набеги на Грузию персидских и турецких завоевателей, которые «в борьбе против местного населения... считали дозволенным прибегать к любым методам; они подкупали местных феодалов, поощряли работорговцев и, ведя усиленную пропаганду мусульманства, жестоко преследовали местные обычаи, варварски разрушали памятники материальной культуры грузинского народа»[13]. В этих условиях, казалось бы, не оставалось возможности и думать о развитии книгопечатного дела в Грузии. «Именно в те годы, когда в Риме печатались первые грузинские книги, Грузия переживала период одного из великих исторических бедствий — нашествие шаха Аббаса, насильственное переселение 300 000 грузин в Иран, войны феодалов»[14].

В дальнейшем грузинское книгоиздательство сосредоточилось наряду с Россией и в самой Грузии. Но это стало возможным не ранее начала XVIII в., когда «в Картли заместителем (джанишином) царя шах назначил племянника Георгия (Георгия XI. — *Д. В.*) — Вахтанга, сына Левана»[15] — впоследствии картлийского царя, нареченного Вахтангом VI (1675—1737)»[16].

---

[12] За 21 год до издания в Риме первопечатных грузинских книг немецкий путешественник-миссионер Саломон Швейгер в 1608 г. опубликовал в Нюрнберге «Описание двух новых полезных и приятных путешествий, первого в Константинополе и [второго] в Иерусалиме...» Наряду со сведениями о Грузии XVI в. здесь был изображен печатным способом грузинский алфавит, составленный церковным шрифтом («Нусха-хуцури») (*Г. Натидзе.* Из глубин веков. — «Дроша» («Знамя»), 1961, № 11, стр. 6).

[13] «История Грузии», т. 1. Тбилиси, 1962, стр. 312.

[14] «Грузинская книга. Библиография», т. 1. Тбилиси, 1941, стр. 8.

[15] «История Грузии», т. 1, стр. 340.

[16] «Заместительство» Вахтанга VI длилось восемь лет (1703—1711 гг.).

Становление печатного дела в Грузии

Чтобы представить, в каких условиях стало возможным зарождение русского печатного слова в Грузии, какими были исторические предпосылки его дальнейшего развития на Кавказе, следует остановиться на основных вехах истории и традициях собственно грузинского книгопечатания в самой Грузии, тем более что развитие грузинской и русской периодической печати в Грузии шло, как было нами отмечено, параллельными путями. По утверждению М. К. Гоцадзе, «историк грузинской журналистики обязан все объединенные исследуемой темой вопросы рассматривать в тесной связи с развитием русской журналистики, ибо тот, кто оторвет грузинскую журналистику от путей развития русской журналистики, не постигнет истинной природы и существа грузинских журналов и газет» [17].

Первая типография не только в Грузии, но и на всем Кавказе была основана в 1708 г. в Тифлисе Вахтангом VI. Выше мы отметили, что напряженная политическая обстановка в Грузии не способствовала развитию книгопечатания внутри страны, несмотря на необходимость издания и распространения церковной литературы в Грузии. Тем не менее еще до напечатания в Москве «Давитни» царь Арчил и его братья Георгий XI и царевич Леван [18] (а несколько позднее и наследник Левана Вахтанг VI) не только мечтали, но и проявляли практическую заботу об устройстве типографии в самой Грузии. Они рассчитывали при этом на существенную в тех трудных условиях помощь верховных сановников восточной православной церкви, которые со второй половины XVII в. неоднократно наезжали в Грузию, не говоря уж о том, что поддерживали постоянную переписку с грузинскими государственными и церковными деятелями. В связи с этим некоторые исследователи истории грузинской печати небезосновательно полагают, что во время пребывания в Грузии патриархов Иерусалима Паисия (1658—1659 гг.) и Досифея (1681 г.) грузинские государственные деятели могли вести с ними переговоры об основании типографии в Грузии [19], хотя документально известно лишь о том, что в начале

---

[17] *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики (на груз. яз.). Тбилиси, 1954, стр. 9.

[18] Георгий XI (прибл. 1654—1709 гг.) — предшественник Вахтанга VI на картлийском престоле. Царевич Леван (прибл. 1660—1709 гг.) — младший брат Арчила II.

[19] *Х. Г. Шарашидзе.* Первая типография в Грузии (1709—1722), стр. 79; *Ш. Н. Курдгелашвили.* Из истории грузинской типографии. Тбилиси, 1959, стр. 16—17 (на груз. яз.); *В. М. Гоголадзе.* Из истории грузинского книгопечатания. Тбилиси, 1963, стр. 11 (на груз. яз.). В указанном сочинении Ш. Н. Курдгелашвили, в частности, предпринята попытка уточнения некоторых дат, связанных с путешествием патриархов Иерусалима в Грузию в XVII в. Установлено, что в 1665 г. Грузию (проездом в Россию) вместе с патриархом Антиохии Макарием посетил не патриарх Иерусалима Паисий, как утверждает Х. Г. Шарашидзе, а патриарх Александрии Паисий (там же, стр. 12).

XVIII в. Вахтанг VI испросил помощи в создании тифлисской типографии у иерусалимского патриарха Хрисанфия [20]. В пользу этого служит письмо патриарха Иерусалима Досифея (сентябрь 1682 г.), адресованное в Россию к Арчилу II. Досифей принадлежал «к числу выдающихся восточных иерархов XVII столетия по своей горячей ревности о православии, по своей незаурядной учености, по своей самой широкой и разнообразной деятельности, охватывавшей собою чуть не весь тогдашний православный мир» [21]. Досифей, как можно заключить из письма к Арчилу [22], был хорошо осведомлен и о церковной, и о политической жизни тогдашней Грузии. Он дважды посетил Грузию, поддерживал тесные отношения с грузинскими царями и католикосами [23]. В письме в трогательной форме сообщается о бедственном положении грузинского народа под игом персидских и турецких завоевателей: «И да плачю о народе Иверском день и нощь како низложиша столной град Иверской исполнен си православими христианы бысть яко вдова и началствующе впопаде в подначалом плачюще плачет и несть утешая» [24]. Но Досифей не только сетует на тяжелую долю единоверного народа. Он стремится оказать посильную помощь. Как отмечает Н. Каптерев, «Грузия, которую Досифей посетил не один раз, была предметом его живых постоянных забот. Он заботится о церковном благоустройстве Грузии, старается предостеречь ее от врагов православия, восстановить иверские монастыри (в Иерусалиме. — *Д. В.*), пришедшие в запустение» [25]. Особое внимание патриарх Иерусалима проявлял к уникальной литературе на грузинском языке, хранившейся в этих монастырях. В «Грамате о монастыре Святаго креста» Досифей подчеркивал, что благодаря принятым им мерам «книги иверские, бывшие добычею мышей, мы бережем, как свои» [26]. Такая забота Досифея о «книгах иверских» в тех условиях была едва ли не единственно возможным средством моральной поддержки грузинского народа через обеспечение церквей и монастырей Гру-

---

[20] *Х. Г. Шарашидзе.* Первая типография в Грузии (1709—1722), стр. 79.

[21] *Н. Каптерев.* Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707 гг.). М., 1891, стр. 24.

[22] ЦГАДА, ф. 77 (Сношения России с Персией), оп. I, кн. 20, 1676—1684 гг., лл. 138—143 об. («Перевод з греческого писма с грамоты святейшаго Досифея патриарха иерусалимского, какову писал ко Арчилу царю меретинскому и кахецкому»). Этот документ, выявленный Т. Г. Тивадзе, опубликован в сборнике «Грузинское источниковедение», кн. III. Тбилиси, 1971, стр. 250—252.

[23] См. *Пл. Иоселиани.* Послания иерусалимского патриарха Досифея в Грузию. Тифлис, 1866. Первая поездка Досифея в Грузию имела место в 1658—1659 гг., когда он сопровождал иерусалимского патриарха Паисия. Повторно Досифей посетил Грузию, как уже отмечалось, в 1681 г., т. е. незадолго до эмиграции царя Арчила в Россию. Нам кажется, что именно тогда и договорились они о переписке между собой уже по новому, российскому адресу Арчила.

[24] ЦГАДА, ф. 77 (Сношения России с Персией), оп. 1, кн. 20, 1676—1684 гг., лл. 142 об.—143.

[25] *Н. Каптерев.* Указ. соч., стр. 30.

[26] *Пл. Иоселиани.* Указ. соч., стр. 21.

зии «духовной пищей» — необходимой религиозной литературой. Патриарх с возмущением сообщал об определенной прослойке священнослужителей, в том числе сановных, которые, позабыв о долге своем по отношению к народу, больше заботились о личном благополучии, а также «сродников своих и да одеваются и ездят на добрых конях яко миряне, а паство ждет яко не имея пастыря...» [27] Досифей сообщает о том, что уже начали печатать для Грузии религиозную литературу: «А паство ждет яко не имея пастыря, обаче посетования возвещаюти и радости печать Иверской почели есми заводит зде да печатаются книги Иверские и яко иеллинская печать совершили есми зде и иная промышляем о иверех, которая егда совершена будет обявити будем» [28].

Под «зде» («здесь») в письме Досифея к Арчилу подразумевается «Царьград» (Константинополь), где с начала XVII в. и вплоть до 40-х годов XIX в. находилась резиденция (метохия) иерусалимских патриархов [29]. Местом же, где могли печататься «книги иверские» наподобие «иеллинской печати», являлась главным образом греческая типография, созданная в 1670 г. благодаря заботам Досифея при метохии иерусалимского патриарха в Константинополе [30]. Примечательно, что оборудование для этой типографии Досифей закупил в Яссах во время своего пребывания там, а в качестве руководителя пригласил валашского иеромонаха Митрофана [31]. Этот факт свидетельствует о связях иерусалимского патриарха с церковными деятелями Румынии.

Перевод с греческого на русский язык письма Досифея к Арчилу был сделан в Астрахани Константином Христофоровым, переводчиком при двух русских послах в Константинополе [32]. В небольшом

---

[27] ЦГАДА, ф. 77, Сношения России с Персией, оп. 1, кн. 20, 1676—1684 гг., л. 143.

[28] Там же, л. 143—143 об.

[29] *Ш. Н. Курдгелашвили.* Из истории грузинской типографии (на груз. яз.), стр. 8; «История св. града Иерусалима», ч. II. СПб., 1844, стр. 298; *К. Базили.* Сирия и Палестина под турецким правительством, т. II. СПб., 1875, стр. 201.

[30] «История св. Града Иерусалима», ч. II, стр. 329. Возможно, что хранившиеся в грузинских монастырях Иерусалима рукописные книги послужили оригиналом для церковных книг на грузинском языке, которые были напечатаны Досифеем и распространены в Грузии. Мы предполагаем также, что Досифей, испытывая материальные затруднения по части публикации церковной литературы (в том числе и на грузинском языке), обращался за помощью к румынским мастерам книгопечатания. Впоследствии Досифей начал практиковать пересылку греческих рукописей для напечатания из Константинополя даже в Москву (см. его переписку с московскими патриархами в указанном сочинении Н. Каптерева).

[31] «История св. Града Иерусалима», ч. II, стр. 342; *Ш. Н. Курдгелашвили.* Указ. соч., стр. 31.

[32] Известно, что из Москвы «в июле 1681 года в Константинополь отправлены были послы, окольничий Илья Иванович Чириков и дьяк Прокопий Возницын, для заключения мира с турками. Послам поручено было в то же время выхлопотать у восточных патриархов разрешение для Никона (имеется в виду разрешение на возвращение московскому патриарху Никону патриаршего достоинства, которого он был лишен в 1666 г. — *Д. В.*), причем они

вступлении к переводу об этом сказано: «Будучи он, Констянтин [Христофоров], в Астрахани, пришел к нему на подворье Арчила царя Меретинского [Имеретинского] боярин ево Дмитрей Павлов и принес грамоту греческим писмом, и сказал, что де грамота прислана к нему, Арчилу царю, от иерусалимского патриарха, а честь и растолковат тое грамоты ему, Арчилу царю, некому и чтоб он, Констянтин, тое грамоту переводил ее на русском языке» [33].

Хотя в русском предисловии к письму Досифея к Арчилу и указана Астрахань, его заключительная часть почти не оставляет сомнения в том, что оно было адресовано Арчилу в Москву. В пользу этого говорит предпоследняя фраза письма, в которой Досифей сообщает Арчилу немаловажное для нас сведение: «Тамо (т. е. в Москве. — *Д. В.*) есть один священноинок именем Тимофей житием и пребыванием добр и правдив и при нас вскормлен, через него же изволиш писовать к нам грамоты» [34]. Сведения о иеромонахе Тимофее нашли мы у Н. Каптерева: «В 1681 году в Москву прибыл из Константинополя русский иеромонах Тимофей, пробывший на Востоке не менее четырнадцати лет. Целых пять лет Тимофей прожил в Константинополе на иерусалимском подворье у патриарха Досифея, с благословения которого он отправился 20-го октября 1680 г. в Россию. Досифей уже имел сведения о том, что в Москве решились окончательно открыть греческую или латинскую школу и что там теперь идет борьба между сторонниками учения латынского и греческого, почему, отправляя Тимофея в Москву, он, вероятно, дал ему наказ позаботиться о немедленном открытии в Москве именно греческого училища» [35]. Возможно, что, находясь в Константинополе, Тимофей специализировался и по печатному делу в типографии при метохии иерусалимского патриарха. Во всяком случае, весьма примечательно, что в 1681 г. при активном содействии Тимофея в Москве была основана греческая школа с определенным «отраслевым» уклоном — «Типографское греческое училище». Начальником училища состоял иеромонах Тимофей [36].

В условиях, когда в России противоборствовали православные и католические толкователи христианской веры, когда Досифей усердствовал в том, «чтоб не чли и отнюдь не держали у себя [верующие] такие книги, в которых содержится скверное и безбожное учение папиных поклонников или безбожное и скверное учение лютеров и кальвинов» [37], основание Тимофеем в Москве типографского учи-

---

[послы] не должны были жалеть царской казны, если она потребуется» (см. *Н. Каптерев*. Указ. соч., стр. 69). В сношениях П. Возницына с иерусалимским патриархом Досифеем во время пребывания первого в Константинополе важную роль играл К. Христофоров. В 1683 г. К. Христофоров останавливался в Астрахани, вероятно, по пути из Константинополя в Москву.

[33] ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, оп. 1, кн. 20, 1676—1684 гг., л. 137.

[34] Там же, л. 143 об.

[35] *Н. Каптерев*. Указ. соч., стр. 129—130.

[36] Там же, стр. 130.

[37] Там же, стр. 44.

лища, в котором наряду с греческим языком обучали и типографскому искусству для печатания религиозной литературы [38], означало укрепление позиций сторонников православной церкви. С этого времени в Москву регулярно наезжали рекомендованные иерусалимским патриархом учителя греческого языка, а также мастера по книгопечатанию. Причем, как видно из переписки Досифея с московскими патриархами, во многих случаях предпочтение перед представителями различных «мирских» профессий отдавалось именно мастерам «книжного дела» [39].

Несомненно, что Московское греческое типографское училище, возглавлявшееся иеромонахом Тимофеем, сыграло важную роль в распространении печатной православной литературы, значение которой в борьбе против католических догматов иерусалимский патриарх склонен был приравнивать к острому оружию [40]. В этой связи представляется не случайным тот факт, что Досифей избрал посредником в переписке между собой и Арчилом человека не только преданного, но и сведущего в книгопечатном деле. Хорошо разбиравшийся в политической ситуации тогдашней Грузии, Досифей не мог не знать намерений эмигрировавшего в Россию Арчила. Иеромонах Тимофей был именно тем человеком, который мог оказать Арчилу реальную помощь [41].

[38] Так, в грамоте от 10 августа 1693 г. Досифей благодарит и всячески восхваляет Адриана (московского патриарха) за его радение о напечатании в Москве посланных туда Досифеем греческих рукописных книг (см. *Н. Каптерев*. Указ. соч., Приложения, стр. 73). В другом случае (март 1698 г.) патриарх Иерусалима сообщал Адриану из Бухареста: «А иных книг печатати силы нет (сиречь денег нет), и надежда наша по бозе есть еже бы напечататися у вас книгам нашим письменным, которыя того ради и послал вам» (там же, Приложения, стр. 82).

[39] Об одном из них, Иоанне Комнине, отправленном из Константинополя в Москву, Досифей писал Адриану: «Отпиши, ваше блаженство, к сему Иоанну [Комнину] свою патриаршескую грамоту, чтоб он пришел к вам токмо ради книжного дела духовного, о художестве же дохтурском ему непещися нимало, сиречь, чтобы ему токмо исполняти ваше повеление» (там же).

[40] Досифей писал: «Чрез тыя книги состоится благочестие и свидетельствуют древнюю и отеческую и апостольскую мысль православные святыя веры нашея, и отвергается безбожный папежства догмат; сии православные [книги], яко оружие употребляюще, заключают уста, глаголющих хульная и, наконец рещи, благочестие держится и нечестие отвергается» (там же, Приложения, стр. 74).

[41] Более того, Досифей был, видимо, наслышан о положении Арчила в России. Так, в послании Досифея к Петру I (январь 1705 г.) речь идет о целесообразности воспользоваться присутствием в России Арчила и его сына Александра для укрепления русско-грузинских политических отношений: «О грузинцах добрый пристойный совет есть, и мы будем писать туды, и пошлем и человека ныне вскоре по святой пасце, и скажем, и действовати будем Богу благоволяющу, нуждая потому, что тамошние начальники суть наши знакомцы и друзья и имеют к нам склонность, благоговение и любовь. Однакож сыскати тамо людей, которые бы знали по-русски, невозможно, только как приидет тот благословенный человек, тамо вельможный господарь грузинский, господин Арчил, имеет многих, которые знают по-русски и мирских старцов, и пойдут в купе некоторые из них переводчики, наипаче буде поедет вместе господин Арчил или сын его господин Александр имут утвердити большая» (*Н. Каптерев*. Указ. соч., Приложения, стр. 54).

Здесь следует лишь отметить, что Вахтанг VI, получив возможность создать типографию в Тифлисе, обратился за помощью не к своему дяде Арчилу, уже издавшему грузинскую книгу в Москве, а к патриарху Иерусалима [42]. Очевидно, Вахтанг был осведомлен о тех технических трудностях, с которыми столкнулся Арчил при попытке отлить грузинский шрифт в Москве.

Однако получилось так, что реальная помощь Вахтангу пришла не из Константинополя, а из Румынии. В предисловии к первой книге, выпущенной тифлисской типографией («Евангелие», 1709 г.), ее издатель писал: «Я, правитель Картли, царевич Вахтанг, привел из Валахии типографа и устроил типографию». Здесь речь идет о венгре — уроженце Румынии Михаиле Иштвановиче (Степановиче), являвшемся учеником грузина Антима Ивериану (Антимоза Ивериели). Этот последний, один из виднейших представителей грузинского просветительства, превратностями судьбы был занесен в Румынию, где обрел вторую родину. Будучи митрополитом Валахии, Антим в то же время был разносторонне одаренным светским деятелем леонардовского типа: замечательным художником и скульптором, большим мастером типографского дела (ксилографом, каллиграфом, гравером), знатоком многих языков, в том числе славянских. Просветительская деятельность Антима оказала благотворное влияние на развитие культуры румынского и других народов. Достаточно сказать, что в 1692—1715 гг. Антим издал в Бухаресте, Рымнике и других городах книги более 50 наименований на греческом, арабском, русском и славянских языках.

Мы разделяем мнение Ш. Н. Курдгелашвили о том, что просьбу Вахтанга VI о содействии в деле создания тифлисской типографии иерусалимский патриарх Хрисанфий передал румынским книгопечатникам, тем более что просили не только опытного типографщика, но и необходимое оборудование, печатный станок [43]. Удовлетворить просьбу Вахтанга по части материальной иерусалимскому патриарху оказалось не под силу. Оборудование для самой патриаршей типографии в Константинополе было доставлено из города Яссы. К тому же в Румынии в то время уже признанным специалистом по книгопечатному делу почитался соотечественник Вахтанга Антимоз Ивериели [44]. Последний живо откликнулся на зов родины, направив туда одного из своих лучших учеников Михаила Иштвановича,

---

[42] В конце 1707 г. пост патриарха Иерусалима вместо тяжело заболевшего Досифея фактически занял его племянник Хрисанфий (*Ш. Н. Курдгелашвили*. Указ. соч., стр. 43).

[43] Там же, стр. 34.

[44] Мы полагаем, что иерусалимский патриарх Досифей в одном из писем московскому патриарху Адриану (из Бухареста, 1698 г.), стремился подчеркнуть особую заслугу в книгопечатном деле Антима Ивериану, хотя прямо и не называл его имени: «Ныне напечатали мы книгу в Яшеве зело изрядну противу латинов, от которые книги печемся прислати к вашему блаженству тридесять книг разных. И зде, во Влахии, печатает христолюбезный воевода тысящу книг, в них же содержится православное исповедание» (см. *Н. Каптерев*. Указ. соч., Приложения, стр. 81).

к приезду которого помещение для типографии в Тифлисе было уже отстроено. Оно состояло из 10 комнат и находилось между Сионским собором и Анчисхатской церковью (центр старого Тбилиси, ныне район им. С. М. Кирова). С помощью грузинских учеников румынский мастер установил привезенный с собой печатный станок, отлил строчные и прописные литеры грузинского шрифта («хуцури» и «мхедрули»), изготовил остальные типографские принадлежности.

Первая тифлисская грузинская типография просуществовала с 1709 по 1723 г. с небольшими перерывами. За это время в типографии было издано 20 книг, 4 из них были напечатаны дважды. Почти все издания иллюстрированы гравюрами и превосходно оформлены. Особенно выделяется издание (1712 г.) бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Вахтангу, однако, не суждено было довести начатое дело до конца. С 1714 по 1717 г. работа типографии была прервана из-за политических неурядиц в Грузии, потом она вновь несколько оживилась. А в 1723 г. Тифлис был взят турками, и Вахтанг с многочисленной свитой удалился в Россию. С тех пор работа первой типографии в Грузии надолго прекратилась.

Таким образом, патриоты грузинского книгопечатания могли по достоинству оценить горячее участие таких дружественных государств, как Россия, Италия, Румыния, Венгрия и Голландия. Помощь, оказанная в развитии грузинской печати Петром I и Антимозом Ивериели, была продиктована стремлением поддержать как соседей-единоверцев, искавших покровительства у России, так и просвещение своего народа. Что же касается освящения папой Урбаном VIII издания первопечатных грузинских книг в Риме, то оно было не свободно от поисков путей влияния католической церкви на православное население Кавказа.

Кроме того, не следует забывать, что уже тогда книгопечатание не являлось исключительно средством пропаганды церковных догматов и распространения религиозной литературы, это была одна из форм международного культурного обмена. Следует подчеркнуть и стремление грузинского народа к просвещению, которое столь наглядно выразилось в деятельности его передовых представителей по созданию национальной печати. Этому стремлению не суждено было осуществиться без интернациональной поддержки, в первую очередь России, а также доброй воли представителей других народов.

Из истории грузинского и армянского книгоиздательства в России

После прекращения работы первой типографии в Грузии центр грузинского книгоиздательства вновь переместился в Россию. С прибытием в Москву Вахтанга VI в сопровождении большой группы грузинских деятелей культуры возможности московского земляче-

ства грузин (с этого времени именуемого еще и «Вахтанговой колонией»), естественно, возросли. В письме к государственному канцлеру Г. И. Головкину от 9 июля 1730 г. Вахтанг писал: «А у меня ныне имеются в Грузинской земле многие духовные и протчие чины, у которых, за разорением от неприятелей турок, многие церковные и протчие книги отобраны и сожжены, а другие обветчали, о чем многократно из Грузии у меня таких книг требуют. И хотя государство мое и разорено, однакоже оставшие тамо духовные чины в монастырях, а прочие в селах обретаются, хотя малое число. Чтоб и тех в конец не разорить и не разогнать, того ради вашего графского сиятельства всепокорнейше прошу доложить ея императорскому величеству, чтоб указом ея императорского величества... повелено было вышепоказанные на грузинском языке книги печатать в России, как прежде сего печатаны были, и послать в оную грузинскую землю для церковной службы, за что оные духовные и протчие чины за их императорское величество многолетное здравие будут вечные богомольцы» [45]. Документ показывает, что уже в первые годы своего пребывания в России представители посольства Вахтанга совместно с ранее обосновавшимися в Москве и Петербурге грузинами-патриотами развернули «большую культурную деятельность, основали грузинскую типографию, продолжили прерванную на родине научно-литературную работу, приобщились к русской культуре и приступили к большой переводческой работе» [46].

Ближайшими помощниками Вахтанга в этой многогранной деятельности были его сыновья, царевичи Бакар и Вахушти, а непосредственными сподвижниками в развитии грузинского книгопечатного дела в России — архиепископ Иосиф Самебели (И. Т. Кобулашвили), игумен Христофор Гурамишвили (родной брат великого грузинского поэта Давида Гурамишвили) и др. Резиденцией грузинских печатников стало подмосковное сельцо Всехсвятское.

Однако наладить издание грузинских книг в Москве оказалось делом не легким. Синод вменил грузинским книгоиздателям, «чтоб оные книги напечатаны были в разуме и силе неинако, как согласно во всем против экземпляров российских, принятых в церкви православно-восточного исповедания» [47]. Иначе говоря, все предполагавшиеся к напечатанию грузинские церковные книги предлагалось выправить в полном соответствии со славянским текстом. Лишь после того как обязательство это было принято и узаконилась должность «выправителя» текста грузинских церковных книг, «в 1737 году, по просьбе царевича Бакара, святейший Синод разрешил напечатать в Москве на грузинском языке богослужебные книги и Библию по предварительном пересмотре рукописей» [48]. Так возобновилось

---

[45] АВПР, Сношения России с Грузией, 1730 г., оп. 110/1, д. 5, лл. 1—3.
[46] *Н. А. Бердзенишвили.* Путеводитель к выставке — Грузинская колония в Москве. — «Мимомхилвели» («Обозреватель»), кн. III. Тбилиси, 1953, стр. 283.
[47] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. I, д. 283, лл. 53 об.—54.
[48] *Ф. Гумилевский.* История русской церкви. СПб., 1894, стр. 698.

в Москве начатое Арчилом грузинское книгопечатание при помощи и поддержке передовых русских деятелей того времени [49].

Впоследствии грузинское книгоиздательство в России разрослось настолько, что оно имело свои отделения и в других городах России, (например, в Моздоке). Влияние богатейшего опыта русского книгопечатания не ограничивалось чисто технической стороной, оно, в известном смысле, отразилось и на содержании выпускавшихся в России грузинских книг: из одиннадцати сравнительно крупных по объему книг, изданных в Москве с 1737 по 1744 г., четыре переведены с русского (в их числе известные произведения Феофана Прокоповича и Стефана Яворского), а остальные издания церковного содержания были сличены не с греческими текстами, как это делалось раньше, а со славянскими.

Плодотворное использование русского опыта характерно и для определенных этапов развития армянского книгопечатания. Ко времени создания первых очагов армянского книгопечатания в России печатное слово на армянском языке располагало многолетней историей.

Из-за тяжелых политических условий, сложившихся в Армении еще с раннего средневековья, передовые армянские деятели, так же как и их грузинские собратья, вынуждены были отыскивать поприще для своей деятельности за пределами своей родины. Именно поэтому первопечатная армянская книга увидела свет в Венеции (1512 г.), а впоследствии печатное дело развилось в разных странах и городах мира по мере расселения армян в так называемых «армянских колониях». Лишь в последней четверти XVIII в., т. е. 260 лет спустя после издания первой армянской книги, вопреки суровым условиям иранского владычества появилась возможность для основания типографии в самой Армении: в 1771 г. на средства проживавшего в Мадрасе (Индия) армянина Григора Чакиkенца была организована в Эчмиадзине типография с собственной бумажной фабрикой.

Спустя десять лет после этого события в разное время создаются очаги армянского книгопечатания в России: Петербурге, Москве, Нахичеване-на-Дону, Астрахани и других городах. Первая армянская типография в России была основана в Петербурге в 1781 г. Григорием Халдарянцем, которому весьма существенную материальную и моральную поддержку в этом начинании оказал «духовный начальник армян всея Руси» епископ Иосиф Аргутян (Аргутинский). В этой типографии были изданы книги 15 наименований, причем не только церковного, но и светского содержания. Среди них — первый армянский печатный букварь в России «Айббенаран» («Азбука»), дидактический труд К. Сафаряна «Банали гигутян» («Ключ к знанию»), сочинения самого Г. Халдарянца «Шавих лезвагитутян» («Стезя языкознания») и др.

---

[49] К сожалению, пока еще не установлены имена всех русских деятелей, способствовавших развитию грузинской печати в России.

В 1788 г. типография Халдарянца после смерти ее основателя поступила в ведение архиепископа И. Аргутинского и была переименована в «типографию его преосвященства». В 1789 г. по указанию И. Аргутинского типография была перевезена в город Новый Нахичевань (на Дону) и установлена в монастыре Сурб Хач (Святой Крест). Так возник новый очаг армянского книгопечатания, в котором до 1796 г. был издан целый ряд книг, среди которых первое издание на армянском языке известного произведения Фенелона «Телемак» (1793 г.), книга врача Калантаряна «Лечебник» (1793 г.) и др. Несмотря на то, что в 1796 г. типография была перевезена в Астрахань [50], в Новом Нахичеване книгопечатание на армянском языке не прекратилось: с начала же XIX в. здесь возникают новые армянские типографии, в которых вплоть до XX в. печатались книги разнообразного содержания, а также периодические издания.

В 10-х годах XIX в. в Петербурге была основана типография Овсепа Ованисяна (И. Иоаннесова), в которой печатались книги гражданского и церковного содержания. Среди продукции типографии Ованисяна выделяется «Библия» (1817 г.), книга свидетельствует о возросшем мастерстве армянских книгоиздателей в России. Между прочим, в типографии Ованисяна печатались и переводные произведения с армянского на русский, а иногда — и на грузинский язык. Небольшая справка Е. Г. Вейденбаума свидетельствует, например, о том, что «Аллегорическая повесть о розе и соловье соч[инения] Геламского пер[евел] Иосиф Иоаннесов, напеч[атана] на российском и грузинском языках. СПб., 1812, типография Иоаннесова» [51]. Спустя два года (в 1814 г.) в этой же типографии было напечатано посвященное Александру I «Обозрение истории грузинского народа», принадлежавшее грузинскому царевичу Вахтангу.

В 20-х годах XIX в. типография Ованисяна прекратила существование. Вскоре ее купили известные армянские меценаты Лазаревы, которые перевезли ее в 1829 г. в Москву и установили в основанном ими (1815 г.) Лазаревском институте восточных языков. Так был создан второй, после Петербурга, центр армянского книгопечатания, который способствовал развитию и совершенствованию армянской полиграфии в России. Вскоре типография Лазаревского института «получила из-за границы скоропечатные машины, разнообразный шрифт и образовала собственную словолитню. Лазаревский институт развернул крупную издательскую деятельность, выпуская издания по востоковедению и специально по армяноведению на армянском и русском языках» [52].

Наряду с научными трудами и учебными пособиями в типографии Лазаревского института были напечатаны переведенные на армянский язык произведения классиков русской и зарубежной художественной литературы. Зарождение и развитие армянского книгопе-

---

[50] См. «Выставка армянской печатной книги». Ереван, 1946, стр. 96.
[51] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 415.
[52] *А. С. Бабаян.* Армянская книга. Ереван, 1956, стр. 34—35.

чатания в России, так же как это имело место и при появлении грузинского книгопечатания в России, много способствовало успеху переводческой деятельности на обоих языках. Появились, в частности, переводы не только с русского на армянский, но и с армянского на русский язык. Причем последние служили нередко определенным политическим целям — укреплению союза Армении с единоверной Россией. Так, спустя пять лет после основания первой армянской типографии в Петербурге подпоручик Варлаам Ваганов издал здесь на русском языке «Плач о Армении. Из сочинения славного армянского историка Мосеса Хоринацеса» (конец XVIII в.). Как пишет историк Л. М. Мкртчян: «Небольшую книжку Ваганова в 27 страниц нельзя рассматривать даже как попытку перевода знаменитой книги историка V века Мовсеса Хоренаци. Варлаам Ваганов, должно быть, и не ставил перед собой такой задачи. Он хотел, очевидно, сказать о бедственном положении современной ему Армении, воспользовавшись небольшим отрывком из книги Хоренаци. „Восплачу ли я о бедствиях настоящих, постигнувших нашу страну сию? Или о будущих ее несчастиях? — читаем в книжке Ваганова. — Кто печаль свою сравнит с нашей печалью и общие болезни или словами изъяснить и или на столпах начертать может?“ (стр. 20). Это был плач об Армении XVIII в. Так, думается, следует понимать книжку Варлаама Ваганова» [53].

Общественно-политическая направленность содержания прослеживается и в изданной в Петербурге (1799 г.) книге о религии армян: «Исповедание христианские веры армянския церкви, переведенное с армянского на российский язык и изданное тщанием преосвященного Иосифа архиепископа всего армянского народа, обитающего в России, и кавалера, князя Аргутинского-Долгорукова». В примечании «От издателя к благомыслящим читателям» переводчик писал: «В неподобающем же порицании многообразные налагают ей (армянской церкви. — *Д. В.*) вины и помрачают тем свою чистую совесть. Для сей причины потрудился я издать в свет на российском языке сию и прочие означенные книжицы...» [54] И. А. Аргутинский-Долгоруков считал своей обязанностью защитить религию армянского народа от всяких наветов и кривотолков, показать русскому читателю, что общность христианской веры является одним из факторов, объединяющих армян и русских.

Переводная литература преследовала также цель ознакомить русского читателя с древней историей армянского народа, его культурой и литературой. На протяжении первой четверти XIX в. и позже в России было издано много переведенных с армянского книг, в которых освещалась преимущественно история Армении. Л. М. Мкртчян тонко заметил: «Интерес к армянскому народу в России начинается, по существу, с интереса к его истории» [55].

---

[53] *Л. М. Мкртчян.* Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX вв. Ереван, 1968, стр. 7.
[54] Там же, стр. 10.
[55] Там же.

В свою очередь переводная литература с русского на армянский и грузинский языки способствовала пробуждению интереса со стороны народов, населяющих Закавказье и вошедших под покровительство России, к истории, литературе, языку своего северного соседа.

Частное книгопечатание на армянском языке в России развивалось на протяжении всего XIX в., оно просуществовало до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Книгопечатание на армянском языке в России знаменовало собой важнейший этап в его развитии. Хотя зарождению армянского печатного слова в России предшествовала, как отмечалось выше, более чем двухвековая история, культура печатной книги армянского народа «в большей мере выросла и развилась в крупнейших центрах русской культуры. Петербург, Москва и другие города России становятся очагами армянской печатной книги. Последние сыграли большую роль в общественной и культурной жизни армянского народа» [56].

Русский опыт и развитие печатного дела в Грузии конца XVIII—начала XIX в.

После разорения тифлисской типографии турками в 1723 г. большая часть оборудования, спрятанного патриотами, уцелела [57]. Однако благоприятный момент наступил не ранее 1749 г., т. е. спустя пять лет после воцарения Теймураза II в Картли и его наследника Ираклия II в Кахети. Это был небольшой период передышки от вражеских нашествий, который был использован для упорядочения внутригосударственной, в том числе культурной, жизни страны. Книгопечатание в Тифлисе возобновилось на базе Вахтанговой типографии. Созданная благодаря заботам католикоса Антония I и при поддержке царя Ираклия II, новая типография первоначально помещалась во дворце самого католикоса [58]. По свидетельству одного из современников, за короткий срок типография обеспечила печатной продукцией всю Картли [59]. И все же ни количество, ни качество печати не соответствовало обширным планам Ираклия II в области просветительства и книгоиздательства.

После подавления заговоров тавадов (князей) против централизованного правления [60] Ираклий провел в 1762—1764 гг. реформу издательского дела в Грузии. Несколько улучшив техническую оснащенность типографии, которая с этого времени существует уже при

---

[56] *А. С. Бабаян.* Важнейшие очаги армянского книгопечатания. — «Выставка армянской печатной книги», стр. 77.

[57] «Картлис цховреба» («Житие Картли»), издание Д. Чубинова (Чубинашвили), ч. II. СПб., 1854, стр. 417.

[58] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 52.

[59] «Картлис цховреба» («Житие Картли»), ч. II, стр. 417.

[60] После смерти Теймураза II в 1762 г. Ираклий II наследовал отцовский престол и в Картли, объединив под своим скипетром Картлийско-Кахетинское царство.

царском дворе[61], Ираклий обязал авторов, переводчиков, стилистов, принимавших участие в издании грузинских книг, следовать орфографическим правилам грузинского языка, разработанным католикосом Антонием I вскоре после его возвращения из России в Грузию[62]. С 1764 г. эти правила стали в Грузии обязательными почти для любого текста, предназначавшегося для печати[63].

Кроме того, вслед за московскими издателями грузинских книг сотрудники тифлисской типографии также начинают практиковать «выправку» содержания грузинских церковных книг в соответствии с идентичными славянскими текстами, вместо традиционного сличения их с греческими. Узаконение этого мероприятия, на наш взгляд, носило в некотором смысле вынужденный характер в силу стремления не допустить «разноголосицу» в грузинской церковной литературе, издаваемой как в России, так и в Грузии. С другой стороны, его претворению в жизнь, должно быть, способствовало длительное пребывание в России католикоса Антония, который непосредственно был связан с московскими издателями грузинских книг и, надо полагать, стремился перенять многое из тамошних традиций в этой области. Так или иначе, осуществление тифлисской типографией этого узаконения было весьма симптоматичным, свидетельствуя о более чем определенной прорусской ориентации Ираклия II и ближайших его сподвижников не только во внешней, но отчасти и внутригосударственной политике, например в области просветительства и книгоиздательства.

Заинтересованность Ираклия в установлении контактов с деятелями грузинской печати в России могла быть продиктована также и чисто практическими соображениями. Дело в том, что политические эмигранты-грузины, проживавшие в России и оппозиционно настроенные по отношению к Ираклию и его окружению, использовали возможность издания книг в России как средство политической борьбы. В 1779 г., например, в Петербурге была издана книга Александра Амилахвари «История георгианская о юноше-князе Амилахорове с кратким прибавлением истории тамошней земли от начала до нынешнего века, которую рассказывает Усим, купец анатолийский, сотоварищам своим между разными известиями», которая всем своим содержанием была направлена против Ираклия II, обрисованного в книге в самых мрачных тонах. Еще до своей эмиграции в Россию Ал. Амилахвари в 1765 г. был жестоко наказан в Тифлисе за участие в заговоре, ставившем целью свержение царя. Ираклий обратился к Екатерине II с просьбой изъять сочинение Амилахвари из обращения. Вскоре книга была запрещена, хотя лично автор на

---

[61] *П. В. Гугушвили*. Грузинская книга. Тбилиси, 1929, стр. 73.

[62] Удаленный из Грузии за сочувствие так называемому «франгству» (тяготение части грузинского духовенства к католической вере), Антоний I жил в России с 1756 по 1763 г., где был посвящен в сан Владимирского архиепископа.

[63] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. XI.

этот раз не пострадал[64]. Представители княжеского рода Амилахвари, проживавшие в России, особенно усердствовали в проявлении недоброжелательности к Ираклию II. Поэтому появление книги Александра Амилахвари должно рассматривать не иначе, как одну из тех неуклюжих «интриг, которые пытались противопоставить всемогуществу Ираклия II его уже обезоруженные враги»[65].

Неприязнь Амилахвари к Ираклию разделял и тифлисский митрополит Афанасий Амилахвари, который в 1752 г. был направлен из Грузии со специальным дипломатическим поручением в Петербург. Митрополит не только не выполнил возложенной на него миссии, но вопреки воле Ираклия II остался на постоянное жительство в России. В 1762 г., получив разрешение Синода, Афанасий основал на свои средства типографию в Москве, в которой (после 18-летнего перерыва) возобновилось печатание грузинских церковных книг[66].

После прекращения деятельности типографии царевича Бакара и Иосифа Самебели в Москве[67] типография Афанасия Амилахвари, конечно, не была единственной среди грузинских типографий в России. Систематическое издание грузинских книг в России продолжалось вплоть до 80-х годов XIX в., затем оно начинает заметно ослабевать, так как грузинское книгоиздательство сосредоточивается в самой Грузии[68].

Несомненно, что грузинское книгопечатание в России — существенная часть культурного наследия грузинского народа. Оно восполнило пробелы в преемственности традиций грузинского печатного слова, по разным причинам возникавшие. Вместе с тем попытки развития грузинской печати в Тифлисе предпринимались и в последнее двадцатилетие XVIII в. В 1780—1782 гг. Ираклий II проводит повторную реорганизацию тифлисской типографии. Оборудование, доставшееся от Вахтанговой типографии, к тому времени поизносилось. Необходимо было отлить новые шрифты, чтобы издавать грузинские книги гражданским шрифтом. Этот недостаток стал особенно ощути-

---

[64] *П. И. Иоселиани.* Жизнь царя Георгия XIII. Тбилиси, 1936, стр. 95—96.

[65] *В. Д. Дондуа.* Из политической истории Грузии эпохи царя Вахтанга (1712—1745 гг.). — «Мимомхилвели» («Обозреватель»), т. III. Тбилиси, 1953, стр. 53.

[66] В этой типографии, просуществовавшей до 1768 г., было издано 9 книг (см. «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 53—60). По другим данным, «грузинская типография из Всехсвятского села перевезена была в Москву к грузинскому митрополиту Афанасию, жившему в Крестовоздвиженском монастыре. Там она до 1770 года занималась по временам тиснением церковных грузинских книг» (*Е. Н. Болховитинов.* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. СПб., 1802, стр. 63).

[67] Эта типография, где был напечатан в 1743 г. первый грузинский текст Библии, «была переведена (в 1775 г.) в С.-Петербургскую академию наук, где она и доныне находится» (*В. С. Сопиков.* Опыт российской библиографии, ч. I. СПб., 1904, «Предуведомление», стр. IX).

[68] *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга, стр. 89; *он же.* По поводу трехсотлетия грузинского книгопечатания. 1629—1929. — Журн. «Мнатоби» («Светоч»), 1929, № 4, стр. 172.

мым накануне открытия Телавской семинарии[69], которую наряду с другими учебными заведениями страны следовало обеспечить необходимыми учебниками и богослужебной литературой.

Учитывая нужды книгопечатания в Грузии, Ираклий II пригласил из Константинополя типографского мастера Погоса Оганесяна, который на средства, специально выделенные для этого царем, произвел полную замену оборудования и шрифтов тифлисской типографии[70]. В частности, заново были отлиты «нусха-хуцури» (церковный шрифт) и «мхедрули» (гражданский шрифт), из которых последний с этого времени вновь обретает права гражданства после 1722 г.[71] Одновременно в тифлисскую типографию «одним алавердийским человеком были привезены... из Москвы некоторые типографские инструменты, оставшиеся после тифлисского митрополита (т. е. Афанасия Амилахвари. — *Д. В.*)»[72].

Обслуживать тифлисскую типографию стали новые люди. Появилась целая иерархия сотрудников с узкой специализацией книгопечатного дела[73]. Это положительно отразилось на качестве печатной продукции.

Во вновь реорганизованной тифлисской типографии до нашествия на Грузию в 1795 г. полчищ иранского властителя Ага Магомед-хана было издано более 20 красочно оформленных грузинских книг, отпечатанных церковным и гражданским шрифтом[74]. Тираж изданий колебался от 400 до 1000 экземпляров, объем каждой книги — от 300 до 800 страниц[75].

Этому подъему, безусловно, способствовало привнесение элементов капиталистических отношений в область книгоиздания. Не позднее 1784 г. в обновленной тифлисской типографии начал работать признанный мастер грузинской печати придворный священник Христофор Кежерашвили (Бадридзе). Ираклий II предоставил типографию в его распоряжение, но при условии, что он будет вносить в казну половину денег от реализации продукции. Другой половиной Кежерашвили волен был распоряжаться так, чтобы процветала типография. В свою очередь, царь брал на себя обязанность снабжать типографию бумагой[76]. Это был первый прецедент частной инициативы в книгопечатании, содержавшемся ранее исключительно за счет царской казны. И дело тут не в благорасположении царя к придвор-

---

[69] Телавская семинария была открыта 28 мая 1782 г. (см. журн. «Иверия», 1881, № 8, стр. 98).

[70] По свидетельству одного из деятелей тогдашней тифлисской типографии, при ее повторной реорганизации Ираклием II было израсходовано около 20 тыс. руб. (см. газ. «Кавказ», 1846, № 48, стр. 4).

[71] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. XI.

[72] «Кавказ», 1846, № 48, стр. 4.

[73] *Д. Каричашвили.* История грузинского книгопечатания (на груз. яз.). Тбилиси, 1929, стр. 98.

[74] Там же, стр. 90—95.

[75] Там же, стр. 90—94.

[76] *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга, стр. 71.

ному священнику, а в заботе о прибыльности типографского хозяйства.

Новый экономический принцип в книгоиздательстве Грузии, однако, не повлиял на цензурование печатной продукции. Борьба против проникновения «ереси», как и прежде, осуществлялась не только самим царем и католикосом, но и коллективными цензорами: верховным религиозным учреждением — Церковным собранием или, в зависимости от надобности, быстро созываемым специальным собранием духовных лиц[77]. Эти учреждения руководствовались «Правилами» «пути истинного»[78]. Обостренное внимание царской и церковной власти к печатному слову в Грузии свидетельствовало о том, насколько важную роль в общественной жизни страны стало играть книгопечатание.

Ираклий II проявил себя не только незаурядным военачальником, обуздавшим алчные аппетиты недругов Грузии. Став главой объединенного Восточно-Грузинского царства, он, стремясь к постепенному обособлению Грузии от окружающего мусульманского мира и к сближению с Россией, одновременно держал курс на объединение Грузии, на усиление царской власти. Особое внимание при этом было обращено на развитие просвещения в стране. В Тифлисе (1755 г.) и Телави (1782 г.) были основаны духовные семинарии. Преподаватели и выпускники семинарий составили впоследствии плеяду видных деятелей грузинской культуры XVIII—первой половины XIX в.

Становление и успехи просвещения в Грузии породили некое соперничество между каллиграфическим искусством и книгопечатным делом. «В то время каллиграфическое ремесло и искусство получили широкий размах»[79], но при дороговизне работы переписчика, а также возрастающем стремлении царя и его сподвижников снабжать церкви, семинарии и общеобразовательные школы книгами и учебниками печатный способ распространения религиозной, гражданской, а затем и художественной литературы получил неоспоримые преимущества.

Если проследить за количественным ростом продукции тифлисской типографии на протяжении почти полувека ее существования (1749—1795 гг.), то окажется, что наиболее производительным был период, охватывающий последние 15 лет, когда на поприще грузинского книгопечатания появился Христофор Кежерашвили (Бадридзе). Как следует из «сигеля» (грамоты) царя Георгия XII придворному священнику Христофору Бадридзе, последний, перед тем как приступить к печатанию книг в Тифлисе, побывал в Палестине для изуче-

---

[77] *А. А. Рогава.* Народное образование в Картли и Кахети в период царствования Ираклия II и Антоний Первый. Тбилиси, 1950, стр. 130.

[78] Институт рукописей АН Груз. ССР, № 93659 (*Антоний I.* «Богословие», т. III, § 189).

[79] *А. А. Рогава.* Общественное развитие Грузии и политика Ираклия II. Рукопись докт. дисс. (на русск. яз.). Тбилиси, 1966, стр. 666. Хранится в библиотеке Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР.

ния типографского мастерства[80]. Этот факт говорит о том, что Ираклий II намерен был обзавестись собственными кадрами типографщиков, которые избавили бы его в будущем от необходимости приглашать таковых из Константинополя. Бадридзе оправдал надежды царя: он набрал квалифицированных печатников из своих соотечественников, некоторые из которых (Романоз Зубашвили-Размадзе, Георгий Пайчадзе и др.) стали известными деятелями грузинской печати не только в Грузии, но и в России. В этом же «сигеле», между прочим, сказано, что по возвращении из «обетованной земли» в Грузию, которая испытывала тогда «скудость в священных книгах», Бадридзе «напечатал четырнадцать тысяч священных книг»[81]. Известно, что в тифлисской типографии были напечатаны также книги светского содержания, в том числе переведенные с русского языка на грузинский[82]. Сейчас невозможно установить точное количество изданных тифлисской типографией в 1780—1795 гг. книг. Но несомненно, что росту продукции способствовала возникшая конкуренция. Она не замедлила отразиться на взаимоотношениях Хр. Бадридзе и сведущего в печатном деле придворного чиновника Давида Корганова, состоявшего у царя в должности мушриба[83]. По свидетельству Корганова, он был наряду с Бадридзе равноправным участником предпринимательского соглашения с царем об издольной эксплуатации тифлисской типографии: «Я и оный священник (Хр. Бадридзе. — *Д. В.*), — писал Корганов впоследствии, — выпросили у царя исправленную совсем типографию с тем, чтобы бумагу и прочие издержки употреблять нам и из полученной нами прибыли отдавать половину царю, а половину между собою разделять; но по напечатании нескольких церковных книг, не найдя в оном священнике по товариществу справедливости, отошел от него, а он остался в типографии на прежнем условии»[84]. Преимущества Бадридзе перед конкурентом состояли и в том, что «царь и царевичи более к нему благоволили»[85], и в приобретенной за гра-

[80] «Иверия», № 171, 1900, стр. 4.

[81] Там же. Здесь, должно быть, подразумевается общий тираж церковной литературы, изданной Х. Бадридзе (ср. *Г. Д. Кикодзе.* Ираклий Второй (на груз. яз.). Тбилиси, 1947, стр. 107).

[82] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 63, 66.

[83] При царском дворе мушриб исправлял обязанности писаря, которому одновременно поручалась и расчетная (бухгалтерская) часть (см. *С. С. Орбелиани.* «Ситквис кона» («Собрание слов»). Тбилиси, 1949, стр. 171; *Д. И. Чубинашвили.* Грузинско-русский словарь. СПб., 1887, стр. 910; *Ив. Сургуладзе.* К истории государства и права Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 1952, стр. 194–195).

[84] «Сведения о типографиях в Грузии». — Газ. «Кавказ», 1846, № 48, стр. 4. Статья без подписи, но почти полная ее идентичность с текстом подписанного Д. Коргановым письма П. Д. Цицианову от 12 апреля 1803 г. (см. *Н. Дубровин.* Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1866, стр. 130) дает основание предположить, что она была составлена впоследствии на основе этого письма. Нам представляется маловероятным предположение П. В. Гугушвили, что письмо Цицианову и статья из газеты «Кавказ» принадлежали одному и тому же автору (см. *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга, стр. 98).

[85] *П. В. Гугушвили.* Указ. соч., 1929, стр. 98.

ницей квалификации типографщика. Интересно, что в типографии работал и сын Бадридзе Пантелеймон[86]. Корганов же был обременен канцелярской службой и к печатанию книг в тифлисской типографии обращался эпизодически. Высочайшее благорасположение к Бадридзе способствовало, таким образом, некоторым нововведениям в практике грузинского книгопечатания, сулившим известные экономические выгоды.

Получив разрешение Ираклия II печатать книги «своими силами и средствами» и под своим непосредственным «управлением и надзором за типографией», Бадридзе начал и печатную бумагу, доставлявшуюся ранее из Турции, завозить из России[87]. Обращает на себя внимание деловая предусмотрительность Бадридзе-предпринимателя, учитывавшего прорусские тенденции в политике как Ираклия II, так и наследовавшего ему Георгия XII, все более явственно сказывавшиеся во внешних сношениях и в культурной жизни Грузии.

Таким образом, зарождение элементов капиталистических отношений в книгопечатном деле Грузии не только упрочило его роль в обществе, но и открыло большие перспективы в дальнейшем развитии и конкуренции с издателями грузинских книг в России. Издание книг способствовало повышению уровня образованности грузин, служило более тесному сближению с культурой русского народа, открывавшей Грузии доступ к западноевропейской культуре. Сказывалась и прямая заинтересованность грузин в овладении русским языком, обусловленная заметно участившимися, особенно в последней четверти XVIII в., контактами Грузии с Россией. К сожалению, даже среди приближенных Ираклия II, твердо стоявших за союз с Россией, хорошим знанием русского языка отличались весьма немногие. Из них выделялся канцлер Соломон Лионидзе, который наряду с отличными познаниями в восточных языках настолько успешно овладел русским, что «им в качестве пособия по изучению русского языка была составлена книга „Разговор“»[88].

Встал вопрос об изучении русского языка в школе, которая и была основана в Тифлисе в 1778 г. под началом сподвижника Ираклия II известного церковного деятеля Гайоза[89]. Примечательна биография Гайоза, потрудившегося для развития грузинской печати. В литературе по истории Грузии Гайоз, как церковный сановник, упоминается обычно без фамилии, но иногда с указанием занимаемой им должности руководителя Телавской семинарии («Гайоз-

---

[86] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 78. Выясняется, что Пантелеймон Бадридзе, как и отец, был не только печатником, но и священнослужителем. Так, в 1829 г. он упомянут в «Тифлисских ведомостях» как священник «пехотного генерала графа Паскевича-Эриванского полка» («Тифлисские ведомости», 1829, № 38, стр. 4).

[87] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 68.

[88] «История Грузии», т. I. Тбилиси, 1962, стр. 411.

[89] Там же, стр. 412. Ср. *А. А. Цагарели.* Сведения о памятниках грузинской письменности, т. I, вып. III. СПб., 1894, стр. 182.

ректор»). Наиболее вероятно, его фамилия Вагошошвили[90]. О его крестьянском происхождении свидетельствуют данные, приводимые в докторской диссертации А. А. Рогава[91]. Неименитость не помешала, однако, Гайозу, так же как Соломону Лионидзе[92] и другим выпускникам Тифлисской семинарии, стать видным деятелем грузинской культуры. Как отмечал историк Вахтанг Багратиони, «при нем (Ираклии II. — *Д. В.*) доверенность и почести были снискиваемы не блеском происхождения, не заслугами отдельных предков, но личными способностями и достоинствами»[93].

Получив основательное первоначальное образование в Тифлисе, Гайоз в сане архидиакона сопровождал в 1772 г. своего учителя и наставника Антония I, отправившегося с дипломатической миссией в Россию. За время пребывания в Петербурге Гайоз изучал в семинарии Александра Невского русский, латинский и греческий языки, а по возвращении из Петербурга в 1774 г., по свидетельству самого Антония, выразил желание остаться в Москве для углубления знаний в русском и латинском языках. Вопреки отказу Антония, Гайоз все же добился своего и остался в Москве. В 1775 г. он поступил в Духовную академию, которую окончил в 1778 г. В этом же году по вызову Ираклия II Гайоз возвратился в Тифлис, где по поручению царя основал вышеупомянутую школу по изучению русского языка. Кроме преподавания он занимался и переводческой работой. С этого времени Гайоз стал одним из доверенных людей Ираклия II в деле укрепления грузино-русских отношений.

В 1780 г. Гайоз снова в России, где он также облекается доверием русского правительства в вопросах сношений с Восточно-Грузинским царством. Именно для предварительных политических переговоров с Ираклием II, способствовавшим заключению покровительственного трактата между Россией и Картли-Кахетинским царством, Гайоз и был направлен в 1782 г. русским правительством в Грузию. Его приезд совпал с намечавшимся на 28 мая того же года открытием в Телави философской семинарии, в качестве ректора которой он и был приглашен. Покровительство Ираклия II Гайозу сказалось и в том, что в июне-июле 1783 г. он был назначен членом комиссии, возглавлявшейся официальными уполномоченными царя Иоанном Мухранбатони и Гарсеваном Чавчавадзе, которая 24 июля того же

---

[90] *I. Reinegs.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, II. СПб., 1797, стр. 102—103.

[91] *А. А. Рогава.* Общественное развитие Грузии и политика Ираклия Второго (рукопись докт. дисс. на русск. яз.). Тбилиси, 1966, стр. 476. Е. Г. Вейденбаум, ссылаясь на Клапрота, полагает, что Гайоз, возможно, происходил из кахетинских дворян Вахвахишвили, которым принадлежала «часть города Телави в Кахетии» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 311). Подробнее см. *Гайоз-Ректор.* Грузинская грамматика (на груз. яз.). Тбилиси, 1970; *М. Д. Дарчия.* Ректор Гайоз (жизнь и деятельность) (на груз. яз.). Тбилиси, 1972.

[92] С. Лионидзе происходил из крепостных крестьян князей Орбелиани.

[93] *Вахтанг Багратиони.* Обозрение истории грузинского народа. СПб., 1814, стр. 72.

года в городе Георгиевске при участии представителей русского правительства заключила известный трактат между Грузией и Россией [94].

После этого Гайоз до конца жизни [95] жил в России, где наряду с верной службой православной церкви и правительствам трех русских царей (Екатерины II, Павла I и Александра I) занимался плодотворной переводческой и издательской деятельностью.

Как переводчик Гайоз продолжал дело своего учителя Антония I, поощрявшего переводы образцов светской литературы с русского на грузинский и лично переводившего книги философского содержания [96]. Среди переводов с русского языка на грузинский, осуществленных Гайозом в разное время: сборник притчей «Китайская мудрость», «Воинский устав» Петра I, «Артикул воинский с кратким толкованием», «Краткое изложение процессов или судебных тяжб», «О экзерцициях, о приуготовлении к маршу и о должностях полковых чинов» и др. Перечисленные выше переводы (за исключением «Китайской мудрости») были выполнены Гайозом по поручению Ираклия II [97]. Вполне понятен интерес, который переводчик под влиянием «заказчика» проявлял к военной тематике в подборе произведений для перевода: Грузия тогда особенно нуждалась в воинских наставлениях.

Заслуживает особого внимания деятельность Гайоза как издателя грузинских книг в России. В 1796 г. по его инициативе и на его средства в Моздоке была основана грузинская типография, просуществовавшая пять с лишним лет. Это первая и успешная попытка издания грузинских книг в русской провинции. Этот факт находится в прямой связи с исторической обстановкой в Грузии.

В конце XVIII в. Грузию постигло национальное бедствие. Разъяренный решением Ираклия II связать навеки судьбу своей страны с единоверной Россией, иранский правитель Ага-Магомед-хан Каджар решил отомстить бывшему вассалу. В 1795 г. многочисленное войско, предводительствуемое самим шахом, вторглось в Грузию, предавая все огню и мечу. Завоеватели сравняли с землей и тифлисскую типографию. Мастер Романоз Зубашвили (Размадзе), спасаясь от персов, прибыл в Моздок, где обрел покровительство своего соотечественника, высшего церковного сановника города Гайоза Вагошошвили. Романоз стал помощником Гайоза при создании в Моздоке грузинской типографии, спешность в основании которой, видимо, диктовалась временным прекращением книгопечатания в Грузии. Как видно из «Письма Зубашвили к Гайозу», некоторое несовер-

---

[94] *П. Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа, ч. II. СПб., 1869, стр. 121—130, 170. Полный текст Георгиевского трактата 1783 г. опубликован в сборнике «Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств». Тбилиси, 1970, стр. 182—245.

[95] Гайоз скончался в 1821 г. в Астрахани (*К. Кекелидзе.* История грузинской литературы, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 355—356).

[96] *Вахтанг Багратиони.* Обозрение истории грузинского народа, стр. 71.

[97] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Н 2109, лл. 1—195.

шенство типографии не стало препятствием для ее работы. Искусный печатник, Р. Зубашвили восполнял недостаток и в квалифицированных типографских рабочих [98]. Из изданий, вышедших в этой типографии, до наших дней сохранились только четыре. Кроме названного «Письма Зубашвили к Гайозу» (1796 г.), ставшего первым «пробным оттиском» моздокской грузинской типографии, в ней были напечатаны две книги Гайоза: «Азбука, молитвенник, краткое христианское учение» (1797 г.), которая, как полагают, «является шедевром типографского искусства» [99], и «Грамматика», написанная в 1789 г. в Кременчуге и напечатанная в Моздоке в 1796—1800 гг., а также «Упорядочение внутреннего правления Грузии» (1801 г.) — перевод на грузинский язык текста, изданного в Москве вместе с «Манифестом» Александра I о присоединении Восточной Грузии к России.

Заметный успех издательского дела в Грузии в последней четверти XVIII в. возбудил к нему интерес особенно со стороны привилегированных слоев общества. С самого начала печать в Грузии была поставлена, как и во многих просвещенных странах того времени, на службу клерикализма, что предопределяло ее сословную узость. Достаточно сказать, что в XVIII в. около 85% продукции грузинских типографий в России и Грузии составляла церковная литература старинного образца [100]. Крайняя малочисленность в XVIII в. изданий светской литературы на грузинском языке объясняется «не только тем, что духовному образованию в то время уделялось большое внимание, но также тем, что и в России, и в Грузии в дела книгопечатания вмешивалась могущественная церковная цензура» [101]. Вмешательство церковной цензуры в дело издания грузинских книг было непреодолимым как в России, так и в Грузии. Обсуждению и разбирательству служителей «единой, святой, отборной и апостольской восточной церкви» подвергалась любая означенная к изданию грузинская рукопись. Цензура предлагала «целиком отвергнуть и выкинуть вон», если в рукописи обнаруживалось «нечто противоречащее догматам восточной церкви» [102].

Многие произведения светского содержания распространялись в рукописях. Среди произведений, на которые в XVIII в. в Грузии был наложен запрет церковной цензуры, значилось и гениальное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Гнет церковной цензуры не смог, однако, погасить в грузинском обществе второй половины XVIII в. стремление к гражданской литературе. Как свидетельствует З. Чичинадзе: «В Грузии в 1797 году начали печатать листы наподобие газеты, в которых были помещены

---

98 «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 73.

99 Там же, стр. XII.

100 Там же, стр. 5—75; *П. В. Гугушвили*. Грузинская книга, 1929, стр. 73—74.

101 *А. А. Рогава*. Общественное развитие Грузии и политика Ираклия Второго, стр. 670.

102 Институт рукописей АН Груз. ССР, № 3659 (*Антоний I*. «Богословие», т. III, § 189).

различные акростихи, речи и восхваления царей. Эти листы печатались в весьма ограниченном количестве и раздавались детям и внукам царя»[103]. З. Чичинадзе утверждает, что во второй половине XVIII в. в Тифлисе выходила газета, которая называлась «Лепорти»[104]. Это название передавало, по всей вероятности, заимствованное через русский язык слово «рапорт» (репорт)[105]. Исходя из политической ситуации в Грузии этого времени, можно, конечно, допустить, что в Тифлисе могла выходить газета. Однако многие сведения, сообщаемые З. Чичинадзе, сомнительны. Гипотетично, как нам кажется, и утверждение о газете «Лепорти» (по крайней мере, архивные данные его не подтверждают). Сомнительно и сообщение газеты «Иверия» об обнаруженном в городе Гори единственном номере грузинской газеты, якобы датированном 1803 г.[106] Таким образом, следует думать, что во второй половине XVIII в. и даже в самом начале XIX в. в Грузии отсутствовали периодические издания.

В просвещенном обществе тогдашней Грузии проявлялся самый живой интерес к журналистике, особенно к русской периодической печати. Как полагал академик Н. А. Бердзенишвили, есть основание утверждать, что в последней четверти XVIII в. грузины в достаточной мере были «причащены» к русскому языку, русской культуре. К таковым должны быть отнесены не только члены «Вахтанговой колонии» (грузины, осевшие в России и обрусевшие), но и живущие в самой Грузии, из коренных[107]. Здесь, конечно, подразумеваются, прежде всего, представители привилегированных слоев грузинского общества или, во всяком случае, весьма близкие к этому кругу люди, достаточно знакомые с русским языком и достаточно образованные.

Росту интереса к русской культуре в грузинском обществе, в том числе к русской журналистике, во многом способствовало учреждение в результате Георгиевского трактата грузинского представительства в Петербурге во главе с видным государственным деятелем и дипломатом Гарсеваном Ревазовичем Чавчавадзе (отцом тестя А. С. Грибоедова). В грузинском представительстве интересовались периодикой и некоторых европейских держав. Его сотрудники сопоставляли сведения зарубежных печатных органов с данными русских журналов и газет. Так проверялась зарубежная информация о России. В одном из писем (1785 или 1786 г.) Г. Р. Чавчавадзе

---

[103] *З. Чичинадзе.* История грузинских газет и журналов. Тифлис, 1902, стр. 4.

[104] *З. Чичинадзе.* Столетняя история грузинской газеты. Тифлис, 1916, стр. 61—62.

[105] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 20, ч. I, л. II; ср.: ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1449, л. 9; ф. 2, оп. I, д. 90, л. 307.

[106] «Иверия», 1887, № 92; см. *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики (на груз. яз.). Тбилиси, 1954, стр. 30—31.

[107] См. замечания акад. Н. А. Бердзенишвили, сделанные на полях статьи Д. Л. Ватейшвили «Первые русские издания в Грузии» («Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР», 1964, № 2). Хранится в библиотеке Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР.

сообщал Ираклию II: «Во французских и немецких газетах пишут, что к будущему лету откроется война между Российскою империею и Оттоманскою Портою — однако ж в российских газетах о сем не упоминают. Впрочем, хотя уведомления газет не что иное, как ложь, но я в донесении моем исполняю долг свой» [108].

Процитированное место из письма Г. Р. Чавчавадзе вызывает интерес во многих отношениях. Из него, в частности, становится ясным, что оперативные сведения, поступавшие к Ираклию II от его посла в Петербурге, давали иногда возможность правильно прогнозировать вероятный исход отношений Грузии с соседними странами. Далее, вопреки скептическому отношению автора письма к прессе, тщательное ознакомление с содержанием выходивших тогда русских журналов и газет с целью составления обширной информации о важнейших событиях того времени входило, оказывается, в повседневную обязанность сотрудников представительства. Объективная информация, как свидетельствуют архивные данные, регулярно доставлялась в Тифлис. Через представительство проникли в Грузию и первые сведения о Великой французской революции.

Факт регулярной доставки в Грузию русской периодики подтверждается соответствующими выдержками из переписки грузинских деятелей того времени, адресованной из России в Грузию и наоборот. Достаточно сослаться на два примера. В одном из писем состоявшего переводчиком в петербургском грузинском представительстве Симона Эгнаташвили (он же Семен Игнатьев. — *Д. В.*) [109] содержится следующая, весьма примечательная фраза: «Газеты первых месяцев были препоясаны накрест бумагою и запечатаны, где особо хранились царские письма, прочие же положены были вне газеты» [110]. Следовательно, каждый раз, когда в представительстве

---

[108] ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 20, ч. 4, л. 163. Письмо это любезно указано нам З. В. Цкитишвили.

[109] Об этой личности в письме (без даты) к Ираклию II Г. Р. Чавчавадзе сообщал: «По нашим делам переводчиком состоит Семен Игнатьев, тот самой, кой в приезд наш в Кременчуге к сыну вашему Мирпану от князя определен приставом и кой поныне здесь пребывает. Он же и у светлейшего князя (П. Д. Потемкина. — *Д. В.*) состоит в должности переводчика как словесных, так и письменных дел и всевозможныя оказывает нам свои услуги» (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 20, ч. 4, л. 143). Услужливость переводчика, которому Чавчавадзе вверил себя, «открыв ему свои тайны и дав узды моей повода ему в руки» (там же, лл. 143—143 об.), вселяла в посла неприятное чувство. И неспроста: выясняется, что С. Игнатьев (Эгнаташвили) состоял тайным осведомителем русского правительства. Об этом свидетельствует его приписка на полях процитированного письма: «От переводчика. Изыскивать их доверенность (т. е. Г. Р. Чавчавадзе) предписано мне именем его светлости (кн. П. Д. Потемкина. — *Д. В.*) и без упущения о всем доносил господину полковнику Попову, что сведать только мог. Притом помню долг присяги и верность к его светлости» (там же). Становится ясным, какой цели мог служить цитируемый русский перевод строго секретных писем Г. Чавчавадзе Ираклию II. Сын С. Игнатьева Н. С. Игнатьев также работал переводчиком с грузинского на русский в Коллегии иностранных дел.

[110] Цит. по кн.: *М. К. Гоцадзе*. История грузинской журналистики, стр. 37.

накапливалась корреспонденция в Грузию, к ней наряду с важными посланиями («царские письма») прилагались и русские периодические издания. Надо полагать, что вслед за номерами газет «первых месяцев» следовали и номера последующих.

Доставка русских газет и журналов в Грузию к концу XVIII в. была уже делом вполне обыденным. Об этом свидетельствует выдержка из письма 1798 г. из Тифлиса в Петербург внука Ираклия II Давида Багратиони [111]. В письме сказано: «Прошу не забыть... заплатить в типографии восемь миналтуни [112] для „Политического журнала" и взять билет (на подписку. — *Д. В.*) на имя Устаришвили за 1798, который является нынешним годом» [113].

Упоминаемый в письме царевича Давида «Политический журнал» был довольно распространенным тогда в России периодическим изданием, которое не избегало подчас довольно смелого, политически заостренного обсуждения на своих страницах важнейших событий современности. В журнале, в частности, был опубликован обстоятельный материал о Великой французской революции, который, надо думать, был одним из источников, питавших «вольтерьянские наклонности» молодого царевича. Д. Багратиони не только стремился быть в курсе всех новостей «французских событий», но и сочувствовал им [114].

Стремление царевича Давида удовлетворить потребность в печатном слове за пределами своей страны косвенно свидетельствовало о недееспособности тифлисской типографии. За пятилетие (1795—1799) в Тифлисе не было напечатано ни одной книги. Первые шаги к восстановлению сожженной дотла тифлисской типографии были предприняты самим Ираклием II, который приказал нанять работников, чтобы разрыть место, где была типография, и «все найденные вещи велел отвезти к нему» [115]. Но в 1798 г. Ираклий II скончался. Восстановление типографии продолжил его сын Георгий XII, последний царь Грузии. К этому делу он привлек прежде всего

---

[111] Адресат этого письма до последнего времени не был установлен. В кандидатской диссертации З. В. Цкитишвили «Из истории внешней политики Картлийско-Кахетинского царства в последней четверти XVIII века» (Тбилиси, 1966, стр. 262) утверждается, что данное письмо царевича Давида адресовано Г. Р. Чавчавадзе.

[112] Один миналтуни был равен пяти абазам, что соответствовало русским 10 гривенникам, т. е. рублю. «Миналтуни» буквально означает «тысяча алтын». Кстати, фактическая равнозначность этих понятий на грузинском и русском языках указывает на происхождение их от одной и той же восточной денежной единицы.

[113] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Н-2300, л. 56.

[114] *Л. Асатиани.* Вольтерьянство в Грузии. Тбилиси, 1933, стр. 64—68. Характерно, что в один из напряженных периодов развития Великой французской революции царевич Давид стремился заполучить словари для чтения русской и французской периодики. В письме из Тифлиса от 4 декабря 1792 г. на имя Я. Рейнегса он просил раздобыть для него «два словаря, один русский [издания] Нордштетов и другой французский, члена Академии...» (см. Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Н-609, письмо № 35, л. 118—118 об.).

[115] «Кавказ», № 48, 1846, стр. 4.

Христофора Бадридзе. Вновь приступили к сооружению здания для типографии, запросили бумагу из Турции. Начали отливать буквы, устанавливать станки, собирать печатников [116]. Трудами и заботами Бадридзе типография была отчасти восстановлена, за что ему было пожаловано утраченное его предками дворянское звание, кроме того, он был назначен «нацвалом» [117] селения Марткопи и наделен землями соответственно званию своему и должности [118]. Но, судя по количеству произведений, напечатанных в восстановленной тифлисской типографии, эффект ее работы был ниже по сравнению с предшествующим периодом. Здесь были напечатаны на грузинском языке в 1800 г. «Очерк» («ნარკვევი») царевича Давида и «Песнопения в честь богородицы» («დაუჯდომელი»), а в 1802 г.— «Объявление» генерала Кнорринга к населению Восточно-Грузинского царства, в котором сообщалось об учреждении «Верховного грузинского правления» под председательством самого Кнорринга [119]. Почти одновременно с напечатанием «Объявления» Кнорринга в тифлисской типографии на грузинском языке был размножен текст «Манифеста» Александра I о присоединении Восточно-Грузинского царства к России [120]. Полный тираж «Манифеста» с русским и грузинским текстом был отпечатан, как известно, в том же 1800 г. в Петербурге в типографии Сената, которая уже обзавелась грузинским гражданским шрифтом [121]. Оба текста — и «Объявление» Кнорринга, и грузинский вариант «Манифеста» — были отпечатаны в тифлисской типографии по 4000 экземпляров каждый и распространены повсеместно в Картли и Кахети [122].

Это был, пожалуй, первый случай в истории грузинской печати, когда печатная литература гражданского содержания возобладала над церковной. Наиболее значительным явлением был «Очерк» Д. Багратиони, который по правилам церковной цензуры мог быть вообще запрещен. В предисловии к «Очерку» царевич Давид писал: «Сочинил я краткую историю эту, составленную из многих русских и грузинских писем и называемую „История-очерк“, которая прослеживает путь всеобщей истории, т. е. Ассирии, Персии, Греции, России, Рима и Картли» [123]. «Очерк» являлся попыткой крат-

---

[116] *П. И. Иоселиани.* Жизнь царя Георгия XII, стр. 202.

[117] «Нацвали» — представитель царской власти на селе, соответствовал должности помощника окружного начальника (см. *Д. Чубинов.* Грузино-русский словарь. СПб., 1887, стр. 970).

[118] «Иверия», 1900, № 171, стр. 4.

[119] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 77, 78, 82.

[120] Это был второй случай, когда вновь учрежденная в Грузии русская администрация распространила среди населения грузинский текст документа. Первый имел место в Моздоке — с документом «Постановление внутреннего в Грузии управления» (см. «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 80).

[121] *В. С. Сопиков.* Опыт российской библиографии. СПб., 1904, ч. I, «Предуведомление», стр. LIX.

[122] *П. И. Иоселиани.* Указ. соч., стр. 242.

[123] *Д. Багратиони.* Очерк, стр. I (на груз. яз.). (Хранится в раритете Гос. публичной библиотеки им. К. Маркса г. Тбилиси.)

кого, но систематического изложения в основном истории Грузии, попыткой, в которой заметно стремление автора коснуться таких острых событий эпохи, как Великая французская революция, казнь Людовика XVI, образование республики во Франции, военные успехи Наполеона Бонапарта в Италии и Египте [124]. К сожалению, Д. Багратиони в своих произведениях («Очерк», «Новая история» и др.), как правило, не ссылался на газеты и журналы, из которых он заимствовал исторические факты, но у его современников уже встречаются и точные ссылки на источники. Так, младший брат царевича Давида — Баграт Багратиони в своей исторической хронике «Новый рассказ» часто ссылается на петербургские издания, указывая их выходные данные. Царевич Баграт пользовался преимущественно «Северной почтой», подробно освещавшей события в России, публиковавшей материалы об Отечественной войне 1812 г., о последующих военных неудачах Наполеона Бонапарта, об астрономических наблюдениях, явлениях природы и т. п.[125]

Проявление большого интереса к русской журналистике со стороны многих просвещенных грузин и, особенно, представителей грузинского царского дома, а также более или менее полное удовлетворение этого интереса через регулярную доставку в Тифлис петербургских и московских печатных изданий вовсе не означает того, что в самой Грузии тогда не изыскивались пути и возможности для создания местной периодической печати. В 1799 г., т. е. накануне возрождения тифлисской типографии, второй (после Давида) сын Георгия XII — Иоанн Багратиони разработал и представил царю проект улучшения системы государственного управления Грузией, в котором указывалось и на необходимость издания газеты. Она должна была выходить два раза в месяц и наряду с просвещением народа приносить доход казне [126]. Следовательно, вопрос об издании грузинской газеты был поставлен [127]. Более того, газета предполагалась не как частное, а как государственное издание, так как, по мнению М. К. Гоцадзе, «видимо, царевич Иоанн мыслил газету как орган, способствующий государственному управлению Грузии» [128]. Иоанн Багратиони, вероятно, имел в виду выпуск многотиражной грузинской газеты, ибо «в противном случае не удалось бы собрать значительную сумму от подписчиков» [129].

В толковании Гоцадзе данного места из проекта опущено замечание царевича Иоанна о культурно-просветительском назначении периодического органа, призванного расположить к себе народ, заставить его «пообвыкнуть» к такому важному культурному ме-

---

[124] Там же, стр. 63.
[125] *Б. Багратиони.* Новый рассказ. Тбилиси, 1941, стр. 135, 157—160 и др. (на груз. яз.).
[126] *И. Багратиони.* Законоположение. Проект государственных преобразований Восточно-Грузинского царства. Тбилиси, 1957, стр. 7 (на груз. яз.).
[127] *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики, стр. 40.
[128] Там же, стр. 41.
[129] Там же, стр. 40.

роприятию в жизни государства, как издание газеты. Этот пункт нам представляется весьма важным, несмотря на то, что стоит после упоминания автора проекта о коммерческой выгоде от издания газеты («აგრეთვე იბეჭდებოდეს გაზეთი თვეში ორჯერ აქედამაც იქნება შემოსავალი და ხალხნიც შეეჩჳვიან»).

Нам думается, что царевич Иоанн имел в виду выпуск газеты не в отдаленной перспективе, а с будущего, 1800 г., когда уже выдала бы свою первую продукцию восстановленная тифлисская типография. К сожалению, осуществление этого плана отодвинулось почти на 20 лет (1819 г.). Возобновленные братьями царя Георгия XII распри в Тифлисе, Картли и Кахети (в знак протеста против утверждения царевича Давида преемником грузинского престола), перебои в доставке бумаги, болезнь царя приостановили дело. Смерть Георгия XII в декабре 1800 г. положила конец печатанию книг[130]. К 1805 г. восстановленную пять лет назад тифлисскую типографию пришлось заново обновлять и строить.

---

[130] *П. И. Иоселиани.* Жизнь царя Георгия XII, стр. 202.

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО ПЕЧАТНОГО СЛОВА В ГРУЗИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Русско-грузинские политические отношения, закрепленные Георгиевским трактатом, были дополнены, как уже было сказано, культурно-экономическим сотрудничеством между двумя государствами. Последовавшее официальное присоединение Восточно-Грузинского царства к России (январь 1801 г.) ознаменовало новый этап в истории русско-кавказских отношений, положив, в частности, начало систематическому и организованному сотрудничеству в области культуры. Если в предшествующий период эти отношения развивались спонтанно и целиком зависели от политической ситуации на Кавказе и Ближнем Востоке, то с этого времени их развитие приобретает в определенном смысле самостоятельный характер.

Правда, общение кавказских народов и северного соседа не всегда в силу экономических интересов русского правительства носило бескорыстный характер. Однако независимо от них благодаря плодотворному сотрудничеству передовых деятелей России и Кавказа положительные результаты подобного сближения очевидны. Одно из свидетельств — история восстановления после присоединения Грузии к России тифлисской типографии, разгромленной персами в 1795 г. Обратимся теперь к документам (в том числе к выявленным нами в архивах Ленинграда и Тбилиси), освещающим одну из важных страниц в истории печатного дела в Грузии.

Мероприятия русской администрации по укреплению местной типографской базы

Н. Дубровин, излагая краткую историю восстановления при Георгии XII тифлисской типографии, ссылается на письмо Давида Корганова от 12 апреля 1803 г., адресованное вновь назначенному тогда главноуправляющим в Грузии Павлу Цицианову[1]. Надо по-

[1] *Н. Дубровин.* Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1866, стр. 130. Мы уже отметили выше почти полную идентичность цитат Дубровина из этого письма

лагать, что письмо это было написано как ответ на запрос П. Цицианова о состоянии типографии в Тифлисе.

Данные Центрального исторического архива Грузии позволяют проследить, какие меры были приняты Цициановым вслед за получением письма Д. Корганова. Но прежде следует остановиться на характеристике личности Цицианова и его полномочий как главноуправляющего в Грузии. Это поможет понять успехи просвещения и развития печатного дела в Грузии.

П. Цицианов происходил из рода обрусевших грузинских князей Цицишвили. Родился он в Москве в 1754 г. в семье известного деятеля грузинской печати в России Дмитрия Цицишвили, активного сотрудника московской грузинской типографии, основанной его дядей Афанасием Амилахвари. В типографии Д. Цицишвили исполнял обязанности по вновь учрежденной тогда должности «выправителя» грузинского текста церковных книг в соответствии с аналогичными славянскими текстами.

П. Цицианов начал службу в Преображенском полку; участвовал в войне с Турцией в 1786 г., командуя С.-Петербургским гренадерским полком. За проявленные в битве под Хотином военные способности Цицианов был произведен в генерал-майоры. После турецкой компании он со своим полком находился в Гродно, где участвовал в подавлении народного восстания, вспыхнувшего в 1794 г. в Польше.

К тому времени храбрость Цицианова приобрела такую известность, что даже Суворов в одном из своих приказов предписывал войскам «сражаться решительно, как храбрый князь Цицианов» [2]. Цицианов принял участие и в персидском походе графа Зубова, во время которого исполнял обязанности коменданта города Баку. В царствование Павла I Цицианов некоторое время находился в отставке, но с воцарением Александра I вновь был призван на службу. Незадолго до назначения в Грузию он «в 1801 году был пожалован в генерал-лейтенанты и назначен экспедитором отдела по военной части Государственного совета» [3]. Таким образом, ко времени отозвания Кнорринга из Грузии и назначения на его место Цицианова (11 сентября 1802 г.) последний считался одним из видных и приближенных к царю военных деятелей тогдашней России. Мы полагаем, что в назначении Цицианова в Грузию сыграло роль не только грузинское происхождение, знакомство с нравами закавказских народов во время зубовского похода, но, в первую очередь, его качества военачальника и администратора. Дело в том, что, «истомленная борьбою, страна эта (Грузия. — *Д. В.*) требовала в то время энергичного, твердого правителя и в этом отношении выбор Цицианова был безошибочен. В короткое

содержанию статьи без подписи «Сведения о типографиях в Грузии», опубликованной в № 48 газеты «Кавказ» за 1846 г.

[2] «Юбилейный сборник к столетию присоединения Грузии к России» под редакцией Н. Н. Бегичева. Тифлис, 1901, стр. 3.

[3] «Сакартвелос календари» («Календарь Грузии»), 1890, стр. 462.

время своего управления он успел не только успокоить Грузию, но и совершенно изменить карту тамошнего края. Он застал Закавказье состоящим из раздробленных, независимых ханств, опиравшихся на Персию и составляющих враждебное кольцо, охватывающее с трех сторон грузинские земли. Но прошло три года — и Цицианов оставил Закавказье почти в теперешних его пределах или по крайней мере наметил то, что довелось совершить его преемникам» [4]. В этом панегирике есть определенная доля истины. Однако нас более интересует гражданская деятельность Цицианова, его попечительство о просвещении соотечественников.

Документы свидетельствуют о том, что по прибытии в Грузию Цициановым были предприняты энергичные меры к изысканию «способов относительно введения в Грузии первых лучей просвещения, буде не вообще народного, то хотя здешнего дворянства, дабы по крайней мере поколение, в отроческих летах ныне пребывающее, вкусило блаженство, российским правительством для оного уготовляемое» [5]. Надо думать, что под словами «первые лучи просвещения» подразумевалась русская система образования, в ускоренном внедрении которой предвидел он «настоятельную необходимость» [6]. Цицианов допускал возможность введения в Грузии сравнительно широкого образования не только для привилегированных слоев, что, конечно, не следует приписывать «демократизму» Цицианова. Дело в том, что общеобразовательные (без подразделения на сословия) школы-училища в виде исключения существовали и в России [7]. Основание аналогичного учебного заведения, конечно, было оправдано для Грузии, где крупные политические потрясения на рубеже XVIII—XIX вв. (нашествие Ага-Магомед-хана, упразднение грузинского царского престола, учреждение новой системы государственного управления и др.) отрицательно сказались на состоянии народного образования. В Петербурге не сделали исключения для Грузии, очевидно, по экономическим причинам, из-за отсутствия подкрепления из местных ресурсов [8].

---

[4] «Юбилейный сборник к столетию присоединения Грузии к России», стр. 3—4.

[5] «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. II. Тифлис, 1868, стр. 196, док. 366 (далее — АКАК).

[6] АКАК, т. II, стр. 198, док. 371.

[7] Одно из таких училищ основано было в 1789 г. в г. Екатеринограде. «Ведомость о состоянии народных и домашних училищ, в Кавказской губернии находящихся» (март 1790 г.) содержит справку о составе учащихся: «Ученики разделяются по породе их на нации, как-то: на россиян, малороссиян, немцев, армян, грузин; по состоянию: на детей штаб-офицерских, офицерских, приказных, купеческих, священнических, мещанских, солдатских, казачьих и на детей господских людей. В рассуждении пола: на мужской и женской, по возрасту — от шести до 15-летних» (ЦГИА СССР, ф. 730, оп. 2, д. 1811, л. 2—2 об.).

[8] В качестве основы для финансирования создаваемого в Тифлисе дворянского училища Цицианов полагал дань в 10 тыс. руб., которой он обложил джарбелаканских лезгин, выплачивавших ее Грузии натурой, т. е. поставкой возделываемого ими шелка. Этот немаловажный момент, как «нимало не отя-

Поэтому стремление Цицианова основать в Тифлисе дворянское училище, возможно, осталось бы на бумаге, как и в случае, имевшем место в Грузии незадолго до его вступления в должность главноуправляющего [9]. Но, к счастью, этого не случилось. 21 мая 1804 г. было открыто двухклассное дворянское училище, в котором наряду с русским и грузинским языками преподавались арифметика, грамматика обоих языков, сокращенный катехизис, история, геометрия, география и рисование. Количество учеников («детей княжеских и дворянских») составляло 45 человек. В качестве преподавателей русского языка были приглашены канцелярские служители так называемого верховного грузинского правительства Плещеев и Покровский, а священник Кавказского гренадерского полка Григорий — преподавателем грузинского языка [10]. Директором училища был назначен священник Казанского мушкетерского полка дворянин Алексей Петриев (Петриашвили), который до того служил при Цицианове в должности переводчика [11].

Одно из главных предназначений Тифлисского училища состояло в том, чтобы заложить «твердое и полезное основание российскому языку в той земле, где все судопроизводство на российском языке отправляется и без коего тяжущиеся обойтиться не могут». Из практической заинтересованности вытекало также намерение Цицианова ежегодно посылать для обучения в пансион Московского университета сперва по 8, а затем и по 16 юношей-грузин. Выпускников Тифлисского училища, а также грузин, закончивших курс учения в Москве, Цицианов предполагал использовать в качестве служащих местных государственных учреждений и переводчиков, в которых тогда ощущалась большая потребность.

В соответствии с намечаемой царизмом планомерной колонизацией Закавказья умножение числа переводчиков и внедрение русского языка призвано было, прежде всего, способствовать более ускоренному всестороннему освоению сперва Грузии, а затем и других областей Кавказа. Вместе с тем изучение русского языка в этих странах вело независимо от планов русского правительства к культурному развитию местного населения.

Русский язык становился средством не только сближения дружественных народов, но и ключом к усвоению русской науки, литературы и искусства.

гощающий казну», безусловно, был учтен Главным управлением училищ при положительном решении вопроса об учреждении в Тифлисе дворянского учебного заведения (см. АКАК, т. II, стр. 196—197, док. 366, 368).

[9] См. донесение кн. Цицианова гр. П. В. Завадовскому от 27 июня 1803 г. (там же, стр. 196, док. 367). Здесь содержится ссылка на рапорт бывшего правителя Грузии Коваленского об открытии в Тифлисе дворянского училища, датированный декабрем 1802 г. и адресованный Цицианову в Георгиевск. Однако по приезде в Тифлис Цицианов не обнаружил «ни учеников, ни учителей, ни даже училища» (там же). Ср. АКАК, т. I. Тифлис, 1866, стр. 509—510, док. 611; стр. 510—512, док. 612.

[10] АКАК, т. II, стр. 195, док. 365.

[11] Там же, стр. 197, док. 367.

Цицианову приходилось преодолевать различные затруднения и после создания училища в Тифлисе. Это видно из официальных донесений Цицианова министру просвещения гр. П. В. Завадовскому с просьбой «о снабжении оного училища учителями, к высшим классам способными» [12], а также «о доставлении до Моздока... из С.-Петербурга или из Москвы книг, издаваемых для народных училищ, — каждой по 30 экземпляров, за покупку и доставление коих при первом почтеннейшем извещении следующие деньги препровождены будут от меня без замедления» [13].

Здесь не случайно упоминается город Моздок как перевалочный пункт в доставке учебной литературы. Расстояние от Тифлиса до Моздока считалось наиболее опасным отрезком на пути следования от столицы Грузии до Москвы и Петербурга. Поскольку организованный проезд и провоз корреспонденции и багажа на этом отрезке пути сопровождался усиленным военным конвоем, то соответственно и дорожные расходы стоили вдвое больше, чем от Моздока до центральных городов России: «Высочайше конфирмованным в 13-й день июня 1805 года докладом бывшего главного директора почт Трощинского постановлено: весовые деньги за расстояние от Тифлиса до Моздока, содержащее в себе 258 верст, в рассуждении затруднительного пути и содержания почт казаками взимать вдвое против таксы, в России действующей, на каком основании брать и страховые деньги за посылки и за пересылаемые деньги; за расстояние от Моздока в российские города до назначенного в письме места брать уже сколько положено по таксе между российскими городами. За письма и посылки, из Моздока и через Моздок из России в Грузию проходящие, взыскивать деньги с тех, кому они адресованы, разумея за расстояние 258 верст» [14]. Трудности на указанном отрезке пути подтверждаются и другими источниками: «В Моздоке или по ту сторону реки Терека, в Александровском редуте, в двух верстах на юго-западе от сего города лежащем, все проезжающие в Грузию обязаны ожидать почты, приходящей из России. С почтою, для охранения от хищников, дается конвой, который провожает весь собравшийся караван через Малую Кабарду до Константиновского редута. Таковое военное прикрытие обыкновенно состоит из роты пехотных солдат при одном орудии и из нескольких десятков линейных казаков; но иногда оное увеличивается, смотря по времени и обстоятельствам» [15].

---

[12] Там же. Характерно, что реакция Министерства просвещения на этот запрос была сравнительно оперативная: в сентябре 1803 г. Главное управление училищ известило Цицианова об отправлении в Грузию двух преподавателей русского языка для определения их на работу в Тифлисское благородное училище (там же, стр. 198, док. 370).

[13] Там же, стр. 197, док. 367.

[14] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 233, л. 61—61 об.

[15] «Тифлисские ведомости», 1830, № 18, стр. 4. В примечании к данной заметке сказано, что «дорога (т. е. маршрут следования из России в Грузию. — *Д. В.*) в 1825 году переменена и идет теперь во Владикавказ из Екатеринограда».

В Моздоке, расположенном на так называемой Кавказской линии, непосредственно подчиненной главноуправляющему Грузии, проживало немалое число грузин, обосновавшихся там в разное время, особенно после нашествия персов на Грузию в 1795 г. Среди них было немало представителей служилого дворянства, которые, находясь в отдалении от родины, были движимы стремлением принести ей пользу [16]. Цицианов, должно быть, рассчитывал и на их поддержку.

В Моздоке, как мы уже говорили в предыдущей главе, проживал Гайоз Вагошошвили, основавший здесь грузинскую типографию. Как видно из письма Цицианова к Гайозу от 25 января 1805 г., Гайоз к тому времени был уже пензенским архиереем. Это же письмо свидетельствует, что Гайоз отправил Тифлисскому дворянскому училищу 630 экземпляров «Грамматики грузинского языка» и 600 экземпляров «Грузинской азбуки», отпечатанных в Моздоке, первая в 1796—1800 гг., а вторая — в 1797 г.[17] Все книги в сохранности были доставлены по назначению.

Цицианов сердечно благодарил Гайоза за «столь драгоценное и столь полезное... приношение», обязывавшее «младых соотичей ваших к всегдашнему при благородных чувствиях имени вашего

---

[16] Об одном из грузин — уроженцев Моздока, в частности, ходатайствовал в октябре 1804 г. перед Цициановым царевич Давид Багратиони, находившийся тогда в Петербурге. Он писал Цицианову: «Пред сим по получении из службы увольнения, по поданному от него прошению, отправился из Санкт-Петербурга в Моздок коллежский асессор Чилаев, продолживший службу в Коллегии иностранных дел. Он тамошний житель, имеет в Моздоке дом и брата, и по довольной мне о нем известности, так как он долго находился при братах моих приставом, знает российский и грузинский языки столь в превосходной степени, что все известные мне и вам доныне сих языков [знатоки] далеко весьма не равняются с ним. Он весьма искусен писать по-русски и по-грузински, а в поведении его найдете вы то совершенство, которому без сомнения и вы сами полную припишете справедливость; и как мне думается, что по нахождению вашему в том краю, должен быть таковой человек нужен для вас, для собственного вашего некоторым образом спокойствия, то и советую предложить ему службу опять при вас. Сим исполняя вам долг мой дружеский, предоставляю в прочем на волю вашу» (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 47—47 об.).

[17] «Грузинская книга. Библиография», т. I. Тбилиси, 1941, стр. 74. Составители первого тома библиографии грузинской книги справедливо полагают, что указанные в конце текста «Грамматики» год (1789) и город (Кременчуг) означают: в первом случае время завершения работы над книгой, а во втором — место, где она была написана, а не напечатана. Гайоз как церковный сановник некоторое время служил в Кременчуге, который наряду с Моздоком считался местом активного сосредоточения грузин, направлявшихся либо из Грузии к центрам России, либо наоборот. Известно, например, что в Кременчуге проездом останавливались сотрудники грузинского представительства в Петербурге, а в 1785 г. там проездом в Петербург побывал также и царевич Мириан (сын Ираклия II) со свитой (см. ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 20, ч. 4, л. 143). Некоторые исследователи, исходя из указания в конце текста «Грамматики» Гайоза на г. Кременчуг, ошибочно полагают, что в этом городе была грузинская типография (см. *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга. Тбилиси, 1929, на груз. яз.). Автор допускает даже, что Гайоз перевез свою типографию из Кременчуга в Моздок (там же, стр. 86).

воспоминанию». Характерно, что Цицианов считал себя вдвойне обязанным Гайозу за его дар, излагая «чувствительнейшую мою благодарность как по знанию моему, так и потому, что я предками моими связан с Грузиею» [18].

На первый взгляд трудно понять, зачем при тех неограниченных возможностях, какими располагал главноуправляющий Грузией, потребовалось обращаться за помощью в Моздок. А права Цицианова были действительно неограниченными. Указ Александра I от 30 января 1803 г., данный астраханскому военному губернатору и главноуправляющему Грузией кн. Цицианову, дает об этом полное представление: «Я еще должен повторить вам, чтоб вы в отдаленности сей не считали себя обязанным ожидать нарочитых предписаний или разрешения на все те предметы, кои для пользы службы представиться вам могут. Мне приятно будет, чтоб по всем частям доверенность мою и власть, вследствие оной вам данную, обратили вы сами собою к сему концу по лучшему вашему усмотрению, донося только мне обстоятельно обо всем том, что вами учинено будет» [19]. Несколько позже царь снова писал Цицианову: «Министру финансов предписал я, согласно с требованием вашим, доставить в распоряжение ваше всю сумму, на годовое жалованье по штату грузинского правительства положенную, присоединяя к тому 50 000 на расходы, экстраординарно случиться могущие. Вы можете употребить оную по лучшему вашему усмотрению, доставляя сюда для порядку и дабы ранее принимаемы могли быть меры, чтобы таковая экстраординарная сумма всегда у вас находилась каждый месяц или по мере расходов ведомости оным» [20]. В заключение этого же письма, где подтверждалась ранее высказанная царем мысль о неограниченности прав Цицианова в Грузии, было сказано: «Я разрешить должен вопрос ваш, чтобы большое расстояние и медленность в получении предписаний, от оного проистекающая, не могла затруднить вас в исправлении дел, на вас возложенных, вы же по сему пункту совершенно развязаны, и мне остается только повторить, чтоб вы отнюдь не затрудняли себя ожиданием на всякое дело отсель предписаний, но чтоб распоряжались в оных как наилучше для пользы службы моей признаете» [21].

При таких возможностях Цицианову, разумеется, не стоило особого труда доставить из России литературу, в которой нуждалось Тифлисское дворянское училище. Но Цицианов учитывал, что министр просвещения России мог обеспечить училище литературой только на русском языке, которую, за исключением учебников по русскому языку, нельзя было пока использовать без перевода. Цицианов логично поступил, запросив оригинальную грузинскую учебную литературу, и, прежде всего, пособия по изучению грузинского

---

[18] АКАК, т. II, стр. 199, док. 375.
[19] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 7, д. 2, л. 3.
[20] Там же, л. 3 об.
[21] Там же, лл. 3 об.—4.

языка, у своих соотечественников, проживавших в России и причастных к грузинскому книгопечатанию. Мы не располагаем документами, подтверждающими гипотезу о более раннем знакомстве Цицианова с Гайозом, однако нет ничего невероятного, что Цицианов, выросший в семье Дмитрия Цицишвили и вращавшийся в кругу грузинских книгоиздателей в России, мог знать о существовании грузинской типографии в Моздоке. Об этом свидетельствует отчасти письмо члена Синода архиепископа Варлаама[22] Цицианову от 10 января 1805 г. из Петербурга в Тифлис. Письмо наводит на мысль о том, что содержащееся в нем сообщение адресовано Цицианову отнюдь не случайно, что последний близко принял и порадовался бы известию, которое сообщал ему адресат. «Прося бога о благополучном пребывании Вашем, — писал Варлаам, — доношу Вашему сиятельству, что так как лучше здешнего, дешевле и скорее нигде бы не печатали книгу торжественную (то есть календарь), как в России, то по приказанию Синода в Московской типографии начали печатать оной, и весьма радуюсь тому, что так как еще на грузинском языке не печатали календарь и ныне в правлении Вами Грузиею будет печатан в украшение церкви, то думаю, что и Вашему сиятельству приятно будет. В протчем остаюсь с преданностью, прошу не забывать меня»[23].

Подобная осведомленность о состоянии грузинского книгопечатного дела за пределами Грузии, а также контакт, установившийся с Гайозом, помогли Цицианову не только обеспечить Тифлисское училище литературой, но и подвести реальную базу под возрождение тифлисской типографии.

Многое из предназначенного для учебных пособий нуждалось в размножении и прежде всего богатое наследие католикоса Антония I, а также учебные пособия, составленные или переведенные с русского на грузинский язык проживавшими в России грузинами. Е. Н. Болховитинов писал в 1802 г.: «Преосвященный Варлаам, архиепископ Ахталымский и член св. Синода, сочинил ныне и напечатал в Санкт-Петербурге краткую грузинскую грамматику. Некоторое руководство к арифметике давно уже было на грузинском языке, но недавно переведена еще и арифметика, для российских народных школ изданная. Есть также у них (грузин.— *Д. В.*) и географический атлас всеобщий, переведенный с российского, однако ж употребляется еще письменной»[24]. И далее: «Из всех вышеупомянутых классических книг ни одна кроме краткой грам-

---

[22] Архиепископ Варлаам, назначенный впоследствии экзархом Грузии, происходил из княжеского рода Эристави. Вот справка о нем Е. Г. Вейденбаума: «Варлаам — в мире князь Эристов, митрополит Мцхетский и экзарх Грузии (с 8 июля 1811 г.), экзарх Имеретинский (30 августа 1814—14 мая 1817 г.), потом присутствовал в Синоде до 1825 года, когда ему [был] предоставлен в управление Московский Данилов монастырь. Умер 8 декабря 1830 г.» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 25, стр. 14).

[23] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 81.

[24] *Е. Н. Болховитинов.* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. СПб., 1802, стр. 76.

матики и букваря не напечатана, а употребляются все в Тифлисе по школам рукописными» [25]. Под «вышеупомянутыми классическими книгами» подразумевались приводимые автором образцы грузинской гражданской литературы, в том числе «Лексикон» Сулхана-Саба Орбелиани, а также некоторые из сочинений и переводов католикоса Антония I, созданные им во время пребывания в России. Болховитинов писал о нем: «В бытность на сей епархии (Владимирской. — *Д. В.*) он усовершил себя в латинском языке; вместо кратких правил грузинского языка, предначертанных еще в Грузии, сочинил уже пространную грузинскую грамматику, применяясь к российской Ломоносовой и другим; написал также Катехизис; перевел на грузинский язык Баумейстерову философию и дефинитивную философию того же автора, а притом еще и Волфианскую физику». При возвращении своем в Грузию Антоний I, как отмечает Болховитинов, «все вышеупомянутые книги привез туда с собою и, заведя там школы, приказал в них преподавать оные, а Катехизис изъяснять публично в церкви» [26].

Все это подтверждает наличие в то время как в России, так и в Грузии многих, преимущественно рукописных, грузинских книг, соответствовавших программе Тифлисского дворянского училища, которые не могли, однако, использоваться в качестве массовых учебников из-за отсутствия тогда в Грузии реальной возможности их размножения печатным способом. Именно поэтому в письме вновь назначенного руководителем Тифлисского училища А. Петриева к Цицианову подчеркивалось, что «в типографии предлежит здесь, конечно, крайняя нужда — как для снабдения края сего изданными государственными законами и правилами, для него нужными, да и впредь имеющими воспоследовать монаршими повелениями, касающимися до земли сей, так равно и для напечатания книг, нужных к просвещению юношества, вступаемого в училище... Книги, имеющие быть напечатаны в типографии сей, должны быть переведены с российского диалекта на грузинский, а может быть и некоторые из сего на оный. И для того нужна как цензура, так и переводчики, в обоих языках сведущие. Те, на коих имеют быть возложены сии должности, не должны остаться без внимания Вашего сиятельства, ибо, сколько мне ни случалось видеть переводов с российского на грузинский диалект или с грузинского на российский, иные, осмеливаюсь сказать, совсем негодны, а другие требуют немалой поправки и потому исправляющим оные, или вновь переводящим не малой и всегдашней предлежать должен труд» [27].

---

[25] Там же, стр. 78.

[26] Там же, стр. 75.

[27] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 72 об. В этом же письме к Цицианову А. Петриев в дополнение к своим обязанностям директора Тифлисского училища предлагал главноуправляющему услуги в качестве переводчика с обоих языков: «Если к сим обязанностям (переводчика. — *Д. В.*) признаете, ваше сиятельство, меня способным, — я всеконечно оные принять не отрекусь, желая хоть сколько-нибудь доказать моего усердия к пользе об-

Характерно, что при том голоде в учебниках для начального образования, который ощущался тогда в Грузии, из Петербурга присылалась тенденциозно подбираемая литература сугубо военного содержания. Мысль о том, что среди населения Грузии, непосредственно граничащей с враждебно настроенными Ираном и Турцией, следует культивировать готовность к военной службе, принадлежала самому Александру I. В донесении министру внутренних дел Кочубею от 10 марта 1804 г. Цицианов подтверждал получение присланной из Петербурга книги «Российская полевая фортификация», которая была специально переведена на грузинский язык по «высочайшему повелению» (одновременно задерживалась присылка в Грузию российских учебников для перевода на грузинский язык). На предписание Александра I употребить книгу «с пользою и удобностию» Цицианов отвечал, что «оная книга едва через 5 лет может быть здесь читаема, потому что довольная часть князей читать по-грузински не умеют, да и если б и умели, то понимать не могут технических терминов фортификации, как-то: профиль, берма, бруствер и прочее, кои в ней без толкования значения переведены» [28]. Не исключено, что в данном случае Цицианов намеренно сгущал краски, говоря об уровне грамотности грузинских князей, рассчитывая на то, что российское правительство выделит средства для скорейшего возобновления типографии в Тифлисе: «Потому и препровожу я ее (книгу. — *Д. В.*) в библиотеку Тифлисского училища, — писал князь в донесении не без намека,— дабы со временем, когда заведена будет при оном типография и найдутся ученики в состоянии ее понимать, приложа толкование оных названий, ее напечатать и употребить во исполнение священной воли е. и. в.» [29].

Надо отдать должное Цицианову, который, несмотря на свое частое отсутствие из Грузии в связи с военными походами за пределы Закавказья, не оставлял без внимания типографию в Тифлисе. Из письма А. Петриева к Цицианову видно, с каким увлечением принялся главноуправляющий за возобновление типографии: «Находясь я более года при вашем сиятельстве, должен был понять, сколь ревностно желаете вы составить пользу как вообще вверенного вам края, так и в особенности каждого человека. В доказательство того же неоднократно изволили вы мне приказывать о восстановлении здесь типографии...» [30] Цицианов полагал, что положительное решение вопроса о тифлисской типографии не терпит отлагательства по многим, в том числе и чисто практическим, соображениям. Русская администрация в Грузии понимала, что без четко

щественной и тогда потщусь оправдать сделанную мне доверенность — переводя, соответственно времени, все то, что найдется нужным для здешнего края. Для вспомоществования же мне считаю нужным священника Иоанна Картвелова (Картвелишвили), учителя 1-го класса — в грузинском языке довольно хорошо сведущего, и одного переписчика» (там же, л. 75).

[28] АКАК, т. II, стр. 198, док. 373.

[29] Там же.

[30] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 72—72 об.

налаженной информации, систематического контакта с местным населением посредством печатного слова на грузинском языке невозможно осуществлять мероприятия по освоению вошедших в состав России областей. Многочисленные «обвещания» Цицианова, по различным поводам обращенные к населению Грузии, а иногда и сопредельных территорий, требовали именно печатного размножения текста.

Наконец, заинтересованность Цицианова иметь в Грузии исправную типографию могла проистекать и из соображений честолюбивого характера. Неизменно подчеркивая свое превосходство над владельцами закавказских провинций, с которыми Россия находилась тогда в состоянии войны, Цицианов в своих рукописных прокламациях часто ссылался на свою приверженность, в отличие от них, к европейским методам ведения войны. Так, после подавления сопротивления джарбелаканских лезгин Цицианов с небольшим отрядом вступил в Ганджинское ханство. В одной из своих прокламаций к местному владельцу Джавад-хану он писал: «Первая и главная причина моего прихода сюда та, что Ганджа со времени царицы Тамары принадлежала Грузии и лишь слабостию царей грузинских отторгнута от оной... Пришед с войсками брать город, я, по обычаю европейскому, должен, не приступая к пролитию крови человеческой, предложить о сдаче города. Буде завтра, в полдень, не получу ответа, то понесу под Ганджу огонь и меч, и вы узнаете, умею ли я держать свое слово» [31]. Вряд ли следует сомневаться, что Цицианову могло импонировать свои ультимативные обращения к противнику видеть изображенными не от руки, а печатным способом. Это предположение тем вероятнее, что в то время в России главнокомандующим армиями разрешалось иметь при своей ставке так называемые походные канцелярии, которым иногда придавались и военно-походные типографии. Эта традиция, как известно, восходила к Петру I, который во время Каспийского похода имел при себе небольшой печатный станок.

В совокупности все вышеперечисленные причины и привели к повторному возрождению тифлисской типографии. В ответ на запрос Цицианова, адресованный Корганову, как человеку, «участвовавшему в работах по типографии» [32], последний дал пространное объяснение. Некоторые оттенки пристрастности к Христофору Бадридзе, явственно проскальзывающие в письме Корганова, — осадок прежних конкурентных отношений — не снижают, однако, объективного значения этого документа. Главноуправляющего заинтересовало, прежде всего, сообщение о том, что «персияне никаких инструментов железных не увозили, и если ныне в Тифлисе, в Карталинии и прочих местах находятся типографические инструменты или свинец, то все оные принадлежат казне и никто на них никаких

[31] «Юбилейный сборник к столетию присоединения Грузии к России», стр. 4.
[32] *Н. Дубровин.* Закавказье от 1803—1806 года, стр. 130.

издержек не имел»[33]. На вопрос Цицианова, у кого и где следовало искать оборудование, Корганов дал исчерпывающий ответ: «Я сложил (часть уцелевшего типографского оборудования. — *Д. В.*)... в церкви Метехи, а некоторые оставались у священника Христофора [Бадридзе]. Во время царя Георгия [XII] помянутый священник, все типографические материалы забрав к себе и донеся ему, что исправит типографию, потребное число денег на исправление получил от царя Георгия и от царевича Давида, как ныне видно по баратам и по ведомостям»[34].

Цицианов предписал исполняющему обязанности правителя Грузии И. Коваленскому: «Препровождая при сем письмо ко мне на грузинском диалекте с переводом мушриба Давида Корганова, что инструменты грузинской типографии, существующей еще при царе Ираклие, оставшиеся в церкве Метехи и у священника Христофора, есть казенные и никто на них никаких издержек не имел, предписываю вашему высокоблагородию с получения сего нимало не медля учинить исследование: какие именно остались от времен тех инструменты значащейся в письме том типографии и где оные теперь находятся, также присвоение оной типографии священником Христофором на каких основано доказательствах; ибо неустройство при покойных царях и неизвестность действительно казне царской принадлежащего, может быть поводом того присвоения, а подобное Корганова показание должно привести оное в известность, и по учинении такого исследования уведомить меня с возвращением прилагаемого при сем письма»[35]. Как видно из этого документа, подозрение в незаконном присвоении оборудования тифлисской типографии пало на Христофора Бадридзе, который после кончины Георгия XII обосновался в селении Норио, в пригороде Тифлиса[36]. Бадридзе спешно доставили в Тифлис, где у него лично Коваленским были «отобраны показания и его сиятельству (кн. Цицианову. — *Д. В.*) препровождены»[37].

Насколько первостепенным делом считалось тогда восстановление тифлисской типографии, можно судить по необычной быстроте проведения расследования. Пока Бадридзе писал объяснительную записку, в которой пытался доказать свою правоту, Коваленский

---

[33] «Кавказ», № 48, 1846, стр. 4.

[34] Там же.

[35] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 115, л. 1.

[36] «Иверия», 1900. № 171, стр. 4.

[37] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 115, л. 8. Судьба Х. Бадридзе (Кежерашвили) после напечатания им в тифлисской царской типографии двух последних книг в 1800 г. была неизвестна. Некоторые исследователи (в частности, А. А. Рогава) в связи с тем, что в «Песнопении в честь богородицы» („დაუჯდომელი“), напечатанном в июле 1800 г., Х. Бадридзе не упоминается ни как типографщик, ни как управитель, считали, что Бадридзе «покинул типографию между декабрем 1799 года и июлем 1800 года» или, «может быть, он скончался тогда или надолго заболел и не мог в типографии продолжать работу» (*А. А. Рогава.* Общественное развитие Грузии и политика Ираклия Второго, докт. дисс., на русск. яз. Тбилиси, 1966, стр. 658).

списался с тифлисским комендантом майором Саакадзе, а также с комендантами и капитан-исправниками других городов Грузии, предлагая им «оповестить в городе, вам вверенном, нет ли у кого помянутых (типографских. — *Д. В.*) инструментов, и буде найдутся, то с приложением регистра с описанием оных немедленно его сиятельству донести» [38]. Менее чем за два дня в канцелярию правителя Грузии поступили сообщения из Телави, Сигнахи, Душети, Гори, Дзията и других мест [39]. Интересные сведения по восстановлению тифлисской типографии содержит обнаруженный нами документ, озаглавленный «Перевод с объяснения на вопросы исправляющего должность правителя Грузии коллежского советника Коваленского придворного священника из дворян Христофора Бадридзе» [40]. Приводим его целиком (сопоставляя с приложенным к нему грузинским оригиналом, так как некоторые места при переводе были опущены): «На требования Вашего высокоблагородия, сколько типографических инструментов осталось у меня после разорения города Тифлиса Ага-Магомет-ханом, при сем прилагаю регистр, показывающий всю подробность оных, сколько же суммы на исправление типографии отпущено покойным царем Георгием, ответствую, что я никаких денег не получал, окромя двух абазов, да на изготовление для пробы литер отпускаемы были материалы, как-то: свинец, железо, медь, постное масло, веревки, сталь, — в доказательство чего я имею грамоту от царя Георгия [41], в коей повелевается исправить типографию, не упоминая ничего о деньгах; Давид-царевич обещал мне 100 р., но дал только 50 р. не на поправление однако ж типографии, но за печатание 300 экземпляров Истории [42], из коих отдано ему, царевичу, 100, а 200 осталось у меня, за которые не получил я остальных 50 р. денег и за переплет оных, на что и имею барат (расписку. — *Д. В.*) за собственноручным его, царевича, подписанием. Также царь Ираклий о учиненном со мной расчете дал мне грамоту, подтверждающую, что на мне нет никакого начету. Что же касается до присвоения якобы мною сей типографии, то я никогда сего и не думал и инструменты не токмо казенные, но и свои собственные готов отдать, яко ненужные мне, а особливо имея в виду, что таковой завод без повеления начальства устраивать никто не может» [43].

Переводчик опустил немаловажное, на наш взгляд, замечание Бадридзе о том, что ему неведома судьба типографских «инстру-

---

[38] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 115, л. 8.

[39] Там же, лл. 10—16.

[40] Там же, л. 3. Документ этот по-грузински озаглавлен: „მის მაღალ მხვლელობას ივან ივანიჩს კავალინსკს წინაშე მოხსენება აზნაურის კარის მღვდლის ქრისტეფორე ბადრიძისაგან“ (там же, л. 5).

[41] Имеется в виду упоминаемая нами выше грамота — «сигель» („წყალობის წიგნი და სიგელი“) Георгия XII (см. «Иверия», 1900, № 171, стр. 3—4).

[42] Имеется в виду „ნარკვევი“ («Очерк») Д. Багратиони (Тифлис, 1800).

[43] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 115, л. 3.

ментов, утраченных во время нашествия Ходжа-хана (Ага-Магомед-хана. — *Д. В.*), не знаю, кем они увезены. Из типографского оборудования, о котором заявляет Давид-мушриб, все, что имеется у меня, отразилось в „Перечне", а чего в нем нет, не ведаю, у кого оно имеется» [44]. Русский дубликат «Перечня», озаглавленный «Список типографическим инструментам, находящимся у священника Христофора», прилагался к «Объяснению» Бадридзе. Он состоит из девяти пунктов, которые также приводим целиком: «1) Три станка, из коих один только исправен, во втором нет медной доски, а в третьем есть доска, но не совсем готовая, и оба сии последние без железных припасов; 2) несколько литер, для пробы сделанных [45]; 3) формы четырех сортов для делания литер церковных на весь алфавит грузинский, а гражданских — один сорт; 4) ящик деревянный — один, для раскладки букв; 5) два инструмента, один — железный, другой — медный для набирания букв, „гония" называемые; 6) один инструмент железный для связки букв; 7) четыре формы, употребляемые при делании букв, в кои наливается свинец; 8) железные тиски — одни; 9) пилочка и молоток железный — один» [46].

В конце «Списка» имеется примечание Бадридзе, также не включенное в русский перевод. Оно интересно тем, что несколько дополняет справку об оснащенности тифлисской типографии, содержащуюся в предыдущем документе. В «Примечании» сказано: «Из отмеченных выше двух типографских досок одна находится в Гори и хранится у Качкачишвили Габриеля» [47]. Туда же были доставлены, оказывается, после ухода полчищ Ага-Магомед-хана из Грузии неким священником Иосифом, связанным с типографией, еще одна типографская доска «государственная», один печатный станок самого Бадридзе и один железный ковш (ტაფა), которые «с тех пор хранятся в Гори» [48].

Содержание приведенных документов дает основание утверждать, что в 1800 г. типография была восстановлена лишь частично, но и это стало возможным лишь в результате случайного обнаружения

---

[44] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 115, л. 5. Наш перевод данной выдержки ср. с грузинским текстом:
„რაც იარაღი დაკარგულა ხოჯა — ხანის მოსვლაზე და სტამბას აკლია იმისი არა ვიცი რა ვის წაუღია, რაც დავით მუშრიბი იარაღს აცხადებს ამის მეტი არც რა ჩემთან არის რაც ნუსხაში არ დაიწერა და არ ვიცი ვისა აქვს".

[45] Примечание (на груз. языке), также опущенное в русском переводе: „ტყვია არის ჩამოსხმული მხედრული ასოსი, რომელიც კურთხეულმა მეფე გიორგიმ პრობისათვის ინება", что означает: «свинец был отлит в гражданские буквы («мхедрули». — *Д. В.*), которые благословенный царь Георгий пожелал для пробы» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 115, л. 4).

[46] Там же.

[47] Там же, л. 6.

[48] Там же. Вопреки утверждению Бадридзе, исполняющий обязанности горийского коменданта капитан Рейх и капитан-исправник Горийского уезда сообщили Коваленскому, что ни в городе Гори, ни в Горийском уезде «таковых инструментов (типографских. — *Д. В.*) здесь никогда не было и ныне не имеется» (там же, лл. 15, 16).

части типографского оборудования, вывезенного персами за пределы Тифлиса и даже Грузии. Публикуемые ниже документы опровергают несколько противоречивое утверждение газеты «Кавказ», будто «персияне никаких инструментов железных не увозили» [49] и что — когда «типография была сожжена — четырех образцов формы медные были увезены в Ганджу» [50], а из этих медных форм лишь «одного образца как-то досталось здешнему [тифлисскому] жителю, который и представил ее царю Ираклию» [51]. Последнее утверждение газеты оказалось верным.

«Здешним жителем», которому посчастливилось уберечь не только медную доску «одного образца», но и определенную часть оборудования разоренной персами тифлисской типографии, являлся, как нам удалось установить, золотых дел мастер при дворе грузинского царя армянин Мосес Джанджгазов. В своем обращении на имя министра внутренних дел А. Куракина, представленном в ноябре 1803 г., Джанджгазов [52] сообщал, в частности, следующие любопытные сведения: «Когда Мамет-хан Персидский (Ага-Магомед-хан. — *Д. В.)* разорил Грузию, тогда я, бывший в городе Гандже, сведал о похищении персианами Грузинской царской типографии, которую выкупил за 500 рублей серебром. Потом вывезши ее в Грузию, при царе Георгие [53] и объявил ему о том. За что он, благодаря меня, приказал типографскому начальнику протоиерею Христесию (Х. Бадридзе. — *Д. В.*) принять от меня оную с тем, что показанные деньги и сверх того я получу от его высочества награждение. Но за сим вскоре последовала кончина царя, а я остался без удовлетворения. По прибытии же в Грузию главнокомандующего князя Цицианова сия типография по приказанию его взята от Христесия в хранение Казенной экспедиции, где и по днесь находится. В то время я, бывши в отлучке из Тифлиса, не мог просить о том его, Цицианова, ибо был уверен царицею Дарией, что получу мне принадлежащее. Потом вскоре последовало из Грузии отправление царицы, с которою долженствовало и мне следовать сюда (в Петербург. — *Д. В.*). Находясь здесь при царице зубных и серебряных дел мастером, по самую кончину ея высочества был обнадежен, что она исходатайствует от монарших щедрот ту принадлежащую мне сумму и еще достойное за то награждение. Но внезапная кончина ее лишила меня той верной надежды, которую только я имею теперь на вас, благодетеля человечества! Знаю,

---

[49] «Кавказ», № 48, 1846, стр. 4.

[50] Там же.

[51] Там же.

[52] В данном документе, составленном на русском языке, фамилия автора искажена на «Чанчугазов», тогда как собственноручная подпись его под русским текстом, сделанная на грузинском языке, гласит: «მოსეს ჯანჯღაზოვ» (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 174, л. 18).

[53] В названной выше статье из газеты «Кавказ» указано, что часть похищенного персами оборудования тифлисской типографии была возвращена после ее выкупа царю Ираклию II (см. «Кавказ», № 48, 1846, стр. 4).

что правосудие ваше свято, оно, конечно, доставит мне следующее»[54].

В приведенной выдержке из письма Джанджгазова к Куракину речь идет, конечно, о части типографского оборудования, вывезенного персидскими завоевателями из Тифлиса. Джанджгазов был заинтересован изобразить себя собственником всей типографии, чтобы соответственно и выкуп за нее как за свою собственность[55] получить от правительства более солидный. С этой же целью в другом своем обращении к министру внутренних дел Джанджгазов ссылается на новую деталь: «За самую ту с плену того мною искупленную (тифлисскую типографию. — *Д. В.*), которую имеретинский царь Соломон с великим награждением сверх того, что я заплатил мне возвратить, хотел отобрать от меня, но я по усердию к моему отечеству, не желая никаких богатств получить от него, которую типографию сохраня, представил грузинскому царскому двору, и его высочества грузинского царя Георгия по повелению протоиереем Христесием (Бадридзе. — *Д. В.*) от меня принята»[56].

Что касается излагавшихся в письмах Джанджгазова других фактических данных, то, несмотря на отсутствие в докладной записке Христофора Бадридзе в адрес Коваленского даже упоминания о возвращении ему Джанджгазовым похищенного типографского оборудования, в их достоверности сомневаться почти не приходится. В пользу этого говорит то обстоятельство, что главноуправляющим в Грузии Тормасовым «было предписано Верховного грузинского правительства исполнительной экспедиции исследовать о справедливости показания и просьбы просителя»[57]. За этим последовала тщательная проверка фактов, изложенных в письме Джанджгазова, в том числе и опрос свидетелей. Результаты этого расследования были изложены в письме нового главноуправляющего в Грузии Ртищева, адресованном в Министерство внутренних дел. Ртищев, ссылаясь на сведения, полученные им от Исполнительной экспедиции, подтверждал факт принадлежности Джанджгазову определенной части оборудования тифлисской типографии[58].

---

[54] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 174, лл. 18—19.

[55] В заключение первого письма Джанджгазова к Куракину содержалась просьба «о предписании теперь главнокомандующего Грузиею (ибо я туда на сих днях отправляюсь), чтоб он, учиня о том справку, отдал бы мне ту типографию, как мою собственность, или за оную означенные деньги» (ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 174, л. 19).

[56] Там же, д. 246, л. 1—1 об.

[57] Там же, л. 4.

[58] Там же, лл. 4—5 об. Ртищев в данном случае ссылался, в частности, на то, что «типография сия действительно по показанию грузинского князя коллежского советника Игнатия Туманова покойным грузинским царем Георгием взята у золотых дел мастера Моисея Джанджугазова с обещанием выплатить за оную, но неизвестно какую цену... грузинский же князь коллежский асессор Папа Аргутинский удостоверяет, что он сам взял ту типографию от Джанджугазова по повелению царя Георгия..., дворянин Агало Корганов

В письме Ртищева сказано, что «некоторые вещи утеряны и недостает литер» в сумме «на 130 рублей серебром»[59]. Если учесть, что письмо Ртищева (август 1815 г.) констатирует современное ему состояние тифлисской типографии, то можно представить, в каком плачевном положении она находилась до усилий по ее восстановлению, предпринятых в 1804—1805 гг. Цициановым. Становится понятным, почему Христофор Бадридзе смог напечатать по царскому поручению в «восстановленной» в 1800 г. типографии всего лишь две книги с минимальным даже по тому времени тиражом. Не располагая необходимым казенным типографским оборудованием, Бадридзе, как он сам отмечал в объяснительной записке, вынужден был пользоваться лично ему принадлежащими инструментами, за то, видимо, и считал себя вправе взыскивать с царевича Давида денежное вознаграждение при отпечатании дополнительного тиража его «Очерка». Так или иначе, приведенные выше новые данные о технической оснащенности тифлисской типографии в начале XIX в. содержат вполне определенный ответ на недоуменный вопрос некоторых историков грузинской печати о том, почему стало необходимым уже вроде бы восстановленную в 1800 г. типографию заново возрождать в 1804—1805 гг.[60]

Итак, мы видим, что Цицианов предпринял энергичные шаги для возобновления деятельности тифлисской типографии. Он позаботился прежде всего о том, чтобы наличное типографское оборудование было передано в ведение местного учреждения, наиболее остро испытывавшего тогда потребность в печатной продукции, — Тифлисского благородного училища. Вслед за этим были приняты меры к тому, чтобы типографию, ставшую собственностью училища, укомплектовать недостающим оборудованием и инструментами. Рассчитывать на реальную помощь в этом деле из Петербурга или Москвы почти не приходилось не только из-за размеров требуемых для этого сумм, но и потому, что основание типографии в то время вообще было делом довольно сложным и находилось всецело в руках иностранных купцов и предпринимателей[61].

Цицианов попытался за счет местных средств пополнить оставшееся оборудование грузинской типографии. Но это оказалось нелегким делом. Как отмечал в письме к Цицианову А. Петриев, «восстановить оную из суммы, от щедрот государя императора всемилостивейше пожалованной на Тифлисское благородное училище, я полагал сделать возможным, ибо сумма сия с нуждой может снабдевать училище всеми нужными для оного, как вновь заводимого, пособия»[62]. Выясняется, что со времени учреждения в Грузии российского правления забота об укомплектовании остат-

---

утверждает, что типография сия при царе доставлена Джанджугазовым из Елисаветполя» (там же).

[59] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 246, л. 5.

[60] *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга. Тбилиси, 1929, стр. 98.

[61] ЦГИА СССР, ф. 732, оп. 1, д. 167.

[62] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 72 об.

ков оборудования грузинской царской типографии однажды была уже поручена некоему князю Авалову (Авалишвили), которому удалось на казенные деньги заказать (должно быть, у местных мастеров) и заготовить кое-какие типографские инструменты. В связи с этим в официальном документе сказано: «по предложению главнокомандующего генерала князя Цицианова приняты были из казенной экспедиции в 1804 году Тифлисским благородным училищем типографические вещи по двум описям, из коих в 1-ой значатся вещи, принятые экспедицией от статского советника князя Авалова, а во второй — вещи, сделанные им, Аваловым, на казенном иждивении» [63].

По всему видно, что забот князя Авалова, равно как и попыток местных властей, выявить у кого-нибудь из жителей уездных городов Грузии, быть может, припрятанное типографское оборудование или инструменты не хватило для того, чтобы тифлисская типография смогла печатать. Поэтому Цицианов вынужден был непосредственно заняться делом восстановления местной типографии и изыскать другой, более надежный способ для обеспечения Кавказского края типографской базой.

Участие грузин, проживавших в России, в восстановлении тифлисской типографии

Создавшаяся ситуация подсказала Цицианову повторно обратиться к Гайозу, на этот раз с просьбой оказать содействие в восстановлении тифлисской типографии, и, как увидим ниже, не безуспешно. В своем письме к Гайозу от 29 января 1805 г. главноуправляющий, высказав благодарность за учебную литературу, присланную из Моздока в дар Тифлисскому дворянскому училищу, одновременно просил Гайоза передать в ведение этого училища моздокскую грузинскую типографию, которая после переезда Гайоза в Пензу — новое место службы — фактически бездействовала. Видимо, рассчитывая на то, что Гайоз правильно поймет намек на

[63] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 246, л. 4. В этом же документе сообщалось: «Не можно сумневаться, что из числа тех двух типографий одна, принятая от статского советника князя Авалова, принадлежала некогда просителю Джанджугазову» (там же). Последний, однако, несмотря на заключение Исполнительной экспедиции о том, что «проситель Джанджугазов имеет беспрекословное право на вознаграждение его за означенную типографию» (там же, л. 5), полного выкупа за нее, надо думать, так и не получил. В особом мнении главноуправляющего Ртищева по этому поводу было сказано, что «естьли и следует ему получить оное, то много будет 500 рублей, ибо, во-первых, недостает к типографии некоторых вещей и, судя по времени, может быть, нужно будет и всю типографию исправить, а второе, почему проситель пропустил столь долгое время и не отыскивал права своего вознаграждения тотчас по открытии в Грузии российского правительства, видя типографические свои вещи поступившими в ведомство казенное, но подал просьбу уже в то время, как сделано было предположение учредить в Тифлисе типографию, и для того достаточным полагаю выдать ему за оную половину просимой им суммы (т. е. 250 руб. серебром. — *Д. В.*)» (там же, л. 5 об.).

патриотический долг в отношении «земли сей» (т. е. Грузии), Цицианов писал: «Сия первая жертва ваша (учебная литература для Тифлисского училища. — *Д. В.*) служит мне поводом к смелости, кою приемлю покорнейше просить Ваше преосвященство о воспособлении типографии, здесь заводимой в пользу земли сей, остающеюся в Моздоке без всякого действия уступкою вашей, хотя расхищенной, как слышу, со всеми к ней принадлежащими вещами по цене, в теперешнем ее положении стоющей. Исполнением сего обяжете училище, здешний край и вместе с ним меня наичувствительнейше. По получении на сие вашего ответа не премину я тотчас доставить деньги, куда вам угодно будет, так равно и доставление типографии из Моздока в Тифлис будет оставаться на моем попечении» [64].

Следует отметить, что попытка возродить в Тифлисе типографию тесно увязывалась с комплексом культурных и просветительских преобразований, проводимых или намеченных к осуществлению в Грузии Цициановым и его администрацией. Известно, в частности, что, кроме учреждения Тифлисского дворянского училища, Цицианов предпринимал конкретные шаги для создания в Тифлисе театра [65], вел переписку с Петербургом о присылке в Грузию на постоянную работу сведущего архитектора, окончившего курс Академии художеств [66], заботился о введении в Тифлисском училище обучения иностранным (в том числе немецкому и латинскому) языкам [67], провел перепись населения Тифлиса [68], распорядился о возведении здания для городского архива [69]; по его просьбе в 1804 г. бывший секретарь грузинского царя Оман Херхеулидзе описал жизнь Ираклия II [70] и т. д. Для осуществления своей довольно обширной программы культурного развития Грузии Цицианов стремился, прежде всего, обзавестись соответствующими квалифицированными кадрами специалистов из России. Это, однако, было трудноосуществимым делом долгое время и после Цицианова, главным образом из-за отдаленности Грузии от культурных центров России. Но Цицианов все же добивался, чтобы Грузия пользовалась привилегиями «отдаленной губернии» в предоставлении «выгод, даруемых определяющимся на службу», как, например, в Иркутской губернии [71]. Делу привлечения кадров специалистов в Грузию в какой-то мере служили и такие мероприятия, как учреждение почтовой конторы в Тифлисе, строительство

---

[64] АКА, т. II, стр. 199, док. 375.
[65] Там же, стр. 19, док. 17.
[66] Там же, стр. 57, док. 94.
[67] Там же.
[68] «Сакартвелос календари» («Календарь Грузии»), 1890, стр. 59.
[69] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 180, л. 3.
[70] *П. И. Иоселиани.* Жизнь царя Георгия XIII. Тбилиси, 1936, стр. 74.
[71] АКАК, т. II, стр. 37, док. 55. Любопытно, что в подтверждение своих доводов в пользу приравнения Грузии в правах к Иркутской губернии Цицианов ссылается на русскую периодику, в частности на № 69 «Московских ведомостей» за 1803 г.

на всем протяжении 258-верстной дороги от Моздока до Тифлиса «почтовых станов», что свидетельствовало о подконтрольности этого отрезка пути из России в Грузию Цицианову, как главноначальствующему и командующему войсками на Кавказской линии.

Будучи в курсе всех событий, имевших место в Грузии, Гайоз, которому можно было и не напоминать о патриотическом долге, с радостью принял предложение Цицианова о передаче принадлежавшей ему моздокской типографии Тифлисскому дворянскому училищу[72]. Он передал ее безвозмездно. 1 апреля 1805 г. Гайоз писал Цицианову: «Я со всею моею охотою уступаю мою типографию для такого преполезного и богоугодного заведения, о чем и писано от меня живущему в Моздоке католику Георгию Мамасахлисову, у коего типография оставлена, чтобы он по первому требованию В[ашего] с[иятельства] отдал оную всю по описи тому, кому вы доверите. Но при том прошу Вас, чтобы приемщик был сведущ в каждой вещи, принадлежащей к типографии, потому что она оставлена мною совсем разобранною как в станке, так и в прочих принадлежащих к ней инструментах, которая хотя после меня и употребляема была на печатание Манифеста на грузинском диалекте К. Ф. Кноррингом»[73].

Переписка П. Цицианова и Гайоза примечательна, между прочим, и в том отношении, что показывает, насколько сильной была привязанность этих двух, фактически обрусевших, грузин к своей родине. Из письма Гайоза нетрудно заметить, что более чем 30-летнее пребывание в России на службе русской церкви не смогло искоренить благоговейного отношения к своему народу, которому он верно служил и на чужбине, в частности, через посредство созданной и оберегаемой им на протяжении многих лет моздокской типографии. Его трогательная забота о том, чтобы присланный Цициановым «приемщик был сведущ в каждой вещи, принадлежащей к типографии», подчеркивает кровную заинтересованность Гайоза в том, чтобы приносимая им в дар Тифлисскому училищу типография так же исправно служила, как и в Моздоке.

Будучи по образованию типично русским военным деятелем,

---

[72] Гайоз писал 2 июля 1793 г. начальнику Кабинета е. и. в. В. С. Попову: «В епархиях Моздокской и Мажарской (незадолго перед этим Гайоз был назначен епископом этих епархий. — *Д. В.*) нужно иметь грузинскую типографию, дабы переводить и печатать на первой случай книги и на грузинском языке, поелику осетинцы почти все оный знают. А как пунсоны и матрицы грузинских литер находятся в Академии Наук, покорнейше прошу Ваше превосходительство принять труд доложить всемилостивейшей государыне (Екатерине II. — *Д. В.*), дабы благоволила высочайше указать Академии Наук отпустить мне матрицы грузинских литер» (ЦГАДА, ф. Госархив, Разряд XVII, д. 36, л. 1). Просьба Гайоза была удовлетворена при условии выплаты им стоимости матриц грузинского шрифта, хранившихся в Российской Академии наук (там же, лл. 2—3 об.).

[73] Имеется в виду манифест Александра I о присоединении Картли-Кахетинского царства к России, который был размножен в Моздоке (на груз. яз.), как видно из цитируемого документа, по инициативе генерала Кнорринга (АКАК, т. II, стр. 1062, док. 2091).

Цицианов тем не менее не мыслил свою деятельность в Грузии иначе, как «по долгу моего звания и по личной привязанности моей к любезному отечеству предков моих» [74]. И все же нельзя не прийти к заключению о некоторой двойственности его деятельности, подчиненной по военно-политической части исключительно интересам русского самодержавия, а по линии культурно-просветительской объективно направленной на поддержание и развитие новых ростков древней и самобытной культуры грузинского народа. В первом случае он предстает с обнаженным мечом, добивавшимся расширения сферы владений метрополии, которой он образцово служит, в том числе и в деле поспешного учреждения в Грузии имперского правопорядка. Во имя этой цели он не отступает и перед насильственным выселением в Россию членов грузинского царского дома, кстати, в близком родстве с которым он состоял [75]. В другом — Цицианов — ревностный просветитель страны своих предков, который теперь уже с обнаженным пером ведет неустанную переписку с Петербургом и добивается учреждения в Тифлисе дворянского училища. Вслед за этим наряду со многими другими культурными мероприятиями он предпринимает усилия, поистине неимоверные для человека, постоянно занятого военными походами, и доставляет в Тифлис из Моздока типографское оборудование для возобновления книгопечатания в Грузии. Эта бросающаяся в глаза двойственность деятельности Цицианова в Грузии, нам кажется, выдает в нем не только верноподданного царедворца «по долгу звания своего», но и безусловно большого патриота Грузии по его личной привязанности «к любезному отечеству предков» своих.

После смерти Цицианова (убит на поле боя под Баку в феврале 1806 г.) судьбой типографии Гайоза, доставленной из Моздока в Тифлис, распорядился новый главноначальствующий генерал И. В. Гудович, который 20 февраля 1807 г. предлагал правителю Грузии Литвинову следующее: «Преосвященный архиепископ Саратовский [76] и кавалер Гай для пользы Тифлисского благородного училища подарил собственную свою типографию, грузинские духовную и гражданскую, и российскую гражданскую со всеми к ней принадлежностями, хранящиеся у казначея при мне находящегося коллежского асессора Калантаева, которую предписал я ему отдать в ведение Вашего превосходительства, а Вам предлагаю употребить оную в пользу здешнего благородного училища и Верховного грузинского правительства» [77]. Следовательно, Цицианов, перебросив типографию из Моздока в Тифлис [78], не успел практически вос-

[74] Там же, стр. 22, док. 24.

[75] «Юбилейный сборник к столетию присоединения Грузии к России», стр. 2.

[76] Из Пензы Гайоз был переведен на службу в Саратов в сане архиепископа.

[77] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 502, л. 1.

[78] П. В. Гугушвили ошибочно полагал, что типография Гайоза если и была доставлена в Тифлис, то скорее всего из Кременчуга (см. *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга, стр. 86, 98).

пользоваться ею. Интересно также, что Гудович вслед за своим предшественником предполагал «употребить оную» типографию не только для обеспечения Тифлисского училища соответствующей литературой, но и для нужд местной администрации. Реальность этого предположения подкреплялась тем, что типография располагала, оказывается, наряду с грузинским, также и русским гражданским и церковным шрифтами [79].

5 марта 1807 г. правитель Грузии Литвинов в присутствии Грузинской казенной экспедиции «предъявил в копии предложение его сиятельства графа И. В. Гудовича о типографии, подаренной в пользу Тифлисского благородного училища Верховного грузинского правительства, равно и опись, по которой училища директор протоиерей и кавалер Петриев от коллежского асессора Калантаева принял, предложил в приведении ее в действие сделать надлежащее распоряжение» [80]. Несмотря на это распоряжение, Гайозову типографию не удалось тогда использовать. Причину этого следует искать прежде всего в том, что опасение Цицианова по поводу неполной укомплектованности типографии («расхищенной, как слышу...») сбылось, о чем свидетельствует «Опись типографическим вещам, подаренным от преосвященного Гаия, епископа Саратовского, Тифлисскому благородному училищу» [81]. Кроме того, восполнить недостающее оборудование Гайозовой типографии за счет уцелевшей части грузинской царской типографии, до 1807 г. находившейся в распоряжении Верховного грузинского правительства (в частности, Грузинской казенной экспедиции) [82], также оказалось невозможным, главным образом из-за неисправности основных печатных станков обеих типографий.

---

[79] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 502, лл. 1, 4. До этого полный комплект русского шрифта в тифлисской типографии, надо думать отсутствовал, так как первое обращение к местному населению первого главноначальствующего в Грузии генерала Кнорринга было напечатано в Тифлисе в 1802 г. только на грузинском языке, без русского текста.

[80] Там же, л. 5. Согласно другому официальному документу более позднего времени, «по предложению бывшего правителя Грузии Литвинова приняты в сие же училище (Тифлисское благородное училище. — *Д. В.*) в 1807 году типографические вещи, подаренные преосвященным Гаием, епископом Саратовским и Пензенским» (там же, ф. 2, оп. 1, д. 246, лл. 4 об.—5).

[81] В «Описи» перечисляются следующие принадлежности типографии Гайоза: «Литеры российской церковной азбуки; литеры грузинской церковной азбуки, грузинской гражданской азбуки; форма медная российской гражданской азбуки, российской церковной азбуки, российской церковной азбуки с точками, российской церк[овной] азбуки с точками для клейма; форма медная грузинской церковной азбуки, грузинской же церковной азбуки (т. е. две медные формы грузинской церковной азбуки. — *Д. В.*); выгарки от свинца в железном ковше; форма, вырезанная из стали для литер; станок деревянный с принадлежащими к оному вещами, из коих: 1) тонкие бруски железные, винты и гайки, 2) две доски медные, 3) шесть железных решот; две формы стальные для шлифования литер; две подушки с ручками, обшитые лайкою» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 502, л. 4).

[82] Сохранившееся оборудование обеих типографий с 1807 г. находилось в ведении Тифлисского благородного училища (там же, ф. 2, оп. 1, д. 246, лл. 4—5 об.; ср. АКАК, т. IV, стр. 61, док. 89).

Таким образом, полностью восстановить тифлисскую типографию так и не удалось, и в Грузии не было создано в те годы ни одного сколько-нибудь серьезного печатного произведения [83]. В типографии печатались кустарным способом различные официальные документы и прокламации для оповещения населения о мероприятиях местной администрации. К сожалению, ни одного образца этой разновидности печатной продукции тифлисской типографии того времени до нас не дошло.

В 1807 г. последовал царский указ, который предписывал Министерству финансов выделить из казначейства необходимые ассигнования для создания типографий в тех губерниях, где они до того отсутствовали. О том, что местные власти в Грузии, в частности Исполнительная экспедиция Верховного грузинского правительства, не только не воспользовались, но и не проявили интереса к данному указу, свидетельствует небольшая справка, которую впоследствии (апрель 1830 г.) составили для министра внутренних дел сенаторы П. Кутайсов и Е. Мечников в Тифлисе, где они находились в связи с «обревизованием Закавказского края». В справке отмечалось: «Имея в виду высочайший рескрипт 5 августа 1807 года, на имя графа Васильева (министр финансов. — *Д. В.*) данный, коим повелено завести типографии в тех губерниях, где оных нет, мы требовали от Исполнительной экспедиции сведение, ходатайствовала ли она у высшего начальства о заведении типографии, но полученное донесение попечения о том местного начальства не подтвердило» [84].

Нерадивое отношение местной администрации к делу возобновления тифлисской типографии, столь необходимой для просвещения в Грузии, отрицательно сказывалось на учебном процессе в Тифлисском дворянском училище. Ощущался недостаток в учебной литературе. Он не мог быть восполнен за счет доставки книг из Петербурга и Москвы. Известно, что Гудович неоднократно предписывал Литвинову: «Нужные книги, в приложенном от вас реестре значащиеся, извольте выписать от себя из Москвы» [85].

Несмотря на недостаток пособий, часть воспитанников училища настолько преуспела в русском языке, что занялась даже переводами. По свидетельству Гудовича, воспитанникам, «трудившимся в переводе грузинской истории, в поощрение их золотые часы» лично были им вручены [86]. В другом же случае, пожалуй, в какой-то мере исключительном для того времени, на место скончавшегося

---

[83] «Грузинская книга. Библиография», т. I. Тбилиси, 1941, стр. XIII.

[84] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 13. В соответствии с указанным рескриптом «велено при всех губернских правлениях, где типографий еще не существовало, таковые открыть и отпустить суммы на исправление типографий, в то время уже существовавших, но от времени и нерадения пришедших в плохое состояние» (*М. Н. Куфаев*. История русской книги в XIX веке. Л., 1927, стр. 315).

[85] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 403, л. 22.

[86] Там же, л. 16 (*А. А. Цагарели*. Сведения о памятниках грузинской письменности, т. I, вып. III. СПб., 1894, стр. LXII).

в Тифлисе преподавателя русского языка был рекомендован ученик того же училища дворянин Николай Чубинов (Чубинашвили) [87].

Первый же выпуск Тифлисского училища оказал большое впечатление на местное население. Если сначала к обучению детей в училище родители относились скептически и на запрос из Тифлиса уездному начальству сообщить о желающих из привилегированных слоев определить своих детей в Тифлисское училище — неизменно следовал ответ: «Из жительствующих в городе ... князей и дворян желающих не оказалось к сдаче детей своих для обучения в Тифлисское благородное училище» [88], — то вскоре положение изменилось. Усмотрев в обучении своих детей известные перспективы (образование, открытая чиновничья карьера и т. п.), грузинское дворянство с большой охотой начало определять своих детей в Тифлисское училище. Установленный контингент учеников — 60 человек [89] — не только был соблюден, но и увеличен на 25 человек [90].

Ясно, что в условиях, когда контингент обучавшихся в Тифлисском училище начал увеличиваться, потребность в типографии стала более ощутимой. Но правительство и местная администрация пытались экономить средства даже на таком насущно необходимом для населения Грузии деле, как просвещение подрастающего поколения. Поэтому после нескольких неудачных попыток представителей местной гражданской власти возобновлением деятельности типографии занялись представители грузинского духовенства. Положение с изданием церковной литературы на грузинском языке в то время было более плачевным, чем с выпуском гражданской литературы. Если, например, отсутствие печатной учебной литературы в Грузии в какой-то мере компенсировалось присылкой книг из России, то издание там же грузинской церковной литературы было делом затруднительным. Достаточно сказать, что на печатание одной церковной книги на грузинском языке в Москве требовалось несколько лет [91]. Такие темпы вряд ли могли удовлетворить потребность в богослужебных книгах церквей и монастырей Грузии, не говоря уже о Тифлисском дворянском училище, где богословие составляло главный предмет. Между тем «Песнопение в честь богородицы», напечатанное в 1800 г. Х. Бадридзе, было последней из церковных книг, выпущенных тифлисской типографией до ее реорганизации в духовную.

В начале XIX в. кроме Р. Зубашвили (Размадзе), напечатавшего

---

[87] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 403, л. 25.

[88] Там же, л. 9.

[89] П. Цицианов при организации Тифлисского дворянского училища определил количество учащихся первоначально в 50 человек, но затем, согласовав с министром просвещения П. В. Завадовским, дополнил их еще 10 — для зачисления детей от духовенства (см. АКАК, т. II, стр. 199, док. 374).

[90] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 403, л. 13.

[91] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 2.

в моздокской типографии Гайоза несколько книг религиозного содержания (разумеется, до ее перенесения в Тифлис)[92], попытку продолжить грузинское церковное книгопечатание предпринял и другой признанный мастер грузинской печати — Георгий Пайчадзе. Он проработал в царской типографии в Тифлисе 20 лет[93]. После ее разорения в 1795 г. Пайчадзе нашел кров и применение своему искусству типографщика в Кутаисе, при дворе имеретинского царя Соломона II[94]. Здесь он напечатал несколько церковных книг[95], распространившихся повсеместно в Грузии. Спустя некоторое время, в связи с эпидемией оспы, типография из Кутаисе была перевезена в селение Цеси, а Г. Пайчадзе вынужден был, как он сам отмечает, в поисках пропитания себе и своей семье (которую оставил в Имерети) перебраться в Россию. Прибыв в Москву, Пайчадзе обратился к архиепископу Варлааму (Эристави) и предложил свои услуги в качестве мастера-печатника[96].

Произошла своего рода децентрализация печатания грузинской церковной литературы. Некогда считавшееся в Грузии важнейшим государственным делом, издание церковной литературы, равно как и гражданской, стало теперь делом предпринимательским и стало зависеть от коммерческой заинтересованности издателей. На это сетовали как священнослужители Грузии во главе с католикосом Антонием II, так и грузинские церковные деятели в России, в том числе и архиепископ Варлаам — член «святейшего» Синода. Зная, что в Грузии, несмотря на усилия П. Цицианова, упорядочить книгопечатное дело не удалось, Варлаам не упускал возможности снабжать Грузию соответствующей печатной литературой. Варлаам располагал своей собственной грузинской типографией, которая с 1803 г. находилась в ведении Московской синодальной типографии[97]. Воспользовавшись приездом в Москву Г. Пайчадзе, Варлаам поручил ему печатание «Минеи праздничной» («Четьи минеи») на грузинском языке в Московской синодальной типографии[98].

---

[92] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 71—74.

[93] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 1. Видимо, с целью предстать перед Александром I в выгодном свете Г. Пайчадзе в письме к нему несколько преувеличивает свою роль в деятельности тифлисской типографии (там же).

[94] Побывавший в начале XIX в. в Имерети со специальной миссией сотрудник Коллегии иностранных дел А. Е. Соколов в своих путевых заметках, между прочим, вспоминает, что среди лиц, с которыми он общался в Имерети, «находился один купец, тифлисский уроженец Георгий (Г. Пайчадзе. — *Д. В.*), бежавший, как я после проведал, из Грузии (Восточной Грузии. — *Д. В.*) за царевичем Юлоном (сын Ираклия II. — *Д. В.*) и который, живучи в Кутаисе, промышлял книгопечатанием» (см. ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 203, п. 244, д. 10, лл. 46—47).

[95] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 77.

[96] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 1 об.

[97] *В. С. Сопиков*. Опыт российской библиографии, ч. I. СПб., 1904, «Предуводомление», стр. IX.

[98] Видимо, об этой книге («Книга торжественная, то есть Календарь») в январе 1805 г. Варлаам сообщал Цицианову, что ее впервые на грузинском

В эту же типографию Пайчадзе при содействии Варлаама был определен в качестве «состоящего при типографии» [99].

В течение 4 лет (1804—1808 гг.) книга «Минея праздничная» была отпечатана; следуя установившейся в России традиции, Пайчадзе преподнес ее Александру I с сопроводительным «всеподданнейшим прошением», в котором описывал свое бедственное положение и испрашивал материальную помощь. Министерством внутренних дел были запрошены мнения главноуправляющего в Грузии Гудовича, архиепископа Варлаама (который к тому времени находился уже в Тифлисе) и обер-прокурора Синода А. Голицына о том, «справедливы ли показания Пайчадзева и до какой степени заслуживает он монаршей милости» [100]. Характерно ответное письмо Варлаама от 30 января 1809 г. министру внутренних дел А. Куракину, в котором он уточнял и даже ставил под сомнение некоторые данные из «прошения» Пайчадзе [101]. Возможно, это делалось для того, чтобы более расположить министра к собственной просьбе. Полагая, видимо, представившийся случай весьма уместным для сообщения министру о нужде Грузии в духовной типографии, Варлаам писал Куракину: «Наконец, осмеливаюсь нижайше доложить Вашему сиятельству следующее: как покровительство императора нашего печется всячески о просвещении губернии грузинской и даже требует необходимость завести в Тифлисе типографию, чего немало желают здешние дворяне и духовное звание, то соблаговолено б было прислать сюда оного Пайчадзева для исправления книгопечатания в Тифлисе, и определить ему за то жалованье триста рублей серебром; каковое учреждение принято будет здешним народом за особенную милость высокомонаршую, да и для оного человека будет довольною наградою и пропитанием» [102].

Просьба Варлаама об учреждении типографии в Тифлисе также

языке «по приказанию Синода в московской типографии начали печатать...» (ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 81).

[99] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, лл. 19 об.—20.

[100] Там же, л. 16 об.

[101] Там же, лл. 11—12. Вопреки утверждению Пайчадзе о том, что, прослужив в течение 10 лет на горных заводах Грузии, он имеет «полное сведение» о горном искусстве, Варлаам писал: «...Хотя оный Пайчадзев находился при заводах, но не в должности какой-либо, а с отцом своим священником, который тогда отправлял там священнослужение у греков» (греческие мастера горного промысла были приглашены в Грузию Ираклием II и трудились главным образом на Ахтальских рудниках. — *Д. В.*). Относительно работы Пайчадзе в тифлисской типографии при последних грузинских царях и о материальном ущербе, понесенном им в результате ее разорения в 1795 г., Варлаам писал: «Также и в здешней [тифлисской] типографии находился он [Пайчадзе], не быв никем определен, а только для изучения своего, какое получил он в последствии времени, равным образом и от тогдашнего нападения персидского на Тифлис не так он разорен, но в самом деле беден». И далее: «Что же касается до книги, которую поднес он августейшему монарху, то я заставил его напечатать оную собственными моими иждивениями в пользу церквей грузинских, за кой труд и определил я ему довольную плату» (там же).

[102] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, лл. 11 об.—12.

была переслана на рассмотрение обер-прокурора Синода Голицына, который в первом случае дал такой отзыв о работе Пайчадзе в Московской духовной типографии, по которому «высочайшего соизволения на просьбу Пайчадзева, просящего о монаршем вспомоществовании, не воспоследовало» [103]. Что же касается основания в Тифлисе типографии, то Голицын уклонился от конкретного ответа на этот вопрос под тем предлогом, что «святейший Синод на дела грузинского духовенства никакого влияния не имеет, а заведывает оные вообще тамошний католикос» [104]. Голицын не дал определенного ответа Куракину и по вопросу об отправлении Пайчадзе в Тифлис в связи с предполагавшимся там открытием типографии, так как Пайчадзе «не состоит уже в ведомстве Синода, поелику при Московской типографии употреблен был он на время, и то единственно по препоручению помянутого архиепископа Варлаама, для напечатания книги под названием „Минея праздничная“» [105].

Последовав примеру Голицына, министр внутренних дел принял 2 июня 1809 г. половинчатое решение, предписав своей экспедиции следующее: «Отношение архиепископа Варлаама сообщить главноуправляющему в Грузии генералу-от-кавалерии Тормасову с тем, чтобы он снесся по предмету оного с католикосом или с кем надлежит, представил местные соображения свои, на каком основании удобнее было бы завести в Тифлисе предполагаемую архиепископом Варлаамом типографию, есть ли заведение оной там действительно нужно и на кого может быть возложено предварительное рассмотрение и одобрение к печатанию издаваемых книг» [106]. Иначе говоря, Куракин вслед за Голицыным ушел от ответственности и решение вопроса возложил на местную власть в Грузии, т. е. на главноуправляющего, правителя и католикоса, мнения которых по этому поводу, разумеется, должны были быть доведены до его сведения. В результате возникла затяжная и обширная переписка местных военных, административных и церковных деятелей между собой, а также с Петербургом [107].

---

[103] Там же, л. 15 об. В отзыве об участии Г. Пайчадзе в напечатании «Минеи праздничной» А. Голицын писал: «Проситель Пайчадзев хотя сначала и был употреблен для сего пребывающем в Москве грузинским митрополитом Ионою, но впоследствии удален был на время за многие усмотренные в нем шалости, и книга отдана в полное распоряжение грузинскому игумену Никифору, при котором несколько времени и Пайчадзев находился» (там же, л. 15). Следовательно, кроме Пайчадзе, являвшегося непосредственным исполнителем печатных работ, в издании «Минеи праздничной» участвовали и другие его соотечественники: митрополит Иона и игумен Никифор. Отзыв свидетельствует и о том, что книга, подобно прочей печатной продукции на грузинском языке в России, вышла не иначе, как «по указу Синода» (там же).

[104] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 20.

[105] Там же, л. 20—20 об.

[106] Там же, л. 22—22 об.

[107] Часть переписки хранится в Москве — «Дело по прошениям дворянина Пайчадзева Е. (в России Пайчадзе вместо Георгия именовался Егором. — *Д. В.*) о выдаче ему вознаграждения за его книгу „Минея праздничная“ и

Прежде чем получить компетентное обоснование необходимости создания в Тифлисе духовной типографии, Тормасову, находившемуся в то время в походе, пришлось запросить правителя Грузии генерал-майора Ахвердова. Последний отмалчивался по той причине, что неоднократные обращения его по данному вопросу к католикосу Антонию II долгое время оставались без ответа [108]. Наконец, католикос в своем запоздалом ответе Ахвердову высказался вполне определенно, указав даже на конкретные меры, которые могли ускорить основание духовной типографии в Тифлисе: «Учреждение в Тифлисе грузинской типографии действительно нужно по причине крайнего, можно сказать, недостатка в книгах церковных. К удобнейшему же заведению оной объявил мне преосвященный архиепископ Варлаам, что станок типографический со всеми потребными к оному принадлежностями находится у него в Москве в готовности, и доставление оных в Грузию принимает он на свое попечение. Какие сверх того по прибытии сюда Пайчадзе, назначенного в учреждаемую здесь типографию, и по доставлении типографических вещей, окажутся потребности к заведению оной, то оные не останутся без надлежащего исправления» [109].

Из данного письма Антония II нетрудно заключить, что стремление создать важнейший очаг национальной культуры в Грузии было настолько сильным, что инициаторы создания духовной типографии в Тифлисе брали на себя все издержки, связанные с этим делом, так как многие общественно полезные нововведения не внедрялись исключительно из-за недостаточности ассигнований правительства на нужды окраинных губерний, в том числе и Грузии [110].

разрешении открыть типографию в Тифлисе» (ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283). Другая часть (местная переписка) хранится в Тбилиси (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 10933).

[108] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 10933, лл. 2—6.

[109] Там же, л. 7.

[110] Интересно, что правительство не спешило и с отправлением в Грузию Пайчадзе, который «уже 23 месяца пребывал в ожидании разрешения на отъезд из Петербурга в Грузию для вступления в должность смотрителя Тифлисской духовной типографии». Придя в отчаяние от своего неопределенного положения в Петербурге, Пайчадзе в письме от 16 августа 1810 г. к О. Козодавлеву предлагал заключить такую сделку с правительством: в обмен на скорейшее отправление его из Петербурга в Грузию с выдачей предусмотренных прогонных денег Пайчадзе предлагал подарить создаваемой в Грузии типографии некоторое оборудование, которое, может быть, отчасти действительно ему принадлежало, но которое, как нам кажется, включало и то, что принадлежало не ему, а, скорее всего, архиепископу Варлааму. Предприимчивый типографщик писал Козодавлеву: «Дам для типографии станы, свинец, гарт, азбука (так в подлиннике. — *Д. В.*), формы и прочие инструменты и материалы: на все оные издержится тридцать тысяч рублей серебром, включая бумаги, чернил и переплетчиков. Может быть, и согласится казна завести на ее иждивении типографию, но как на первый случай не может иметь она таковото успеха. Я же, желая услужить е. и. в., то беру на себя завесть на собственном своем иждивении, потому как уже я вышеписанных инструментов и материалов имею в готовности. Почему и прошу вашего превосходительства исходатайствовать у е. и. в. для доставления помянутых материалов и на содержание самого себя до назначения места прогонных

Именно на этом заострял внимание в своем рапорте Тормасову Ахвердов, который одновременно излагал и свое личное мнение о будущей тифлисской типографии: «Мнение мое, типографию учредить в Тифлисе при Тифлисском благородном училище с поручением просмотра всех печатаемых на грузинском языке книг и бумаг особенно директору оного, потому что в случае выбытия... директора, знающего совершенно грузинское письмо, останутся непременными учителя, такое знающие в языке и письме грузинском, и в помощь к ним предать одного из духовенства, которого назначит католикос Антоний. Сверх вышеписанного станка имеются в ведении директора училища два станка с некоторыми принадлежностями [111], кои должны также поступить к типографии. Содержание оной должно быть от его святейшества католикоса Антония и в награду издержек предоставить ему продавать отпечатанные книги по его воле» [112].

Чем более затяжной характер принимала переписка о типографии, тем менее приходилось рассчитывать на скорое решение этого вопроса. В самом деле, пока шла переписка (с 1 сентября 1808 г. по 10 ноября 1811 г.), менялись обстоятельства как в России, так и в Грузии, что не всегда положительно влияло на решение вопроса. Так, первоначальную наметку — «смотрение за типографиею и свидетельство печатаемых книг» [113] поручить директору Тифлисского дворянского училища Петриеву — пришлось вскоре отменить в связи с тем, что последний «по высочайшему повелению, согласно желанию его, уволен от должности директора для поступления в монашество» [114]. Затем дело осложнилось тем, что «главноуправляющий в Грузии генерал Тормасов предположил по собрании нужных сведений представить о преобразовании училища сего в военное, по плану военного воспитания» [115]. К этому же времени приспело и новое «высочайше конфирмованное» положение, в соответствии

денег, потому что я не могу оных иметь в рассуждении долговременного здесь прожития, также предписание г-ну Тормусову (Тормасову. — *Д. В.*), дабы он мне отдал находившиеся при царе Ираклие станы, на которых я производил с тестем моим (должно быть, имеется в виду Х. Бадридзе. — *Д. В.*) работу, и указ, дабы другие не заводили [типографию] кроме меня, потому что я впаду чрез то в убыток. Я надеюсь по прибытии в Грузию составить полную типографию в течение трех месяцев и беру на себя печатать как духовных, так и гражданских на вольную продажу, а которые (книги. — *Д. В.*) нужны для училищ и в казну, то на казенный кошт без всякой себе прибыли» (ЦГАОР СССР, ф. 1165, д. 283, лл. 47 об.—48).

[111] В отличие от двух этих станков, укомплектованных лишь «некоторыми принадлежностями», Тормасов в своем письме Куракину подчеркивал, что «типографический станок со всеми принадлежностями находится у него (архиепископа Варлаама. — *Д. В.*) в готовности в Москве» (см. ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 29 об.).

[112] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 10933, л. 8.

[113] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 37.

[114] Там же, л. 40 об.

[115] Там же, л. 41. В феврале 1810 г. Тормасов следующим образом обосновывал свое решение о преобразовании Тифлисского училища: «Имея обязанность сколько можно сблизить Грузию в образовании с прочими губерниями

с которым менялся порядок выдачи разрешения на устройство типографии: если раньше им занималось Министерство внутренних дел, то теперь эти функции возлагались на Министерство полиции. Таким образом, накануне окончательного решения вопроса все дела были пересланы из Министерства внутренних дел в Министерство полиции [116], где заново приступили к выяснению того, что уже давно было выяснено. Кроме того, последовала смена должностных лиц, непосредственно участвовавших в решении вопроса о грузинской духовной типографии. Уехавшего во Францию Куракина в должности министра внутренних дел сменил О. Козодавлев, а место главноуправляющего Грузии после отъезда Тормасова занял маркиз Паулуччи. И все же к концу 1810 г. «воспоследовало» долгожданное согласие царя на открытие типографии в Тифлисе [117].

А через некоторое время положительно решился и вопрос об отправке в Грузию в качестве смотрителя типографии Г. Пайчадзе [118], разумеется, не без ходатайства о нем царевича Давида и маркиза Паулуччи [119]. В письме министра полиции главноуправляющему Грузии сообщалось о разрешении открыть в Тифлисе духовную типографию и подчеркивалось, что «печатание книг в сей типографии, как светских, так и духовных, должно быть сообразно во всем ценсурным правилам и изданным от Духовного правительства постановлениям» [120].

Первую свою продукцию тифлисская типография выдала значительно позднее, чем это можно было ожидать. В 1812 г. началась Отечественная война. Положение в значительной степени осложнилось, когда в том же году в Кахети вспыхнуло восстание [121]. Это также в какой-то мере повлияло на начало деятельности Тифлисской духовной типографии. Сменивший маркиза Паулуччи на посту главноначальствующего в Грузии Н. Ф. Ртищев 9 апреля 1813 г. предписывал генералу Симановичу учредить надзор за Г. Пайчадзе, приезд которого ожидался тогда в «Грузию или Име-

---

Российской империи, а между тем сохранить и собственную ее пользу, в отношении сем я нахожу полезным завести здесь в г. Тифлисе благородное военное училище хотя на одну роту, с преподаванием соответственных заведению сему наук» (АКАК, т. IV, стр. 58, док. 63). В связи с переводом Тормасова из Грузии на новое место службы этот проект остался неосуществленным.

[116] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 60—60 об.

[117] Там же, л. 68.

[118] 2 ноября 1811 г. царь распорядился выдать так называемые прогонные деньги Г. Пайчадзе до Тифлиса «на две лошади и сверх того единовременно на путевые издержки сто пятьдесят рублей ассигнациями» (там же, л. 75).

[119] Там же, лл. 65—65 об., 72—72 об.

[120] Там же, л. 70.

[121] Заключительный этап кахетинского восстания характеризовался уклоном в сторону феодально-монархического национализма благодаря тому, что грузинское дворянство попыталось воспользоваться в своих корыстных целях активным выступлением крестьянства Кахети против произвола и национального гнета (*О. П. Маркова.* Восстание в Кахетии. М., 1951, стр. 6).

ретию»[122]. Основанием послужило секретное указание Ртищеву из Петербурга от управляющего Министерством полиции, в котором говорилось: «Имеретинский дворянин Пайчадзе, определенный в 1810 г. типографщиком в Тифлис и проживавший здесь (в Петербурге. — *Д. В.*) в доме грузинского царевича[123] и при исправлении его дел, отправился ныне к своей должности. Как отъезд Пайчадзе в Грузию в такое время, когда только что утишено там возмущение[124], дает повод к сомнению, не имеет ли он тайных каких поручений, то я, предавая обстоятельство сие на уважение Вашего превосходительства, покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, о мерах осторожности, которые Вы сочтете нужным принять в рассуждении сего человека, и что вследствие оных открыто будет, меня не оставить без уведомления»[125]. Такой отзыв о человеке, который должен был практически возглавить деятельность типографии, вполне мог бы оказаться достаточным для того, чтобы Ртищев свое предубеждение к Пайчадзе отчасти распространил и на типографию. Во всяком случае в 1812 г. Тифлисская духовная типография бездействовала, и Ртищев не стремился ее использовать в практических целях. Текст прокламации Ртищева к восставшему населению Кахети в 1812 г. был составлен от руки, а в предписании Ртищева грузинскому гражданскому губернатору Малинскому говорилось: «Препровождая при сем ... один экземпляр прокламации моей к кахетинскому народу, каковую поручено от меня генерал-майору Сталю опубликовать в Кахетии (т. е. читать на сходках. — *Д. В.*), я предлагаю вам разослать копии с оной и ко всем здешним маршалам дворянства для равномерного обвещания оной каждым из них по своему ведомству»[126]. Только однажды Ртищев проявил интерес к типографии. Так, в предписании к Симановичу он писал: «Что же касается до типографии, то хотя оная по высочайшему соизволению и назначена здесь для печатания церковных книг, но еще надлежащим образом не учреждена, то по предмету сему я отнесусь к высокопреосвященному грузинскому митрополиту и экзарху Варлааму»[127]. Под словами «надлежащим образом не учреждена» главноуправляющий имел в виду техническую недооснащенность типографии, которая, как известно, должна была пополняться за счет доставки из Москвы в Тифлис типографского оборудования, принадлежавшего Варлааму. Отсюда и вытекало решение Ртищева «отнестись» к экзарху Грузии, дабы ускорить доставку указанного оборудования в Тифлис. Оборудование

---

[122] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1571, л. 2. Здесь, должно быть, имеется в виду визит Г. Пайчадзе в Кутаиси, где находилась его семья.

[123] Речь идет о царевиче Давиде, который, как уже отмечалось, ходатайствовал о назначении Г. Пайчадзе смотрителем тифлисской типографии (см. ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 65—65 об.).

[124] Имеется в виду восстание 1812 г. в Кахети.

[125] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1571, л. 3.

[126] См. там же, д. 1449, л. 2.

[127] Там же, д. 1571, л. 2.

это так и не было доставлено, поскольку «Варлаам передал свою типографию Московской синодальной типографии» [128]. К сожалению, мы не располагаем данными, почему Варлаам принял решение о передаче оборудования в синодальную типографию. Известно лишь то, что в учрежденной еще в 1810 г. тифлисской духовной типографии первая книга была напечатана не ранее 1815 г. Характерно, что первой напечатанной книгой была «Грузинская грамматика», составленная в 1809 г. протопопом Иоанном Картвеловым (Картвелишвили). В 1825 г. книга была переиздана в Москве.

Примерно с начала 20-х годов прошлого века министерства народного просвещения и полиции стали предпринимать меры к восстановлению губернских типографий, прекративших работу в связи с Отечественной войной 1812 г.[129] Однако, когда дело коснулось создания типографии при Верховном грузинском правительстве, Ртищев показал себя неисправимым консерватором, которого мало волновал вопрос о просвещенности «туземного» населения Закавказья. В январе 1816 г. он дал следующий ответ на циркулярное письмо от 16 ноября 1815 г.[130]: «В Грузии при губернском правительстве типографии не было заведено и заводить оной правительство еще не находит надобности потому, что содержание оной будет требовать немаловажных от казны издержек, доходов же она здесь никаких не может иметь, кроме сего, здешнее правительство весьма легко может обойтиться и без типографии» [131].

Хотя учреждение духовной типографии в Тифлисе и тормозилось в годы правления Ртищева, тем не менее кое-что делалось для подготовки к пуску технически полноценной типографии [132] с опреде-

---

[128] *П. В. Гугушвили.* Грузинская книга, стр. 87; ср. *В. С. Сопиков.* Опыт Российской библиографии, ч. I. СПб., 1904, «Предуведомление», стр. LXI.

[129] В документах говорится, например, «Об ассигновании 5000 руб. на восстановление в Витебске типографии, разоренной неприятелем» (ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 4-а, 1814 г., д. 298): «О употреблении в пособие на заведение в Могилеве типографии потребного числа денег из суммы, вырученной за проданные оставленные неприятелем запасы» (там же, 1814 г., д. 302); «Об ассигновании суммы на поправление типографии при Пензенском правлении» (там же, оп. 4-б, 1814 г., д. 432); «О заведении типографии при Тобольском губернском правлении» (там же, оп. 4-б, 1819 г., д. 432).

[130] В циркулярном письме Министерства полиции запрашивались следующие сведения: «В тех губерниях, где еще не заведены типографии, признается ли учреждение оных при губернских правлениях нужным, или нет; какое от казны сделано на заведение оных назначение, достаточно ли оное; буде же недостаточно, то почему, и какое потребно по умеренному исчислению для сего пособие?» (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1765, л. 1—1 об.).

[131] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1765, л. 2.

[132] Кроме типографского станка архиепископа Варлаама, предназначаемого к доставке из Москвы в Тифлис, в ведение духовной типографии были переданы из Тифлисского дворянского училища два не совсем исправных станка, доставшихся, как известно, один — от грузинской царской типографии, а другой — от архиепископа Гайоза. Эти станки, а также другое типографское оборудование, хранившееся в училище, были переданы еще в 1811 г. «с тем, чтобы взносить за них в пользу Тифлисского училища проценты с суммы,

ленным профилем деятельности [133], которая должна была основываться на частнопредпринимательском принципе [134]. Функции духовной типографии в соответствии с намерениями смотрителя Г. Пайчадзе были шире ее сословной принадлежности. Здесь могла печататься наряду с церковными книгами также и гражданская литература на грузинском и русском языках, тем более что с прибытием в Тифлис Пайчадзе шрифтовое хозяйство типографии, в том числе на русском языке, пополнилось новыми образцами. В одном из писем к министру Пайчадзе писал, что «все потребные для печатания книг станки, которые остались после смерти покойного царя Ираклия, находятся в Грузии, а литеры разных образцов на грузинском и российском языках и формы для оных находятся у меня, яко мои собственные» [135].

Таким образом, в Тифлисе уже имелось определенное количество русского шрифта, а также технические средства русской печати, доставшиеся в дар Тифлисскому дворянскому училищу от архиепископа Гайоза и затем пополненные Пайчадзе. Именно с этого времени в Грузии появились первые реальные возможности для возникновения русского печатного слова. Правда, ими не пришлось тогда эффективно воспользоваться в силу ряда причин как субъективного, так и объективного характера, идущих вразрез с колониалистскими планами царизма на Кавказе.

Самым серьезным препятствием на пути развития русского печатного слова в Грузии в первое десятилетие XIX в. было незнание местным населением русского языка. Обстоятельство это создавало впечатление нецелесообразности развития русского книгопечатания, поскольку на него не было видимого спроса. Вот почему успехи русского книгопечатания в Грузии относятся к концу второго десятилетия XIX в. Были и другие препятствия. Так, в условиях строго централизованной военной власти всякая попытка основать в Грузии типографское дело в государственном масштабе по принципу частного предпринимательства едва ли могла быть одобрена.

Кроме того, духовная типография нуждалась в бесперебойном снабжении необходимыми материалами, чего, на наш взгляд, не

которая будет выручаема за продаваемые книги» (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 10933, л. 20; ф. 2, оп. 1, д. 246, л. 4—4 об.).

[133] Министр просвещения А. Разумовский подчеркивал, что «учрежденная в Тифлисе типография есть духовная и должна находиться в ведении духовного начальства» (ЦГАОР СССР, ф. 1165, д. 283, л. 64 об.).

[134] Против того чтобы реализацию продукции духовной типографии подчинить исключительно принципу частного предпринимательства, возражал Тормасов. Он писал Куракину: «Хотя я со стороны моей мнение правителя Грузии (Ахвердова. — *Д. В.*) о способах к заведению в Тифлисе типографии признаю довольно основательным, но как заведение сие учреждается для общественной пользы, а потому полагаю, что продажу книг без посредства правительства на волю отдать никому неудобно» (см. ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 283, л. 30 об.).

[135] Там же, л. 65 об.

в состоянии было обеспечить частное лицо, даже такое, как архиепископ Варлаам или католикос Антоний II [136].

Таким образом, первые реальные предпосылки развития русского книгопечатания на Кавказе мы можем отнести к 1807—1813 гг., когда русский шрифт был доставлен в Тифлис из Моздока (вместе с принадлежностями гайозовой типографии), а затем и из Москвы (типографщиком Г. Пайчадзе). Характерно, что первые кирпичи в основу русского книгопечатания в Грузии были заложены не правительством Александра I, а двумя грузинами-патриотами, связавшими свою судьбу с Россией.

После выхода в свет первых изданий тифлисской духовной типографии ее деятельность заметно ослабевает, так что фактически в 1819 г. ее можно определить как «всеми забытую» [137]. Недостаток в церковной литературе восполнялся за счет регулярной доставки сюда из России религиозных книг на грузинском языке из Московской синодальной типографии. А еще ранее, вплоть до упразднения Имеретинского царства, для этой же цели ввозилась часть богослужебной литературы, выпускаемой кутаисской типографией. Типография в Кутаисе была основана за 10 лет до присоединения Имерети к России. Большую роль в этом сыграл уже известный Георгий Пайчадзе, который после разгрома тифлисской типографии в 1795 г. нашел убежище при дворе имеретинского царя Соломона II. В 1799 г. Пайчадзе специально был послан в Москву с целью приобрести все необходимое для создания в Кутаисе типографии. Благодаря его усилиям в 1800 г. в Кутаисе была напечатана первая книга — «Давитни» («Псалмы Давида»). В связи с переездом Пайчадзе в Москву (где он с 1805 г., как известно, работал в синодальной типографии) кутаисскую типографию с 1803 г. возглавил Романоз Зубашвили (Размадзе), перебравшийся туда из Моздока. В 1809 г. типография из Кутаиса была перенесена в селение Цеси, а в 1815—1817 гг. она находится уже в Сачхере, в ведении владетельных князей Зураба и Григола Церетели [138].

«Картули газети» («Грузинская газета») — первенец кавказской периодики

Бездеятельность тифлисской духовной типографии поставила общественность Грузии перед вопросом о необходимости создания в столице новой, гражданской, типографии. В 1816 г. в Тиф-

[136] В описи оборудования Тифлисской духовной типографии (1815 г.) сказано: «Делаема была оценка под присягою знающими цену типографическим вещам, которые хотя оценены были в 700 руб. серебром, но как некоторые вещи утеряны и недостает литер, то и полагали недостающих вещей на 130 руб. серебром» (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 246, л. 5—5 об.). К тому же генерал Ртищев подчеркивал: «Нужно будет и всю типографию исправить» (там же, л. 5 об.).

[137] *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики. Тбилиси, 1954, стр. 54.

[138] См. «Грузинская книга. Библиография», т. I. Тбилиси, 1941, стр. XIII, 77—78, 83, 86—87, 88—89. Полагают, что с 1820 г. типография из Сачхере

лисе при штабе Отдельного грузинского корпуса была учреждена новая типография [139], которая в отличие от своих предшественниц стала финансироваться военной властью. Это последнее обстоятельство было благоприятным для технической оснащенности типографии [140], но это же меняло и назначение типографии в крае, превращая ее окончательно в орудие местной русской администрации.

Корпусная типография расквартировалась в Тифлисе, в здании штаба Отдельного грузинского корпуса, и официально именовалась военно-походной. Такого рода походные типографии придавались крупным войсковым соединениям, особенно в период военных действий. И типография, и канцелярия, как правило, должны были находиться в непосредственной близости от командного пункта данного войскового соединения, с тем чтобы осуществлять постоянную связь со ставкой верховного командования (переписка, публикация экстренных распоряжений, распространение приказов по армии, корпусу и т. д.). В мирное время функции и назначение походной канцелярии и типографии при ней менялись: они выполняли преимущественно заказы по текущей переписке.

Деятельность Тифлисской корпусной типографии с самого начала была подчинена воинскому распорядку. По § 21 «Положения для типографии военного департамента» (27 января 1812 г.) «работы производятся в день 12 часов, с 6-го и до 12-ти и со 2-го пополудни до 8 часов вечера» [141]. Здесь же (§ 24) отмечено, что «нерадивые мастеровые, не исполнившие уроков в положенные часы, удерживаются на работе долее и принуждаются к окончанию своего дела в тот же день...» [142] Контингент работников составляли главным образом откомандированные на время из войсковых соединений солдаты. Например, в военной типографии при Главном штабе

вновь была возвращена в Кутаис (см. «Мнатоби», 1929, № 4, стр. 173) и с тех пор находилась в ведении Временного правления Имеретии (см. «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 92).

[139] Не располагая архивными данными, мы затрудняемся объяснить, почему при наличии в Тифлисе духовной типографии некоторые церковные книги в 1816 г. и позднее печатались не в этой уже действующей (с 1815 г.) типографии, а «в типографии Главного правления кавказского наместника» (см. «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 88, 90). Е. Г. Вейденбаум сообщает, что «типография духовного ведомства в Тифлисе, бывшая с согласия митрополита Варлаама при штабе Отдельного грузинского корпуса, по желанию митрополита возвращена в духовное ведомство в июне 1820 г.» (см. Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 II, стр. 89). Мы допускаем, что учрежденная в 1816 г. при штабе Отдельного грузинского корпуса типография (для краткости будем именовать ее в дальнейшем «корпусной») могла быть укомплектована вначале также и оборудованием из тифлисской духовной типографии. По мере оснащения корпусной типографии это оборудование, естественно, и было возвращено духовному ведомству.

[140] Только в 50-х годах XIX в. в Тифлисе появились первые частные типографии на Кавказе, но даже и тогда типография канцелярии наместника выгодно выделялась современным типографским оборудованием.

[141] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 685, л. 26 об.

[142] Там же, л. 27 об.

должности казенных, т. е. штабных, мастеровых занимали «прикомандированные к военной типографии из неранжированной роты учебного карабинерного полка», всего 15 человек [143]. Вместе с административным аппаратом и вольнонаемными рабочими обслуживающий персонал этой типографии насчитывал 26 человек. Причем вольнонаемные рабочие не уравнивались экономически с работниками типографии, зачисленными в штат. Так, в одном из документов говорилось: «Хотя при военной типографии гравер и переплетный мастер назначены по штату, но занимающим ныне сии должности вольным людям жалованье производится... из суммы, за частные работы типографиею собираемой, а не из штатных» [144]. В § 33 сказано: «Поелику от казенных работ могут оставаться свободные часы и... мастеровые могут работать сверх положения в праздники и гулевое время, то все сии работы обращаются на умножение типографской прибыли» [145]. Что такое «казенная работа» военной типографии, поясняет § 25: «Типография печатает все акты, циркулярные предписания, сочинения, до военного искусства относящиеся, и проч. по запискам от дежурного генерала [146] ... и ведет им особый щет на правилах, ниже сего постановленных в § 31» [147], т. е. «для известности выгод, приносимых типографией, установляется на казенные работы такса по примеру вольных типографий, взяв самые умеренные цены за набор и напечатание, и полагается с листа полного завода или 1200 экземпляров какого бы то шрифта ни было, сложная цена по 30 руб.» [148].

Кроме «казенной работы» «Положение» предоставляло (§ 34) военной типографии «право принимать к печатанию от частных людей сочинения, цензурою одобренные, по особенной таксе, ежегодно представляемой от директора (типографии. — *Д. В.*)» [149]. Последующие несколько параграфов поясняли: «Для частных сочинений типография получает от издателей материалы или употребляет заготовленные для казенных с надбавкою десяти процентов против казенной цены. Проценты сии обращаются в ее пользу» [150]. И далее: «Слагая в общую массу выручку как исчисляемых денег по вышепомянутому положению за казенные, так и наличных за вольные работы, типография показывает чистую свою прибыль в двух статьях: в той сумме, которая бы доводилась с казны, и в наличной, от частных людей вырученной; последняя прибыль сия... употребляется на усовершение типографии, как-то на улутчение шрифтов, на переделку или возобновление станов, на заведе-

---

143 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 856, л. 5.
144 Там же, л. 9.
145 Там же, д. 685, л. 30.
146 В масштабе Отдельного грузинского корпуса в этой роли выступал дежурный штаб-офицер.
147 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 685, л. 28.
148 Там же, л. 29—29 об.
149 Там же, л. 30 об.
150 Там же, л. 31.

ние новых украшений и проч. и в награду отличившимся чиновникам и мастеровым» [151].

«Положение» предусматривало меры предосторожности при печатании важных государственных документов. Так, в § 29 подчеркивалось, что «никому не дозволяется держать корректуры вне типографии и требовать для сего корректурных листов и подлинников. Она производится типографскими корректорами, исключая токмо важные случаи, когда получит на сие особенное приказание министра» [152]. Конечно же (§ 30), «само собой разумеется, что при печатании всяких тайне подлежащих актов принимаются должные предосторожности, дабы оных из типографии разглашения не выходило, и сие возлагается на ответственность директора» [153].

Военной типографии вменялось в обязанность при условии строгого выполнения изложенных в «Положении» правил стать к тому же еще и доходным для военного ведомства предприятием [154]. Ни по технической оснащенности [155], ни по загруженности и размаху производственной деятельности [156] тифлисская корпусная типография не могла, разумеется, сравниться с типографией всероссийского военного ведомства. К сожалению, мы не располагаем сведениями о контингенте служащих тифлисской корпусной типографии, но о примерном ее составе все же можем судить, исходя из содержания типового «Положения для типографии военного департамента».

Основание в Тифлисе корпусной типографии совпало по времени с назначением на должность командира Отдельного грузинского корпуса боевого генерала суворовской школы А. П. Ермолова. Это во многом способствовало успешному началу деятельности типографии, да и вообще с именем Ермолова связан целый ряд культурных нововведений в Грузии.

Назначение Ермолова в Грузию, именуемую тогда «теплой Сибирью», некоторые современники склонны были расценивать как

---

[151] Там же, л. 30 об.

[152] Там же, л. 29.

[153] Там же, л. 29 об.

[154] Немногие учреждения располагали тогда типографией, поскольку ее содержание всецело зависело от экономической рентабельности. Не случайно Главное правление училищ с трудом обзавелось ведомственной типографией: «Имея необходимую надобность в собственной типографии для печатания издаваемых от оного в знатном числе учебных книг, покупает ныне с высочайшего соизволения на счет экономических своих сумм типографию у г. действительного статского советника Всеволожского» (см. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 86, д. 481, л. 7). Соответствующий рескрипт «воспоследовал» 8 августа 1817 г.

[155] Типография военного департамента состояла из четырех мастерских. В печатне было установлено 16 печатных станков (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 685, л. 22).

[156] Во втором разделе «Положения» («О работах типографских») было сказано: «Непременною обязанностью типографии вменяется набрать и отпечатать на 16 станах восемь листов полного завода, т. е. 1200 экземпляров. А в год за исключением праздничных... дней 2200 листов, полагая в крупном щету крупные и мелкие шрифты без различия» (там же, л. 26 об.—27).

опалу, хотя Ермолов бывал здесь 20 лет назад в чине капитана артиллерии в зубовском походе 1796 г. против персиян. По свидетельству Е. Г. Вейденбаума, «Александр I был очень удивлен желанием или согласием Ермолова получить главное командование на Кавказе» [157]. Впрочем, и сам Ермолов признавался, что «всегда желал я чрезвычайно сего назначения, и тогда даже, как по чину не мог иметь на то права» [158].

Прежде чем вступить в должность главноуправляющего Грузии, Ермолов в специальной записке испросил у Александра I известных привилегий для себя как единовластного начальника вверяемого ему края (главноуправляющему Грузии подчинялись также Астраханская и так называемая Кавказская губернии). В XIII пункте «Записки» значилось, чтобы «из всех экономических сумм, в ведении моем состоящих, дозволить мне делать употребление на тех точно правах, какие по учреждению большой действующей армии присвоены главнокомандующим» [159]. Желание генерала было уважено, и Ермолов прибыл в Грузию полновластным верховным правителем, наделенным почти такими же полномочиями, как в свое время Цицианов [160]. Он волен был распоряжаться по своему усмотрению как в области военной и внешнеполитической деятельности [161], так и во внутриполитической, экономической и культурной областях, что он и делал в течение своей 11-летней службы на Кавказе. Не идеализируя деятельность Ермолова в Грузии и на всем Кавказе (ведь именно им были проведены военно-карательные экспедиции против кавказских народов), мы должны отметить определенную предприимчивость, которая привела к положительному сдвигу в культурной жизни тогдашней Грузии. Достаточно сказать, что при Ермолове было осуществлено издание первого дошедшего до нас периодического печатного органа на грузинском языке.

---

[157] *Е. Г. Вейденбаум*. Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 230.

[158] «Записки генерала Ермолова во время управления Грузией». М., 1868, стр. 2.

[159] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 10, д. 90, л. 7. Для характеристики личности А. П. Ермолова показателен IX пункт: «Да дозволено мне будет лжедоносчиков и ябедников, нарушающих тишину и спокойствие общего управления и порядка службы, предавать военному, а не гражданскому суду» (там же, лл. 4—5).

[160] При титуловании А. П. Ермолова после его назначения в Грузию нередко ошибались, называя его то командующим, то наместником, то главноуправляющим, а то и проконсулом. 2 октября 1816 г. канцелярия министра внутренних дел запросила инспекторский департамент Главного штаба «уведомить ее, каким образом титуловать определенного к командованию в Грузию генерал-лейтенанта Ермолова в сношениях с ним, и для того благоволено б было означать его чин и звание по управлению Грузией» (см. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 4, д. 264—281, л. 208).

[161] Одновременно с назначением в Грузию царь поручил Ермолову возглавить русское посольство в Персию. Позже Ермолов писал об этом: «Не с равным удовольствием принял я назначение меня послом в Персию. Меня устрашали дела, по роду своему совершенно мне не знакомые. Я наслышался о хитрости и коварных свойствах персиян и отчаивался исполнить с успехом поручение государя» («Записки генерала Ермолова во время управления Грузией», стр. 3).

Напомним, что в первой четверти XIX в. Грузия представляла собой арену борьбы между феодально-крепостническими традициями и вновь нарождающимся капиталистическим укладом жизни. Это был период, когда царизм не успел еще завершить процесс военного освоения Грузии. «Вихрь, налетая, рвал лоскутья от знамен, и ночь, глухая ночь ... лежала над долинами богатой и дикой страны», — так писал о том времени один из деятелей местной русской печати [162]. Годами накоплявшийся народный гнев вырывался наружу частыми восстаниями против беззакония, чинимого представителями новой администрации и доморощенными угнетателями — тавадами и азнаурами. Последние в корыстных целях использовали доверие народа, а представители бывшей царской грузинской династии пытались любые невзгоды объяснить отсутствием в стране «своего» божьего помазанника. Подвластный Ермолову край нуждался не только в гарантированной внешней безопасности, но и в пересмотре некоторых сторон деятельности местной гражданской администрации. В первую очередь следовало изыскать приемлемые для Грузии методы судопроизводства, так как попытка пересадить на грузинскую почву российскую имперскую модель суда на первых порах успеха не имела: местное население продолжало руководствоваться привычными нормами «Уложения» (1703—1709) Вахтанга VI.

Щепетильным был для Грузии вопрос и об определении принадлежности к дворянскому и княжескому сословию. Дело в том, что после упразднения царского престола в Грузии среди местных жителей появилось слишком много лиц, добивавшихся права обладать сословными титулами и соответствующими привилегиями.

Остро стоял тогда и хизанский вопрос [163]. Кроме того, эпидемия оспы в западных областях страны также требовала решительных действий. Нечего и говорить, что решения по каждому из перечисленных вопросов требовалось быстро доводить до сведения населения, оповещение которого часто служило едва ли не единственным средством осуществления необходимых мероприятий. Таким образом, газета, которую могла бы издавать военно-походная типография, стала насущной необходимостью.

---

162 «Кавказ», 1896, № 4, стр. 2.

163 Хизанами назывались крестьяне, которые в связи с невыносимыми условиями крепостной эксплуатации, а также безземельем и политическими неурядицами в стране покидали «своего» помещика с его согласия или даже без его ведома (беглые) и находили кров и применение труду в сельском хозяйстве у другого помещика. Причем беглый хизани, получивший у нового хозяина участок земли под обработку и жилье, находился по отношению к нему не в прямой (т. е. крепостной), а лишь в экономической зависимости, тогда как хизани, покинувший прежнего хозяина с его ведома и согласия, юридически продолжал оставаться в крепостной зависимости от него, а от нового хозяина (так же как беглый хизани) зависел лишь экономически.

Острота хизанского вопроса в годы управления Грузией А. П. Ермоловым была вызвана обострением взаимоотношений между помещиками и хизанами, стремившимися к экономической и личной независимости.

И все же следует подчеркнуть, что какой бы острой ни была заинтересованность тифлисских властей в собственной газете, без поддержки передовых кругов грузинского общества наладить это издание было бы невозможно. Из предшествующего обзора истории развития печати в Грузии мы имели возможность убедиться в том, что просвещенные представители грузинского общества издавна вынашивали мысль об основании грузинской газеты. «Время шло, неся с собой начала гражданственности и письменности, начатки сознательной духовной жизни» [164]. Нарастал интерес к русским газетам и журналам, сравнительно регулярно доставлявшимся в Грузию из России [165]. В 1814 г. на грузинский язык был целиком переведен один из номеров довольно популярной в России «Беседы любителей русского слова» [166].

Когда среди приближенных Ермолова встал вопрос об учреждении печатного органа на грузинском языке, налицо были и практическая заинтересованность местной администрации, и стремление передовой грузинской общественности иметь, наконец, газету на родном языке. В некоторой степени облегчил задачу и сравнительно либеральный цензурный устав 1804 г., разрешивший открывать частные и университетские гражданские типографии и создавать цензурные комитеты для пересмотра местной печатной продукции при университетах, а в редких случаях даже при крупных гимназиях (например, в Орле и Астрахани) [167]. Хотя следует оговориться, что изданный в 1811 г. указ об учреждении Министерства полиции, в частичное изменение цензурного устава 1804 г., основную обязанность по цензуре «всех издаваемых в империи книг и периодических сочинений» возлагал на Министерство просвещения, наделяя вновь создававшееся Министерство полиции всей полнотой исполнительной власти [168].

Если принять во внимание, как считает Е. Г. Вейденбаум, что «в первой четверти XIX столетия существовали в провинциальных городах России только три газеты: университетские в Казани и Харькове и частная в Астрахани, то издание грузинской литературно-политической газеты в отдаленном Тифлисе представляется явлением замечательным и ярко характеризующим просвещенный

[164] «Кавказ», 1896, № 4, стр. 2.

[165] Кроме того, известно, что в первой четверти XIX в. в Грузию доставлялись западноевропейские журналы и газеты (*М. В. Нечкина*. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 208; *М. К. Гоцадзе*. История грузинской журналистики (на груз. яз.). Тбилиси, 1954, стр. 38—39).

[166] *М. К. Гоцадзе*. Указ. соч., стр. 42—43.

[167] *П. М. Федченко*. Журналистика на Украине первой половины XIX столетия. Автореферат докт. дисс. Киев, 1967, стр. 10.

[168] В § 84 указа 1811 г. об этом было сказано: «К действию министра полиции по сей части принадлежит следующее: ...надзирать, чтобы не обращались в империи книги и сочинения, напечатанные без дозволения цензуры. Где таковые будут замечены, оные немедленно конфисковать, а виновных предавать суду по законам» (см. «Сборник материалов к изучению истории русской журналистики», вып. I. М., 1952, стр. 113).

взгляд Ермолова на задачи русского правительства в новом крае» [169]. Данные Е. Г. Вейденбаума нуждаются в уточнении, особенно о печатных органах в Харькове и Астрахани. Нам известно, что на протяжении первой четверти XIX в. в Харькове выходила не одна, а несколько газет и журналов. Сведения о них сообщены в докторской диссертации П. М. Федченко по истории журналистики на Украине в первой половине XIX в.[170] То же самое следует сказать и об Астрахани, где первая местная газета («Восточные известия») выходила с 1813 г. первоначально только на русском языке [171], а с 1816 г. — с приложением равнозначного текста на армянском языке («Аревелян цануцмунк»). Кроме этого печатного органа — двух газет с идентичным текстом на двух языках, в Астрахани с 1816 по 1818 г. издавался «Азиатский музыкальный журнал» [172].

Издание газет в близких к Кавказу городах —Харькове и Астрахани (последний, кстати, находился в пределах, подвластных командованию Отдельного грузинского корпуса) способствовало положительному решению в Петербурге вопроса о создании первой грузинской газеты в Тифлисе. Обратимся к истории основания этой газеты, располагающей «сведениями очень скудными, так как в тифлисских архивах..., — как признавался Е. Г. Вейденбаум, — не удалось найти никакой переписки об этом периодическом издании» [173]. Разыскания советских историков оказались более успешными: П. В. Гугушвили и М. К. Гоцадзе выявили в ЦГА Грузинской ССР довольно интересный материал, их поиски продолжил Н. Табидзе, опубликовавший в 1969 г. свое исследование о «Грузинской газете» [174].

В ЦГИА СССР в Ленинграде хранится дело «Об издании газеты на грузинском языке» (март—апрель 1819 г.) с перепиской по поводу основания в Тифлисе первой грузинской газеты, названной сначала «Газетой Грузии» («საქართველოს გაზეთი»), а затем переименованной в «Грузинскую газету» («ქართული გაზეთი») [175].

Самым ценным документом в этой переписке является письмо Ермолова от 11 марта 1819 г. министру внутренних дел О. Козодав-

---

[169] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 298.

[170] Первым периодическим печатным органом в Харькове был «Харьковский еженедельник» (1812 г.), затем появились «Украинский вестник» и «Харьковский Демокрит», вышедшие в 1816 г. Как отмечает П. М. Федченко, «после закрытия в 1818 году еще одного журнала — „Украинского домовода" — некоторое время единственным периодическим изданием была газета „Харьковские известия" (1817—1823 гг.). ... В 1823 г. удалось получить разрешение на выпуск „Украинского журнала" под редакцией А. Склабовского» (*П. М. Федченко.* Журналистика на Украине первой половины XIX столетия. Автореферат докт. дисс., стр. 15—16).

[171] По свидетельству В. А. Хачатуряна, «это была вторая в России провинциальная газета (и первая на Юге и в Прикаспии)» (*В. А. Хачатурян.* Из истории армянской печати в России. — «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», 1967, № I (284), стр. 100).

[172] Там же, стр. 105.

[173] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 299.

[174] *Н. Табидзе.* Первая грузинская газета. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

[175] Более подробно о переименовании первой грузинской газеты см. *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики, стр. 51—52.

леву, в котором вкратце изложена программа «Грузинской газеты»: «Желая ознакомить жителей Грузии с обыкновениями людей более просвещенных, с устройством разных заведений и с новыми изобретениями, полезными в крае, столь мало населенном, какова Грузия, я признал необходимым приказать, чтоб с 1-го числа сего месяца под непосредственным наблюдением корпусного штаба в тифлисской военно-походной типографии печатаемы и издаваемы были на грузинском языке листы под названием: *Грузинская газета*.

В состав оной будут входить следующие статьи:

I. Производство и награждение чиновников, служащих по Грузии и по другим здешним провинциям в военной и гражданской службе.

II. Особенные учреждения и постановления правительства, до устройства и благосостояния сего края относящиеся.

III. Разные известия по Грузии и сопредельным ей местам, заслуживающие особенного внимания публики.

IV. Сведения о новых изобретениях или заведениях по части художеств.

V. Извлечения из журналов и ведомостей, выдаваемых в России. которые по содержанию своему могут доставить особенное удовольствие читателям.

Газета сия издаваема будет до генваря месяца будущего 1820 года в каждую неделю по одному печатному листу.

Подписная цена за все издание здесь в Тифлисе два рубли серебром, а за пересылку в другие места платится особо за каждый экземпляр по двадцати копеек серебром.

О таковом со стороны моей распоряжении я долгом поставляю довести до Вашего, милостивый государь, сведения» [176].

Письмо аналогичного содержания Ермолов отправил также управляющему Министерством полиции С. Вязмитинову, который вслед за О. Козодавлевым поспешил переадресовать ермоловское послание «по принадлежности» в Министерство духовных дел и народного просвещения. Изменение адресата письма мотивировалось следующим образом: «Находя предмет отношения сего принадлежащим до Министерства духовных дел и народного просвещения, коему должно быть известно издание разных журналов и газет в России, я долгом поставляю препроводить при сем к Вашему сиятельству (А. Голицыну. — *Д. В.*) копию с помянутого отношения г. генерала-от-инфантерии Ермолова на случай, естьли вы не изволили получить прямо от него никакого о том уведомления» [177].

Бывший обер-прокурор Синода А. Голицын, ставший к тому времени министром духовных дел и народного просвещения, имея в виду сообщение Ермолова об учреждении в Грузии периодического печатного органа, писал С. Вязмитинову: «В ответ на отношение Вашего сиятельства ... по предмету сделанного главноуправляющим в Грузии г. генералом-от-инфантерии Ермоловым распо-

---

[176] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 87, д. 58, л. 3—3 об.
[177] Там же, л. 1—1 об.

ряжения к изданию в Тифлисе на грузинском языке еженедельных листов, под названием *Грузинская газета,* за нужное почитаю уведомить вас, милостивый государь, что оное отношение ваше принято мною только к сведению; ибо не видно из него, с чьего дозволения сия газета издается уже, и, вероятно, было испрошено на то высшее соизволение» [178]. Таким образом, переписка между правительственными учреждениями о «Грузинской газете» велась уже после выхода газеты в Тифлисе, что можно объяснить, скорее всего, известным пренебрежением Ермолова к медлительной бюрократической машине. По свидетельству одного из его сослуживцев, П. Х. Граббе, «на Кавказе Ермолов никогда не имел той сложной канцелярской машины, какая завелась впоследствии и до известной степени узурпировала власть главного начальника, действуя его именем, но нередко без его ведома. В походах Ермолов часто писал сам бумаги прямо набело, которые потом переписывались в походный исходящий журнал... он избегал сношений по инстанциям, где это было возможно» [179]. В данном случае Ермолов, очевидно, превысил полномочия, предоставленные ему царем, и преподнес Петербургу изрядный сюрприз [180]. Поскольку для инициаторов тифлисской газеты не совсем было ясно, оправдает ли она себя в условиях Грузии, издание решили ограничить на всякий случай восьмимесячным испытательным сроком.

Сейчас трудно судить о том, в решающей ли степени способствовал учреждению «Грузинской газеты» «просвещенный взгляд Ермолова на задачи русского правительства в новом крае», но можно указать на несомненную заинтересованность в газете передовой части ближайшего окружения Ермолова. Его составляла одаренная, пытливая ко всему прогрессивному молодежь, просвещенные представители местного дворянско-княжеского сословия, находившиеся на военной и гражданской службе. Эта часть ермоловского окружения, кроме «задач русского правительства», предвидела культурно-просветительское воздействие газеты на местное население.

Ермолов также не мог не учитывать и литературные способности своих подчиненных. Достаточно напомнить, что в период, предшествовавший выходу «Грузинской газеты», и некоторое время после, походной канцелярией Ермолова ведал А. С. Грибоедов (в дальнейшем А. С. Грибоедов работал у Ермолова в должности чиновника по делам внешних сношений). Несмотря на то, что в конце января 1819 г., т. е. за месяц с небольшим перед выходом № 1 «Грузинской газеты», Грибоедов отбыл в Персию, он, разумеется, не мог быть

---

[178] Там же, л. 7. Первый номер «Грузинской газеты» вышел в свет не 1 марта, как было предусмотрено в приказе Ермолова, а 8 марта того же 1819 г.

[179] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 149, стр. 60.

[180] В те годы нередки были случаи, когда правительство накладывало запрет на издания газет и журналов в центральных городах России и на периферии, в частности на Украине (*П. М. Федченко.* Журналистика на Украине первой половины XIX столетия. Автореферат докт. дисс., стр. 12, 16 и др.).

в стороне от важного культурного начинания. По свидетельству современников, Ермолов поручал Грибоедову журналистские дела, в том числе поддержание связей со столичными газетами и журналами. В «Записках» Н. Н. Муравьева (тогда капитана Генштаба при главноуправляющем Грузии) отмечается, что Ермолов «препоручил Грибоедову сделать описание случившемуся здесь (в Тифлисе. — *Д. В.*) землетрясению для помещения оного в ведомости» [181]. Занятый подготовкой к отъезду в Персию, Грибоедов все же быстро составил заметку, но она не удовлетворила Ермолова: «по отъезде же Грибоедова он приказал Могилевскому пересочинить все сие сызнова» [182].

Ермолов в своем окружении имел солидные литературные силы. Кроме А. С. Грибоедова следует назвать В. К. Кюхельбекера, А. И. Якубовича, А. А. Шишкова, А. Ф. Воейкова, Н. Н. Муравьева [183], А. Г. Чавчавадзе, Г. С. Гордеева, Д. З. Орбелиани, А. К. Бакиханова, И. Чилашвили (Чиляева) и др. Хотя в переписке, связанной с изданием «Грузинской газеты», ни один из них не упоминается, их участие в этом важном деле, непосредственное или косвенное, вполне вероятно.

Появлению «Грузинской газеты» предшествовало специальное «Объявление» об издании «Газеты Грузии», подписанное неким коллективом «издателей» [184]. В нем излагались основные положения программы предполагаемого печатного органа, которая затем была воспроизведена в вышеприведенном письме Ермолова министру внутренних дел. «Объявление» вместе с предписанием уездным начальникам способствовать умножению числа подписчиков на газету было разослано повсеместно в Грузии [185]. Для обеспечения финан-

---

[181] «Русский архив», 1886, № 12, стр. 434. Под «ведомостями» здесь подразумеваются, должно быть, столичные газеты «Санкт-Петербургские ведомости» или «Московские ведомости».

[182] Там же.

[183] Е. Г. Вейденбаум не без основания недоумевает, как Н. Н. Муравьев, оставивший в своих «Записках» много ценных сведений о культурной жизни Тифлиса в 20-х годах, «ни одним словом не упоминает о ермоловской „Грузинской газете“» (*Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 299).

[184] Это обстоятельство позволило Е. Г. Вейденбауму предположить: «Очень вероятно, что изданием заведовал особый комитет: по крайней мере объявления о подписке печатались от имени издателей» (там же).

[185] Обращение к уездным начальникам и к комендантам уездных городов (Телави, Гори, Сигнахи и др.) для проведения подписки на периодические издания, выходившие в России, практиковалось в Грузии задолго до создания «Грузинской газеты». Этот порядок был заведен еще в 1809 г., когда соответствующим циркуляром комендантам перечисленных уездных городов наряду с подпиской на газету «Северная почта» (орган Министерства внутренних дел) было вменено в обязанность еженедельно извещать правителя Грузии о «чрезвычайных происшествиях и всяких новостях» в крае для помещения в газете (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 915, лл. 1—2). Вскоре стали наряду с военными и чиновничью прослойку местного населения склонять к подписке на другие газеты («Коммерческую газету», «Новую Санкт-Петербургскую газету»), в том числе и на отраслевые. Так, в сентябре 1810 г. Тормасовым было получено письмо от О. Козодавлева, в котором товарищ министра внутренних дел изъявлял признательность «за содействие Ваше в умножении

совой базы будущего издания было признано достаточным заполучить подписчиков не менее 500 человек. Но собрать такое число постоянных читателей газеты в тогдашней Грузии оказалось делом затруднительным: подписчиков в Тифлисе к 7 марта 1819 г. набралось не более 105 человек[186]. Была проведена подписка по уездам Грузии, но попытка собрать подписчиков для газеты в сельских местностях не имела особого успеха. Широкие слои местного населения не были подготовлены к нововведению. Об этом свидетельствуют рапорты уездных начальников или комендантов к грузинскому гражданскому губернатору об итогах проведения подписки на «Грузинскую газету». Так, в своем рапорте от 10 февраля 1819 г. ананурский комендант полковник Бакуринский сообщал исполняющему обязанности грузинского гражданского губернатора Р. Ховену, что в деле подыскания «пренумерантов» для «Грузинской газеты» он «желаемого успеха не нашел». Причины — «малолюдство жителей», а также отсутствие «общества достаточно грамотных, чрез кого могли б иметь истолкование изъясненной пользы». Но Бакуринский надеялся, что «на будущее время можно доказать жителям пользу ее»[187]. Весьма существенной оказалась поддержка армянского архиепископа Нерсеса, который обеспечил из своей паствы более 100 подписчиков[188].

Первые же номера газеты не оставляли сомнения в том, что она издавалась «под непосредственным наблюдением корпусного штаба»[189]. Необычным в издании «Грузинской газеты» было то, что процесс литературной обработки материала, поступавшего в газету, и ее выпуск происходили в несколько этапов: сперва составлялась рукопись на русском языке (очевидно, для цензуры). Материал, поступивший в редакцию на грузинском языке (корреспонденции с мест), также переводился на русский язык. А затем составленный уже номер переводился с русского на грузинский язык и отсылался в корпусную типографию для верстки и печати.

К сожалению, нам не удалось разыскать в архивах первоначальный русский вариант «Грузинской газеты», хотя Е. Г. Вейденбаум

подписок на нынешний 1810 год „Северной почты" и за снабжение меня известиями ко внесению в оную, покорнейше прошу употребить все ваше старание и ныне, дабы распространить сколь возможно употребление сей газеты во вверенной вам губернии, и не оставить частою пересылкой известий обо всем том, что в оной ни случится любопытного, важного, и вообще всего примечания достойного. Чем более найдете вы охотников к подписке на сию газету, и чем чаще будете вы снабжать оную сведениями, ко внесению приличными, тем к большей обяжете меня благодарности. Между различными родами известий должно быть отныне помещаемо и все то, что касается до торговли вообще» (там же, ф. 2, оп. 1, д. 233, л. 315). Отсюда можно заключить, что некоторые правительственные печатные органы до известного времени фактически подменяли собой местную периодическую печать.

[186] *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики, стр. 49.

[187] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 2478, л. 17 об.

[188] См. «Грузинская газета», 1819, № 3.

[189] ЦГИА СССР, ф. 773, оп. 87, д. 58, л. 2.

утверждал, что «полный рукописный экземпляр ермоловской газеты за 1820 г. ... на русском языке» хранился «в архиве штаба Кавказского военного округа» [190]. Тем не менее факт существования русского дубликата «Грузинской газеты», независимо от ограниченного распространения среди руководящих работников корпусного штаба, дает основание рассматривать его как первый опыт составления в Грузии русского рукописного периодического издания.

Итак, стоит отметить парадоксальный факт, что первая официальная газета в Грузии начала издаваться на грузинском языке. По этому поводу Е. Г. Вейденбаум писал: «По ныне господствующим понятиям может показаться странным и даже неловким издание правительственным учреждением газеты не на русском языке. Но при тогдашнем положении края оно не могло быть иначе. Русский язык был тогда еще так мало распространен даже среди городских жителей, что большинство представителей дворянства, заседавших в экспедициях Верховного грузинского правительства, не умело подписать по-русски своей фамилии [191]. Между тем Ермолов считал существенно необходимым, во-первых, знакомить новых русских подданных с действиями и видами правительственной власти, во-вторых, сообщением иностранных политических известий приобщить население Грузии к интересам всего образованного мира... В те времена цели эти могли быть достигнуты только при помощи грузинского языка, который был тогда господствующим как в селениях, так и в городах бывшего грузинского царства» [192].

Можно сослаться на пример издания астраханской газеты «Восточные известия», которая первоначально выходила только на русском языке. Но значительная часть населения города состояла тогда из армян. Поэтому два года спустя после выхода первого номера «Восточных известий» на русском языке издатель газеты И. Вейскопфен писал в апреле 1815 г. в Цензурный комитет: «Осмеливаюсь представить, что я с начала моего пребывания в Астрахани усмотрел, что только с переводом на армянский язык может существовать в сем городе периодическое издание...» [193]

Не исключено, что Ермолов и его администрация в Грузии при создании «Грузинской газеты» учли опыт астраханских издателей, сохранив в газете рукописный русский дубликат для контроля за изданием со стороны цензоров. Кстати, в Астрахани цензуру местных периодических изданий осуществляли сотрудники городской гимна-

---

[190] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 298; ср. «Кавказ», 1896, № 4, стр. 2.

[191] Но имели место случаи, когда некоторые из высокопоставленных грузин, владевших русским языком, под служебными бумагами подписывались по-грузински. Например, вновь назначенный борчалинским главным приставом подполковник Орбелиани свои рапорты и донесения, составленные на русском языке, подписывал по-грузински (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 2502, л. 7).

[192] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 300; см. также «Иллюстрированное прибавление к „Тифлисскому листку"», октябрь 1900 г., № 21.

[193] «Вестник Отделения общественных наук АН Армянской ССР», 1967, № 1 (284), стр. 102.

зии [194]. Кто были цензоры «Грузинской газеты» — «издания, служащего к удовольствию обитателей здешнего края», сказать трудно. Вейденбаум ошибочно полагал, что для газеты «в те блаженные времена не требовалось ни подписи ответственного лица, ни указания типографии, ни даже цензурного разрешения»[195]. Но автор неподписанной статьи, посвященной 50-летию выхода в свет газеты «Кавказ», может быть, небезосновательно считал, что русский перевод «Грузинской газеты» служил, «вероятно, для личного контроля генерала Ермолова над изданием» [196].

Время показало, что «Грузинская газета» не оправдала надежд представителей передового крыла ермоловского окружения на критическое освещение недостатков. А они были в тогдашней Грузии. В своих «Записках» Н. Н. Муравьев, например, свидетельствует о том, что в бытность Ермолова главноуправляющим в Грузии всевозможные «злоупотребления... появились сильнее, нежели когда-либо», восстановив против местной администрации «всех жителей здешних» [197]. И все же военная молодежь питала иллюзии относительно самого Ермолова, который, придерживаясь «строго консервативных взглядов», по словам Д. Давыдова, «вместе с тем допускал свободу суждения и требовал от подчиненных сознательного исполнения долга» [198]. Однако либерализм Ермолова был весьма относительным. Об этом можно судить по его письму (1820 г.), адресованному некоему князю Петру Михайловичу: «Я и о том думал, чтобы свободное печатание не дало возможности человеку обиженному сказать что-нибудь неприятного» [199]. Не удивительно поэтому, что Ермолов с самого начала поставил дело издания «Грузинской газеты» так, чтобы она находилась под постоянным контролем штаба вверенного ему корпуса [200]. Цензура корпусного штаба, естественно,

---

[194] Там же.

[195] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 299.

[196] «Кавказ», 1896, № 4, стр. 2.

[197] «Русский архив», 1886, № 12, стр. 453.

[198] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 49, стр. 12.

[199] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6214, лл. 4—5.

[200] Из лиц, прикосновенных к изданию «Грузинской газеты», в документах встречается лишь трое военных, кстати, не занимавшихся литературой и журналистикой. 10 марта 1819 г. сообщалось, что сумма, поступившая от подписчиков на газету, предназначалась для «начальника штаба Грузинского отдельного корпуса господина генерал-майора и кавалера Вельяминова» (см. ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 2478, л. 40). Но этот адресат перечеркнут и вместо него надписано: «Наумову». Оба лица — приближенные Ермолова, по требованию которого они были назначены почти одновременно с ним на службу в Грузию, первый — в чине полковника и в должности начальника корпусного штаба, второй — в чине подполковника, дежурным штаб-офицером (см. «Записки генерала Ермолова во время управления Грузией», стр. 4). Не исключено, что и Вельяминов и Наумов относились к тем чиновникам из «окружающих Алексея Петровича», которые, по словам Н. Н. Муравьева, «не имея большого состояния, никогда не имели случая так жить и, обрадовавшись случаю, давшему им неограниченную власть, не знают уже, что и выдумать, дабы, жертвуя общим благом, удовлетворить свои прихоти» (см. «Русский архив», 1886, № 12, стр. 441).

Третьим лицом, отмеченным в архивных документах в связи с «Грузинской

могла отвратить многих прогрессивно настроенных военных и чиновников, служивших в ту пору в Грузии, от участия в «Грузинской газете». К тому же вскоре вышло постановление Комитета министров о том, чтобы «российские чиновники, находящиеся на службе, нигде и ни на каком языке не издавали в свет никаких сочинений, заключающих что-либо касающееся до внешних или внутренних отношений Российского государства, сверх обыкновенной цензуры без дозволения своих начальников» [201].

По окончании испытательного срока командование корпуса и гражданские власти в Грузии ежегодно (вплоть до 1822 г.) проводили подписку на газету. Представители местного военного командования и гражданской власти подписывались в первую очередь [202]. Но и эти усилия оказались тщетными. Число подписчиков неумолимо сокращалось. К концу марта 1822 г., несмотря на рвение квартальных надзирателей, едва удалось «собрать в Тифлисе только 19 подписчиков на сумму 57 руб.» [203]. Таким образом, интерес общественности к периодическому печатному органу на грузинском языке был погашен содержанием газеты, диктуемым цензурой и интересами военных властей.

Первые опыты издания на русском языке

Забота Ермолова о корпусной типографии исходила не только из интересов бесперебойного выхода «Грузинской газеты». К этому его вынуждали языковые трудности в управлении Грузией. Одним из

газетой», является «коллежский асессор Плещеев». Ему как сотруднику тифлисской полиции в конце 1821 г. было вменено в обязанность организовать в городе «при содействии квартальных надзирателей» подписку на «Грузинскую газету» (см. *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 303. О личности Плещеева см. также *П. В. Гугушвили.* Грузинская журналистика. Тбилиси, 1941, стр. 10; *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики. Тбилиси, 1954, стр. 52). При открытии в 1804 г. Тифлисского благородного училища в качестве одного из преподавателей русского языка был приглашен канцелярский служитель Верховного грузинского правительства по фамилии Плещеев (к сожалению, инициалы не указаны; см. АКАК, т. II, стр. 195, док. 365). Эта же фамилия встречается в архивных документах и позднее: служащий канцелярии грузинского гражданского губернатора Александр Плещеев в 1833 г. был произведен в губернские секретари (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4713, лл. 1—6). В ЦГИА СССР хранится «Дело о Николае Сергеевиче Плещееве» (ф. 733, оп. 86, д. 26). Судя по его формулярному списку, можно предположить, что Н. С. Плещеев и его однофамилец из тифлисской полиции, заботившийся об умножении числа подписчиков на «Грузинскую газету», одно и то же лицо.

[201] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 113.

[202] В одном из архивных документов, который был адресован «в управление штаба Отдельного грузинского корпуса», например, отмечалось: «Препровождая при сем по поручению командира 15 Егерского полка полковника Пузыревского 4 руб. 40 к. на пренумерацию двух экземпляров издаваемой при оном штабе „Грузинской газеты“, прошу покорно высылать оную на имя его, Пузыревского, в Имеретию через Кутаис в укрепление Морань» (Марани. — *Д. В.*) (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 2478, л. 42).

[203] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 303.

способов решения проблемы коммуникабельности стало стремление к распространению русского языка среди народов Кавказа. Мы уже говорили, что незнание местным населением русского языка делало на первых порах развитие русского книгопечатания в Грузии излишним. Двадцать лет, прошедших со времени присоединения Грузии к России, оказались сроком недостаточным. Поэтому первая в Грузии русская печатная книга не могла не отразить официальной тенденции — помочь местному населению овладеть русской речью [204]. Так вышло в 1819 г. изданное военно-походной типографией в Тифлисе «Собрание российских разговоров, в общежитии употребляемых, с приобщением грузинского перевода, в пользу благородного юношества» [205]. Пространный заголовок подчеркивает, что разговорник предназначался только для лиц «благородного» происхождения.

«Собрание...» не было первым опытом русско-грузинского разговорника, первой была упомянутая выше книга Соломона Лионидзе «Разговор» (последняя четверть XVIII в.). Еще в начале XIX в. и несколько позже предпринимались неоднократные попытки составить полноценное пособие по изучению грузинами русского языка, а также русско-грузинский лексикон, который позволил бы россиянам ознакомиться с грузинской речью. Документы свидетельствуют, с каким вниманием и заинтересованностью относилось российское правительство к опытам подобного рода, какие высокие требования

---

[204] Среди документов по истории русско-грузинских отношений, напечатанных одновременно на грузинском и русском языках в первой четверти XIX в. в Петербурге, Москве и Грузии, следует выделить упомянутые выше «Манифест о присоединении Картлийско-Кахетинского царства к России» и «Постановление внутреннего управления» (Москва, 1801). На двух языках напечатаны тексты ряда других узаконений и обращений, в том числе «Положение о принятии помещиками в Грузии поселенцев, выходящих из-за границы и о водворении их на собственных землях» (Тифлис, 1819), которое представляло собой первую попытку законодательного определения прав и обязанностей так называемых хизан; «Прокламация к жителям Имеретии» (Кутаис, 1821), обращенная к населению Западной Грузии после подавления восстания в Имеретии и Восточной Грузии в 1819—1821 гг.

Мы не можем согласиться с мнением А. З. Абрамишвили, что «с 1797 г., а в особенности с 1801 г., после присоединения Грузии к России стали изредка появляться издания с параллельными грузинскими и русскими текстами, имеющие официальное, деловое значение. Так продолжалось вплоть до 1804 г., когда в Москве вновь открылась грузинская типография» (*А. З. Абрамишвили.* Из истории грузинского книгопечатания за пределами Грузии. — «Книга. Исследования и материалы». Сб. III. М., 1960, стр. 296). В высказываниях А. З. Абрамишвили, нам кажется, искусственно ограничен период появления в России изданий с идентичным текстом на двух языках. Достаточно сослаться на текст приветствия Теймуразу II в честь его прибытия в столицу России, напечатанный 21 июня 1761 г. в Петербурге, и на текст пояснительной документации к Георгиевскому трактату 1783 г., а также вспомнить, что путем параллельного изложения двуязычного (русско-грузинского) текста был осуществлен в России целый ряд изданий на протяжении почти всей первой четверти XIX в. Например, двуязычные пособия по изучению русского и грузинского языков: самоучитель Г. Пиралова (Петербург, 1820 г.), разговорник Н. Чубинова (Москва, 1826 г.) и др.

[205] «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 90.

предъявляло к различным разговорникам и лексиконам на русском и национальных языках народов, входящих в состав империи. Это и понятно: правительство расценивало подобные печатные произведения как необходимое «лингвистическое» приложение к своей политике в отношении подвластных ему народностей и народов. В июле 1808 г. статс-секретарь П. Молчанов представил на рассмотрение в Департамент народного просвещения «Самоучитель российского и грузинского языка... сочиненный иностранной коллегии переводчиком Фираловым с подношением е. и. в.»[206]. Примечателен ответ министра народного просвещения П. Завадовского Молчанову с отзывом о книге Г. Пиралова: «Доставленная Вашим превосходительством книга „Самоучитель российского и грузинского языка“ может быть полезна особливо для грузинцев, желающих учиться российскому языку. Некоторые в ней погрешности против русского с согласия сочинителя исправлены; остается недостаток в помещенном в конце сего руководства словаре — тот, что слова малоупотребительные, устарелые, славенские и малороссийские перемешаны с употребительными русскими. Таковая смесь научит говорить и писать иначе, нежели как ныне говорят и пишут природные русские. По замечанию, чтобы сочинитель исправил сей недостаток, он объявил согласие сделать сие при корректуре во время печатания сей книги отметкою слов славенских, малороссийских и малоупотребительных. Он принял также совет поставить и ударения в словаре над каждым словом, дабы грузинец, познавая значение слов, вместе научался и правильному произношению оных. Что же касается до просимого им за сию книгу знака отличия, я не нахожу труд сей стоющим таковой награды не только по неважности предмета книги, но и потому, что она недостаточна в грамматических правилах»[207].

Пособие по русскому языку, составленное и поднесенное Г. Пираловым царю не без расчета на вознаграждение, достигло цели[208]. Но этого нельзя сказать о попытке, предпринятой его соотечественником и бывшим сослуживцем Николаем Игнатьевым (Эгнаташвили). «Грузинский лексикон с переводом на российский язык» — так был озаглавлен этот многолетний труд, начало которому положил еще отец составителя подполковник Семен Игнатьев (Эгнаташвили). Лексикон был представлен на рассмотрение Министерства народного просвещения в феврале 1809 г., но, несмотря на посвящение царю, издание лексикона было «оставлено без уважения».

В ответ Н. Игнатьеву министр писал: «Я подносил государю императору доставленный мне от Вас грузинский лексикон; но не скрою от вас, что как он заключает в себе собрание весьма немногих грузинских слов, то и не может ни назваться по справедливости

[206] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 118, л. 1.

[207] Там же, л. 2.

[208] Самоучитель Г. Пиралова хоть и был принят (в 1808 г.) к печати, но увидел свет не ранее 1820 г. (см. «Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 91).

полным лексиконом, ни принести пользы, лексиконам свойственной» [209].

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что отдельные представители грузинского общества проявляли интерес к языку своего северного соседа, независимо от стремления руководствовавшейся политическими соображениями царской администрации. Эти представители отлично понимали, что овладение русским языком открывало им широкий доступ к мировой научной и художественной литературе.

С начала XIX в. появился ряд переводов с русского на грузинский язык, выполненных видными деятелями грузинской культуры и науки, проживавшими тогда в России. Среди этих переведенных на грузинский язык произведений следует отметить: „განსჯანი არისტოტელისანი კეთილისათჳს და ბოროტისა“ («Рассуждения Аристотеля о добре и зле». Санкт-Петербург, 1818), „ენციკლოპედია ანუ შეკრებილება ზნეობითთა სწავლათა ჰაზრთანი, და განსჯანი სხუათა და სხუათა ნივთათჳს, დათქმული და აღსხმული ანბანთა ზედა და ფრანციცულისა წერილთაგან რუსულსა ზედა გარდმოღებული კოლლეჟსკის ასესსორის იოანე პრიკლონსკის მიერ“. («Энциклопедия, переведенная с французского на русский язык коллежским асессором Иоанном Приклонским».Санкт-Петербург, 1823), а также переводные книги правового и церковно-богословского характера, географические и другие словари, а также так называемые «карабадины» (пособия по медицине), составленные врачом П. Клапитановым, и др.

Большая переводческая работа, которую передовые грузинские деятели развернули тогда как в России, так и в Грузии, во многом способствовала укреплению русско-грузинских отношений. Не секрет также, что умение квалифицированно переводить с русского на грузинский язык и с грузинского на русский, даже одобренное соответствующими правительственными инстанциями, нуждалось в материальном поощрении. Между тем из архивных документов видно, что за переводы с русского на грузинский язык брались и несведущие люди в надежде поправить свое материальное положение. Показательна судьба грузинского дворянина Егора Кандинова (Кандинашвили), о котором в апреле 1810 г. министр внутренних дел сообщал Александру I, что он, «представляя вашему императорскому величеству переведенные им с российского на грузинский язык: „Городовое положение и способ научиться самим собою географии“, для употребления в пользу его единоземцев, просит об определении его к должности, способности его соответственной» [210]. Из письма далее выясняется, что переведенные Кандиновым книги были адресованы сенатору — грузинскому царевичу Мириану Багратиони, «который сообщал мне (О. Козодавлеву. — *Д. В.*), что первая из них, заключающая „Городовое положение“, хотя и требует некоторой поправки, но в переводе мысль не потеряна, а вторую он на-

---

209 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 130, л. 5.
210 Там же, ф. 1284, оп. 4а, д. 241, л. 133.

шел согласно с правилами грузинского языка переложенную»[211]. Здесь же Козодавлев сообщал, что «за подобные переводы всемилостивейше пожалованы Моздокскому протоиерею Чилаеву (Чилашвили. — *Д. В.*) и титулярному советнику Фиралову бриллиантовые перстни, с дозволением последнему по одобрению цензуры переведенную книгу напечатать, буде того пожелает»[212].

В дальнейшем выяснилось, что царевич Мириан преувеличил способности Кандинова-переводчика, возможно движимый сочувствием к судьбе автора. Лестный отзыв мог бы действительно поправить дела Кандинова, если бы Козодавлев с ведома царя не запросил дополнительно мнения у главноначальствующего в Грузии Тормасова, который сообщил, что он «поручил правителю Грузии рассмотрение тех книг и введение оных в употребление, как равно требовал мнения его, куда можно его (Кандинова. — *Д. В.*) употребить по службе, смотря по способности, на что получил в ответ, что книги те весьма худо переведены и их никак не можно иметь в употреблении, а поэтому он, правитель Грузии, и мнения своего, куда бы его употребить по службе, дать не мог»[213].

Не удивительно, что по истечении 10 с лишним лет со времени переписки по поводу издания «Самоучителя» Г. Пиралова и «Лексикона» Н. Игнатьева требовательность к словарям повысилась. Напечатанное в 1819 г. в Тифлисе «Собрание российских разговоров...» вышло вторым изданием в 1826 г. в Московской синодальной типографии. Эта книга успешно использовалась учениками и преподавателями Тифлисской гимназии даже в 30—40-х годах XIX в.[214] Во всяком случае, из отчета «О состоянии Тифлисской гимназии со времени преобразования в оную Тифлисского благородного училища по 1 генваря 1831 г.» видно, что «ученики двух высших разрядов (7 и 8 классов) занимаются по сей методе (взаимного обучения. — *Д. В.*) изучением российских разговоров и первых начал грамматики»[215].

---

211 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 130, л. 133.

212 Там же, л. 134. Поощрение переводчиков и составителей пособий по изучению национальных языков народов Кавказа становилось традицией. Так, в августе 1845 г. кавказский наместник ходатайствовал об «издании составленного коллежским асессором Люлье русско-черкесского [адыгейского] словаря и о пожертвовании автору бриллиантового перстня» (см. там же, д. 831, л. 1). А почти двумя годами раньше, в декабре 1843 г., было принято решение «об издании составленного титул[ярным] советником Чубиновым (Давидом Иесеевичем. — *Д. В.*) русско-грузинского словаря на казенный счет», а также о «поручении ему кафедры грузинского языка в Восточном отделении Санкт-Петербургского университета» (см. там же, д. 526, л. 1).

213 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 4а, д. 241, л. 143. В ответе Тормасову Козодавлев 24 декабря 1810 г. просил объявить Кандинову (находившемуся уже в Грузии), что просьба его «удовлетворена быть не может» (см. там же, л. 144).

214 *И. Меунаргия.* Жизнь и поэзия Николоза Бараташвили. Тбилиси, 1968, стр. 12; ср. *Х. Г. Шарашидзе.* Об одном учебнике времен Н. Бараташвили. — «Литература да хеловнеба» («Литература и искусство»), 1945, 11 ноября, № 38 (91), стр. 4.

215 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 82, д. 4, л. 8. «За прошедший курс, — говорится

Автором-составителем «Собрания российских разговоров» был Николай Давидович Чубинов (Чубинашвили), один из первых выпускников Тифлисского дворянского училища, которому в 1806 г. (вместе с тремя другими учениками училища) были вручены золотые часы за успешный перевод на русский язык «Сокращенной грузинской истории» католикоса Антония I [216]. Чубинов настолько преуспел в изучении русского языка, что по окончании училища, будучи рекомендован, как уже отмечалось, директором Петриевым, заступил место скончавшегося тогда преподавателя русского языка того же училища (декабрь 1807 г.) [217]. «В бытность свою преподавателем в училище Н. Чубинов с 1810 по 1814 год между прочим перевел с русского на грузинский язык: „Опытную физику" Брисона, „Физику" Гиляровского, „Сокращенную геометрию" и „Краткую арифметику" ... В 1815 году Н. Чубинов оставил службу в училище и был назначен секретарем Синодальной конторы в Тифлисе» [218]. В этой должности Н. Чубинов находился до 1818 г., когда «по предложению начальства составил и напечатал (в 1819 г. — *Д. В.*) „Русско-грузинские разговоры" и другие труды» [219]. Выясняется, что «Собрание» было составлено Н. Чубиновым, когда экзарх Грузии Феофилакт положил начало собиранию при тифлисской Синодальной конторе хартий и других важнейших документов по истории Грузии, «рассеянных доселе по монастырям и церквам» [220].

в „Отчете" об успехах учащихся Тифлисской гимназии в изучении языков, — ... они все более оказали таковых в грузинском языке, как их природном, а потом в законе божьем, и всего менее в языке татарском, по причине слабых познаний в оном и худой методы преподавания самого учителя сего языка. Успехи учащихся в российском языке были гораздо значительнее против прежнего, но все еще не в той степени, как бы должно ожидать от тех стараний, кои прилагались к усилению оных со стороны учителей и училищного начальства» (там же, л. 10).

[216] *А. А. Цагарели.* Сведения о памятниках грузинской письменности, т. I, вып. III, стр. LXII; ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 403, л. 16.

[217] А. Петриев (Петриашвили) писал об этом правителю Грузии Литвинову: «Как по случаю смерти прикомандированного в должность учителя коллежского регистратора Жилы, остается сие место учителя 2-го класса российского языка праздным, то находя к занятию оного довольно способным ученика сего училища из дворян Николая Чубинова», Петриев рекомендовал его к замещению этой должности (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 403, л. 25).

[218] *А. А. Цагарели.* Указ. соч., стр. LXII—LXIII.

[219] Там же, стр. LXIII. А. А. Цагарели дополняет сведения о появлении на свет «Собрания российских разговоров»: «От 13 мая 1827 года Н. Д. Чубинов в прошении обер-прокурору св. Синода кн. Голицыну заявляет, что по поручению и на иждивение экз[арха] Грузии Феофилакта он составил „Русско-грузинские разговоры" (напеч. в 1000 экз.), а брат его, прот[оиерей] Иессей — „Грузинскую грамматику", что книги эти были напечатаны в Тифлисе и продавались в пользу авторов, что второй раз эти руководства (в 1826 г.) напечатаны в Москве по желанию экзарха Грузии; Чубинов просит кн. Голицына сделать распоряжение, чтобы часть доходов от продажи их была уделена в пользу детей прот[оиерея] Иессея — Давида и Евгении, находящихся в пансионах в Петербурге, содержание которых, исключая одежды, обходится в год 600 р. ассигнациями, и что получаемых ими от казны пенсии в 120 р. в год недостаточно на их содержание» (там же, стр. LXI).

[220] «Кавказский календарь», 1869, стр. 81.

Этой работой увлекся и Н. Чубинов, но по велению начальства ему пришлось переключиться на составление русско-грузинского разговорника.

Появление книги объяснялось, нам кажется, не только тем, что именно в Восточной Грузии, как подчеркивал генерал А. П. Ермолов, в то время «молодые люди княжеского и дворянского происхождения приметно ищут пользоваться способами просвещения» [221], но и известной политикой внедрения русского языка среди национальных меньшинств, а также составления различных пособий по изучению иностранных языков. Во всяком случае, некоторое время спустя после напечатания в Тифлисе «Собрания российских разговоров» встал вопрос об издании «Краткой российской грамматики, в пользу армянского юношества составленной армянским иеродиаконом Авраамом Богдановичем Вагаршападским», а также «Словаря японского языка, собранного камергером Языковым в бытность его в Японии, исправленного и на латинский язык переведенного надворным советником Назаревичем» [222].

Изданное в 1819 г. в Тифлисе «Собрание российских разговоров» насчитывает 159 страниц обычного среднего формата (19×14 см.). Кроме собственно 100 «разговоров» русско-грузинского разговорника и «Собрания употребительных слов» с «принадлежащими к ним глаголами» книга содержит разделы: «Букварь российский с грузинским», «Букварь грузинский с российским», «Числительные имена количественные», «Числительные имена порядочные», «Дни недельные», «Наименование месяцов». На оформленном со вкусом титульном листе помещены выходные данные («Тифлис, 1819 г., Военно-походная типография»). Есть «Оглавление» и приложены «Опечатки». Основная цель книги заключалась в выработке у обучающихся навыков разговорной русской речи. Автор-составитель приводил образцы живых диалогов, вопросов и ответов, переданных посредством русско-грузинских языковых средств, а также грамматические правила. Одновременно «Собрание» знакомило учеников с европейскими правилами хорошего тона [223]. Это последнее обстоя-

---

[221] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6212, л. 1.

[222] ЦГА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 502, л. 1. В связи с рассмотрением в Петербургском цензурном комитете рукописей этих пособий, а также предполагавшейся к изданию поэмы Ш. Руставели под заглавием «Барсова кожа», остро встал вопрос о возможностях цензурования произведений на «азиатских языках». В соответствии с существовавшим циркулярным предписанием министра народного просвещения попечителю Петербургского учебного округа от 13 мая 1820 г., в частности в отношении литературы на армянском языке, было решено: «Книги, писанные на армянском языке ...должны отсылаться в Астраханскую армянскую духовную консисторию для цензурования оных под личным надзором архиепископа обитающих в России армян» (там же. л. 3).

[223] В дальнейшем и другие авторы будут прибегать к такому оправдавшему себя на практике способу. Представленная в 1837 г. на рассмотрение Петербургского цензурного комитета «Азбука грузинская, полезная молодым людям», составленная П. И. Иоселиани, наряду с азбукой, числами и молитвами, обязательно включала «истории нравственные» (ЦГИА СССР, оп. 1, д. 1394,

тельство дает основание предполагать, что книга составлена под влиянием известного дидактического издания петровского времени — «Юности честного зерцала». Как и в «Зерцале», так и в «Собрании» приведены фразы, содержащие наставления о благообразном поведении молодых людей, о том, как следует держаться в присутствии посторонних, вести себя в гостях и т. п.

Примечательно, что издание первой русской книги в Грузии совпало с выходом в свет первой грузинской газеты [224], содержание которой во многом служило той же цели, что и «Собрание российских разговоров». Об этом отчасти свидетельствует попытка «Грузинской газеты» рекламировать пособие для изучения русского языка довольно оригинальным способом. Так, в № 12 газеты за 1821 г. напечатано сообщение о том, что на государственную службу впредь будут приниматься лица княжеского и дворянского происхождения, которые владеют русским языком. Здесь же под рубрикой «Объявления» читатели оповещались, что «в типографии военного корпуса (Отдельного кавказского корпуса [225]. — *Д. В.*) напечатаны русско-грузинские разговоры под названием „Самоучитель русского языка"; каждая книга этих разговоров продается в той же типографии за шесть пятаков белыми деньгами (серебром. — *Д. В.*). В этой книге русские стихи (т. е. фразы. — *Д. В.*) написаны грузинскими буквами, а посему она является полезнейшим пособием для невладеющих русским чтением» [226]. Думается, что в заметке речь идет о последующем, втором издании «Собрания российских разговоров», единственный экземпляр которого хранится в Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР. В книге, насчитывающей всего 23 страницы (количество «разговоров» из 100 в первом издании сокращено до 40), собраны наиболее часто употребляемые русские слова и фразы, причем их написание, как отмечено и в про-

———

лл. 1—4). Присутствие в грузинских пособиях по изучению языков нравоучительных наставлений следует объяснить скорее всего тем, что книги о так называемом хорошем тоне издавна пользовались популярностью в Грузии. Любопытно, что еще в 1739 г. в Москве по приказанию царевича Бакара Вахтанговича была напечатана книга из 66 глав — «Нравоучительные наставления». Перевод книги с русского на грузинский язык был выполнен царевичем Александром Бакаровичем (см. *А. А. Цагарели.* Указ. соч., стр. 198—199). Тогда же (в 1739 г.) в Москве был напечатан перевод на грузинский язык известного произведения Ф. Прокоповича «Первое учение отроком», выполненный Гавриилом Чхеидзе («Грузинская книга. Библиография», т. I, стр. 37—39).

[224] Любопытно, что и в Астрахани выход в свет в 1815 г. русско-армянской газеты «Восточные известия» («Аревелян цануцмунк») совпал с напечатанием в местной типографии, где печаталась указанная газета, «Российско-армянского букваря» (см. «Вестник Отделения общественных наук АН Армянской ССР», 1968, № 1 (284), стр. 104).

[225] Высочайшее повеление: «Отдельному грузинскому корпусу именоваться отныне Отдельным кавказским корпусом» (ЦГИА СССР, ф. 732, оп. 2, д. 112), было сообщено Ермолову дежурным генералом Главного штаба Закревским в письме от 31 августа 1820 г. (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II), стр. 159).

[226] «Грузинская газета», 1821, № 12, стр. 4.

цитированной выше заметке, дано уже в грузинской транскрипции. На наш взгляд, это новшество было вызвано тем, что незнакомство с русским правописанием затрудняло полноценное восприятие русской речи грузинами. Чтобы облегчить задачу, издатели «Собрания» и прибегли к транскрипции русских слов и фраз грузинскими литерами [227].

Первое издание «Собрания российских разговоров» Н. Д. Чубинова вышло большим по тому времени тиражом в 1000 экземпляров [228]. Но как показывают архивные данные, корпусная типография все же нуждалась в основательном переоснащении. В июне 1820 г. местному духовному ведомству возвратили типографское оборудование, которое при создании корпусной типографии «любезно» было предоставлено, с ведома архиепископа Варлаама, в распоряжение начальства штаба Отдельного (тогда еще грузинского) корпуса. Весьма вероятно, что поводом к возвращению послужила необходимость обеспечить учебной и богослужебной литературой Тифлисскую духовную семинарию (учреждена в октябре 1817 г.) [229]. Тогда же «за материалы для сделания в военную типографию печатного станка отпущено Ермоловым арт[иллерийскому] ведомству 286 р. 32 к. асс[игнациями]» [230]. Выясняется также, что были затруднения с необходимыми для типографии материалами, в частности свинцом. По данным Е. Г. Вейденбаума, для надобностей артиллерийского ведомства свинец потреблялся «на Кавказе ежегодно в количестве 3 т[ысяч] пуд[ов]. В 1819 году Ермолов прика-

---

[227] Этот способ составления русско-грузинских разговорников и словарей практиковался и ранее. Так, царевичем Иоанном Георгиевичем Багратиони был составлен «Выборочный русско-грузинский лексикон, написанный грузинскими буквами, где и русские слова писаны по-грузински» (*А. А. Цагарели.* Указ. соч., стр. 182). Из этого же источника видно, что существовал и другой «Грузинско-русской словарь, писанный грузинскими буквами» (там же, стр. 208).

[228] Какое из напечатанных в 1819 г. в Тифлисе учебных пособий по русскому языку — «Собрание российских разговоров» или «Самоучитель русского языка» — опубликовано раньше, сказать решительно трудно. Единственный экземпляр «Самоучителя» был обнаружен старшим научным сотрудником Института рукописей АН Грузинской ССР Х. Г. Шарашидзе. В книге отсутствует титульный лист, поэтому можно лишь предположить, что она была издана в течение 1819—1821 гг. Наше мнение о том, что в данном случае мы имеем дело со вторым изданием в Грузии русско-грузинского разговорника, не разделяется Х. Г. Шарашидзе. Она полагает, будто обнаруженный ею экземпляр «Самоучителя» русского языка предшествовал выходу в свет «Собрания российских разговоров», так как бумага, на которой отпечатана книга, имеет водяной знак с четко обозначенным годом — «1819» («Литература да хеловнеба», 11 ноября 1945 г., № 38 (91), стр. 4). Но, по нашему мнению, это свидетельствует лишь о том, что книга не могла быть напечатана ранее 1819 г. Бумага с этим водяным знаком вполне могла быть использована в книгопечатании годом или двумя позднее. Кроме того, 25 марта 1821 г. в «Грузинской газете» сообщалось о выходе «Самоучителя» как о новом факте, а не как о событии почти двухлетней давности.

[229] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26, стр. 89; «Кавказский календарь», 1869, стр. 81.

[230] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II), стр. 90.

зал предложить тифл[исским] торговцам поставить это количество по цене не дороже 16 р. 50 [коп] асс[игнациями] за пуд. В Тифлисе промышляющих свинцом не оказалось» [231].

Эти и другие затруднения при обеспечении корпусной типографии необходимым оборудованием и материалами, разумеется, снижали уровень ее технических возможностей. Особенно наглядно недостаточная оснащенность типографии проявилась в первый же год деятельности Тифлисского дворянского депутатского собрания, созданного в феврале 1818 г. «для приведения в точную ясность дел и происхождений здешнего дворянства по имеющимся у них настоящим документам» [232] и обеспечения представителей княжеско-дворянского сословия, принадлежность которых к этому сословию не вызывала сомнений, соответствующими свидетельствами — дворянскими грамотами [233].

Во избежание всяких махинаций для обеспечения полной «законности» при зачислении в сословие «благородных» правительство должно было быть в курсе всей практической деятельности Тифлисского дворянского депутатского собрания. Предметом обсуждения всех компетентных правительственных инстанций стал, например, вопрос «об утверждении герба Грузинского депутатского собрания, переданного из особенной канцелярии министра внутренних дел в исполнительный департамент Министерства внутренних дел» [234]. Из специально заведенного в связи с этим дела видно, что вслед за мнением, высказанным по этому поводу Комитетом министров, Александр I утвердил 1 июля 1819 г. один из вариантов герба Тифлисского дворянского депутатского собрания [235]. Такие же инстанции проходились при утверждении рисунка для оформления листа дворянских грамот. Наконец, последовало решение о том, чтобы «грузинские дворянские грамоты печатались по рисунку, высочайше утвержденному 2 ноября 1819 г. Медная доска для тиснения их гравирована Уткиным и словорезником Фроловым. В 1820 г. прислана из Санкт-Петербурга в Тифлис, стоила 800 руб. асс[игнациями]» [236].

С поступлением указанной медной доски в Тифлис было решено изготовить с нее оттиски дворянских грамот первоначально количеством в 360 экземпляров [237]. Однако, несмотря на специальное предписание Ермолова об этом корпусной типографии, последняя оказалась не в состоянии это выполнить. Пришлось переслать зло-

---

[231] Там же, стр. 2.

[232] *А. А. Цагарели.* Указ. соч., стр. 21.

[233] Одним из первых «законных» соискателей такой грамоты, причем на фамилию Георгишвили, был составитель «Собрания российских разговоров» Н. Д. Чубинов (*А. А. Цагарели.* Указ. соч., стр. 19—21).

[234] ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 506, л. 1.

[235] Там же, л. 2. Всего было представлено на утверждение четыре варианта рисунков герба Тифлисского дворянского депутатского собрания, из них «два рисунка герба, составленные в Герольдии» (там же).

[236] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II), стр. 157.

[237] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1098, л. 15.

получную медную доску обратно в Петербург, где, должно быть, и был исполнен наконец заказ грузинской администрации. Дежурный штаб-офицер Кавказского корпуса сообщал об этом грузинскому гражданскому губернатору Р. И. Ховену: «Вследствие почтеннейшего отношения вашего превосходительства ... корпусной штаб по сделанным неоднократным опытам встретил наконец совершенную невозможность к тиснению на медной доске грамот для здешнего дворянства. А потому г. корпусный командир за лучшее признал означенную доску препроводить для напечатания тех грамот к г. дежурному генералу Глав[ного] шт[аба] е. и. в.» [238].

Этот случай, как нам кажется, окончательно убедил Ермолова в том, что Тифлисская военная типография нуждается в переоснащении. Кроме того, местная администрация не могла не учитывать, что предшествующая деятельность «Комиссии для достижения совершенно полного и ясного перевода грузинских законов» [239], создание которой намечалось в Тифлисе [240], будет нуждаться в местной типографии. Обновление же оборудования корпусной типографии и обзаведение литографским станком избавило бы местную администрацию от частых ходатайств в Петербург.

Однако в связи с тем, что сумма, выделенная Ермоловым для приобретения типографского станка, оказалась недостаточной, пришлось снова обращаться в Петербург, в Главный штаб [241]. Из письма А. П. Ермолова Волконскому от 28 сентября 1820 г. видно, что «в 1820 г. Ермолов просил деж[урного] генерала Гл[авного] штаба выслать ему литографский станок. Просьба была исполнена и со станком присланы кантонисты-литографы Филипп Попов и Никифор Павлов. Это было начало походн[ой] литографии Отд[ельного] кавказского корпуса» [242]. Достоверность сведений, приводимых Е. Г. Вейденбаумом со ссылкой на вышеуказанное письмо Ермолова к Волконскому, подтверждается и другими документальными данными [243].

Одним из первых изданий тифлисской корпусной типографии, укомплектованной присланным из Петербурга новым литографским

---

[238] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 1098, л. 15.

[239] *А. А. Цагарели.* Указ. соч., стр. 27.

[240] Комиссия была создана в 1822 г., в Тифлисе, под председательством гражданского губернатора Ховена в составе: Чилаева, Чиляева, Палавандова, Букринского, позднее был добавлен Н. Д. Чубинов (там же, стр. 27—28).

[241] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II), стр. 157.

[242] Там же.

[243] Так, из письма министра внутренних дел гр. Д. А. Блудова грузинскому гражданскому губернатору Н. О. Палавандову выясняется, что «президент императорской Академии наук тайный советник Уваров от 17 мая 1833 года относится ко мне о доставлении ему для редакции ординарного на будущий год календаря, при Императорской Академии наук издаваемого, сведений о числе типографий и литографий в России за 1832 год» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4762, л. 1). Грузинский гражданский губернатор отвечал в июле 1833 г., что «типографий в Тифлисе две, из коих одна при штабе Кавказского отдельного корпуса, а другая при комитете издания „Тифлисских ведомостей“, при пер-

станком, была «Молитва на татарском и арабском языках»[244]. Книга «была отлитографирована по приказанию Ермолова в 1820 г. при корпусном дежурстве и дана тифл[исскому] магометанскому духовенству для чтения в молитвенные дни, праздники и особенно в торжественные дни»[245].

Таким образом, конец первой четверти XIX в. в Грузии ознаменовался некоторым оживлением печатно-издательского дела не только на грузинском и русском языках, но и на татарском и арабском языках. В последующие годы — вплоть до 1828 г. — печатная продукция в Грузии выходила главным образом в Тифлисе — в корпусной типографии и в Кутаисе — в местной типографии при Имеретинском временном правлении. В мае 1822 г. в Кутаисе было напечатано «Объявление по Имеретии», которым население области ставилось в известность, что в Имерети вводится новый порядок ведения тяжебных дел. В шести пунктах «Объявления» излагалось существо нововведения, в котором наглядно проявлялась забота местных властей об охране частной собственности. В марте 1826 г. в Тифлисе была опубликована прокламация управляющего гражданской частью в Грузии генерал-лейтенанта Вельяминова к населению западных областей Грузии, в которой разъяснялись преимущества прививки против оспы как наиболее радикального средства предупреждения этой «не менее самой чумы губительной» болезни. В прокламации «Воззвание грузинам», напечатанной в мае 1827 г., в самый разгар русско-персидской войны, воздавалась хвала грузинскому народному ополчению, представители которого «отличились свойственною им храбростью противу врагов и с необыкновенным рвением и готовностью делали всякого рода пожертвования для спасения Отечества».

Примерно в это время местная администрация все чаще начинает публиковать также прокламации и обращения к населению исклю-

---

вом также есть и литография» (там же, л. 2). Несколько позднее (май, 1835 г.) вновь последовал запрос из Министерства внутренних дел о количестве типографий и литографий в Грузии, на этот раз с требованием указать их профиль и дату ввода в эксплуатацию. Ответ из Грузии, в частности о типографии военного профиля, гласил: «При корпусном штабе существуют типография и литография, первая учреждена в 1816-м году, а последняя — в 1820-м» (там же, д. 5144, л. 3). Мы, к сожалению, не располагаем сведениями о дальнейшей судьбе грузинской тифлисской духовной типографии, которой в 1816 г. был возвращен печатный станок из вновь созданной корпусной типографии. Но несомненно, что в 1830 г. в Тифлисе наряду с двумя указанными в официальной справке типографиями существовала и третья — «армянская при здешнем духовном правлении училищ» (там же, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 5). Нам кажется, что армянская типография была создана после основания в Тифлисе духовной семинарии Нерсесянц в 1824 г. (см. *А. М. Давтян.* Армянская книга в 1801—1850 гг. Библиография. Ереван, 1967, стр. LXXII).

244 Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II), стр. 2. К сожалению, мы не располагаем сведениями и о том, каким образом и когда пополнилось шрифтовое хозяйство тифлисской корпусной типографии печатными литерами «на татарском (должно быть, подразумевается фарсидское наречие. — *Д. В.*) и арабском языках».

245 Там же.

чительно на грузинском языке без сопровождения идентичного русского текста. Таким образом, в 1827—1829 гг. в Тифлисе были напечатаны: 1) «Объявление» («განცხადება») военного губернатора генерала Н. М. Сипягина, в котором намечались некоторые мероприятия по благоустройству города; 2) так называемые «Законы» («კანონები, თუ როგორ უნდა მოიქცნენ პურის თეთრის დარიგებაში ახალს მოსავალზე»), подписанные обер-провиантмейстером Симаковым и утвержденные тифлисским военным губернатором, которые вводили определенную систему взимания у населения хлеба нового урожая для войск, расквартированных в Грузии; 3) «Приказ Кавказскому отдельному корпусу» («ბრძანება კავკასიის ოტდელნის კორპუსისადმი ერევნის ციხესა შინა»), изданный «при Эриванской крепости», в котором генерал И. Ф. Паскевич благодарил грузинских князей и дворян, отличившихся в персидской кампании 1826—1827 гг.; 4) «Извещение» о правилах сбора грузинской народной милиции («უწყება, ანუ საქრთველოს სახალხო მილიციის შეკრების წესები»), подписанное исполняющим обязанности гражданского губернатора Грузии П. Д. Завелейским. В 16 пунктах этого документа излагался порядок организации грузинского ополчения, созываемого для совместного с русскими войсками отпора султанской Турции.

Эти прокламации, подобно «Грузинской газете», составлялись сначала на русском языке, а затем переводились и печатались на грузинском. Это приводило к тому, что грузинский текст содержал множество оборотов, совсем несвойственных грузинскому языку. А это уже показывало на необходимость рационального разграничения функций и назначения русской и местной национальной печати, чем, собственно, и было ознаменовано дальнейшее развитие печатного дела в Грузии и на всем Кавказе.

Глава III

НАЧАЛО РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ГРУЗИИ. «ТИФЛИССКИЕ ВЕДОМОСТИ» — ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА НА КАВКАЗЕ

В конце первой четверти XIX в. общественная жизнь в Грузии при всей традиционной самобытности постепенно начала приобретать некоторые черты, присущие российской действительности того времени. Эти черты — положительные и отрицательные — наблюдались не только в новом устройстве местного административно-управленческого аппарата, формально все еще отличавшего грузинские области от прочих губерний империи, но и в других проявлениях нового уклада жизни. Специфической чертой, положительно характеризующей культурную жизнь Грузии после присоединения к России, явилось основание в Тифлисе первых периодических изданий. Грузинские традиции в области печатного слова не дают нам основания рассматривать это событие как исключительно российское нововведение. Однако первые газеты в Грузии появились в то время, когда российская журналистика насчитывала более чем вековое существование и располагала богатым опытом, который и был использован применительно к специфическим условиям местной жизни при организации этих первенцев кавказской периодики.

Возникновению периодического печатного слова в Грузии способствовало прежде всего экономическое преимущество нового государственного устройства в крае перед сравнительно ограниченными возможностями ранее существовавшего здесь феодально-патриархального уклада. Элементы капиталистической формации, проступившие в Грузии особенно четко после присоединения к России, явились стимулом к осуществлению многих прогрессивных начинаний в крае уже в первой трети XIX в. Определенную роль в планомерном преобразовании местной общественной жизни сыграла русская периодическая печать — самостоятельная «отрасль промышленности, покровительствуемой законами» [1].

Мы склонны полагать также, что зарождение периодической печати в Грузии и ее развитие в рассматриваемый период (в том

[1] *А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений (в 6-ти томах), т. V. М.—Л. (Academia), 1936, стр. 535.

числе и на русском языке) явилось в известном смысле результатом неприкрытого стремления правительства всеми средствами (идеологическими в том числе) способствовать завершению политического присоединения Кавказа и экономическому освоению приобретенных «за Кавказом» территорий. Первому же местному периодическому изданию — «Грузинской газете» — власти вменили в обязанность регулярно информировать население «как о торгах в казенной экспедиции, производимых заблаговременно, дабы желающие участвовать в оных могли в уездах во свое время быть о сем извещены, так о других постановлениях правительства, внимание публики заслуживающих» [2]. В программе первого местного периодического печатного органа на русском языке был специально выделен раздел, предусматривающий поднятие воинского духа личного состава войск Отдельного кавказского корпуса, которому еще предстояло довершить покорение горских народов Кавказа [3].

Зарождению периодической печати в Грузии во многом способствовали важнейшие события того времени внутри страны, а также вполне конкретные внешнеполитические цели, преследовавшиеся царизмом на Ближнем Востоке. Именно они побудили правительство основать в Грузии первую русскую газету. Не случайно вопрос о создании «Тифлисских ведомостей» был впервые поставлен во время русско-персидской войны 1826—1828 гг., хотя газета увидела свет в самом разгаре последующего военного конфликта между Россией и Турцией.

Условия возникновения «Тифлисских ведомостей»

После прекращения выпуска «Грузинской газеты» в течение более шести лет (1822—1827 гг.) в Грузии не издавался ни один печатный периодический орган. Это отрицательно сказывалось на деятельности местной администрации. Проблемы гражданского управления Грузией, а также военные действия Отдельного кавказского корпуса в пределах Закавказья требовали поддержания тесного контакта с местным населением. До выхода в свет «Тифлисских ведомостей» эту задачу выполняли так называемые летучие листки-прокламации. Печатание прокламаций было в ходу во время

---

[2] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 2478, л. 2—2 об. Из этого же документа видно, что в прямую зависимость от практической ценности публикуемых материалов ставилось благополучие местной печати, ибо только таким путем можно было «содействовать к успешному изданию сей газеты» (там же).

[3] Третий пункт раздела «Проекта учреждаемого в Тифлисе периодического издания», утвержденного 2 марта 1828 г., предусматривал сообщение военных сведений «о действиях и движениях разных отрядов войск Отдельного Кавказского корпуса как по внешним войнам... так и по разным предприятиям для усмирения и покорения хищных племен, внутри наших пределов находящихся и по Кавказскому хребту расположенных» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3823, л. 3). Проект предусматривал также «освещение в газете успехов отечественной промышленности» и «течение торговли сего края» (там же).

русско-персидской войны 1826—1828 гг. Враждебно настроенное по отношению к персам население Грузии обеспечивало русским войскам надежный тыл. Правители Ирана стали засылать своих агентов в Грузию с целью дезинформировать местное население о положении на фронте, вселить неверие в возможность победы русских войск, вызвать панику среди легковерных. «Неоднократно распространявшиеся между жителями Грузии ложные, часто неблагоприятные известия о войсках наших [российских] в Персии» заставили местные власти принять энергичные контрмеры, «чтобы впредь доставлен был обитателям Грузии и провинций верный способ узнавать истину о наших делах в Персии» [4]. Ими предусматривалось распространение в народе слухов о военных событиях. Под «верным способом» сообщения населению новостей с фронта подразумевался печатный способ, призванный заменить устную публикацию царских манифестов и указов («обнародование чтением») в церквах и на сходках [5]. В одном из секретных предписаний тифлисского военного губернатора местному гражданскому губернатору подчеркивалась необходимость при распространении слухов в народе соблюдать «строгую осторожность, чтобы слухи сии не были приняты жителями как публикации от правительства, ибо ими должны истреблять нелепые известия, распространяемые частными людьми [6]. В данном случае подразумеваются именно устные публикации правительственных распоряжений. В собственно печатных «публикациях от правительства» содержание составляла тщательно проверенная военная информация. Руководство изданием прокламационной литературы было возложено на тифлисского военного губернатора генерала Н. М. Сипягина, сведущего в издательских делах (до назначения в Грузию он редактировал известный «Военный журнал»). В специальном предписании генерала И. Ф. Паскевича, назначенного командиром Отдельного кавказского корпуса и главноначальствующим в Грузии, Н. М. Сипягину отмечалось: «Таковые извещения (прокламации. — *Д. В.*) по строгом рассмотрении Вашем должны быть напечатаны на российском языке и, смотря по надобности, на других наречиях, а потом разнесены по Тифлису и разосланы по Грузии и провинциям для предания во всеобщее сведение» [7].

Вопреки намерениям отдельных ставленников царизма на Кав-

---

[4] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 1.

[5] В одном из распоряжений тифлисского военного губернатора, например, предусматривалось «обвестить всех гг. военных и гражданских чиновников и разных сословий православных жителей города Тифлиса, что завтрашний день [6 мая 1828 г. — *Д. В.*] в Тифлисском кафедральном Сионском соборе назначено обнародовать чтением высочайшие е. и. в. манифест и указ на имя управляющего Министерством юстиции с Декларациею о войне с Оттоманскою портою и принесении господу богу молебное пение, употребляемое во время брани противу супостатов» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3759, л. 1—1 об.).

[6] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4033, л. 1—1 об.

[7] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 1.

казе, практическая необходимость, как увидим ниже, часто видоизменяла языковую принадлежность местной печатной продукции. Так было, в частности, и в период кавказских войн 1826—1829 гг. и несколько позднее, когда прокламации печатались не только на русском и грузинском языках, но также на армянском, азербайджанском и фарси. Архивные данные подтверждают распространение прокламаций на арабском[8] и тюркском[9] языках с сопроводительным русским текстом преимущественно среди горских жителей Кавказа.

Прокламации персидской кампании 1826—1828 гг. оповещали население об успехах войск Отдельного кавказского корпуса. По свидетельству современников, каждая победа отмечалась в Тифлисе, а затем и повсеместно в Грузии с ликованием. Так были встречены «Объявление» о взятии русскими войсками Аббас-Абада и «Приказ по Отдельному Кавказскому корпусу. В крепости Эривани. Октября 6 дня 1826 года, № 99»[10]. Печатные обращения к населению распространялись в Грузии вплоть до заключительного этапа войны, а с 9 января 1828 г. в них сообщалось о ходе переговоров с персидской стороной о заключении мира[11].

Печатание прокламаций практиковалось долгое время и после создания на Кавказе периодической печати. Однако при всей оперативности прокламации не могли заменить периодической печати с регулярным выходом в свет и устойчивым тиражом. Поэтому одновременно с налаживанием издания «летучих листков» встал вопрос и о подготовке выпуска газеты.

Переписка между кавказской администрацией и Главным штабом в Петербурге по вопросу «об учреждении в Тифлисе периодического издания» возникла заблаговременно и тянулась более года. Судя по переписке, можно прийти к заключению, что инициатива в создании периодической печати на русском языке в Грузии принадлежала генералу И. Ф. Паскевичу. Он действительно был ревностным поборником развития печатного дела, но его инициативы было недостаточно.

Среди причин, в совокупности подготовивших почву для появления периодической русской печати в Грузии, следует различать причины *общероссийского* и *местного* масштаба.

После расправы правительства с декабристами в России восторжествовала реакция. Были организованы особый корпус жандармов и так называемое «III отделение собственной его императорского величества канцелярии», которое возглавил А. Х. Бенкендорф. Усиление политического гнета сказалось на содержании печатного слова. Новый цензурный устав 1826 г. предусматривал борьбу с «злонамеренными лицами», охранение принципов самодержавия

---

[8] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 9867, л. 1.
[9] Там же, ф. 548, оп. 1, д. 97, л. 1.
[10] Там же, ф. 16, д. 3456, л. 16 об.
[11] Там же, оп. 1, д. 3746, лл. 1—7.

и православия. Прекратив прогрессивные издания, правительство тормозило развитие журналистики и издательского дела в стране. В знак протеста отдельные печатные органы стали помещать сведения о размахе журналистики и печатного дела в «иных странах». В 1830 г. «Тифлисские ведомости» сообщали: «Сличение количества периодических изданий в разных областях Соединенных штатов Северной Америки, с 1775 года по настоящее время, показывает самым разительным образом, что просвещение государства сего распространяется и усиливается чрезвычайно быстро. В 1775 году издавалось там только 37 газет и журналов, кои принадлежали 11 тогдашним областям; в 1810 году их было 358 в 21 области; а в 1830 году издается их 827 в 29 областях, и в том числе один даже у ирокезцев. Масачузев (штат Массачузетс. — *Д. В.*) имеет 78 журналов и газет, Нью-Йорк — 161, Пенсильвания — 185, Огио (штат Огайо.— *Д. В.*) — 66 и проч.» [12].

И напротив, при неблагоприятных для развития прогрессивной русской журналистики условиях укрепили свои позиции официозная газета «Северная пчела», журналы «Сын Отечества», «Северный архив» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, образцы «охранительной» журналистики николаевской эпохи. Созданные на коммерческой основе, они находились в услужении у правительства и пользовались его покровительством. Достаточно сказать, что булгаринская «Северная пчела» была единственной тогда частной газетой, имевшей право печатать политическую информацию. «Низкая, продажная „Пчелка“ возмущала лучших представителей общества, и неоднократно делались попытки основать издания с целью противодействовать развращающему влиянию на общество булгаринского издания, но они терпели поражение» [13]. Наложив запрет на издание прогрессивных периодических печатных органов, правительство поощряло создание газет и журналов официозного толка. Исходя из этого, Николай I поддержал ходатайство Паскевича об основании в Тифлисе газеты. Возрастающий в России интерес к вновь присоединенным «полуденным странам Кавказа», а в Грузии — к России и западноевропейским государствам требовал учреждения в Тифлисе периодического издания на русском языке. Единичные произведения литературно-художественного и исторического характера о Кавказе, которыми располагала читающая публика в России, не могли удовлетворить этого интереса. Как отмечал Е. Г. Вейденбаум, «по словам Белинского (Соч., т. XII, изд. 4, стр. 487), в „Северном архиве“ 1823 г., № 1, стр. 67, издававшемся Булгариным, утверждалось, что Эльбрус и Казбек — два разные имени одной и той же горы» [14]. Это дает понятие об уровне тогдашних познаний о Кавказе в России.

---

[12] «Тифлисские ведомости», 26 июля 1830 г., стр. 1.

[13] *А. Г. Фомин.* Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов. — «Библиотека великих писателей. Пушкин», т. V. СПб., 1911, стр. 457.

[14] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 28, стр. 162.

Формирование у читательской общественности России реалистического представления о современном быте народов Кавказа, их древней истории и самобытной культуре зависело от местной газеты. Характерно признание «Тифлисских ведомостей» на третьем году издания: «Тридцать лет, как положено начало владычеству России за Кавказом, но по причине постепенности в приобретении здешних стран и по другим обстоятельствам, коих рассматривать здесь не место, ни публике, ни самому правительству доселе неизвестно ничего определенного о сем крае» [15]. Если в дальнейшем местная русская периодика сравнительно успешно удовлетворяла познавательный и даже практический интерес россиян к Грузии и Кавказу, то с обратной функцией — ознакомлением грузин и других народов Кавказа с Россией —она справлялась плохо.

Итак, рассмотрим теперь местные условия, которые благоприятствовали основанию в Грузии первого периодического печатного органа на русском языке. Прежде всего следует отметить, что Тифлис, где намечалось выпустить русскую газету, уже тогда считался не только административно-политическим, но и культурным центром Кавказа. Несмотря на то что город все еще сохранял специфически азиатский внешний облик, его общественная жизнь к концу первой трети XIX в. заметно европеизировалась. Наряду с правительственными и торгово-промышленными учреждениями в 20-х годах XIX в. здесь был организован клуб — «Тифлисское благородное собрание» [16], который посещался преимущественно офицерами корпуса, должностными чиновниками и представителями местного дворянства. Предприимчивым иностранцем Матасси в 1828 г. была открыта при «Собрании» «ресторация» [17], служившая местом не только увеселения, но и обмена мнениями. Светскую хронику и сведения о событиях в мире члены клуба (до создания «Тифлисских ведомостей») черпали из русской и иностранной периодики, доставлявшейся в Тифлис.

В столице Грузии были сосредоточены не только прогрессивные силы местного грузинского общества, но и передовые представители России, видные деятели ее культуры. В течение трех-четырех лет после подавления восстания декабристов Кавказ стал местом ссылки вольнодумцев. Достаточно сказать, что в 1826—1829 гг. в рядах Отдельного кавказского корпуса числилось свыше 65 «переведенных» и разжалованных офицеров-декабристов и более 3000 репрессированных солдат — участников декабрьского восстания [18]. Очутившиеся в «теплой Сибири», они, естественно, общались с передовыми представителями грузинской культуры. Заметим, что именно в Тифлисе в результате плодотворного общения представи-

---

[15] «Тифлисские ведомости», 15 ноября 1830 г., стр. 1.

[16] ЦГИА СССР, ф. 1826, оп. 4, д. 1406, 1828 г., л. 1.

[17] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II), стр. 39.

[18] *В. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, стр. 146.

телей русского и закавказских народов впервые на Кавказе были осуществлены такие значительные культурно-просветительские мероприятия, как учреждение «благородного» училища, преобразованного затем в гимназию, основание публичной библиотеки, создание профессиональной театральной труппы, наконец, зарождение периодической печати на национальных и русском языках.

Для основания первой русской газеты на Кавказе немаловажное значение имело издание в 1819—1822 гг. в Тифлисе «Грузинской газеты». Многие бывшие сотрудники этой газеты проживали в Тифлисе и могли быть снова привлечены к работе в редакции «Тифлисских ведомостей». То же самое следует сказать и в отношении некоторых должностных лиц, таких, как Н. М. Сипягин, П. С. Санковский, которые хлопотали перед И. Ф. Паскевичем об основании в Тифлисе русской газеты.

Тифлис был связан регулярной почтовой связью с центральными городами России, откуда доставлялась наряду с обычной корреспонденцией для различных местностей Закавказья и центральная русская печать. Исправность почтового сообщения давала возможность рассчитывать на увеличение числа «пренумерантов» (т. е. подписчиков) на тифлисскую русскую газету из Санкт-Петербурга, Москвы и других городов Центральной России, как-то: Ставрополь, Черкасск, Воронеж и Тула, — т. е. городов, которые составляли трассу следования экстра-почты из Тифлиса в Санкт-Петербург [19].

Приведенные выше причины в пользу целесообразности создания в Грузии периодического печатного органа на русском языке подготовили почву для его выхода в свет. Однако непосредственным поводом к ускорению выпуска газеты, как уже отмечалось нами, послужила русско-персидская война 1826—1828 гг. В ходе войны особенно сильно стал ощущаться недостаток информации. Один из документов, датированный 1826 г., свидетельствует: «Для С.-Петербурга нужны скорые и верные известия из Грузии и из Персии, но сего здесь нельзя всегда исполнить, ибо достоверность требует подтверждения, сверх того переписка не всегда бывает, часто известия получаются через приезжих и через переписку не из первых, но из третьих рук, притом на разных азиатских языках, а от сего встречаются иногда и недоразумения» [20]. Кроме того, война сделала очевидной недостаточность прокламационной литературы как средства регулярного общения военной и гражданской администрации в Грузии с местным населением. Именно этим и мотивировал

---

[19] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26, стр. 5. «Экстра-почта от Санкт-Петербурга до Тифлиса учреждена в 1826 году, при открытии военных действий с Персией. Сей быстрый способ сообщения крайне драгоценен для нас, отдаленных жителей Востока. В хорошие времена года, в особенности зимою, мы получаем здесь известия из обеих столиц с невероятною скоростью: из Санкт-Петербурга экстра-почта приходит в 11-ть дней, а из Москвы — в 8» («Тифлисские ведомости», 19 апреля 1829 г., стр. 1).

[20] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 894, л. 29.

И. Ф. Паскевич решение основать в Тифлисе периодическое издание. В рапорте на имя начальника Главного штаба гр. И. И. Дибича он писал 31 июля 1827 г.: «Неоднократно подтвержденные опыты доказали необходимость распространять иногда между жителями Грузии и прочих провинций разные сведения и извещения от имени правительства. Способ полицейских извещений, доселе изредка употребляемый, недостаточен, в особенности же при настоящих военных действиях с персиянами, ибо известия об успехах и положении наших войск тем более необходимы, что с оными сопряжено тесными связями благосостояние обитателей Грузии»[21].

Представляя дело таким образом, будто идея создания газеты в Грузии принадлежит исключительно ему, Паскевич продолжал: «Но как таковая мера (прокламации. — *Д. В.*) для постоянного употребления не может быть достаточна, я полагал бы полезным на предбудущее время учредить в Тифлисе периодическое издание, которое, быв удалено от всякой политической цели, вмещало бы только: официальные известия, разные объявления, главные общие новости, для края любопытнейшие, и вообще всякие сведения, согласные с видами правительства»[22].

В рапорте Паскевича не случайно есть оговорка относительно «удаления от всякой политической цели» предполагаемого периодического издания, так как это было обязательным условием для любого частного журнала или газеты (исключение, как известно, составляла лишь полуофициальная «Северная пчела»). Оговорка Паскевича как бы заверяла Николая I и Дибича в том, что газета будет ограждена от проникновения на ее страницы «вольнодумства».

Паскевич был одним из приближенных к Николаю I лиц, и это определяло его точку зрения на направленность предполагаемого издания. Воспитанный при дворе Екатерины II, Паскевич 28-летним генералом во время Отечественной войны 1812 г. командовал дивизией[23]. По окончании войны в Париже Паскевич во время гвардейских разводов был представлен Александром I своему брату, вел. кн. Николаю Павловичу. С этого времени будущий самодержец постоянно благоволил и покровительствовал Паскевичу. В июле 1817 г., когда любимец Александра I А. П. Ермолов готовился к отъезду в Грузию, куда он был назначен главноуправляющим и командиром Отдельного грузинского корпуса, Паскевич по рекомендации вел. кн. Николая Павловича был назначен «в руководители» к 19-летнему вел. кн. Михаилу Павловичу. Спустя почти 10 лет, как увидим, жизненные пути фаворитов обоих царей еще скрестятся в Грузии. В определении Паскевича воспитателем младшего брата царя, видимо, сыграло роль то обстоятельство, что «им-

---

[21] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 3.

[22] Там же, стр. 4.

[23] ЦГВИА, ф. 207, оп. 1, д. 166, л. 13. Кстати, Паскевич был женат на дочери А. Г. Грибоедова — Е. А. Грибоедовой, троюродной сестре автора «Горя от ума».

ператрица Мария Федоровна еще помнила юного лейб-пажа и флигель-адъютанта последних месяцев царствования Павла I и не сомневалась, что ген[ерал] Паскевич, воспитанный при блестящем дворе Екатерины II, вмещает в себе изысканную благовоспитанность, не бесполезную, конечно, в руководителе молодого, пылкого и еще совершенно неопытного великого князя» [24]. Предполагалось, что «только такая личность могла бы нравственным авторитетом, знанием войны и ее действительных требований умерить страстное влечение великого князя к мелочным занятиям шагистики» [25].

Выбор этот был поистине безошибочным: будучи приверженцем военной муштры на аракчеевский лад, Паскевич разбирался в тонкостях науки о шагистике, требовавшей, как известно, «красоты фронта, доходившей до акробатства» [26]. Преподавая своему питомцу уроки военной дисциплины, Паскевич в течение двух лет «разъезжал вместе с юным великим князем по всей Европе» [27]. Путешествие за границей, знакомство с общественной и культурной жизнью европейских стран определенным образом воздействовали и на самого Паскевича. Не исключено, что именно там Паскевич обратил внимание на неограниченные возможности воздействия печатного слова в политических целях.

Паскевич был «прислан на Кавказ в августе 1826 года для предводительства войсками под начальством Ермолова. Вместе с тем он имел от государя полномочие сменить Ермолова, если по обстоятельствам признает это необходимым» [28]. Назначение Паскевича в Грузию для «предводительства» войсками Отдельного кавказского корпуса в войне против персиян, независимо от этого тайного полномочия, само по себе означало, что некогда всесильный Ермолов находится в опале у нового императора, подозревавшего его в нелояльности по отношению к себе и связях с декабристами. В таких условиях «сосуществование» Ермолова и Паскевича в Грузии, разумеется, не могло оказаться долговечным. Но характерно, что в негласной войне за пост главного начальства на Кавказе Паскевич не воспользовался данным ему правом устранить Ермолова. Он предпочел использовать печатное слово. «Ловко составленными донесениями и внушениями он поддерживал в государе нерасположение к Ермолову и скоро довел дело до желанного конца: повеление об устранении проконсула Грузии и назначении главнокомандующим Паскевича последовало непосредственно от государя, даже вопреки мнению и желанию Дибича, которому поручено было разобрать на месте, в Тифлисе, возникшую распрю» [29]. Практическую хватку Паскевича отметил еще А. А. Вельяминов в одном из писем к П. Н. Ермолову, двоюродному брату А. П. Ермолова: «Если доне-

---

24 Там же, л. 12.
25 Там же.
26 Там же.
27 Там же, л. 11.
28 *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 218.
29 Там же, стр. 221.

сение Паскевича о сражении (при Елисаветполе. — *Д. В.*) будет напечатано, то увидишь, что мы были атакованы с фронта и с обоих флангов — следовательно, побили персиян не искусством, а превосходством войск наших над персидскими... Без сомнения, все будет теперь приписано Паскевичу, но ты можешь уверен быть, что если дела восстановлены, то, конечно, не от того, что он сюда прислан, а несмотря на приезд его» [30].

Сменив Ермолова на посту главноначальствующего в Грузии и командира Отдельного кавказского корпуса, Паскевич вскоре стал приписывать себе лавры полководца-победителя в русско-персидской войне. Не в меру честолюбивый, он, однако, понимал, что победные реляции, искусно составляемые для царя его походной канцелярией, не могли столь же эффектно пропагандировать его полководческие подвиги среди населения Кавказа. Вот здесь оказалась бы полезной газета, издаваемая в непосредственной близости от театра военных действий. Паскевич нуждался в периодическом печатном органе, который наряду с прочими полезными для государства обязанностями справлялся бы и с задачей популяризации его личности, причем не только среди местного населения, но и в столицах России, куда газета непременно должна была доставляться. Поспешность, проявлявшаяся Паскевичем в деле создания русской газеты в Грузии, объяснялась и наметившейся перспективой войны с Турцией: если в период русско-персидской войны действия Паскевича как военачальника печатно не были освещены должным образом, то в грядущей войне это упущение следовало устранить.

Безошибочно угадав истоки симпатий Паскевича к печатному станку, Е. Г. Вейденбаум писал, что Паскевич «хорошо понимал силу печатного слова и пользовался ею, когда в России, кажется, еще и не знали значения слова „реклама“. Пользовался, конечно, для прославления самого себя. И надо сказать, что под могущественным покровительством императора Николая Павловича он в этом успел совершенно» [31]. При активном вспомоществовании Паскевича, например, «план сражения при Елисаветполе был литографирован в военно-топогр[афическом] Депо Гл[авного] штаба и выпущен в свет с объяснительным текстом на русском и французском языках». Кроме того, «воспользовавшись пребыванием в Тифлисе акад[емика] Машкова, участвовавшего в качестве художника в посольстве Ермолова в Персию, Паскевич поручил ему изобразить главнейшие эпизоды персидской и турецкой кампании 1826—1829 гг. Рисунки турецкой войны литографированы и изданы в Париже в 1836 г., ... с портретом самого героя», т. е. Паскевича [32].

Ловко используя рекламные возможности печати и близко соприкасаясь с теми, кто определял наказание декабристам, Паскевич отлично знал, какую роль в подготовке восстания на Сенатской

---

[30] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 223.
[31] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26, стр. 52.
[32] Там же.

площади сыграла декабристская периодика. Характерно, что, став впоследствии одним из самых приближенных к Николаю I лиц, Паскевич придавал особое значение периодической печати как эффективному средству политической борьбы в интересах русского самодержавия. В одном из своих писем к царю он, например, испрашивал разрешения специально направить в Германию некоего доктора Гольдмана «для противудействия своими периодическими изданиями партии, неприязненной к России» [33].

Паскевич проявил максимальную бдительность в отношении создаваемого в Грузии периодического издания. С выпуском «Тифлисских ведомостей» на местное военное ведомство была возложена обязанность следить за содержанием этого сугубо, казалось, гражданского печатного органа. По планам Паскевича, газета должна была быть рупором правительственной политики на Кавказе. Просветительское назначение печатного слова рассматривалось Паскевичем как побочная функция. Он писал Дибичу, что будущая газета «доставит правительству удобный способ распространять неприметно между народом нужные для него сведения и мысли, и притом послужит к вящему увеличению благонадежного просвещения» [34]. Паскевич полагал, что «газета сия могла бы издаваться на российском языке, ибо употребление его довольно уже для сего введено; притом же таковой способ увеличил бы распространение оного» [35]. Правда, «со временем», «если бы оказалось необходимым», Паскевич допускал возможность «присовокупить к оному грузинский перевод» [36].

Стремление использовать будущую газету для распространения в Грузии русского языка следует объяснять не только шовинистическими наклонностями Паскевича, но и закономерным проявлением национальной политики, которую царизм через своих ставленников осуществлял среди нерусских народов. Вскоре, однако, оказалось, что издание газеты только на русском языке не сулило особых выгод местным властям. В течение 9 лет после выхода в свет «Грузинской газеты», рассчитанной на коренных жителей, в Грузии мало что изменилось в смысле изучения русского языка. Только отдельные представители привилегированных слоев грузинского общества преуспели в нем. В таких условиях не могла быть достигнута ни одна из двух практических целей, намечаемых Паскевичем. Большая часть населения не владела русским языком, на котором должен был выходить единственный в Грузии периодический печатный орган. Любопытно, что это понимал тифлисский военный губернатор Н. М. Сипягин, который убедил Паскевича добиться разрешения Николая I на издание «Тифлисских ведомостей» с грузинским переводом. В официальном документе об этом сказано: «Хотя пред-

---

[33] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1159, лл. 1—4.

[34] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 1—2.

[35] Там же.

[36] Там же.

ложено было издавать „Тифлисские ведомости“ сначала на одном русском языке, а грузинский перевод прибавить впоследствии, если сие окажется необходимым, и на сем основании воспоследовало высочайшее соизволение, но господин тифлисский военный губернатор, при подробном исследовании предметов, входящих в состав сего периодического сочинения, находя, что нельзя надеяться ожидаемой пользы, если оное ныне же не будет выходить с упомянутым переводом, считает нужным исходатайствовать надлежащее на сие разрешение» [37]. Согласие царя на издание «Тифлисских ведомостей» одновременно на русском и грузинском языках, полученное через Дибича, и на этот раз было предопределено практическими соображениями «ожидаемой пользы».

«Проект» Н. М. Сипягина и «Объявление» об издании газеты

Еще 16 ноября 1827 г. Паскевич поручил Сипягину изучить возможности спешного выпуска газеты и представить соответствующий проект. Тщательно продуманный «Проект учреждаемого в Тифлисе периодического издания» был составлен Сипягиным 31 января 1828 г. и представлен на рассмотрение главноуправляющего 23 февраля того же года. В своих основных положениях «Проект», состоявший из четырех разделов, нисколько не расходился с первоначальным наброском плана Паскевича об издании тифлисской газеты, он лишь конкретизировал и, в отдельных случаях, дополнял его. По образцу ведущих официальных газет того времени предполагаемый печатный орган с учетом места издания решено было назвать «Тифлисскими ведомостями».

В разделе «Содержание статей, имеющих быть помещенными в „Тифлисские ведомости“» [38] в качестве основополагающего положения присутствовала идея Паскевича о мнимой аполитичности будущей газеты и об удовлетворении познавательного интереса читателей не иначе, как путем согласования его «с видами правительства». Весь материал, предназначенный для газеты, подразделялся на три основные категории: «I. Официальные известия и общие новости; II. Сведения и описания разного рода; III. Смесь» [39]. Здесь же отмечалось, что в «особых прибавлениях» к газете будут печататься «объявления правительственные и частные».

При характеристике официального материала для газеты особое внимание уделялось публикации военных сведений, а также «внутренним известиям как по российским губерниям, так и по Закавказскому краю». Они должны были включать «разные обстоятель-

---

[37] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3823, л. 6.

[38] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367; ср.: ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3823; ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 30 об.

[39] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 31.

ства и происшествия, достойные примечания. Течение торговли сего края и празднества и обряды, совершаемые здесь в торжественные дни» [40]. Газете вменялось в обязанность популяризировать среди местного населения «подвиги отличившихся здесь полководцев Цицианова и Котляревского, успехи российского оружия и победы, одержанные над персидскими войсками под предводительством генерал-адъютанта графа Паскевича-Эриванского» [41]. Наличие этого пункта в официальном документе льстило самолюбию честолюбивого главноуправляющего в Грузии.

В варианте программы «Тифлисских ведомостей» сразу же наметилась односторонность и тенденциозность в содержании будущей газеты. Мы уже отмечали приуроченность создания газеты к развернувшимся в 1828 г. военным событиям на Кавказе, ее известную ориентацию на русских читателей в самой России. Исходя из этого, «Проект» предлагал газете сообщать «разные занимательные сведения и подробности о кавказских странах, нравы и обычаи жителей, оные населяющих, и всякого рода любопытные описания как об них, так и землях, которые они обитают; исследования древностей и достопамятностей сего края и занимательные по оным открытия и прочее» [42].

В то же время в «Проекте» отсутствовало указание на необходимость сообщать местным жителям сведения из истории русского народа, его культуры и современного быта, народа, с которым Грузия уже более четверти века была связана самыми тесными узами дружбы и сотрудничества. Вместо этого в «Проекте» заострялось внимание на вопросах, вытекавших из практических интересов местных властей. Предполагалась публикация в газете «сведений и любопытных и полезных для здешних жителей... об устройстве разных отраслей промышленности и о средствах улучшения сельского хозяйства; описание разных по сим предметам полезных открытий и заведений» [43]. Даже такой традиционный для тогдашней русской журналистики раздел, как «Смесь», обычно использовавшийся для информации увеселительного характера, в «Проекте» был представлен сугубо деловым. Второй пункт раздела предусматривал «вызов желающих взять отдаваемые Верховного грузинского правительства казенной экспедициею на откупное содержание разные откупные и оброчные статьи» [44]. А в четвертом пункте говорилось: «Частные лица могут также присылать для припечатанья в сих Ведомостях объявления о продаваемых собственных недвижимых имениях с препровождением надлежащего свидетельства, что на оные запрещения не числится» [45].

---

[40] Там же, л. 31 об.
[41] Там же, л. 32.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же, л. 32 об.
[45] Там же.

Специальный раздел «Проекта» был посвящен «Источникам, из коих надлежит почерпать предметы для помещения в „Тифлисских ведомостях"» [46]. Этот важный вопрос также был продуман составителями «Проекта». Сообщение известий о событиях на фронте целиком возлагалось на управление штаба Отдельного кавказского корпуса. Последний должен был проявлять «попечение о поспешнейшем доставлении в свое время официальных известий, которые с разрешения г. корпусного командира должны быть помещаемы в „Тифлисских ведомостях"» [47]. Кроме того, источником военных сведений для газеты в соответствии с «Проектом» могли служить оригинальные материалы собственных и специальных корреспондентов газеты (разумеется, в современном истолковании этих понятий), а также выдержки из русской периодической печати того времени.

Любопытен перечень источников внутренней информации, печатание которой предполагалось в «Тифлисских ведомостях». Специально для редакции тифлисской газеты должны были выписываться периодические издания из столичных и губернских городов, из которых должны были извлекаться «внутренние известия о России». В «Проекте» перечислялись источники внутренней информации и местного происхождения: сведения «из ведомостей о происшествиях, два раза в месяц получаемых от местных начальников, когда в оных будут встречаться обстоятельства, заслуживающие внимания, сведения же о течении торговли будут доставляемы: о количестве товаров, очищаемых пошлиною от таможен Тифлисской, Кутаисской и Бакинской. О количестве судов, прибывающих в Редут Куле (Редут-кале. — *Д. В.*) и Баку и отъезжающих с тех портов, от комендантов сих мест; о караванах, идущих из России, Персии и Турции и обратно от местных начальников. Сверх того, в сей статье помещаемы будут известия об учреждаемой в Тифлисе ярмарке, коей подобным средством можно некоторым образом способствовать, давая знать в Ведомостях о мерах, принимаемых правительством к оживлению оной и приуготовлениях, делаемых купечеством по сему случаю» [48].

«Проект» дает возможность ознакомиться с обширными интересами организаторов газеты по части публикации внешних известий. Предполагалось, что в «Тифлисских ведомостях» будут печататься «известия, получаемые как из разных европейских держав, так из Персии, Азиатской Турции и Восточной Индии» [49]. В качестве источников информации для тифлисской газеты о важнейших событиях в Западной Европе подразумевались русские периодические издания, пользовавшиеся соответствующим разрешением правительства: «Внешние известия, которые будут помещаемы в „Тифлисских ведомостях", будут содержать какие-нибудь общие важные события,

---

[46] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 33.
[47] Там же.
[48] Там же, л. 33 об.
[49] Там же, л. 31 об.

приключившиеся в европейских государствах»[50]. Что касается сведений о государствах, граничивших с Грузией, то «Проектом» было предусмотрено широкое поле деятельности для местной газеты. Соответственно информация, полученная непосредственно из этих стран, представлялась более надежной. Как отмечалось в «Проекте», «известия о Персии можно будет получить, когда восстановится там Российская миссия, которая при случаях может даже доставлять уведомления о событиях в Восточной Индии. Известия из Азиатской Турции обещался доставлять посредством пребывающих там агентов французского двора находящийся в Тифлисе французский консул Гамба»[51].

Газета должна была время от времени публиковать статьи и сведения, «полезные для здешних жителей, об европейском образовании и просвещении»[52]. Цель эта могла быть достигнута «разборчивым выбором из разных сочинений, издаваемых по сим предметам». В том числе предлагалось «не упустить из вида... правила воспитания детей, которые могут дать здешним жителям должное понятие об истинном образовании, согласном с благонамеренными видами правительства»[53].

Тот же метод выборочного использования существовавшей литературы «Проект» рекомендовал и при подготовке материалов для газеты о развитии и улучшении в крае промышленности и сельского хозяйства. Однако составители «Проекта» с сожалением констатировали, что «для изложения способов улучшения сельского хозяйства сего края выходящие по сему предмету в России сочинения и периодические издания не представляют возможности почерпнуть достаточные сведения; ибо природа здесь в отношении к климату, почве земли и произведениям совершенно отлична от России; желаемый успех можно ожидать, если заимствоваться подобными сочинениями из Франции и Италии»[54].

В заключение раздела «Проекта» говорилось, что «Тифлисские ведомости» предполагается издавать на русском и грузинском языках. Кроме того, со ссылкой на тифлисского военного губернатора высказывалось мнение, «чтоб всенародные объявления и воззвания начальства, которые с учреждения „Тифлисских ведомостей" будут выходить при оных в виде прибавлений, печатались, как доныне делалось, на всех трех употребительных в сем крае языках: грузинском, армянском и татарском (азербайджанском.— *Д. В.*)»[55].

Газета должна была выходить в неделю один раз — по средам, «дабы в четверг — день отходящей почты по Грузии, — оные могли быть отсылаемы по принадлежности»[56]. Предполагалось, что каж-

---

[50] Там же, л. 34.
[51] Там же.
[52] Там же, л. 32.
[53] Там же, л. 34 об.
[54] Там же, л. 35.
[55] Там же, л. 35 об.
[56] Там же.

дый номер газеты будет печататься «в два листа, если утвердится предположение об издании сих Ведомостей с грузинским переводом, а в один лист, если оные будут выдаваемы на одном только российском языке»[57]. Здесь же сообщалось, что «цена подписки на сие издание, дабы приохотить здешних жителей, назначается на первый случай самая умеренная, и как в настоящем году не выйдет полного годового издания, то цена на получение „Тифлисских ведомостей“ до 1 генваря полагается, с доставкою во все места Закавказского края, по 3 рубля серебром, с пересылкою же во все российские губернии — 15 рублей ассигнациями»[58].

Осуществление организационных мероприятий по созданию «Тифлисских ведомостей» и заботы по еженедельному выпуску газеты поручались «нарочито учрежденному для сего Комитету»[59], который, в сущности, являлся ее редакцией. Членами так называемого «Комитета издания „Тифлисских ведомостей“» «Проектом» предлагалось назначить следующих чиновников: «по особым поручениям при г-не главноуправляющем находящиеся, коллежский советник князь Палавандов [Палавандишвили] и коллежский асессор Санковский, переводчик канцелярии г-на главноуправляющего подполковник Бебутов, старший корпусной адъютант штаба капитан Сумбатов и адъютант тифлисского военного губернатора поручик Чиляев [Чилашвили]»[60].

По всему видно, что тифлисский военный губернатор Н. М. Сипягин, «под особым попечением» и «строгим надзором» которого должны были находиться газета и ее редакция, старался тщательно подбирать литературные силы для будущего печатного органа. Перечисленные в «Проекте» члены комитета являлись людьми весьма образованными по тому времени, сведущими не только в журналистике, но и по роду своей службы хорошо разбирающимися также в вопросах истории народов Закавказья и экономики края. О том, что газета будет издаваться в Закавказском крае, свидетельствовал национальный состав «Комитета издания „Тифлисских ведомостей“».

«Проект» предусматривал «Общие правила для Комитета, коему поручается сие издание»[61]. Здесь подробно излагались права и обязанности членов редакции будущей газеты, от целеустремленной и оперативной деятельности которых, по мнению местного начальства, во многом зависел успех предполагавшегося издания. Раздел включал четыре пункта:

1) Из поступавшей в редакцию местной информации члены комитета должны были отбирать наиболее важные материалы для

---

[57] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 36.

[58] Там же.

[59] Там же, л. 2.

[60] Там же, л. 30.

[61] В конце данного раздела было сказано: «Здесь изложены общие правила и руководство для издания „Тифлисских ведомостей“, частные правила для внутренних распоряжений Комитета составлены будут особо и приведутся в действие с утверждения тифлисского военного губернатора» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 37 об.).

публикации в очередном номере газеты в качестве официальных известий и объявлений. В случае задержки в доставке подобного материала с мест членам редакции предоставлялось право и одновременно входило в обязанность тотчас сообщать об этом непосредственно тифлисскому военному губернатору.

2) Членам комитета поручалось непосредственно заниматься литературной обработкой «статей, содержащих сведения и описания разного рода». Кроме того, «надлежит им собрать предметы, которые могут сделать сии статьи занимательными и полезными для читателей, заняться критическим разбором оных, избрать из них самые любопытные сведения, обработать их со всем нужным тщанием и таким образом положить предварительное основание сему периодическому сочинению» [62]. Для регулярного помещения в газете вышеназванных статей составители «Проекта» считали необходимым «иметь надлежащее число постоянных, надежных и достойных уважения корреспондентов» [63]. Далее коротко излагался план деятельности редакции газеты до выхода в свет «Тифлисских ведомостей», в соответствии с которым «члены Комитета должны заняться приготовлением материалов для означенных статей, войти в сношение с лицами, которые могут доставить им нужные сведения и выписать периодические сочинения, которые для Комитета необходимы» [64].

3) В этом пункте речь шла о периодичности совещаний членов редакции и программе этих совещаний. В период работы, предшествовавшей выходу в свет «Тифлисских ведомостей», членам редакции предлагалось собираться один раз в неделю, а после утверждения данного «Проекта» высшим начальством — два раза в неделю. О порядке проведения совещаний, на которых обсуждался каждый отдельный номер «Тифлисских ведомостей», можно судить по следующему тексту: «В первый день в общем совещании всех членов будут прочитываемы и просматриваемы все материалы, доставленные в Комитет и представляемые самими членами; из оных будет сделана выборка и надлежащее распоряжение о переводе русских статей на грузинский язык. Во второй день будут прочитываемы все изготовленные материалы, и члены Комитета сделают свои замечания, если найдут какие-нибудь неясности, двусмысленности, неисправности в слоге или отступления от точности в выражениях, употребляемых в переводе. Составленный номер „Тифлисских ведомостей“ представляем будет одним из членов на рассмотрение г-на тифлисского военного губернатора и с разрешения его превосходительства отдаваем будет в печать. В отсутствие г-на военного губернатора гражданский губернатор занимает его место в сем отношении» [65].

---

[62] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, лл. 36 об.—37.
[63] Там же, л. 37.
[64] Там же.
[65] Там же, л. 37—37 об.

4) Необходимые ассигнования для предварительных издержек при создании газеты, как отмечалось в последнем пункте данного раздела, предусматривалось отпустить из так называемой экстраординарной суммы, которая находилась в ведении самого главноуправляющего. Заимообразный характер предполагаемой дотации «Проект» оговаривал: «Деньги сии будут возвращены, коль скоро Комитет по открытии подписки получит к тому возможность» [66].

«Проект» завершался разделом, в котором выяснялась «польза, ожидаемая от сего издания». Газета могла научить местное население рациональным способам хозяйствования и, таким образом, извлекать больше выгод как для себя, так и для государства от более усовершенствованной эксплуатации природных ресурсов Кавказского края. В заключение «Проекта» говорилось: «Подробное описание разных частей сего края может дать коренным жителям лучшие познания о выгодах, которые представляет природное состояние земель, ими обитаемых; предлагаемые средства улучшения разных отраслей промышленности могут удостоверить их в преимуществе правил, на коих основаны в Европе ремесло, торговля и сельское хозяйство, и побудит их стараться следовать оным. Наконец, если сей способ откроет возможность хоть несколько сблизить подвластных России азиатцев с понятиями европейцев, то польза, могущая произойти от сего издания, без дальнейшего исследования очевидна» [67].

Местная администрация вряд ли могла высказать более определенно мысль о том, что создававшаяся в Грузии русская газета расценивалась ею как надежное средство вовлечения местного населения и природных ресурсов края в общеимперское экономическое пользование. Насколько такое направление местного печатного органа соответствовало устремлениям царизма на Кавказе, отчасти можно проследить и по содержанию другого документа, озаглавленного «Объявление об издании „Тифлисских ведомостей“», сжато излагавшего основные положения «Проекта»: «Жители кавказских стран, в особенности Грузии, давно уже начали чувствовать преимущества европейских обычаев. Сношения с внутренними российскими губерниями и с иностранными просвещенными государствами беспрестанно умножаются, торговля и промышленность постепенно более и более оживляются, и в каждом сословии увеличиваются удобности общежития. Всякий, убеждаясь сими счастливыми переменами, старается согласоваться с нравами, доставляющими подобные выгоды, приобретать возможные познания и вводить необходимое образование в своем семействе. Посредством сего периодического издания открывается новый способ знакомить и сближать здешних жителей с понятиями европейцев; сообщать им полезные открытия, могущие с успехом быть приспособленными к сему краю; и достав-

---

[66] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 37—37 об.
[67] Там же, л. 38.

лением разных сведений отсюда в Европу и обратно давать более деятельности кругу взаимных спошений» [68].

Не приходится сомневаться в том, что И. Ф. Паскевич, будучи ревностным поборником атрибутов европейской образованности, и в том числе периодической печати, остался доволен воплощением в «Проекте» и «Объявлении» его мыслей об учреждении русской газеты в Грузии. 2 марта 1828 г. главноуправляющий утвердил «Проект» с небольшой, но весьма существенной поправкой: он вменил в обязанность редакции газеты при освещении местных событий не замыкаться пределами Закавказского края, как это предусматривалось «Проектом». В предписании Сипягину от 2 марта 1828 г. он приказывал «немедленно приступить к изданию („Тифлисских ведомостей“. — *Д. В.*) на точном основании проекта, присовокупляя также все относящееся к Кавказской области и Астраханской губернии» [69]. Здесь же Паскевич давал указание «предписать казначею колл[ежскому] сов[етнику] Майвалдову отпустить из экстраорд[инарной] суммы в распоряжение Комитета издателей заимообразно для необходимых издержек 1000 р. сер[ебром]» [70].

Таким образом, «Тифлисские ведомости» еще до выхода в свет первого номера газеты наделялись функциями общекавказского периодического печатного органа, призванного освещать на своих страницах историю, экономику, быт и нравы народов всего Кавказа. Стремление Паскевича к превращению тифлисской газеты в печатный орган общекраевого значения было продиктовано, конечно, не столько заботой о культурном развитии народов Кавказа, сколько о более полном и всестороннем отображении успехов своей военной и гражданской деятельности. Отсюда понятна заинтересованность в ускорении выпуска газеты, с которой Паскевич принялся преодолевать многие узаконенные формальности, необходимые для выпуска в свет даже официальных периодических изданий. Вслед за одобрением «Проекта» и «Объявления» в Тифлисе, оба эти документа спешно были представлены в Петербург, в Главный штаб, а также в Министерство просвещения, на которое в то время был возложен «главный надзор за издаваемыми в России повременными листками» [71]. Согласно архивным данным, в курс дела было поставлено и Министерство внутренних дел [72].

В отношении на имя министра просвещения Паскевич клятвенно заверял, что «Тифлисские ведомости» будут выходить в строгом соответствии с Уставом о цензуре, утвержденным 10 июля 1826 г. Сообщив о том, что к отношению прилагаются «Проект» и «Объявление», «из коих вы изволите усмотреть, на каком основании будет

---

[68] Там же, л. 3.

[69] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, док. 6, стр. 2.

[70] Там же.

[71] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 2 об.

[72] Там же, л. 29—29 об.

выходить означенное издание»[73], Паскевич писал: «По экземпляру упомянутого „Объявления“ доставлено Комитетом издания „Тифлисских ведомостей“ гг. издателям „Северной пчелы“ и „Русского инвалида“. Почему покорнейше прошу благосклонного распоряжения Вашего высокопревосходительства, дабы со стороны цензуры не встретилось препятствия в пропуске сего „Объявления“»[74].

Рассматривая «Тифлисские ведомости» как свое детище, Паскевич еще до появления газеты в свет разрекламировал ее в столичных периодических изданиях. В «Определении» Министерства просвещения сказано: «Поелику издание „Русского инвалида“ зависит от военного ведомства, и только „Северная пчела“ подлежит рассмотрению Г[лавного] Ц[ензурного] Комитета, то об отношении графа Паскевича-Эриванского сообщить цензурующему оную газету г. цензору над[ворному] сов[етнику] Гаевскому выпискою сей статьи журнала»[75].

До получения отзывов от военного ведомства и цензора Гаевского в Министерство просвещения поступило отношение товарища начальника Главного штаба гр. А. И. Чернышева. В нем сообщалось о том, что Главный штаб препровождает «для сведения по Министерству народного просвещения список с проекта учреждения в Тифлисе периодического издания. Сей проект высочайше повелено утвердить, с тем чтобы помещаемые в „Тифлисских ведомостях“ внешние политические известия заимствовать только из ведомостей и журналов, издаваемых с дозволения правительства в С.-Петербурге, Москве и Одессе»[76]. Отношение гр. Чернышева не оставляло сомнений в том, что судьба тифлисской русской газеты решалась положительно, ибо оно кроме ссылки на «высочайшее повеление» содержало также указание на конкретные источники, откуда «Тифлисские ведомости» могли черпать внешнюю политическую информацию.

Таким образом, среди немалого числа объективных причин, предопределивших создание «Тифлисских ведомостей», мы должны четко отличать два обстоятельства.

Первое — это естественное стремление передовых представителей тогдашнего грузинского общества и прогрессивно настроенных русских деятелей, проживавших в Грузии, иметь выходящий в Тифлисе периодический печатный орган и через него уже воздействовать на сознание грузинского народа. Это воздействие подразумевало как развитие просвещения и рост культурного уровня населения Грузии, так и правильное понимание народом своего социального, национального и экономического положения в системе общеимперского самодержавного строя. Авангардному крылу грузинского народа необходимо было помочь правильно оценить и сделать соот-

---

[73] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 2 об.
[74] Там же.
[75] Там же, л. 18 об.
[76] Там же, л. 19.

ветствующие выводы из недавнего восстания декабристов в Петербурге. С такими требованиями к печатному слову в тогдашней Грузии могли подходить ссыльные декабристы и сочувствующие им, в том числе местные служащие интеллигенты, многие из которых стали впоследствии видными представителями периода дворянской революционности в Грузии, а также связанный дружбой со многими декабристами живший в то время в Грузии А. С. Грибоедов. Он был самым тесным образом связан с местной жизнью сперва исключительно по службе, а затем и родственными узами после женитьбы на дочери выдающегося грузинского поэта-романтика А. Г. Чавчавадзе.

Второе — это заинтересованность правительства в использовании газеты как проводника своей политики среди местного населения, как средства «для направления умов народных» [77]. В конкретной исторической обстановке в Закавказье в 1828 г. газета призвана была властями способствовать мобилизации местного населения для осуществления планировавшихся царизмом мероприятий по укреплению и расширению сферы влияния на Ближнем Востоке. Тифлисский военный губернатор в предписании своему коллеге по гражданским делам отмечал: «Польза сего предприятия (издания „Тифлисских ведомостей“. — *Д. В.*) и успех, которого ожидать должно, заставляет главное начальство здесь принимать в оном деятельнейшее участие» [78]. И действительно, русская администрация в Грузии еще до появления «Тифлисских ведомостей» стремилась оказать редакции газеты поддержку. Примерно за два месяца до выхода первого номера «Тифлисских ведомостей» Сипягин писал: «Прошу разослать окружным начальникам и главным приставам циркулярные предписания, чтоб в случае каких-либо требований от Комитета («Комитет издания „Тифлисских ведомостей“». — *Д. В.*) удовлетворять оные со всею возможною исправностью и поспешностью, дабы медленностью не затруднить течение дел Комитета, которого работа есть срочная и не терпит никакой остановки; не оставьте им заметить, что всякое упущение в разрешении запросов Комитета неминуемо подвергнет ответственности перед начальством» [79]. Требование, чтобы работа по выпуску тифлисской русской газеты протекала без проволочек, объясняется, возможно, и влиянием «непременного» редактора газеты П. С. Санковского. Последний, как известно, в ту пору составлял и «скреплял» традиционной подписью «верно» почти всю переписку Сипягина в связи с предстоящим выпуском «Тифлисских ведомостей» [80].

---

[77] АКАК, т. VII, док. 34, стр. 18.

[78] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3823, л. 1.

[79] Там же, л. 1 об.

[80] На запрос канцелярии тифлисского военного губернатора в связи с разыскивавшимся ею «Проектом учреждаемого в Тифлисе периодического издания» канцелярия главноуправляющего Грузией 24 августа 1829 г. отвечала, что «оного в канцелярии не находится, а должен храниться у надворного советника Санковского, производившего всю по сему предмету переписку» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 2).

Такая же предупредительность была проявлена властями и в деле организованной подписки. Так, 30 мая 1828 г. окружным начальникам было разослано циркулярное предписание Сипягина «о приглашении чиновников подписываться на „Тифлисские ведомости"» для «приумножения пренумерантов на сие издание» [81]. Текст этого предписания гласил: «Из повсеместно разосланного Объявления Вашему благородию известно о предпринимаемом в Тифлисе периодическом издании под заглавием „Тифлисские ведомости". Издание „Тифлисских ведомостей" посвящается в пользу богоугодных заведений. Сия благотворительная цель заставляет меня принимать деятельнейшее участие в приумножении пренумерантов на сию газету. Полагая, что многие из чиновников, служащих в Грузии, пожелают иметь сии Ведомости, которые представляют им ближайшее средство получать самые занимательные для них известия, я препровождаю при сем один лист для подписки на сие издание. Когда желающие подпишутся, прошу Вашего высокоблагородия прилагаемый при сем лист и следуемые за подписку деньги доставить в Комитет издания „Тифлисских ведомостей" [82].

Из распространенного в апреле 1828 г. текста «Объявления об издании „Тифлисских ведомостей"» видно, что подписка на газету принималась в самой редакции, которая тогда временно помещалась в доме тифлисского военного губернатора [83]. В «Объявлении» отмечалось, что подписка принимается «ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 8 часов утра до 12-ти. Иногородные особы благоволят присылать в сей Комитет свои требования с ясным означением адресов, дабы от неразобрания подписей не могло произойти остановки в отправлении сих Ведомостей каждому по принадлежности. Сверх того, желающие получать „Тифлисские ведомости" благоволят подписываться заблаговременно, дабы Комитет, имея в виду число пренумерантов, мог сделать свое распоряжение об исправном и безостановочном доставлении каждому следуемых номеров» [84]. Обращаясь к подписчикам с просьбой «означать в требованиях, как доставлять „Тифлисские ведомости", с переводом (на грузинский язык.— *Д. В.*) или без оного», редакция газеты предупреждала: «По требованиям, поступившим в Комитет после начатия издания, будут отпускаться только номера, выходящие по получении подобных требований» [85].

[81] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3823, л. 11.

[82] Там же, л. 12.

[83] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 3 об. Но уже в мае 1828 г. в одном из документов отмечалось, что «Комитет издания „Тифлисских ведомостей"» «ныне находится в нововыстроенном доме полковника графа Симонича, состоящем 1-й части, 1-го квартала, на Горетубани: почему места и лица, имеющие сношения с сим Комитетом, и особы, желающие подписаться на получение „Тифлисских ведомостей", благоволят туда адресоваться» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3823, л. 13). В дальнейшем редакция газеты помещалась «на Эриванской площади, в доме купца Харазова № 13» (там же, д. 4042, л. 3).

[84] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 3 об.

[85] Там же.

В организованную подписку на «Тифлисские ведомости» было вовлечено и местное духовенство, а через него и просвещенные представители многочисленной паствы. В обращениях на имя экзарха Грузии, а также «управляющего духовными делами армянского исповедания в Грузии» содержалась просьба местного начальства оказать всемерное содействие подписке на «Тифлисские ведомости» [86].

Подписчики на первую русскую газету в Грузии вербовались также в России, особенно в губерниях, через которые пролегала трасса экстра-почты по маршруту Тифлис—Петербург. Этому способствовало не только заблаговременное опубликование в столичных периодических изданиях соответствующего объявления, но также и деятельность некоторых петербургских и московских комиссионеров-книгопродавцов, которые, являясь уполномоченными редакции «Тифлисских ведомостей», принимали подписку на газету [87]. Особый интерес к тифлисской русской газете проявляли уроженцы Грузии, которые по служебным или другим обстоятельствам проживали тогда в России. Тифлисский гражданский губернатор Р. И. Ховен, обращаясь к редактору газеты, писал: «Препровождая при сем в Комитет издания „Тифлисских ведомостей“ полученные мною от г. генерал-лейтенанта князя Мадатова пятнадцать рублей ассигнациями, покорно прошу о посылке издаваемых сим Комитетом ведомостей на имя его сиятельства князя Валериана Александровича Мадатова, адресуя в Санкт-Петербург, на Фурштадтской улице в доме княгини Мещерской» [88].

Итак, газету предполагалось выпустить в свет 1 июля 1828 г. Но чтобы между 24 апреля 1828 г. (дата опубликования «Объявления») и 1 июля, т. е. более двух месяцев, не лишать местную администрацию и военное командование контакта с населением Грузии через печатное слово, предусматривалось: «До издания „Тифлисских ведомостей“ в порядке, означенном в сем объявлении, всякий раз, когда главное здесь начальство почтет нужным обнародовать ко всеобщему сведению какие-либо известия или объявления, оные будут выходить в особых листах от сего Комитета (Комитет издания „Тифлисских ведомостей“. — *Д. В.*) под заглавием «Объявление по Кавказскому краю», из коих со всею должною поспешностью и исправностью будет доставляемо по одному экземпляру особам, подписавшимся на получение „Тифлисских ведомостей“» [89].

Что касается самой редакции, то это время она использовала на организационные дела и в первую очередь на укомплектование сети корреспондентов и подготовку типографской базы «Тифлисских ведомостей».

---

[86] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3823, л. 15—15 об.

[87] В «Объявлении» об издании газеты на 1830 г., например, отмечалось, что «подписка на получение „Тифлисских ведомостей“ принимается... в С.-Петербурге и в Москве у г. г. книгопродавцов Смирдина и Ширяева» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4042, л. 3).

[88] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 3823, л. 16.

[89] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 3 об.

Организационные вопросы.
Полугодовой «проигрышный» баланс

Циркулярные предписания местных властей окружным начальникам и главным приставам о всемерной поддержке деятельности редакции «Тифлисских ведомостей» гарантировали газете постоянный источник внутренней информации в пределах Грузии. Поэтому при подборе корреспондентов редакция предпочитала людей, постоянно работающих в различных местностях Кавказского края и особенно находящихся на так называемом азиатском фронте войны с Турцией. В дальнейшем, после выхода газеты в свет, в качестве корреспондентов выступали чины Отдельного кавказского корпуса, поддерживавшие связь с газетой через фельдъегерей и командируемых в тыл военнослужащих. Среди военных корреспондентов «Тифлисских ведомостей» в первую очередь следует назвать И. Г. Бурцова, Н. Н. Муравьева, М. С. Соболева, И. Т. Радожицкого, А. Щастливцева, И. Шостенко и других, которые в современном истолковании их обязанностей могут быть квалифицированы как «собственные» корреспонденты газеты. Судя по содержанию «Тифлисских ведомостей», газета располагала и другой разновидностью корреспондентов («специальных»), которыми выступали члены редакции П. С. Санковский, В. Д. Сухоруков и др. Примерно с 1830 г. в «Тифлисских ведомостях» стали появляться материалы от третьей разновидности авторов, которых теперь называют «разъездными корреспондентами». Их материалы публиковались под рубрикой «Путешествия по Закавказским провинциям» и, как правило, принадлежали Г. С. Гордееву и Д. Е. Зубареву.

Среди организационных забот редакции и редактора газеты П. С. Санковского, предшествовавших выходу в свет № 1 «Тифлисских ведомостей», наиболее сложным было обеспечение газеты типографской базой. При чрезмерной по тем временам дороговизне типографского оборудования технический уровень промышленного развития тогдашней Грузии не позволял рассчитывать на изготовление основных деталей типографского оборудования на месте. Приходилось ориентироваться на доставку типографского оборудования из столичных городов России. Однако благорасположение всесильного Паскевича, а также расторопность редактора П. Санковского помогли преодолеть многие трудности. Первым шагом было распоряжение Паскевича о том, чтобы выписать из Москвы на средства штаба Отдельного кавказского корпуса типографский станок с определенным количеством русских литер в добавку к 20 пудам 36 фунтам шрифта, поступившим из корпусной типографии. В одном из архивных документов более позднего времени (1834 г.) преемник Паскевича на посту командира Отдельного кавказского корпуса барон Г. В. Розен напоминал, что «следует еще с него, Санковского, на пополнение сумм штаба вверенного мне корпуса оставшиеся за ним, Санковским, из 3821 р[убля] 50 к[опеек] ассигнац[иями], причитавшиеся за поступившие в типографию издания „Тифлисских ведомостей“

из типографии корпусного штаба разных шрифтов литеры, весом 20 пуд[ов] 36 фунтов и за типографический стан с литерами, выписанный из Москвы на сумму корпусного штаба и поступивший в типографию „Тифлисских ведомостей"»[90].

Указанные в этом документе 3821 руб. и 50 коп. ассигнациями, видимо, являлись частью суммы (1000 руб. серебром), которая была выдана Санковскому заимообразно для покрытия необходимых издержек при создании газеты по распоряжению Паскевича из экстраординарных сумм, находившихся в непосредственном ведении главноуправляющего. Тотчас же по получении первой дотации Санковский сделал необходимые заказы в Москве, а также попытался изыскать возможности на месте для своевременного оснащения типографии «Тифлисских ведомостей» недостающим оборудованием. До выхода в свет первого номера газеты Санковский переслал в Москву 1000 руб. ассигнациями в качестве задатка за чугунный печатный станок содержателю типографии Московской медико-хирургической академии Семену Августу, который почитался тогда одним из лучших знатоков типографского дела[91].

В ожидании выполнения своего заказа московским мастером Санковский подбирал персонал для создававшейся типографии, а также выявлял возможности для отливки в сравнительно сжатые сроки печатных букв на грузинском и других языках. Вскоре стало ясно, что они под силу тифлисским типографщикам, которые обязались изготовить литеры почти на всех местных языках, кроме печатных букв на армянском языке, так как для этого требовался особый жароустойчивый материал («гарт»).

Большую помощь в оснащении типографии «Тифлисских ведомостей», и особенно в создании ее шрифтового хозяйства на местных языках, оказал один из известных впоследствии мастеров типографского дела Араратов, которого Санковский пригласил на должность смотрителя типографии газеты. Два года спустя на первой полосе «Тифлисских ведомостей» сообщалось: «По представлению главнокомандующего Отдельным Кавк[азским] корпусом генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского... при учреждении им в Тифлисе периодического издания, которое бы Закавказский край поставило в литературном сношении с Россиею, смотритель тифлисской типографии Араратов безвозмездно предложил свои услуги для устроения таковой типографии, составил грузинские матрисы и вылил 30 т[ысяч] букв без всяких на то посторонних пособий одними собственными средствами, а впоследствии менее чем в два месяца успел учредить фарсийскую[92] и татарскую (азербайджанскую. — *Д. В.*) типографии, государь император высочайше повелеть соизволил: наградить его за сие чином 14 класса»[93].

---

[90] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 114.
[91] Там же, л. 125.
[92] Язык фарси — один из диалектов персидского — был весьма распространен среди населения Закавказья.
[93] «Тифлисские ведомости», 20 февраля 1830 г., стр. 1.

Почти одновременно с созданием типографии для «Тифлисских ведомостей» исполнительная экспедиция Верховного грузинского правительства поставила вопрос перед местным военным начальством о необходимости обеспечить ее собственной типографией, чтобы освободиться от множества «производившихся дел». Несмотря на то что в типографии должны были печататься и правительственные узаконения, предназначенные для распространения в народе, местные власти не проявили к ней внимания. Специально присланные из Петербурга ревизоры — сенаторы П. Кутайсов и Е. Мечников запросили у «исполнительной экспедиции сведения, ходатайствовала ли она у высшего начальства о введении типографии, но полученное донесение попечения о том местного начальства не подтвердило, а хотя в 1828 году было сделано бывшему тифлисскому военному губернатору Сипягину об учреждении типографии представление, но им оставлено оное без действия» [94]. Таким образом, выявившиеся при учреждении типографии для «Тифлисских ведомостей» технические трудности заставили местное начальство отказаться от заведения второй типографии.

Хорошо оснащенная типография «Тифлисских ведомостей» была сдана в эксплуатацию к концу июня 1828 г. А 4 июля того же года увидел свет № 1 тифлисской русской газеты (с приложенным к нему грузинским дубликатом).

Первый номер «Тифлисских ведомостей», так же как и все последующие номера газеты за 1828—1830 гг., вышел в четыре страницы (в два столбца) обычного для того времени формата (34×23 см). На фронтисписе указывались наименование газеты и ее порядковый номер, несколько ниже мелким шрифтом отмечались дата настоящего и день выхода каждого последующего номера. В конце последней страницы газеты, как правило, присутствовала виза цензуры: «Печатать позволяется: Тифлис» и далее — дата выхода в свет данного номера. На фронтисписе номеров газеты за 1828—1830 гг. был выведен щит, в центре которого в обрамлении лаврового венка герб феодальной Грузии — св. Георгий Победоносец, над ним — царская корона, а под ним — вензель Николая I и двуглавый орел. Герб этот, как видно, был призван олицетворять покровительство русского императора Грузии, составлявшей две окраинные губернии Российской империи.

На протяжении 1828—1829 гг. «Тифлисские ведомости» выходили регулярно, в неделю один раз. Наиболее интенсивным периодом в деятельности газеты являлся 1830 г., когда с начала и до конца года газета выходила два раза в неделю. В левом углу на титульном листе указывалось, что «Тифлисские ведомости» выходят на русском, грузинском и фарсидском языках. Несмотря на это, один из историков грузинской журналистики исследуемого периода, А. З. Абрамишвили, ставит под сомнение издание «Тифлисских ведомостей» на фарси, полагая, что указание самой редакции об этом

---

[94] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 13—13 об.

следует «приписать формальной национальной политике тогдашнего самодержавного правительства, проявление которой в истории не является редким, тем более, что на „фарсийском“ (персидском) языке до сегодняшнего дня мы не располагаем ни одним номером» газеты [95]. Этот довод А. З. Абрамишвили не представляется убедительным. Наоборот, несмотря на то, что до сегодняшнего дня все еще не разыскан ни один номер газеты на данном языке, имеющиеся материалы по истории «Тифлисских ведомостей» и ее типографии подтверждают существование наряду с грузинским и фарсидского дубликата газеты.

Законен вопрос, почему «Тифлисские ведомости» выходили именно на фарси, а, допустим, не на армянском языке — также обиходном языке в Закавказье? Предпочтение языку фарси перед армянским отдавалось, на наш взгляд, исключительно по политическим соображениям. Армянское население Закавказья не вызывало у правительства сомнений в смысле его верности России во время войны с Турцией. Среди населения мусульманских областей Закавказья, называвшихся тогда «татарскими дистанциями», наиболее употребляемым являлся фарси. Русская администрация стремилась информировать через газету мусульманское население Закавказья о военных успехах русских войск, чем, возможно, пыталось предотвратить нежелательные эксцессы. Именно по этим политическим мотивам местные власти отдали предпочтение языку фарси. В пользу этого говорит и то, что, когда в 1830 г. грузинский вариант газеты временно прекратил существование из-за недобора подписчиков, фарсидский дубликат газеты выходил бесперебойно.

В первый же год издания, по данным самой газеты, тираж «Тифлисских ведомостей» составил на 10 октября 1828 г. 1200 экземпляров на русском и 400 — на грузинском языке [96]. В последующие годы тираж газеты был приблизительно таким же, хотя реальный спрос на нее иногда колебался от 900 до 1000 подписчиков. Это видно, в частности, из таблицы распространения «Тифлисских ведомостей» за 1829 г., которую мы обнаружили в Центральном военно-историческом архиве.

«Из Комитета издания „Тифлисских ведомостей“ отправлялось в прошедшем году газет [97]:

	Число пренумерантов	Число экземпляров
В Россию		
На русском языке на годовое издание	246	246
на полугодовое издание . . .	45	45
На грузинском на годовое издание	4	4
на полугодовое издание . . .	1	1
На фарсийском	8	8
Итого в Россию	304	304

[95] «Библиографиис моамбе» («Вестник библиографии»), № 4—5. Тбилиси, 1948, стр. 242.
[96] «Тифлисские ведомости», 10 октября 1828 г., стр. 4.
[97] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 21.

По Грузии

На русском языке на годовое издание	415	415
на полугодовое издание	5	5
На грузинском [на годовое издание]	25	25
на полугодовое издание	10	10
На фарсийском [на годовое издание]	156	156
Итого по Грузии	611	611
А всего газет отправлено	915	915»

По тому времени такой тираж был большим, что в известной степени объяснялось разнообразным содержанием газеты. Но уже тогда стало ясно, что вопреки тиражу и относительно стабильному числу подписчиков доход от «Тифлисских ведомостей» шел в основном на постепенное погашение задолженности (1000 руб. сер.), а денег на основание в Грузии так называемых «богоугодных заведений» не оставалось.

Идея такого употребления прибыли принадлежала тифлисскому военному губернатору Сипягину[98]. Ее поддерживал также Паскевич, который в упомянутом уже нами рапорте на имя Дибича (1827 г.) писал: «Если же сбор подписки превышал бы издержки, то излишек можно предоставить в пользу какого-либо богоугодного заведения»[99]. А в «Объявлении об издании „Тифлисских ведомостей“», составленном при непосредственном участии Сипягина, от имени редакции газеты уже официально заявлялось, что «издание „Тифлисских ведомостей“, выходящее от правительства, посвящается в пользу богоугодных заведений по сему краю»[100]. И далее отмечалось, что редакция газеты «принимает все добровольные приношения на сие доброе дело и с ведома главного начальства печется о том, чтоб пожертвования сии получили употребление, согласное с их назначением. Имена благотворителей, кроме тех, которые пожелают остаться в неизвестности, будут пропечатываться в сих Ведомостях»[101]. В дальнейшем, однако, выяснилось, что оба источника для финансирования строительства «богоугодных заведений» в Грузии — и добровольные приношения и местная газета — оказались недостаточными для осуществления задуманного генералом Сипягиным. В отношении на имя министра внутренних дел от 25 апреля 1829 г. Паскевич сообщал, что издержки на устройство богоугодных заведений «по смете простираются свыше 93-х т[ысяч] р[ублей] с[еребром], между тем как единственный источник таковых расходов есть собранный от усиленных пожертвований здешнего общества капитал в 20 т[ысяч] р[ублей]. Ожидать, чтобы оный значительно увеличился от будущих добровольных приношений, было бы напрасно, да и основать на сем ожидании расходов нельзя.

[98] АКАК, т. VII, док. 32, стр. 16.
[99] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 2.
[100] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 3 об.
[101] Там же.

Что же касается до „Тифлисских ведомостей“, то доходы от издания оных так умеренны, что едва достает к поддержанию их существования, и нет надежды, чтобы оные когда-либо могли быть уделяемы на предметы посторонние»[102]. Пессимизм Паскевича относительно финансовых возможностей газеты имел основания. Издание «Тифлисских ведомостей» наряду с политическими выгодами не сулило выгод материальных. К такому заключению царская администрация пришла после первого же полугодового опыта. Сама газета и особенно ее типография часто нуждались в отчислениях от казны, необходимых для обеспечения элементарных условий работы как типографии, так и редакции «Тифлисских ведомостей».

«Новые правила»

Радикальные мероприятия властей были направлены на то, чтобы выпуск в Тифлисе общекавказской газеты на русском и местных языках превратить из убыточного в рентабельное предприятие. После консультаций с фактическим редактором «Тифлисских ведомостей» П. Санковским Паскевич согласился, чтобы газета и ее типография на определенный срок были предоставлены Санковскому в арендное пользование. Этот и другие любопытные пункты соглашения между главноуправляющим и редактором газеты были изложены в так называемых «Новых правилах по внутреннему устройству Комитета издания „Тифлисских ведомостей“», которые Паскевич утвердил в феврале 1829 г.

В документе содержится ссылка на полугодовой опыт издания «Тифлисских ведомостей», который, собственно, и подсказал необходимость заменить прежние правила выпуска газеты новыми. Причем в качестве образца послужила практика издания одной из столичных правительственных газет: «Издание „Тифлисских ведомостей“, подобно „Русскому инвалиду“, отдается с доходами, могущими поступить от оного, избранному от правительства непременному редактору на определенный срок и на известных условиях»[103]. Выбор руководителя газеты пал на Санковского. «Принимая в уважение, — отмечается в „Новых правилах“, — что издание „Тифлисских ведомостей“ поставлено на ту ступень, на которой ныне находится трудами и заботливостью состоящего по особым поручениям при его сиятельстве г. главноуправляющем Грузией надворного советника Санковского, коим составлены и приведены в действие все предположения по сему полезному учреждению, он назначается непременным редактором на пять лет: считая с 1-го генваря настоящего 1829 года по 1-е генваря тридцать пятого»[104].

---

[102] АКАК, т. VII, док. 32, стр. 16.

[103] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 6 (1).

[104] Там же, стр. 7 об. (2 об.). Кстати, здесь вместо пятилетнего указан шестилетний срок аренды, что впоследствии стало спорным вопросом в переписке местных правительственных учреждений.

Полугодовой опыт издания «Тифлисских ведомостей» подсказал Санковскому необходимость реорганизации редакции, которая, как мы знаем, поначалу состояла из именитых должностных лиц, не принимавших активного участия в выпуске газеты. По мнению Санковского, было целесообразнее составить редакцию из людей, непосредственно занимавшихся литературной обработкой материалов для газеты. Паскевич не возражал, и в пунктах 8 и 9 «Новых правил» утвердил: «Комитет издания „Тифлисских ведомостей“ со дня утверждения сих правил будет составлен из следующих членов: непременный редактор, с званием старшего члена Комитета; товарищ непременного редактора и азиатские редакторы на фарсийском и грузинском языках. Настоящим членам Комитета будет объявлено сие новое положение и те из них, которые пожелают впредь участвовать в трудах по сему изданию, останутся членами-корреспондентами; другие же, коим занятия по службе не дозволяют принять на себя сию обязанность, будут совершенно уволены от всякого участия по сему изданию» [105].

Далее в «Новых правилах» излагались права и обязанности непременного редактора, которые свидетельствовали о том, что Санковскому предоставлялись в известном смысле широкие полномочия в местном газетно-издательском деле, делавшие его почти независимым частным предпринимателем. Как доверенному от правительства лицу, ему, например, было предоставлено «право избрать себе, по своему усмотрению, товарища по русскому изданию и редакторов для издания „Тифлисских ведомостей“ на грузинском и фарсийском языках, и заключить с ними по обоюдному согласию, какие заблагорассудит, условия» [106]. Однако следующий пункт «Новых правил» заметно ограничивал, казалось бы, полную свободу главного редактора в подборе членов редакции: «Непременный редактор о сочленах, которых он себе избрал, доносит г. главноуправляющему Грузией или в отсутствие его г. тифлисскому военному губернатору. Главное начальство избранных непременным редактором сотоварищей утверждает членами [редакции] „Тифлисских ведомостей“» [107]. Пункт 6 правил сопровождался также существенным «примечанием»: «Воспрещается, однако же, непременному редактору избрать себе в сотрудники людей, по какому-нибудь поводу лишенных доверия правительства, ибо подобных лиц главное начальство не утвердит членами Комитета, и непременный редактор обязан будет вместо отвергнутого лица избрать другого» [108].

Санковский наделялся и другими правами в отношении руково-

---

[105] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 7 (2)—7 об. (2 об.).

[106] Там же, стр. 6 об. (1 об.).

[107] Там же. Здесь же отмечалось: поскольку сам «непременный редактор назначается только на срочное время от правительства, то и сотрудники его утверждаются членами комитета на тот только срок, на который они заключили условие с непременным редактором» (там же, стр. 7 (2)).

[108] Там же, стр. 6 об. (1 об.)—7 (2).

димого им издания. В частности, в «Новых правилах» отмечалось, что «назначение подписной цены на будущее время отдается на произвол непременного редактора, так же как и все перемены и распоряжения, клонящиеся к улучшению сего издания,... соблюдая однако же, чтобы вновь вводимые перемены не были противны высочайше утвержденному проекту» (подразумевается „Проект учреждаемого в Тифлисе периодического издания“). Характерно, что стоимость «Тифлисских ведомостей» постепенно повышалась. Так, в 1829 г. в сравнении с предшествовавшим полугодием 1828 г. — удвоилась, составив 6 руб. сер. для жителей Закавказья и 30 рус. ассигнациями для пересылки в Россию [109]. А в «Объявлении» об издании газеты на 1830 г. отмечалось: «Прибавка к цене делается самая умеренная, а именно: подписывающиеся по сю сторону Кавказа будут платить по 7 рублей серебром за годовое издание и по 4 — за полугодовое; с доставлением же по ту сторону Кавказа вносится 35 рублей ассигнациями за годовое и 25 — за полугодовое издание» [110].

Самым существенным, однако, было монопольное право редактора Санковского на издание периодического печатного органа в пределах всего Кавказского края. В документе оно получило следующее обоснование: «Наконец, как „Тифлисские ведомости“ издаются по плану, изобретенному и приведенному в действие надворным советником Санковским, то справедливость требует, чтоб, отдавая ему ныне сие издание на пять лет, предоставляемое ему право на все сие время было ограждено совершенною неприкосновенностью; и чтобы в продолжение этого времени подобные Ведомости не были никем в Кавказском крае издаваемы. В сем отношении правительство обеспечивает его тем, что в течение условленных пяти лет никому, кроме его, Санковского, в местах, подведомственных главному начальнику Кавказского края, не дозволено будет издавать газету под каким бы видом, названием и на каком бы языке ни было» [111]. Нетрудно догадаться, что это монопольное право, исходя будто бы исключительно из материальных интересов Санковского, на самом деле призвано было оградить политические интересы правительства на Кавказе, обезопасить от возможного проникновения печатной хулы, причем не только на русском, но и «на каком бы языке ни было». Завершающая фраза 27 пункта «Новых правил» гласила: «Впрочем, если кто пожелает издавать не периодические листы, а журнал в книжках, заключающий не новости по Кавказскому краю, а одне только литературные статьи, то сие не возбраняется» [112].

Изложенные в «Новых правилах» права Санковского как единоличного распорядителя на пятилетний срок всеми хозяйственными делами издания предусматривали и его обязанности по отношению

---

109 «Тифлисские ведомости», 10 октября 1828 г., стр. 4.
110 ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4042, л. 3.
111 Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 12 (7) — 12 об. (7 об.).
112 Там же, стр. 12 об. (7 об.).

к типографии «Тифлисских ведомостей». Из цитируемого документа видно, что одна из основных целей заключалась в том, чтобы за счет доходов от издания газеты создать полноценно оснащенную типографию, которая по истечении арендного срока поступила бы вновь в распоряжение местных властей. Таким путем правительство пыталось компенсировать неоправдавшийся расчет на сверхдоходность газеты. Составители «Новых правил», стремясь как-то оправдать в глазах публики свой промах относительно материальных выгод от издания «Тифлисских ведомостей», писали: «Само собой разумеется, что при первоначальном устройстве сего учреждения ничего не может быть отложено на богоугодные заведения, ибо за издержками на вознаграждение трудов издателей, на покупку материалов для издания и проч., остаток преимущественно должен быть обращен на устройство хорошей типографии, которая не только необходима для издательного Комитета, но и для всего края; почему в сих правилах помещены 12 и 13 пункты, согласно коим из остатков доходов от сего издания в течение назначенных пяти лет составится порядочная типография» [113].

Права Санковского в отношении типографии «Тифлисских ведомостей» заключались в следующем: «Типография Комитета в настоящем ее положении, разумеется, включая и те вещи, которые по сие время для оной были выписаны и вскоре должны прибыть; словом, все заведение в том виде, в каком ныне находится, поступает в полное хозяйственное распоряжение его, Санковского» [114]. Наряду с этим, учитывая пятилетний срок договора, «никто в течение сего времени не имеет права отдавать что-либо в оную без его ведома и согласия» [115].

Обязанностей у непременного редактора было больше, чем прав. Во-первых, «Санковский в течение означенного пятилетнего срока обязан усовершенствовать заведенную им типографию так, чтоб она имела литеры на всех нужных для издания шрифтов, то есть: цицеро и петит, с их курсивами, капителями и цифрами, не менее ста пуд подобных литер в деле и четыре чугунных станка в действии. Если же Санковский в течение сего времени будет иметь средство приобрести матрисы для заведения собственной словолитни при Комитете, то сии матрисы по истечении означенного срока останутся в собственность типографии» (п. 12) [116]. Во-вторых, «по истечении означенного пятилетнего срока типография, так устроена, как сказано в 12 пункте, поступит в казенное ведомство» (п. 13) [117].

---

[113] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 12 об. (7 об.)—13 (8). Что типография «Тифлисских ведомостей» отнюдь не была в «порядочном состоянии», между прочим, свидетельствует редакционное заявление в № 15 газеты за 1828 г. о том, что «приняты меры к устройству типографии».

[114] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 8 (3).

[115] Там же, стр. 8 об. (3 об.).

[116] Там же, стр. 8 (3)—8 об. (3 об.).

[117] Там же.

В-третьих, «как содержатель комитетской типографии на вышеупомянутое время Санковский обязан соблюдать правила, предписанные в сем отношении цензурным уставом» (п. 15) [118]. В-четвертых, «как Комитет издания „Тифлисских ведомостей“ и находящаяся при оном типография суть заведения, учрежденные правительством по высочайшему соизволению, то состоящие в Комитете писари и числящиеся при типографии смотритель оной Араратов, наборщики, батырщики, печатники и другие нижние служители, кроме вольнонаемных грузинских и татарских наборщиков и батырщиков, состоят в казенном ведомстве, и в случае надобности по представлению непременного редактора главное начальство сделает распоряжение о назначении учеников из кантонистов в наборщики, батырщики и печатники, и из инвалидов — в сторожа и словолитчики» (п. 16) [119]. Наконец, «производство жалованья писарям и служителям типографии, канцелярские расходы и все издержки по издательному Комитету лежат совершенно на непременном редакторе, который обязан делать оные из доходов предоставленного ему издания. Он же обязан в течение определенного пятилетнего срока уплатить взятые заимообразно из экстраординарной суммы при начале сего издания тысячу рублей серебром» (п. 17) [120].

Таковы были в общем новые правила и круг обязанностей редактора «Тифлисских ведомостей», с февраля 1829 г. ставшего материально ответственным за издание первой русской газеты на Кавказе. Кое-что из прежней практики издания «Тифлисских ведомостей» все-таки осталось неизменным, в частности источники политической информации, в том числе и материалы, доставлявшиеся в редакцию из штаба Отдельного кавказского корпуса. Остался прежним и ранее утвержденный порядок цензурования русского варианта «Тифлисских ведомостей» [121].

В 23-м пункте особо оговаривалась для Санковского возможность принять газету в свое распоряжение на определенный испытательный срок, который позволил бы ему сделать безошибочный вывод о том, выгодны или нет для него предлагавшиеся условия издания «Тифлисских ведомостей». Местное начальство, говорилось в связи с этим в документе, «не желая вводить Санковского в обременительные для него условия, которые послужили бы не к его пользе, а к значительным для него убыткам, предоставляет ему первые шесть месяцев на испытание: если по истечении сих первых месяцов, то есть до первых чисел будущего июля, Санковский усмотрит невозможность поддержать сие издание на условиях, здесь ему предложенных, то он должен от оного совершенно отказаться, и тогда предоставляется ему за труды, понесенные им по сему изданию, шестую часть доходов, поступивших по оному с начала учре-

---

[118] Там же.
[119] Там же, стр. 9 об. (3 об.)—9 (4).
[120] Там же, стр. 9 (4)—9 об. (4 об.).
[121] Там же, стр. 10 (5).

ждения; если же Санковский найдет возможным содержать отдаваемое ему ныне издание на тех условиях, которые здесь изложены, и не откажется от оного в течение июля месяца, то правила сии остаются в своей силе в течение всего определенного пятилетнего срока»[122].

«Новыми правилами» предусматривались также и другие исключительные обстоятельства: «В случае нечаянной смерти (от чего боже сохрани) непременного редактора надворного советника Санковского, издание сие с правами и обязанностями, здесь изложенными, переходит к товарищу его на основании тех условий, которые они между собой заключат для подобного непредвидимого случая» (п. 25). Предоставляется также «Санковскому, если до истечения означенного здесь срока потеря здоровья или домашние обстоятельства не дозволят ему продолжать сие издание, передать свои права другому, на каких заблагорассудит условиях, лишь бы оные не были противны сим правилам. Сверх того, в таком случае он обязан донести главному начальству сего края о том лице, которому передает свое право, и тогда только может уступить сие издание, когда главное начальство не встретит никакого препятствия в том, чтоб новый редактор принял на себя сию обязанность» (п. 26)[123]. В «примечании» к 26-му пункту было сказано: «Если Санковскому случится надобность временно отлучиться из Тифлиса, то в отсутствие его издание будет продолжать его товарищ; если же товарищ его также будет в отсутствии или болен, то предоставляется Санковскому поручить издание на сие время постороннему лицу, однакоже не иначе, как доложив об избранном лице начальству и испросив на сие дозволение»[124].

Особое внимание в «Новых правилах» было обращено на издание «Тифлисских ведомостей» на национальных языках. В одном из разделов документа подчеркивалось, что одна из основных обязанностей непременного редактора наряду с выпуском «Тифлисских ведомостей» на русском языке должна заключаться в проявлении заботы «об издании оных на азиатских языках, наблюдая, чтобы сии последние были занимательны для жителей здешнего края»[125]. Казалось бы, о каком улучшении выпуска дубликатов местной русской газеты на грузинском и фарсидском языках могла идти речь, если последние по «Проекту учреждаемого в Тифлисе периодического издания» должны были быть идентичными русскому варианту «Тифлисских ведомостей»? Необходимость занимательности газеты на местных национальных языках возникла, на наш взгляд, именно вследствие полной идентичности грузинского варианта газеты («Тбилисис уцкебани») ее основному русскому тексту, т. е. точному

[122] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 10 об. (5 об.) — 11 (6).
[123] Там же, стр. 11 об. (6 об.) —12 (7).
[124] Там же, стр. 12 (7).
[125] Там же, стр. 6 об. (1 об.).

следованию букве «Проекта». В таком виде газета не пробуждала интереса к изданию со стороны грузинских читателей, что сразу же отразилось на подписке на «Тбилисис уцкебани» на 1829 г. Исходя из этого, а также из политической целесообразности издания «Тифлисских ведомостей» на местных языках, Паскевич решился предоставить Санковскому право заключать со своими коллегами — редакторами грузинского и фарсидского вариантов газеты — «какие заблагорассудит условия», которые смогут положительно отразиться на содержании газеты. Иными словами, выпуская «Тифлисские ведомости» и на национальных языках, царская администрация на Кавказе предполагала получить двойную выгоду от местной периодической печати: во-первых, доводить до местных жителей угодную для правительства информацию, во-вторых, добиться, чтобы первая русская газета в крае с ее приложениями на местных языках существовала без дотации от правительства, за счет подписчиков. Последнее, как подсказывал опыт, могло стать реальностью, стоило только разнообразить содержание приложений, сделав их «занимательными для жителей здешнего края».

Однако некоторые послабления в поставленных «Проектом» жестких условиях выпуска национальных вариантов газеты составители «Новых правил» поспешили компенсировать в других пунктах документа новыми требованиями к заведенному порядку цензурования «Тифлисских ведомостей» на национальных языках: «Для лучшего рассмотрения Ведомостей, издаваемых на азиатских языках, как подлинники, так и переводы таковых ведомостей будут предварительно отсылаемы в канцелярию г. главноуправляющего, где переводчики сей канцелярии, сличив оные, в тот же день отсылают обратно в комитет с надписью — „Перевод с подлинником верен“. Если же находят какую-нибудь разницу, то о сей разнице делают пометку на переводе. Непременный редактор представляет им составленные номера г-ну главноуправляющему или г. тифлисскому военному губернатору, которые разрешают печатание оных» (п. 21) [126].

Насколько важное значение придавалось составителями правил популяризации содержания «Тифлисских ведомостей» среди местного населения, видно из 22-го пункта: «На вышеизложенных правилах предоставляется Санковскому издание „Тифлисских ведомостей“ и на армянском языке, которое может быть начато и в настоящем 1829 году. Ему предоставляется в сем отношении заключить, какие заблагорассудит, условия с содержателями армянской типографии, соблюдая, однакоже, чтобы расположение сих Ведомостей согласно было с высочайше утвержденным планом» [127].

Кроме того, несмотря на превращение «Тифлисских ведомостей» в подобие частного издания, местная администрация, расценивая выпуск русской газеты с приложениями на национальных языках

---

[126] Там же, стр. 10 (5)—10 об. (5 об.).
[127] Там же, стр. 10 об. (5 об.).

как правительственное задание, не слагала с себя ранее принятой обязанности способствовать проведению в крае организованной подписки на газету: «Главное начальство в продолжение упомянутого пятилетнего срока не оставит, по окончании каждого года, при открытии новой подписки, делать приглашения по Кавказскому краю для преумножения пренумерантов на сие издание» [128].

Однако при всем стремлении расширить влияние первого русского издания на Кавказе переводом и распространением его на местных языках, власти не предавались иллюзиям. Они держались меркантильного принципа, положенного в основу предоставленного Санковскому права прекратить выпуск «Тифлисских ведомостей» на любом из местных языков, если какой-нибудь из национальных вариантов этой газеты не соберет достаточного числа подписчиков: «Если впредь Санковский найдет невыгодным поддерживать издание на каком-нибудь из азиатских языков, то предоставляется ему право прекратить издание на оном, с соблюдением однакоже в подобном случае всей строгости обязанностей в отношении к публике» (п. 24) [129]. Но о каком соблюдении «обязанностей в отношении публики» могла идти речь, если ее интересы подавлялись капиталистическим принципом хозяйствования? Содержание данного пункта разоблачало лживость заверений местного начальства о том, что создание «Тифлисских ведомостей» было продиктовано целью «послужить к вящему увеличению благонадежного просвещения» [130].

«Новые правила» были утверждены Паскевичем и с 20 февраля 1829 г. вступили в силу. В резолюции было сказано: «Все сие утверждаю, кроме армянской газеты, которой не начинать до моего разрешения» [131]. По какой причине Паскевич воздержался от утверждения заодно и армянского перевода «Тифлисских ведомостей», можно усмотреть из архивного документа, в котором хотя и подчеркивалась необходимость издания ведомостей на русском, грузинском и «татарском» (азербайджанском) языках, но одновременно заявлялось, что «по-армянски выдавать оных не настоит надобности, ибо каждый армянин знает непременно на одном из означенных трех языков» [132]. Опасение обременять казну «лишними» издержками, пусть даже наперекор интересам целой подвластной нации, было для администрации достаточной аргументацией, чтобы армянский вариант «Тифлисских ведомостей» не увидел света.

После утверждения «Новых правил» Санковский занялся подбором кандидатур для редакции «Тифлисских ведомостей». Вопреки строгому запрещению властей не избирать «себе в сотрудники лю-

---

[128] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246а, стр. 10 об. (5 об.).

[129] Там же, стр. 11 (6)—11 об. (6 об.).

[130] Там же, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 16; ср. АКАК, т. VII, док. 16, стр. 9.

[131] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, д. 246а, стр. 13 (8)—13 об. (8 об.).

[132] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 26.

деі, по какому-нибудь поводу лишенных доверия правительства», он привлек в качестве заместителя по русскому изданию поднадзорного Василия Дмитриевича Сухорукова, причастного к делу декабристов, а на должность редактора «Тбилисис уцкебани» рекомендовал одного из образованнейших передовых деятелей тогдашней Грузии — Соломона Ивановича Додашвили (фамилию редактора фарсидского варианта «Тифлисских ведомостей» установить не удалось). Обе кандидатуры тем не менее были утверждены без проволочек. Определенные обязанности по выпуску местной газеты все они фактически исполняли еще до утверждения «Новых правил». Кроме того, Сухоруков и Додашвили являлись служащими правительственных учреждений в Тифлисе, первый — по военной, другой — по гражданской части, и были известны высокопоставленным должностным лицам в крае.

25 февраля 1829 г. были составлены и 28 февраля утверждены «Условия, заключенные по изданию „Тифлисских ведомостей" между непременным редактором оных г-ном надворным советником Санковским и избранным им товарищем Донских войск сотником Василием Сухоруковым». «Условия» предусматривали, что «Сухоруков принимает участие в издании „Тифлисских ведомостей" в продолжение всего пятилетнего срока, на который отдано издание в полное распоряжение непременному редактору г. надворному советнику Санковскому» [133]. Причем «участие в русском издании определяется преимущественно пособием в трудах литературных, именно: Сухоруков обязывается доставлять главному редактору для каждого номера статьи собственного сочинения и переводы или приобретенные от его знакомых, кои также входят в круг, предназначенный для тифлисской газеты, и кои по своему содержанию были бы достойны напечатания в оной» [134]. Кроме того, согласно договору, в случае выезда Санковского из Тифлиса его должен был заменять Сухоруков, а также «в случае нечаянной смерти непременного редактора, буде он не сделал никакого завещательного распоряжения, его товарищ заступает его место» [135]. В соответствии с основными пунктами договора, заключенного между Санковским и Сухоруковым, последний фактически становился соиздателем правительственного периодического органа на Кавказе.

Обновленный состав редакции «Тифлисских ведомостей», который впоследствии был дополнен некоторыми новыми членами, непосредственно связанными с практической журналистской работой, энергично взялся за дело. Все чаще стали появляться в газете ориги-

---

[133] ЦГВИА ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 22.

[134] Там же.

[135] Там же, л. 22 об. В «примечании» к данному пункту договора было сказано: «Само собою разумеется, что ежели Сухоруков разделяет с непременным редактором труд издания во всех прочих частях, например: в выборе известий, в надзоре за печатанием и разсылкою, в корректуре и проч., то недоставление литературной статьи для какого-нибудь номера не есть невыполнение его обязанности» (там же).

нальные материалы, излагавшие историю края, описывавшие быт и нравы местных народов, художественные произведения. Эти статьи и свежая информация о военных действиях способствовали повышению интереса к тифлисской газете со стороны петербургских и московских периодических печатных органов, «не перестававших с выхода сего издания в свет заимствовать занимательные статьи, помещаемые в оном, которые все оригинальны и относятся собственно до Закавказского края» [136]. Интерес к «Тифлисским ведомостям» русских читателей был настолько велик, что в апреле 1829 г. встал вопрос о переиздании в виде отдельного сборника почти всего содержания «Тифлисских ведомостей» за второе полугодие 1828 г., исключая официальную информацию и материал, заимствованный из других периодических печатных органов [137]. Все это дало основание тифлисскому военному губернатору С. С. Стрекалову к концу полуторагодового издания «Тифлисских ведомостей» с удовлетворением заметить, что газета «получила уже некоторую известность в публике и лестные одобрения наших литераторов» [138]. И тем не менее дело с изданием «Тифлисских ведомостей» обстояло неблагополучно. Содержание газеты оставляло желать лучшего, нередко вызывая нарекания читателей, главным образом местных жителей. В порядке самокритики это было отмечено газетой в редакционном сообщении № 22 «Тифлисских ведомостей» от 28 ноября 1828 г.: «Комитет издания „Тифлисских ведомостей“, принимая в уважение, что известия о важнейших событиях в Европе помещаются в сей газете единственно для жителей полуденных стран Кавказа, ибо в России они не могут быть новыми, считает нужным впредь, если сии известия будут слишком пространны, сообщать оные здешнему краю посредством особых прибавлений».

Предполагаемая мера не оказала нужного эффекта, и местные жители продолжали выражать недовольство подачей материала в газете. Из «Объявления» об издании газеты на 1830 г. видно, что ориентация преимущественно на русского читателя обманула надежды коренного местного населения, рассчитывавшего побольше узнать через газету о России и Европе. В «Объявлении» отмечалось, что «с самого начала редакторы преимущественно обращали старание к пополнению Ведомостей, выходящих на русском языке, сведениями о здешнем крае, полагая в том главную цель своего предприятия. Руководствуясь сим правилом, невозможно было по тесному объему одного издаваемого в неделю листа помещать всех получаемых из Европы внутренних и заграничных новостей. Издатели ограничились выборкою из первых тех, которые заключали в себе какую-нибудь особенную важность, а из последних решились помещать только известия о турецких делах, так как из иностранных держав Турция, по настоящим политическим обстоятельствам, обра-

---

[136] АКАК, т. VIII, док. 3, стр. 14.
[137] «Тифлисские ведомости», 19 апреля 1829 г., стр. 4.
[138] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4042, л. 1.

щает на себя главнейшее внимание. Сие подало повод некоторым из особ, подписавшихся в Кавказском крае на „Тифлисские ведомости", жаловаться, что сия газета пишется преимущественно для европейских подписчиков, что в программе о сем издании внешние новости не ограничены одной Турцией и что редакторы не исполняют своей обязанности извещать здешних читателей о новых открытиях и изобретениях, которые делаются в просвещенном свете. Сие заставило в некоторых нумерах „Тифлисских ведомостей" распространиться более на счет получаемых из Европы новостей и помещать разные известия о новых открытиях и изобретениях. Тогда возникло неудовольствие со стороны читателей в России. Дабы удовлетворить обе стороны, издатели нашли необходимым выпускать с 1-го генваря 1830 года два листа в неделю. Один лист будет выходить по четвергам, то есть в день отправления экстра-почты, другой же лист будет выходить неопределенно, то есть: сутками после прибытия из России экстра-почты. Сей последний лист будет заключать преимущественно указы, приказы и новости, получаемые из Европы. Сим способом откроется средство и к удовлетворению своевременного любопытства здешних жителей, и к пополнению первого листа преимущественно статьями о здешнем крае» [139].

Разумеется, желание редакции «Тифлисских ведомостей» потрафить интересам и наклонностям своих местных и иногородних читателей диктовалось коммерческими соображениями: сделать стабильным основной контингент «пренумерантов» газеты и способствовать привлечению новых. В «Новых правилах» подчеркивалась необходимость разнообразить содержание наиболее нуждающихся в материальной поддержке национальных вариантов «Тифлисских ведомостей». Эту возможность попытался использовать редактор «Тбилисис уцкебани» С. И. Додашвили, однако в силу цензурных условий «Тбилисис уцкебани» в целом продолжала оставаться дубликатом «Тифлисских ведомостей» на русском языке. Дальнейшие попытки поправить дело не принесли успеха.

По истечении предусмотренного «Новыми правилами» испытательного срока Санковский энергично взялся за издание газеты с твердым намерением использовать все для поддержания «дела», для получения от него прибыли. При таком откровенно предпринимательском истолковании своих хозяйственных обязанностей в отношении руководимого им издания Санковский вряд ли примирился бы с нерентабельностью грузинского варианта газеты. Так оно и произошло: к концу 1829 г., воспользовавшись предоставленным ему «правом вето», Санковский приостановил выпуск «Тбилисис уцкебани» как убыточный «по причине недостаточного числа подписчиков» [140].

---

[139] «Тифлисские ведомости», 20 сентября 1829 г., стр. 4.

[140] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 4042, л. 2. Решение о возобновлении издания «Тифлисских ведомостей» на грузинском языке было принято лишь в конце 1831 г. (АКАК, т. VIII, док. 3, стр. 14).

Арест заместителя редактора — декабриста В. Д. Сухорукова

Материальные затруднения явились не единственными неприятностями для Санковского. Положение намного осложнилось, когда в начале 1830 г. был арестован заместитель «непременного» редактора В. Д. Сухоруков, обвиненный в «злоупотреблении» печатным словом и нелояльности. Конкретным поводом для подобного обвинения и ареста Сухорукова послужило его выступление на страницах «Тифлисских ведомостей» в октябре 1829 г. против «Северной пчелы» и «Русского инвалида», опубликовавших одну и ту же статью под заголовком «Письма из Кавказского корпуса Ил. Рджцкого» [141].

Прежде всего возникает вопрос, почему политически «неблагонадежный» Сухоруков занял фактически руководящее положение в местной правительственной газете?

Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841) происходил из донских казачьих офицеров. Окончив в 1815 г. Харьковский университет со степенью кандидата, Сухоруков вернулся на родину, где отбывал обязательную для него, как местного жителя, службу в казачьих войсках. Выделяясь среди донского офицерства своей образованностью и склонностью к научным изысканиям по истории казачества, Сухоруков в 1821 г. был привлечен к участию по выработке «Положения» о Войске Донском. В специально созданный для этой цели Комитет, возглавлявшийся И. Ф. Богдановичем, входил тогда и генерал-адъютант А. И. Чернышев, впоследствии занявший должности начальника Главного штаба и военного министра. Он, как видно, заинтересовался молодым казачьим офицером; в 1822 г. он перевел Сухорукова в Петербург и назначил сотрудником канцелярии Главного штаба [142]. В Петербурге Сухоруков познакомился с передовыми людьми того времени и прежде всего с будущими декабристами. Он был знаком также с видными русскими историками Н. М. Карамзиным, П. М. Строевым, К. Ф. Калайдовичем и др. С ними он общался, выполняя поручения Чернышева по сбору материалов для исторического и статистического описания Донской области [143]. К петербургскому периоду жизни Сухорукова, по свидетельству современников, следует отнести и знакомство его с А. С. Грибоедовым. Об этом, в частности, свидетельствует воспоминание декабриста Д. Завалишина, который вопреки предположению, будто Сухоруков познакомился с Грибоедовым

---

[141] «Письма из Кавказского корпуса Ил. Рджцкого» были опубликованы в № 80, 91, 98 и 101 «Северной пчелы» за 1829 г., а также в № 208—209, 212 и 216 «Русского инвалида» за тот же год.

[142] По утверждению Вейденбаума, Сухоруков был назначен впоследствии (1824 г.) адъютантом А. И. Чернышева (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 99).

[143] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 249. Материалы по истории Донского казачества были собраны Сухоруковым «в то время, когда он рылся в архивах по поручению Карамзина» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 60).

на Кавказе, прямо отмечал: «Мы не думаем, чтобы знакомство Грибоедова и Сухорукова началось только с Кавказа; Грибоедов в Петербурге жил у Александра Ивановича Одоевского (где мы и списывали под диктовку разом двадцать копий „Горя от ума") и находился постоянно в том же кругу декабристов, как и Сухоруков. Когда Грибоедов был арестован и содержался в здании Главного штаба вместе со мною, Синявиным (сыном адмирала), братьями Раевскими, Шаховским, Мошинским и др., то разговор не раз касался того, были ли аресты на Дону (Чернышев был при кончине государя в Таганроге) и не арестован ли Сухоруков» [144]. Опасения друзей Сухорукова, как видно, были не безосновательными.

Среди множества своеобразных досье, составлявшихся ведомством Бенкендорфа на каждого подозревавшегося в прикосновенности к делу декабристов, находится документ, датированный 1826 г. и озаглавленный: «*Сухоруков* Василий Дмитриевич. Поручик лейб-гвардии Казачьего полка». В нем говорится: «По показанию Рылеева и Александра Бестужева, они в 1825 году открыли Сухорукову о существовании тайного общества, имевшего целью введение в России конституционного правления. Сухоруков отвечал, что он давно сие подозревал, не полагая, однако, это возможным по настоящей наклонности умов. На вопрос Рылеева о духе донских казаков Сухоруков отвечал, что они весьма привержены к правительству и любят государя. Потом просил их о содействии общества к распространению на Дону просвещения посредством заведения училища, на что они отвечали обещанием постараться. Александр Бестужев присовокупил, что вообще видно было, что Сухоруков воображал найти в обществе значущих людей, которые могли бы иметь влияние на его родину и вся цель его была доставить землякам просвещение. А Рылеев искал в нем содействия здешних эскадронов, и оба обманулись. Противу сего, ответа от Сухорукова не было требовано» [145]. Таким образом, Сухоруков был связан с руководителями «Северного общества» декабристов. Он долгое время поддерживал также научный и литературный контакт с видным декабристом, журналистом А. О. Корниловичем, через посредство которого, возможно, он мог быть связан с членами «Южного общества» декабристов [146]. Известно, например, что вместе с Корнило-

---

[144] «Древняя и новая Россия», 1878, № 6, стр. 172. По воспоминаниям Н. И. Шенига, относящимся к 1825 г., «в Таганроге наша компания, состоящая из бар. Фридрихса, Николаева и казацкого ротмистра Сухорукова, проводила время довольно приятно и только озабочена была болезнью государя. Сухоруков был, вероятно, в составе тех двух эскадронов лейб-казаков, которые во время пребывания Александра I в Таганроге пришли туда под командою ротмистра Степ[ана] Степ[ановича] Николаева для содержания караула при дворце» («Русский архив», 1880, кн. III, стр. 271—278; Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 98).

[145] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826, д. 61, ч. 247.

[146] А. О. Корнилович, штабс-капитан гвардейского Генерального штаба, являлся членом «Южного общества» декабристов и делегатом этого общества к «Северному» («Русская старина», 1878, т. XXIII, стр. 320).

вичем Сухоруков выпустил в 1825 г. исторический сборник «Русская старина», в котором, между прочим, напечатано и его исследование «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетии», состоящее из четырех статей [147]. В том же году Сухоруков поместил в «Соревнователе просвещения» другое свое исследование — «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия». Давая оценку историческим очеркам Сухорукова и Корниловича, помещенным в декабристских печатных изданиях, А. А. Бестужев-Марлинский писал, что они «любопытны, живы, занимательны. Сердце радуется, видя, как проза и поэзия скидывают свое безличие и обращаются к родным, старинным источникам» [148].

Вызывает удивление, что, несмотря на прямые улики о прикосновенности Сухорукова к декабристскому движению, «ответа от Сухорукова не было требовано». Можно предположить, что он не попал в разряд «государственных преступников» и был «аттестован» лишь как «прикосновенный» при помощи Чернышева, который рекомендовал Сухорукова в аппарат Главного штаба, и арест его мог решительно повредить карьере благодетеля. Не случайно проводившиеся на Дону аресты в связи с восстанием декабристов Д. Завалишин связывал с именем Чернышева. По окончании работы Следственной комиссии, уже на Кавказе Сухоруков постоянно ощущал недоброжелательство со стороны Чернышева. А пока, оставшись на свободе, Сухоруков в конце 1825 г. вернулся на родину, где продолжал работать в Комитете Богдановича. Через некоторое время местным властям стало известно, что «по докладу комиссии, 13 мая 1826 года высочайше повелено: оставить его на Дону, не отправляя в лейб-гвардии Казачий полк, иметь за ним бдительный, тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении» [149]. В таких условиях Сухоруков возобновил прерванную работу по составлению истории донского казачества.

Еще до ссылки на Кавказ Сухоруков принимал участие в разработке проекта о преобразовании казачьего войска: «Сухоруков возбудил против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева по подозрению в какой-то интриге по делу о преобразовании Войска Донского» [150]. Есть предположение, что Сухоруков «занял противоположную Чернышеву позицию в вопросе о преобразовании Войска Донского, представив свои возражения на его проект, и даже организовал оппозиционную группу на Дону — нечто вроде тайного политического общества, стремившегося к демократиче-

---

[147] Эту статью имел в виду Вейденбаум, когда отмечал, что Сухоруков поместил в «„Русской старине“, изд. Корниловичем, статьи по истории и бытовой жизни донских казаков» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 89). Подробнее об идейных связях Сухорукова с Корниловичем см.: «Восстание декабристов». Документы, т. XII. М., 1966, стр. 328.

[148] *А. А. Бестужев-Марлинский.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года. — «Полярная звезда», 1825, стр. 19.

[149] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826, д. 61, ч. 247.

[150] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 2, стр. 60.

скому самоуправлению и реставрации прежних казацких вольностей»[151].

Принципиальность Сухорукова не осталась безнаказанной. В феврале 1827 г. последовал приказ, в соответствии с которым Сухоруков под страхом «строжайшей ответственности перед высшим начальством» вынужден был сдать все материалы и рукописи своего незавершенного труда. Весной того же года его сослали на Кавказ, где он был зачислен в один из донских казачьих полков, расквартированных в Грузии. Отметим, что приказ исходил не от Богдановича, а от Чернышева. В том же досье на Сухорукова, составленном в III отделении с. е. и. в. к., сказано: «В чине сотника Войска Донского по приказанию товарища военного министра 8 мая 1827 года Сухоруков отправлен в Отдельный Кавказский корпус в один из донских казачьих полков»[152].

Сейчас принято рассматривать первую ссылку Сухорукова на Кавказ не как результат его служебных осложнений на Дону, а как следствие прикосновенности к декабристскому движению[153]. Современники полагали, что ссылка Сухорукова была связана с его дружбой с А. О. Корниловичем[154]. По версии, принадлежавшей А. Завалишину, Корнилович, располагавший правом доступа к тайным фондам государственных архивов России, «якобы... получил копии документов, являвшихся величайшей государственной тайной. После событий 14 декабря правительство, опасаясь „употребления во зло этих копий“, разыскивало их как в бумагах Корниловича, так и его друзей, в том числе и Сухорукова, но нигде ничего не нашло»[155].

Сухоруков прибыл в Грузию в самый разгар русско-персидской войны. По всему видно, что он радушно был принят местным негласным землячеством ссыльных декабристов, которые не замедлили проявить заботу в отношении своего единомышленника. Благодаря своим незаурядным способностям журналиста и историка, а также «рекомендации А. С. Грибоедова, он был откомандирован для особых поручений к начальнику штаба Отдельного Кавказского кор-

---

[151] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 250.

[152] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 247.

[153] *М. И. Косвен.* Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 178.

[154] О возобновлении отношений между Корниловичем и Сухоруковым после возвращения последнего из Финляндии, куда он был переведен в 1830 г. из Грузии, свидетельствует генерал Шумков, земляк и давний знакомый Сухорукова, сослуживец Корниловича по Грузии. Шумков, бывший в то время, по данным «Тифлисских ведомостей» (1828 г., № 14, стр. 3; № 19, стр. 4), сотником Донской конно-артиллерийской роты, впоследствии вспоминал: «По прошествии почти пятилетней жизни в казематах Корнилович был доставлен в Тифлис и зачислен в Ширванский пехотный полк, расположенный на Царских колодцах, где тогда стояла Донская № 3-го батарея, в которой служил пишущий эти строки. В то же время при возобновлении знакомства с сим последним также возобновились сношения Корниловича и с известным донским писателем — Сухоруковым, проживавшим тогда в Новочеркасске, по возвращении из Финляндии» («Русская старина», 1878, т. XXIII, стр. 320).

[155] *М. О. Косвен.* Этнография и история Кавказа, стр. 178.

пуса Д. Е. Остен-Сакену, а после отъезда Сакена с Кавказа перешел к командиру корпуса И. Ф. Паскевичу»[156].

В корпусном штабе Сухоруков был использован «для письменных занятий», тогда как, находясь непосредственно при главноначальствующем, он получил относительную независимость. Близость по службе к высшему начальству в большей степени, чем способности журналиста и историка, повлияла на назначение поднадзорного Сухорукова заместителем главного редактора «Тифлисских ведомостей». Надо отдать должное и Санковскому, принявшему участие в судьбе Сухорукова. Его участие объяснимо: в условиях, когда одной из главных задач газеты, если не самой главной, являлось освещение военных событий на Азиатском фронте, поручение этого основного раздела столь опытному человеку, как Сухоруков, в определенном смысле могло сулить газете успех. Находясь в силу своих служебных обязанностей при Паскевиче почти постоянно на фронте войны с Турцией, Сухоруков обязанности заместителя редактора «Тифлисских ведомостей» выполнял и как специальный военный корреспондент, и как литературный сотрудник по военной тематике. С другой стороны, независимо от занимаемой в газете должности, Сухоруков, благодаря своей образованности, а затем счастливому стечению обстоятельств, получил возможность приступить к составлению по поручению Паскевича исторической хроники о войне России с Турцией, очевидцем и непосредственным участником которой он являлся[157].

Таким образом, почти с начала пребывания на Кавказе обозначились два взаимосвязанных для Сухорукова поприща деятельности как журналиста и историка — местная русская газета, одним из руководителей которой он вскоре стал, и театр военных действий русских войск в войне с Турцией, который он столь обстоятельно, со знанием дела описывал[158]. Именно в период самого плодотворного сотрудничества Сухорукова в «Тифлисских ведомостях»[159] и успешного выполнения им задания Паскевича по составлению исторической хроники пережитых военных событий, как гром среди ясного неба, раздалось «высочайшее повеление» об аресте Сухорукова.

---

[156] *М. О. Косвен.* Этнография и история Кавказа, стр. 178.

[157] Как участник русско-персидской кампании 1828—1829 гг., В. Сухоруков был «награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и золотою саблею за храбрость» (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 247; «Тифлисские ведомости», 15 февраля 1829 г., стр. 1; 1 марта 1829 г., стр. 1).

[158] В связи с арестом В. Сухорукова в 1830 г. труд его по русско-турецкой войне остался незавершенным и, конечно, неизданным. Как отмечает Вейденбаум, многие материалы, собранные Сухоруковым, «вошли в „Историю военных действий в Азиатской Турции в 1828—29 гг.“, о чем автор истории Ушаков упоминает на стр. XV предисловия к первому изданию (издание 2-е, Варшава, 1843)» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 60).

[159] В «Тифлисских ведомостях» Сухоруков опубликовал несколько статей без подписи и под инициалами «В. С.». Лишь последняя полемическая статья, послужившая поводом к его аресту, подписана полностью, хотя и с опечаткой — «В. Сухороков».

До последнего времени, пока не были обнаружены В. С. Шадури и М. О. Косвеном архивные документы о пребывании Сухорукова в Грузии с середины 1827 по январь 1830 г., принято было считать что последний подвергся репрессии вследствие поступившего на него из Тифлиса доноса [160]. Кстати, версия о доносе остается в силе и нисколько не противоречит выводам, сделанным В. С. Шадури на основе выявленного им в ЦГВИА материала. Эта версия не отвергается и М. О. Косвеном: «Существует, однако, вполне вероятное предположение, что в данном деле (имеется в виду арест Сухорукова. — *Д. В.*) сыграл определенную роль посланный из Тифлиса в Петербург и доложенный Николаю донос о том, что Сухоруков использует в своих исторических работах официальные документы [161]. Недаром Паскевич... в письме Чернышеву сейчас же после произведенного у Сухорукова обыска, 16 января 1830 г., заверял, что Сухоруков вел свои исторические работы по его, Паскевича, поручению и соответствующие официальные материалы получал с его разрешения» [162]. Мнимая попытка Паскевича выгородить подчиненного на самом деле имела побочную цель — обезопасить себя. Арест Сухорукова произошел 13 января 1830 г., а уже через три дня — 16 января — Паскевич доносил Чернышеву о произведенном у арестованного обыске, отправлении Сухорукова под конвоем в Новочеркасск и о препровождении изъятых бумаг в Главный штаб [163]. Паскевич поспешил разъяснить в ответе на запрос высшего начальства свою причастность к наличию среди бумаг Сухорукова записей о военных действиях 1826—1829 гг., чтобы сразу избавить себя от дальнейших расспросов по этому поводу [164]. При этом он ссылался на затруднения при подборе подчиненных во время своего пребывания в Грузии — на почти полное отсутствие толковых людей среди

---

[160] *Щербатов*. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. III. СПб., 1891, стр. 327; Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 60.

[161] Биограф Паскевича — Щербатов, служивший при нем адъютантом в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг., отмечал, что поводом к доносу послужили обнаруженные, надо полагать во время одного из негласных обысков у поднадзорного Сухорукова, «записки о военных действиях в персидскую кампанию» (*Щербатов*. Указ. соч., т. III, стр. 327).

[162] *М. О. Косвен*. Этнография и история Кавказа, стр. 179.

[163] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 4; ф. 4 л., оп. 2, кор. 7027, д. 21. По всему видно, что гласному обыску у Сухорукова, о котором сообщал Чернышеву Паскевич, предшествовал негласный обыск, в результате которого, как отмечал Щербатов, были обнаружены записи Сухорукова о законченной военной кампании 1826—1828 гг.

[164] Письмо Паскевича военному министру от 16 января 1830 г. было ответом на запрос Чернышева, «почему Сухоруков состоит при фельдмаршале и почему у него имеются записки по персидской кампании?» (*Щербатов*. Указ. соч., т. III, стр. 328). В связи с этим не вполне точным нам кажется утверждение В. С. Шадури: «Письмо Паскевича Чернышеву является не ответом на запрос царя о причинах занятий Сухорукова военной историей, а заблаговременным разъяснением, рассчитанным именно на предотвращение такого запроса» (*В. С. Шадури*. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 253).

«политически благонадежных». Паскевич писал Чернышеву: «В числе бумаг, опечатанных у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828 и 1829 годов, составленное им по моему приказанию. Употребление Сухорукова к такому поручению, когда он, как известно, замешан в происшествии 14 декабря и находится под секретным надзором, не должно удивлять вас, милостивый государь, ибо в одинаковом с ним разряде находились многие служившие при мне, как-то: генерал-майор Бурцов, полковник Леман, поручики Пущин, Искрицкий и полковник Вольховский был в замечании. Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я по малому числу людей в сем корпусе способных, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам. Таким образом и Сухоруков употребляем был сначала генерал-майором бароном Остен-Сакеном по канцелярии начальника штаба, а потом, год тому назад *, я поручил ему составление исторических записок кампаний 1828 и 1829 годов» [165]. Из цитируемого письма видно, что Паскевич проявлял самый непосредственный интерес к «запискам» Сухорукова, рассчитывая на них, как на собственную рекламу. Но Сухоруков поначалу чем-то не угодил Паскевичу, о чем последний сообщал Чернышеву: «За 1828 год, сколько мне помнится, написаны высокомерно, за 1829 год читанные мне в прошедшем месяце, я нашел довольно хорошими. В записках сих одно только поверхностное описание военных действий, но к сему я предполагал добавить описание статистическое, переписку дипломатическую и часть продовольственную, как важнейшую при военных действиях в сих землях, поручив оные составить лицам, в войне сей участвовавшим, каждому по своей части» [166]. Как видно, труд Сухорукова в дальнейшем должен был приобрести коллективный характер, причем каждому из его будущих участников пришлось бы на свой лад славить Паскевича, как главнокомандующего. Опасаясь быть лишний раз уличенным в честолюбии, Паскевич намеренно подчеркнул в письме к Чернышеву сугубо служебное назначение записок Сухорукова. «Предмет сих записок, — писал Паскевич, — не для публики, я намерен был составить из них секретную историю и представить на высочайшее благоусмотрение государя императора, дабы, сохраняясь в штабе, могли служить руководством на предбудущее время и происшествия прошедших войн не были вовсе потеряны; ибо до сего времени не было у нас достаточных материалов и при начатии каждый раз войны надлежало собирать все вновь, как бы в странах, где никогда войска наши не находились» [167].

Столь авторитетное подтверждение служебного назначения записок о войне, которые по поручению главнокомандующего вел Сухоруков, казалось, должно было отвести от декабриста подозрение

---

* Было написано: «в ноябре месяце прошлого 1828 года».

[165] *Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 328—329.

[166] Там же, стр. 329.

[167] Там же, стр. 329—330.

в «злоумышлении». Однако разыскания, сделанные в связи с этим В. С. Шадури, свидетельствуют о том, что формальным поводом к аресту Сухорукова послужили не записки о русско-турецкой войне 1828—1829 гг., а полемическая статья, опубликованная в октябре 1829 г. в «Тифлисских ведомостях».

Выступлению в печати Сухорукова послужил факт опубликования в столичных периодических изданиях «Писем из Кавказского корпуса Ил. Рджцкого», принадлежавших одному из штаб-офицеров этого корпуса подполковнику И. Т. Радожицкому. Они содержали множество неточностей при изложении событий «самого решительного, — как отмечает Сухоруков, — в нынешней кампании» периода. Сухоруков подчеркивал, что взялся исправить эти неточности, нисколько не желая досадить Радожицкому, который к тому времени зарекомендовал себя как талантливый военный писатель, кстати сотрудничавший и в «Тифлисских ведомостях» [168]. Будучи участником Отечественной войны 1812 года, Радожицкий в 20-х годах XIX в. публиковал в «Отечественных записках» свои «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год», изданные впоследствии отдельной книгой. Находясь на службе в Грузии, он продолжил свой труд «Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 г.» [169], где со всеми подробностями описаны события на Кавказском фронте русско-турецкой войны.

Что касается содержания «Писем из Кавказского корпуса...», опубликованных Радожицким в «Северной пчеле» и «Русском инвалиде», как видно, на правах корреспондента этих газет, то здесь мнения советских исследователей расходятся. В. С. Шадури, например, называет их «безответственной корреспонденцией» [170], тогда как И. К. Ениколопов полагает, что «если в статью Радожицкого вкрались некоторые неточности, это, скорее всего, можно объяснить тем, что он не хотел указывать истинного расположения частей из военной предосторожности» [171]. Но оба исследователя сходятся в том, что Радожицким вольно или невольно были допущены неточности. Сухоруков в своей полемической статье в противовес привел некоторые цифровые данные о составе войск Отдельного кавказ-

---

[168] Очерк И. Радожицкого «Походы против закубанских хищников артиллерии полковника Коцарева в 1824 г.», напечатанный в № 17—20 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г., и сейчас читается с интересом.

[169] «Военный журнал», 1857, ч. I—VI.

[170] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 262.

[171] *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1966, стр. 103. Отметим, что в сентябре 1834 г., когда рукопись И. Радожицкого «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год» была апробирована военным министром, Главное управление цензуры сообщало попечителю Петербургского учебного округа мнение военного министра о рукописи: «Можно дозволить напечатать сии записки, за исключением только некоторых отмеченных на полях красными чернилами мест, в коих или повествование противно истине, или выражения непристойны, некоторые из сих мест должны быть изменены, а другие совершенно выпущены при печатании» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 1220, л. I).

ского корпуса, которые, видимо, являлись военной тайной, что, собственно, и скомпрометировало автора.

Правдивость печатной информации для Сухорукова-журналиста была превыше всего, и именно с этих позиций он разбирал статью Радожицкого. Сухоруков доказывал, что автор «Писем из Кавказского корпуса» не являлся «наблюдательным очевидцем» описываемых событий. Такая безответственность представлялась патриотически настроенному Сухорукову непростительной. Ссылаясь на конкретные примеры подобного рода оплошностей со стороны своих коллег по перу и вытекавших из них нежелательных последствий, Сухоруков писал: «Иностранные газетчики рады будут схватиться за сие, чтобы написать какой-нибудь изрядный вздор на наш счет и, почему знать, может быть найдется другой Манье, который станет публично проповедывать неверие к нашим известиям» [172]. Критикуя Радожицкого, Сухоруков высказывал при этом уверенность, что «почтенный сочинитель писем из Кавказского корпуса не опорочит благонамеренную цель мою — смею надеяться, даже большего — печатного сознания со стороны самого его в справедливости сих поправок, — так много убежден я в его беспристрастии» [173].

Далее в 11-ти пунктах Сухоруков перечисляет замеченные им в «Письмах» недочеты и ошибки, искажающие историческую действительность войны 1828—1829 гг. Касаясь конкретных военных эпизодов, имевших место на Кавказском фронте войны, Сухоруков поправляет Радожицкого примерно в таком духе: «Дело 17 июня представлено совсем наизворот: не полковник Фридерикс и не для рекогносцировки был послан на правый фланг, а подполковник Усков с 1-м мусульманским полком для открытия и прогнания сильного неприятельского поста (более 1600 человек), который приблизился к нашему флангу... Полковник же Фридерикс с карабинерами отряжен был двумя или тремя часами позже. Уже тогда, когда подполковник Усков донес г. главнокомандующему, что неприятель засел в крепких шанцах и нет возможности выбить его одною иррегулярною кавалериею» [174].

Весьма любопытно, что этот же военный эпизод вкратце упоминается и А. С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум», причем с теми же неточностями, что и у Радожицкого: «17 июня утром

---

[172] «Тифлисские ведомости», 10 октября 1829 г., стр. 3. Манье — французский офицер, принявший участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг. на стороне персиян. В 1829 г. он опубликовал в Париже книгу, в которой, полемизируя с Я. Толстым, подверг резкой критике действия русских войск в войне с Турцией, в том числе Паскевича, руководившего военными операциями на Кавказском фронте. Попытка дать отпор нападкам этого французского военного публициста содержалась в пространной статье без подписи, публиковавшейся в «Русском инвалиде» с июля по август 1829 г. в №№ 193, 195, 197, 198—199, 200, 201, 202, 204—205 и 206. Статья была озаглавлена «Возражение на ответ г. Манье на замечание офицера Российского Главного штаба о последнем турецком походе, соч. Я. Толстого».

[173] «Тифлисские ведомости», 10 октября 1829 г., стр. 3.

[174] Там же.

услышали вновь мы перестрелку, и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами; полковник Фридерикс имел дело с неприятелем, засевшим за каменными завалами, вытеснил его и прогнал; Осман-паша, начальствовавший конницей, едва успел спастись»[175]. Факт совпадения оценки «Дела 17 июня» у Пушкина и Радожицкого трудно объяснить, тем более что поэт лично находился в лагере русских войск. Быть может, Пушкин не записывал подробностей, будучи увлечен необычностью обстановки. И это объяснимо, так как Пушкин не предполагал сначала публиковать свои кавказские впечатления, и только книга французского путешественника Виктора Фонтанье побудила его обнародовать свой путевой дневник[176]. В нем поэт «многого не договаривает, о многом виденном и слышанном совсем умалчивает и ограничивается беглым и далеко не полным обзором тех событий, которых был очевидцем»[177]. Когда обстоятельства заставили поэта переработать и подготовить к печати наскоро составленный путевой дневник свой, пытаясь восстановить в памяти подробности событий почти шестилетней давности («Путешествие в Арзрум» впервые появилось в печати в № 1 журнала «Современник» за 1836 г. по рукописи, переписанной и исправленной в 1835 г.), Пушкин вновь заинтересовался существовавшей о Кавказе литературой, в том числе о военном походе Паскевича 1829 г. Таким путем, должно быть, и попали к нему в руки отдельные работы Радожицкого, причем вполне возможно, что среди них были и «Письма из Кавказского корпуса...» и уж точно — «Походные записки артиллериста в Азии с 1829 г. по 1831 г.». Интерес поэта к работам Радожицкого мог быть вполне оправданным, ибо в них довольно обстоятельно повествовалось о перипетиях русско-турецкой войны и, кроме того, в «Походных записках» неоднократно упоминался сам Пушкин в связи с его пребыванием в прифронтовом лагере русских войск в 1829 г. Исходя из этого, можно допустить, что в соответствии с фактическими данными попавших к нему в руки источников

---

[175] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. IV. М.—Л. (Academia). 1936, стр. 414—415.

[176] Французский дипломат В. Фонтанье, дважды совершивший путешествие по восточным странам — в 1829 и 1834 гг., отмечал в своей книге, что Пушкин, находясь в 1829 г. в действующих войсках на Кавказе, будто бы написал сатиру на Паскевича. Оставить подобное «обвинение» без ответа для Пушкина было небезопасным, поэтому он и решил опубликовать свой дневник под заголовком «Путешествие в Арзрум». Правда, некоторые исследователи все же видят в этом произведении (см. *В. С. Шадури.* Указ. соч., стр. 397) завуалированные сатирические приемы в изображении «прославленного полководца». «Я устыдился бы, — отмечал Пушкин в „Предисловии", — писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не знающий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может требовать» (*А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. IV, М.—Л., 1936, стр. 392).

[177] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 234.

поэт и скорректировал некоторые слишком обрывочные записи своего дневника о военной кампании 1829 г. и, в частности, о «Деле 17 июня». Подобное предположение, на наш взгляд, не лишено основания еще и потому, что в библиотеке поэта после его смерти были обнаружены «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год» Радожицкого, которые в 1835 г. были изданы в Москве отдельной книгой [178].

Здесь же следует отметить, что в статье «О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году» Е. Г. Вейденбаум, будучи в курсе полемики Сухорукова с Радожицким из-за неточной трактовки «Дела 17 июня» деликатно уточняет по данным Сухорукова процитированное выше место из «Путешествия в Арзрум». Вейденбаум пишет: «Пушкин вскользь упоминает о деле 17 июня полковника барона Фридерикса с турками. Это был небольшой отряд Османа-паши, появившийся на фланге нашего следования со стороны Бардуса. Против него был направлен 1-й мусульманский (карабахский) полк под начальством подполковника Ускова, подкрепленный казаками и батальоном эриванского карабинерного полка полковника Б. А. Фридерикса. Турки были прогнаны, и сам Осман-паша едва избежал плена» [179].

Последующие замечания Сухорукова к «Письмам из Кавказского корпуса...», касающиеся искажений действительности при описании военных событий 19 и 20 июня 1829 г., выдержаны в резко критическом тоне. Он отмечает множество ляпсусов, допущенных Радожицким при топографическом описании местности, на которой разворачивались военные действия [180]. Наиболее существенным, однако, в перечне замечаний Сухорукова были I и III пункты, в которых исправлялись цифровые данные (со ссылкой на доступные ему по службе официальные источники) о численности личного состава Отдельного кавказского корпуса и войск противника. Как видно из текста статьи Сухорукова, уточнение цифровых данных (до одного человека) преследовало не столько «разоблачительную», сколько патриотическую цель — показать, в частности, что враг был осилен гораздо меньшим количеством русских войск, чем отмечалось в корреспонденции Радожицкого: «У нас в действующем корпусе было не „более 20 т[ысяч] строевого войска", а только 17 182 человека, именно: 12 062 пехоты и 5120 кавалерии. Это известно мне из строевых ведомостей» [181], тогда как «в лагере Гагки-паши было

---

[178] *Б. Л. Модзалевский.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910, стр. 84.

[179] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 249.

[180] Сухоруков, например, отмечает, что вопреки утверждению Радожицкого «Меджангерт не есть селение, а замок, и он стоит не возле Зивина, а совсем на другой дороге, на Восток от него», что «Гассан-кале не омывается Араксом; речка, которая здесь протекает, именуется Гассан-су; Аракс же имеет исток свой верстах в 60 или 70 оттуда» («Тифлисские ведомости», 10 октября 1829 г., стр. 3).

[181] Там же.

не 30 т[ысяч], а 20 т[ысяч] турок; об этом согласно говорили мне все пленные турецкие чиновники» [182].

Сухоруков, курирующий в «Тифлисских ведомостях» материал на военную тематику, особенно тот, который поступал в газету с театра военных действий, должен был знать, что примерно за полгода до опубликования его полемической статьи Николай I и его приближенные обратили внимание на слишком подробное изложение в тифлисской газете сведений о военных событиях на Кавказском фронте. Географическая близость «Тифлисских ведомостей» к фронтовой полосе ставила их как бы в привилегированное положение перед другими периодическими изданиями. Щербатов отмечает, что «несмотря на доверие государя к фельдмаршалу [Паскевичу], в Петербурге зорко следили за „Тифлисскими ведомостями". Начальник Главного штаба гр. Чернышев, как кажется, докладывал государю все подробности этого дела» [183]. Неослабный, бдительный надзор сверху за местной правительственной газетой был обусловлен также и присутствием в крае сосланных декабристов.

Сухоруков не мог не знать и того, что в специальном отношении от 9 мая 1829 г. на имя гр. А. И. Чернышева со ссылкой на «высочайшее повеление» Паскевич вынужден был сообщить, что он «сделал распоряжение, чтобы в „Тифлисских ведомостях" на будущее время известия о военных действиях Кавказского отдельного корпуса были помещаемы без всяких подробностей» [184]. Прежний же порядок публикации в газете сравнительно подробной военной информации Паскевич пытался оправдать в глазах царя следующими соображениями: «Близость театра войны и участие, принимаемое жителями Грузии в каждом военном событии (ибо они весьма постигают, что от успехов наших зависит не только их благосостояние, но и будущая участь), возбуждают в крайней степени любопытство здешнего народа. Всякое происшествие, в войсках наших случающееся, делается тотчас известным в Тифлисе партикулярно, обыкновенно с разными прибавлениями и часто с лишними толками. Дабы предупредить оные, я поставил было себе правилом о всех действиях наших войск извещать здешнюю публику сколько можно поспешнее и обстоятельнее» [185].

В этом же документе излагался проект Паскевича в отношении содержания «Тифлисских ведомостей», в соответствии с которым весь материал, предназначавшийся для газеты, именно в целях строгого выполнения цензурных правил, должен был быть подразделен на две основные категории: для местных читателей и для читателей газеты в России [186]. Идея эта была одобрена в Петербурге, о чем 22 июня 1829 г. гр. Чернышев извещал Паскевича: «Государь разрешает: известия о таких происшествиях, кои полезно тот час обна-

---

182 Там же.
183 *Щербатов*. Указ. соч., т. III, стр. 326.
184 АКАК, т. VII, док. 34, стр. 17.
185 Там же.
186 Там же, стр. 18.

родовать для сведения жителей края... были бы печатаемы на особых листах и отсылаемы к тем пренумерантам „Тифлисских ведомостей", которые находятся в местах по полуденную сторону Кавказа, отнюдь не отправляя таковых извещений в Россию. Для российских же пренумерантов помещать подобные реляции о военных действиях только тогда, когда оные напечатаны уже будут в ведомостях столицы»[187].

Письмо гр. Чернышева было доставлено в Тифлис 3 августа 1829 г. и тотчас отправлено Паскевичу в действующие войска, где постоянно находился и Сухоруков. Как же объяснить, почему заместитель главного редактора «Тифлисских ведомостей», которого переписка военного министра и Паскевича касалась больше, чем кого бы то ни было, пошел на столь рискованное для поднадзорного нарушение «высочайшей» воли? Напечатание полемической статьи в «Тифлисских ведомостях» нельзя объяснить простодушием Сухорукова. Дело в том, что статья Сухорукова была написана в Арзруме 18 сентября 1829 г., т. е. после заключения Адрианопольского мира[188], а напечатана без малого месяц спустя — 10 октября того же года в № 41 газеты, в специальном «Приложении» к которому редакция официально оповестила читателей о заключении мира с Турцией. Следовательно, известные «военные тайны» потеряли актуальное значение. И тем не менее Сухоруков, как это видно из содержания статьи, держался строгого предписания царя избегать подробных сведений о войне. Так, пытаясь найти оправдание неверному описанию Радожицким событий 19 и 20 июня 1829 г. на Кавказском фронте войны, Сухоруков подчеркивал, что он намеренно не вдается в подробности событий, известные ему по «строевым ведомостям» и допросу «пленных турецких чиновников». Сухоруков пишет: «Подробно объяснять сие считаю излишним — читатели могут сличить официальную реляцию. Весьма естественно, что частному офицеру (т. е. Радожицкому. — *Д. В.*) нельзя было знать предположений главнокомандующего и связи всего дела»[189]. Характерен заключительный абзац статьи: «Написавший сии поправки считает долгом объявить читателям, что ему известны в такой степени подробности и связь дел по причине составления им записок о настоящей кампании, через что он имел возможность и обязанность входить в тончайшие разыскания

---

[187] *Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 326—327.

[188] Адрианопольский мирный договор был подписан 14 сентября 1829 г., однако сообщения о предварительных переговорах по заключению мира между представителями России и Турции, предрешивших исход русско-турецкой войны, были напечатаны в «Тифлисских ведомостях» до официального подписания мирного договора («Тифлисские ведомости», №№ 39, 40, 41, 1829 г.). Не исключено, что основанием для сообщений газеты послужили первые же вести о прекращении военных действий и заключении мира на Европейском фронте войны, доставленные Паскевичу специальным курьером, русским офицером Адеркасом до прекращения боевых действий на Кавказском фронте («Воспоминания А. С. Гангеблова». М., 1888, стр. 195—196).

[189] «Тифлисские ведомости», 10 октября 1829 г., стр. 3—4.

и осведомления. Он заключает статью сию тем, чем начал, т. е. что почтенный сочинитель писем не оскорбится его поправками»[190].

И наконец, еще одно важное обстоятельство, которое, казалось бы, совершенно снимало с Сухорукова всякую ответственность даже в том случае, если сознательное разглашение некоторых секретных данных, утративших это свое качество после заключения перемирия, все-таки стало бы инкриминироваться ему как совершенное посредством печатного слова «преступное деяние». Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть IV пункт «Договора», заключенного между Санковским, как главным редактором «Тифлисских ведомостей», и Сухоруковым, приступавшим к исполнению обязанностей его заместителя. Приводим этот пункт целиком: «Сухоруков предоставляет главному редактору полное право делать поправки в статьях своих, печатаемых в газете, согласно принятой на себя последним обязанности в издании, и вследствие того Сухоруков безусловно слагает с себя всякую ответственность пред цензурным уставом, как по сим статьям, так и вообще по изданию газеты»[191].

Таким образом, неосмотрительность Сухорукова, по нашему мнению, заключалась не столько в том, что он не обошел в своей статье указаний на точную численность личного состава войск Отдельного кавказского корпуса, а в том, что он не учел при этом обстоятельства, отягчающего его положение как политического ссыльного, — неприязнь со стороны всесильного гр. Чернышева. Вот почему мы полагаем, что опубликование полемической статьи Сухорукова в «Тифлисских ведомостях» послужило скорее поводом, чем действительной причиной ареста. Причину же, на наш взгляд, следует искать в «прикосновенности» Сухорукова к делу декабристов, вызвавшей недоброжелательство со стороны военного министра.

Полемическое выступление Сухорукова на страницах «Тифлисских ведомостей» не было событием, из ряда вон выходящим. В газете и ранее довольно часто помещались критические статьи, в том числе и декабристов, направленные против правительственных печатных органов, таких как «Русский инвалид» и полуофициальная «Северная пчела». Начало подобным выступлениям в печати со стороны представителей местной администрации было положено А. С. Грибоедовым, который в своем «Письме к издателю [«Сына отечества»] из Тифлиса от 21 января [1819 г.]» осуждал редакцию «Русского инвалида» за дезинформацию русских читателей о событиях в Грузии[192]. Почин был подхвачен «Тифлисскими ведомостями» в первые же месяцы после выхода газеты: 16 октября 1828 г. там была напечатана статья декабриста И. Г. Бурцова «К издателям С.-Петербургских газет», где резко критиковались номера «Русского инвалида» и «Северной пчелы» за ошибочные описания боев за

---

[190] Там же, стр. 4.

[191] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 22 об.—23. (Разрядка наша. — *Д. В.*)

[192] *Грибоедов*. Сочинения. Л., 1940, стр. 396—400.

Ахалцихе. В дальнейшем редакция «Тифлисских ведомостей» всячески поддерживала такого рода полемику.

Недоброжелательство гр. Чернышева к Сухорукову отметил в своем труде и историограф Щербатов. Касаясь, в частности, обнаруженных во время обыска у Сухорукова военных записок, Щербатов свидетельствует, что об этом факте «было доведено до сведения государя, вероятно, в весьма искаженном виде, и начальник Главного штаба гр. Чернышев отношением несколько инквизиторского направления спрашивал: почему Сухоруков состоит при фельдмаршале и почему у него имеются записки по персидской кампании» [193].

Отрицательное отношение гр. Чернышева к Сухорукову заметно и в секретном отношении управляющего Главным штабом Паскевичу (обнаружено В. С. Шадури в ЦГВИА): «В июле 1827 года командирован в Отдельный Кавказский корпус для употребления там на службе, с состоянием под секретным надзором, Войска Донского сотник Сухоруков, переведенный в сие войско из поручиков лейбгвардии Казачьего полка за известность о существовании злоумышленного тайного общества, имевшего целью введение в России конституционного правления.

Столь милостивое наказание г. Сухорукова за одно из величайших преступлений долженствовало бы заставить его почувствовать вину свою и стараться загладить оную ревностным усердием к службе, безусловною покорностью воле начальства, похвальным образом мыслей и примерно-скромным поведением.

Но, к сожалению, опыт показал противное: сотник Сухоруков в разных статьях, печатаемых им в повременных изданиях, говоря о военных действиях Отдельного Кавказского корпуса, принимает тон решительный и, выходя на сцену своим лицом, позволяет даже себе судить о распоряжениях начальства, тогда как у нас строго наблюдается, чтобы о настоящих или новейших событиях военных ничего без ведома и дозволения правительства не печаталось. Ваше сиятельство между прочим усматривать сие изволите из помещенной в прилагаемой у сего 153 № „Северной пчелы“ статьи под заглавием: „Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса“ [194].

По всем таким причинам государю императору благоугодно было высочайше повелеть мне покорнейше просить вас, милостивый государь, о приказании опечатать бумаги Сухорукова и прислать оные ко мне, самого же его отправить с нарочным фельдъегерем на Дон, куда послано уже повеление об употреблении его на службу.

---

[193] *Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 327—328.

[194] «Ответ» И. Т. Радожицкого на полемическое выступление В. Д. Сухорукова был напечатан в № 153 (от 23 декабря 1829 г., стр. 2—4) с окончанием в № 154 (от 24 декабря 1829 г., стр. 3—4) «Северной пчелы». Насколько критика Сухорукова была беспристрастной, детальной, аргументированной, способствующей выявлению поверхностных знаний о событиях, описываемых автором «Писем из Кавказского корпуса», настолько «Ответ» Радожицкого Сухорукову тенденциозен, проникнут стремлением очернить последнего в глазах читателей.

Высочайшую волю сию честь имею сообщить вашему сиятельству.
Управляющий Главным штабом граф Чернышев»[195].

Мы не разделяем мнения В. С. Шадури, что отношение Чернышева, а также некоторые связанные с ним архивные данные являются документами «подлинных причин ареста и последней ссылки Сухорукова»[196]. Мы не согласны и с комментарием В. С. Шадури текста в той его части, где отмечается, что «и резко решительный тон Сухорукова, и самый факт открытого (за своей подписью) выступления ссыльного декабриста против печатного органа третьего отделения — все это не могло не вызвать в правительственных кругах столицы бурной реакции»[197]. Хотя соответствующие данному мнению исследователя места в тексте и выделены («тон решительный», «выход на сцену своим лицом»), но именно в них мы и усматриваем предвзятое отношение к этому декабристу. Иначе как объяснить, почему не менее резкое по тону полемическое выступление «за своей подписью» в той же тифлисской русской газете против тех же «С.-Петербургских газет» (т. е. «Русского инвалида» и «Северной пчелы») И. Г. Бурцова, тоже причастного к декабристскому движению, не вызвало «в правительственных кругах столицы» ни бурной реакции, ни гонений, ни ареста, ни повторной ссылки?

Из текста отношения совершенно ясно, что Чернышева бесила смелость своего бывшего подчиненного и сравнительно привилегированное для ссыльного его положение на Кавказе. «Милостиво» наказанный Сухоруков вместо каждодневного непосредственного участия в боевых операциях с реальной опасностью для жизни не только позволяет себе «судить о распоряжениях начальства» в печати, но и при попустительстве Паскевича занимается «неположенным» — пишет историю военных событий, забыв наказ, «чтобы о настоящих или новейших событиях военных ничего без ведома и дозволения правительства не печаталось». Ошеломляющим для Чернышева было и сообщение о том, что поднадзорный Сухоруков не только печатает свои статьи в «Тифлисских ведомостях», но и является одним из ее руководителей — заместителем главного редактора газеты. Должно быть, не случайно среди бумаг Сухорукова, опечатанных по приказанию Паскевича и отправленных в Главный штаб, «особое внимание было обращено на вышеприведенный договор Сухорукова с Санковским»[198] о совместном издании тифлисской газеты.

---

[195] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, лл. 1—2.

[196] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 253. Правильную, на наш взгляд, оценку процитированного выше документа дает М. О. Косвен, который пишет: «Судя по письму начальника Главного штаба на имя Паскевича от 24 декабря 1829 г., поводом для этой репрессии в отношении Сухорукова было напечатание им в „Тифлисских ведомостях" статьи, в которой Сухоруков якобы незаконно сообщал сведения о военных действиях на Кавказе. Придравшись к этому, Николай приказал произвести у Сухорукова обыск, опечатать его бумаги и прислать их в Петербург в Главный штаб, а самого его отправить с нарочным фельдъегерем на Дон» (*М. О. Косвен.* Этнография и история Кавказа, стр. 179).

[197] *В. С. Шадури.* Указ. соч., стр. 262.

[198] Там же, стр. 264.

Положение опального Сухорукова осложнялось усилившимися на Кавказе в то время гонениями на сосланных декабристов [199]. Кроме Сухорукова, на видных должностях при Паскевиче из декабристов и «прикосновенных» состояли: И. Г. Бурцов, А. М. Миклашевский и Н. Н. Раевский, командовавшие отдельными полками; В. Д. Вольховский, занимавший должность обер-квартирмейстера; Д. А. Искрицкий, служивший при главнокомандующем в качестве офицера Генерального штаба; М. И. Пущин, командовавший в войсках Отдельного кавказского корпуса саперными работами [200]. Офицеры старались по возможности способствовать облегчению судьбы своих единомышленников, особенно тех, которые испытывали тяжелую долю политически неблагонадежных под солдатскими ранцами. Щербатов отметил, что «приблизительно в это время у гр. Паскевича завязалась неприятная переписка с гр. Чернышевым по поводу декабристов, тогда служивших в Кавказской армии» [201]. Здесь речь идет именно о периоде с завершения боевых действий на Азиатском фронте войны с Турцией и до ареста Сухорукова включительно (сентябрь 1829 г. — январь 1830 г.), когда Паскевич, ради того чтобы выгородить себя, едва не выдал разгневанному царю своих подчиненных-декабристов, оказавших большие услуги Отечеству и ему лично в успешном исходе войны против Турции. В сноске к тому самому месту из письма Паскевича гр. Чернышеву от 16 января 1830 г., где разъяснялись мотивы, побудившие главноначальствующего в Грузии приблизить к себе по службе Сухорукова и некоторых других декабристов, Щербатов добавляет: «Сделав означенное объяснение, фельдмаршал приписал было, но затем зачеркнул следующие любопытные слова: „Они оправдали доверие по службе, но многие из них не оставили прежних мыслей“. Слова эти, конечно, могли бы погубить тех из отличившихся на войне декабристов, которые остались в живых» [202].

К завершающему этапу русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в Грузии сосредоточилось значительное число декабристов, среди которых немало было и тех, которые были переведены на военную службу из Сибири. По свидетельству А. С. Гангеблова, многие из декабристов, «рассеянные по разным полкам, свиделись в Арзруме. К этому времени прибыли из Сибири Зах[ар] Григ[орьевич] Чернышев, Александр Бестужев и Валер[иан] Голицын» [203]. Из названных декабристов именно З. Г. Чернышев привлек внимание могущественного однофамильца, гр. А. И. Чернышева. Ротмистр З. Г. Чернышев, состоявший на военной службе с 1819 г., «за знание об умысле на

---

199 См. «Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 187, 200—207.

200 *В. С. Шадури.* Указ. соч., стр. 152, 154—155.

201 *Щербатов.* Указ. соч., т. III, стр. 327.

202 Там же, стр. 328.

203 «Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 188—189. По сведениям Е. Г. Вейденбаума, З. Г. Чернышев был переведен из Сибири в Грузию несколько ранее указанного А. С. Гангебловым срока — с декабря 1828 г. (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 115).

цареубийство и за принадлежность к тайному обществу (Северному. — *Д. В.*) с знанием о его цели, лишен чинов, дворянства и графского достоинства и приговорен к ссылке в каторжные работы на 2 года и затем на поселение»[204]. В соответствии с определением следственной комиссии З. Г. Чернышев лишался права, завещанного ему дедом, фельдмаршалом З. Г. Чернышевым, владеть майоратом графов Чернышевых — одного из самых старых дворянских родов в России. Стремление завладеть майоратом графов Чернышевых толкнуло честолюбивого военного министра на подлость в отношении своего однофамильца. Переведенный из Сибири на Кавказ, З. Г. Чернышев был зачислен рядовым в Нижегородский драгунский полк, которым во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. командовал Н. Н. Раевский. В составе этого полка З. Г. Чернышев участвовал в боях против турок, в частности «при разбиении Сераскира»[205] и при овладении столицей Анатолии — Арзрумом.

Именно к этому периоду относится приезд в войска Отдельного кавказского корпуса Бутурлина — адъютанта гр. А. И. Чернышева со специальным «поручением выследить и погубить графа Захара [Чернышева]» — так объясняет подлинную цель вояжа на Кавказ эмиссара военного министра один из современников этих событий М. В. Юзефович[206]. Бутурлин непродолжительное время находился при ставке русских войск, за что впоследствии был даже отмечен наградой, конечно, по представлению Паскевича, в угоду военному министру[207]. При возвращении Бутурлина из Арзрума в Тифлис с тем, чтобы оттуда следовать далее в Петербург, имел место случай, который пагубно отразился на судьбах некоторых декабристов.

Бутурлин отправился из Арзрума в Тифлис почти одновременно с Н. Н. Раевским. Поводом для поездки последнего послужило словесное распоряжение Паскевича от 25 августа 1829 г. в лагере при Байбурте: «Генерал-майор Раевский для излечения болезни увольняется к тифлисским минеральным водам, коему в конвой позволяется взять пятьдесят человек рядовых Нижегородского драгунского полка»[208]. М. В. Юзефович, однако, дает другое объяснение отъезду Н. Н. Раевского: «В то время Раевский, по какому-то неудовольствию с Паскевичем, отправился из Эрзерума в Тифлис с конвоем от Нижегородского драгунского полка. В конвой напросился и Захар Чернышев. Бутурлин пустился за ними в догонку и застал на биваке Раевского в одной палатке с разжалованными,

---

[204] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 115.

[205] Там же.

[206] Там же, стр. 97—98; «Русский архив», 1880, кн. III, стр. 431—446.

[207] В соответствующем указе, опубликованном в № 17 «Тифлисских ведомостей» от 26 февраля 1830 г., отмечалось, что «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в делах против турок», Паскевичем среди прочих был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом «адъютант управляющего Главным штабом е. и. в. генерал-адъютанта графа Чернышева лейб-гвардии Уланского полка штаб-ротмистр Бутурлин» (там же, стр. 2).

[208] ЦГВИА, ф. 90, д. 33, л. 1.

которые у него обедали. Бутурлин из Тифлиса донес об этом военному министру»[209]. 31 октября 1829 г. исполняющий обязанности начальника корпусного штаба генерал-майор Жуковский написал гумринскому коменданту майору Аносову: «Дошло до высочайшего сведения, что генерал-майор Раевский, возвращаясь из главного отряда в Тифлис, в Гумрах давал в палатке обед, на коем находились из разжалованных нижних чинов, принадлежавшие к злоумышленным обществам: Чернышев, Ворцель и Карвицкий, равно Пашков и другие. Вследствие чего, по приказанию его сиятельства г. главнокомандующего (Паскевича. — *Д. В.*) предписываю вам с получением сего немедленно донести мне для доклада его сиятельству: действительно ли давал означенный обед генерал-майор Раевский и кто именно при оном находились из разжалованных нижних чинов и прочих лиц? Сведения сии ваше высокоблагородие должны доставить, подписав на конверте: *секретно, в собственные руки*»[210]. Видимо, не разобравшись толком, к чему клонился запрос Жуковского, Аносов в первом ответном письме, подтверждая факт пребывания в Гумрах в указанное время Н. Н. Раевского, сообщал также, что на обеде, данном генералом в день его отъезда, присутствовали адъютант начальника Главного штаба гвардии штаб-ротмистр Бутурлин, майор Семичев, штаб-лекарь Грошев и адъютант Раевского поручик Юсупов, а также по приглашению Раевского сам майор Аносов и карантинный медик Штаубе. Далее Аносов отмечал, что хотя за обеденным столом никого, кроме перечисленных лиц, не было, «но вокруг палатки были несколько неизвестных мне чинов, хотя в простых солдатских костюмах, но вместе с тем замеченных мною объяснявшимися между собой на французском диалекте, что самое понудило меня узнать об них. И мне объяснили, что они из разжалованных, но кто они таковы были, я не старался узнавать, кроме одного из них разжалованного из житомирских губернаторов (С. Карвицкий. — *Д. В.*); а затем ничего не мог я более узнать об них, ибо они все тотчас уехали при вьюках в обозе г. генерал-майора Раевского»[211].

Раздраженный несообразительностью Аносова, описавшего, как видно, не тот обед в Гумрах, которым интересовалось начальство, Жуковский 11 ноября того же года повторно писал ему: «Снова предписываю вам немедленно донести как вел себя генерал-майор Раевский во все время нахождения его в карантине и что особенно замечено в обхождении его с рядовыми Чернышевым, Ворцелем, Карвицким и Пашковым, равно и о поведении сих последних извольте самоподробнейше отрапортовать мне»[212]. Начальственный

---

[209] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 97—98; «Русский архив», 1880, кн. III, стр. 431—446.

[210] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1142, л. 3. Гумры — позднее Александрополь, ныне Ленинакан.

[211] Там же.

[212] Там же, л. 4.

тон предписания Жуковского подействовал отрезвляюще на Аносова, который ответил поистине «самоподробнейшим» отчетом о пребывании Раевского в Гумрах. Второе письмо Аносова к Жуковскому, содержащее интересные фактические данные, приводим целиком:

«В дни нахождения генерала Раевского в карантине я ничего не заметил относительно обращения его с рядовыми Чернышевым, Ворцелем, Карвицким[213] и Пашковым, кроме того, как я обедал у него в день отправления его из карантина, то он, отправивши свои вьюки и была уже снята палатка, оставался на открытом месте доигрывать вист с гг. майором Семичевым, штаб-лекарем Грошевым и г. Батурлиным (sic!). Сторонним образом дознал я, что за сутки отправления его, г. Раевского, из карантина были у него на обеде Ворцель, Карвицкий, Чернышев и Квартанов; но Пашкова тут не было, все они были в летних кителях и часто изъяснялись по-французски с генерал-майором Раевским, или между собой. Карвицкого же я видел сверх того в день отъезда у карантинного лекаря Штаубе просящего лекарства, жалуясь на нездоровье по преклонным летам; а как при генерал-майоре Раевском было много окружающих его палатку людей, большею частью из нижних чинов, то какой-то унтер-офицер из драгун приказывал чистить казенное ружье Ворцелю, но сей его обругал. Услышавши же сие, Чернышев стал унимать его на французском диалекте, говоря ему, что он — т. е. унтер-офицер — не виноват в том и требует в сем случае по службе должного исполнения; — из всех их, сколько можно было заметить, был скромнее поведением Чернышев... Все происходившее известно гумрскому карантину как потому, что старший член оного говорит по-французски, так и по причине нахождения палатки г. Раевского пред самыми окошками г. карантинного члена штаб-лекаря Штаубе, который накануне отъезда и обедал с прописанными нижними чинами у его превосходительства. Причем имею честь в особенности почтеннейше донести, что Ворцель оставил в карантине штаб-лекарю Штаубе какое-то письмо для передачи уланского полка майору Парадовскому»[214].

Аносов «добросовестно» выполнил предписание начальства[215], сообщив обстоятельные сведения о контактах Н. Н. Раевского с разжалованными декабристами во время его пребывания в Гумрах, а также указал как на участника злополучного «генераль-

---

[213] В воспоминаниях Гангеблова Карвицкий ошибочно назван Оржицким (см. «Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 187).

[214] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1142, л. 7.

[215] Любопытно, что Аносов за эту «услугу» впоследствии домогался достойной мзды. Попав в затруднительное материальное положение, Аносов 11 февраля 1835 г. послал рапорт военному министру гр. Чернышеву, в котором намекал на услугу, оказанную им в 1829 г. Намек был понят Чернышевым, и по его резолюции 18 февраля 1835 г. в канцелярии министерства Аносову была выдана «единовременная сумма — 300 руб.» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1142, л. 1).

ского» обеда на местного врача Штаубе, который мог бы дополнить сведения гумринского коменданта. Неизвестно, был ли допрашиваем в связи с этим Штаубе, но, как видно, информация Аносова сама по себе оказалась достаточной для того, чтобы на Кавказе начались репрессии в отношении политических ссыльных. Наказание прежде всего понес сам Раевский, который был подвергнут сперва домашнему аресту, а затем и вовсе удален со службы в Грузии[216]. Показательна политическая изворотливость Паскевича, который незадолго до происшествия в Гумрах самым лестным образом отзывался о Раевском как наделенном завидными качествами боевом командире кавалерийских частей Отдельного кавказского корпуса, незаменимом в период войны с Турцией[217]. Но как только на Раевского пало подозрение в общении с декабристами, Паскевич немедленно отвернулся от него и поспешил использовать этот его «проступок» для обобщающих выводов о «нездоровом» духе среди подчиненных ему политических ссыльных. 21 ноября 1829 г. Паскевич писал Николаю I: «Поступок генерал-майора Раевского мне сделался известен прежде получения высочайшего повеления вашего императорского величества, и я не оставил его без внимания, предоставив только до возвращения моего в Тифлис, чтобы самому более во всем удостовериться. Поступок сей хотя в злоумышленности не обнаружен, но тем не меньше есть признак, что дух сообщества существует, который по слабости не действует, но помощью связей между собой живет. Сие с самого начала командования моего здесь не было упущено от наблюдений моих, и я тогда же просил графа Дибича снабдить меня хотя несколько другого рода генералами, которые с добрыми правилами соединяли и способности. Но не получив их, должен был действовать теми, какие были, и по их военным действиям и способностям отдавать им справедливость. По множеству здесь людей сего рода, есть главное к наблюдению, чтобы они не имели прибежища в людях высшего звания и так сказать пункту соединения. В сем отношении удаление отсюда генерал-майора Сакена есть полезно; удаление генерал-майора Раевского — также; весьма по-

---

[216] В Петербурге за удаленным от службы в Грузии Н. Н. Раевским был учрежден строгий тайный надзор. О поведении Раевского в Петербурге А. Х. Бенкендорфу непосредственно докладывал дежурный генерал Главного штаба (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1831 г., д. 586, лл. 1—3).

[217] Так, в конце января 1829 г. Паскевич писал начальнику Главного штаба: «По предположению вашего сиятельства Нижегородский драгунский полк должен быть увеличен в 10 эскадронов, почему и обращаюсь с покорнейшей просьбой об исходатайствовании высочайшего соизволения на оставление генерал-майора Раевского в звании полкового командира, ибо сей полк составом своим будет соответствовать бригаде в других частях войск, а генерал-майор Раевский в здешнем крае будет командовать оным с существенною пользою для службы. Если же не последует на сие высочайшего соизволения, то покорнейше прошу ваше сиятельство представить на благоусмотрение е. и. в., что весьма полезно оставить здесь генерал-майора Раевского, по крайней мере на военное время, для командования обоими полками регулярной кавалерии, драгунским и сводным уланским» (ЦГВИА, ф. 90, д. 28, л. 1—1 об.).

лезно удалить и генерал-майора Муравьева. В прочем предмете сей столь много имеет соотношений, что мне трудно действовать и найти меру действиям моим. Вот одна из причин, которая заставила меня просить из Арзерума соизволения вашего императорского величества прибыть в Санкт-Петербург»[218].

Остальные участники «происшествия» в Гумрах из декабристов, по свидетельству современников, были разосланы по различным полкам, квартировавшим на Кавказе. З. Г. Чернышев, ради очернения которого главным образом и был сделан донос Бутурлиным[219], видимо, настолько хорошо разбирался в мотивах обостренного интереса к его личности со стороны могущественного однофамильца, что вел себя на Кавказе осторожно, осмотрительно[220]. Донос Аносова, вопреки ожиданиям недоброжелателей З. Г. Чернышева, не повлек более сурового наказания: декабрист был переведен рядовым из Нижегородского драгунского полка в 41-й егерский полк, также расположенный в Грузии[221]. Что касается

---

[218] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1006, лл. 8—9. В монографии академика М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» (М., 1951) автором приведенной выдержки из письма Паскевича к Николаю I от 21 ноября 1829 г. ошибочно указан вместо Паскевича начальник Главного штаба И. И. Дибич (там же, стр. 201).

[219] Существует мнение, что Бутурлин, составляя донос, наряду с конфиденциальным поручением военного министра был движим стремлением «свести счеты» кое с кем из сосланных на Кавказ декабристов. Автор «Воспоминаний из Кавказской старины» В. Андреев, например, пишет об этом: «Павел Бестужев говорил мне, что адъютант Б[утурлин], будучи аристократом, не мог играть в петербургском обществе такую видную роль, как Александр (Бестужев-Марлинский. — *Д. В.*), и потому, из зависти, был с ним в дурных отношениях. Этому обстоятельству Павел приписывал причину погрома декабристов на Кавказе» («Кавказский сборник», 1876, т. I, стр. 92).

[220] Весьма интересен приводимый в воспоминаниях А. С. Гангеблова отзыв З. Г. Чернышева о военном министре. Гангеблов писал: «Беседы наши были недолги, так как мой собеседник не решался отлучаться из своего лагеря иначе как на короткое время; по всему заметно было, что ближайшее начальство Захара Григорьевича наблюдало за ним не спуста рукава. Раз как-то разговор коснулся прошлых наших „ненастных дней“. Когда я рассказал ему, каким маневром добил меня Чернышев (гр. А. И. Чернышев. — *Д. В.*) в заседании комиссии (следственная комиссия 1826 г. — *Д. В.*), он заметил: „О, Александр Иванович, que Dieu confonde! (Помути его бог!), большой мастер в подобных делах; не забудьте, что ему удалось надуть даже величайшего из надувал (намек, должно быть, на царя. — *Д. В.*)“» («Воспоминания А. С. Гангеблова». М., 1888, стр. 216).

[221] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 115. В дальнейшем З. Г. Чернышев, постоянно находясь под секретным надзором, служил в Кавказском линейном батальоне № 7, где в 1833 г. из унтер-офицеров был произведен в прапорщики. Летом того же года ему был предоставлен 2-месячный отпуск, во время которого он женился на дочери сенатора Теплова — Екатерине. В 1837 г. Чернышев в чине подпоручика «по расстроенному здоровью был уволен от службы с тем, чтобы безвыездно жить в имении своей сестры графини Чернышевой-Кругликовой (в Волоколамском уезде. — *Д. В.*)», опять-таки с учреждением секретного надзора. Впоследствии З. Г. Чернышев находился на гражданской службе, в 1844 г. он был провинциальным секретарем дворянского депутатского собрания в г. Орле (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 98, лл. 1—2, 8, 11, 15, 30). Согласно сведениям Е. Г. Вейденбаума, З. Г. Чернышев «скончался в 1862 г. в Риме» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 115).

майората графов Чернышевых, ради завладения которым столько старался военный министр, судя по архивным данным, он не был возвращен З. Г. Чернышеву, но не достался и его соискателю [222].

Из других разжалованных декабристов, участников «генеральского обеда» в Гумрах, С. Карвицкий был переведен из Нижегородского драгунского полка в Грузинский линейный № 8 батальон [223].

---

[222] В январе 1831 г. зять З. Г. Чернышева шталмейстер И. Г. Кругликов обратился с письмом к А. Х. Бенкендорфу. Домогательства военного министра А. И. Чернышева были настолько агрессивными, что вынудили Кругликова к некоторым решительным действиям. Он сообщал Бенкендорфу: «Возложенная на меня обязанность завещанием г. фельдмаршала графа Чернышева поставила меня в необходимость по точному содержанию 4-го пункта оного подать от себя в надлежащем присутственном месте письменное обязательство в том, что фамилию и герб графов Чернышевых обязуюсь принять себе и наследникам моим». Далее в письме излагалась просьба Кругликова, которую он через посредство Бенкендорфа хотел довести до сведения царя, о том, что «если когда по беспредельному милосердию е. и. в. благоугодно ему будет оживить всещедрым прощением несчастливца (З. Г. Чернышева. — *Д. В.*), впадшего в преступление, то да возвратится с сим всеблагим прощением имя отца его и завещанное покойным фельдмаршалом достояние, которое жена моя и я возвратим ему тогда, проливая слезы благодарности и благословляя милующую всемогущую десницу». В ответном письме шеф жандармов сообщал Кругликову: «Я имел счастье представить государю императору всеподданнейшую просьбу вашего превосходительства ...касательно шурина Вашего, бывшего графа Захара Чернышева, в отношении к известному духовному завещанию его деда. Е. и. в. изволит полагать, что возвращение ему прав, уничтоженных законами, было бы противно оным и что если бы он со временем мог быть возвращен в прежнее свое звание, то и в таком случае следовало бы считать его как бы новорожденным, но не принадлежащим фамилии, коей он сделался недостойным. Изъявленную же вами, милостивый государь, просьбу сестер его, равно как и их супругов, его величество изволил принять как убедительное доказательство благородства их чувствования» (ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 98, лл. 1—2, 4 об.).

Притягательная сила майората графов Чернышевых заключалась в наследственном праве владеть 10 тыс. крепостных душ. Понятно, что после безуспешной попытки А. И. Чернышева завладеть майоратом не оставил такой попытки и Кругликов, который, согласно фактическим данным, все-таки добился своего. В воспоминаниях Н. И. Шенига в связи с этим отмечено: «По смерти старухи (вдовы фельдмаршала З. Г. Чернышева. — *Д. В.*) майоратство перешло к старшей сестре сосланного, в замужестве за Кругликовым, который к своей фамилии присоединил и графа Чернышева» («Русский архив», 1880, т. III, стр. 289).

[223] О жизненном пути С. Карвицкого до его зачисления в линейный батальон свидетельствует справка: «Бывший председатель Волынской гражданской палаты, отставной польских войск поручик граф Станислав Карвицкий, по прикосновенности к делу о польских тайных злоумышленных обществах, лишен по высочайше конфирмованному в 1829 году мнению Государственного совета графского достоинства и разжалован в рядовые до выслуги в Нижегородский драгунский полк» (ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 86, д. 47, л. 116—116 об.). В письме шефа жандармов Николаю I в августе 1830 г. сказано, что «помещица Волынской губернии Житомирского повета Вероника Карвицкая обратилась к волынскому гражданскому губернатору с прошением о выдаче ей паспорта на следование с двумя дочерьми, крепостным человеком и горничною девкой в Грузию и Имеретию сроком на шесть месяцев для свидания и совещания по разным хозяйственным и тяжебным делам с мужем своим Станиславом Карвицким, определенным за участвование в тайных польских обществах рядовым до выслуги в Кавказский отдельный корпус» (там же,

В какие войсковые части были распределены Ворцель, Пашков и другие, нам неизвестно. Наказаниям подверглись и другие декабристы, сосланные на Кавказ; в разной степени, но это было связано с «происшествием» в Гумрах в 1829 г.[224]

Была определенная связь между описанным выше «происшествием» в Гумрах и арестом Сухорукова. М. В. Юзефович писал, что «Раевский был арестован домашним арестом, а декабристы разосланы по полкам. Тогда же увезли и Сухорукова»[225]. Мы уже знаем о доносе на Сухорукова, посланном кем-то из Тифлиса в Петербург, будто он «использует в своих исторических работах официальные документы»[226]. Возможно, что автором доноса являлся тот же Бутурлин, который, побывав в Грузии со специальным заданием от военного министра, естественно, заинтересовался бы, куда определен и чем занят Сухоруков. Не исключено, что первый, негласный, обыск в бумагах Сухорукова был произведен именно по его инициативе. Это предположение основывается на совпадении времени пребывания Бутурлина в Грузии с вероятной датой поступления доноса на Сухорукова.

Высланный из Тифлиса в Новочеркасск Сухоруков недолго там продержался: вскоре последовал приказ «сотника Сухорукова употребить на службу в Донском полку, в Финляндии находящемся, и уведомить ген[ерал]-ад[ъютанта] Закревского, чтоб за ним учре-

---

оп. 221, д. 22, л. 133). Резолюция царя, наложенная 21 августа 1830 г. в Царском селе, гласит: «Не иначе дозволить, как ехать одной, с тем чтоб поступить в сословие солдатских жен» (там же).

[224] Конкретные поводы для ареста и высылки декабристов, проживавших в Грузии или других местностях Кавказа, подыскивались разные, однако причина была одна. Дело в том, что «в настроении духа декабристов нисколько не замечалось, чтоб они приунылй, чтоб выражали сожаление о том, что жизненные надежды каждого из них им изменили. Где ни сходились они, начиная с Арзрума, всегда они казались веселыми, приветливыми, как между собою, так и с другими» («Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 204—205). Настроение декабристов на Кавказе, объясняемое живучестью «духа сообщества» между ними, разумеется, не было оставлено без последствий. Гангеблов весьма метко передает ту обстановку политической напряженности на Кавказе, когда, вслед за наказанием Раевского и его гумринских «гостей»-декабристов, в Грузии прокатилась волна репрессий. Описывая арест и высылку в Дербент А. А. Бестужева-Марлинского, что послужило началом преследований ссыльных декабристов в Грузии, Гангеблов пишет: «Всех живших в Тифлисе декабристов разослали по разным местам с жандармами, что произвело в Тифлисе заметное впечатление. Пущина, меня и Коновницына не тронули, так как мы в Тифлисе находились при своем саперном батальоне. Кожевников спасся каким-то чудом: как видно, о нем просто забыли. (Он от меня уехал к своему полку в Шушу, гораздо более уже после описанного переполоха.) Прошел день. К нам никто ни гугу; но мы могли думать, что до нас еще не добрались и ожидали, что вот-вот и к нам налетит гроза... Одновременно с Александром (А. А. Бестужевым-Марлинским. — *Д. В.*) из Тифлиса выслали, как уже сказано, и прочих декабристов, проживавших здесь „неизвестно по какому праву", а с ними вместе и Петра Бестужева» (там же, стр. 207—209).

[225] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 98; «Русский архив», 1830, кн. III, стр. 431—446. (Разрядка наша. — *Д. В.*)

[226] *М. О. Косвен.* Этнография и история Кавказа, стр. 179.

жден был строгий надзор»[227]. Как сложилась дальнейшая жизнь Сухорукова, видно из жандармского досье: «С января 1830 по 16 ноября 1831 г. состоял на службе с полком в Финляндии; а в 1834 году опять выкомандирован с Дона на службу в Отд[ельный] Кавк[азский] корпус, где и находился до августа 1839 года, произведен в есаулы на вакансию 21 сентября 1833 года. По высочайшему соизволению в 14-й день апреля 1841 года последовавшему, есаул Сухоруков, согласно прошению, вместе с другими штаб- и обер-офицерами Донского войска уволен от службы за выслугу узаконенных 25 лет, тем чином, но без всякого ограничения; о прикосновенности же его к делу о тайных обществах не упоминалось ни в представлении наказного атамана об увольнении его от службы, ни в докладе государю императору. Сухоруков по формуляру за 1840 год аттестован одобрительно и по отставке обязался жительствовать в г. Новочеркасске. Вместе с тем, по сделанному сношению генерал-лейтенант барон Корф отозвался, что вверенный ему Департамент военных поселений не имел ввиду высочайшего повеления 13 июля 1826 года о тайном надзоре за Сухоруковым и не получал достаточных донесений о его поведении; в делах департамента 1839 года находится только записка генерал-лейтенанта Хомутова, которою он спрашивал, может ли быть употреблен при нем (по званию начальника штаба) на службу есаул Сухоруков, находившийся при г. военном министре и удаленный за прикосновенность к неизвестному ему, генералу Хомутову, делу? И отрицательный на эту записку ответ генерал-адъютанта графа Клейнмихеля, что Сухоруков такого рода чиновник, за которым нужно иметь особенный надзор»[228]. В. Д. Сухоруков скончался в 1841 г.

Таковы в общих чертах обстоятельства ареста и высылки с Кавказа заместителя главного редактора «Тифлисских ведомостей», который за время своего полуторагодичного сотрудничества в тифлисской русской газете старался способствовать ее постепенному превращению в печатный орган, боровшийся с охранительной журналистикой николаевского режима за просвещение народа.

* * *

Преемником В. Д. Сухорукова на должности заместителя главного редактора «Тифлисских ведомостей» стал Г. С. Гордеев. Выбор этот был сделан П. Санковским также не случайно. В лице Гордеева газета приобрела энергичного и талантливого журналиста-профессионала, отлично знавшего историю, быт и нравы народов Кавказа и часто писавшего на эти темы. Впоследствии узнали Гордеева и как организатора редакционной работы, которую он после ареста Сухорукова возглавил вместе с Санковским, а после его смерти — и до прекращения выпуска «Тифлисских ведомостей» —

---

[227] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, д. 117, л. 1.
[228] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 61, ч. 247, лл. 2—3 об.

единолично, при содействии со стороны члена редакции Д. Е. Зубарева.

Выпускник Кадетского корпуса Г. Гордеев свою службу в Грузии начал еще при А. П. Ермолове. В 1817 г. он служил в тифлисском гарнизоне, а в 1819 г. вместе с Н. Н. Муравьевым, Н. П. Воейковым и другими штаб-офицерами Отдельного грузинского корпуса работал на топографической съемке Военно-Грузинской дороги, а также некоторых местностей Закавказья. Цель работы заключалась, как отмечает Н. Н. Муравьев, в определении наиболее целесообразного маршрута следования и мест размещения значительного войскового пополнения, ожидавшегося в то время из России по просьбе А. П. Ермолова[229]. Одновременно с этой работой, выполнявшейся сперва на местах, а затем в чертежной штаба корпуса, Гордеев и Воейков по поручению Н. Н. Муравьева собирали древние рукописи и книги на грузинском и армянском языках, рассеянные по разным монастырям и церквам[230]. Знатоком грузинской старины предстает Г. Гордеев в своих статьях историко-этнографического характера, в 1830—1832 гг. опубликованных в «Тифлисских ведомостях» («Народные праздники тифлисских жителей и соединенные с ними обычаи и предрассудки», «Древние грузинские игры», «Старинные свадебные обряды в Грузии» и др.).

В 1827 г. Г. Гордеев состоит на службе чиновником для поручений при тифлисском военном губернаторе. В 1828 г., уже как служащий Казенной экспедиции Верховного грузинского правительства, Гордеев приступил к описанию определенных областей и уездов Закавказья, составлявших так называемую «Дистанцию горских народов» (некоторые районы Военно-Грузинской дороги и Южной Осетии). Это была небольшая часть того обширного, задуманного еще А. С. Грибоедовым всестороннего — исторического, этнографического и статистического — описания Кавказа, которое завершилось в 1836 г. четырехтомным коллективным трудом «Обозрение российских владений за Кавказом». Труд этот был выполнен главным образом специалистами, приехавшими в Грузию из Петербурга в результате ходатайства о том через Министерство финансов, возбужденного по инициативе А. С. Грибоедова. Среди этих специалистов находился и другой будущий активный сотрудник и член редакции «Тифлисских ведомостей» — Д. Зубарев, описавший Карабах, Армянскую область и так называемую «Казахскую дистанцию».

Выполнив поручения, Г. Гордеев целиком сосредоточился на работе в газете «Тифлисские ведомости», в которой, наряду с историко-этнографическими статьями, публиковал самый разнообразный по жанрам материал: от путевых очерков до фельетонов. Спустя три дня после «бури», пронесшейся над «Тифлисскими ведомостями» в связи с арестом Сухорукова, Гордеев под рубрикой «Путе-

---

229 «Русский архив», 1886, № 12, стр. 446—447.
230 Там же, стр. 440, 446, 448.

шествия» публикует очерк «Описание бури на Военно-грузинской дороге»[231]. Через некоторое время он назначается заместителем главного редактора «Тифлисских ведомостей» вместо Сухорукова. В известном смысле Гордеев оказался достойным продолжателем традиции своего предшественника: почти двухлетнее вынужденное «воздержание» тифлисской русской газеты от полемики с булгаринскими изданиями, впервые было нарушено в 1832 г. резким критическим выступлением Г. Гордеева против досужих измышлений откровенного реакционера («Х. Ш.») из «Северного архива» о Грузии и грузинах[232].

Прекращение выпуска «Тифлисских ведомостей»

Временное прекращение издания «Тбилисис уцкебани» из-за недобора подписчиков не улучшило материальное положение «Тифлисских ведомостей», что вызвало особую озабоченность редактора газеты уже в начале 1830 г.

Особенно много хлопот доставляла Санковскому типография «Тифлисских ведомостей», которая постоянно нуждалась в снабжении необходимыми материалами, в обновлении отдельных частей технического и шрифтового оборудования. На хозяйство и на жалованье сотрудникам редакции и типографии уходила львиная доля дохода от «Тифлисских ведомостей» с ее национальными приложениями. Кроме того, происходила утечка средств на непредвиденные расходы, сначала в связи с еженедельным, а затем и двухразовым в неделю (с января 1830 г.) выпуском газеты. Расходы на погашение долга в 1000 руб. серебром из экстраординарной суммы лишали Санковского надежд на прибыльность издания.

Естественно, что в таких условиях Санковский попытался ухватиться, конечно не без выгоды для себя как издателя «Тифлисских ведомостей», за повторное ходатайство Исполнительной экспедиции Верховного грузинского правительства об обеспечении ее собственной типографской базой. На этот раз ходатайство было поддержано такими влиятельными официальными лицами, как сенаторы П. Кутайсов и Е. Мечников, которые находились тогда в Грузии со специальной миссией — подвергнуть ревизии состояние местного административно-управленческого аппарата, на деятельности которого накопилось к тому времени множество жалоб. В апреле 1830 г. местные власти запросили мнение П. Санковского — умудренного опытом в типографских делах человека, — какие потребовались бы отчисления от казны для создания полноценной типографии. Санковский высказал свое мнение сначала в виде отзыва на «Примерное расчисление» (т. е. сметную стоимость), со-

---

[231] «Тифлисские ведомости», 16 января 1830 г., стр. 3—4.

[232] «Тифлисские ведомости», 1832 г., февраль, № 3, 4, стр. 66—69, 82—88; см. «Северный архив», 1829, № 9.

ставленное с аналогичной целью Исполнительной экспедицией, а затем в дополнительных докладных записках.

Подвергнув критике авторов «Примерного расчисления», в частности указав на ряд неточных расценок типографского оборудования, Санковский высказал наиболее рациональное, как он полагал, предложение. Оно сулило взаимовыгодные условия как издателю «Тифлисских ведомостей», так и Исполнительной экспедиции, а особенно казне. Суть предложения Санковского и мероприятия властей, последовавшие вслед за одобрением его главноначальствующим, изложены в донесении Паскевича от 27 апреля 1830 г. на имя министра внутренних дел: «Желая точнее поверить сделанное Исполнительной экспедицией исчисление издержек, истребовал я нужные по сему предмету сведения от редактора „Тифлисских ведомостей“, который в недавнем времени занимался учреждением типографии для своего издания, и потому вернее мог судить о потребностях для сего предмета. Из сих сведений оказывается: 1) по смете, составленной Исполнительной экспедицией исчислено на первоначальное заведение 10 155 руб[лей] ассигн[ациями] и 251 руб. серебром. По аккуратнейшему же исчислению редактора, основанному на известности ему сего дела, обзаведение сие не может обойтись дешевле 13 843 руб[лей] 75 коп[еек] ассигнациями и 381 руб[лей] серебром. 2) По смете издержкам на ежегодное содержание типографии, исчисленным Исполнительной экспедицией, полагается в год по 1840 руб[лей] серебром, а по новому расчету редактора сумма сия должна простираться до 1940 руб[лей] серебром и 355 руб[лей] 25 к[опеек] ассигнациями, да сверх того на смотрителя типографии ежегодно 300 руб[лей] серебром... Изыскивая возможные средства сократить издержки казны на устройство новой типографии при Исполнительной экспедиции, имею честь сообщить вашему превосходительству соображения мои по сему предмету» [233].

Затем излагались «соображения по сему предмету», принадлежащие уже не Паскевичу, а Санковскому: «В Тифлисе существует типография для издания „Тифлисских ведомостей“, которая хотя и отдана на пять лет на известных условиях особому редактору, но составляет казенную собственность. Через три года оканчивается срок предоставленного редактору права и тогда не встретится никакого препятствия подчинить сию типографию в непосредственное распоряжение Исполнительной экспедиции. Но дабы типография в состоянии была ныне же удовлетворить требованиям Исполнительной экспедиции, по собранным мною сведениям признается нужным к настоящим ее средствам сделать следующие добавления» [234]. Далее следовала денежная раскладка Санковского, осуществление которой было призвано подготовить типографию «Тифлисских ведомостей» к выполнению своих будущих обязанностей

---

[233] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, лл. 31 об.—32.
[234] Там же, л. 32—32 об.

в отношении Исполнительной экспедиции наряду с двухразовым в неделю выпуском в свет газеты на русском и фарсидском языках. Раскладка Санковского предусматривала добавить еще один печатный станок к имеющимся в типографии трем станкам, выписать из России двух русских наборщиков, приобрести 39 пудов русских литер, 15 пудов — грузинских, столько же «татарских» (азербайджанских) и армянских, а также некоторое мелкое типографское оборудование. На приобретение всего вышеперечисленного, по подсчетам Санковского, требовалась сумма в 736 руб. серебром и 5860 руб. ассигнациями[235].

Паскевич поддержал предложение Санковского с точки зрения экономии, преимущественно для казны: «Таковое распоряжение уменьшит издержки казны против заведения по сей типографии по крайней мере в 7000 рублей ассигнациями. В годовом содержании типографии можно сделать некоторое сбережение даже против самой сметы, составленной Исполнительной экспедицией. Если наем квартиры, отопление и освещение определить пополам с редакцией „Тифлисских ведомостей", то ежегодные издержки уменьшатся против означенной сметы в 325 руб[лей]»[236].

За все блага и прежде всего за печатание в типографии «Тифлисских ведомостей» необходимой для Исполнительной экспедиции литературы на Верховное грузинское правительство возлагалась обязанность ежегодно выплачивать Санковскому по 1600 руб. серебром[237]. При этом Паскевич, кроме финансовой целесообразности, обращал внимание и на существенную практическую выгоду для местного губернского начальства, а именно на то, что «по истечении трех лет право, предоставленное редактору, прекращается и все заведение им устроенное и увеличенное предполагаемыми здесь пособиями, что составит полную типографию, имеющую собственные свои матрисы, обученных и знающих свое дело работников, поступит в заведывание Исполнительной экспедиции. Сим предположением представляется также возможность скорее приступить к удовлетворению требования Исполнительной экспедиции, чем устройством новой типографии. Ибо в типографии издательного комитета тотчас может быть приступлено к выливанию грузинских и татарских букв; на русские и армянские можно также немедленно выписать нужное количество гарту из Москвы и заказать через корреспондента издательного Комитета чугунный стан»[238].

В заключение своего отношения Паскевич ставил министра в известность о том, что «входя в положение Исполнительной экспедиции, имеющую крайнюю нужду в типографии и желая скорее доставить ей средства к успешному течению дел, я решился ныне же отпустить из экстраординарной суммы моего распоряжения в рас-

---

[235] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 32 об.
[236] Там же.
[237] Там же, л. 33.
[238] Там же, л. 33—33 об.

поряжение редактора исчисленные им на заказы 736 руб. серебром, 4860 руб. ассигнациями с тем, чтобы деньги по утверждении предложения моего были возвращены по принадлежности из Государственного казначейства»[239]. Здесь обращает на себя внимание одна характерная деталь: в приведенной выше денежной раскладке Санковского указывалось 736 руб. серебром и 5860 руб. ассигнациями, тогда как передаваемым по указанию Паскевича в его распоряжение деньгам недоставало одной тысячи рублей ассигнациями, суммы, которую Санковский предусмотрел для приглашения из России двух русских наборщиков. Местные должностные лица, как видно, скорректировали это предложение Санковского. Во всяком случае, в предписании на его имя тифлисский военный губернатор сообщал Санковскому, что он уже распорядился «отпустить заимообразно под расписку вашу из экстраординарной суммы на помянутые выше заказы семьсот тридцать шесть руб. серебром и четыре тысячи восемьсот шестьдесят руб. ассигнациями. На счет сих денег распорядитесь вы немедленно выписать станок и приготовить нужное количество букв и когда все сие будет к вам доставлено, донесите мне. Позаботьтесь приискать здесь (а не в России! — *Д. В.*) двух русских наборщиков, чтобы они были готовы к тому времени, когда все приготовления будут кончены»[240].

Однако за «приготовлениями» последовали убытки в связи с добровольно принятым обязательством печатать для Исполнительной экспедиции всевозможные неокупаемые бумаги. От затруднений Санковский не сумел избавиться вплоть до своей кончины в 1832 г., хотя и прибегал к разного рода ухищрениям. Как видно из архивных документов, получив дотацию в 736 руб. серебром и 4860 руб. ассигнациями, Санковский «сделал заказы в Москве (у комиссионера Хвостова. — *Д. В.*), нанял мастеров и работников, и с 1 июня 1831 года производил безостановочно печатание для Исполнительной экспедиции в своей типографии, но после трехмесячной работы не получая за оную платы, в сентябре того же 1831 года вошел к местному начальству с представлением о затруднительном своем положении»[241].

Озабоченный тем, что от министра внутренних дел долгое время не поступало указаний, из каких средств следовало губернскому начальству выплачивать гонорар содержателю типографии «Тифлисских ведомостей», Санковский в рапорте на имя генерала Н. Панкратьева (временно исполнявшего обязанности главноуправляющего после отъезда из Грузии Паскевича), между прочим, подчеркивал, что «начальство предоставлением мне печатания для Исполнительной экспедиции, имело в виду доставить мне средство исправить свое состояние, крайне расстроенное содержанием целой

---

[239] Там же.
[240] Там же, лл. 35 об.—36. (Сумма указана прописью, что исключает возможность опечатки. — *Д. В.*)
[241] Там же, л. 94—94 об.

типографии для одного издания „Тифлисских ведомостей“. Сверх того, его сиятельство граф Иван Федорович [Паскевич], имея в виду долги, в которые я впал, поддерживая сие, смею сказать полезное заведение, приказал было мне подать ему свои счеты, намереваясь, как он мне объявил, сделать мне пособие. За скорым отъездом его сиятельства предположение сие осталось неисполненным, да сверх того и самый план, предначертанный в пользу мою, обратился мне во вред, ибо печатая уже целые три месяца для Исполнительной экспедиции безвозмездно, я принужден нанимать нарочито для сего людей за дорогую плату, что крайне меня расстраивает» [242]. В заключение Санковский писал: «Опасаясь быть доведенным до совершенной крайности, если еще некоторое время продлится производство сего дела у министра внутренних дел, я осмеливаюсь предать сии обстоятельства на прозорливое рассмотрение вашего превосходительства, прося благосклонным с вашей стороны распоряжением вывести меня из этого затруднительного положения, в какое я ныне ввергнут» [243].

Несмотря на неоднократное напоминание, министр внутренних дел хранил упорное молчание, и безвозмездное печатание бумаг для Исполнительной экспедиции в типографии «Тифлисских ведомостей» продолжалось более года. Положение Санковского при этом несколько осложнилось еще и тем, что его «право вето» на национальные варианты «Тифлисских ведомостей» было заметно поколеблено преемником Паскевича на должности главноуправляющего Грузии бароном Г. В. Розеном. Возможность применения этого права главным редактором «Тифлисских ведомостей», которое в соответствии с «Новыми правилами» основывалось исключительно на материальных соображениях последнего, Розеном было поставлено под сомнение, как видно, по сугубо политическим соображениям. В своем письме к Блудову от 2 декабря 1831 г. Розен писал: «По прибытии моем в Тифлис, я обратил внимание, между прочими предметами, на издание „Тифлисских ведомостей“, и признал необходимым поддержать сие полезное заведение» [244]. Местная газета показалась Розену полезной в политическом смысле, как средство идеологического воздействия на местное население. Именно поэтому он «приказал возобновить издание „Тифлисских ведомостей“ на грузинском языке» [245]. Характерна следующая мера Розена по «поддержанию» издания «Тифлисских ведомостей»: «3 генваря 1832 года по приказанию г. главноуправляющего выдано г. Санковскому из экстраординарной суммы на издание татарских ведомостей еще 1000 руб[лей] серебром на счет возврата из доходов, имеющих поступить от подписки по сему изданию, уплату коих г. Санковский был обязан делать по прошествии каждой трети» [246].

---

[242] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 42—42 об.
[243] Там же, л. 42 об.
[244] АКАК, т. VII, док. 3, стр. 14.
[245] Там же.
[246] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 94 об.

Но, как известно, доход от национальных вариантов «Тифлисских ведомостей» не окупал даже редакционных издержек по их изданию, не говоря о возможности покрывать типографские нужды.

В подобной ситуации наиболее удручающим для Санковского был вывод о том, что его расчет на взаимовыгодное сотрудничество с заинтересованным, казалось бы, в этом правительственным учреждением себя не оправдал. И поскольку Исполнительная экспедиция оказалась не в состоянии (из-за отсутствия соответствующего разрешения из Петербурга) оплачивать выполнявшиеся для нее типографией «Тифлисских ведомостей» работы, Санковский посчитал и себя освобожденным от принятого обязательства — улучшить техническое состояние типографии. Полученные для этой цели деньги из экстраординарной суммы Санковский не использовал по назначению, т. е. не приобрел недостающий четвертый печатный станок и необходимое количество литер, а сделанные в Москве заказы у комиссионера Хвостова — аннулировал: «Но станка и до 29 пуд[ов] литер [247] не оказалось; и оные, как должно полагать, не были искуплены вероятно по той причине, что покойный Санковский, приняв на себя обязанность печатать для Исполнительной экспедиции бумаги с условием платить ему за сие по 1600 руб[лей] серебром в год, — в продолжение более года нисколько в число оных не получил, несмотря на неоднократные о том требования. Между тем, типография, будучи в действии, требовала ежедневных расходов, на покрытие коих Санковский, кроме отпущенной на усиление оной суммы, не имел других способов» [248].

Таким образом, финансовые затруднения Санковского по изданию «Тифлисских ведомостей» объяснялись тем, что технически достаточно мощная «типография Издательного комитета, в коей производится печатание на русском языке, на грузинском, на армянском и на всех языках, происходящих от арабского» [249], не имела прибыли, в основном из-за недостаточной загруженности ее оплачиваемой работой. Сотрудничество с Исполнительной экспедицией было рассчитано именно на устранение этого изъяна в деятельности типографии «Тифлисских ведомостей». Положение Санковского ухудшилось настолько, что, окончательно утратив надежду получить прибыль от типографии, он попытался от нее избавиться. Он предложил местным властям передать в ведение Исполнительной экспедиции заблаговременно, до истечения арендного срока, находящуюся в его распоряжении типографию, услугами которой безвозмездно он пользовался бы для издания «Тифлисских ведомостей». Однако предложение Санковского нельзя было принять без ведома министра внутренних дел, от которого пока все еще не могли добиться ответа на предшествующее прошение. Не дожидаясь ответа

---

[247] Общий вес литер, которыми П. Санковский обязан был пополнить типографию «Тифлисских ведомостей», должен был составить 84 пуда (там же, л. 94).

[248] Там же, л. 125.

[249] Там же, л. 49.

на свое предложение, Санковский стал выискивать другие возможности. Одна из них появилась еще в конце 1830 г., когда 27 октября царь утвердил «Положение об издании губернских ведомостей» [250]. Это узаконение предусматривало создание в каждой губернии России местного периодического издания, которое наряду с сообщением «профильтрованной» политической информации призвано было всесторонне освещать жизнь данной губернии. Роль губернских ведомостей на Кавказе фактически выполняли «Тифлисские ведомости», но, как об этом свидетельствуют архивные данные, вслед за одобрением «Положения» царем в соответствующих инстанциях кавказской администрации приступили к обсуждению вопроса «о приведении в исполнение по Кавказскому краю Положения, высочайше утвержденного 27 октября 1830 года», т. е. об издании наряду с «Тифлисскими ведомостями» новой официальной газеты под заглавием «Кавказские областные ведомости» [251]. Не лишена интереса представленная Санковским в апреле 1831 г. местным властям «Записка», в которой он аргументировал идею создания «Кавказских областных ведомостей» параллельно с выпуском «Тифлисских ведомостей». Причем в качестве обязательного условия для успешной деятельности обоих местных периодических изданий Санковский указывал на необходимость передачи типографии «Тифлисских ведомостей» в ведение редакции вновь создававшегося официального печатного органа. Приводился точный подсчет ожидавшегося дохода, который должен был «простираться примерно до 4500 руб[лей] ассигн[ациями] и 3500 руб[лей] серебром» [252]. Обретя нового попечителя, бывшая типография «Тифлисских ведомостей» впредь должна была именоваться, как предлагал Санковский, «типографией главного Кавказского управления» [253].

Что касается газеты «Тифлисские ведомости», то для себя как издателя, Санковский оговаривал особое право: «Типография сия, отдаваемая в редакцию областных ведомостей предоставлена была на пять лет в полное распоряжение надворного советника Санковского, единственному попечению коего заведение сие обязано своим существованием. Ему оставалось бы еще три года владеть оной. В вознаграждение за теряемое им право, Санковский просит, чтобы издаваемые им „Тифлисские ведомости“ в течение трех лет печатались в сей типографии безвозмездно, и чтоб таковое преимущество предоставлено ему было и в случае, если бы дозволено ему было заменить „Тифлисские ведомости“ другим журналом» [254].

Санковский отдавал отчет в том, что в связи с созданием официоза в виде «Кавказских областных ведомостей» профиль «Тифлисских ведомостей» должен был существенно измениться. Предлагаемая им замена тифлисской газеты журналом, как нам кажется,

---

[250] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 26—26 об.
[251] Там же.
[252] Там же, л. 27 об.
[253] Там же, л. 28.
[254] Там же, л. 28 об.

подразумевала превращение со временем газеты «Тифлисские ведомости» в сугубо литературный журнал, право на возможность существования которого (наряду с наличием в крае правительственной политической газеты), как мы знаем, особо оговаривалось еще «Новыми правилами». Кстати, материальные затруднения подсказали Санковскому воспользоваться этим правом заблаговременно до создания предполагавшихся «Кавказских областных ведомостей». Вышедшее в январе 1832 г. вместо газеты «Тифлисские ведомости» в качестве ее преемника «Литературное отделение „Тифлисских ведомостей"» представляло собой литературно-художественный журнал на русском языке. Аналогичное литературное отделение газеты, выходившее одновременно и на грузинском языке под заглавием «Салитературони нацилни „Тбилисис уцкебатани"», историками грузинской журналистики рассматривается как первый национальный грузинский журнал с почти полностью самобытным содержанием.

Заслуживающие интереса обширные литературные планы Санковского так и остались неосуществленными. Между тем, зная по опыту, как долго может затянуться «приведение в исполнение» даже царского предписания об учреждении губернских ведомостей[255], Санковский некоторое время спустя вносит на рассмотрение местных властей свое новое предложение, направленное на коренное улучшение дела издания местной русской газеты. В «Докладной записке» на имя грузинского гражданского губернатора Н. О. Палавандова (бывшего в 1828 г. членом первого состава редакции «Тифлисских ведомостей») Санковский в мае 1832 г. писал: «При сем дерзаю подвергнуть на благоусмотрение вашего высокопревосходительства другое предложение, которое представляет еще более выгод для казны, нежели то, которое было принято генерал-фельдмаршалом князем Варшавским графом Паскевичем-Эриванским. Оно состоит в том, чтобы заведенную мною типографию предоставить мне в собственность с обязательством с моей стороны возвратить в экстраординарную сумму все деньги, выданные из сей суммы, как первоначально при обзаведении сей типографии, так и в прошедшем году на усиление средств оной; с тем чтобы на сей типографии во все время существования оной в моем-ли владении, или того, кому бы она ни была впоследствии от меня передана, лежала бы обязанность удовлетворять все требования Исполнительной экспедиции с уплатой в год не более 1500 руб[лей] серебр[ом]. Возврат же мной следуемых в экстраординарную сумму денег рассрочить на полтора года следующим образом: одну треть должен я заплатить тотчас по получении типографии в мою собственность, другую треть — по истечении года после сей первой уплаты, и последнюю треть — шесть месяцев после второй уплаты. При отдаче мне сей типографии могут быть подробно определены особым условием, какого рода бумаги сие заведение обязано будет

---

[255] Основанный во исполнение «Положения об издании губернских ведомостей» журнал «Закавказский вестник» увидел свет не ранее 1838 г.

ежегодно печатать для Исполнительной экспедиции Верховного грузинского правительства, с означением наибольшего количества оных, какое только предложить можно сообразуясь с настоящими предполагаемыми на будущее время требованиями»[256].

Предложение Санковского о передаче ему в частное владение типографии «Тифлисских ведомостей» не было принято властями, конечно, не из-за внезапной кончины Санковского. Оно в сущности было невыгодно правительству. Передать частному лицу хорошо оснащенную типографию при условии лишь возвращения в экстраординарную сумму задолженности Санковского и принятия им на себя обязательства выполнять заказы Исполнительной экспедиции, — это не устраивало местную администрацию. Не стоило при наличии казенной типографии, находившейся во временном подчинении у редактора «Тифлисских ведомостей», заводить в крае новую типографию. К тому же, как впоследствии стало известно, намечались некоторые правительственные узаконения во изменение ранее существовавшей практики пользования печатной техникой для нужд губернских учреждений. Однако до вступления их в силу, между Исполнительной экспедицией и редакцией «Тифлисских ведомостей» завязалась тяжба из-за права требовать от типографии газеты исполнения всех заказов экспедиции в соответствии с договором, утвержденным Паскевичем, и отказа редакции выполнять свою обязанность по отношению к Исполнительной экспедиции в связи с невыплатой содержателю типографии полагавшейся по договору суммы за проделанную работу. Дело дошло до того, что «Исполнительная экспедиция по основанию сего предписания (договора, утвержденного Паскевичем. — *Д. В.*), отсылая к г. Санковскому нужные к отпечатанию бумаги не получала оных в надлежащее время и не ранее как чрез 5 или 6 месяцев отпечатанными и, наконец, получив от него 10 июня 1832 года отзыв»[257], была поставлена в известность о том, что Санковский «объявил необходимость остановить приемку в типографии бумаг, экспедициею присылаемых для печатания до тех пор, пока не воспоследует ожидаемое утверждение со стороны Министерства внутренних дел»[258]. Основанием для этого решения послужила известная причина: «Уж целый год, как он, Санковский, продолжает удовлетворять требования экспедиции, не получая условленного возмездия, что для его крайне разорительно, ибо содержит типографию на собственный щет»[259].

Вскоре Санковский скончался, и преемник его Г. С. Гордеев с грехом пополам выполнял заказы Исполнительной экспедиции вплоть до середины февраля 1833 г. Но и он вынужден был отказаться печатать для Исполнительной экспедиции, так как не хватало

---

256 ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 52—52 об.
257 Там же, л. 60.
258 Там же, л. 60 об.
259 Там же.

средств. В «Представлении» Исполнительной экспедиции на имя главноначальствующего в Грузии бар. Розена вина за все неисправности в работе данного учреждения возлагалась исключительно на типографию «Тифлисских ведомостей». О решении Гордеева говорилось: «Исполнительная экспедиция 6 февраля сего [1833] года, сделав представление вашему высокопревосходительству о медленном печатании типографией издания „Тифлисских ведомостей“ отсылаемых в оную из экспедиции разных по публикационной части бумаг, изъяснила в оном и причины, по коим часть сия по экспедиции чрез медленное печатание типографиею подобных бумаг может прийти в запущение и самый беспорядок. 20-го ж февраля канцелярия Исполнительной экспедиции, отослав в помянутую типографию форму бланка для напечатания по оному несколько экземпляров, просила поспешить отпечатанием таковых. На сие заведывающий Комитетом издания „Тифлисских ведомостей“ коллежский секретарь Гордеев отношением от 21 того же февраля канцелярии ответствует, что как типография издательного Комитета содержится до сего времени собственными весьма ограниченными доходами, то и не может без всякого возмездия принять на себя затруднительное и сопряженное с расходами печатание бумаг, а потому препровождая обратно форму бланков уведомляет, что бланки сии не иначе могут быть отпечатаны, как с платою за каждую сотню таковых по одному рублю серебром» [260].

Жалоба Исполнительной экспедиции на типографию газеты не была оставлена без последствий. 8 марта 1833 г. бар. Розен писал Комитету издания «Тифлисских ведомостей»: «Исполнительная экспедиция Верховного грузинского правительства довела до моего сведения о чрезвычайной медленности, которую тифлисская типография допускает в отпечатании посылаемых в оную разных циркулярных бумаг, из коих несколько еще с 1832 года остаются в оной неотпечатанными, и чрез то происходит большая остановка в общем производстве дел. Поставляя на вид Комитету столь непростительное невнимание его к действиям типографии, предписываю немедленно отпечатать все присланные из Исполнительной экспедиции экземпляры» [261].

Несмотря на выговор, типография «Тифлисских ведомостей» продолжала требовать плату за выполнение каждого заказа для Исполнительной экспедиции, ибо она не имела других средств к поддержанию себя и газеты, выход которой к тому времени прекратился. Однако Исполнительная экспедиция была не в состоянии оплачивать свои заказы, не столько из-за отсутствия соответствующего предписания министра внутренних дел, сколько из-за того, что денег просто не было. В «Определении» Исполнительной экспедиции от 16 марта 1833 г. говорилось: «Хотя г. г. заведующие типографиями бывший Санковский и настоящий Гордеев и просят,

---

[260] Там же, л. 59—59 об.
[261] Там же, л. 58—58 об.

о производстве впредь платы им за печатание бумаг для экспедиции, но как сумма канцелярии экспедиции в расходах чрезвычайно ограничена, как на содержание самой экспедиции, так канцелярии губернатора, общего собрания Верховного грузинского правительства и таковой же губернского прокурора, не может нисколько уделить из оной для типографии, без типографии ж не будет она иметь средств к должному по оной производству дел» [262].

Дилемму, возникшую перед Исполнительной экспедицией, на первых порах не сумел разрешить и министр внутренних дел, долгожданный ответ которого на неоднократные запросы местного начальства наконец поступил в Тифлис в ноябре 1833 г. Из ответа видно, что еще с 1831 г. «по сему предмету делались соображения в Министерстве внутренних дел, состоялось положение Комитета г. г. министров 21 июня 1832 года, коим в отвращение обременительного для государственного казначейства расхода денег на пособие вообще губернским типографиям, предоставлено Министерствам внутренних дел и юстиции изыскать в облегчение всех вообще губернских типографий способы к сокращению по возможности самих занятий их; вследствие чего Министерством юстиции рассматриваны были обязанности сенатских типографий на тот конец, не откроется ли удобства возложить на сии последние некоторую часть трудов, подлежащих губернским типографиям. Основываясь на таковом положении Комитета г. г. министров я честь имею уведомить ваше высокопревосходительство, что по приведении к окончанию дела о всех вообще типографиях, я непремину войти в сношение с вами, милостивый государь, о том: в каком виде можно будет за сим строить Тифлисскую государственную типографию; а между тем я непремину учинить распоряжение о возвращении употребленных доселе на оную денег; до воспоследования же сего Грузинская Исполнительная экспедиция должна в отношении типографии изворачиваться теми средствами, какие она поныне имеет» [263].

Дипломатический маневр министра, как видно из архивных материалов, пагубным образом отразился на типографии «Тифлисских ведомостей», положение которой наряду с фактическим прекращением местного периодического издания ухудшалось день ото дня. Это усматривается из докладной записки, поданной 15 февраля 1833 г. Гр. Гордеевым грузинскому гражданскому губернатору Н. О. Палавандову: «По кончине главного редактора „Тифлисских ведомостей“, надворного советника Санковского, типография издательного Комитета, не получая никакого определенного назначения, остается без всяких средств к своему содержанию и к приобретению потребных для себя материалов. Люди служащие при сей типографии остаются без жалованья, не взирая на то, что они производили казенные работы; а потому я осмеливаюсь просить

[262] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 61.
[263] Там же, лл. 69—70.

вашего сиятельства об исходатайствовании им жалованья за прошедший генварь месяц по прилагаемому при сем списку, как равно и определенного назначения самой типографии с назначением ей удобного помещения, без которого не может она находиться в должном порядке»[264].

Спустя пять дней Гордеев вновь обратился к губернатору Палавандову. Обращение показывает, что уже тогда вопрос об издании губернских ведомостей для Закавказского края стал предметом обсуждения у главноуправляющего. Гордеев, как видно, попытался воспользоваться этим, чтобы подчиненную типографию передать в ведение редакции вновь создававшегося официального издания, должно быть, на тех же условиях, которые предусматривались Санковским для «Кавказских областных ведомостей». На этот раз речь шла об основании газеты «Закавказские ведомости».

Гордеев писал Палавандову: «Если его высокопревосходительство господин главноуправляющий в Грузии соблаговолит утвердить поднесенные ему новые правила об устройстве Комитета издания „Закавказских ведомостей", то в таком случае типография, находящаяся при сем Комитете, должна будет удовлетворять все казенные требования. Для успешного исполнения сей цели, необходимо надобно увеличить средства ее приобретением различных материалов посредством выписки оных из Москвы, коим ведомость с означением цен при сем имею честь представить»[265]. К прошению прилагалась «Ведомость необходимых для типографии материалов, которые предполагается выписать от содержателя типографии у московского купца Семена Иоанникиева Селивановского». Для укрепления технической базы местной типографии по выпуску «Закавказских ведомостей» и «удовлетворения всех казенных требований» предусматривалась довольно скромная сумма — всего 750 руб. ассигнациями[266].

Хотя вопрос об издании местных губернских ведомостей (независимо от их заглавия) был положительно предрешен, Гордеев, как до него и Санковский, вскоре убедился в нереальности своего предложения о поспешной передаче подчиненной ему типографии в ведение вновь создававшегося официального органа. Спасти «Тифлисские ведомости» это уже не могло.

Гордееву ничего не оставалось, кроме как подать в отставку

---

[264] Там же, л. 79. Прилагаемый к данному документу «Список служащих разного звания людям при типографии кому из них сколько следует жалованья за прошлый генварь месяц» содержит денежную раскладку с поименным указанием некоторых конкретных сотрудников типографии «Тифлисских ведомостей». Среди них названы: губернский секретарь Быстрицкий, старший наборщик в унтер-офицерском звании Борисов, младший наборщик Селезнев, печатник-кантонист Афанасьев; грузинские наборщики: диакон Иов, Элиозов (Элиозишвили); «татарские» наборщики: Оскар Гусейн-оглы, Аббас-оглы (там же, л. 80).

[265] Там же, л. 77.

[266] Там же.

с занимаемых должностей. Рапорт Гордеева Палавандову последовал 11 марта 1833 г.: «По кончине главного редактора „Тифлисских ведомостей“ Санковского, я, видя расстроенное положение его дел, и не желая отнимать части принадлежавшего ему в России недвижимого имения от наследниц-сирот, малолетней его дочери и трех взрослых сестер, усторонил все законные, довольно значительные претензии, оставшиеся на покойном за четырехлетнее мое ему вспомоществование в литературных трудах по изданию „Тифлисских ведомостей“. Долг сей обеспечивался знанием его жены и родного брата, артиллерии подполковника Санковского, заемным письмом и условиями, из коих на последнее в генваре месяце, изъявил свое соизволение и его высокопревосходительство главноуправляющий Грузиею, генерал-от-инфантерии и кавалер барон Григорий Владимирович Розен 1-й.

Смерть Санковского могла бы положить конец издания „Тифлисских ведомостей“ и я, как не получивший от него за четыре года ни малейшего удовлетворения, имел право по всей справедливости отказаться от продолжения оных. Но желая сделать угодное правительству и не подвергнуть себя укоризненному суду публики, которая из напечатанного Санковским объявления 1832 года в 1 номере „Литературного отделения“ видела, что я нахожусь в числе постоянных его участников, решился один, без всякой посторонней помощи, пополнить в два месяца многие неизданные им номера „Тифлисских ведомостей“ и издать остальные за 1832 год. Исполняя столь трудную обязанность, неутомимо заботился о сохранении и поддержании принадлежащей правительству типографии, расположенной в холодном, полуразрушенном, неопрятном и неудобном для помещения доме. О каковом положении типографии я имел честь докладывать вашему сиятельству и просить для образования в ней должного устройства и порядка, дать ей лучшее помещение с назначением в оной и моей квартиры.

Верховного грузинского правительства Исполнительная экспедиция настаивала, чтобы типография издательного Комитета печатала для нее все нужные бумаги на свой счет, без всякого со стороны ее возмездия, вопреки утвержденного его светлости князем Варшавским графом Паскевичем-Эриванским предположения: „Выдавать издательному Комитету за таковое печатание ежегодно по 1600 р[ублей] серебром“. Столь вынудительное желание Исполнительной экспедиции, из невозможного сделать возможное, т. е. из ничтожества комитетских средств составить богатые способы для удовлетворения ее требований, ваше сиятельство по докладу моему отвергли, как требование не исполнимое и превышающее без денежного пособия все силы самого великого патриотического усердия к службе. Но сия экспедиция не остановилась на своем предположении! Она довела до сведения его высокопревосходительства главноуправляющего Грузиею о чрезвычайной медленности, допускаемой типографиею в отпечатании посылаемых в оную разных циркулярных бумаг и, издательный Комитет в предписании

8 марта, № 1242, получил от его высокопревосходительства прискорбное замечание.

Тифлисская градская полиция 9 марта объявила мне словесно, чтобы я, не знаю по какому обязательству, хозяйке дома, в котором находится типография, уплатил за помещение оной следуемые деньги; а типографию, как будто бы принадлежащую мне собственность, перевел куда мне угодно. Содержание типографии, выходящее из границ получаемых ею весьма скудных доходов, отнюдь не принимал я на свой счет. Мне неизвестны условия, заключенные покойным редактором с владетельницею дома; но было известно одно только ее роптание на безденежное занятие под типографиею принадлежащего ей дома, о каковом ропоте я имел честь словесно докладывать вашему сиятельству.

Служащие в типографии разного звания люди объявляют, что они при жизни Санковского не получали от него за несколько месяцев следуемого им жалованья, которое он мог бы выдавать им исправно в свое время, потому что одни известные только мне доходы его были весьма значительны. Он, кроме своего жалованья 750 р[ублей] серебром, которого я вовсе не получаю, брал себе весь доход по изданию „Тифлисских ведомостей", простиравшийся в прошлом году за 1200 р[ублей] серебром; за печатание партикулярных бумаг в год до 600 р[ублей] и более и от Исполнительной экспедиции 1600 р[ублей] серебром.

На законченное мною за прошлый год издание „Тифлисских ведомостей" на золотообрезной бумаге и на безденежное печатание различных для правительства бумаг вышло довольное количество различных материалов, исключая починки инструментов, дорогого отапливания и освещения типографии во все продолжительное время прошедшей суровой зимы. Но за всем тем люди, служащие при типографии, из скудных доходов, собранных при мне, получили жалованье сто три рубля сорок копеек серебром.

Изложив кратко, но с истинным прямодушием подчиненного, затруднительное положение, в каковое поставлен я по управлению типографиею, еще осмеливаюсь ходатайствовать вашего сиятельства об удовлетворении жалованием за генварь и февраль м[еся]цы, и о доведении сего рапорта моего до сведения его высокопревосходительства господина главноуправляющего Грузиею и, исходатайствовании мне увольнения от дел издательного Комитета и надзора за типографиею» [267].

После увольнения Г. Гордеева типография «бывшего издания „Тифлисских ведомостей", как ее стали именовать, некоторое время существовала без хозяина, под опекой «смотрителя оной 14 класса Араратова». Последний в августе 1833 г. обратился к грузинскому гражданскому губернатору с просьбой о выплате жалованья «чинам по их занятию» в типографии, а также о выделении ста рублей серебром, необходимых для пополнения типо-

[267] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, лл. 74—76.

графии необходимыми материалами. Кроме того, Araратов ставил в известность Палавандова, что «по сие время типография издательного Комитета совершенно находится без занятия так, что решительно на оной не производятся никакие работы, а потому на сей счет также осмеливаюсь просить ваше сиятельство предназначить какие-либо по сему предмету занятия: ибо напрасная утрата жалованья чинам и изменения издержки на материалы (без занятия) могут быть для правительства излишни. Так же при сем присовокупляю вашему сиятельству, естьли типография издательного Комитета покажется действительно излишнею, то в таком случае прошу покорнейше предназначить по сему предмету как для меня, а равно чинам типографии какой-либо род занятий, почему приставляю вполне на благоусмотрение вашего сиятельства» [268].

Типография «Тифлисских ведомостей», оснащенная техникой довольно современной, никак не могла оказаться «излишней» хотя бы по нужде в ней со стороны местных губернских учреждений [269]. Именно поэтому до предполагавшегося выпуска в свет новой местной официальной газеты встал вопрос о преобразовании типографии «Тифлисских ведомостей» в губернскую. Основанием послужило ходатайство Исполнительной экспедиции, поддержанное грузинским гражданским губернатором, о передаче ей типографии в «непосредственное подчинение» [270]. Основным доводом служило то, что «срок, определенный редактору типографии издания ведомостей тифлисских (пятилетний срок аренды по „Новым правилам“. — *Д. В.*) уже окончился» [271]. 1 марта 1834 г. главноуправляющий в Грузии запросил мнение министра внутренних дел о принадлежности тифлисской типографии: «Будучи в неизвестности, чем кончится общее предположение о губернских типографиях, и нужна ли будет типография издания „Тифлисских ведомостей“ для грузинского губернского начальства, я вынуждаюсь уведомить в[аше] п[ревосходительство], что объясненная типография устроена в Тифлисе на щет экстраординарных сумм распоряжения главноуправляющего, и ныне почитается по оной в долгу, кроме упомянутых выше, 735 руб[лей] сер[ебром] и 4860 руб[лей] ассигнац[иями]. Еще 1814 руб[лей] 44 коп[ейки] серебром отпущены на первоначальное обзаведние и потом усиление типографии, которые также ожидаются в возврате. А посему, как типография сия, за смертию бывшего редактора Санковского и окончанием срока заключенного с сим условия, остается в бездействии, я имею честь покорнейше просить в[аше] п[ревосходительство] уведомить меня, будет ли оная взята согласно объясненному предположению для

---

[268] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, лл. 81 об.—82.

[269] Типография «Тифлисских ведомостей» ко времени передачи ее в ведение губернского начальства была в состоянии печатать не только на русском и местных, но также на французском и немецком языках (там же, лл. 64—65, 66—67 об., 83—84 об.).

[270] Там же, л. 88 об.

[271] Там же.

Грузинской Исполнительной экспедиции, и если будет в таком роде, не оставьте воздать зависящее от вас, м[илостивый] г[осударь], распоряжение, как о принятии типографии в ведение экспедиции, так и возврате в экстраординарную сумму почитающихся в долгу денег. Отзыв о сем мне необходим для того, чтобы, в случае неимения надобности в типографии сей для Грузинского губернского начальства, я мог распорядиться оною по другое употребление, которое имею в виду по случаю открытия здесь Общества поощрения сельской и мануфактурной промышленности»[272].

Несмотря на проекты бар. Розена по части использования местной печатной техники, участь бывшей типографии «Тифлисских ведомостей» была, как и следовало ожидать, решена в пользу губернского начальства. Этот вопрос специально разбирался в Комитете министров, вынесших следующее решение, утвержденное царем 26 июня 1834 г.: «Оставшуюся в бездействии и составлявшую казенную собственность, бывшую типографию издания „Тифлисских ведомостей“ обратить в Грузинскую губернскую типографию и отдать оную в ведение Исполнительной экспедиции Верх[овного] груз[инского] правительства»[273]. Немаловажным было и другое решение Комитета о выделении из казны 1600 руб. серебром «в вознаграждение покойного г. Санковского» как содержателя типографии «Тифлисских ведомостей», в которой в течение года выполнялись печатные работы для Исполнительной экспедиции. Из предписания бар. Розена Исполнительной экспедиции от 1 октября 1834 г.[274] следует, что указанная сумма в 1600 руб. серебром, поступившая в распоряжение главноуправляющего, фактически предназначалась для погашения оставшейся за Санковским задолженности казне. В предписании от 23 ноября 1834 г. бар. Розен прямо указывал: «Предлагаю Исполнительной экспедиции, из перечисленных в оную принадлежащих покойному Санковскому 1600 руб. серебром денег немедленно возвратить в корпусной штаб на пополнение оного, а затем в удовлетворении и остальных на Санковском претензий поступить на законном основании»[275].

Прослышав о подобном решении главноуправляющего в отношении денег, фактически принадлежавших покойному главному редактору «Тифлисских ведомостей», вдова последнего, Мария Санковская 30 декабря 1834 г. обратилась к бар. Розену с «докладной запиской» следующего содержания: «За напечатание покойным мужем моим бумаг для Исполнительной экспедиции, назначено ему к отпущению из казны 1600 руб. серебром, кои по приказанию вашего высокопревосходительства поступают в уплату состоящего на нем казенного долгу. Оставшись после смерти мужа моего с сиротою в самом бедном состоянии и лишенная возможности содержать

---

[272] Там же, л. 87—87 об.
[273] Там же, лл. 104 об.—105.
[274] Там же, л. 105 об.
[275] Там же, л. 114 об.

как себя, так и несчастное и невинное дитя, я падаю к стопам вашего высокопревосходительства как к чадолюбивому отцу, покорнейше прошу отделить от 1600 руб. по возможности выдать мне несколько, дабы до отыскания каких-либо средств могли бы с ребенком существовать.

За неимением грамоты, по личной ее, Санковской, просьбе писец Назар Кондратьев руку приложил»[276]. На «докладной записке» наложена резолюция: «Доложить. Оставить деньги 1600 руб. Обращены на удовлетворение казенного долгу»[277].

Двусмысленность резолюции не дает возможности утверждать, что прошение вдовы Санковского было уважено. Во всяком случае, согласно предписанию министра внутренних дел Блудова, бар. Розен имел полную возможность удовлетворить просьбу М. Санковской, учитывая заслуги ее покойного супруга[278].

---

[276] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 123.

[277] Там же.

[278] В письме министра внутренних дел Блудова к бар. Розену от 22 марта 1835 г. сказано: «Что касается до упоминаемой вашим высокопревосходительством суммы 1600 рублей серебром, ассигнованных на удовлетворение бывшего редактором „Тифлисских ведомостей“ умершего надворного советника Санковского за печатание бумаг для Исполнительной экспедиции, то я полагал бы удержать из оной только ту часть денег, коей стоили не оказавшиеся по смерти его: станок и недостающее количество литер; остальную же часть той суммы отдать наследникам Санковского, будь они имеются, а в противном случае обратить в казну» (там же, л. 128 об.).

Глава IV

А. С. ПУШКИН, А. С. ГРИБОЕДОВ И «ТИФЛИССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Наиболее яркие страницы истории «Тифлисских ведомостей» связаны с именами А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова. Руководители газеты, будучи страстными почитателями творчества этих великих русских писателей, старались, насколько это было возможно в условиях тогдашней цензуры, популяризировать их на страницах «Тифлисских ведомостей». Причем объектом неослабевающего интереса тифлисской русской газеты являлось не только творчество А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, но отчасти и личная их жизнь, связанная с Кавказом, ставшим их своеобразной творческой мастерской.

Хронологически связи Грибоедова с Кавказом, в частности с Грузией и местной русской газетой, предшествовали поездке Пушкина в Закавказье в 1829 г. Получилось так, что связь Грибоедова с Грузией и местной культурной жизнью оборвалась именно тогда, когда завязались тесные дружеские отношения Пушкина со многими передовыми деятелями Грузии, среди которых поэт упоминает и сотрудников «Тифлисских ведомостей».

Мы намерены проследить на основе существующего материала связи Пушкина и Грибоедова с первой русской газетой на Кавказе.

А. С. Грибоедов — вероятный участник создания «тифлисской газеты» и один из первых ее сотрудников

Несмотря на попеременное, иногда весьма продолжительное отсутствие Грибоедова в Грузии, вызванное сначала долгим его отпуском в Россию, затем арестом по делу декабристов и, наконец, новым назначением полномочным послом в Иран, совпавшим с периодом организации «Тифлисских ведомостей», некоторые данные его биографии, а отчасти содержание газеты свидетельствуют о том, что вплоть до гибели в Тегеране Грибоедов принимал непосредст-

венное участие в создании и деятельности местной периодической печати Грузии.

Грибоедов прибыл из Петербурга в Тифлис по пути в Тегеран на следующий день после выхода в свет № 1 «Тифлисских ведомостей». На видном месте первой полосы № 2 газеты, вышедшей 11 июля 1828 г., сообщалось: «5 июля прибыл сюда российский полномочный министр при персидском дворе статский советник Грибоедов» [1].

Существующий фактический материал о службе Грибоедова в Грузии дает основания предполагать, что писатель не только не мог остаться равнодушным к газете, но и был ее участником. Мы полагаем, если и могла от кого-либо из ближайшего окружения А. П. Ермолова, а затем И. Ф. Паскевича исходить идея о необходимости создания в Грузии периодического издания, то прежде всего необходимо назвать Грибоедова.

Профессиональный интерес, проявляемый Грибоедовым к печатному слову вообще, в особенности к свежей политической информации и новинкам русской поэзии, прозы и драматургии, которые, как правило, публиковались сначала на страницах столичных журналов и газет, делал необходимым для писателя постоянно иметь под рукой обширную периодическую литературу.

Из переписки Грибоедова с друзьями можно усмотреть его неукротимый интерес к русской и зарубежной периодике. Интерес усугублялся пребыванием по долгу службы в отдалении от России, а также сознанием, что в Грузию, а затем и в Иран не могли регулярно поступать основные русские периодические издания. Поэтому письма Грибоедова к друзьям содержат неоднократные просьбы о доставке в Тифлис периодической и другой литературы. Надо отдать должное, друзья Грибоедова старались выполнить эти поручения. В качестве получателей корреспонденции для Грибоедова, поступавшей в Тифлис из России (в случае его отсутствия в городе), указывались иногда начальник штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-майор А. А. Вельяминов, но чаще всего грузинский гражданский губернатор Р. И. Ховен, с которым Грибоедов поддерживал приятельские отношения.

Довольно обширный круг российских корреспондентов понадобился писателю уже в первые годы по прибытии в Грузию. В письме С. Н. Бегичеву от 30 августа 1818 г. он просил: «Коли случай будет заслать или заехать к Гречу, подпишись за меня на получение его журнала („Сын Отечества“. — *Д. В.*). Ах! чуть было не забыл: подпишись на афишки [2], присылай мне их, а когда уедешь из Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру» [3]. Если происходила задержка в обеспечении Грибоедова периодической литературой, он сетовал на это. Так, будучи в про-

[1] «Тифлисские ведомости», 11 июля 1828 г., стр. 1.
[2] Репертуарные афишки петербургских театров. —*Д. В.*
[3] *Грибоедов*. Сочинения. Л., 1940, стр. 473.

должительном отпуске и предполагая осуществить путешествие по югу России, Грибоедов с досадой сообщал В. Ф. Одоевскому из Киева, что до возвращения в Тифлис он будет лишен возможности следить за периодикой: «За статью в Телеграфе [4] приношу тебе заранее мою благодарность; только вопрос теперь, где я наткнусь на нее? Здесь не найдешь; в Крыму, где буду слоняться недели с три, того менее; в Керче сяду на корабль и поплыву в Имеретию, оттудова в горы к Ермолову, итак, прощайте, журналы, до Тифлиса» [5]. Бывало, однако, что и Тифлис не оправдывал надежд писателя на регулярность доставки туда петербургских изданий. В письме к А. А. Бестужеву-Марлинскому Грибоедов сокрушался, например, по поводу того, что «ни Пчелы, ни С[еверного] А[рхива], ни С[ына] О[течества] не могу достать» [6]. Видимо, со временем положение несколько улучшилось, и в письмах к Ф. В. Булгарину Грибоедов благодарил его за «присылку журналов», а также выполнение всевозможных его поручений по доставке к нему в Тифлис новых произведений русской художественной литературы. В письме, отправленном Булгарину незадолго перед отъездом из Тифлиса в Иран в начале сентября 1828 г., Грибоедов снова просил о снабжении его периодической литературой: «Изредка до меня доходит Сын Отечества и Северный Архив. Северная пчела довольно регулярно. Но отчего же прочих журналов ты мне не присылаешь? А об иностранных и в помине нет. Сделай одолжение, позаботься об этом» [7]. В другом своем письме к Булгарину, датированном тем же годом, Грибоедов извинялся за частые просьбы: «Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!» [8] Тем не менее пересылка к писателю в Грузию периодических изданий из Петербурга и Москвы носила случайный характер и была сопряжена с известными трудностями. Поэтому основание в Тифлисе русской газеты давало Грибоедову возможность получать желанную информацию. Тифлисская русская газета, конечно, не могла полностью заменить журнальную периодику, которой интересовался писатель, тем более зарубежную. Но направленность газеты совпадала с заботами Грибоедова о повышении культурного уровня и условий жизни местного населения.

Мысль о возможности развития русской журналистики в Грузии могла зародиться у Грибоедова еще в первые годы его пребывания в Тифлисе. Поводом к осознанию целесообразности наличия здесь наряду с «Грузинской газетой» и периодического печатного органа на русском языке могло послужить полемическое выступление Гри-

---

[4] Имеется в виду статья В. Ф. Одоевского «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума“» («Московский телеграф», 1825, ч. III, № 10). Две эпиграммы А. С. Грибоедова на критика М. А. Дмитриева см.: *М. М. Медведев*. Два новых стихотворения А. С. Грибоедова. — «Вопросы литературы», 1958, № 1, стр. 185, 187.

[5] *Грибоедов*. Сочинения, стр. 516.

[6] Там же, стр. 523.

[7] Там же, стр. 569.

[8] Там же, стр. 563.

боедова против газеты «Русский инвалид» («Письмо к издателю [„Сына Отечества“] из Тифлиса от 21 января [1819 г.]»). Оно интересно не только по существу вопроса, заставившего Грибоедова ополчиться против столичной газеты, но и тем, что в письме проглядывает отношение автора к периодической печати, к ее назначению и обязанностям.

Свою статью Грибоедов начинал с сетований: «Никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки!» [9] А между тем мучит жажда узнавать «обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; всё, что оттуда здесь узнать можно, самые незначущие мелочи сильно действуют на меня, и даже г а з е т н ы е ваши вести я читаю с жадностью» [10].

Но некоторые «новости» из Грузии вызвали удивление Грибоедова: «На-днях, перебиравши листки Р у с с к о г о и н в а л и д а, в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут... И было порадовался, но что ж прочел? Пишут и з К о н с т а н т и н о п о л я о т 2 6 о к т я б р я, б у д т о б ы в Г р у з и и п р о и з о ш л о в о з м у щ е н и е, к о е г о г л а в н ы м в и н о в н и к о м п о ч и т а ю т о д н о г о б о г а т о г о т а т а р с к о г о к н я з я. Это меня и опечалило, и рассмешило» [11].

Грибоедов недоумевал, почему в русских периодических изданиях сообщения о событиях в Грузии черпаются из заграничных источников: «Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значущем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей, и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно б было кажется усомниться, тем более, что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь» [12]. Грибоедов здесь не указывает на другой, кроме официального, источник, но напрашивается вывод: избавить читающую публику России от непроверенных слухов могло бы периодическое издание в Тифлисе на русском языке.

В статье Грибоедова содержатся любопытные сведения о тогдашнем политическом положении в Грузии, развенчивающие версию «Русского инвалида» о мнимом «бунте»: «Возмущение народа не то,

---

[9] *Грибоедов.* Сочинения, стр. 396.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 396—397.
[12] Там же, стр. 397.

что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько впрочем ни обширна наша Россия» [13]. Весьма характерно, что Грибоедов при определении социального смысла термина «бунт», которым манипулировал «Русский инвалид», заменяет его синонимом «возмущение народа».

Грибоедов, полемизируя со столичной газетой, не счел возможным указать на явственные признаки «возмущения» в Грузии. Высмеяв предположение «Русского инвалида», будто виновником свершившегося «бунта» в Грузии явился некий татарский князь, Грибоедов в то же время в несколько радужных тонах изображал сложившуюся в то время политическую обстановку в Грузии. Он писал: «И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет, во-первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что немецкий граф — одно и то же: ни тот, ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уже с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, всё так спокойно и смирно, как бы в земле, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству» [14]. Заверение Грибоедова оказалось не в ладах с действительностью: некоторое время спустя, в том же 1819 г., в Имерети вспыхнуло крупное народное восстание, жестоко подавленное генералом А. П. Ермоловым.

Можно допустить, что Грибоедов намеренно представил в статье политическую ситуацию в Грузии несколько идеализированной, чтобы расположить правительственные круги к «мирно преуспевавшей» под сенью самодержавного правительства окраинной губернии, с тем чтобы хоть в какой-нибудь мере способствовать ее «гражданскому благоустройству» не на словах, а в действительности. Заботу о мирном благополучии грузинского народа Грибоедов считал своим долгом. Это видно из резкой оценки Грибоедовым возможного резонанса от случайной, непроверенной информации в русских периодических изданиях, который мог пагубно повлиять на политические интересы России на Ближнем Востоке. Грибоедов писал: «Я бы впрочем не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсу-

---

[13] Там же.
[14] Там же.

дить последствия, которые это за собою повлечь может»[15]. И, обращаясь к издателю «Сына Отечества», Грибоедов заключал: «Потрудитесь заметить почтенному редактору „Инвалида", что не всяким турецким слухам надлежит верить, что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно»[16].

Из статьи Грибоедова невольно напрашивается вывод о необходимости местного, тифлисского периодического печатного органа, который мог бы служить регулярным поставщиком достоверной информации для столичных и вообще российских периодических изданий с Кавказа и Закавказья. Однако вполне возможно, что к этой полезной с государственной точки зрения идее создания русской газеты в Тифлисе не проявил должного внимания А. П. Ермолов, мало интересовавшийся в последний период службы гражданскими делами. Идея приобрела высокого покровителя лишь впоследствии, когда ее осуществление стало, как мы уже знаем, осознано как выгодное для преемника Ермолова, могущественного временщика и близкого родственника Грибоедова — И. Ф. Паскевича. Со времени прибытия на службу в Грузию и вплоть до отъезда в 1830 г. из Тифлиса в связи с назначением на более высокий пост Паскевич хотя и уделял основное внимание военным делам, но в отличие от Ермолова предоставлял своим подчиненным более широкие полномочия на гражданском поприще в Грузии. Не случайно Грибоедов так отзывался о своей службе у Ермолова: «При Алексее Петровиче у меня много досуга было, и если я немного наслужил, так вдоволь начитался»[17].

Противоположность характеров и натур Ермолова и Паскевича, представлявших две различные системы военного образования, полностью раскрылась с самого начала пребывания Паскевича в Грузии. Тогда же четко обозначились два лагеря — приверженцев Ермолова и Паскевича. Грибоедову, родственнику Паскевича, видимо, все труднее становилось проявлять себя сподвижником «любимого начальника», каким был для него Ермолов[18]. Создавшаяся в Грузии обстановка двоевластия определенным образом повлияла на ухудшение отношений Грибоедова с Ермоловым. В письме к С. Н. Бегичеву, отосланном 9 декабря 1826 г. из Тифлиса, Грибоедов писал: «Милый друг мой! Плохое мое житье здесь. На войну не попал: потому что и А[лексей] П[етрович] туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят. С А[лексеем] П[етровичем] у меня род прохлаждения прежней дружбы»[19]. В этом же письме Грибоедов сообщал Беги-

---

[15] *Грибоедов*. Сочинения, стр. 399.
[16] Там же, стр. 400.
[17] Там же, стр. 535.
[18] См. письмо А. С. Грибоедова Николаю I от 15 февраля 1826 г. (там же, стр. 530).
[19] *Грибоедов*. Сочинения, стр. 533.

чеву, что «ошибся... в А[лексее] П[етровиче]» [20]. Была ли какая-нибудь другая, более веская причина для размолвки Ермолова с Грибоедовым, кроме того, что последний состоял в близком родстве с Паскевичем, — это предмет особого исследования. Но то, что родство способствовало выдвижению Грибоедова на первое место среди доверенных лиц Паскевича в Грузии, не подлежит сомнению.

Характерно, что обоюдное стремление к поддержанию тесных родственных отношений проявлялось Грибоедовым и Паскевичем еще до назначения последнего командиром Отдельного кавказского корпуса. Из переписки Грибоедова с Бегичевым, например, видно, что во время своего продолжительного пребывания в Петербурге в 1824 г. писатель был дружен с Паскевичем и его семьей. В одном из писем, датированном 10 июня 1824 г., Грибоедов сообщал Бегичеву из Петербурга, что у него нет отбоя от друзей: «Шаховский, Жандр и Греч пристают, чтоб я у них жил, и Паскевич в лагерь тащит, однако расчетвериться невозможно» [21]. Через Паскевича Грибоедову приходится иметь дело с высокопоставленными лицами. «Вчера, — пишет он, — я нашел у Паскевича велик[ого] князя Никол[ая] Павл[овича]; это до цензуры не касается, но чтоб дать понятие, где бываю и кого вижу» [22]. Не исключено, что в критический для писателя момент, когда он был привлечен к ответственности по делу декабристов, за него перед Николаем I ходатайствовал именно Паскевич. Иначе трудно объяснить, почему подозреваемый в государственном преступлении Грибоедов мог некоторое время спустя так продвинуться по службе до ранга полномочного российского посла при персидском дворе. Характерно, что в одном из последних писем к Паскевичу Грибоедов отважился просить его об исходатайствовании помилования декабристу А. И. Одоевскому, являвшемуся близким родственником жены Паскевича (следовательно, и самого писателя). Грибоедов убеждал Паскевича: «Может ли вам государь отказать в помиловании двоюродного брата вашей жены, когда двадцатилетний преступник уже довольно понес страданий за свою вину, вам близкий родственник, а вы первая нынче опора царя и отечества» [23]. В сохранившихся письмах Грибоедова к Паскевичу периода их совместной службы в Грузии неизменно присутствуют характерные обращения: «почтеннейший мой бесценный покровитель», «преданный вам по гроб», «душою вам преданный», «благодетель мой бесценный» и т. п. Эти заверения в «преданности» своему могущественному родственнику со стороны Грибоедова вряд ли могли быть искренними. Любопытно письмо Грибоедова к Ф. Булгарину: «А у нас чиновники — народ добрый, собачья натура, все забыли прошедшее, полюбили его (Паскевича. — *Д. В.*) и стали перед ним на задние лапки» [24].

---

[20] Там же, стр. 534.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же, стр. 580.
[24] Там же, стр. 562.

Так или иначе, заступив на должность главноуправляющего Грузией 28 марта 1827 г., Паскевич уже 4 апреля того же года предписывал Грибоедову принять в «заведывание все наши заграничные сношения с Турцией и Персией, для чего вы имеете требовать из канцелярии и архива всю предшествовавшую по сим делам переписку и употреблять переводчиков, какие вам по делам нужны будут» [25].

Здесь, однако, нужно учесть, если родственные отношения Грибоедова с Паскевичем и сыграли известную роль в судьбе писателя, то именно благодаря этому Паскевич, став главноуправляющим Грузии, получил умнейшего и опытнейшего советника по части дипломатической и по гражданскому управлению краем. «И действительно, в управлении краем доля Грибоедова, хорошо изучившего особенности Кавказа и знавшего его нужды, в этот период очень велика» [26].

Обширным был круг мероприятий, намечаемых Грибоедовым по гражданскому преобразованию Грузии, касающихся не только промышленного развития края, например шелкомотальной фабрики в Тифлисе, стекольного завода в Горийском уезде, но также преобразования Тифлисского благородного училища в гимназию, изыскания средств и «лучших способов вновь построить город Тифлис» и др. Но особую заинтересованность писателя вызывала первая русская газета в Тифлисе. Как отмечает И. К. Ениколопов, «дело об учреждении газеты проходило через дипломатическую канцелярию главноначальствующего, которую в то время возглавлял Грибоедов» [27]. Мнение о причастности Грибоедова к изданию «Тифлисских ведомостей» разделяет и В. С. Шадури: «Одним из организаторов „Тифлисских ведомостей“ был, по всей вероятности, Грибоедов, игравший тогда вообще большую роль и имевший влияние на Паскевича, от имени которого он часто составлял всякие проекты, поскольку, как известно, главноначальствующий не отличался грамотностью» [28]. Известный кавказовед А. Берже также отмечает, что многое из распространявшегося тогда печатно или письменно от имени Паскевича на самом деле принадлежало Грибоедову, который вплоть до своего рокового отъезда в Иран ведал фактически не только дипломатической, но и всей официальной перепиской главноначальствующего. В предисловии к VII тому «Актов Кавказской археографической комиссии», в частности, сообщается: «Одно из главных достоинств бумаг, исходящих от графа Паскевича, заключается в ясном и, за немногим исключением, интересном их изложении. Сам он, как известно, до того слабо владел пером, что Грибоедов и другие не только сочиняли приказы и реляции, но даже

---

[25] АКАК, т. VII, док. № 4, стр. 2.

[26] *И. К. Ениколопов.* Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954, стр. 37—38.

[27] Там же, стр. 37.

[28] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, стр. 254.

писали частные письма его, не меньше содействия оказывали и в других отношениях» [29].

Что касается содействия основанию «Тифлисских ведомостей», то со стороны Грибоедова оно выразилось, должно быть, не только в том, что ему удалось склонить честолюбивого Паскевича к переписке с соответствующими учреждениями в Петербурге в благоприятной для предприятия ситуации, но и в том, что эта переписка осуществлялась, как видно, при непосредственном участии писателя. В. С. Шадури пишет: «Заслуживает быть отмеченным такой факт: рапорт Паскевича графу Дибичу „об учреждении в Тифлисе периодического издания", то есть просьба о разрешении на издание „Тифлисских ведомостей", написан в лагере при Карабабе 31 июля 1827 года — через несколько дней после возвращения Грибоедова в этот лагерь из поездки к Аббас-Мирзе на переговоры о перемирии» [30].

И. К. Ениколопов сообщает любопытный факт: «Надо полагать, что ходатайство инициаторов издания газеты, выражавших мнение передовых людей грузинского общества, встретило в Петербурге ряд возражений, т. к. оттуда долго не поступало официального разрешения. Только в конце апреля 1828 года, в бытность Грибоедова в Петербурге, последовало высочайшее соизволение на издание газеты „Тифлисские ведомости"» [31]. Наблюдение И. К. Ениколопова подтверждается тем, что попытка основать «Тифлисские ведомости» была предпринята, когда Грибоедов был всецело захвачен идеей учреждения Российской Закавказской компании, специальный проект о которой был вскоре разработан им совместно с П. Д. Завелейским. Как известно, эта идея была поддержана в столице многими высокопоставленными лицами, в том числе и тогдашним министром финансов Е. Ф. Канкриным. «Тифлисские ведомости» могли весьма способствовать деятельности будущего акционерного общества, в частности, рекламируя его продукцию в пределах Кавказа и за его пределами, Грибоедов не переставал до конца интересоваться «Тифлисскими ведомостями». Он стремился популяризировать первые же публикации вновь созданного периодического печатного органа. Так, в № 1 «Тифлисских ведомостей» была опубликована небольшая корреспонденция о первом крупном успехе русских войск в войне с турками — взятии крепости Карс. Реляция Паскевича об овладении Карсом была отправлена царю специальным нарочным: «Известие сие привезено адъютантом г. корпусного командира гвардии капитаном Опперманом, который проехал только через Тифлис и тотчас следовал далее с донесением к его императорскому величеству» [32].

---

[29] АКАК, т. VII, «Предисловие», стр. IV.

[30] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 254.

[31] *И. К. Ениколопов.* Грибоедов в Грузии, стр. 38.

[32] «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 3.

Об этой корреспонденции упоминает и А. С. Грибоедов в письме, отправленном 30 июня 1828 г. из Владикавказа к Ф. В. Булгарину. Во Владикавказе Грибоедов находился проездом из Петербурга в Иран, куда он следовал для занятия новой должности. По пути Грибоедов узнал радостную весть о взятии Карса [33] и написал Булгарину: «Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом. Читай реляцию и проповедуй ее всенародно» [34]. В примечании к приведенному письму сказано: «При письме Грибоедов послал Булгарину „Письмо из Карса к издателю „Северной пчелы"», принадлежащее, очевидно, адъютанту Паскевича Опперману и напечатанное впервые в газете „Тифлисские ведомости", 1828, № 1 (от 4 июля)» [35]. Таким образом, не исключено, что известие о покорении Карса Грибоедову сообщил встретившийся с ним в пути капитан Опперман, который, как нам уже известно из «Тифлисских ведомостей», торопился с реляцией Паскевича в Петербург [36]. От него же Грибоедов мог узнать и о готовившемся в Тифлисе выпуске № 1 русской газеты, в котором предполагалось опубликовать реляцию о взятии Карса. Независимо от реальности этого предположения, писатель взялся данную реляцию, несколькими днями позже напечатанную в виде корреспонденции в «Тифлисских ведомостях», рекомендовать Булгарину «проповедовать всенародно» через свою газету, озаглавив соответственно «Письмо из Карса к издателю „Северной пчелы"». Автор примечания прав, доказывая идентичность содержания реляции, опубликованной в «Тифлисских ведомостях», и «Письма из Карса к издателю „Северной пчелы"», но он решительно неправ, когда автором этого, быть может, коллективного сочинения сотрудников канцелярии Паскевича, предполагает капитана Оппермана.

Новый этап во взаимоотношениях А. С. Грибоедова с первой русской газетой на Кавказе должен был наступить после прибытия его в Иран, куда он поспешил отправиться из Тифлиса в сентябре 1828 г., чтобы возглавить русскую миссию при шахском дворе. Как известно, еще «Проект учреждаемого в Тифлисе периодического издания» предусмотрительно учитывал, что «известия о Персии можно будет получать, когда восстановится там российская миссия, которая при случаях может даже доставлять уведомления о событиях в Восточной Индии» [37].

---

[33] В предыдущем письме к Ф. В. Булгарину, отправленном 27 июня 1828 г. из Ставрополя, А. С. Грибоедов писал: «Коли к моему приезду гр. Эриванский возьмет Карс, то это не мало послужит в пользу моего посольства» (*Грибоедов*. Сочинения, стр. 562).

[34] Там же, стр. 563.

[35] Там же, стр. 644.

[36] Реляция, доставленная в Тифлис Опперманом, была опубликована в «Тифлисских ведомостях» от 4 июля 1828 г. под заглавием: «Из Карса, 23 июня». Разрыв между этой датой и 30 июня — датой отправки письма Грибоедова из Владикавказа Булгарину — дает основание безошибочно предугадать, что 7 дней — это именно тот срок, который был необходим Опперману для преодоления расстояния от Карса до Владикавказа.

[37] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3823, л. 5.

В письме, отправленном Паскевичу из Хамамли от 14 сентября 1828 г., Грибоедов, не успев еще доехать до Тегерана, беспокоился о том, чтобы доставка к нему периодики осуществлялась без помех: «Сделайте одолжение, в[аше] с[иятельство], предпишите в вашу канцелярию, чтобы ко мне тотчас отправляли курьеров, коль скоро накопится несколько № газет, или каждые 2 недели раз. Кроме конвертов министерства, нельзя мне в нынешнем моем положении долго оставаться без политических известий из Европы» [38]. Напомним, что к этому времени «Тифлисские ведомости» выходили уже регулярно, обстоятельно излагая политическую информацию [39].

Из последующего письма Грибоедова к Паскевичу, отправленного 3 декабря 1828 г. из Тавриза, можно заключить, что просьба писателя о своевременной доставке газет и журналов была исполнена. Содержание письма отличают глубокие рассуждения Грибоедова о внешней политике России, о периодических изданиях, в том числе и заграничных. Полемизируя с Паскевичем по поводу англо-русских противоречий, Грибоедов писал: «Я не совсем разделяю вашей мысли, чтобы англичане вздумали нам открыто враждовать. У них своих домашних запутанностей много... Одно только меня смущает, читанное мною в Courrier, который, как вам известно, журнал министериальный, где именно сказано, что Россия отказалась от трактата трех держав и преследует собственно свои завоевательные виды. Коли зимою не будет мира (с Турцией. — *Д. В.*), то я полагаю, что Австрия выставит на границе огромную военную силу, и принудит нас сделать то же в отношение к ней. Но хотя это и введет нас в излишние издержки, но тем всё и кончится» [40]. Сообщив Паскевичу свои соображения относительно Персии и Турции, Грибоедов продолжает: «Прилагаю здесь несколько строк для тефлисских газет, коли вы одобрите» [41]. Эта фраза не оставляет сомнения в том, что писатель снабжал политической информацией «Тифлисские ведомости», что и было предусмотрено «Проектом учреждаемого в Тифлисе периодического издания». Что касается упоминания газеты во множественном числе («для тефлисских газет»), то здесь кроме русского варианта «Тифлисских ведомостей», нам кажется,

---

[38] *Грибоедов*. Сочинения, стр. 571.

[39] В период борьбы А. С. Пушкина за основание «Литературной газеты», главным препятствием было получение разрешения III Отделения с. е. и. в. к. на публикацию политической информации в предлагаемом печатном органе. В черновом наброске письма к А. Х. Бенкендорфу от 19 июля—10 августа 1830 г. Пушкин отмечал, что «Известия политические привлекают большее число читателей, будучи любопытны для всякого». И далее, в скобках, он перечислил те периодические издания, которые располагали правом помещать на своих страницах политическую информацию: «(Ведомости С[анкт] П[етербургские], М[осковские], Од[есские] и Т[ифлисские] и „Сев[ерная] пчела" суть единств[енные] доныне журналы, в коих помещаются известия политические)» (*Пушкин*. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. XIV. М.—Л., 1941, стр. 253).

[40] *Грибоедов*. Сочинения, стр. 576.

[41] Там же, стр. 579.

подразумевался также грузинский дубликат газеты, о выходе которого Грибоедов не мог не знать.

Можно допустить, что подобные официальные приложения для «Тифлисских ведомостей» к письмам и донесениям Грибоедова отправлялись из Тегерана в Тифлис и позднее (и, вполне возможно, не всегда принадлежали перу самого писателя). Только этим можно объяснить появление интересных статей в «Тифлисских ведомостях» по истории Ирана, статей, в большинстве случаев не подписанных. С большей вероятностью из этих материалов об Иране в «Тифлисских ведомостях» можно выделить лишь две статьи, как принадлежащие, возможно, Грибоедову, это — «Описание Ардебильской мечети» [42] и «Дом царствующего ныне в Персии Фет-Али-шаха Каджарского» [43], хотя время опубликования обеих статей и не совпадает с пребыванием Грибоедова в Иране.

Первая из статей была опубликована до приезда в 1828 г. Грибоедова в Иран. Между тем известно, что «Грибоедову, в бытность его в персидском походе, было поручено произвести опись библиотеки, находившейся в Ардебильской мечети, что он, как знаток восточных языков, блестяще выполнил» [44]. В связи с этим не исключено, что перед отъездом в 1828 г. из Тифлиса Грибоедов откликнулся на просьбу Санковского дать что-либо для опубликования в «Тифлисских ведомостях» и для начала решил описать знаменитую на Востоке мечеть Ардебиля.

Во второй статье, если можно ее так назвать, излагается родословная тогдашнего шаха Ирана Фетх-Али Каджара (Баба-хана). Она была написана задолго до напечатания в «Тифлисских ведомостях». Об этом свидетельствует редакционное примечание к статье: «Сие родословное показание составлено в 1826 году: нет сомнения, что с тех пор в семействе его величества шаха персидского произошли большие перемены, ибо были примеры, что оное в течение недели увеличивалось 20-ю новорожденными» [45]. По всему видно, что материал этот был составлен для служебного пользования (скорее всего по дипломатической части) и, вероятнее всего, принадлежал А. С. Грибоедову. Поступив впоследствии в редакцию «Тифлисских ведомостей», материал был переработан, не совсем, правда, удачно, в подобие статьи. Основанием для предположения о принадлежности основного содержания этой статьи Грибоедову служит то, что с такими мельчайшими подробностями истории царствовавшей в то время персидской династии, вряд ли кто-либо другой из персонала русской миссии в Иране мог быть знаком, кроме Грибоедова, изучившего почти всю существовавшую литературу, в том числе и зару-

---

[42] «Тифлисские ведомости», 3 октября 1828 г., стр. 4.

[43] Там же, 20 февраля 1830 г., стр. 2.

[44] *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1966, стр. 104. Автор полагает, что «с большой вероятностью можно указать если не на авторство А. С. Грибоедова, то на его причастность к „Описанию Ардебильской мечети“» (там же).

[45] «Тифлисские ведомости», 20 февраля 1830 г., стр. 2.

бежную, об этом государстве. Одно из наглядных тому свидетельств — известная записка Грибоедова «О Гилани» ([1822—1823 гг.])[46]. В записке, по стилю напоминающей статью о царствующем представителе династии Каджаров, так же подробно и точно приводится родословная правителей Гиляна — одной из обширных и богатых провинций тогдашней Персии.

«Тифлисские ведомости», в представлении Грибоедова, являлись таким же «министериальным», т. е. официальным, печатным органом, но местного значения, отображающим интересы правящих кругов, как и английская «Курьер». Поэтому свои корреспондентские функции в отношении «Тифлисских ведомостей» Грибоедов стремился выполнять не без оглядки на цензуру, роль которой в данном случае мог бы выполнить наилучшим образом его родственник и главное должностное лицо в крае — Паскевич. Этим и следует объяснить соответствующее обращение Грибоедова к Паскевичу, на которого он возлагает обязанность быть его цензором («Коли вы одобрите»).

Рассматриваемое нами письмо Грибоедова к Паскевичу из Тавриза от 3 декабря 1828 г. содержит еще одну не менее любопытную деталь, косвенно связанную с историей «Тифлисских ведомостей» и показывающую, насколько тесно был связан писатель с людьми, группировавшимися вокруг местной газеты, насколько горячее участие принимал он в их судьбе. Как известно, в состав «Комитета издания „Тифлисских ведомостей“» в числе других был включен также адъютант тифлисского военного губернатора поручик Сергей Чиляев (Чилашвили), который одновременно являлся и членом «Комитета о сельском в Грузии хозяйстве». Назначение Чилашвили в состав редакции тифлисской газеты имело место в конце 1827 г., когда, собственно, и был создан «Комитет». Примерно в это же время при Н. М. Сипягине служил старший брат Сергея — Егор (Иагор) Чилашвили, довольно примечательная фигура в Грузии 20-х годов XIX в.

Получив вместе с младшими братьями[47] воспитание в Петербурге, Е. Г. Чилашвили в 1820 г. переехал в Тифлис на должность прокурора Верховного грузинского правительства, одновременно являясь членом учрежденного А. П. Ермоловым комитета, на который было

---

[46] *А. С. Грибоедов.* Сочинения. М.—Л., 1959, стр. 379—380.

[47] Кроме Сергея у Е. Г. Чилашвили было еще два брата — Борис и Константин. Борис Чилашвили, однокашник и друг А. Бестужева-Марлинского по Кадетскому корпусу, в 1828—1829 гг. служил в должности пристава горских народов. А. С. Грибоедов (в 1828 г.) и А. С. Пушкин (в 1829 г.), направляясь из Грузии в Россию, проезжали селение Квешеты, которое служило местопребыванием пристава горских народов. Оба писателя отмечали в письмах к друзьям и путевых заметках радушное гостеприимство, с которым встречал их Борис Чилашвили. Константин Чилашвили, служивший в 1819 г. в должности канцеляриста, скончался в молодости. Братья Чилашвили (исключая Сергея) были членами масонской ложи А. Ф. Лабзина «Умирающий сфинкс» (см. «Воспоминания А. Е. Лабзиной». СПб., 1903, стр. 118—119; «Русский архив», 1904, № 1, стр. 115—116).

возложено осуществление перевода с грузинского на русский язык «Уложения царя Вахтанга». Позже, в 1827 г., до поступления в распоряжение Сипягина, Е. Г. Чилашвили осуществлял по поручению соответствующих правительственных учреждений «финансовое обозрение» Грузии. На этом поприще, должно быть, окрепли контакты Е. Чилашвили с Грибоедовым, который, несмотря на перемены в его личной жизни, не переставал работать над завершением «Проекта Российской Закавказской компании». Е. Чилашвили не только поддерживал проект Грибоедова, но, по утверждению И. К. Ениколопова, являлся даже одним из самых крупных участников компании [48]. С братьями Чилашвили, особенно с Сергеем и Егором, Грибоедов поддерживал деловые отношения, так как оба они по роду своей службы участвовали в прогрессивных для Грузии мероприятиях — газете «Тифлисские ведомости» и «Российской Закавказской компании».

Вполне возможно, что деловые отношения переросли в дружеские, особенно после женитьбы Грибоедова, поскольку братья Чилашвили доводились родственниками семье А. Г. Чавчавадзе. Известно, что из большого числа своих друзей [49], а также родных и близких тестя Грибоедов взялся ходатайствовать перед Паскевичем только за декабриста А. И. Одоевского и за Е. Чилашвили, который после скоропостижной смерти тифлисского военного губернатора Сипягина оставил службу и находился не у дел. В письме к Паскевичу от 3 декабря 1828 г. Грибоедов писал: «Примите в ваше покровительство надв[орного] сов[етника] Челяева, который некогда был прокурором в Тефлисе, потом при Сипягине. Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тефлисе он очень желал быть лично известным вашему сиятельству. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах и, наконец, грузина, каких я мало встречал, с европейским образованием и нравственностью. Притом простите слабости человеческой. Нина (супруга А. С. Грибоедова. — *Д. В.*) тоже обращается к вам с просьбою об нем и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспомню свой собственный стих из Горя от ума:

Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку [50].

---

[48] *И. К. Ениколопов*. Грибоедов в Грузии, стр. 76.

[49] В письме к Паскевичу от 6 сентября 1828 г. Грибоедов просил оказать материальную помощь бедному Огареву, «которому существовать нечем. $1^1/_2$ года тому назад угнаны у него его лошади хищниками. Он несколько раз домогался выдачи из казны ему за это какого-нибудь пособия. Я думаю, всё вместе не простирается до 2 т. рубл. ассигнациями» (*Грибоедов*. Сочинения. Л., 1940, стр. 568, далее цитируется это издание).

[50] Там же, стр. 579. Два месяца спустя личностью Е. Г. Чилашвили заинтересовался А. Х. Бенкендорф: шеф жандармов искал сведущего в «кавказских делах» человека, который мог оказаться полезным правительству в осу-

Итак, есть основания предполагать, что после выхода «Тифлисских ведомостей» Грибоедов старался укрепить связи с газетой, непосредственно выступал на ее страницах в качестве негласного корреспондента из Персии и заботился о людях, связанных с газетой.

О близости Грибоедова к «Тифлисским ведомостям» свидетельствует содержание самой газеты, в которой писатель неоднократно упоминается в разнообразном контексте. Кроме уже известной нам заметки о прибытии Грибоедова из Петербурга в Тифлис 5 июля 1828 г., в разделе светской хроники № 11 газеты за 1828 г. рассказывалось «о двух балах, бывших на одной неделе в Тифлисе, балах, на которых бы охотно согласились побывать лучшие щеголи и щеголихи обеих наших столиц — 1-й бал, или лучше обед с танцами, дан был 24 августа нашим полномочным министром в Персии А. С. Грибоедовым по случаю бракосочетания его с княжною Н. А. Чавчавадзе, а 2-й великолепный бал был у г. тифлисского военного губернатора, генерал-адъютанта Н. М. Сипягина 26-го августа»[51]. Газетные строки дополняются выдержками из писем сослуживца А. С. Грибоедова, второго секретаря русского посланника в Персии К. Ф. Аделунга: «Весь Тифлис проявляет живейшее сочувствие к этому союзу: он любим и уважаем всеми без исключения; она же очень милое, доброе создание...» Далее Аделунг отмечает, что «24-го, в пятницу, Грибоедов давал обед более чем на 100 персон; всё было, как мне передавали, блестяще (больной Аделунг отсутствовал на обеде. — *Д. В.*)... после обеда часов в 6 начались танцы; веселились до 11 часов...» В воскресенье губернатор Сипягин давал бал «в честь молодожёнов», открыв его полонезом «с мадам Грибоедовой... Она в этот вечер была восхитительна...», — записал Аделунг[52].

Некоторое время спустя после свадебного торжества в Тифлисе Грибоедов, несмотря на болезненное состояние (повторный приступ лихорадки), заторопился с отъездом из столицы Грузии в Персию. К этому его вынуждали служебные дела, в частности, как он сам отмечал, ситуация, складывавшаяся в ту пору в Восточной Персии.

ществлении наметившейся реорганизации гражданского управления в крае. В связи с этим Бенкендорф в марте 1829 г. писал царю, что «для разных и весьма важных обстоятельств в отношении к тамошнему управлению полезно было бы вызвать сюда, под приличным предлогом, коллежского советника Чилаева, который родился в Тифлисе, воспитывался в С.-Петербурге, в 1827 году прибыл туда с поручением министра финансов, с прошлого года состоит по высочайшему повелению при тифлисском военном губернаторе по особым поручениям. Чилаев как по своему образу мыслей, так и по всем вообще отзывам, даже недоброжелателей его, заслуживает всякое доверие, но остается без занятий, потому что он был первым доверенным человеком покойного генерал-адъютанта Сипягина, коего память теперь оскорбляют» (ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 86, д. 12, лл. 135—136). На записке Бенкендорфа Николай I карандашом отметил: «Надо будет в этом поступить осторожно; узнать, не нужен ли он г. Паскевичу?» (там же).

[51] «Тифлисские ведомости», 12 сентября 1828 г., стр. 2.

[52] «Литературное наследство», т. 47—48 (А. С. Грибоедов). М., 1946, стр. 254.

9 сентября Грибоедов вместе с женой, сопровождаемый врачом и всем составом русской миссии, выехал из Тифлиса. В связи с отъездом писателя в «Тифлисских ведомостях» была напечатана небольшая заметка: «Тифлис, 9-го сентября. Императорский российский полномочный министр в Персии с[татский] с[оветник] Грибоедов, остававшийся здесь до сего времени по болезни своей, сего числа отправился к своему назначению» [53]. Из Хамамли, на пути к Тавризу, Грибоедов писал Паскевичу: «Здоровье мое мне еще не позволяло выехать из Тефлиса; но последние известия, полученные мною из Персии, не дозволили мне долее медлить. Пишут, что бунт в восточной стороне государства увеличивается день ото дня, и сколько долг службы, столько и любопытство побудило меня к сближению с театром такого важного происшествия. Благодаря Сипягину я имею доктора до Эривани, оттудова возьму другого до Тавриза. Впрочем, дорога мне как будто полезна. Я себя лучше чувствую, нежели в Тефлисе» [54].

Редакция «Тифлисских ведомостей» и дальше проявляла интерес к поездке Грибоедова в Иран: в разделе «Заграничные новости» № 19 газеты за 1828 г. напечатана заметка о благополучном прибытии писателя в Тавриз: «Тавриз. 17 октября. На днях приехал в сей город Российский полномочный министр при персидском дворе статский советник Грибоедов» [55].

Кроме отдельных информационных сообщений, опубликованных в «Тифлисских ведомостях», о последнем периоде жизни Грибоедова в Грузии и его отъезде в Персию, своеобразным связующим звеном между писателем и тифлисской русской газетой являлся «Проект Российской Закавказской компании». Работа авторов над «Проектом» в основном была завершена еще до отъезда Грибоедова в Персию. Это видно, в частности, из его письма к Паскевичу от 6 сентября 1828 г.: «Завтрашний день пойдет от меня и Завелейского к в[ашему] с[иятельству] „План“ компании и „Записка“ [56] на благосклонное ваше рассмотрение... Прошу вас почтить труд наш и полезное предприятие прозорливым и снисходительным вниманием» [57].

Как известно, содержание «Проекта» Грибоедова и Завелейского не расположило к себе Паскевича. Властолюбивый главноначальствующий усмотрел в обширности прав и привилегий, испрашивавшихся учредителями компании, попытку подменить его единоличную власть в крае. Между тем свое недоброжелательство к «Проекту» Паскевич мотивировал опасением, не оказалось бы предусмотренное авторами «Проекта» грандиозное развитие произво-

---

[53] «Тифлисские ведомости», 12 сентября 1828 г., стр. 1.

[54] *Грибоедов.* Сочинения, стр. 569—570.

[55] «Тифлисские ведомости», 7 ноября 1828 г., стр. 2.

[56] Представленный Паскевичу на рассмотрение «Проект Российской Закавказской компании» состоял из «Вступления» и «Докладной записки» с приложением к нему «Устава компании».

[57] *Грибоедов.* Сочинения, стр. 567—568.

дительных сил Закавказья в противоречии с интересами царизма в крае. Главноуправляющий воспользовался отзывами своих подчиненных И. Бурцова и М. Жуковского на «Проект», чтобы отвергнуть его. «Проект» полностью не был опубликован в «Тифлисских ведомостях», несмотря на то что его идеи были близки редактору и некоторым членам редакции газеты, а также разделялись определенным кругом читателей [58].

Но редакция не осталась безучастной к дальнейшей судьбе «Проекта». Выясняется, что в 1831 г. «по заключению Комитета г.г. министров последовало в январе месяце сего года высочайшее... соизволение на существование в Тифлисе Закавказской торговой компании» [59]. Здесь речь идет о видоизмененном, переработанном варианте «Проекта» А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского, который сообразно с новым его содержанием вместо «Российской Закавказской компании» был назван «Закавказской торговой компанией». Текст «Объявления» об этой компании вслед за «Санкт-Петербургскими сенатскими ведомостями» был опубликован в «Тифлисских ведомостях», причем редакция в особой сноске подчеркивала, что «для всеобщего сведения статью сию предоставляется перепечатывать во всех ведомостях и журналах» [60].

Из «Объявления», между прочим, можно усмотреть, какое изменение претерпел грибоедовский «Проект» после смерти писателя (в сноске к «Объявлению» отмечено, что подразумевается именно проект «составленный ст[атским] сов[етником] А. С. Грибоедовым и ст[атским] сов[етником] П. Д. Завелейским»). В «Объявлении» сказано: «Просвещенное и глубокое, критическое обозрение сего проекта и дальнейшая осторожность, возбужденная обширностью сего дела и толикою его новостию, имели влияние на приостановление немедленного учреждения сей обширной компании. Очевидною являлась необходимость подробно рассмотреть проект по частям, особенно касательно обстоятельств его исполнения, и тогда убедились, что самая верная и беспрепятственно скорая его сторона есть собственно торговая» [61].

При однобоком толковании обширного грибоедовского плана действительно прогрессивного преобразования Закавказья его оппоненты приняли во внимание исключительно практические выгоды, которые сулила «Закавказская торговая компания» российским, а также местным фабрикантам. «Желая пребыть неослабно верною сей главной цели: упрочить в Азию сбыт российских товаров, — говорится в „Объявлении“, — и все стремить к полезнейшему развитию ея, компания столь же хорошо понимает и с доброхотством искренним намерена благоприятствовать и другой цели, тоже весьма важной, непосредственно и тесно соединенной с первою, а именно,

---

[58] *И. К. Ениколопов*. Грибоедов в Грузии, стр. 72—78.
[59] «Тифлисские ведомости», 1831, февраль (№ 12-14), стр. 17 (105).
[60] Там же.
[61] Там же, стр. 19 (107).

споспешествовать благосостоянию туземного закавказского купечества. Она не желает заслужить лучшей похвалы, как имени достойной посредницы и поверенного между российским и закавказским купечествами»[62]. Осуществлению этих целей и должна была помочь периодическая печать, особенно местный печатный орган — «Тифлисские ведомости». Как отмечалось в заключительной части «Объявления», «в газетах извещено будет о разобрании акций, о времени взноса денег по доставленным в Правление компании объявлениям и о раздаче акций»[63].

Независимо от того, как в дальнейшем справлялась редакция «Тифлисских ведомостей» с этой функцией, она, безусловно, проявила принципиальность, положительно оценив коллективное творение Грибоедова и Завелейского, назвав его «исполинским предприятием»[64]. Более того, редакция «Тифлисских ведомостей» проявила подлинно гражданское мужество, опубликовав спустя некоторое время после «Объявления» полный текст «Вступления к проекту устава Российской Закавказской компании», составленный в 1828 г. Грибоедовым и Завелейским[65]. Редакция газеты как бы противопоставила друг другу два проекта — грибоедовский, отвергнутый правительством, и тот, который был изложен в «Объявлении» и утвержден правительством, предоставляя возможность читателям самим рассудить, насколько совершенен был первый и насколько менее совершенен, но выгоден правительству — второй. Позиция редакции «Тифлисских ведомостей» в данном вопросе тем более достойна уважения, что редакция не могла не знать об отрицательном отношении к грибоедовскому «Проекту» со стороны Паскевича, который в то время находился в зените своей славы.

В редакционном введении, озаглавленном «Общий взгляд на обширные виды, которые могут постепенно и по естественному ходу дел войти в круг действий учреждаемой в Тифлисе Закавказской торговой компании», было сказано: «Заведение сие должно служить простым и прочным основанием к возведению одного из тех колоссальных зданий, которые предназначены обратить на себя общее внимание торгового мира. Без сомнения, для каждого должно быть любопытно увидеть, на чем могут основаться убеждения в действительном исполнении столь обширных видов. Все предположения по сему предмету, основанные на самых ясных доводах, почерпнутых из фактов, глубокого исследования края и теоретического сравнения будущих надежд с результатами, происшедшими от одинаковых данных в других частях света, подробно изложены в проекте, составленном в 1828 году действительным статским советником П. Д. Завелейским и статским советником А. С. Грибоедовым. Может быть, когда-нибудь нам удастся представить нашим читателям ис-

---

62 «Тифлисские ведомости», 1831, февраль (№ 12-14), стр. 24 (112).
63 Там же.
64 Там же, стр. 17 (105).
65 Там же, 1831, март, стр. 2 (138)—19 (155).

полинские предначертания к подлинному развитию действий компании, по мере того как будут умножаться ее средства. Сии общие понятия резкими чертами изображены в самом вступлении к вышеупомянутому проекту. Помещая здесь сие вступление в том самом виде, как оно было составлено в 1828 году, мы надеемся доставить двоякое удовольствие читающей публике: во-первых, видеть изложенными оригинальным, смелым и правильным образом предметы, имеющие всю цену новости; во-вторых, читать творение, в коем участвовал человек, заслуживший бессмертную память в нашем отечестве — А. С. Грибоедов» [66].

Следующее упоминание А. С. Грибоедова в газете было связано с трагической гибелью писателя 30 января 1829 г. в Тегеране.

В фондах Центрального Государственного архива Октябрьской революции хранится документ, проливающий некоторый свет на политическую ситуацию в столице Ирана, которая предопределила кровавую расправу над русским послом. Это — записка М. Я. Фон Фока от 22 марта 1829 г. — «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова» [67]. Автор записки сообщает министру иностранных дел К. В. Нессельроде: «Вот некоторое объяснение той ненависти, которую возымели к Грибоедову персидские чиновники и двор, желавшие отсрочить уплату контрибуции, удержать выдачу имущества выходцев и даже воспрепятствовать выходцам свободный пропуск в Россию». Далее записка составлена на основании писем А. С. Грибоедова к Ф. В. Булгарину: «Один друг Грибоедова, пред которым сей последний не имел ничего тайного и поверял все свои мысли и чувства, часто с ним разговаривал о делах персидских, и вот что он слышал от Грибоедова пред его отъездом. Против Аббаса-мирзы есть сильная партия при дворе, которая хотела бы удалить его от наследства престола. Эта партия боится, чтоб Россия не покровительствовала Аббасу-мирзе, и потому старалась и будет стараться всегда очернить его пред российским двором. Назначение в Персию посланником приятеля Аббаса-мирзы или, по крайней мере, человека, который знает все интриги двора, не могло быть приятным этой партии, и она будет стараться по возможности вредить послу. Но как персияне подлы и трусы, то одною твердостию можно удержать их в узде. Вот как говорил покойный Грибоедов» [68]. В заключение Фон Фок сообщал еще одну любопытную деталь: «Один член английского посольства в Персии, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга, говорил ему в присутствии друга: „Берегитесь! вам не простят Турк-

---

[66] Там же, стр. 1 (137)—2 (138).

[67] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1829 г., д. 147, л. 5. См. публикацию этого документа: *М. М. Медведев.* Новое о Грибоедове и декабристах. Грибоедов под следствием и надзором. — «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, М., 1956, стр. 490—491.

[68] *М. М. Медведев.* Новое о Грибоедове и декабристах. Грибоедов под следствием и надзором, стр. 490—491.

манчайского мира!" — И так многие заключают, что Грибоедов есть жертва политической интриги» [69].

В этом же деле содержится также донесение начальника 5-го Отделения корпуса жандармов полковника Жемчужникова от 19 апреля 1829 г. из города Орла — «О мнении орловской публики на счет убийства г-на Грибоедова» [70]. В нем говорится о толках среди населения губернии в связи с убийством русского посла в Персии.

Население Грузии до 19 июля 1829 г., когда «Тифлисские ведомости» сообщили о погребении Грибоедова в Тифлисе, не было официально уведомлено о трагическом происшествии в Тегеране 30 января 1829 г. Уже в конце февраля—начале марта до Тифлиса стали доходить слухи о гибели в Тегеране всей русской миссии. Встревоженный слухами, командир Нижегородского драгунского полка, расположенного в Кахети, генерал-майор Н. Н. Раевский доносил об этом Паскевичу: «Честь имею донести вашему сиятельству, что в Дагестане распространились слухи о разрыве Персии с Россией и об умерщвлении нашего посланника в Тегеране. Я еще не знаю, если сии известия нечаянно распространились, или с намерением распущены муллами и ходжами. Я обратил все свои старания, чтобы уничтожить сии ложные слухи пред выступлением наших войск за границу (с Турцией. — *Д. В.*) и дабы они не препятствовали набору лезгинского ополчения» [71].

Между тем в Тифлисе местные правительственные источники информации, в том числе и «Тифлисские ведомости», хранили упорное молчание, «не помещая даже официального сообщения о судьбе русского посольства. Как выяснилось впоследствии, газета вынуждена была не касаться этого события по распоряжению Паскевича» [72]. В одном из донесений военному министру гр. Чернышеву Паскевич приоткрывал завесу над хитроумным механизмом информации, который регулировался им самим. Сообщая, в частности, о способе информирования местного населения о военных событиях, в том числе и через тифлисскую русскую газету, Паскевич писал: поскольку «донесения мои г[осударю] и[мператору] о военных происшествиях заключали всегда сущность самих событий, основаны были на строгой истине и, по мнению моему, не имели в себе ничего такого, чтобы должно было скрывать от здешнего народа, то я приказывал те же самые обстоятельства, которые излагаемы были в означенных донесениях, помещать и в „Тифлисских ведомостях"; но если случались такие события, которые касались до обстоятельств политических, то я приказывал не упоминать о них вовсе. Таким образом, в газете тифлисской не были помещены известия о смерти послан-

---

[69] *М. М. Медведев.* Новое о Грибоедове и декабристах. Грибоедов под следствием и надзором, стр. 491. Об участии англичан в заговоре см. дневник декабриста Д. А. Арцыбашева от 10 марта 1829 г. (*М. М. Медведев.* Грибоедов и декабристы. Новые документы. — «Неделя», 19—25 июня 1960 г., стр. 18).

[70] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1829 г., д. 147, л. 7—7 об.

[71] «Русская старина», 1872, т. 6, стр. 170.

[72] *И. К. Ениколопов.* Грибоедов в Грузии, стр. 83.

ника нашего в Персии, о пограничных происшествиях с сим государством и о некоторых других случаях, о коих обнародование я признавал неуместным» [73].

Таким образом, благодаря чрезмерной бдительности Паскевича в «Тифлисских ведомостях» первое сообщение об этом происшествии в Тегеране промелькнуло лишь 26 апреля 1829 г. в статье «Несколько слов по случаю светлого праздника, о препровождении времени в Тифлисе». В статье (без подписи) подчеркивалось «искреннее участие, которое приняли все в несчастной кончине незабвенного нашего Александра Сергеевича Грибоедова, который был поистине любим и уважаем во всей силе сих слов, целым городом, или лучше сказать целым краем» [74].

Две недели спустя после опубликования туманного сообщения о гибели Грибоедова в «Тифлисских ведомостях» появилась корреспонденция от 9 мая 1829 г., в которой не менее глухо говорилось о январских событиях в Тегеране: «Наш город занят ныне приездом персидского принца. Его высочество Хосров-Мирза, сын наследника персидского престола Аббас-Мирзы, посланный его величеством Фет-Али-шахом по случаю несчастного происшествия, приключившегося в Тегеране с российско-императорскою миссиею, прибыл в Тифлис 7 мая, в сопровождении Амер-Низами (главного начальника регулярных войск), Мехмед-хана и многочисленной свиты» [75].

О пребывании Хосров-Мирзы в Тифлисе, а затем в Москве и Петербурге, о приемах и раутах, устраивавшихся в его честь в этих городах, «Тифлисские ведомости» сообщали регулярно и довольно обстоятельно, но уже без всякого упоминания о причине, в связи с которой персидский принц находился в России. И только во второй половине июля 1829 г. в «Тифлисских ведомостях» была напечатана в строго официальном тоне краткая информация о панихиде в Сионском соборе и погребении А. С. Грибоедова на горе Мтацминда. Приводим ее целиком: «Тело покойного Российского полномочного министра в Персии, с[татского] с[оветника] Грибоедова, привезенное из Тегерана со всеми почестями, приличными сану, в который он был облечен, по выдержанию всех карантинных сроков, 17 июля перевезено из тифлисского карантина в Сионский кафедральный собор, где оное поставлено было на нарочито для сего изготовленный великолепный катафалк. На другой день его высокопревосходительство тифлисский военный губернатор, весь генералитет, военные и гражданские чиновники собрались в соборе. По совершении божественной литургии его высокопреосвященство экзарх Грузии произнес надгробное слово и исчислением доблести покойника произвел тем сильнейшее впечатление над слушателями, что сердца всех присутствовавших расположены уже были к глубокой печали воспоминанием о горестной потере столь отличного мужа. По окончании

---

[73] АКАК, т. VII, док. 34, стр. 17—18.
[74] «Тифлисские ведомости», 26 апреля 1829 г., стр. 3.
[75] «Тифлисские ведомости», 10 мая 1829 г., стр. 2.

обычных обрядов бренные остатки Александра Сергеевича Грибоедова, в сопровождении его высокопреосвященства экзарха Грузии и всех присутствовавших, отнесены в монастырь св[ятого] Давида и преданы земле согласно с волею, неоднократно объявленною покойником при жизни» [76].

Имя Грибоедова неоднократно упоминалось на страницах «Тифлисских ведомостей», всегда с симпатиями к личности писателя, с высоким уважением к его памяти.

В одном из таких материалов, в некрологе Ф. С. Хомякова, написанном редактором «Тифлисских ведомостей» П. Санковским и опубликованном в газете 25 января 1829 г. (т. е. за пять дней до убийства Грибоедова в Тегеране), подчеркивалась незаурядность личности писателя. По словам Санковского, жизнь Грибоедова представляла безусловный образец для подражания. Изложив биографию Хомякова, Санковский заканчивал словами: «Он был назначен секретарем по дипломатической части при его сиятельстве главноуправляющем Грузиею на место Александра Сергеевича Грибоедова. Чем выше мнение о предместнике, тем труднее тому, кто принимает на себя его обязанность; следовательно, ничто не может дать лучшего понятия о достоинствах покойного Федора Степановича Хомякова, как то, что он в короткое время заслужил здесь доверие и расположение начальства и отличное мнение всех, кто только его знал» [77].

В другом материале (без подписи), опубликованном в «Тифлисских ведомостях» спустя два года после смерти Грибоедова («Могила Грибоедова. Письмо из Тифлиса в С.-Петербург, от 16 мая 1830 года»), выражено благоговейное отношение к памяти безвременно погибшего писателя [78]. Мастерски написанный очерк наряду с художественным описанием местности, где находится могила Грибоедова, содержал высокую оценку творчества автора «Горя от ума». Очерк напечатан в «Тифлисских ведомостях» в период самого активного сотрудничества в этой газете А. А. Бестужева-Марлинского, близкого друга Грибоедова, и, возможно, автора этого очерка (наши предположения по этому поводу будут даны в главе V). Отметим только, что содержащееся в очерке подчеркнуто уважительное отношение к Грибоедову и его бессмертному творчеству было в высшей степени характерным для «Тифлисских ведомостей», часто цитировавших многие крылатые выражения из гениальной грибоедовской комедии.

Такова вкратце история взаимоотношений Грибоедова с первой русской газетой на Кавказе. Они находятся в общем русле благорасположения писателя к Кавказу, к Грузии и ее народу. Напомним, что Грузию Грибоедов «полюбил пламенно, так чисто, как редко любят даже родину свою» [79]. Газета «Тифлисские ведомости», на-

---

[76] «Тифлисские ведомости», 19 июля 1829 г., стр. 1.
[77] «Тифлисские ведомости», 25 января 1829 г., стр. 3.
[78] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 16 (80)—19 (83).
[79] «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929, стр. 200.

ряду с «Проектом Российской Закавказской компании», являлась, видимо, звеном в цепи прогрессивных преобразований в Закавказье, намечавшихся Грибоедовым.

Взаимоотношения А. С. Пушкина с руководителями «Тифлисских ведомостей»

Грузинам, сопровождавшим арбу с телом А. С. Грибоедова из Тегерана в Тифлис, около крепости Гергеры повстречался А. С. Пушкин, спешивший к театру военных действий с Турцией. Встреча двух великих поэтов вдали от родины, в глухой местности Закавказья, была и неожиданной, и символической: погибший поэт как бы передавал эстафету своему коллеге, завещая ему любовь к краю, где они в последний раз столь печально встретились. Многие произведения, вышедшие из-под пера Пушкина после этой встречи в Гергерах и посвященные кавказской теме, свидетельствовали о том, что поэт выполнил завещание своего друга в полной мере.

Среди тифлисских литераторов, которые могли узнать об ожидавшемся приезде Пушкина на Кавказ через Льва Сергеевича Пушкина, служившего в то время в Нижегородском драгунском полку в должности адъютанта Н. Н. Раевского, в первую очередь, следует назвать главного редактора «Тифлисских ведомостей» П. С. Санковского. По свидетельству современников, он был давним знакомым Пушкина, еще с тех пор, как юный Санковский служил в Петербурге чиновником Министерства полиции [80].

Во всяком случае, из содержания «Тифлисских ведомостей» можно заключить, что Санковский и его коллеги по редакции располагали точными сведениями относительно намерения поэта посетить Кавказ, в том числе и Грузию. Редакция «Тифлисских ведомостей» 26 апреля 1829 г. с грустью сообщала: «Мы ожидали даже сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России» [81]. Поездка поэта к друзьям-декабристам на Кавказ заняла май—август 1829 г. Пушкин, задержавшись на некоторое время в Москве, «1 мая 1829 года выехал на юг. Нельзя было удоб-

---

[80] «Русская старина», 1880, т. 28, стр. 581.

[81] «Тифлисские ведомости», 26 апреля 1829 г., стр. 2—3. Мысль о посещении Кавказа, в том числе Грузии, возникла у А. С. Пушкина еще в 1827 г. 18 мая этого года он писал из Москвы (в Тифлис) своему брату Льву Сергеевичу: «Завтра еду в Петербург... Из Петербурга поеду в чужие края, т. е. в Европу, или восвояси, т. е. в Псков, но вероятнее всего в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского». Намерение это осуществилось, однако, только в 1829 г. (*Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 240; *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X. М., 1966, стр. 228).

По мнению И. К. Ениколопова, знакомство А. С. Пушкина и П. С. Санковского состоялось только после приезда поэта в Тифлис в 1829 г. (см. *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии, стр. 52).

нее выбрать время для путешествия, так как внимание всей полиции было занято охраной Николая I, совершавшего поездку в Варшаву, с тем чтобы короноваться там королем польским» [82]. Несмотря на благоприятную ситуацию, своевольный поступок поднадзорного поэта — поездка на юг без соответствующего на то разрешения — с самого начала не остался незамеченным Третьим Отделением с. е. и. в. к. Обеспокоенный внезапным решением Пушкина отправиться на Кавказ, А. Х. Бенкендорф уже 22 марта 1829 г. предписал петербургскому генерал-губернатору А. Голенищеву-Кутузову выяснить и доложить, «куда уехал Пушкин и о надлежащем продолжении за ним учрежденного с высочайшего утверждения секретного наблюдения» [83]. Последний сообщил Бенкендорфу, что «об отъезде отсюда в Тифлис известного стихотворца отставного чиновника 10 класса Пушкина, состоящего здесь под секретным надзором, довел я до сведения г. главнокомандующего в Грузии графа Паскевича-Эриванского» [84]. В свою очередь и Паскевич через барона Д. Е. Остен-Сакена в связи с ожидавшимся приездом в Грузию Пушкина просил 12 мая 1829 г. тифлисского военного губернатора С. С. Стрекалова «не оставить распоряжением о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию» [85].

Одним из следствий такой «подготовки» кавказской администрации к встрече великого поэта было молчание тифлисской русской газеты. Небольшая заметка без подробностей о пребывании поэта в столице Грузии появилась в «Тифлисских ведомостях» от 28 июня 1828 г., когда Пушкин уже находился в действующих войсках Отдельного кавказского корпуса на подступах к Арзруму. Текст этой неподписанной заметки, принадлежавшей, по всей вероятности, Санковскому, мы приводим целиком: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках и 16 июня прибыл в лагерь при Искан-Су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам „Кавказского пленника“, в Крыму написал „Бахчисарайский фонтан“, в Бессарабии — „Цыган“, во внутренних провинциях описал он прелестные картины „Онегина“. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани» [86]. Запоздалое опубликование в «Тифлисских ведомостях» этой заметки

---

[82] *И. К. Ениколопов*. Пушкин в Грузии, стр. 28.
[83] *Н. О. Лернер*. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, стр. 185.
[84] Там же.
[85] АКАК, т. VII, док. 922, стр. 954—955.
[86] «Тифлисские ведомости», 28 июня 1829 г., стр. 3.

В. С. Шадури объясняет осторожностью следившего за Пушкиным в Тифлисе по предписанию свыше генерала Стрекалова, которая побудила его «воздержаться до поры до времени от помещения заметки о прибытии поэта» [87].

Получив уведомление от Н. Н. Раевского, что Паскевич разрешил ему приезд в действующие войска, Пушкин на следующий день, 10 июня, выехал из Тифлиса по направлению к Карсу, неподалеку от которого квартировал в то время основной состав Отдельного кавказского корпуса. Именно об этом и говорит заметка, напечатанная в «Тифлисских ведомостях». Но о почти двухнедельном пребывании поэта в Тифлисе в ожидании упомянутого разрешения, о его встречах с представителями местного общества, о чем он сам писал в «Путешествии в Арзрум», о поездках по окрестностям города и, как предполагают, в Кахети, — обо всем этом в «Тифлисских ведомостях» не было напечатано ни строчки. А между тем: «В Тифлисе пробыл я около двух недель, — писал Пушкин, — и познакомился с тамошним обществом. С[анковский], издатель „Тифлисских ведомостей“, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о к[нязе] Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. С[анковский] любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность» [88].

К. И. Савостьянов, присутствовавший «за обедом у издателя Тифлисской газеты Санковского», на котором был и Пушкин, сообщил любопытные сведения о празднике, устроенном в честь русского поэта в «одном из прекрасных загородных виноградных садов за рекою Курой» [89]. Инициатором праздника, по свидетельству Савостьянова, явилось «общество молодых людей, бывших на службе», среди которых Пушкин встретил «некоторых из своих лицейских товарищей» [90]. Об этом торжестве в «европейско-восточном вкусе», во время которого «на русского Торквато надели венок из цветов, посадили в кресло и начали его поднимать на плечах своих при беспрерывном „ура“, заглушавшем гром полного оркестра музыки» [91], нет упоминаний ни в «Тифлисских ведомостях», ни в «Путешествии в Арзрум».

Из тех, с кем Пушкину довелось встретиться в Тифлисе, поэт упомянул лишь Санковского и генерала Стрекалова [92], намеренно опустив имена политически «неблагонадежных», с которыми он общался в Грузии и на фронте. Сообщив читателям, например, о встрече в Гергерах с адъютантом военного министра Бутурлиным [93], который направлялся в действующие войска с известным нам поручением от своего шефа, поэт ни словом не обмолвился, что

---

[87] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 266—267; *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 246.

[88] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. 8, ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 457.

[89] «Пушкин и его современники», вып. XXXVII. Л., 1928, стр. 146.

[90] Там же.

[91] Там же, стр. 148.

[92] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. 8, ч. 1, стр. 457, 459.

[93] Там же, стр. 462.

в Нижегородском драгунском полку он встречался со своим дальним родственником, разжалованным графом Захаром Чернышевым.

П. Санковский предстает в путевых записках Пушкина как человек, занимавший солидное положение в кавказской администрации, будучи руководителем местного правительственного печатного органа. Он всячески старался познакомить поэта с местным краем и его населением. Во многих номерах «Тифлисских ведомостей» часто встречаются статьи и материалы по истории и этнографии Грузии, принадлежащие перу Санковского. Долгое время находясь на службе в Грузии и располагая правом доступа к местным архивам, Санковский уже ко времени приезда Пушкина на Кавказ почитался среди местных русских чиновников едва ли не лучшим знатоком Кавказского края, специалистом по Грузии. Отчасти именно этим объясняется, что Паскевич не только не уволил Санковского вместе со многими другими чиновниками, служившими при А. П. Ермолове, но сделал его одним из своих приближенных, назначив на должность чиновника по особым поручениям.

Мы склонны думать, что Санковский был для Пушкина источником сведений из истории Грузии, о нравах и обычаях местного населения, включенных потом в «Путешествие в Арзрум». Возможно, что он поведал Пушкину о популярной тогда в Грузии песне «Ахал агнаго суло», упомянутой в путевых записках поэта. Санковского можно считать популяризатором этой грузинской песни: в некоторых своих репортажах и заметках, опубликованных в «Тифлисских ведомостях», он неоднократно упоминал или ссылался на нее. Не исключено, что помощь поэту в подстрочном переводе песни оказал другой сотрудник «Тифлисских ведомостей», С. И. Додашвили, редактировавший грузинский вариант газеты. Будучи в Петербурге в 1827 г., Додашвили часто бывал у издателя своей книги «Логика» — А. Смирдина, содержавшего книжную лавку на Невском проспекте. Лавка была своеобразным литературным клубом, где собирался цвет русских писателей. Частым посетителем ее был и Пушкин. У Смирдина Додашвили, как он пишет, «познакомился с поэтами и писателями, хорошо известными Петербургу и всему свету»[94]. В это время (июнь 1827 г.) Пушкин находился в Петербурге[95].

Итак, Пушкин прибыл в действующий корпус 13 июля 1829 г., за несколько часов до выступления из-под Карса. Таким образом, поэт стал непосредственным наблюдателем, а в известном смысле даже участником последнего этапа войны с Турцией, всех сражений, завершившихся взятием русскими войсками столицы Анатолии города Арзрум. В промежутках между боевыми операциями «Пушкин наслаждался свободною и беззаботною лагерною жизнью. Он жил в палатке веселого и гостеприимного Раевского, куда собиралось еже-

---

[94] См. *С. Хуцишвили.* Письма С. Додашвили. — «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 2, 1944, стр. 43.

[95] *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии, стр. 59.

дневно самое разнообразное общество» [96]. Среди друзей — ссыльных декабристов Пушкин чувствовал себя вольготно, полагая цель своего путешествия достигнутой:

«Желал я душу освежить
Бывалой жизнию пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей» [97].

После взятия Арзрума обстановка переменилась: Пушкин жил во дворце плененного сераскира, занятом Паскевичем и его приближенными. В короткий срок поэт ознакомился с достопримечательностями поверженного города. Приблизив к себе поэта, Паскевич, как это подметил Е. Г. Вейденбаум, имел в виду два выгодных для себя обстоятельства: «Паскевич, разрешив ему приезд в армию, принял на себя надзор за его поведением и сношениями и для этого старался, по возможности, не отпускать его от себя. М. И. Пущин рассказывает, что «Пушкин не мог из вежливости оставить Паскевича, который... в свободное от занятий время за ним посылал и порядочно — по словам Пушкина — ему надоел». Держа Пушкина около себя, тщеславный военачальник, ставивший свои сражения наравне с победами Александра Македонского и знаменитейших римских полководцев, рассчитывал вместе с тем, что поэт проникнется величием подвигов нового македонского героя и не откажется быть его певцом» [98].

Отдушиной для поэта, по словам самого Пушкина, были встречи и беседы с заместителем редактора «Тифлисских ведомостей» В. Д. Сухоруковым [99], одновременно состоявшим, как известно, при главнокомандующем для составления истории войны с Турцией на Азиатском фронте. «Вечера проводил я, — пишет Пушкин, — с умным и любезным Сухоруковым; сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такой ревностию и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены» [100]. «Желания и требования» Сухорукова, высказанные им в беседах с Пушкиным, состояли в стремлении добиться возвращения отобранных у него по приказу Николая I архивных материалов по истории донского казачества, выявленных им в результате многолетнего кропотливого труда [101]. Политически «неблагонадежный» и поднадзорный Сухо-

---

[96] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 248.

[97] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), справочный том. М.—Л., 1959, стр. 29.

[98] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 254.

[99] По мнению И. К. Ениколопова, «До этого Пушкин знал Сухорукова главным образом по его статьям» (*И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии, стр. 66).

[100] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. VIII, стр. 479.

[101] «Пушкин в воспоминаниях современников». Л., 1950, стр. 392.

руков отдавал отчет, что в условиях николаевского режима, при наличии у него к тому же могущественного недоброжелателя, каким был тогдашний военный министр гр. А. И. Чернышев, на большее он вряд ли мог рассчитывать. Последующие события показали, насколько соответствовала действительности трезвая оценка Сухоруковым своего положения на Кавказе.

Поистине трогательным является тот факт, что после ссылки Сухорукова в Финляндию Пушкин, проникшийся большой симпатией к бывшему заместителю редактора «Тифлисских ведомостей», принял горячее участие в его судьбе [102].

По воле местного начальства «Тифлисские ведомости» после опубликования заметки о приезде Пушкина в Грузию вынуждены были опять хранить молчание вплоть до его отправления из Тифлиса в Россию в августе 1829 г. По возвращении поэта из Арзрума в Тифлис он снова встречался с Санковским. Об этом сообщает в своих мемуарах попутчик Пушкина по путешествию из Екатеринограда до Тифлиса Н. Б. Потокский. Как отмечает Вейденбаум, «Н. Б. Потокский, по его собственным словам, в 1829 г., не имея еще и 20 лет от роду, освободился от опеки своих родителей и с большими надеждами отправился на Кавказ с рекомендательными письмами к Н. Н. Раевскому, П. С. Санковскому и В. Д. Вольховскому. В Екатеринограде юноша встретился с Пушкиным и вместе с ним отправился в Владикавказ. В Тифлисе жили они в одной гостинице [103], а по возвращении Пушкина из Эрзерума встречались в доме Санковского» [104]. Вот как описывает Потокский одну из этих встреч: «Первое мое посещение было П. С. Санковскому, тогдашнему издателю и редактору интересных в то время „Тифлисских ведомостей" — давнему знакомому Пушкина. Я имел к нему письмо от сестер его, живших в Малороссии в небольшой своей деревушке. П. С. Санковский просил навещать его чаще и таким образом спустя недели три после отъезда А. С. Пушкина в армию, когда я сидел у П. С. Санковского за вечерним чайным столом, разговор, как всегда, и на сей раз коснулся Александра Сергеевича. П. С. Санковский заговорил: „Меня беспокоит неизвестность, что теперь там делает Александр Сергеевич, здоров ли он?" Вдруг дверь с шумом распахнулась и к нам в комнату неожиданно влетел Пушкин и бросился в объятья Санковскому. На Пушкине был широкий белой материи турецкий плащ, на голове красная феска. На вопросы, что так скоро вернулся

---

[102] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V. М.—Л., 1936, стр. 534.

[103] Имеется в виду единственная в то время в Тифлисе гостиница, которую содержал тот же Матасси, владелец «ресторации» при доме Армянского духовного училища. Пушкин сначала жил в этой гостинице, которую в «Путешествии в Арзрум» именовал трактиром, жалуясь на то, что в нем кормили его и дорого и дурно (*А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах). М.—Л., т. VIII, 1948, стр. 459). По возвращении из Арзрума Пушкин проживал в доме Цуринова на Эриванской площади (*Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 240).

[104] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды, стр. 237.

из армии, Александр Сергеевич ответил: «Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, нянек; мне крайне было жаль расставаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их... Вот и я поспешил к тебе, мой друг Павел Степанович...» [105].

Из Арзрума Пушкин вернулся в Тифлис 1 августа 1829 г. В «Путешествии в Арзрум» он писал: «Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах, при звуке музыки и песен грузинских» [106]. По воспоминаниям Потокского можно заключить, что Санковский в течение этих пяти дней до отъезда Пушкина на Минеральные воды почти неизменно находился с ним, должно быть, с удовольствием продолжая исполнять лестную для него роль гида. «На другой и на третий день, — повествует далее Потокский, — я еще встречался с Пушкиным и Санковским и вместе делали прогулку по городу: между прочим посетили еще свежую могилу Грибоедова...» [107] на горе Мтацминда, ставшую впоследствии (и по сей день) местом паломничества и поклонения автору «Горя от ума».

Сообщение об отъезде Пушкина из Тифлиса было напечатано в «Тифлисских ведомостях» 9 августа, т. е. три дня спустя после того, как поэт покинул столицу Грузии, направляясь к Минеральным водам. В сообщении говорилось: «6 августа Пушкин, возвратившийся из Арзерума, выехал из Тифлиса к Кавказским Минеральным водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коим гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения, наделит литературу» [108].

Кроме приведенных нами трех корреспонденций, связанных с приездом и пребыванием Пушкина в Закавказье, в «Тифлисских ведомостях» появлялось несколько сообщений, в которых сказывался неослабевавший интерес членов редакции газеты к творчеству гениального поэта. Редакция «Тифлисских ведомостей» стремилась пропагандировать каждое новое произведение Пушкина. Так, в № 16 газеты за 1829 г. под рубрикой «Разные известия» было помещено сообщение о том, что «недавно вышла в свет поэма „Полтава“. Новое произведение А. Пушкина» [109]. Любопытно, что в этом же номере газеты помещена заметка, в которой читателям сообщалось, что издан «нравственно-патриотический роман» Ф. Булгарина «Иван Выжигин» [110]. Имя Пушкина было настолько известно и любимо уже в то время не только в России, но и в отдаленном Закавказье, что отдельные произведения Пушкина упоминались в «Тифлисских ведомостях» иногда даже без ссылки на имя поэта. В одном из напе-

---

[105] *Н. Б. Потокский.* Встречи с А. С. Пушкиным в 1829 г. — «Русская старина», 1880, т. 28, стр. 581—582.

[106] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. VIII, стр. 482.

[107] *Н. Б. Потокский.* Встречи с А. С. Пушкиным в 1829 г., стр. 582.

[108] «Тифлисские ведомости», 9 августа 1829 г., стр. 3—4.

[109] «Тифлисские ведомости», 19 апреля 1829 г., стр. 2.

[110] Там же; см. также «Прибавление» к «Тифлисским ведомостям», 31 декабря 1830 г., стр. 3.

чатанных в газете «открытых писем», адресованном местным служащим из Тифлиса своему другу в Петербург, говорилось: «Что сказать тебе о прелестях здешних красавиц? — в силах ли вялая проза исчислить все их красоты? Возьми „Бахчисарайский фонтан“ и „Кавказского пленника“, прочти портреты Заремы и Черкешенки — и ты получишь, хотя слабое, понятие о красоте здешних дам и девиц» [111].

Газета дала восторженную оценку одному из замечательных произведений Пушкина — «Евгению Онегину», вопреки официальной критике, и прежде всего Булгарину, причислившему роман к посредственным произведениям. Санковский утверждал, что «во внутренних провинциях описал он (Пушкин) прелестные картины „Онегина“» [112]. Булгарин же в связи с выходом в свет седьмой главы пытался внушить читателям: «В пустыне нашей поэзии опять явился Онегин, бледный, слабый» [113].

На это расхождение в оценках обратил внимание сам Пушкин в путевых записках: «Во Владикавказе нашел я Д[орохова] и П[ущина]. Оба ехали на воды, лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У П[ущина] на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. П[ущин] остановил меня, требуя, чтоб я читал с бо́льшим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней, и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование П[ущи]на показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца. Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» [114].

Существующий фактический материал, в том числе некоторые данные из «Путешествия в Арзрум» и особенно из эпистолярного наследия поэта, наглядно свидетельствуют, что Пушкин в свою очередь

---

[111] «Тифлисские ведомости», 12 сентября 1828 г., стр. 3.

[112] Там же, 28 июня 1829 г., стр. 3.

[113] «Северная пчела», 1830, № 35, стр. 1.

[114] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. 8, ч. 1, стр. 482—483. Разительно отличным было отношение и к самой поездке А. С. Пушкина на Кавказ «Тифлисских ведомостей» и столичной официальной и полуофициальной прессы. В то время как тифлисская русская газета с радостью оповестила своих читателей о приезде и пребывании поэта в Закавказье («Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию...»), булгаринская «Северная пчела», оскорбленная тем, что поэт не воспел «подвиги» Паскевича-Эриванского, следующим образом комментировала итоги поездки Пушкина «за Кавказ»: «Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор „Руслана и Людмилы“ устремился за Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными...» («Северная пчела», 1830, № 35, стр. 1).

интересовался тифлисской русской газетой, был знаком с людьми, благодаря усилиям которых она делалась. Может быть, отчасти потому, что содержание «Тифлисских ведомостей» в общем импонировало поэту, он в ответ на просьбу Санковского выразил согласие сотрудничать в газете. После пребывания в Закавказье в 1829 г. Пушкин писал на кавказские темы, но обещания своего почему-то не сдержал. Некоторые исследователи, несколько скептически относящиеся к политическому облику Санковского, полагают, что Пушкин сознательно не стал сотрудничать в его газете, ибо Санковский «долго служил в Министерстве полиции, и это обстоятельство, надо полагать, не могло укрыться от Пушкина и играло определенную роль в их дальнейших отношениях» [115]. Кроме того, «многие сведения „Тифлисские ведомости“ заимствовали из „Северной пчелы“. В свою очередь, „Северная пчела“ не раз пользовалась сведениями из тифлисской газеты, и, по-видимому, эти факты не могли не раздражать Пушкина» [116]. По нашему мнению, ни один из этих доводов не представляется убедительным. Тот факт, что Санковский в юном возрасте служил в Министерстве полиции, по справедливому замечанию В. С. Шадури, «сам по себе ничего не говорит о политических убеждениях Санковского. Выясняется, что из Министерства полиции он был уволен в 1820 г. и перешел в государственную комиссию погашения долгов. Желая служить в Грузии, Санковский подал прошение Ермолову, и последний, зная его „с хорошей стороны“, взял к себе» [117]. Предположение о том, какие обстоятельства могли способствовать карьере Санковского при Паскевиче, уже высказаны нами. Но объективной характеристикой политических устремлений редактора «Тифлисских ведомостей» служит тот факт, что Санковский пригласил к участию в тифлисской газете В. Д. Сухорукова и С. И. Додашвили, а многим ссыльным декабристам предоставил возможность печататься в газете.

Второй довод И. К. Ениколопова опровергается тем, что еще при создании «Тифлисских ведомостей» редакции газеты по «высочайшему повелению» было вменено в обязанность «внешние политические известия заимствовать только из ведомостей и журналов, издаваемых с дозволения правительства в С.-Петербурге, Москве и Одессе» [118]. Но и выполнение этого предписания вовсе не препятствовало острой полемике «Тифлисских ведомостей» с булгаринской «Северной пчелой», а также с некоторыми правительственными печатными органами, что вряд ли могло «раздражать Пушкина». Что же касается перепечатывания «Северной пчелой» сведений из «Тифлисских ведомостей», то интерес петербургской прессы, в том числе и со стороны булгаринской «Пчелки» к единственному в то время русскому печатному органу на всем обширном Кавказе, по-

---

[115] *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии, стр. 102.

[116] Там же.

[117] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 257—258.

[118] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 861, л. 19.

жалуй, был вполне естественным. Надо заметить, что регулярное перепечатывание известий из «Тифлисских ведомостей» вызвало у издателей тифлисской газеты довольно колкие замечания в адрес «Северной пчелы». Так, в заключительной части «Объявления об издании «Тифлисских ведомостей» в будущем 1831 году» было сказано: «Приняв за правило заключать объявления наши, о продолжении на следующий год „Тифлисских ведомостей“, изъявлением признательности, мы щитаем себя обязанными обратить нынешнего года благодарность нашу к одному из издателей, постоянно делающему нам честь перепечатыванием статей, помещаемых в нашей газете. Сие без сомнения исполняется с благонамеренною целью познакомить читающую публику с нашим изданием, но как, в течение более двух лет столь исправного перепечатывания цель сия, вероятно, уже исполнилась, и мы должны думать, что впредь не будем удостаиваемы таковой чести, то почли непременным долгом изъявить, сколь умеем чувствовать всю цену подобного одолжения» [119]. Вряд ли приходится сомневаться в том, что выдержанное в вежливой форме запрещение на перепечатку в дальнейшем статей из «Тифлисских ведомостей» было адресовано «благонамеренному» Фаддею Булгарину. Подоплекой для такого запрещения служило то, что систематическое, «в течение более двух лет», перепечатывание статей подрывало экономическую основу «Тифлисских ведомостей», отвлекая от нее потенциальных подписчиков в России и в какой-то мере обесценивая ее как первоисточник.

Здесь нужно отметить еще одно обстоятельство: если перепечатывание отдельных статей и официальных материалов из «Северной пчелы» носило принудительный характер, то никто не вменял в обязанность редакции тифлисской газеты популяризировать среди кавказских читателей «Литературную газету», вдохновителем которой являлся А. С. Пушкин. Интерес к журналистской деятельности великого писателя проистекал от искреннего восхищения многогранным литературным талантом. Приводимая ниже выдержка из «Тифлисских ведомостей» свидетельствует, что в принципиальной полемике «Литературной газеты» с Булгариным и Н. И. Гречем редакция тифлисской русской газеты стояла на стороне Пушкина и А. А. Дельвига. Нужно сказать, что подобная позиция для официального издания, каким являлись «Тифлисские ведомости», в то время была довольно смелой и без сомнения высоко оценивалась читателями. Редакционное сообщение «Тифлисских ведомостей» от 5 ноября 1830 г. приводим целиком: «„Литературная газета“ будет издаваться и в будущем 1831 году. Газета сия выходит через каждые пять дней, нумерами в один печатный лист большого размера. В течение года сих № будет издано 72. Первый номер выйдет в свет 1-го января 1831 года. Цена годовому изданию с пересылкою 40 руб. асс.

Газета сия, издание коей начато в настоящем году, мало еще известна в нашем крае. Закавказские любители чтения могут найти

---

[119] «Тифлисские ведомости», 18 октября 1830 г., стр. 1.

в ней много приятного и полезного. Она издается известным русским поэтом бароном Дельвигом. Некоторые из лучших наших поэтов и прозаиков помещают в ней свои статьи. Мы читали в сей газете, кроме стихов А. Пушкина, отрывки его в прозе. Несогласия в мнениях между участвующими в издании сей газеты и издателями „Северной пчелы“ и „Телеграфа“ могут представить много занимательного для наблюдающих ход нашей литературы» [120].

В разделе «Библиография» в дальнейшем регулярно сообщалось о поступлении в Тифлис каждого нового номера «Литературной газеты», как, впрочем, и других журналов и газет, в том числе и «Северной пчелы». Редакция тифлисской газеты прибегала и к другому приему, чтобы показать читателю, что сообщения «Литературной газеты» более достоверны, чем реклама в «Северной пчеле». Так, в № 90 «Тифлисских ведомостей» за 1830 г. в разделе «Вновь вышедшие книги» сообщалось о выходе в свет перевода на русский язык практического пособия по музыке, составленного Штейбольтом («Полная практическая школа для фортепиано»). Указав адрес книгопродавца И. В. Непеицына в Петербурге, у которого можно было приобрести пособие, редакция «Тифлисских ведомостей» продолжала: «Всяк знает, кто Штейбольт, следовательно всяк, если не знает, то по крайней мере может догадаться, какова должна быть его школа для фортепиано: но каков перевод сей школы на русском языке, по объявлениям, помещенным в русских газетах, трудно угадать.

В „Северной пчеле“ об оном сказано:

„На русский язык переведена она одним известным любителем музыки и дополнена многими пьесами для упражнений. На русском языке есть несколько изданий, так называемых Школ для фортепиано, но оне или неполны, или уже устарели, а потому и должны уступить первенство Школе Штейбольта. Рекомендуем ее наставникам“».

Вот что говорит „Литературная газета“: „Вообще слог его (переводчика. — *Д. В.*) темен и термины музыкальные местами истолкованы весьма забавным образом (см. стран. 21), даже написаны неправильно. Что значит, например, *граве* (gravé), *ларжетто* (по-итальянски написанное Largetto, вместо Larghetto), *шерцандо*, вместо *скерцандо* и т. п.? Что значит истолкование слова *assai*: «термин сей прибавляется к *аллегро* и *престо*», и только? следовательно, собственного значения он не имеет?“

Мы поместили оба сии объявления, дабы лучше исполнить принятую нами обязанность беспристрастно сообщать нашим закавказским читателям получаемые нами библиографические известия» [121].

Совершенно очевидно, что редакция «Тифлисских ведомостей» фактически согласна с отзывом «Литературной газеты».

---

[120] «Тифлисские ведомости», 5 ноября 1830 г., стр. 4.
[121] «Тифлисские ведомости», 8 ноября 1830 г., стр. 1—2.

Симпатии тифлисской газеты к Пушкину и его детищу «Литературной газете» дополнялись тем, что редактор Санковский неоднократно напоминал поэту о его обещании прислать что-нибудь для напечатания в «Тифлисских ведомостях». 14 ноября 1829 г. Санковский просит А. И. Философова: «Повидайте, если возможно, Пушкина. Напомните ему обо мне и попросите его прислать мне „Калмычку", которую он обещал» [122]. Через месяц с лишним редактор «Тифлисских ведомостей» повторил свою просьбу через того же Философова. В письме от 25 декабря Санковский писал: «Сделайте милость, если увидите Пушкина, напомните ему обещание, столько раз повторенное, что если он напишет что-нибудь об этой стране, чтобы он мне прислал...» [123].

Наконец, Санковский решился «с оказией» написать поэту. Письмо свое к Пушкину он поручил доставить направлявшемуся в Петербург майору И. Казасси [124], который и упомянут в ответном послании Пушкина на недошедшее до нас письмо редактора «Тифлисских ведомостей» к поэту. Поскольку письмо Пушкина Санковскому от 3 января 1833 г. имеет важное значение для истории первой русской газеты на Кавказе, приводим его без сокращений: «Я так виноват перед вами и должен казаться таким неблагодарным, что мне совестно вам писать. Г-н Казасси доставил мне очень любезное письмо от вас; вы в нем просили у меня стихов для альманаха, который намеревались выпустить к этому году. Я задержал свой ответ по весьма уважительной причине: мне нечего было вам послать и я все ждал, как говорится, минуты вдохновения, то есть припадка бумагомарания. Но вдохновение так и не пришло, в течение последних двух лет я не написал ни одного стиха — и вот почему мое доброе намерение преподнести вам свои несчастные стишки отправилось мостить ад. Ради бога, не сердитесь, а лучше пожалейте меня за то, что мне никогда не удается поступать так, как мне следовало бы или хотелось бы.

Я поручил Ширяеву доставить вам все напечатанное мною по возвращении из Тифлиса — не знаю, выполнил ли он это. Я же обязан вам большой благодарностью за присылку „Тифлисских ведомостей" — единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес. Если вы видаете А. Бестужева, передайте ему поклон от меня. Мы повстречались с ним на Гут-горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения лишь из журналов, в которых он печатает свои прелестные повести. Здесь

---

122 ЦГИА СССР, ф. 1075, оп. 1, д. 935, л. 27; ср. «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, стр. 92. Стихотворение «Калмычка» было написано Пушкиным во время путешествия на Кавказ в 1829 г.

123 Там же, л. 23; ср.: «Литературное наследство», т. 58, стр. 92.

124 И. Казасси служил тогда командиром 2-го дивизиона Нижегородского драгунского полка (см. Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 26 (II кн.), стр. 37).

распространился слух о его смерти, мы искренно оплакивали его и очень обрадовались его воскрешению...

Письмо это передаст вам г-н Россети, весьма достойный молодой человек, который покидает блестящий свет и ветреное и рассеянное существование для сурового ремесла грузинского солдата. Мы рекомендуем его вам и уверены, что вы поблагодарите нас за это знакомство.

Примите, милостивый государь, уверение в моем высоком уважении.

Александр Пушкин
3 января 1833 г. СПб» [125].

Из письма можно видеть как доброжелательное, даже приятельское отношение поэта к своему сверстнику и давнему знакомому Санковскому, так и весьма лестный отзыв о «Тифлисских ведомостях», что свидетельствовало об отличии их содержания от стереотипных для того времени приемов подачи газетного материала. Пушкин ставил в заслугу газете прежде всего стремление к независимости. При этом поэт, должно быть, имел в виду полемические выступления на страницах «Тифлисских ведомостей» ссыльных декабристов, направленные против охранительной русской журналистики того времени, и тот резонанс, какой сопутствовал этим выступлениям в общеимперском масштабе.

Из письма Пушкина мы узнаем и о намерении Санковского выпускать с 1833 г. литературный альманах (вместо «Тифлисских ведомостей»?) и о намерении поэта принять участие в этом издании. Несомненно также, что разговор поэта с Санковским о новом альманахе имел место еще в бытность Пушкина в Тифлисе. Не исключено, что в ответ на сетования редактора «Тифлисских ведомостей» на материальные затруднения с изданием газеты поэт посоветовал ему заменить газету чисто литературным периодическим органом, обещав при этом личное участие [126]. Это предположение тем более вероятно, что еще в феврале 1829 г. по утвержденным Паскевичем «Новым правилам по внутреннему устройству Комитета издания „Тифлисских ведомостей“» допускалось наряду с выходом местной правительственной газеты, «если кто пожелает издавать не периодические листы, а журнал в книжках, заключающий не новости по

---

[125] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, изд. 3-е, т. X. «Письма». М., 1966, стр. 425—426 (подлинник на франц. языке. Перевод на русский язык там же, стр. 851—852).

[126] К этому времени А. С. Пушкин имел четырехлетний опыт сотрудничества в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы», в котором участвовал сначала как поэт, а с 1827 г. — как критик. Альманах «Северные цветы», как известно, по художественным достоинствам и составу сотрудников был лучшим литературным сборником последекабристской поры; выходил он в Петербурге по одной книжке в год и «до появления „Литературной газеты“ являлся единственным более или менее влиятельным петербургским изданием, противостоящим периодике Булгарина и Греча» («История русской журналистики XVIII—XIX веков». М., 1966, стр. 179—180).

Кавказскому краю, а одне только литературные статьи, то сие не возбраняется»[127]. Перспектива издания в Тифлисе частного литературного альманаха, да еще с участием Пушкина, не могла не соблазнить Санковского, который, имея в авторском активе газеты довольно солидные литературные силы, в начале 1832 г. предпринял первые конкретные шаги по превращению «Тифлисских ведомостей» в подобие альманаха, точнее, в двухнедельный литературный сборник. К сожалению, полностью осуществить это намерение Санковскому не удалось: он скончался во второй половине 1832 г., не успев получить ответное письмо Пушкина.

В свою очередь, идея Санковского об издании частного литературного альманаха не могла не вызвать живого интереса со стороны Пушкина, который долгое время безуспешно добивался создания периодического печатного органа. Но желание свое «пуститься в политическую прозу»[128] Пушкину, особенно после расправы правительства с декабристами, приходилось удовлетворять эпизодическими выступлениями на страницах печатных органов, направление которых не всегда разделялось поэтом. Однако спустя три месяца с лишним после поездки на Кавказ в 1829 г. Пушкину совместно с А. А. Дельвигом удалось организовать выпуск «Литературной газеты». Исходя из содержания приведенного письма Пушкина к Санковскому, мы ставим этот факт в определенную взаимосвязь с вполне возможным обсуждением поэтом и редактором «Тифлисских ведомостей» целесообразности издания русского альманаха в Тифлисе. После кончины Санковского стихотворение «Калмычка», а также «некоторые другие произведения Пушкина, предназначенные для „Тифлисских ведомостей“, появляются в „Литературной газете“»[129].

Весьма характерно, что даже после почти полугодового издания «Литературной газеты» Пушкин не хотел согласиться с тем, чтобы она превращалась в издание чисто литературное, совершенно обособленное от политики. Такая позиция Пушкина наиболее четко выражена в письме поэта к кн. П. А. Вяземскому, в котором он, между прочим, решительно возражал против попыток политического оскопления литературных изданий, в частности «Литературной газеты». Пушкин ратовал за то, чтобы редакторы этих изданий в условиях тогдашней цензуры имели возможность помещать в газетах и журналах свежие политические новости, несмотря на то что были лишены права их комментировать. «Дело в том, — писал Пушкин Вяземскому 2 мая 1830 г., — что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или моду, или политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей?

---

[127] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. М. Туманишвили, № 246-а, стр. 12 об. (7 об.).

[128] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X. М., 1966, стр. 275.

[129] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 270.

Неужто, кроме „Северной пчелы“, ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? . . . Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем» [130].

«После закрытия „Литературной газеты“, — отмечает В. С. Шадури, — перед Пушкиным, возможно, вновь встал вопрос о сотрудничестве в „Тифлисских ведомостях“, поскольку только они имели, по признанию поэта, «свое лицо». Но и на этот раз ему не удалось осуществить намерения — в 1832 году поэт действительно не написал стихов, за исключением альбомных, не предназначенных для печати» [131]. Как известно, в это время, еще до закрытия «Литературной газеты», Пушкин целиком был поглощен мыслями о создании другого, более боевого печатного органа, способного повести энергичную борьбу с официозной прессой. Он советует Вяземскому в письме от 2 мая 1830 г.: «Поддерживай ее („Литературную газету“. — *Д. В.*), покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину» [132]. Естественно, что «Тифлисские ведомости» по многим причинам не могли заменить для поэта «Литературную газету». Поэтому «в течение 1831—1832 гг. Пушкина занимала мысль об издании политической и литературной газеты „Дневник“. Проект Пушкина остался неосуществленным в виду противодействия III Отделения» [133].

Наконец, было еще одно обстоятельство, неблагоприятное для участия поэта в тифлисской газете: в начале декабря 1832 г. в Грузии был раскрыт антиправительственный заговор. Узнав об этом (письмо к П. Санковскому датировано 3 января 1833 г.), Пушкин небезосновательно мог предположить, что тифлисская периодическая печать не осталась в стороне от заговора. Понесший уже однажды наказание за связи с декабристами и находясь под постоянным секретным надзором, поэт вряд ли захотел бы своим участием в альманахе Санковского навести III Отделение на мысль о его отношении к политическим событиям в Грузии, в которой он, кстати, так недавно побывал.

Подчеркнем лишь, что неучастие Пушкина в «Тифлисских ведомостях» не омрачало дружеских отношений между поэтом и руководителями тифлисской газеты. Пушкин по-прежнему питал большие симпатии к Сухорукову. «Надо было видеть, — вспоминал впоследствии М. В. Юзефович, — нежное участие, какое он оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату» [134]. По свидетельству Юзефовича, Пушкин на-

[130] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X, стр. 285.
[131] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 270.
[132] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X, стр. 285.
[133] «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, стр. 111.
[134] «Пушкин в воспоминаниях современников», стр. 392.

столько близко принял к сердцу переживания Сухорукова в связи с конфискацией у него накануне ссылки в Грузию архивных и других документов, собранных им по истории донского казачества, что поэт «чуть не плакал и все думал, как бы по возвращении в Петербург выхлопотать Сухорукову эти документы» [135].

Поэт выполнил свое обещание и попытался помочь Сухорукову, но не сразу по возвращении в Петербург из поездки на Кавказ в конце 1829 г., а позднее — в 1831 г. Быть может, поэт намеренно выждал один год, пока затихнут страсти вокруг повторно состряпанного «дела» в связи с полемическим выступлением Сухорукова в «Тифлисских ведомостях» против «Северной пчелы» и «Русского инвалида», что случилось буквально после отъезда поэта из Арзрума. Несмотря на эту предосторожность, попытка Пушкина добиться возвращения Сухорукову собранных им материалов по истории донского казачества успеха не имела. В «Записке» о В. Д. Сухорукове, представленной поэтом в III Отделение с. е. и. в. к. (1831 г.), Пушкин писал: «Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие его начальники принуждены были употреблять его, даже недоброжелательствуя ему. С 1821 года предпринял он труд важный не только для России, но и для всего ученого света. Сухоруков имел некогда поручение от Комитета, учрежденного для устройства войска Донского, составить историю донских казаков. Для сего Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов; кроме того, Сухоруков приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлющих историю донских казаков. Все сии драгоценные материалы, вместе со статьями, им уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию [начальства] ген[ерал]-маиора Богдановича, уезжая в армию, в 1826 г., передать [двум есаулам] в другие руки, и теперь они едва ли не растеряны. Имея слабое здоровье, склонность к ученым трудам и малое, не достаточное для него состояние (тысячу рублей годового дохода), Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы получить дозволение хотя взять копии с приобретенных им исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени, и потом на свободе заняться составлением „Истории Донских Казаков“, которую надеялся он посвятить его императорскому высочеству великому князю наследнику» [136].

Содержание «Записки» Пушкина и даже предусмотрительная ссылка на предполагавшееся посвящение будущего труда Сухорукова наследнику престола говорит о горячем желании поэта помочь бывшему заместителю редактора «Тифлисских ведомостей», для ко-

---

[135] «Пушкин в воспоминаниях современников», стр. 392.
[136] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V, стр. 534.

торого было бы большим облегчением при отбывании наказания в Финляндии продолжить исследовательскую работу по давно избранной им теме. Но ходатайство Пушкина, пересланное Бенкендорфом «по принадлежности» в Главный штаб, было отвергнуто с военной прямолинейностью. 29 августа 1831 г. А. Х. Бенкендорф извещал Пушкина: «Я сообщил г. генерал-адъютанту графу Чернышеву доставленную мне Вами, милостивый государь, записку о сотнике Сухорукове, изъявившем желание получить копии с выписанных им в архивах материалов для составления истории войска Донского, которые он, уезжая в 1826 году в армию, должен был, по приказанию генерала Богдановича, передать в чужие руки, равно как и множество приобретенных им древних летописей, повестей и поэм, относящихся к сему войску. Граф Чернышев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает сотник Сухоруков, никогда не были его собственностью, ибо они собраны им из архивов войска и из других источников по приказанию и направлению его, графа Чернышева; что акты сии, как принадлежащие к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может» [137].

Отказ военного министра с большим огорчением был воспринят поэтом, который и в дальнейшем не оставлял своего опального друга без внимания и трогательной заботы. Пушкин поддерживал связь с Сухоруковым как непосредственно, так и через общих знакомых, от которых узнавал о жизни бывшего заместителя редактора «Тифлисских ведомостей». Когда Пушкин получил, наконец, право на издание собственного периодического печатного органа, он пригласил Сухорукова принять участие в «Современнике». В письме Сухорукову (март 1836 г.) из Петербурга в Пятигорск Пушкин писал: «Любезнейший Василий Дмитриевич. Пишу к вам в комнате вашего соотечественника, милого молодого человека, от которого нередко получаю об вас известия. Сейчас сказал он мне, что вы женились. Поздравляю вас от всего сердца, желаю вам счастья, которое вы заслуживаете по всем отношениям. Заочно кланяюсь Ольге Васильевне и жалею, что не могу высказать ей все, что про вас думаю, и все, что знаю прекрасного. Писал ли я вам после нашего разлучения в Арзерумском дворце? Кажется, что не писал; простите моему всегдашнему недосугу и не причисляйте мою леность к чему-нибудь иному. Теперь поговорим о деле. Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам „Современника“, извините, — постараюсь загладить мою вину). Итак, сделавшись собратом Булгарину и Полевому, обращаюсь к вам с удивительным бесстыдством и прошу у вас *статей*. В самом деле, пришлите-ка

---

[137] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. 14. М., 1941, стр. 215.

мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение. Между тем и о цене (денежной) не худо поговорить. За лист печатный я плачу по 200 руб. Не войдем ли мы и в торговые сношения. Простите; весь ваш А. П.» [138].

Письмо к Сухорукову написано в период, когда Пушкин подбирал авторов для своего издания. К этому времени среди них обозначились В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, кн. П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, Ф. И. Тютчев, А. В. Кольцов, Н. А. Дурова и др. Почти одновременно с отправлением письма Сухорукову Пушкин вел переговоры о сотрудничестве в его журнале ссыльного В. К. Кюхельбекера, а несколько месяцев спустя решил пригласить в качестве критика молодого В. Г. Белинского [139]. Иными словами, Пушкин собирал вокруг себя людей, литературные вкусы которых совпадали с художественным кредо поэта, с которыми его объединяло духовное родство. В этом смысле надо понимать и приглашение Сухорукова в сотрудники «Современника».

Пушкин был самого высокого мнения о Сухорукове как об историке, в частности специалисте по истории донского казачества. Поэт, несомненно, учитывал, что опубликованные в периодической печати научные исследования «Сухорукова, отличаясь исторической точностью, были в полном смысле слова художественными произведениями», что в них автор «подчеркивал героизм, мужество, природное свободолюбие донского казачества, то есть те „гражданские добродетели", которые прославлял К. Ф. Рылеев в „думах" и „поэмах"» [140]. Пушкина привлекали эти качества «дельных, добросовестных, любопытных произведений» Сухорукова, их полное соответствие профилю и направлению «Современника». О таком именно отношении поэта к историку и этнографу Сухорукову, между прочим, свидетельствует также упоминание его Пушкиным в «Истории Пугачева». В первой главе в подкрепление своих выводов и наблюдений относительно общности отдельных традиций у донских и яицких казаков поэт ссылается на «статью г-на С[ухорукова] *О внутреннем состоянии Донских казаков в конце XVI столетия*, напечатанную в „*Соревнователе Просвещения*" 1824 года» [141]. Характерно, что в заключительной части «Истории Пугачева» Пушкин подвергает резкой критике Броневского, автора «Истории Донского войска», в которой, как отмечает поэт, «я не нашел ничего нового, мне неизвестного» [142]. Пушкин здесь не упоминает Сухорукова как автора многих ценных исследований по истории донского казачества и не противопоставляет его Броневскому, но едкие, порой даже язвительные критические замечания поэта в адрес Броневского подразумевают такое про-

---

138 *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X, стр. 566—567.
139 «История русской журналистики XVIII—XIX веков», стр. 189.
140 Там же, стр. 155.
141 *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах). т. 9, ч. 1-я, М.—Л., 1950, стр. 90.
142 Там же, стр. 392.

тивопоставление. Сухоруков собрал материал в архивах для того, чтобы именно на основе «статистических и хронологических исследований» воссоздать полную историю донских казаков, Броневский же, как отмечает Пушкин, «не имел ни средств, ни времени совершить истинно исторический памятник», ибо «из добродушных показаний г. Броневского видно, что он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги» [143]. Подвергая критике книгу Броневского, Пушкин тем самым как бы воздавал должное Сухорукову и его, к сожалению, неоконченному труду по истории донских казаков.

Таковы факты, характеризующие взаимные связи и контакты Пушкина с руководителями «Тифлисских ведомостей».

Имена великих русских писателей А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова связаны с историей «Тифлисских ведомостей». Пушкин и Грибоедов способствовали выдвижению провинциального печатного органа в число передовых для того времени периодических изданий. Успеху «Тифлисских ведомостей» много способствовало участие в газете сосланных на Кавказ декабристов — друзей и единомышленников Пушкина и Грибоедова.

---

[143] Там же, стр. 393.

Глава V

ОБ АВТОРСКОМ АКТИВЕ И НАПРАВЛЕНИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ГАЗЕТЫ НА КАВКАЗЕ

«КРУГ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ТИФЛИССКОЙ ГАЗЕТЫ»

Среди вопросов, непосредственно связанных с историей первого русского периодического издания на Кавказе, одним из самых интересных и одновременно сложных является установление его авторского актива и политического направления. Официальный характер «Тифлисских ведомостей» не вызывает сомнений, но газету невозможно объективно оценить, не выяснив, кто сотрудничал в ней и какого направления она придерживалась. Успех вряд ли сопутствовал бы правительственному изданию, каким являлись «Тифлисские ведомости», если бы содержание газеты, вызывавшее независимо от официальной принадлежности «действительный, в европейском смысле, интерес», не находилось в прямой зависимости от участия в ней не только европейски образованных, но и прогрессивно мыслящих людей.

Заслуга в привлечении таких сотрудников в «Тифлисские ведомости» принадлежала, прежде всего, членам редакции газеты. После утверждения «Новых правил» и укомплектования нового состава редакции Санковский и его коллеги особое внимание обратили на подбор авторского актива. В одном из разделов известного нам договора между Санковским и его заместителем Сухоруковым подчеркивалось: «Сухоруков обязывается доставлять главному редактору для каждого номера статьи собственного сочинения и переводы или приобретенные от его знакомых, кои также входят в круг, предназначенный для тифлисской газеты и кои по своему содержанию были бы достойны напечатания в оной» [1].

Насколько усердно справлялся Сухоруков с обязанностью по части организации авторских статей и переводов [2] наряду со многими другими своими функциями заместителя редактора «Тифлисских ведо-

---

[1] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 22 об. В заголовке раздела понятие «круг» толкуется шире, чем в документе, — как авторский актив газеты.

[2] Такие же обязательства по организации авторского материала для национальных вариантов газеты наряду с личным участием в них возлагались, надо полагать, на С. И. Додашвили и на редактора фарсидского дубликата.

мостей», об этом отчасти свидетельствует обнаруженный у него при обыске в январе 1830 г. реестр материалов, предназначенных для газеты. Помимо документов, относящихся к изданию «Тифлисских ведомостей», в этом реестре значились: «Переводы с арабских и турецких рукописей», «Тетрадь о курдах», «Простонародные песни, перевод с персидского», «Медико-топографическое описание мест Персии в 1827 году доктора Силича»[3], «Статья о языке и просвещение Грузии», «Небольшая записка о торговле Грузии»[4]. Какие из этих рукописей предназначались точно для редакционного портфеля «Тифлисских ведомостей», сказать трудно, но несомненно, что тематика перечисленных рукописей находится в русле интересов редакции «Тифлисских ведомостей».

Декабристы в «Тифлисских ведомостях»

Как мы уже знаем, И. Ф. Паскевич в рапорте на имя гр. А. И. Чернышева от 16 января 1830 г. пытался объяснить военному министру, почему на руководящих военных должностях, а также по части военно-литературной работы нередко использовались им разжалованные «государственные преступники»: «Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я по малому числу людей в сем корпусе способных принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам»[5]. Как мы видим, сосланные на Кавказ декабристы по своей широкой образованности и основательной военной подготовке представлялись незаменимыми специалистами для нужд царской военной администрации. Достаточно вспомнить, что «многие лица, принадлежащие присмотру и ежемесячному донесению о их поведении, занимали, однако же, значительные места, например: генерал Бурцов, не командуя даже батальоном, исполнял некоторое время в 1828 году должность начальника штаба, генерал Вольховский был обер-квартирмейстером и главные предметы сей части были препоручены Искрицкому. Полковник Леман исполнял должность дежурного штабс-офицера, Сухоруков управлял собственной канцелярией его светлости, наконец, рядовым Пущину и Коновницыну были доверены, как инженерам, главные работы всех осад»[6]. А поскольку недостаток чиновников из числа «благонадежных» остро ощущался и на поприще гражданской деятельности на Кавказе, то нетрудно догадаться, что так называемый «круг, предназначенный для тифлисской газеты», составляли прежде всего именно ссыльные декабристы. «Тифлисские ведомости» являлись открытым поприщем

---

[3] В № 16—18 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. была опубликована без подписи статья «Медико-топографические записки о некоторых Закавказских местах и Персии».

[4] См. *М. О. Косвен*. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 180.

[5] *Щербатов*. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. III, СПб., 1891, стр. 328—329.

[6] ЦГВИА, ф. 90, оп. 1, д. 154, л. 1.

местной гражданской деятельности, где ссыльные декабристы могли принять активное участие.

Среди сосланных на Кавказ декабристов и «прикосновенных» к их движению лиц было немало журналистов и литераторов в широком смысле слова: Е. Е. Лачинов, И. Г. Бурцов, В. Д. Сухоруков, братья П. А., А. А., П. А. Бестужевы, А. О. Корнилович, а также А. В. Веденяпин, В. А. Зубов, Лашкевич, С. И. Кривцов, Н. Н. Оржицкий, М. И. Пущин, Н. Р. Цебриков, А. С. Гангеблов (Гангеблидзе) и др. Сосредоточенные в одном войсковом соединении — Отдельном кавказском корпусе, они искали возможности для приложения творческих сил. Неуемное стремление к литературному труду, к журналистской деятельности находившихся на Кавказе декабристов одного из подразделений Отдельного кавказского корпуса, при гарнизоне, расквартированном в Ахалцихе, привело к попытке издания газеты «Ахалцихский Меркурий»[7]. По воспоминаниям одного из участников этого издания, В. Андреева, газета была рукописной и выходила примерно с начала февраля 1829 г.[8] Инициаторами «Ахалцихского Меркурия» В. Андреев называет трех декабристов, служивших в Ширванском полку, который вместе с другими подразделениями Отдельного кавказского корпуса составлял гарнизон Ахалцихской крепости. Это были «капитан Лашкевич, переведенный из России с сохранением чина, по участию в декабрьских смутах, и разжалованные в солдаты Петр Бестужев[9] и мой земляк Зубов»[10]. Названные декабристы поведали В. Андрееву о своем желании «составлять и в рукописных листах раздавать безденежно по ахалцихскому гарнизону, чтобы развлечь себя и других чем-нибудь в скучной жизни»[11]. В. Андреев, состоявший на службе непосредственно при кн. В. О. Бебутове, которого Паскевич назначил начальником Ахалцихского пашалыка и расположенных в нем войск, взялся ходатайствовать за них и в удобную минуту доложил князю. «„А что, они не будут там помещать каких-нибудь глупостей?“ — сказал князь; я уверял,— пишет Андреев,— что их намерения самые безгрешные, что они хотят занять себя и других чем-нибудь — и только. «„Ну, хорошо, ты у меня будешь отвечать за них первый; на этом условии даю позволение, с тем что ты должен приносить ко мне предвари-

---

[7] «Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 84.

[8] В. С. Шадури указывает неточную дату выхода «Ахалцихского Меркурия» — 1828 г. (см. *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, стр. 272). Эту же ошибку повторяет и Н. А. Махарадзе (см. *Н. А. Махарадзе.* Первая русская газета на Кавказе. Рукопись канд. дисс. Тбилиси, 1968, стр. 28). Между тем В. Андреев в своих воспоминаниях («Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 88) прямо отмечает, что «Ахалцихский Меркурий» был еженедельным рукописным изданием, прекратившим свое существование после выпуска № 2 газеты буквально «за неделю до нападения», т. е. до осады Ахалцихе войсками Ахмед-бека Аджарского, начавшейся 20 февраля 1829 г.

[9] П. А. Бестужев — младший брат А. А. Бестужева-Марлинского.

[10] «Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 86. «Зубов» — декабрист В. Я. Зубов.

[11] Там же, стр. 87.

тельно каждый номер на цензуру“». Через несколько дней, продолжает Андреев, «я приношу князю кругом мелко исписанный большой лист № 1-й „Ахалцихского Меркурия“; князь остался им очень доволен; содержанием было несколько известий, разные анекдоты и события из минувшего похода, картины военного быта, сведения о разных подвигах из турецких екатерининских войн и на Кавказе, а также местные очерки; через неделю Лашкевич приносит мне 2-й № „Ахалцихского Меркурия“ и с грустным видом сказал, что этот номер последний. „Это почему?“ — спросил я. — „Да нашлись люди, говорящие: «что это затеяли разжалованные; нечего им показывать себя»,— ну и вам досталось за посредничество, так чтобы не вышло какой-нибудь истории, мы решились прекратить издание „Меркурия“ — и вот прощальный номер“. Он также состоял из мелко писанного листа, по той же программе, только в заключение, в ироническом духе против оппонентов было сказано, что издание прекращается. Князь, одобрив 2-й №, с выражением неудовольствия на лице выслушал мое объяснение о прекращении издания, сказал: „Ну, братец, как они хотят, так и делают, а я не нахожу тут ничего дурного“» [12].

Несмотря на положительный отзыв Бебутова о литературном труде подчиненных ему декабристов, последние, видимо, из вполне реального опасения быть наказанными по доносу за свое начинание все-таки прекратили выпуск «Ахалцихского Меркурия». Как отмечает В. С. Шадури, «с этим эпизодом связана, по-видимому, и запись Петра Бестужева в дневнике о том, что он «избрал терновую, опасную дорогу и, сделавшись от безделья журналистом, только взволновал в людях зависть, клевету и все смрадные и грязные лужицы в душах их» [13]. Все это воспроизводит тяжелую обстановку, в которой находились ссыльные декабристы на Кавказе: тут и подозрительность начальства, и недоброжелательство верноподданных на фронте и в тылу. Вполне понятна осторожность, которую декабристы проявляли, особенно при участии в официальном издании, каким являлись «Тифлисские ведомости». Нам кажется, что перу ссыльных декабристов, в том числе, быть может, и тех, которые делали «Ахалцихский Меркурий», могли принадлежать те статьи в тифлисской русской газете, которые не имеют подписи или подписаны псевдонимами, буквами и проч.

Среди декабристов, выступавших в «Тифлисских ведомостях», кроме В. Д. Сухорукова, мы можем точно назвать Е. Е. Лачинова, И. Г. Бурцова и А. А. Бестужева-Марлинского [14].

---

[12] Там же, стр. 87—88.

[13] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 273; «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, стр. 380.

[14] На сотрудничество Бестужева-Марлинского в «Тифлисских ведомостях» указывают подписанные под материалами инициалы («А. Б.» или «А. Б...в») (см. *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов. М., 1956, стр. 31. Кстати, здесь отсутствует ссылка на «Тифлисские ведомости» как на один из источников, расшифровывающих инициалы писателя в качестве его литературного псевдо-

Ко времени выхода в свет «Тифлисских ведомостей» значительное число сосланных на Кавказ декабристов было уже «приписано» к расквартированным здесь войсковым соединениям. Вот как описывает этот период жизни декабристов на Кавказе Н. Н. Раевский: «До приезда моего в Грузию разжалованные были уже присланы, чтобы заслужить свои проступки. Я нашел впечатление событий, до них относящихся, ослабленным отдаленностью и мыслями о готовящейся войне. Большая часть из них имела состояние, некоторые познания, почти все имели связи родства и рекомендательные письма» [15]. Много способствовали облегчению участи разжалованных декабристов А. С. Грибоедов, а также некоторые из высокопоставленных должностных лиц местной русской администрации (А. П. Ермолов, А. А. Вельяминов, Р. И. Ховен, Н. М. Сипягин, Н. Н. Муравьев, отчасти П. М. Устимович). Разумеется, всякое содействие могло иметь только ограниченный характер, выражаясь, в лучшем случае в предоставлении «прикосновенному» возможности избрать тот участок военной службы (например, разновидность штабной работы), где он мог бы зарекомендовать себя в глазах начальства с хорошей стороны. При отсутствии соответствующих к тому данных («некоторых познаний») самым удачным считалось зачисление в какое-нибудь из действующих подразделений Отдельного кавказского корпуса. В первом случае ссыльный декабрист не только избавлялся от необходимости нести изнурительную строевую службу, но и получал возможность заниматься привычным делом не без надежды на «выслугу». В другом случае зачисление «в полк, предназначенный для ближайших боевых действий... давало способы быстрейшего служебного продвижения для сосланного на Кавказ и приближало перспективы снятия кары» [16].

Именно благодаря такому содействию и «некоторым познаниям» в заключительный период русско-персидской войны 1826—1828 гг. квартирмейстерская часть одного из больших отрядов Отдельного кавказского корпуса была вверена В. Д. Вольховскому, сведущий

нима). Не упомянут в «Тифлисских ведомостях» и Е. Е. Лачинов, хотя и его сотрудничество в тифлисской русской газете не вызывает сомнения. На Е. Е. Лачинова, как на автора «Писем из Карса» («Тифлисские ведомости», 1829, № 5, 6), впервые обратил внимание Е. Г. Вейденбаум (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 25, стр. 180). Впоследствии Лачинова как сотрудника «Тифлисских ведомостей» назвали также П. В. Гугушвили (*П. В. Гугушвили.* Картули журналистика (Грузинская журналистика (на груз. яз.). Тбилиси, 1941, стр. 69), М. Нерсесян (*М. Нерсесян.* Из истории русско-армянских отношений, т. I. Ереван, 1956, стр. 312) и В. С. Шадури (*В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 259). Установлено, что «Письма из Карса» являются сокращенным отрывком второй части дневника Е. Е. Лачинова («Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 177—196).

[15] ЦГВИА, ф. 90, оп. 1, д. 154, л. 1.

[16] *М. В. Нечкина.* Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 522. «Попасть же в бездействующий полк где-либо в отдалении от линии боевых действий значило обречь себя на длительное прозябание без перспектив производства» (там же).

в саперном деле М. И. Пущин в солдатской шинели политического ссыльного фактически распоряжался траншейными и взрывными операциями целого корпуса на всем протяжении русско-турецкой войны 1828—1829 гг., а В. Д. Сухоруков, уже известный тогда историк и литератор, получил задание описать основные события этой войны. Однако уже после ареста Сухорукова и следствия, учиненного в 1829 г. над проживавшими в Грузии декабристами, последовало специальное указание военного министра Чернышева новому главноуправляющему Г. В. Розену о том, что сосланные на Кавказ декабристы не должны «употребляться ни к каким письменным и нефронтовым должностям»[17]. До прибытия этого распоряжения Чернышева ссыльные декабристы умело использовали выдвижение на руководящие должности своих единомышленников. Назначение командирами входивших в состав Отдельного кавказского корпуса полков: Нижегородского драгунского — Н. Н. Раевского, 41-го егерского — П. М. Лемана, 42-го егерского — А. М. Миклашевского, Херсонского гренадерского — И. Г. Бурцова, Ширванского пехотного — Н. И. Кошкарева (участник восстания Семеновского полка в 1820 г.) способствовало не только сосредоточению в этих, а также некоторых других полках (например, в Тифлисском пехотном полку) многих из политических ссыльных, но и установлению контактов между ними[18]. Кроме того, назначение с начала турецкой кампании в 1828 г. обер-квартирмейстером Отдельного кавказского корпуса В. Д. Вольховского, а также выдвижение в качестве ответственных штабных офицеров Д. А. Искрицкого, В. Д. Сухорукова, Е. Е. Лачинова и А. А. Суворова создавало благоприятную обстановку на Кавказе для воскрешения «духа сообщества» между ссыльными декабристами, о котором писал в Петербург И. Ф. Паскевич. Вполне реальным оказалось его опасение, чтобы декабристы «не имели прибежища в людях высшего звания и, так сказать, пункту соединения»[19]. В самом деле, случай, послуживший поводом к «делу Раевского» в связи с известным «генеральским обедом» в Гумрах, был не исключительным. За ним последовало декабрьское (1829 г.) «дело Бестужева» (А. А. Бестужева-Марлинского), основой которого стало дружеское общение ссыльного декабриста с полковниками Леманом и Бухариным. Как отмечает В. С. Шадури, «на Кавказе было много «пунктов соединения» декабристов. «Государственные преступники» в солдатских шинелях... находили «прибежище» и у других полковых командиров — Бурцова, Шипова, Миклашевского, а также у обер-квартирмейстера корпуса Вольховского,

---

[17] ЦГВИА, ф. 396, оп. 268/850, св. 193, д. 76, л. 1; *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 218.

[18] В своих воспоминаниях М. А. Бестужев, между прочим, сообщает: «Генерал Раевский, бывший член тайного общества... проживая как начальник отряда в Тифлисе, наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал в своем доме» («Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, стр. 55).

[19] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1006, л. 9.

секретаря канцелярии главноуправляющего Устимовича и особенно у Грибоедова, которого декабристы называли своим «общим другом и благодетелем» [20].

То, что «государственные преступники» наряду с неприязнью со стороны верноподданных царского трона ощущали здесь и откровенно благожелательное отношение высокопоставленных единомышленников либо «сочувствующих», в известной степени отличало их положение на Кавказе от положения в Сибири. Не случайно многие из находившихся в сибирской ссылке декабристов добивались перевода на Кавказ. Будучи осведомленными через переписку «с оказией» о сравнительно облегченном положении своих собратьев по несчастью в «теплой Сибири», декабристы мотивировали свои просьбы о зачислении в войска Отдельного кавказского корпуса желанием принять участие в персидской, а затем в турецкой кампаниях 1826—1829 гг. Николай I, выражая «соизволение» на подобные перемещения ссыльных декабристов, неизменно рассчитывал на то, что каждый из просителей найдет могилу на полях войны. Расчет этот, к сожалению, был безошибочным. И все же служба на Кавказе была единственным шансом не только физически, но и в определенном смысле духовно выжить, а не погибать медленно в каторжных рудниках Сибири. Именно поэтому и показались Н. Н. Раевскому сосланные на Кавказ декабристы несколько приободренными («Я нашел впечатление событий до них относящихся ослабленными...»), а Паскевичу и Вельяминову — даже ищущими средств для восстановления связей между собой. А. А. Вельяминов, благожелательно относившийся к декабристам, признавал, что «на Кавказской линии и за Кавказом есть много участвовавших в заговоре 14 декабря, и невозможно ручаться, чтобы от времени до времени покушения их для восстановления значительно разрушенных связей не возобновлялись» [21]. Впечатление это не было обманчивым. В условиях кризисного состояния общественно-политической жизни России, наступившего после 14 декабря 1825 г., когда организационные и творческие связи между декабристами были полностью нарушены, создавшаяся к концу 20-х годов XIX в. обстановка на Кавказе, главным образом в Закавказье, вселяла реальные надежды на возможность хотя бы частичного их восстановления. До нас дошли весьма скудные сведения об этих связях, однако и они говорят за то, что, несмотря на царский надзор, передовые люди России и Кавказа ухитрялись устанавливать кое-какие формы организационного общения. Они собирались то у одного, то у другого на квартире «для дружеских бесед». Декабристы в Тифлисе и других местах во второй половине двадцатых годов и в начале тридцатых имели даже кружки, где, между прочим, читали и „Горе от ума“» [22].

---

[20] *В. С. Шадури*. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 214—215.

[21] ЦГАОР СССР, ф. III Отд., I эксп., д. 139, л. 35.

[22] См. *В. С. Шадури*. Грибоедов и грузинская культура. Тбилиси, 1946, стр. 9—10.

Литературные и организационные связи сосланных на Кавказ декабристов в достаточной степени проявились в местной периодической печати — в «Ахалцихском Меркурии», но особенно в «Тифлисских ведомостях». Редакция газеты была своеобразным легальным «пунктом соединения» сосланных на Кавказ декабристов. Назначение в феврале 1829 г. заместителем редактора «Тифлисских ведомостей» В. Д. Сухорукова послужило как бы соединяющим мостом между ссыльными декабристами и тифлисской русской газетой. Именно здесь «преследуемая и гонимая официальной Россией передовая мысль... наспех маскируясь, продолжала разговор со своей благодарной аудиторией, продолжала, по возможности, развивать и раскрывать ей идеи, за которые судьба покарала ее на плацу Петропавловской крепости, повела по дальним и гиблым дорогам Сибири. В тех условиях только периодическое издание могло стать ее трибуной» [23].

Но могли ли «Тифлисские ведомости» заменить для декабристов «Полярную звезду» или «Соревнователя просвещения»? Разумеется, нет. И объясняется это не только тем, что «Тифлисские ведомости» являлись правительственной газетой, но и тем, что выходила она в совершенно иных политических условиях, чем названные декабристские периодические издания. Если раньше, в период восходящего развития декабристского движения, одним из краеугольных положений их тактики являлось «сознательное формирование общественного мнения» [24], то в период активного сосредоточения ссыльных декабристов на Кавказе их тактика выражалась в стремлении восстановить утраченные взаимосвязи. Одним из проявлений новой тактики ссыльных декабристов и было их сотрудничество в тифлисской русской газете, ибо, по определению П. А. Муханова, «меч и перо — оружия страшные в знающих руках» [25].

Первая русская газета на Кавказе сыграла определенную роль в судьбе сосланных сюда декабристов. Она не только открыла новое поприще для деятельности декабристов, но и вселила в них уверенность, что смысл их нахождения на Кавказе заключался отнюдь не в том, чтобы искупить «вину» перед царским правительством, а в высоком гражданском призвании — способствовать всестороннему, в том числе культурному, общению русского и кавказских народов. Многие из находившихся тогда на Кавказе декабристов хорошо владели пером. Известно, например, что с самого начала своего пребывания в Грузии Петр Бестужев вел «Памятные записки», где нашли отражение его мысли в соответствии «с тогдашним расположением духа и ненавистью к тирании» [26]. Подобные материалы, разумеется, не могли найти тогда места на страницах официального периодического издания, хотя в отдельных аноним-

---

[23] *Н. А. Махарадзе.* Первая русская газета на Кавказе (Рукопись канд. дисс.), стр. 28.
[24] *М. В. Нечкина.* Грибоедов и декабристы, стр. 346.
[25] «Московский телеграф», 1825, ноябрь, стр. 60—61.
[26] «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, стр. 351.

ных статьях и заметках «Тифлисских ведомостей» можно встретить выпады против существовавшего правопорядка. Участие декабристов определило двустороннюю направленность содержания «Тифлисских ведомостей»: с одной стороны, это — довольно резкие полемические выступления против петербургской реакционной журналистики, в основном против булгаринских периодических изданий, а с другой — публикация материалов, в том числе художественной прозы, несомненно, способствовавшей укреплению доверия и дружбы между русским и кавказскими народами. Эту целеустремленность ставили в особую заслугу редакции газеты сами ее сотрудники из числа декабристов.

Во вводной части «Рассказа офицера, бывшего в плену у горцев», впервые опубликованного в «Тифлисских ведомостях», А. А. Бестужев-Марлинский писал: «Мы жалуемся, что нет у нас порядочных сведений о народах Кавказа... да кто же в том виноват, если не мы сами? Тридцать лет владеем всеми выходами из ущелий, тридцать лет опоясываем угория цепью штыков, и до сих пор офицеры наши вместо полезных или по крайней мере занимательных известий вывозили с Кавказа одни шашки, ноговицы да пояски под чернью. Самые испытательные выучивались плясать лезгинку, но далее этого — ни зерна» [27]. Между тем, вопрошает декабрист, «как не желать нам, вратарям Кавказа, взглянуть на эту колыбель человечества, в эту чашу, из коей пролилась красота на все племена Европы и Азии, в этот ледник, в котором сохранилась разбойническая эпоха древнего мира во всей ее свежести?» [28]. Из-за отсутствия полноценных источников о Кавказе, писал далее Бестужев, русские читатели «осуждены читать сказки какого-нибудь Рейнекса, родословную каких-то языков Гюльденштета или историю завтраков кавалера Гамбы» [29]. Далее писатель заявляет: «Благодарим гг. издателей „Тифлисских ведомостей“ за то, что они начинают знакомить нас с обруселыми Закавказскими провинциями, но это одна бахрома — нам хочется заглянуть в середину орлиного гнезда, подсмотреть птенцов его врасплох» [30]. Это был своеобразный призыв к редакции включить в сферу своих интересов рассмотрение современного быта и злободневных вопросов жизни местного населения: «Для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Страбоновых Скептухов» [31].

Нет сомнения, что редакция «Тифлисских ведомостей» была солидарна с позицией декабристов в освещении истории и современного быта кавказских народов. Об этом свидетельствуют не только повести А. А. Бестужева-Марлинского, опубликованные в «Тифлис-

---

[27] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 1 (65).
[28] Там же.
[29] Там же, стр. 1—2 (65—66).
[30] Там же, стр. 2 (66).
[31] Там же.

ских ведомостях», но и тот факт, что газета тяготела к воспроизведению именно тех эпизодов из прошлого народов Кавказа, из истории русско-кавказских отношений, которые вызывали интерес, прежде всего, со стороны декабристов. Так, А. И. Якубович в одном из своих писем к А. А. Бестужеву-Марлинскому обращал внимание писателя «на несколько событий, достойных золотого твоего пера: поражение лезгин на берегу Иоры и участие тушин с их беспримерной отвагой и нравами чисто патриархальными; в Алла-Верды, монастыре против Телавы, можно иногда видеть этих храбрецов и красивых их женщин... бунт грузин в [18] 12 году; смерть майора Подлока с товарищами в Сигнахе, царевич Александр, кочующий изгнанник, непреклонный, бедный, вечно разбитый, но непобедимый» [32]. Надо заметить, что некоторые из предлагавшихся Якубовичем Марлинскому сюжетов из истории Грузии нашли отражение в «Тифлисских ведомостях». В № 1 и 2 газеты за 1828 г. опубликована пространная статья без подписи под заголовком «Нападение Омар-хана Аварского на Грузию и сражение при Иоре, 7-го ноября 1800 года», в которой подробно описана победа объединенного русско-грузинского войска над дагестанскими феодалами, на стороне которых в битве участвовал и упомянутый Якубовичем грузинский царевич Александр [33].

Многие из опубликованных в «Тифлисских ведомостях» материалов на исторические темы, вызвавшие большой интерес среди читателей в России, одновременно удовлетворяли любознательность и местных читателей в Закавказье. Такие статьи, например, как «Нападение Омар-хана Аварского на Грузию...», «Экспедиция против Эривани в 1804 году» [34] и другие, являлись фактически первыми публикациями о событиях почти тридцатилетней давности, разъясняли историческую обусловленность и прогрессивный характер присоединения Закавказья к России.

Вполне справедливым представляется нам высказывание А. А. Бестужева-Марлинского о том, что «писать о Кавказе дельно — надо знать грамоте не по палочкам; даже рассказывать должно с уменьем, а уменье дается не всякому от природы и никому от казны» [35]. «Писать о Кавказе дельно» подразумевало сообщать читателям проверенные и доброжелательные сведения о крае и его населении. Декабрист едко высмеивал тех своих сослуживцев, «казенное» мнение которых о кавказских народах откровенно передано писателем: «...равнодушие товарищей ко всему близкому и окружающему не-

---

[32] *М. К. Азадовский.* О литературной деятельности А. И. Якубовича. — «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 278; *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 47.

[33] О царевиче Александре см. в статье «Переселение двух тысяч армян из Эриванской области в 1804 году». — «Тифлисские ведомости», 1830, № 90, стр. 1—4; № 91, стр. 3—4.

[34] См. «Тифлисские ведомости», 1831, № 2, 3, 8, 12—14 и 15—17. Автор статьи П. С. Санковский.

[35] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 4 (68).

вообразимо. Начни кто-нибудь описывать горцев, сей час послышатся голоса: „Что, братец, про них толковать! Сказано, что Азия, так Азия и есть. Эй, Мишка, подавай стол!“ И пошло на лево, даму за ухо, валета на пэ, а между тем стеклянная комета кругом да кругом, воспламеняя умы и носы» [36].

В том, что отношение к Кавказу и его обитателям было совершенно иным со стороны декабристов, между прочим, можно убедиться, выяснив, в частности, как справлялся с действительно нелегкой в условиях николаевского режима задачей объективного информирования русского читателя о Кавказе и местных событиях каждый из четырех «преступников», участвовавших в издании «Тифлисских ведомостей». Целесообразно ознакомиться с основными вехами их жизни, включая пребывание на Кавказе и сотрудничество в газете.

Первым свидетельством того, что сосланные на Кавказ декабристы уже приметили недавно появившиеся на свет «Тифлисские ведомости», явилось выступление И. Г. Бурцова в одном из октябрьских номеров газеты за 1828 г. Статья была подписана: «Полковник Бурцов». В ней декабрист (один из деятельных членов сперва петербургской, а затем тульчинской управы «Союза Благоденствия») открыто ратовал за «сознательное формирование общественного мнения» [37].

Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829) являлся значительной фигурой не только в декабристском движении, но и в тогдашней русской армии. Современники склонны были усматривать в нем человека «весьма даровитого, необыкновенно основательно образованного» [38] и «обещавшего нам отличного полководца» [39]. Приняв участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813—1814 гг., Бурцов в течение 12 лет сделал карьеру от прапорщика до полковника, получив в 1824 г. под командование Украинский пехотный полк. За причастность к декабристскому движению Бурцов, отбыв предварительно шестимесячное тюремное наказание в Бобруйской крепости, в 1827 г. был определен на службу в Отдельный кавказский корпус с сохранением полковничьего чина. Его причислили сперва к Тифлисскому пехотному полку, однако некоторое время спустя, по отличию в сражениях, в июне 1828 г., как сообщили «Тифлисские ведомости», «начальником траншей назначен был, на все время осады Карса, Мингрельского пехотного полка полковник Бурцов» [40]. В августе 1828 г. Бурцова назначили команди-

---

[36] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 4 (68).

[37] См. *И. Г. Бурцов.* К гг. издателям С.-Петербургских газет. — «Тифлисские ведомости», 16 октября 1828 г., стр. 4.

[38] «Русский архив», 1878, кн. 2, стр. 154. «Бурцов получил хорошее по тогдашнему времени образование: воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, слушая лекции лучших профессоров» («Кавказский сборник», т. I, стр. 73).

[39] «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 210.

[40] «Тифлисские ведомости», 5 сентября 1828 г., стр. 3.

ром Херсонского гренадерского полка, за умелое командование которым в декабре того же года он получил «монаршее благоволение»[41]. Благодаря многогранной своей образованности Бурцов, видимо, пользовался расположением гр. И. Ф. Паскевича. Еще в персидскую кампанию ему неоднократно поручалось выполнение ответственных заданий. Так, в сентябре 1827 г. Бурцов был послан в Баку и Астрахань для «подробного исследования всех имеющихся средств для десанта на персидских берегах»; вскоре после этого «он был назначен губернатором Тавриза, а затем членом Азербайджанского областного правления, в открытии которого принимал участие и Грибоедов»[42]. Благорасположением Паскевича к Бурцову следует в какой-то мере объяснить поручение последнему выступить в качестве одного из оппонентов грибоедовского «Проекта Российской Закавказской компании», а также присуждение непосредственно «прикосновенному» к декабризму Бурцову чина генерал-майора.

Не останавливаясь на рассмотрении военной деятельности Бурцова на Кавказе, сошлемся лишь на некоторые биографические данные, характеризующие его как опытного литератора, выступившего впоследствии зачинателем полемики «Тифлисских ведомостей» против реакционной петербургской периодики. Деятельность И. Г. Бурцова в качестве военного журналиста, а также одного из организаторов декабристской периодической печати восходит к началу 20-х годов прошлого века. Так, в 1817—1819 гг. Бурцов, признанный уже военный историк и теоретик, наряду с декабристами Н. М. Муравьевым и Ф. Н. Глинкой занимал руководящее положение в печатном органе Главного гвардейского штаба — «Военном журнале», в котором плодотворно сотрудничали тогда многие из видных участников декабристского движения[43]. В этом журнале, в частности, была опубликована в 1819 г. известная работа Бурцова «Мысли о теории военных знаний»[44]. Одновременно Бурцов активно участвовал в практических мероприятиях по расширению журналистской деятельности декабристов. После неудачной попытки в 1817 г. Н. И. Тургенева, М. Ф. Фролова и Н. М. Муравьева основать при «Арзамасе» общественно-политический и литературный журнал, который намеревались подчинить своему влиянию, а также неосуществившегося замысла А. А. Бестужева-Марлинского издавать собственный журнал «Зимцерла», декабристы — члены петербургской управы, и в их числе И. Г. Бурцов, продолжали поиски реальных путей в этом направлении. Известно, например, что с конца 1818 г. Н. И. Тургенев снова принимает меры для организации издания

---

[41] «Тифлисские ведомости», 26 декабря 1828 г., стр. 1.

[42] *И. К. Ениколопов.* Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954, стр. 67.

[43] Редактором «Военного журнала» в то время был Ф. Н. Глинка. Кроме И. Бурцова и Н. Муравьева, в журнале активно сотрудничали В. Вольховский, Д. Раевский и другие декабристы (см. *Е. А. Прокофьев.* Военные взгляды декабристов. М., 1953, стр. 134—135).

[44] Там же, стр. 83.

журнала. Для этого он решает создать легальное «Общество 19 года и XIX века» и от его имени с начала 1820 г. издавать журнал «Россиянин XIX века» или «Архив политических наук и Российской словесности». Журнал должен был служить легальным органом «Союза Благоденствия». В сотрудники намечались Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, И. Г. Бурцов, П. И. Колошин, М. К. Грибовский, а также А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, А. П. Куницын, кн. П. А Вяземский и другие, не входившие в тайное общество, но знавшие о его существовании [45].

Вся деятельность Бурцова в этот период была подчинена мысли о том, что «всякий добродетельный гражданин должен поставить единою целью своей жизни принести Отечеству самую величайшую пользу...» [46], которую он разумеет превыше всяких личных благ. «Что будет с нашею родиною, когда мужественные россияне не обрекут себя на жертву общественной пользе? — спрашивает Бурцов в одном из своих писем к Н. М. Муравьеву и сам же отвечает: — В благоустроенных государствах граждане должны нести некоторые обязанности, налагаемые обществом, а в государствах, преисполненных зла и невежества, обыкновенные обязанности недостаточны — потребны доблести, потребно отречение от собственных выгод и стремление к общему всеобъемлющему благу» [47].

В новых условиях своей жизни политического ссыльного на Кавказе Бурцов был движим теми же побуждениями, хотя возможности и средства их выражения здесь в значительной степени были ограниченны. Журналистское прошлое и, особенно, сравнительно привилегированное для «неблагонадежного» положение Бурцова в командном составе Отдельного кавказского корпуса в какой-то мере способствовали тому, что он первым среди ссыльных декабристов выступил в местной правительственной газете.

Конкретным поводом для выступления Бурцова в «Тифлисских ведомостях» послужили ошибки фактического характера, допущенные некоторыми петербургскими периодическими изданиями при освещении осады и штурма русскими войсками Ахалцихской крепости. Так, в № 230 «Русского инвалида» за 1828 г. неверно было указано расстояние между осаждавшейся крепостью и «заложенной» с целью прикрытия осадных работ русской батареей, которое составляло не 1000 сажень, как отмечалось в столичной газете, а всего лишь 400 сажень. «Ошибка сия немаловажная», — пишет Бурцов, ибо кто из читателей «не подивится столь предосудительной осторожности и не обвинит начальство, распоряжающееся осадою?» [48] Напомним, что руководство осадными работами при овладении Ахалцихской крепостью было возложено на Бурцова. Любопытно, что для установления истины автор статьи апеллирует

---

[45] См. «История русской журналистики XVIII и XIX веков». М., 1966, стр. 157.
[46] «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 205.
[47] Там же.
[48] «Тифлисские ведомости», 16 октября 1828 г., стр. 4.

к данным, опубликованным в тифлисской русской газете: «Все участвовавшие в осаде Ахалциха были весьма удивлены, что „Русский инвалид" отдалил нашу батарею на произвольное расстояние от крепости и при поверке с „Тифлисскими ведомостями" нашли в № 8 (за 1828 г. — *Д. В.*), что батарея сия заложена была не в 1000, но в 400 саженях» [49]. Для многих из местных читателей газеты становилось ясно, что предельной точностью сообщений в «Тифлисских ведомостях» редакция была обязана исключительно В. Д. Сухорукову, курировавшему в газете почти весь материал на военную тематику.

Вслед за «Русским инвалидом» некоторые факты сражения за Ахалцихе исказила и «Северная пчела», которая в «Прибавлении» к № 114 газеты за 1828 г. приписала «честь штурма» крепости Грузинскому гренадерскому и Эриванскому карабинерному полкам (находившимся в то время в резерве) и обошла молчанием заслуги Ширванского пехотного полка — главного участника овладения крепостью и городом Ахалцихе. Два названных резервных полка, как заметил Бурцов, «в столь многих делах достойно себя явившие, не нуждаются в чужих заслугах и, конечно, сожалеть должно, что они, не приняв участия в жестокой сече, поставлены на место своих сослуживцев, стяжавших в сей день высокую славу» [50]. В заключение статьи Бурцов писал: «Военные подвиги полков составляют их драгоценное достояние, коего не охотно они лишаются, а потому по званию, на меня возложенному, начальника траншей в продолжение Ахалцихской осады, я принял долг пояснить вышеназванные ошибки, как равно и то, что штурм происходил не 13-го, как говорит „Северная пчела", но 15-го августа, уверен будучи, что гг. Издатели вникнут в причины, на сие меня побудившие» [51].

Это полемическое выступление И. Г. Бурцова имело важное значение в истории «Тифлисских ведомостей». Впервые оно показало не только ее читателям, но и, прежде всего, булгаринскому «созвездию» реакционных журналистов, что последние в лице «Тифлисских ведомостей» имеют компетентного и принципиального оппонента по многим вопросам как военной, так и общественно-политической жизни.

В благодарность Бурцову за сотрудничество «Тифлисские ведомости» пользовались всяким случаем положительно отозваться о нем. Так, под предлогом «сохранить нить происшествий», связанных с осадой Ахалцихе турками в феврале 1829 г. и обороной крепости русскими войсками, в № 12 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. под рубрикой «Внутренние известия» редакция поместила развернутую корреспонденцию «Известие о вспомогательных движениях, предпринятых к освобождению Ахалциха от осады». В этой корреспонденции, которая занимает полгазеты и принадлежит, по

---

[49] Там же.
[50] Там же.
[51] Там же.

всей вероятности, В. Д. Сухорукову, речь идет исключительно о военном даровании декабриста Бурцова, столь ярко проявившемся при обороне Ахалцихе в 1829 г. Вот как завершает автор корреспонденции повествование об успешном маневре вспомогательного отряда под командованием Бурцова, воспрепятствовавшего осуществлению планов Ахмед-паши Аджарского: «5-го числа вечером полковник Бурцов вступил в Ахалцих. Сей искусный маневр приносит особую честь г. полковнику Бурцову» [52]. Так писать в то время о ссыльном вольнодумце, пусть и в чине полковника, делало честь храбрости редактора газеты.

Хотя подпись И. Г. Бурцова стоит всего лишь под одним материалом в «Тифлисских ведомостях», его участие в данной газете не было эпизодическим. Прав И. К. Ениколопов, когда пишет, что «много статей в газете, в большинстве оставшихся без подписи, надо отнести к И. Бурцову» [53]. Наиболее вероятной нам кажется его причастность к появлению в № 38—40, 42, 43 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. статьи «О военном состоянии Аддербиджанской области (Из записок, составленных русским офицером во время пребывания наших войск в Аддербиджане)»,— ведь именно Бурцов служил в отвоеванной в 1827 г. у персов области сначала в должности губернатора ее главного города Тавриза, а затем — членом Азербайджанского областного правления. О принадлежности этих записок военному инженеру Бурцову свидетельствует и сноска к подзаголовку статьи, в которой сказано: «Начальник персидских инженеров Мирза-Джафар... сообщил мне следующие подробности о учреждении регулярных войск в Аддербиджанской области, с точным исчислением пехоты, кавалерии и артиллерии, как регулярной так и иррегулярной, в том состоянии, как оныя были до вступления русских войск в Персию» [54]. Эта статья явилась как бы посмертной публикацией заметок И. Г. Бурцова в память о замечательном человеке-гражданине, много способствовавшем своей деятельностью на Кавказе, в том числе сотрудничеством в «Тифлисских ведомостях», укреплению дружбы русского и кавказских народов [55].

[52] «Тифлисские ведомости», 22 марта 1829 г., стр. 2.

[53] *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1966, стр. 104.

[54] «Тифлисские ведомости», 20 сентября 1829 г., стр. 3. И. Г. Бурцову, возможно, принадлежит также небольшое статистическое сообщение «О доходах Аддербиджанской области» (см. «Тифлисские ведомости», 22 февраля 1829 г., стр. 2—3).

[55] Статья была опубликована в «Тифлисских ведомостях» 20 сентября (4 октября) 1829 г., а Бурцов погиб в бою 19 июля. Во время преследования противника в глубь турецкой территории в сражении за крепость Байбурт у близлежащего селения Харт Бурцов получил смертельную рану, от которой вскоре скончался (см. «Тифлисские ведомости», 1829, № 32, стр. 2). Согласно предсмертному желанию, Бурцова похоронили в Гори, где находилась тогда штаб-квартира Херсонского гренадерского полка. Надгробие украшала надпись: «Здесь покоится тело храброго генерал-майора Ивана Григорьевича Бурцова, разных орденов кавалера, который пал за любовь к Отечеству на поле брани во время войны с турками, при д. Харт ранен пулею в грудь навылет июля 19 — 1829 года» (Картотека Е. Г. Вейденбаума (на «Бурцов») в Институте рукописей АН Груз. ССР).

Если следовать хронологическому принципу, то вторым после Бурцова ссыльным декабристом, сотрудничавшим в «Тифлисских ведомостях», был Е. Е. Лачинов. В № 5 и 6 газеты за февраль 1829 г. под рубрикой «Корреспонденция» напечатано его «Письмо из Карса», являющееся отрывком из записок Лачинова во время службы на Кавказе, объединенных впоследствии под общим заголовком «Моя исповедь». Как отмечал М. А. Полиевктов, «изложенные в форме писем, в характерном для той эпохи сентиментально-философском стиле, с легким налетом эротизма, эти записки представляют собой незаурядное литературное произведение» [56]. Опубликованы лишь два отрывка записок Лачинова: первый в виде переписки с другом (с 3 сентября по 2 декабря 1828 г.) и второй преимущественно в стиле очерков (от 2 июля по 3 сентября 1832 г.) [57]. Не говоря уже о познавательной ценности указанных отрывков, они воссоздают более или менее целостную картину службы Лачинова в войсках Отдельного кавказского корпуса.

До приезда на Кавказ Евдоким Емельянович Лачинов (1799—1875) обучался в Московском университете, а затем завершил образование в Училище колонновожатых, основанном в Москве Н. Н. Муравьевым [58] в 1815 г. Начав службу по квартирмейстерской части еще воспитанником училища, Лачинов получил назначение при посольстве А. П. Ермолова в Персию. Пробыв здесь и на Кавказе до конца 1817 г., Лачинов возвратился в Москву и в 1818 г. закончил курс обучения в Училище колонновожатых. В том же году он получил звание прапорщика Генерального штаба и некоторое время спустя был назначен старшим адъютантом по квартирмейстерской части при главной квартире 2-й армии, где он был принят в «Южное общество» декабристов. Разжалованный в рядовые за активное участие в декабристском движении, Лачинов с 1826 по 1833 г. служил в войсках Отдельного кавказского корпуса. За участие в турецкой кампании 1828—1829 гг. ему был возвращен чин прапорщика, а в 1833 г. (после участия в экспедициях против кавказских горцев) в звании поручика он был уволен в отставку [59].

В первом опубликованном отрывке из записок Лачинова повествуется о его службе в одном из полков 20-й пехотной дивизии, принявшей участие в обеих кавказских войнах 1826—1829 гг. Эта

---

[56] *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг. Тбилиси, 1946, стр. 28.

[57] Оба отрывка см.: «Кавказский сборник», т. I, 1876; т. II, 1877.

[58] Отец известного на Кавказе Н. Н. Муравьева-Карского, одного из сотрудников «Тифлисских ведомостей».

[59] Выйдя в отставку, Е. Е. Лачинов проживал в Воронежской и Харьковской губерниях и служил директором Харьковской акционерной компании по торговле шерстью (см. *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг., стр. 28). В августе 1875 г. Лачинов скончался в Москве, 76 лет от роду («Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 123). Более подробно о биографии Е. Е. Лачинова и об участии его в декабристском движении см.: *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 26—27, 137, 165, 177, 181—185.

дивизия под командованием генерала А. И. Красовского сыграла решающую роль в освобождении Эривани от персов. Генерал Красовский был назначен начальником Эриванской области и командующим расположенными там войсками. Усмотрев в Лачинове образованного человека, способного к научным изысканиям и литературному труду, Красовский поручил ему в начале 1828 г. «заняться составлением подробного статистического описания Эриванской области» [60]. Поручение было ответственным, и Лачинов, по его признанию, «видел невозможность с успехом окончить столь обширное дело, требующее глубоких сведений; но от меня не требовали произведения образцового, и поощряемый неизъяснимо лестным для меня вниманием, я с полным усердием приступил к работе. Никогда не трудился я с таким рвением, потому что никогда не был так ободряем» [61]. В самом деле, до предполагавшегося Красовским отъезда в отпуск на Кавказские Минеральные Воды он оказывал своему подчиненному постоянную поддержку в выполнении поручения. В консультанты Лачинова был приглашен архиепископ Нерсес, «обширные познания которого во всем, относящемся к этому краю, могли ручаться за верность наших описаний» [62]. Однако Красовский не ограничился этим. «Отъезжая в Тифлис, генерал взял меня с собою, — пишет Лачинов, — дабы дать мне способ воспользоваться замечаниями и наставлениями армянского ученого Чирбета, бывшего профессором в Париже и известного своими сочинениями о Востоке» [63].

При таких наставниках Лачинов имел возможность не только успешно справиться с поручением Красовского, но и узнать много любопытного из исторического прошлого и современного ему положения Армении и всего Закавказского края. Своеобразным свидетельством могут служить некоторые сведения из архива А. И. Красовского, в частности приложения к его дневнику о пребывании в Закавказье, в которых много данных о состоянии края и, между прочим, о Кульпинских соляных промыслах. В письме Красовского киевскому митрополиту Евгению (Болховитинову) от 9 апреля 1828 г. из Тифлиса есть сведения о христианских древностях Эриванской области [64]. Мы склонны также признать Лачинова автором «Отрывка из дневника путешествия для осмотра Эриванской области», опубликованного в «Московском телеграфе» (1828 г., т. 19, № 4), так как примечание редакции «Московского телеграфа» указывает, что автором «Отрывка» является один из чиновников, сопровождавших генерала Красовского во время объезда вверен-

---

[60] «Кавказский сборник», т. I, стр. 124.

[61] Там же, стр. 124—125.

[62] Там же, стр. 125.

[63] Там же. Шаган Джрпет, или Чирбет (1722—1838), профессор, преподаватель тифлисской армянской школы Нерсесяна (см. *М. О. Косвен*. Этнография и история Кавказа, стр. 173).

[64] *М. А. Полиевктов*. Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг., стр. 27.

ной его управлению Эриванской области. Выступление декабриста в «Тифлисских ведомостях» состоялось уже после того, как отъезд генерала Красовского «в Россию[65] прекратил наши занятия и я отправился к полку, прибывшему уже из Эривани к турецкой границе...»[66]. Участие в овладении крепостью Карс было первым боевым крещением Лачинова в новой военной кампании — на этот раз в войне России с Турцией.

«Письмо из Карса», напечатанное в «Тифлисских ведомостях», является заключительной частью первого из опубликованных отрывков записок Лачинова, в котором, кроме Карса, есть сведения об Ардагане и Тифлисе (строительство при Ермолове), о генералах Красовском и Берхмане, полковниках Бековиче, В. Бебутове, Ал. Чавчавадзе, карском коменданте подполковнике Пулло[67], даются обстоятельные статистические сведения о вновь завоеванной области. Автор рассуждал об административном делении пашалыка, национальном составе его населения, вероисповедании, истории, торговле, архитектуре и т. д.

Некоторые материалы, опубликованные в последующих номерах «Тифлисских ведомостей» о Карсе, сопровождались сносками от редакции: «Мы выпускаем здесь описание крепости и предместий Карских, ибо почти те же самые сведения помещены в 6 номере сей газеты (Письм[о] из Карс[а])», или: «Прочие подробности о промышленности, торговле и характеристике карских жителей выпускаются здесь, ибо сведения о том помещены в 6 нумере (Письмо из Карса)»[68].

Газетный вариант «Письма из Карса» заметно отличается от помещенного в «Кавказском сборнике»[69], что является результатом литературной правки в «Тифлисских ведомостях». Радикальная переработка статьи была вызвана исключительно цензурными соображениями. Поскольку местные читатели могли угадать автора статьи, несмотря на предосторожность редакции, изобразившей Лачинова как «неизвестную особу»[70], статья была выправлена со-

---

[65] А. И. Красовский (1780—1843) вынужден был из-за осложнившихся отношений с Паскевичем оставить в апреле 1829 г. службу на Кавказе. Он получил назначение в действующие войска на европейском фронте войны России с Турцией. Впоследствии его воинская часть находилась в Польше. В № 71 «Тифлисских ведомостей» за 1830 г. сообщалось, что «Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, генерал-адъютант граф Воронцов всемилостивейше уволен в отпуск за границу для восстановления расстроенного здоровья. Исправление должности Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора впредь до его возвращения высочайше поручено командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Красовскому». С 1842 г. до конца жизни Красовский командовал 1-м пехотным корпусом в Киеве.

[66] «Кавказский сборник», т. I, стр. 125—126.

[67] *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг., стр. 28.

[68] «Тифлисские ведомости», 22 марта 1829 г., стр. 4.

[69] «Кавказский сборник», т. I, стр. 177—190; «Тифлисские ведомости», 1 февраля 1829 г., стр. 3—4; 8 февраля 1829 г., стр. 2—4.

[70] В заключительной фразе статьи «Письмо из Карса» было сказано: «Я имею еще множество вещей сказать тебе, но оставляю дальнейшие подроб-

ответствующим образом. В подтверждение сошлемся на начало статьи, которое в газетном варианте вовсе отсутствует. Свое обращение к другу, проживавшему в России, Лачинов начинал стихами:

«Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?
Когда прострешь ко мне ласкающую руку?
Когда мне встретить твоей душе понятный взгляд,
И сердцем отвечать на дружбы глас священный?
Где вы — дни радостей? Придешь ли ты назад,
О время прежнее, о время незабвенно!
Или веселие навеки отцвело,
И счастие мое с протекшим протекло?..» [71]

Далее следуют строки самого письма: «Не пугайся, любезный друг, грустного начала письма моего, не думай, что я изнываю от тоски — это минутный набег задумчивости, она пройдет так же, как все проходит на свете. Ты знаешь меня — я все тот же, время разлуки нашей не изменило меня. Итак, можешь радоваться даже, видя, что вместо черной печали, душа моя наполнена знакомым тебе чувством. Последнее письмо твое не выходит у меня из головы: что делается с тобою? Друг, мое положение завиднее твоего; ты, окруженный блаженством, скучаешь; я — пасынок счастья — весело несу бремя мое» [72]. Это своеобразное вступление к «Письму» Лачинов завершает словами: «Однако полно плакать — это не мое дело» [73].

Такое начало статьи в местном официальном издании в случае установления ее подлинного автора — разжалованного декабриста, разумеется, не таило ничего доброго, прежде всего, для редакции газеты. По началу «Письма» получалось, что у сосланного на Кавказ «государственного преступника», вопреки ожиданию властей, «вместо черной печали, душа... наполнена знакомым... чувством» оптимизма, что, несмотря на тяжелые жизненные испытания и невзгоды, выпавшие на его долю, он горд и несгибаем. «Пасынок счастья, весело несущий бремя свое» на отдаленной окраине, способен не только утешать другого, но и полагать свое бытие «завиднее» положения далекого друга, «окруженного блаженством». Подобные высказывания декабриста о своем душевном состоянии в ссылке, о неутраченной вере в будущее лучшим образом свидетельствовали не только о стойкой приверженности сосланных на Кавказ «государственных преступников» к идеям декабризма, но и о живучести «духа сообщества» между ними, который наиболее наглядно проявился в этот период в их литературном творчестве, включая и негласное сотрудничество в местной русской правительственной газете.

ности до другого послания» («Тифлисские ведомости», 8 февраля 1829 г., стр. 4). Редакция газеты сопроводила эту фразу сноской: «Чувствительно благодаря неизвестную особу, доставившую нам столь любопытную и занимательную статью, мы надеемся, что сей почтенный корреспондент подарит нас и тем посланием, которое он здесь обещает» (там же).

[71] «Кавказский сборник», т. I, стр. 177.

[72] Там же, стр. 177—178.

[73] Там же, стр. 178.

Надо отдать должное смелости редакции «Тифлисских ведомостей», которая, предусмотрительно опустив начало «Письма из Карса», оставила некоторые, может быть, не менее острые по смыслу критические суждения автора-декабриста о положении в войсках Отдельного кавказского корпуса. Намеки становятся явственными при попытке автора изобразить взаимоотношения личного состава корпуса и местного, главным образом армянского, населения. Автор пишет: «Должно отдать полную справедливость обращению войск наших с обывателями. Я не стану уверять тебя, что в здешних полках все ангелы; но скажу, что у дьявола рога и зубы подпилены. Начальство слишком хорошо берет свои меры, ничто дурное не скрывается, ничему не потакают, и мошенники так убеждены в том, что только самые отважные решаются на опыты и при всегдашней неудаче теряют охоту к повторению. Это вошло в общее правило, в привычку, и как будто иначе быть не могло» [74]. Далее автор подчеркивает разницу в положении солдат на Кавказе по сравнению с положением на родине: «В России солдат более позволяет себе [75] над мужиком, — пишет Лачинов, — и потому чаще бывают ссоры; здесь и не слыхать об них» [76].

В пространной вставке в первую часть «Письма из Карса», опубликованной в № 5 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г.[77], написанной самим Лачиновым, говорится о сражении 17 августа 1828 г. с турками: «Заметно было, что не одно желание отличиться, но какое-то родное душе каждого чувство вело всех. И немудрено: мирные поселяне поручили себя защите нашей; мы видели полную доверенность их к русским, признательность их тронула нас, возбудила чувство народного честолюбия, чувство высокое, благородное...» [78]. Эти слова декабриста о благородном чувстве дружбы между русским и закавказским народами живо воспринимались читателями тифлисской газеты, рассматривавшими воинов Отдельного кавказского корпуса как своих защитников от иноземных посягательств. Понятен в связи с этим искренний восторг Лачинова, что «здесь более прежнего я имел причин благодарить бога, что родился русским: я русский — и сердце мое трепещет от радости, я русский — и с гордостью замечаю уважение народов к величию русскому. О, да цветет оно, драгое Отечество — и да льются благие дары промысла на виновников славы его и благоденствия» [79].

В статье Лачинов предстает сторонником нравственного воздействия на местное население, в том числе на горские народы Северного Кавказа. По всему видно, что он противник их насильст-

---

[74] «Тифлисские ведомости», 8 февраля 1829 г., стр. 4.

[75] В газете опущено слово «дерзости» (ср. «Кавказский сборник», т. I, стр. 187).

[76] «Тифлисские ведомости», 8 февраля 1829 г., стр. 4.

[77] Ср. «Кавказский сборник», т. I, стр. 179—180.

[78] «Тифлисские ведомости», 1 февраля 1829 г., стр. 4.

[79] Там же.

венного подчинения России. Следствием проявления к этим народам «благодетельного правила кротости нашего правительства» Лачинов пытается объяснить то, что «закоренелые враги наши так скоро забывают вражду свою и там, где на каждом шагу встречали бы мы неприятелей, вместо народной войны, встречаем большей частью готовых к покорности... Вот плоды кротости и справедливости: не ясно ли доказывается сим, что победы их несравненно быстрее и прочнее побед оружия?» [80]. Мысли Лачинова о мирном присоединении Северного Кавказа к России представляются несколько наивными, ибо весь ход развития правительственной политики на Кавказе являлся свидетельством того, что царизм при его безудержном стремлении превратить весь Кавказ в свою колонию и рынок сбыта товаров российской промышленности был не способен подменить более надежное в достижении этой цели средство — штык — на нравственное перевоспитание северокавказцев для добровольного изъявления согласия на присоединение к России. Не было случайным в связи с этим, что уже в сентябре 1829 г. Николай I в письме к Паскевичу (еще не успела отгреметь русско-турецкая война!) поставил новую боевую задачу Отдельному кавказскому корпусу — «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [81].

Пока установлен лишь один бесспорный случай выступления Лачинова на страницах «Тифлисских ведомостей». Можно предположить, что он был одним из авторов военной информации, поступавшей в газету непосредственно с театра военных действий на Азиатском фронте войны с Турцией. По крайней мере его участие в составлении подробного статистического «Описания Карского пашалыка» [82] кажется нам несомненным. На Е. Е. Лачинове как деятельном корреспонденте «Тифлисских ведомостей», видимо, лежала обязанность приглашать для участия в газете. В № 10, 13 и 14 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. была опубликована статья «О вере древних армян». К заголовку статьи дано примечание переводчика: «Из II тома записок французского королевского общества изысканий древности, сочинение г. Сирбиета, действительного члена упомянутого общества, профессора армянского языка в училище восточных языков. В истории Армении, изданной братьями Арзановыми, хотя есть нечто о религии сего народа, но статья г. Сирбиета несравненно полнее» [83]. Вряд ли стоит сомневаться, что «профессор Сирбиет» и «профессор Чирбет» (правильнее Джрпет), упоминавшийся Лачиновым в записках, опубликованных в «Кавказском сборнике» [84], одно и то же лицо. Связь армянского ученого с тифлисской русской газетой могла быть осуществлена, как нам

---

[80] «Тифлисские ведомости», 1 февраля 1829 г., стр. 4.
[81] *Щербатов.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, стр. 230.
[82] «Тифлисские ведомости», 15 марта 1829 г., стр. 3—4; 22 марта 1829 г., стр. 2—4.
[83] См.: «Тифлисские ведомости», 8 марта 1829 г., стр. 3.
[84] «Кавказский сборник», т. I, стр. 125.

кажется, через Лачинова. Именно к этому периоду относятся усиленные занятия его с профессором Чирбетом (Джрпетом) в Тифлисе по рекомендации генерала Красовского [85]. Публикация статьи Лачинова в «Тифлисских ведомостях» всего на четыре номера опередила появление статьи «О вере древних армян» [86].

Третьим корреспондентом и сотрудником «Тифлисских ведомостей» из декабристов был уже известный нам Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841). В № 36 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. появилось «Письмо к издателям „Тифлисских ведомостей"», без подписи, написанное 19 августа 1829 г. в «лагере при селении Посус», т. е. за два месяца до известной полемики с Радожицким. В корреспонденции обращает на себя внимание патриотическая настроенность автора, с воодушевлением описывавшего резонанс от «грома побед наших в Турции и Персии» среди народов Кавказа и Ближнего Востока. Чтобы понять настроение Сухорукова, характерное для его единомышленников не только из числа сотрудников «Тифлисских ведомостей», сошлемся на справедливое замечание В. С. Шадури об ошибочности мнения, будто общепризнанная храбрость декабристов в кампании 1826—1829 гг. свидетельствует об их отходе от революционно-патриотических позиций и переходе на сторону царизма [87]. Между тем известно, что идея борьбы против «варварской империи» (Турции) была популярна среди декабристов еще задолго до 1828 г. Декабристы, как носители антифеодальной идеологии, всегда горячо выступали против тирании и фанатизма как султанской Турции, так и шахской Персии, на протяжении «сотен лет терзавших балканские и кавказские народы» [88]. Русские дворянские революционеры, приветствуя и поддерживая национально-освободительное движение угнетенных народов, полагали, в частности, что в 1826—1829 гг. «борьба с восточной агрессией объективно служила не столько интересам царизма, сколько интересам русского и кавказских народов», ибо эта борьба у декабристов переплеталась с идеей не только обеспечения государственных интересов России, но и с идеей свободы, с симпатиями к угнетенным народам [89]. Декабристская оценка Кавказских войн 1826—1829 гг. лежит в русле известного высказывания Энгельса о прогрессивной роли России по отношению к народам Востока [90], она вытекает из революционного патриотизма декабристов.

---

[85] Е. А. Лачинов покинул Тифлис, отправившись вместе со своим 39-м егерским полком на фронт после отъезда в апреле 1829 г. из Грузии в Россию генерала А. И. Красовского.

[86] Окончание «Письма из Карса» помещено в № 6 «Тифлисских ведомостей» от 8 февраля 1829 г., а первая часть статьи «О вере древних армян» напечатана в № 10 газеты от 8 марта того же года.

[87] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 153.

[88] Там же.

[89] Там же, стр. 153—154.

[90] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 241.

Становится понятным удовлетворение, которое вызывает у декабриста Сухорукова интернациональный состав войск Отдельного кавказского корпуса, пополнявшегося новыми силами за счет присоединения к нему боевых соединений, сформированных из коренных местных жителей. «Как занимателен для наблюдателя, — пишет Сухоруков, — стан русский в Азии: вы найдете здесь полки мусульман наших закавказских провинций, конницу Кенгерлы — воинственное племя нашего Нахичеванского округа; команду карских армян; сотни баязетских мусульман; вольных курдов, в прошедшем году воевавших против нас, а в нынешнем добровольно явившихся под наши знамена, — курдов, которые в общем составе своем представляя нам теперь в Курдистане живой образец древнего феодализма, наружно покорствуют то Порте, то Персии и составляют предмет политического борения между сими державами; чеченцев недоступного Кавказа и, наконец, теперь к довершению сего разнообразия племен и народов в стане нашем явились еще Дели и Гайти» [91]. Далее он пишет: «третьего дня прибыли в стан наш из Арзерума турецкая конница Дели-баши и Гайти; это охотники, вызвавшиеся из Арзерумского пашалыка по приглашению нашего правительства воевать под нашими знаменами. Вы знаете, что Дели-баши и Гайти есть лучшая конница в Турции, которая столько же славится здесь храбростью, сколько неуклонным патриотизмом; даже некогда существовало общее мнение, что Дели-баши и Гайти нельзя взять в плен — они скорее умрут, нежели сдадутся; в настоящую войну, однако ж, между нашими пленными всегда бывали сии прославленные воины. Сказывают, что в Арзруме вызвалось гораздо более охотников; но узнав, что кампания наша оканчивается, многие остались дома. Всего важнее то, что сии охотники не из племен, чуждых оттоманам, каковых в азиатской Турции много: это природные турки, подданные его султанского величества, еще весною служившие в ротах Сераскира. Какое торжество над фанатизмом мусульман!.. Вот вам масштаб, которым измеряйте теперь влияние, произведенное на Востоке последними войнами нашими в Персии и азиатской Турции, — сила оружия противу воюющих полчищ и безусловная кротость и справедливость к мирным обитателям и покоренному народу... влияние постоянных побед ... действие неслыханного в Азии великодушия к побежденным — суть те могущественные пружины, кои дают нам сильную моральную власть над умами врагов. Они теперь будут драться за нас против своих; можете ли приискать пример, который бы сильнее сего выразил приверженность временно покоренного народа к своим победителям» [92].

Корреспонденция Сухорукова выделяется и обстоятельностью политического комментария к сообщаемым фактам, и осведомленностью автора в обсуждаемых им вопросах, но еще ярче живостью

[91] «Тифлисские ведомости», 6 сентября 1829 г., стр. 4.
[92] Там же.

публицистического изложения материала и одной довольно смелой исторической аналогией. При описании, например, представления Паскевичу перешедших на сторону русских Дели-баши и Гайти Сухоруков буквально в трех фразах передает картину военного праздника в прифронтовом лагере близ Арзрума: «Любопытно было видеть, как конница сия прошла церемониально перед главнокомандующим с своим маленьким барабаном, на котором бил что-то несвязное чалмоносный барабанщик. Впереди ехали два баши; какие-то командные слова кричал байрактар; конница вытянулась в один ряд, байрактар пробежал перед фронтом, чтобы поравнять строй, и стал на правом фланге. Главнокомандующий дал подарки башам, раздал несколько денег всадникам и приказал угостить их баранами, которые тотчас разделились на шашлыки...»[93]

В заключение корреспонденции Сухоруков сообщает читателям «Тифлисских ведомостей» другую новость, которая, по его мнению, заслуживает «большого внимания», — о присоединении к русским войскам отряда воинствующих чеченцев. «Вы знаете Бейбулата, — пишет Сухоруков, — сего славного разбойника, которого именем наполнены ущелия и долины Кавказа, который более 10-ти лет умел волновать чечню, возбуждал против нас беглых кабардинцев и племена дагестанские, был непокорен всем предложениям нашего правительства, был пружиною многих восстаний горцев, сего разбойника, который, двигая стороною, нам неблагоприятствующею, воскресил во глубине Кавказа дела Стеньки Разина, которого, как умного и предприимчивого удальца, равно ласкала и Персия и Турция. Сей Бейбулат, сопровождаемый старшинами селений чеченских и дагестанских, явился к главнокомандующему в Арзерум и поверг во власть его себя и своих спутников, обязуясь честной службою искупить вину дел прежних»[94].

Аналогия, на которую ссылается в данном случае Сухоруков, в строго историческом смысле не совсем удачна как по масштабной несоразмерности, так и по существу. В первом случае речь идет о борьбе отряда чеченцев во главе со своим вожаком Бейбулатом против русского правительства во имя национальной независимости своего народа, тогда как крупнейшее крестьянское движение XVII в. во главе со Степаном Разиным преследовало антифеодальные цели внутри самого Российского государства. Но дело не в этом, ибо подобная и, может быть, более утонченная разница между сравниваемыми Сухоруковым событиями доподлинно была известна, прежде всего, ему самому — признанному знатоку истории донского казачества и первому русскому историку, описавшему основные эпизоды Кавказской войны 1826—1829 гг.

Отметим смелую для того времени попытку Сухорукова использовать достоверный случай из настоящего, чтобы воскресить в памяти читателей легендарный образ великого Степана Разина,

---

93 Там же.
94 Там же.

которому он, наряду с другим вождем крестьянского восстания в России К. Булавиным, посвятил много ярких страниц в своей не завершенной по уже известным нам причинам истории донского казачества. К чести газеты следует сказать, что этот случай из практики сотрудничества в ней декабристов не был исключительным. Можно вспомнить другой даже более дерзкий по отношению к правительству, когда в газете в благожелательном контексте был упомянут (правда, под псевдонимом) сам Сухоруков, имя которого к тому времени стало одиозным для «Тифлисских ведомостей» из-за понесенного в январе 1830 г. наказания по известному его «проступку». Спустя лишь год после этого события в № 9-11 газеты за 1831 г. был помещен «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», во вступлении к которому его автор не только упомянул бывшего заместителя редактора «Тифлисских ведомостей», но и подчеркнул свое преклонение перед ним как гражданином, блестящим историком и журналистом. Аргументируя необходимость обстоятельного и всестороннего изучения прошлого и современного ему быта многонационального населения Кавказа, А. А. Бестужев-Марлинский писал: «Благодаря высшему начальству уже несколько просвещенных офицеров разосланы по всем концам Кавказа для подробного описания всех мест, куда могут они проникнуть, но до сих пор мы ограничиваемся еще одною надеждою, и кавказские горцы ждут пера, подобного перу Казака-Историка (В. Д. Сухорукова. — *Д. В.*), соединявшего с прелестью рассказа точность историческую. Пускай не оценят такую попытку на Кавказе — ей обрадуются в России, ибо там лучше ведают цену уму и редкость хорошего писателя» [95].

Установление связей писателя-декабриста с редакцией «Тифлисских ведомостей» относится, как об этом свидетельствуют некоторые фактические данные, к самому началу его пребывания на Кавказе. Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1795—1837) являлся одним из руководителей и идейных вдохновителей декабристского движения. Друг Пушкина и Рылеева, он считался звездой первой величины среди тех, кто формировал литературные вкусы революционно настроенной молодежи России 20-х—начала 30-х годов XIX в. Смертная казнь (он был причислен к «государственным преступникам» первого разряда) была заменена Бестужеву, лишенному чинов и дворянства, каторжной работой с последующим поселением в Якутске. Воспользовавшись начавшейся русско-турецкой войной, Бестужев, чтобы вырваться из мертвящей обстановки сибирской ссылки, 10 февраля 1829 г. обратился к начальнику Главного штаба бар. Дибичу с просьбой ходатайствовать за него перед царем о разрешении принять участие в Кавказской войне. В апреле того же года Паскевичу предписали из Петербурга Александра Бестужева «определить на службу рядовым в один из действующих против неприятеля полков Кавказского отдельного корпуса по усмотрению вашего сиятельства, с тем, однако же, что

---

[95] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 2 (66).

в случае оказанного им отличия против неприятеля не был он представлен к повышению, а доносить только на высочайшее благовоззрение, какое именно отличие им сделано» [96].

В начале августа 1829 г. А. Бестужев прибыл в Тифлис. В пути он разминулся с А. С. Пушкиным, возвращавшимся с Кавказа. Характерно, что среди достопамятных мест Тифлиса наиболее притягательным для обоих писателей оказалась могила А. С. Грибоедова. Не случайным было и еще одно совпадение — в короткое время первого своего пребывания в столице Грузии А. Бестужев, подобно Пушкину, установил контакт с редакцией местной русской газеты. Посещение декабристом могилы на Мтацминда, как уже отмечалось, было зафиксировано не только в его переписке с родственниками и друзьями, но и на страницах «Тифлисских ведомостей». Установление связи с первой русской газетой на Кавказе подтверждается теми же источниками. Так, в письме к матери, отосланном из Тифлиса 15 августа 1829 г., А. Бестужев сообщал: «Завтра я выезжаю в отряд верхом на купленной здесь лошади. Поеду через Карс, Эрзерум и далее, где главнокомандующий» [97]. В № 33 «Тифлисских ведомостей» от 16 августа того же года было помещено стихотворение «Солдатская песня» за подписью «А. Б. — въ». Инициалами, совпадающими с заглавными буквами имени и фамилии А. Бестужева, никто до и после него в «Тифлисских ведомостях» не подписывался. Патриотическая направленность содержания и, особенно, стиль, перекликающийся с солдатскими песнями Рылеева и Бестужева, тоже подтверждают принадлежность этого стихотворения Марлинскому.

«Богатырь у нас народ,
Молодецкой самой,
За святую Русь — вперед!
Все вперед, все прямо!

Не задержит наш полет
Ни стена, ни яма.
Хоть в огонь — катай вперед!
Все вперед, все прямо!

Разорвем мы твой оплот
Грудью, враг упрямый!
На штыки, ура! Вперед!
Все вперед, все прямо!

Пали с тысячи ворот
Бунчуки Ислама.
Мы с победою вперед!
Все вперед, все прямо!» [98]

---

[96] «Былое», 1906, кн. XI, стр. 305.

[97] «Русский вестник», 1870, № 6, стр. 494.

[98] «Тифлисские ведомости», 16 августа 1829 г., стр. 4. Предположение о принадлежности этой солдатской песни А. А. Бестужеву-Марлинскому высказал В. С. Шадури (см. *В. С. Шадури*. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 259—260).

Редакция «Тифлисских ведомостей» была, пожалуй, единственным для Бестужева в Тифлисе местом, где он мог не только обрести кров, но и найти применение своему литературному таланту. Кроме того, здесь работал его давний знакомый по Петербургу В. Д. Сухоруков. Напомним, что в Следственной комиссии в 1826 г. относительно «прикосновенного» Сухорукова особо были допрашиваемы исключительно А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, которые, насколько это было возможно, выгородили своего единомышленника от ожидавшего его более жестокого наказания.

Застать Сухорукова в Тифлисе Бестужеву не удалось [99]. Он встретился с ним лишь на фронте, куда устремился с большой поспешностью, чтобы принять участие в заключительном этапе войны с Турцией, не подозревая о тайном распоряжении царя не представлять его к повышению за воинские отличия. Неведение это в какой-то мере, возможно, способствовало печальной участи опального писателя. Ни разу не удостоившийся заслуженного поощрения начальства за неоднократно проявленную им в боях воинскую отвагу, Бестужев-Марлинский был убит 7 июня 1837 г. при овладении Адлером.

Встреча с Сухоруковым и общение на протяжении более четырех месяцев, надо думать, укрепили Марлинского в решении продолжать сотрудничество в «Тифлисских ведомостях», однако практически осуществить это удалось лишь почти полтора года спустя. Реакция правительства и местных властей на бутурлинский донос, вызвавший усиление гонения на сосланных декабристов, арест и повторная ссылка В. Д. Сухорукова привели к тому, что писатель воздерживался от участия в тифлисской русской газете на протяжении всего 1830 г.

Именно к этому периоду относится приобретший постепенную гласность творческий контакт Бестужева-Марлинского с некоторыми столичными периодическими изданиями, главным образом с «Московским телеграфом» и «Сыном Отечества» [100]. В условиях гарнизонной жизни в Дербенте, куда писатель был определен на службу после высылки из Тифлиса в начале 1830 г., занятие литературным трудом было для него едва ли не единственной отдушиной. «В досужное от службы время, — писал А. А. Бестужев в августе 1830 г. братьям своим Михаилу и Николаю в Сибирь, — я занимаюсь словесностью, как одуряющим средством от скуки, и если

---

[99] Сухоруков находился тогда в действующих войсках, откуда и была прислана им в редакцию корреспонденция, написанная 19 августа 1829 г. в лагере близ селения Посус (см. «Тифлисские ведомости», 6 сентября 1829 г., стр. 4).

[100] Журналист А. А. Бестужев остался верен себе даже на поле боя: еще из Арзрума он писал 3 сентября 1829 г. матери: «...для „Пчелы“ («Северной пчелы». — *Д. В.*) я собираю военные анекдоты, которых здесь немало» (см. «Русский вестник», 1870, № 6, стр. 496). Поэтому не исключено, что некоторые из «военных анекдотов», опубликованных в «Тифлисских ведомостях» за 1829 г. без подписи, принадлежат Бестужеву-Марлинскому.

вы в „Сыне Отечества“ будете читать что-нибудь с подписью Марлинский, это мое. Калачи, говорят, зависят от воды: не осудите, что моя вода не очень вкусна»[101].

Сотрудничество Марлинского в столичных периодических изданиях послужило своеобразным разрешением для редакции «Тифлисских ведомостей», решившей после январских событий 1830 г. в Тифлисе вновь предоставить свои страницы ссыльному декабристу.

В течение января—марта 1831 г. в «Тифлисских ведомостях» были опубликованы под рубрикой «Изящная словесность» две повести Бестужева-Марлинского — «Красное покрывало» (№ 6-7) и «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (№ 9-11, 12-14, 15-17). Кроме того, в № 9-11 газеты за тот же год был опубликован анонимный очерк «Могила Грибоедова».

Попытаемся обосновать наше предположение о принадлежности А. А. Бестужеву очерка «Могила Грибоедова. Письмо из Тифлиса в С.-Петербург, от 16 мая 1830 г.». Прежде всего, обращает внимание хронологическое несоответствие нашего предположения с датой, указанной в подзаголовке, ибо в мае месяце А. А. Бестужева уже не было в Тифлисе. Будучи выслан оттуда, он находился «в течение трех с половиной лет... в дербентском гарнизоне»[102]. Итак, декабрист мог посетить могилу Грибоедова либо тотчас по приезде из Якутска в Тифлис (примерно с 4 по 16 августа 1829 г.), либо в начале 1830 г., когда он снова очутился в Тифлисе после окончания военных действий на Кавказском фронте и находился здесь до конца зимы, прежде чем получил новое назначение в Дербент. В очерке описан жаркий летний день столицы Грузии. Этому не противоречит обещание А. А. Бестужева, высказанное 16 августа 1829 г. в письме к матери из Тифлиса, — подробно описать первое посещение им столицы Грузии. Не исключено, что «16 мая 1830 г.» является датой написания очерка, основой которого послужило упомянутое («обещанное») письмо писателя к матери.

Наиболее красноречиво авторство подтверждается содержанием очерка. Первые же фразы очерка говорят о том, что написан он человеком, недавно прибывшим в Тифлис издалека: «Новость моего жилища, в которое я перенесен как бы волшебством, и все происшедшее со мной в течение трех месяцев производят такой сумбур в моей голове, что от смешения мыслей и воспоминаний нет мне покоя ни днем ни ночью»[103]. Неудивительно, что все происшедшее с А. А. Бестужевым в течение примерно трех месяцев со времени «соизволения» на перевод его из Сибири на Кавказ до прибытия в Тифлис ассоциировалось у писателя с волшебством. Подобие независимости, которое он ощутил за время пребывания в столице Грузии, позволило автору очерка привести в порядок «сумбурное» состояние своих мыслей, вызванное столь неожидан-

---

[101] «Русский вестник», 1870, № 6, стр. 500.
[102] Там же, стр. 486.
[103] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 16 (80).

ной метаморфозой. «Третьего дня, — продолжает автор, — только что успел я лечь, как морфей стал производить надо мною все проказы, которые он властен делать над телом и воображением, изнуренными и расстроенными долговременным путешествием и разнородными событиями... Я вспоминал прошедшее, думал о настоящем, мечтал о будущем» [104].

Это долговременное путешествие от Саянского хребта до центра Закавказья со всеми подробностями описано А. А. Бестужевым в письмах к матери и к братьям Николаю и Михаилу.

В очерке акцент сделан на описании Тифлиса и могилы друга А. А. Бестужева — А. С. Грибоедова на горе Мтацминда. Поверхностное знакомство автора с городом видно, в частности, из приводимого им диалога с местным жителем: «„Это что?“ — спросил я. — „Храм святого Давыда. Сегодня четверг: грузинки идут туда на богомолие“. — „Там могила Грибоедова, — воскликнул я, — и туда красы Востока текут на поклонение!“». Автор взял свой посох и, несмотря на трудность чрезвычайно крутого подъема, скоро добрался до могилы Грибоедова. «Не доходя до церкви св. Давыда, уступом ниже, так сказать, у подножия храма, сделано в стене полукруглое углубление — и тут хранятся бренные остатки незабвенного поэта. Над могилою не построено еще никакого памятника, нет надписи и ни малейшего признака, что в сем месте лежит Грибоедов. Долго взор мой был прикован к голому камню, и мысли, в коих невозможно отдать отчета, сменяли одна другую. „Тут лежит Грибоедов, — думал я, — и камень этот безгласен!“» [105]

Отсутствие мемориальной надгробной плиты на могиле писателя воспринимается автором очерка как неуважение к памяти усопшего со стороны правительства и местных властей. «С трудом я решился отторгнуться от сего волшебного места, — продолжает автор, — и, спускаясь обратно, был в таком же восхищении от последней завещательной мысли Грибоедова: быть похоронену у Св. Давыда, — как от гениальных прелестей, беспрестанно встречаемых в бессмертном его творении „Горе от ума“» [106].

Подобное печатное высказывание о рукописной комедии в то время было довольно смелым, особенно если учесть, что «Горе от ума» отдельные литературные критики воспринимали как пасквиль на тогдашнее русское общество. Здесь надо отдать должное и редакции «Тифлисских ведомостей», которая так высоко оценила Грибоедова и его творение. Душа поэта, как отмечал автор очерка, невольно разлучилась «с землей, которую хотела еще одарить многим прелестным, — для которой не все еще свершила, что ей предназначено было!» [107] Вспомним, что Александр Бестужев «был первым литературным защитником „Горя от ума“, глубоко и верно

---

[104] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 16 (80).
[105] Там же, стр. 17 (81).
[106] Там же, стр. 19 (83).
[107] Там же.

определившим его подлинное значение как «творения народного» [108]. Характерно также, что очерк «Могила Грибоедова» помещен вслед за пространным отрывком из «Рассказа офицера, бывшего в плену у горцев», который печатался в нескольких номерах «Тифлисских ведомостей». Кроме того, мысли о Грибоедове как писателе и деятеле, высказанные в очерке, идентичны высказываниям А. Бестужева в его переписке с родными и друзьями. Так, в письме к матери от 25 мая 1829 г., отправленном буквально накануне своего отъезда из Сибири на Кавказ, А. Бестужев отмечал: «Не говорю уже, какую горесть почувствовал я о потере человека, которого приязнею имел счастье пользоваться, но просто как человек, но просто как русский могу ли не горевать о такой безвременной кончине человека, которому счастье обещало все в будущем и который столько обещал отечеству своими познаниями и талантами!» [109]

То, что очерк «Могила Грибоедова» принадлежит перу А. А. Бестужева-Марлинского, подкрепляют и два более поздних его письма — одно к Ф. В. Булгарину (1832 г.), другое — к брату Павлу Бестужеву (1837 г.). В письме к Булгарину сообщается, что тотчас по прибытии из Сибири в Тифлис в августе 1829 г. он побывал на могиле Грибоедова, отдав тем самым последний долг своему другу: «В 1829 году я был на могиле нашего незабвенного Грибоедова и плакал как дитя — я был один» [110].

Письмо к брату П. А. Бестужеву написано по поводу гибели А. С. Пушкина, т. е. восемь лет спустя. Но достаточно вчитаться в строки письма, содержащего, между прочим, описание одного из последующих посещений им склепа Грибоедова на Мтацминда, чтобы обратить внимание на характерную деталь: декабрист, так же как и автор очерка «Могила Грибоедова», с досадой замечает, что память гениального автора «Горя от ума» не была увековечена должным образом: «Я был глубоко взволнован трагическим концом Пушкина... Я всю ночь не сомкнул глаз и рано утром был уже на крутой дорожке, ведущей к монастырю св. Давыда, который ты хорошо знаешь.

Придя туда, я позвал священника и заказал ему отслужить панихиду на могиле Грибоедова, на могиле поэта, растоптанного толпой невежд, могиле без надгробного камня и без подписи...» [111]. Нам кажется, что совпадение это не случайно: декабриста, видевшего могилу Грибоедова в 1829 г., неприятно поразило, что и в 1837 г. он не обнаружил здесь никаких признаков стремления властей увековечить память великого писателя.

---

[108] *М. В. Нечкина.* Грибоедов и декабристы, стр. 449.

[109] «Русский вестник», 1870, май, стр. 261.

[110] «Русская старина», 1901, т. II, стр. 401.

[111] «Отечественные записки», 1860, VI, стр. 71. Подлинник письма А. А. Бестужева-Марлинского к П. А. Бестужеву на французском языке. Следует отметить, что в переводе этого письма на русский язык встречаются разночтения (ср. *В. С. Шадури.* Выдающиеся деятели русской культуры о Грузии. Тбилиси, 1958, стр. 15; *М. В. Нечкина.* Грибоедов и декабристы, стр. 549).

Разные догадки о принадлежности Бестужеву-Марлинскому некоторых произведений, напечатанных в «Тифлисских ведомостях», высказывались еще в период выхода данной газеты. Так, в № 21-23 «Тифлисских ведомостей» за 1831 г. под рубрикой «Изящная словесность» была напечатана повесть «Агабаб и Корань». Как обычно, подпись отсутствовала. Повести Марлинского имели указание даты и места написания — «Дагестан». В конце повести «Агабаб и Корань» также была дата («июнь 1831 года») и заглавная буква «Д», указывающая на место написания повести. В России это расшифровали как «Дагестан» и приписали повесть Марлинскому. В связи с этим редакция «Тифлисских ведомостей» в примечании к статье Гр. Гордеева «Караязская степь и древние грузинские пустыни св(ятого) Иоанна Крестителя и св(ятого) Давыда Гареджийского» вынуждена была сообщить следующее: «Сочинитель „Агабаба и Кораны" и сочинитель „Красного покрывала" суть два разные лица. За Кавказом, кроме Дагестана, есть много мест, коих название начинается заглавною литерою „Д." — Примечание для охотников перепечатывать статьи и для решающихся расточать им похвалы, умалчивая об их похищениях»[112]. Это примечание было напечатано восемь с лишним месяцев спустя после опубликования в тифлисской газете повести «Агабаб и Корань» (апрель, 1831 г.). Поводом к данному примечанию послужило посвящение названной статьи Гр. Гордеева автору «Агабаба и Корани», личность которого так и осталась неизвестной[113].

Несмотря на сравнительную ограниченность материала в «Тифлисских ведомостях», принадлежность которого Марлинскому не вызывает сомнения, весь 1831 год в деятельности первой русской газеты на Кавказе с полным основанием можно именовать «бестужевским». Тем досаднее, что сотрудничество писателя в «Тифлисских ведомостях» до сих пор не стало предметом специального монографического изучения. В этом смысле справедливо замечание В. С. Шадури, что отдельные аспекты проблемы о кавказских связях Бестужева-Марлинского «все же остались вне поля зрения исследователей». Более того, при изучении творческого наследия писателя, столь тесно связанного с Кавказом, «даже не ставился вопрос о сотрудничестве его в „Тифлисских ведомостях"»[114].

Именно поэтому в собраниях сочинений Бестужева-Марлинского неполно отражен цикл его кавказских повестей, рассказов, очерков. Этим же можно объяснить и неточности, допущенные некоторыми исследователями жизни и творчества писателя. Так, в работе А. В. Попова, посвященной жизни и литературным связям А. А. Бестужева на Кавказе, повесть «Красное покрывало» отнесена к 1834 г. в соответствии со «Вторым полным собранием сочине-

---

[112] «Тифлисские ведомости», январь 1832 г. (№ 1), стр. 9.
[113] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 302.
[114] Там же.

ний А. Марлинского»[115]. Но ни автор, ни составители собрания сочинений А. Марлинского не знали, что впервые повесть «Красное покрывало» была напечатана еще 24 января 1831 г. в № 6-7 «Тифлисских ведомостей».

Интерес к Кавказу и его древней истории проявлялся Марлинским задолго до непосредственного ознакомления с этим краем. Свои познания о Кавказе он черпал из весьма скудной в то время кавказоведческой литературы, а также из обрывочных рассказов друзей, служивших там и изредка наезжавших в Петербург. Поверхностный характер подобной информации о Кавказе сказался в первых же его критических обзорах[116]. В статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» Марлинский начинал обзор вновь вышедших книг с «Новейших известий о Кавказе» С. М. Броневского и «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола: «Обе сии книги во всех отношениях заслуживают внимания европейцев и особенную благодарность русских. Точность исторических изысканий, новость сведений географических и чистота слога венчают их похвалою археологов и литераторов, и вообще делают их необходимыми книгами для ученого и светского человека»[117]. Через семь лет (включая сюда два года службы на Кавказе) Марлинский уже со знанием дела оценивал ту же самую книгу Броневского в «Тифлисских ведомостях»: «Известия о Кавказе г. Броневского, книга полезная для училищ, но не удовлетворяющая потребности мыслителя. Это сборник дельного и догадок, былого и небывалого, без всякой исторической критики»[118].

В новом своем отзыве о книге Броневского А. А. Бестужев стремился подчеркнуть разницу между общественно-научной литературой о Кавказе и публицистическими описаниями края: «Слова нет, чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике, о том, что разумели древние под именем „Фаза“ и „Камбиза“ и от чего взялась басня о золотом руне Колхиды? .. все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Страбоновых Скептухов, коих бог знает почему г. Броневский назвал Скиптроносцами»[119]. Как мы видим, возросла требовательность Марлинского

---

[115] *А. В. Попов.* Русские писатели на Кавказе. А. А. Бестужев-Марлинский, вып. 1. Баку, 1949, стр. 8—9. Ср.: «Второе полное собрание сочинений А. Марлинского», т. I, ч. II, СПб., 1847, стр. 114.

[116] См. «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». — «Полярная звезда», 1824; «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 г. и начала 1825 г.», где отмечена также книга А. А. Шишкова, служившего на Кавказе при Ермолове. — «Восточная лютня» («Полярная звезда», 1825).

[117] «Полярная звезда». Карманная книжка на 1824 год. Для любительниц и любителей русской словесности, стр. 4.

[118] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 2 (66).

[119] Там же.

к литературе о Кавказе. Примечателен творческий подход писателя к способу повествования: «Люди любят, чтобы их учили без указки в руках... чтобы полезное было в плаще приятного. — Дайте же нам менее порядка, но более живости, менее учености, но более занимательности... облеките все в драматические формы. Мы, конечно, лучше познакомились с Шотландией по романам Вальтера Скотта, нежели из самой истории» [120]. В одном из своих писем к братьям Полевым А. А. Бестужев писал: «В другое время я приведу сколько-нибудь в порядок мысли и заметки мои о виденном мною крае. Последние, впрочем, едва ли могут быть скоро гласны, ибо я вижу Кавказ совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши. Трудно вообразить, чтобы живучи так близко друг с другом, мы могли иметь столь ошибочные понятия о политическом составе управы между горцами и о личности видных между ними людей» [121]. Оценка А. А. Бестужевым романов Вальтера Скотта, созвучная известному высказыванию Ф. Энгельса о творчестве О. Бальзака [122], лучшим образом объясняет стремление Марлинского к публицистичности, к новому «способу воззрения» на кавказскую действительность [123].

Оперативность, с которой художественные очерки Марлинского преодолевали путь из «мелко исписанных тетрадей» в печатные столбцы официоза кавказской администрации, свидетельствовала об установлении довольно тесного контакта между опальным писателем и редакцией «Тифлисских ведомостей». В письме к матери из Дербента от 5 января 1831 г., А. Бестужев сообщал, что третьего дня получил «тифлисские газеты» [124]. Из переписки Марлинского с родными можно заключить, что в сравнении со значительными перерывами в почтовом сообщении с Петербургом редакция «Тифлисских ведомостей» регулярно (и бесплатно, как своему сотруднику) высылала А. Бестужеву в Дербент свежие номера тифлисской газеты с приложениями. Из этой газеты писатель узнает и о раскатах июльского грома во Франции и о резонансе Французской революции в Европе. С нескрываемым воодушевлением Марлинский сообщает матери: «В какой чудный век живем мы! Династии и народы уничтожаются и возникают, и Франция, как исполинское знамя, как боевая пушка, дает и теперь знак переворотов. Происшествие июля отдалось во всей Европе; мятеж рассек Бельгию от Голландии, и сама Англия...» [125].

На первый взгляд может показаться, что тесный контакт А. Бестужева с редакцией «Тифлисских ведомостей» не согласуется с более активным сотрудничеством в петербургской периодической печати. Однако следует иметь в виду, что при всем благожелатель-

---

[120] «Тифлисские ведомости» 11 февраля 1831 г., стр. 4 (68).
[121] «Русское обозрение», 1894, октябрь, стр. 828.
[122] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 36.
[123] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 4 (68).
[124] «Русский вестник», 1870, июнь (№ 6), стр. 505.
[125] Там же, стр. 505—506.

ном отношении к Марлинскому Санковский, испытывавший большие экономические затруднения по изданию газеты, конечно, не в состоянии был обеспечить гонорар, выплачиваемый писателю Полевым, Гречем либо Смирдиным (известно, что А. Бестужев употреблял гонорар на обеспечение себя необходимой литературой и периодикой). В письмах к сестре Елене Александровне декабрист неоднократно выражал свое недовольство эксплуатацией его литературного дарования издателями.

Произведения А. Бестужева, публиковавшиеся в петербургских газетах и журналах, были подписаны псевдонимом «Марлинский». Редакция тифлисской русской газеты давала произведения А. А. Бестужева либо вовсе без подписи, либо (в двух случаях) — под инициалами («А. Б-въ», «А. Б.»).

На страницах «Тифлисских ведомостей» кавказские повести Бестужева приобретали совершенно особое звучание. Достаточно сослаться на «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», насыщенный оригинальными мыслями о Кавказе и его обитателях. Здесь для читателя было очевидным стремление А. Бестужева противопоставить патриархальный быт кавказских горцев европеизированному лоску жизни светского общества в России, показать горцев, как «людей ... носящих в себе циркулярные недостатки и добрые качества, свойственные человечеству» [126]. Декабрист показывает относительность официозного зазнайства: «русский барич, погрязший по уши в невежестве, называет черкеса дикарем... желаю знать, что он такое в отношении к английскому перу, французскому остроумцу и к немецкому профессору» [127]. Если в первом из опубликованных в «Тифлисских ведомостях» произведений — повести «Красное покрывало» писатель ограничился отвлеченными рассуждениями о превратностях судеб человеческих, не лишенных, однако, автобиографичности [128], то в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев», он более склонен к обобщениям, к открытому осуждению пороков, присущих тогдашнему общественно-политическому строю.

В повести подробно описан быт двух горских племен — койсубулинцев и богучемонов, аулы которых были расположены высоко в горах. «Рассказ» ведется от имени русского офицера, попавшего в плен к горцам: «Три дня провели мы между этими детьми природы, не знающими никакого начальства и потому никакого властолюбия; чуждыми почти всех страстей, всех пороков общества, — но не знающими зато никаких его выгод» [129]. Наблюдения за жизнью

---

[126] «Тифлисские ведомости», март 1831 г. (№ 15-17), стр. 5 (117).

[127] «Тифлисские ведомости», февраль 1831 г. (№ 12-14), стр. 6 (94).

[128] «Судьба человечества, этого вечного Я, равно в границах известного времени и пространства, как в беспредельном горизонте вселенной, в бездне вечности... увлекла меня в даль недолетную, но смелая дума напрасно порывалась взлететь над безвестным океаном, как против вихря чайка прибрежная...» («Тифлисские ведомости», 24 января 1831 г., стр. 3 (43)).

[129] «Тифлисские ведомости», март 1831 г., № 15-17, стр. 5 (117).

богучемонов вызвали у писателя определенную ассоциацию: «Это была олицетворенная утопия Жан-Жака, только грязная, не нарумяненная, нагая» [130].

Многие рассуждения А. А. Бестужева перекликаются с мыслями Жан Жака Руссо. «Природа, создавшая всех без темляков и эполетов» [131], оказалась бессильной распространить равенство людей и на общественную их жизнь. Одним из проявлений этой несправедливости, отсутствовавшей у богучемонов, но характерной для койсубулинцев, живущих в горах «этажом ниже», была купля-продажа людей. «Меня продали, — продолжает рассказ русский офицер, — ничего нет справедливее. Да и почему не продаст свою добычу человек, отваживавший собственную за нее жизнь, когда продают людей другие люди, добывшие их без всякого риску и сбывающие из одного барыша? Самолюбие мое страдало только, что меня продали так дешево,.. но я утешился, подумав, что и в свете ценят не дороже людей, не умеющих плясать или ходить головою вниз» [132].

Следующее замечание дополняло картину превосходства естественной прямолинейности кавказских «детей природы» над замысловатым крючкотворством их цивилизованных антиподов: «Европейцы, большие искусники прибирать красные имена для черных дел, назвали выкуп или окуп контрибуциею, и то, что в частности почитают варварством, исполняют гуртом без зазрения совести. Осаждают город — мирные граждане принуждены есть конину; город сдается и победитель налагает контрибуцию за то, что они противились. Приходит союзник, выгоняет победителя и опять налагает контрибуцию на граждан, зачем они не питались крысами и не противились дольше. Потом жгут иллюминацию, употребляя на потеху глаз масло, которым бы можно накормить тысячи голодных желудков. Да здравствует просвещение!» [133] Это хлесткое замечание декабриста, в равной степени касающееся и практики царских войск на Кавказе, вполне могло оскорбить Паскевича, главнокомандующего вооруженными силами Кавказского края. Мы можем оценить гражданскую смелость редакции «Тифлисских ведомостей».

Далее герой описывал свое положение в плену у горцев: «Мало-помалу я вошел у всей деревни в большую доверенность. Слушал не зевая, хотя не внимая, муллу, который обращал меня в магометанство, расширял глаза, когда старики толковали чепуху, и хохотал во все горло, когда видел, что какой-нибудь почетник хотел смешить... одним словом, неволя меня выучила быть придворным... Дивлюсь, признаться, как выдерживают подобную ролю с доброй охоты? — У меня еще была в виду прекрасная цель — это родина и освобождение ... у самовольных льстецов совершенно про-

---

[130] «Тифлисские ведомости», март 1831 г. (№ 15-17), стр. 5 (117).
[131] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 7 (71).
[132] Там же, стр. 10 (74).
[133] Там же, стр. 6 (70)—7 (71).

тивное: видно, работать спиной легче, нежели плечами»[134]. Таким иносказанием Бестужев нарисовал образ придворного льстеца, заклейменный пушкинскими словами: «Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить и в подлости осанку благородства»[135].

Но вряд ли «вольности» редакции «Тифлисских ведомостей» остались незамеченными. Вскоре последовало распоряжение: «Государю императору благоугодно было, дабы обращено было строгое внимание на все вообще сочинения Александра Бестужева, предполагаемые им к изданию в свет, и чтобы они без особого и строгого просмотра нигде печатаемы не были»[136]. Естественно, что сотрудничество Бестужева-Марлинского в «Тифлисских ведомостях» оборвалось. Писатель не возобновил его ни в 1831 ни в 1832 г.

* * *

Среди декабристов, группировавшихся вокруг «Тифлисских ведомостей», можно указать на П. М. Устимовича (Сахно-Устимовича) и Д. А. Искрицкого. Основанием для такого предположения в первом случае служит статья «Письмо к одному из издателей „Тифлисских ведомостей“», опубликованная в № 38 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. О ее принадлежности Устимовичу говорит не только то, что она подписана инициалом «У». «Письмо» явилось своеобразным откликом на корреспонденцию В. Д. Сухорукова из лагеря при Посусе: «Из письма нашего общего знакомого В[асилия] Д[митриевича] С[ухорукова] вы должны уже иметь понятие о том разнообразии, каким исполнен наш военный стан. Жалею очень, что я не живописец и не могу дополнить рисунком сделанного уже вам описания»[137]. Автор «Письма», так же как и Сухоруков в своей корреспонденции, подчеркивает многонациональный состав русских войск, сражавшихся с турками на Кавказском фронте.

О принадлежности «Письма» П. М. Устимовичу говорит прежде всего та оперативность, с которой автор откликнулся на корреспонденцию Сухорукова: последняя опубликована в № 36 «Тифлисских ведомостей» от 6 сентября 1829 г., тогда как «Письмо» под литерой «У» было напечатано через номер, т. е. 20 сентября. Разрыв между этими взаимосвязанными публикациями всего в 14 дней можно объяснить не иначе, как заблаговременной осведомленностью автора «Письма» в том, что данная корреспонденция была написана Сухоруковым. П. М. Устимович служил вместе с Сухоруковым в канцелярии Паскевича и вплоть до окончания боевых действий на фронте безотлучно находился, как и Сухоруков, при главнокомандующем[138].

---

[134] Там же, стр. 11 (75).

[135] *А. С. Пушкин*. Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. 2, ч. 1, М., 1947, стр. 378.

[136] ЦГАОР СССР, ф. 1, св. 967, д. 9772, л. 5.

[137] «Тифлисские ведомости», 20 сентября 1829 г., стр. 2.

[138] Этому не противоречит заголовок «Письма», обращенного не к «издателям» газеты, как было обычно принято, а лишь к «одному из издателей

Кроме этого, в пользу Устимовича свидетельствует содержание статьи. Мы узнаем, что автор является «здешним старожилом» [139], что он был близок с людьми, составлявшими «круг, предназначенный для тифлисской газеты». В обращении к редакции газеты в начале статьи повествуется о дружеских взаимоотношениях между русским правительством и табасаранским владетелем Ибрагим-беком, который и на сей раз подтвердил свою преданность России, явившись с 50-ю отборными воинами к Паскевичу для участия в заключительном этапе войны с Турцией: «Случай сей хотя не может подобно другим служить доказательством влияния, приобретенного нами в сем краю успехами прошедшей персидской и нынешней турецкой войн, но достоин внимания... Мне, как здешнему старожилу, сие обстоятельство особенно показалось замечательным и я, охотно превозмогая лень свою, решился передать Вам на бумаге хотя что-нибудь о сем предмете. Кстати, я в долгу у Вас по обещаниям, и примите сие на первый раз по крайней мере как проценты с того капитала, который надеюсь уплатить впоследствии» [140].

Содержание «Письма» лучшим образом подтверждает, что «У» действительно старожил. Он подробно и со знанием дела излагает в общих чертах современную ему политическую обстановку на Северном Кавказе, проявляя обстоятельные познания в истории этого края. В отдельных случаях суждения его могут показаться и довольно смелыми для страниц правительственного издания. Сообщая, например, некоторые сведения о владетелях («майсюмах») табасаранских, «У» пишет: «Майсюм происходит от арабского слова „Исмет“ и значит в переводе „беспорочный“; были ли действительно прежние владетели Табасарани столь совершенны и отчего именно произошло сие титло, история Дагестана не говорит о том; известно только, что избиравшийся в сей сан получал полную, но не деспотическую власть над народом табасаранским и управлял оным как законный государь» [141]. Хотя все сказанное и относилось к «народу табасаранскому», тем не менее рассуждения автора о выборности главы государства и о лишении его в связи с этим «деспотической власти» непосредственно перекликались с идеями декабризма.

Предположение о сотрудничестве в «Тифлисских ведомостях» также и Д. А. Искрицкого возникло на основе того, что ему, как опытному штабному работнику, было поручено описать некоторые из вновь отвоеванных у турок территорий. Согласно послужному списку Искрицкого, им было «составлено описание Ахалцихского и Арзрумского пашалыков, сняты планы Боржомского ущелья, окре-

„Тифлисских ведомостей“», т. е. к П. С. Санковскому, ибо соиздатель В. Д. Сухоруков находился в действующих войсках.

[139] Сахно-Устимович начал службу на Кавказе еще при А. П. Ермолове, в 1821 г. В конце 1829 г. он, не поладив с Паскевичем, уехал в Россию.

[140] «Тифлисские ведомости», 20 сентября 1829 г., стр. 2.

[141] Там же.

стностей Арзрума и других городов»[142]. Аналогичный материал, опубликованный в «Тифлисских ведомостях» без подписи, по нашему мнению, с полным основанием можно отнести к Искрицкому[143]. Ему же можно приписать и небольшую заметку под рубрикой «Критика», опубликованную в «Тифлисских ведомостях» за подписью «Д.—J.—». Заметка, присланная в газету из Эривани 2 августа 1829 г., озаглавлена: «К господам издателям книги „Спасаемая Греция, или картина военных действий россиян против турок в 1827 и 1828 годах"». Вот как обоснована автором причина, побудившая его выступить в тифлисской газете: «Читая подробное объявление, приложенное к № 164 „Русского инвалида", о статьях, составляющих книгу „Спасаемая Греция", нельзя не заметить следующей статьи — „Завоевание всего пашалыка Баязетского князем Бековичем-Черкасским". Взглянув же в „Тифлисские ведомости" 1828 г., в № 3, 11, 14, 15, 19, 20, 21 и 23-й находим, что все военные действия в пашалыке Баязетском производились генерал-майором князем Чавчавадзе и все донесения о сих действиях шли от имени его, а полковника князя Бековича-Черкасского в то же самое время видим начальником Карсского пашалыка.

Рождается недоумение! Покорно просим господ Издателей разрешить оное»[144].

Приведенная выдержка свидетельствует о продолжении полемической линии, намеченной в тифлисской газете декабристом И. Г. Бурцовым, и подтверждает основную линию «Тифлисских ведомостей» по восстановлению истины в описаниях боевых событий на Кавказском фронте войны. В подкрепление ссылки на сообщение тифлисской газеты автор добавляет: «Между тем я, как участвовавший во всех сражениях, происходивших в пашалыке Баязетском, утвердительно говорю, что пашалык сей покорен оружию российскому генерал-майором князем Чавчавадзе, и в доказательство ссылаюсь на все официальные известия того времени»[145]. Дело в том, что успех, сопутствовавший отряду русских войск под командованием генерала А. Г. Чавчавадзе при овладении Баязетским пашалыком, не вызвал удовольствия завистливого гр. И. Ф. Паскевича, обвинившего боевого генерала — тестя А. С. Грибоедова — в нарушении воинской дисциплины. Поэтому выступление «Д.—J.—» на страницах «Тифлисских ведомостей» воспринималось читателями газеты как скрытый протест против несправедливого обвинения Чавчавадзе. «Думаю, что причины, — писал в заключение автор, — побудившие меня писать замечание сие, гг. Издателями будут

---

[142] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 173.

[143] См. «Статистические замечания об Ахалцихском пашалыке». — «Тифлисские ведомости», 28 ноября 1828 г., стр. 3—4; 5 декабря 1828 г., стр. 2—4; 18 января 1830 г., стр. 2—4.

[144] «Тифлисские ведомости», 9 августа 1829 г., стр. 4.

[145] Там же.

приняты за достаточно основательные, ибо такого рода ошибка не вовсе маловажна, тем более что оная допущена в книге, писанной русскими о современных подвигах оружия русского»[146]. Оценим принципиальность редакции «Тифлисских ведомостей», превыше всего ставившей объективный подход к оценке событий. Если к тому же наше предположение об авторстве Д. А. Искрицкого соответствует действительности, то и отповедь столичной газете, и возмущение действиями главнокомандующего приобретают политический оттенок.

Кроме тех декабристов, сотрудничество которых в «Тифлисских ведомостях» считается установленным, наиболее вероятным кажется нам участие в издании газеты В. Я. Вольховского, М. И. Пущина, Н. В. Всеволожского и особенно Петра Александровича Бестужева. Правда, последний о своем участии в кратковременном выпуске рукописного «Ахалцихского Меркурия» заметил в своем дневнике, что после этого «навсегда сошел с литературной кафедры». Но мы вполне согласны со следующим комментарием данного места воспоминаний П. А. Бестужева («Воспоминания Бестужевых». М., 1951, стр. 380, 783): «Прямых сведений о печатных статьях П. Бестужева не имеется, но, видимо, он сотрудничал в „Тифлисских ведомостях" (1828—1829 гг.)». Следует отдать должное тифлисской газете, предоставлявшей свои страницы гонимым, но гордым и несгибаемым представителям первой плеяды русских революционеров в условиях полицейского произвола, цензурных преследований и даже открытых доносов. Достаточно сослаться на пример пушкинской «Литературной газеты». Как только А. А. Дельвиг опубликовал несколько стихотворений (без подписи) в 1830 г. А. А. Бестужева-Марлинского и В. К. Кюхельбекера, последовал печатный донос Булгарина в «Северной пчеле»; «Впрочем, „Литературная газета" была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов»[147].

Возможность печататься, хотя бы без обозначения имени, в «Тифлисских ведомостях» поднимала дух у сосланных на Кавказ декабристов, укрепляла веру в собственные силы после неудачного выступления на Сенатской площади. В декабре 1830 г. А. А. Бестужев писал из Дербента к матери: «В утешение вам по крайней мере могу сказать, что дух мой едва ли не также неизменен... Годы могут разбить его на части, но и самые кусочки сохранят свою природу... Все-таки я еще не бесполезный песок, возметаемый каждым ветром и каждою волною»[148]. Это высказывание, как и выступления декабристов В. Д. Сухорукова, И. Г. Бурцова, Е. Е. Лачинова и других в «Тифлисских ведомостях», свидетель-

---

[146] «Тифлисские ведомости», 9 августа 1829 г., стр. 4.
[147] «Северная пчела», 1830, № 6, стр. 3—4.
[148] «Русский вестник», 1870, № 6 (июнь), стр. 501.

ствовало, что герои 14 декабря 1825 г. не утратили своего революционного мировоззрения. Их выступления в тифлисской русской газете граничили с подвигом. Поприще было слишком ограничено, но их перо служило мечом.

Члены редакции и отдельные представители авторского актива

Контингент редакции «Тифлисских ведомостей» первоначально составили люди, социальное происхождение которых не оставляло сомнений в принадлежности к дворянско-княжескому сословию, а ревностная служба их в качестве должностных лиц местной администрации — в приверженности соответствующей классовой идеологии. Однако вскоре практическая целесообразность подсказала необходимость замены «свадебных генералов» деятельными сотрудниками с определенными познаниями и опытом журналистской работы. Возможность подобных перемен наметилась после вступления в силу «Новых правил», когда социальный состав редакции постепенно изменился. Были привлечены новые сотрудники: С. И. Додашвили, В. Д. Сухоруков, Г. С. Гордеев, Д. Е. Зубарев и др. Заслуга в этом, несомненно, принадлежала «непременному» редактору газеты П. С. Санковскому, нацелившему обновленную по его инициативе редакцию на контакт и сотрудничество с сосланными на Кавказ декабристами вплоть до того, что один из сосланных — В. Д. Сухоруков — стал соиздателем русского варианта «Тифлисских ведомостей» [149].

Политические интересы П. С. Санковского до последнего времени не выяснены и вызывают определенные сомнения у некоторых исследователей [150]. Павел Степанович Санковский (1798—1832) происходил из мелкопоместных украинских дворян Пирятинского повета Полтавской губ. Отец П. С. Санковского, Степан Андреевич, был видным дипломатом, занимавшим одно время должность русского посланника в Италии [151]. В начале XIX в. «он состоял рези-

[149] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, лл. 22—25.

[150] *И. К. Ениколопов*. Пушкин в Грузии, стр. 101—102.

[151] Некоторые детали биографии П. С. Санковского мы обнаружили в справке Е. Г. Вейденбаума: Павел Степанович Санковский — «сын нашего посланника где-то в Италии, где и родился, и потому отлично говорил и писал по-итальянски. В Тифлисе сошелся с черкешенкою или ногайской девушкой, жившей на правах не то приживалки, не то горничной в доме дежурного генерала при Паскевиче Красковского. Когда обнаружились последствия связи, Санковский женился на ней. На крестинах дочери, а может быть, и на свадьбе, происходившей в доме Андрея Степановича Санковского, женатого на кн[ягине] Орбелиани, А. П. Опочинин увидал впервые свою будущую жену Варвару Яковлевну. Андрей Санковский, командовавший батареей, ссудил однажды брату своему, проигравшемуся в карты, 3000 руб. из казенного ящика. Недостача была обнаружена и Андрей лишился командования и несколько лет очень бедствовал. Павел скоро скончался и жена его с дочерью перешли к Андрею же. Жена Павла была некрасивая, дурного характера. Дочь ее, Мария Павловна, была замужем за офицером Гринченко,

дентом при правителе Черногории. Во время нахождения в Адриатическом море, в Корфу, эскадры вице-адмирала Сенявина в 1806—1808 гг., своим влиянием немало содействовал привлечению черногорцев и др[угих] адриатических славян к совместным с нами действиям против французов, завладевших Далмацией...» [152].

Продолжительное пребывание за границей в семье русского дипломата [153], где будущий редактор «Тифлисских ведомостей» получил блестящее по тому времени образование, способствовало не только совершенному овладению им французским и итальянским языками [154]. Молодой Павел Санковский был очевидцем многих политических событий в Европе, в том числе завоевания Наполеоном Бонапартом Пьемонта и всего Сардинского королевства. Его впечатления можно прочесть в ряде подписанных и неподписанных материалов «Тифлисских ведомостей». Его память удержала подробности бурных европейских событий давно минувших лет, и они послужили материалом для интересных умозаключений. Так, в одном из анонимных материалов газеты, озаглавленном «Кто бы подумал?», принадлежность которого П. С. Санковскому кажется нам неоспоримой, в форме очерка изложены некоторые биографические данные. Автор как бы отвечает на воспоминания, навеянные письмом брата из Арзрума (Артиллерийская часть, в которой служил А. С. Санковский, долгое время была расквартирована в окрестностях столицы Анатолии): «Ты никогда не отгадаешь, какое лакомство лежит предо мною, откуда и от кого оно мне прислано. Помнишь ли товарища нашего детства Ф. Г.... и? Я получил от него свежих устриц из Трапезонта. Он там консулом Сардинского двора» [155]. Эту выдержку автор комментирует: «Перебирая в голове моей все происшедшее в течение четверти века,... как во сне

ныне вдова, живет в Петербурге (Из рассказов Варвары Яковлевны Опочининой)» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 94—95).

[152] Там же, № 25, стр. 11. Е. Г. Вейденбаум отмечает, что С. А. Санковский «упоминается не раз в „Записках" Броневского» (см. *С. М. Броневский*. Новейшие сведения о Кавказе, изд. 2-е. СПб., 1830. Это согласуется с предположением М. А. Полиевктова о том, что С. А. Санковский впоследствии являлся градоначальником Феодосии (см. *М. А. Полиевктов*. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 48), которого, как нам кажется, сменил в этой должности С. М. Броневский. Это обстоятельство, в свою очередь, увязывается с фактом регулярной доставки «Тифлисских ведомостей» в Феодосию и контактами С. М. Броневского с редакцией первой русской газеты на Кавказе в качестве одного из иногородних ее корреспондентов (см. «Тифлисские ведомости», 1 марта 1829 г., стр. 3—4).

[153] Брат П. С. Санковского — Андрей Степанович — служил в Отдельном Кавказском корпусе и командовал в 1829 г. 2-й легкой ротой 20-й артиллерийской бригады (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 25, стр. 195). Впоследствии он оставил военную службу, выйдя в отставку в чине подполковника артиллерии. Две сестры Санковского жили на Украине в родовом поместье Санковских (ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, стр. 74).

[154] *М. А. Полиевктов*. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 48.

[155] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г., (№ 3), стр. 1.

представлялись мне наши младенческие лета. Кто из нас тогда думал о Тифлисе, Эрзруме, Трапезонте? Подлинно знаешь, где родился, а не знаешь, где умрешь» [156]. Эту истину автор подтверждает историческим примером «гордого повелителя политического существования Европы» — Наполеона Бонапарта: «Мне еще и поныне представляются некоторые черты торжественного, или, лучше сказать, волшебного пребывания его в сем городе (Генуе. — *Д. В.*). Это из числа тех впечатлений, которые резко врезываются в памяти младенцев. Я как теперь вижу потешные огни, коими пылают Генуэзский порт, la lanterna [157], il molo [158], город и окрестности его, красиво расположенные амфитеатром. — Гляжу на народ, чернеющийся муравейником на площади della Nunziata, в ожидании торжественного проезда Наполеона. Слышу восклицания: „Viva l'Imperatore!" Кажется, будто теперь смотрю в подзорную трубу из окна возвышенной дачи нашей на Императора, прогуливающегося по саду Дория...

Предо мною висит картина: она изображает Наполеона, умирающего в Лонгвуде... Кто бы подумал?...» [159].

Изображение взлета и падения Наполеона Бонапарта, эмоционально усиленное восклицанием «Кто бы подумал?», подводит читателя к мысли, что приговор истории неумолим, что если некогда всесильный Наполеон был низвергнут, то такая участь может не миновать и доморощенного венценосца, пытавшегося подавить в подвластном государстве всякое стремление к прогрессу [160]. Но зло не только в монархах. Автор саркастически изображает некоторых представителей современного ему высшего общества под вымышленными именами: Бездушев, Дурманов, Ветрогонов, Пролазин, Пустофыркин и др.

При их характеристике автор использовал воспоминание о предательском бегстве аристократов, заботящихся лишь о собственном благополучии, из Неаполя: «Семейство наше оставило Генуя, оно в Риме. Вскоре приходится бежать от французов в Королевство Обеих Сицилий. В грязных ... городках Гаете и Молло-ди-Гаете

---

[156] Там же.

[157] «Генуэзский маяк, славящийся необыкновенною высотою» (Примечание автора) (там же, стр. 2).

[158] «Два укрепленные мыса, вдающиеся в море при входе в Генуэзский порт и составляющие будто ворота сего порта. На краю каждого стоит по маяку» (там же).

[159] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г., (№ 3), стр. 2.

[160] Эта мысль автора в несколько обобщенном виде прослеживается и в стихотворении Санковского «Русский в Дарьяле»:

«Потоком увлеченный,
Наш род к ничтожеству бежит
И бездной поглощенный
Герой и властелин земной
Как челядь исчезают,
Которая лишь пыль собой
Народов умножает»

(см. «Тифлисские ведомости», ноябрь 1831 г., (№ 30—32), стр. 7 (239).

стеснилось несколько знаменитых беглецов. В самой Гаете два короля с их семействами и дворами: Неаполитанский и Сардинский. Французы подступают к сему укрепленному городу и все бегут в Неаполь — наконец, и на краю Италии нет безопасности для двух дворов, спасающихся от преследований грозных завоевателей, и для дипломатических особ, при них находящихся. Одно море поставляет препону оружию и политике французов. Русские корабли принимают преследуемых королей. Король Сардинский с супругою и детьми вступает на корабль „Просковию". Семейство наше также находится на оном. На „Просковии" снимают якорь и раздается воинская музыка; а на берегу, в уединенных залах покинутых дворцов эхо вторит дерзким напевам Лазоронев (ладзарони. — *Д. В.*), накрикивающих во все горло насмешливую песнь: „Cambe belle, Cambe bonne" („Ноги хорошие, ноги добрые!" Песнь, сочиненная на вельмож, выезжавших тогда из Неаполя, дабы спастись от французов. — *Примечание автора*)...» [161].

Нить воспоминаний обрывается появлением приятеля. Используя форму «приятельской беседы», автор бичует наиболее типичных представителей тогдашнего общества: «Помнишь ли ты в нашей губернии соседа нашего Бездушева, которого ты часто видывал у дяди моего Дурманова. Тот самый, о котором ты нередко говаривал, что на челе его явственно оттиснута печать отвержения. Человек безо всяких способностей, коего ум заделан в самую тесную раму подьячества, а душа висит на самых черных петлях крючкотворства; которого у нас в обществе терпели только по необходимости. Деньгами, нажитыми в течение постоянных двадцатилетних трудов на поприще ябед и пронырств, он купил значительное имение: отправился в столицу; добился хорошего места и теперь блаженствует среди роскоши и неги; — и вообрази! Кто бы подумал? Он пользуется уважением — по крайней мере по наружности — таких людей, которые в общем мнении считаются весьма порядочными» [162]. Сообщение об успехах Бездушева автор воспринимает как «весть о событии столь обыкновенном в житейском быту» [163]. Под стать Бездушеву Пролазин и Пустофыркин. Первый «был не что иное, как закулисное лицо большого света, на действие коего он не иначе дерзал смотреть, как из передних знатных домов. Он добился порядочного места в провинции и успел там пустить всем пыль в глаза. Его приняли за осьмое чудо; об нем только и речи» [164]. Но известие о том, что и «Пустофыркин... в гору лезет» вызвало крайнее удивление одного из собеседников. «Помилуй, брат, шутишь! Это самая вздорная голова. Человек без воспитания, без сведений, даже без основательности. Прожектер самый пустой» [165]. Приятель ему в ответ: «Но он дерзок и предприимчив. Эти два ка-

---

[161] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г., (№ 3), стр. 2 (50)—3 (51).
[162] Там же, стр. 3 (51)—4 (52).
[163] Там же, стр. 4 (52).
[164] Там же.
[165] Там же.

чества часто заменяют все достоинства... Качества сии необходимы даже при наилучших достоинствах» [166].

В условиях николаевского режима трудно было жить многим достойным представителям русского общества 30-х годов XIX в., выведенным в очерке под фамилиями Трудолюбова, Талантина и Любимова, которых Санковский пытался противопоставить Пролазиным и Бездушевым. Однако в изображении Санковского эти антиподы похожи скорее на жертвы тех общественных условий, при которых преуспевали Пустофыркины и Ветрогоновы. Как отмечает автор, «почтенный, всеми уважаемый Трудолюбов, посвятивший целый век свой полезным обществу трудам, скончался от тяжких недугов, неизбежных последствий сидячей жизни, и оставил семейство свое в крайнем положении» [167]. Не лучшая участь постигла Талантина и Любимова: первый «от трудов и огорчений... умер в чахотке» [168], а второй кончил жизнь самоубийством.

Независимо от того, что в собирательных образах узнавались конкретные современники, читатели «Тифлисских ведомостей», естественно, подводились к выводу, что корень зла — в социально-политических устоях существовавшего строя, калечащего и сознательно уничтожавшего умных, талантливых, прогрессивно мыслящих людей, среди которых было немало достойных сограждан, прежде всего, декабристов, стремившихся к его насильственному изменению. Вместо прямого вывода, которого Санковский не мог откровенно сделать на страницах редактируемого им правительственного издания, он вынужден был в заключение очерка ограничиться «общими рассуждениями о непрочности человеческого счастья», а также

---

[166] Там же, стр. 4 (52)—5 (53). Кстати, образ удачливого пустозвона фигурирует и в некоторых других произведениях Санковского, опубликованных в «Тифлисских ведомостях». Весьма любопытна в этом отношении басня «Колокольчик»:

Неслась повозка почтовая;
«Ямщик свистал да погонял;
Летела тройка удалая;
И колокольчик вдаль звучал:
В нем язычок без умолку болтался
И резкий звон в ушах проезжих раздавался.
Приехали и отпрягли
И колокольчик отнесли.
Он угол грязный занимает,
Там язычком уж не болтает;
Не мчится, а лежит, и звук лишь издает
Как кто его толкает.
Не так ли и с иным бывает:
Пока везет, всех громом оглушает;
Промчалось счастье, он лежит
И от толчков лишь дребезжит»

(«Тифлисские ведомости», 14 июня 1830 г., стр. 2).

[167] «Тифлисские ведомости», февраль, 1832 г., (№ 3), стр. 4 (52). Трудолюбов напоминает нам самого Санковского, после смерти которого вдова его и дочь испытывали материальные затруднения.

[168] Там же, стр. 5 (53).

о «странном устройстве судьбы человеческой, которая большею частью ведет смертных именно к тому, о чем вовсе не думаешь»[169].

Никак не предполагал Санковский, что судьба тесно свяжет его с Грузией, где он проведет последнее десятилетие своей жизни. Нам пока неизвестно, какие именно обстоятельства привели к тому, что он, проработав несколько лет в Министерстве полиции в Петербурге, оставил службу в столице и в 1823 г. переехал в Тифлис, где был определен служащим ермоловской администрации. Уже тогда Санковский, которому природа Грузии во многом напоминала Италию, стал пытливо изучать местную жизнь и нравы, интересоваться историей Кавказа и населявших его народов. Именно эти познания, наряду с незаурядными журналистскими способностями, предопределили назначение Санковского редактором местного русского правительственного периодического издания, не говоря уже о том, что этому во многом способствовала и занимаемая им к тому времени должность чиновника особых поручений при главноуправляющем Грузией гр. И. Ф. Паскевиче.

На привязанность Санковского к Грузии, а также на обширность его познаний в области исторического прошлого и современной ему кавказской действительности обратил впоследствии внимание и А. С. Пушкин, который в «Путешествии в Арзрум» отмечал: «С[анковский], издатель „Тифлисских ведомостей“, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о кн[язе] Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. С[анковский] любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность»[170].

Такая характеристика Пушкина полностью совпадает не только с тем, что было опубликовано Санковским, но и с известной точкой зрения А. С. Грибоедова на перспективы хозяйственного и культурного развития Грузии и всего Закавказья. И Грибоедов, и Санковский пять с лишним лет являлись сослуживцами под началом А. П. Ермолова, их объединяла не только любовь к литературе и журналистике, не только круг прогрессивно настроенных общих знакомых и друзей, их духовная общность. Напомним, что основной костяк авторского актива «Тифлисских ведомостей» составляли рекомендованные Грибоедовым для службы на Кавказе чиновники.

Отмеченная Пушкиным в Санковском любовь к истории отразилась на страницах «Тифлисских ведомостей». Так, в статье «Экспедиция против Эривани в 1804 году», опубликованной под рубрикой «Материалы для истории подвигов русских за Кавказом», в которой описывалась не совсем удачная блокада Эривани кн. П. Цициановым, Санковский писал: «Беда для историка, если, увлеченный мнением толпы, он опрометчиво дерзнет основывать на оном свои суждения; но счастлив, если, сравнивая действия с причинами, ему удастся представить потомству события в настоящем их виде и если, озаряя светом критики деяния, по своевольству судьбы покрываю-

---

[169] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г., (№ 3), стр. 7 (55).

[170] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. VIII, М.—Л., 1948, стр. 457.

щиеся мраком несправедливого забвения, он может хотя несколько содействовать к умножению славы своих соотечественников. Я говорю — соотечественников, ибо не вполне верю существованию историка-космополита. Без сомнения, я убежден в том, что, рассматривая события, он должен быть одушевлен одною чистейшею истиною; но никогда не поверю, чтоб он равнодушно мог упоминать о добродетелях своих единоземцев и чтобы кровь его не кипела при описании какого-нибудь подвига соплеменных ему людей. Удовольствие превозносить соотечественников в том, что истинно заслуживает похвалу, есть наслаждение души благородной, есть, можно сказать, лучшая награда для историка» [171].

В рассуждении Санковского проглядывает не только стремление объективно излагать историю сравнительно недавнего прошлого, но и патриотическая пылкость автора, носившая иногда несколько славянофильскую окраску. Так, в некрологе Ф. С. Хомякова — преемника А. С. Грибоедова в должности чиновника по дипломатической части при главноуправляющем Грузии — Санковский, перечисляя добродетели, которыми отличался усопший, писал: «Русскому свойственно любить свой закон, царя, службу и родителей: в прежние счастливые времена, когда русские думали как русские, не стоило бы об этом упоминать, но теперь, когда молодежь наша, зараженная чужеземными мнениями, считает в числе непременных условий хорошего воспитания пренебрежение всех священных правил добрых наших предков, выполнение подобных обязанностей есть редкая добродетель» [172].

Приверженность к традициям предков нисколько не противоречила в общем прогрессивному мировоззрению Санковского. Его социально-политические взгляды в силу известных обстоятельств лишь изредка открыто выражались в редактируемом им издании. В одном случае (правда со ссылкой на автора статьи из «Гамбургского политического журнала», перепечатанной в «Московском телеграфе») речь шла об «европейском равновесии, в самом деле никогда не существовавшем и столь же невозможном, как полное равенство граждан в государстве» [173]. В другом — в бытовом очерке «Жених, каковых немало» — устами редактора «Тифлисских ведомостей» заявлялось, что завидным женихом можно было прослыть лишь в том случае, «если свахи толкуют, что он сберег копейку и что у него есть даже душонки» [174]. Искренность этого суждения Санковского подтвердилась известным уже нам фактом из его личной жизни, когда он вопреки общепринятым нормам женился на бесприданнице — «черкешенке или ногайской девушке».

Политическая заостренность материала, помещавшегося в газете под рубрикой «Смесь», которую обычно составлял сам редактор, вызывала особый интерес читателей «Тифлисских ведомостей». Не-

[171] «Тифлисские ведомости», март 1831 г., № 15—17, стр. 13 (125).
[172] «Тифлисские ведомости», 25 января 1829 г., стр. 3.
[173] «Тифлисские ведомости», 29 августа 1828 г., стр. 3.
[174] «Тифлисские ведомости», 1 ноября 1830 г., стр. 1.

редко иносказания, к которым прибегал здесь Санковский, давали возможность читать между строк. Так, полтора с лишним года спустя после гибели Грибоедова редактор «Тифлисских ведомостей» свое негодование по поводу трагического события в январе 1829 г. и вынужденного замалчивания прессой этого факта выразил в небольшом рассказе «Посланец» (рубрика «Смесь»). Тогдашнему читателю тифлисской газеты не составляло труда распознать в иронически изображенном дипломатическом посланце одной из азиатских держав, направленном со специальной миссией в Россию через Грузию, небезызвестного персидского принца Хосров-Мирзу, который проследовал в Петербург с целью принесения русскому царю официального извинения в связи с умерщвлением его чрезвычайного посла в Персии. Едко высмеивая сам факт нелепой инсценировки, Санковский в равной степени осуждал и русское правительство, изображавшее удовлетворение визитом принца Хосров-Мирзы, возвратившегося в Персию обремененным подарками. В рассказе Санковского, в частности, описан визит «посланца» (Хосров-Мирзы) к «главному сановнику» (Паскевичу или Стрекалову) города (имеется в виду Тифлис) на обратном пути (из Петербурга) в одно из азиатских государств (т. е. Персию). Описание заканчивается так: «По выходе Посланца, у Главного Сановника открыли окна для проветривания комнат. Когда сия дипломатическая особа выехала из города, хозяин дома, который был удостоен чести иметь его своим постояльцем, жаловался, что очистка взятых у него под постой покоев стоила ему немалых трудов и издержек. По возвращении в отечество экс-посланец запрашиваем был, сколько ему выдавали на содержание и какие он получил подарки; он обязан был часть уделить Пославшему его (подразумевается персидский шах. — *Д. В.*)» [175].

В то время как вся официальная русская периодика курила фимиам находившемуся в России персидскому принцу Хосров-Мирзе, описывая подробности устраивавшихся в Москве и Петербурге приемов и раутов в его честь, «Тифлисские ведомости» некоторое время спустя после этого столь откровенно и открыто посмеялись над личностью принца, косвенно причастного к убийству Грибоедова в Тегеране. В том, что тифлисская газета заняла в данном вопросе оригинальную, к тому же весьма смелую позицию, была, разумеется, заслуга ее редактора П. С. Санковского.

Несмотря на то что «Новыми правилами» Санковский был признан единоличным распорядителем газеты, он никогда не выпячивал своей фамилии, как бы подчеркивая этим принцип коллегиальности. В письмах читателей, адресованных непосредственно к нему как к главному редактору, в самой газете он фигурировал не иначе как «один из издателей Тифлисских ведомостей» [176]. Кто же были другие

[175] «Тифлисские ведомости», 6 ноября 1830 г., стр. 2.

[176] Только в «Письме к издателю „Тифлисских ведомостей“» есть сноска: «Письмо сие адресовано к одному из издателей — П. С. Санковскому» («Тифлисские ведомости», 1829, № 37, стр. 2).

издатели, или, точнее, другие члены редакции тифлисской газеты? Какую роль они играли в ее выпуске? Наиболее близкими к Санковскому сотрудниками по основному (русскому) варианту «Тифлисских ведомостей» после ареста В. Д. Сухорукова являлись Г. С. Гордеев и Д. Е. Зубарев. Они были не только самыми пишущими среди сотрудников газеты, но и выполняли также обязанности заместителя редактора, а несколько позднее — официально именовались соиздателями «Литературного отделения „Тифлисских ведомостей"». Об этом сообщалось в редакционном «Объявлении» № 1 газеты, вышедшего в январе 1832 г.: «Изданием сего „Литературного отделения" занимаются три постоянных участника, которые давно известны читателям „Тифлисских ведомостей": главный редактор Санковский и непременные его сотрудники гг. Зубарев и Гордеев» [177].

В дополнение к тем сведениям, которые были сообщены о Григории Сергеевиче Гордееве как преемнике В. Д. Сухорукова в должности заместителя редактора русского варианта «Тифлисских ведомостей», можно отметить, что до приезда на Кавказ в начале 20-х годов XIX в. Гордеев некоторое время находился за границей — в Саксонии [178]. По прибытии на Кавказ он получил назначение в качестве офицера-топографа в Отдельный грузинский корпус. Гордеев вскоре стал деятельным представителем того просвещенного окружения А. П. Ермолова, инициативе которого в основном мы склонны приписать осуществление ряда прогрессивных мероприятий в тогдашней Грузии. Об этом периоде службы и просветительской деятельности Гордеева сохранились весьма скудные сведения. Тем не менее известно, что уже тогда Гордеев проявлял пытливый интерес к прошлому закавказских народов. Во всяком случае, Н. Н. Муравьев, руководивший работой военных топографов корпуса, зафиксировал в своем дневнике усилия Г. С. Гордеева и А. Ф. Воейкова по собиранию древних рукописей и книг на местных национальных языках [179].

---

[177] «Тифлисские ведомости», январь 1832 г., (№ 1), стр. 24.

[178] М. А. Полиевктов не исключает, что пребывание Г. С. Гордеева в Саксонии могло быть вызвано стремлением получить образование (см. *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 15). Во всяком случае, наклонности к журналистике проявились в Гордееве уже в то время, ибо некоторые из его тогдашних наблюдений и впечатлений нашли впоследствии отражение в «Тифлисских ведомостях». Так, в примечании к путевому очерку «Поездка из Польши за Кавказ», опубликованному в нескольких номерах газеты под рубрикой «Путешествия», заявлялось, что «Записки сии писаны в 1815 году» (см. «Тифлисские ведомости», 28 февраля 1830 г., стр. 4). В другом материале, помещенном в тифлисской газете, Гордеев отмечал: «Я уже изъездил Европу — пуститься путешествовать по сей части света значило для меня перечитать старый роман» (там же, март 1832 г., (№ 5—6), стр. 13 (109)).

[179] В дневнике Н. Н. Муравьева сохранилась такая запись: «28-го [мая 1819 г.] я провел утро по обыкновению в чертежной, отпустив Воейкова и Гордеева в Борчалинскую дистанцию на 12 дней для собирания рукописей по монастырям. 29-го Воейков и Гордеев потащили с собою старика Аршакова в Ахпатский монастырь. Не знаю, удастся ли им исполнить предначертанное для увезения рукописей. Гордеев взял с собой множество рома, дабы

Любознательность и особенность его специальности[180] способствовали тому, что Гордеев много путешествовал по Кавказу. Достаточные познания о кавказской старине и современной ему действительности, вынесенные им в основном из поездок и непосредственных контактов с местными жителями, предопределили в дальнейшем его активное участие и в издании «Тифлисских ведомостей», и в составлении сводного статистического сборника «Обозрение российских владений за Кавказом», где ему принадлежит описание «Дистанции горских народов».

Появление Гордеева на страницах «Тифлисских ведомостей» относится к началу мая 1829 г., когда в газете были напечатаны его «Письма к другу» из Телави. Из первого «Письма» узнаем, что «обязанности службы весьма мало оставляют мне свободного времени, и красоты сей прелестной страны (Кахети. — *Д. В.*) так живы, так величественны и разнообразны, что бедное перо мое не в силах сделать им и слабого очерка»[181]. Ясно, что Гордеев в то время исполнял обязанности лишь корреспондента «Тифлисских ведомостей», не успев еще закрепиться в газете в качестве постоянного сотрудника, что произошло уже после ареста Сухорукова.

Журналистика и статистические изыскания по Кавказу составляли основное поприще деятельности Гордеева до прекращения выпуска «Тифлисских ведомостей». Впоследствии он снова вернулся к профессии военного топографа, которая оказалась для него роковой. В чине поручика Гордеев, «состоявший при войсках Отдельного Кавказского корпуса», в августе 1838 г. получил ответственное поручение местного командования: составить топографическое «Исследование путей в долину Алазани по ущельям Аварского и Андийского Койсу». При выполнении этого задания Гордеев вместе с некоторыми другими участниками экспедиции, осуществлявшейся нелегально, был опознан и умерщвлен мюридами Шамиля[182].

Деятельность в Закавказье второго «непременного сотрудника» русского варианта «Тифлисских ведомостей» Д. Е. Зубарева также была тесно связана как с газетой, так и с будущими составителями «Обозрения российских владений за Кавказом» — чиновниками, специально прибывшими в начале 1828 г. из Петербурга в Тифлис для камерального описания края. Это мероприятие, как известно, осущест-

---

напоить архимандритов, от коих он хочет достать книги... 4-го [июня]. Поутру я получил через одного армянина Гамазова письмо от Воейкова и Гордеева, которым они уведомляют меня о добром успехе своего предприятия... 10-го. Воейков и Гордеев привезли мне 12 книг армянских, персидских и турецких. 11-го. Я послал поутру за Фомой Кургановым, который смотрел армянские книги. Он нашел их весьма редкими; даже некоторые из них имеют более тысячи лет. Ввечеру был у меня мирза Ибрагим, который чрезвычайно хвалил турецкие и персидские книги, привезенные Гордеевым» («Русский архив», 1886, № 12, стр. 446—448).

[180] Впоследствии, при Паскевиче, Гордеев занимал должность землемера Казенной экспедиции Верховного грузинского правительства (*М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 15).

[181] «Тифлисские ведомости», 1829, № 18, стр. 3.

[182] *Е. Г. Вейденбаум.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 291—292.

влялось по распоряжению министра финансов Е. Ф. Канкрина, хотя идея описания исходила от Грибоедова и его проекта «Российской закавказской компании». Группу петербургских чиновников Министерства финансов возглавлял П. Д. Завелейский, впоследствии соавтор проекта и сподвижник Грибоедова в деле экономического преобразования Закавказья. Одновременно с ними в Тифлис приехал и Зубарев, один из самых приближенных к Завелейскому среди местных русских чиновников.

Дмитрий Елисеевич Зубарев (1802—1850) происходил из крестьян-вольноотпущенников. Из послужного списка видно, что подростком участвовал он в Отечественной войне 1812 г. как рядовой «московской военной силы», т. е. народного ополчения, и «за отличие под Бородином произведен в унтер-офицеры»[183]. Окончив Московский университет по словесному отделению, Зубарев некоторое время сотрудничал в столичной периодической печати, главным образом в журнале «Вестник Европы». В 1825 г. на страницах этого журнала Зубарев выступил с критикой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина[184]. Это был довольно смелый шаг для начинающего литератора. В Грузию Зубарев приехал уже опытным журналистом. На первых порах он был определен к службе в Казенную экспедицию Верховного грузинского правительства, чиновником особых поручений при ее начальнике — П. Д. Завелейском. Ему было поручено описать «дистанции»: Казахскую, Шамшадильскую, Борчалинскую, а также провинции Эриванскую и Карабахскую. С этого времени устанавливается тесная связь Зубарева с тифлисской русской газетой, где один за другим появляются его обстоятельные, насыщенные историко-этнографическим материалом очерки и репортажи из различных местностей Закавказья. Содержание корреспонденций, публиковавшихся в «Тифлисских ведомо-

---

[183] ЦГА Груз. ССР, ф. 254/99, оп. 1, д. № 826; ср. *И. Л. Андроников.* Тетрадь Василия Завелейского. — «Прометей», т. 5. М., 1967, стр. 228.

[184] «Пушкин-критик». М.—Л., 1934, стр. 510, 635. Точка зрения Зубарева о Карамзине как историке расходилась с мнением А. С. Пушкина, который полагал, что «История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» (*А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V. М.—Л., 1936, стр. 533). Для взаимоотношений Пушкина и Зубарева характерны два случая. В журнале «Атеней» (№ 4, 1828) был помещен разбор IV и V глав «Евгения Онегина» за подписью В. (как теперь установлено — Воейков). Пушкин в письме к С. А. Соболевскому (март 1828 г.) писал: «Кто этот „Атенеический... мудрец“, который так хорошо разобрал IV и V главу? Зубарев? или Иван Савельич?»... (см. «Пушкин-критик». М.—Л., 1934, стр. 159). Единственное критическое замечание на страницах «Тифлисских ведомостей» в адрес «Литературной газеты» имело место в авторской сноске к предпоследнему отрывку очерков Зубарева «Поездка из Москвы за Кавказ»: «В одном из нумеров „Литературной газеты“ напечатано было, что Владикавказ есть древний Капкай. Не знаю, откуда почерпнул сие известие автор путевых записок. Разве, из тех источников, по которым Московские триумфальные ворота именуются Трухмальными, Санкт-Петербург — Питером, Магистрат — Балистратом и проч.» («Тифлисские ведомости», 12 июля 1830 г., стр. 4).

стях» в виде отрывков из «Путешествий по закавказским провинциям», свидетельствовало о прогрессивном умонастроении автора.

Духовная общность Зубарева с передовыми людьми того времени проявилась, однако, не только в журналистском творчестве, но и в практической просветительской деятельности. Так, будучи уже соиздателем «Литературного отделения» «Тифлисских ведомостей», Зубарев явился одним из инициаторов первой постановки в Тифлисе «Горя от ума» Грибоедова. И. Л. Андроников пишет: «Ныне имя его (Зубарева. — *Д. В.*) вспоминается только в связи с историей комедии „Горе от ума“. Ибо прежде чем эта пьеса была представлена на московской и петербургской сценах, ее разыграли любители сперва эриванские, а потом и тифлисские. Тифлисский спектакль состоялся в январе 1832 года в доме брата прославленного полководца П. И. Багратиона — Романа Ивановича. Зубарев играл Чацкого. После спектакля в газете „Тифлисские ведомости“ появился отчет, подписанный псевдонимом „Гаретубанский пустынник“. „Гаретубанский пустынник“ — это тот же Дмитрий Елисеевич Зубарев. Напечатать отчет о спектакле ему было тем более проще, что в 1832 году он был одним из редакторов этой газеты. А главную роль в тот год играл в ней Григорий Гордеев» [185]. Последний также был тесно связан с деятельностью по описанию Закавказского края, не говоря уже о том, что являлся сотрудником Завелейского до того, пока, так же как и Зубарев, окончательно не закрепился в редакции «Тифлисских ведомостей».

После сотрудничества в «Тифлисских ведомостях» Д. Е. Зубарев некоторое время служил советником Грузинской казенной экспедиции. Позднее, в 40-х годах, он являлся председателем енисейского губернского правления. В последние годы жизни занимал должность председателя енисейского губернского суда [186].

Мы не оговорились выше, назвав будущих составителей «Обозрения российских владений за Кавказом» костяком тифлисской русской газеты, ибо если в действительности ссыльные декабристы являлись ядром, в определенном смысле стимулировавшим идейную целеустремленность и полемическую заостренность первого русского периодического издания на Кавказе, то основной костяк его деятельных сотрудников составляли, прежде всего, чиновники, которым вменялось в обязанность статистическое описание края. Об их неутомимой деятельности и непосредственном контакте с «Тифлисскими ведомостями» довольно недвусмысленно заявлялось самой редакцией газеты: «Последние победы, упрочив власть России на всем

---

[185] «Прометей», т. 5, стр. 228. В основном правильно оценивая роль Г. С. Гордеева в «Тифлисских ведомостях» в 1832 г., И. Л. Андроников незаслуженно целиком приписывает Гордееву заслугу в публикации в 1831 г. произведений опального А. А. Бестужева-Марлинского и «Объяснительной записки» Грибоедова и Завелейского о «Российской Закавказской компании». Разумеется, решающую роль в этом как редактор «Тифлисских ведомостей» играл П. С. Санковский.

[186] *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 24—25.

пространстве сего обширного края, представили возможность главному начальству сделать оному точное финансовое описание. Приведение в исполнение сего предприятия возложено было на настоящего грузинского гражданского губернатора Петра Демьяновича Завелейского, при определении его в 1829-м году начальником здешней Казенной экспедиции, и на сей предмет назначены ему были особые чиновники. Его превосходительство, усмотрев возможность исполнить сие предприятие с сугубою пользою и для правительства, и для наук [187], в отношении к коим Закавказский край представляет обширнейшее поле для наблюдателя, поручил командированным им по закавказским провинциям чиновникам составить вместе с финансовыми и статические (sic!) описания... С августа месяца 1828 года чиновники, назначенные для такового описания, начали свои путешествия. Несмотря на все препятствия, которые им встречались при обозрении народов, ...несмотря на убийственный климат, на трудности дорог и на заразительные болезни, свирепствовавшие в некоторых провинциях закавказских, сии неутомимые исследователи до сего времени успели осмотреть: Имеретию, Осетию, горских народов, живущих по Военно-грузинской дороге, Борчалинскую, Казахскую и Шамшадильскую дистанции, Елисаветпольский и Телавский округа, Армянскую область; провинции: Ширванскую, Шекинскую и Карабахскую и часть Южного Дагестана» [188]. Редакция газеты поясняла, что «краткие извлечения из сведений, собранных сими чиновниками касательно торговли Закавказского края, напечатаны в „Коммерческой газете“ текущего года. Тифлисская газета тоже обязана сему полезному предприятию статьями, с некоторых пор в ней помещаемыми. Читателям нетрудно узнать оные» [189].

Деятельность чиновников — «преобразователей» (как их полушутливо именовали, намекая на повод их приезда в Закавказье — участие в осуществлении грибоедовского проекта преобразования экономики края на капиталистических началах) действительно оказалась «полезным предприятием» для «Тифлисских ведомостей», так как читатели газеты поближе познакомились с вопросами экономической жизни, составили более конкретное представление о некоторых отрицательных явлениях окружавшей их действительности. Большая заслуга в том, что подобный материал находил дорогу на страницы тифлисской русской газеты, принадлежала П. Д. Завелейскому.

---

[187] Точка зрения о «сугубой пользе» данного мероприятия вскоре была пересмотрена. Новый главноуправляющий в Грузии бар. Г. В. Розен, усмотрев прямую взаимосвязь между грибоедовским проектом, предпринятым под руководством Завелейского камеральным описанием Закавказского края и антиправительственным заговором 1832 г., полагал, что «к описанию такому здесь не пришло еще время. Если бы не было оного, то не произошло бы, может, и случившегося в Грузии» («Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX века», т. 4. М.—Л., 1936, стр. 245; ср. *И. Л. Андроников.* Тетрадь Василия Завелейского. — «Прометей», т. 5, стр. 219).

[188] «Тифлисские ведомости», 15 ноября 1830 г., стр. 1—2.

[189] Там же, стр. 2.

Он тесно был связан с «Тифлисскими ведомостями», еще будучи начальником Казенной экспедиции Верховного грузинского правительства, а затем (с 1829 г.) как грузинский гражданский губернатор, и оказывал на газету самое благотворное влияние.

Политическое лицо Завелейского выявила его причастность к грузинскому антиправительственному заговору 1832 г., в связи с которым, лишенный звания действительного статского советника, он долгое время находился под негласным полицейским надзором[190]. Характерно, что местные власти не решились привлечь заблаговременно до этого удаленного из Грузии Завелейского к судебному процессу в Тифлисе по делу о заговоре. Зная его «наклонности и познания», власти опасались публичных разоблачений с его стороны на процессе[191]. Между тем антикрепостнические настроения Завелейского — он их и не скрывал — хорошо были известны местному начальству. В одном из донесений тифлисскому военному губернатору Стрекалову Завелейский в сентябре 1829 г. с возмущением сообщал: «Почти все помещичьи крестьяне не имеют недвижимой собственности, должны делать то, что угодно господину, который может продать их, заложить, подарить другому, одним словом, поступать с ними по произволу...»[192].

Будучи грузинским гражданским губернатором, Завелейский старался придать, насколько позволяли обстоятельства, местному правительственному периодическому изданию автономный от военных властей характер. Этому во многом способствовала военная обстановка в крае, когда цензура «Тифлисских ведомостей» практически целиком сосредоточилась в его руках. Мотивировалось это частыми отлучками из Тифлиса военного губернатора, которому вменялось в обязанность осуществлять «присмотр» за газетой. Отлучки эти были связаны с не менее важной обязанностью военного губернатора, руководившего заготовкой и доставкой на фронт провианта и фуража для войск Отдельного Кавказского корпуса. Впоследствии эта вынужденная подмена цензоров газеты превратилась как бы в традицию и после заключения мира с Турцией закрепилась окончательно. Об этом свидетельствуют обращения тифлисского военного губернатора Стрекалова к Завелейскому по поводу издания газеты[193]. Как цензор «Тифлисских ведомостей», Завелейский вел себя довольно смело и независимо.

Незадолго до назначения Завелейского гражданским губернатором его предшественник на этом посту Р. И. Ховен получил циркулярное письмо Бенкендорфа, в котором сообщалось: «Его императорское величество высочайше повелеть соизволил, чтобы впредь представляемы были в III Отделение... по одному экземпляру все издаваемые в государстве российском журналы, ведомости и прочие

---

[190] *Г. Гозалишвили.* Заговор 1832 года (на груз. яз.), т. I. Тбилиси, 1935, стр. 497.
[191] Там же, стр. 506.
[192] АКАК, т. VII, док. 41, стр. 26.
[193] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 4042, лл. 1—4.

публичные листки»[194]. Однако предписание Бенкендорфа, как ни странно, осталось невыполненным. Мы просмотрели списки всех периодических изданий России, в том числе и выходивших на периферии, цензура которых осуществлялась соответствующими учреждениями в Петербурге, и среди них не обнаружили «Тифлисских ведомостей»[195]. Тифлисская газета отсутствует и в перечне газет и журналов, материалы из которых подверглись запрещению Петербургского цензурного комитета в течение 1828—1830 гг.[196]

Этот факт подтверждает предположение, что цензура «Тифлисских ведомостей» осуществлялась на месте. Ничем иным нельзя объяснить, например, тот факт, что в 1829 г. петербургским цензором К. С. Сербиновичем была запрещена документальная статья «Донесение его императорскому величеству от генерала Цицианова, принадлежащее к истории войны с горцами и персиянами», предназначавшаяся для опубликования в журнале «Славянин»[197], тогда как подобные материалы вплоть до пространного цитирования в них донесений П. Цицианова Александру I довольно часто помещались в «Тифлисских ведомостях».

На некоторое послабление цензурных рогаток для «Тифлисских ведомостей» обратили внимание лишь после «дела» заместителя редактора газеты в январе 1830 г. К проявлению большей бдительности обязывала местные власти и весьма накаленная политическая обстановка, вызванная событиями в Польше[198]. В связи с этим назначенный командующим войсками и управляющим гражданской частью в Закавказье генерал Панкратьев напомнил Завелейскому о прежнем порядке цензуры «Тифлисских ведомостей», когда эту обязанность брал на себя гражданский губернатор лишь в случае отсутствия в городе военного губернатора[199]. Но если некоторое время спустя после этого напоминания все-таки практиковалось привлечение грузинского гражданского губернатора к цензурованию

---

194 Там же, д. 9849, л. 1. Предписание Бенкендорфа поступило к Ховену 24 сентября 1829 г., а 21 октября того же года последний переадресовал его в «Комитет издания „Тифлисских ведомостей“ для зависящего исполнения по оному» (там же, л. 2).

195 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 1180.

196 Там же, д. 976.

197 См. там же, стр. 21.

198 21 января 1831 г. П. Д. Завелейским было получено секретное письмо А. Х. Бенкендорфа: «Его величество государь император, предполагая, что по случаю возникших в Царстве Польском беспорядков, злонамеренные люди, помогающие возмущению и безначалию, могут действовать к распространению преступных своих правил между жителями и внутренних губерний России, высочайше повелеть мне соизволил обратить на сие должное внимание вашего превосходительства, с тем чтобы на случай, когда в губернии, вверенной управлению вашему, появятся какие-либо воззвания к народу или сочинения, клонящиеся к внушению мирным жителям мнений, противных государственным постановлениям или гражданскому порядку, вы, милостивый государь, немедленно препроводив оные ко мне, приняли надлежащие меры к открытию сочинителей и распространителей таковых разглашений» (ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 9899, л. 1).

199 Там же, оп. 1, д. 4462, л. 1.

«Тифлисских ведомостей», то 10 июня 1831 г. Панкратьев сообщил Завелейскому о новом порядке надзора за газетой: «Предложением моим от 9 минувшего мая... я поручил вашему превосходительству цензуру издания «Тифлисских ведомостей» впредь до распоряжения по сему предмету тифлисского военного губернатора. Получив ныне предписание господина главнокомандующего (Паскевича. — *Д. В.*), коим его сиятельство возлагает собственно на меня как предварительный просмотр помянутой газеты, так и вообще надзор и обревизование действий и отчетности по сему предмету, я даю о сем знать вашему превосходительству в отмену вышеозначенного моего предложения» [200].

Весьма характерно, что после увольнения Завелейского с должности грузинского гражданского губернатора редактор «Тифлисских ведомостей» Санковский старался придерживаться все-таки того порядка цензурования газеты, который был заведен при Завелейском, т. е. он продолжал доставлять свежие номера «Тифлисских ведомостей» на предварительную цензуру его преемнику, бывшему именитому члену редакции газеты кн. Н. О. Палавандову, пытаясь обойти таким путем и Стрекалова и Панкратьева. Однако Палавандов, будучи в курсе всех постановлений и предписаний относительно местной правительственной газеты, не желал брать на себя бремя ответственности. 13 февраля 1832 г. он писал гр. И. Ф. Паскевичу: «При вступлении моем в исправление настоящей должности редактор „Тифлисских ведомостей“ надворный советник Санковский стал представлять мне на цензуру сие периодическое издание, но сей обязанности я не принял на себя, невзирая на то, что по показанию г-на Санковского, оная исполнялась моим предшественником, ибо я усмотрел, что надзор за сказанным изданием должен иметь грузинский гражданский губернатор в отсутствие только военного губернатора» [201].

Не лишено основания предположение, что Завелейский был одним из анонимных авторов газеты. Во всяком случае, его участие в составлении редакционного «Объявления о Закавказской торговой компании» [202] не вызывает у нас сомнений, не говоря уже о том, что без его ведома и согласия редакция «Тифлисских ведомостей» вряд ли решилась бы опубликовать на страницах газеты принадлежащий Завелейскому и Грибоедову текст «Вступления к проекту устава Российской Закавказской компании», отвергнутого правительством [203]. Известно также, что Завелейский был автором помещенных в «Тифлисских ведомостях» сообщений об открывшейся 1 октября 1828 г. в столице Грузии международной ярмарке [204], которая мысли-

---

[200] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 4462, л. 3.

[201] Там же, д. 3823, лл. 2—8.

[202] См. «Тифлисские ведомости», февраль 1831 г., (№ 12-14), стр. 17 (105) — 24 (136).

[203] «Тифлисские ведомости», март 1831 г., (№ 18-20), стр. 2 (138)—19 (155).

[204] «Тифлисские ведомости», 1 августа 1828 г., стр. 3—4; 10 октября 1828 г., стр. 2—4; ср.: *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии, стр. 101.

лась как одно из первых крупных мероприятий в экономическом преобразовании края согласно проекту Грибоедова — Завелейского.

Некоторые вновь выявленные документы подтверждают заботу Завелейского о развитии русской периодической печати в Тифлисе. Так, 5 марта 1830 г. тифлисскому военному губернатору Стрекалову был подан рапорт грузинского гражданского губернатора Завелейского следующего содержания: «Почтеннейше представляя при сем вашему превосходительству записку о предположении моем приступить к изданию в Тифлисе журнала под названием „Закавказский вестник“, я имею честь всепокорнейше просить удостоить вашим согласием и особенным покровительством сие предприятие и в силу постановлений не оставить исходатайствовать разрешения высшего правительства на означенное периодическое здесь издание, на том основании, как сие в Записке изложено. При сем честь имею донести, что обязанность непременного редактора сего журнала принимает на себя г. коллежский асессор Зубарев» [205].

Под «Запиской» подразумевается программа предполагавшегося к изданию журнала, которая отсутствует в архивном деле. Однако ее содержание в общих чертах воспроизведено в донесении Стрекалова к Паскевичу, из которого видно, что тифлисский военный губернатор поддержал ходатайство Завелейского: «Рассмотрев упомянутую записку, в коей с подробностью изложены предметы, долженствующие помещаться в „Вестнике“, и цель, с которою он (Д. Е. Зубарев. — *Д. В.*) и сотрудники его намерены заняться изданием сего журнала, я с своей стороны нахожу предположение статского советника Завелейского, если оное вполне исполнится, будет весьма полезно. До сего времени не только жители России, но и жители здешнего края имеют об оном самое ограниченное понятие. Статистическое описание Грузии и провинций, география, история народа и, наконец, восточная литература суть главнейшие материалы, главнейший предмет издателей; сведения, сообщаемые ими публике, ознакомят с краем и народами, оные (sic!) населяющими, всех читателей сего периодического журнала. Представляя упомянутую записку в подлиннике на благоусмотрение вашего сиятельства, имею честь испрашивать повеления вашего на дозволение здесь издания «Закавказского вестника». Если вашему сиятельству не благоугодно будет лично рассматривать статьи, кои должны помещаться в сем журнале, то не изволите ли предоставить мне заведывание оным» [206].

Как видно из программы «Закавказского вестника», Завелейский и Зубарев сознательно исключали политическую информацию из журнала, с тем чтобы облегчить получение разрешения на издание, учитывая, что правительство гораздо охотнее шло на создание периодических изданий типа литературных альманахов [207], чем печат-

---

[205] ЦГА Груз. ССР, ф. 1105, оп. 1, д. 508, л. 1. (Разрядка наша. — *Д. В.*).

[206] Там же, стр. 2—2 об.

[207] В «Тифлисских ведомостях» время от времени сообщалось о подобных изданиях. Так, в номере газеты от 8 ноября 1830 г. помещена заметка о пред-

ных органов с общественно-политическим профилем. И все же, напуганный недавним проявлением печатной «крамолы» и последующим арестом В. Д. Сухорукова, Паскевич не дал согласия на издание нового журнала, предложенного Завелейским.

Но интересно другое: что же послужило причиной для ходатайства Завелейского? Не был ли он посвящен во внутриредакционные планы и наслышан о материальных затруднениях Санковского и его намерении издавать в ближайшем будущем вместо газеты подобие литературного альманаха? Не это ли обстоятельство подсказало Завелейскому помочь местной газете и ее редактору, ведь издание в одной типографии двух периодических изданий в значительной степени загрузило бы ее и сделало бы выгодной ее эксплуатацию?

По свидетельству Г. С. Гордеева, материальное положение П. С. Санковского как редактора газеты и ответственного за приданную ей типографию с обслуживающим ее персоналом было критическим. Вот что сказано об этом в рапорте Гордеева на имя грузинского гражданского губернатора кн. Палавандова от 11 марта 1833 г., когда Гордеев все еще продолжал находиться в должности члена Комитета по изданию «Тифлисских ведомостей» и распорядителя типографии: «По кончине главного редактора „Тифлисских ведомостей» Санковского[208] я, видя расстроенное положение его дел и не желая отнимать части принадлежавшего ему в России недвижимого имения от наследниц сирот, малолетней его дочери и трех взрослых сестер, усторонил все законные, довольно значительные претензии, оставшиеся на покойном за четырехлетнее мое ему вспомоществование в литературных трудах по изданию „Тифлисских ведомостей“. Долг сей обеспечивался званием его жены и родного брата, артиллерии подполковника Санковского, заемным письмом и условиями, из коих на последнее прошлого года в генваре месяце изъявил свое

стоящем с 1831 г. издании в Харькове «Украинского альманаха», причем «число экземпляров будет отпечатано по числу подписчиков» (там же, стр. 3).

[208] М. А. Полиевктов называет дату кончины П. С. Санковского — 19 октября 1832 г. (см. *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 48). Вслед за ним В. С. Шадури пишет, что «Санковский умер ... осенью 1832 года... После смерти Санковского издание „Тифлисских ведомостей“ прекратилось» (см. *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 269—270). К сожалению, в обоих случаях отсутствует указание на источник. Согласно архивным сведениям, которыми мы располагаем, смерть Санковского последовала между 10 июня и 30 октября 1832 г. (ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, лл. 60, 66, 74 об.). Мы полагаем, что прекращение издания «Тифлисских ведомостей» не столько было связано со смертью редактора, сколько с теми значительными материальными затруднениями, которые испытывал Санковский, особенно в последний год своей жизни. Факт банкротства П. С. Санковского связан и с растратой казенных денег подполковником А. С. Санковским, стремившимся, как отмечает Е. Г. Вейденбаум, оказать посильную поддержку пошатнувшимся делам своего брата. Затруднения редактора подтверждает и Г. С. Гордеев в цитируемом письме к кн. Палавандову: «Служащие в типографии разного звания люди объявляют, что они при жизни Санковского не получали от него за несколько месяцев следуемого им жалованья» (ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 75 об.).

соизволение и его высокопревосходительство главноуправляющий Грузией генерал от инфантерии и кавалер барон Григорий Владимирович Розен 1-й. Смерть Санковского могла бы положить конец издания „Тифлисских ведомостей“ и я, как не получивший от него за четыре года ни малейшего удовлетворения, имел право по всей справедливости отказаться от продолжения оных. Но желая сделать угодное правительству и не подвергнуть себя укоризненному суду публики, которая из напечатанного Санковским объявления 1832 года в 1 номере „Литературного отделения“ видела, что я нахожусь в числе постоянных его участников, решился один, без всякой посторонней помощи, пополнить в два месяца многие не изданные им номера „Тифлисских ведомостей“ и издать остальные за 1832 год» [209].

Таковы в общих чертах связи П. Д. Завелейского с «Тифлисскими ведомостями», укреплению которых в значительной степени способствовало деятельное сотрудничество в газете подчиненных ему чиновников, в том числе прибывших из Петербурга вместе с ним для камерального описания Закавказского края. В «Тифлисских ведомостях» нашла отражение весьма существенная часть статистического и историко-этнографического материала, вошедшего впоследствии в четыре тома «Обозрения российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», изданных в 1836 г. в Петербурге В. С. Легкобытовым. Кроме Гордеева, Зубарева и Легкобытова[210], публикации которых в «Тифлисских ведомостях» сравнительно легко поддаются расшифровке, возможно, сотрудничали в газете соавторы «Обозрения» Н. Флоровский, П. Вышеславцев, В. Григорьев и А. Яновский, хотя их фамилии на страницах «Тифлисских ведомостей» и отсутствуют. Не составляет особого труда догадаться, что опубликованный в «Тифлисских ведомостях» обзор «Статистический взгляд на провинцию Нахичеванскую» [211] принадлежал не кому иному, как В. Н. Григорьеву, которому было поручено властями описать указанную область Закавказья, что нашло отражение и в содержании «Обозрения российских владений за Кавказом». Но что известно об этих лицах? В основном это были сослуживцы П. Д. Завелейского по Министерству финансов. Некоторые из них поддерживали с ним тесные дружеские отношения и в годы опалы, после увольнения его с должности грузинского гражданского губернатора, о чем свидетельствуют воспоминания его племянника Василия Завелейского, обнаруженные недавно И. Л. Андрониковым [212]. В. С. Легкобытов,

---

[209] ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2504, л. 74—74 об.

[210] В. С. Легкобытову, как нам кажется, принадлежат опубликованные в «Тифлисских ведомостях» под рубрикой «Статистика» обзоры: «Провинция Талышинская» (№ 9-11 и № 12-14 за 1831 г.) и «Статистическое описание Ахалцихского пашалыка» (№ 4 и № 5-6 за 1832 г.).

[211] См. «Тифлисские ведомости», 22 января 1831 г., стр. 7 (63)—8 (64); 11 февраля 1831 г., стр. 21 (85)—22 (86).

[212] *И. Л. Андроников.* Тетрадь Василия Завелейского, стр. 208—231.

служивший в Грузии при Завелейском в качестве советника Грузинской казенной экспедиции, вместе с некоторыми другими «тифлисскими сослуживцами» был частым гостем П. Д. Завелейского в Петербурге около середины 30-х годов XIX в. Это были годы, когда Легкобытов усиленно работал над подготовкой к изданию многолетнего труда своего и своих коллег — «Обозрения...» и не исключено, что его визиты к своему бывшему начальнику преследовали и практическую цель: с П. Д. Завелейским был дружен и часто встречался тогда в Петербурге и А. Г. Чавчавадзе, советы которого могли быть полезны для Легкобытова.

По воспоминаниям В. Завелейского, в эти же годы был тесно связан с его дядей и другой его сослуживец по Грузии — В. Н. Григорьев. И. Л. Андроников пишет о нем: «По окончании петербургской гимназии Василий Никифорович Григорьев увлекся литературой и познакомился с Кондратием Федоровичем Рылеевым — будущим руководителем „Северного общества" декабристов. Стал часто бывать у него, „оставался с ним наедине, толкуя о современной русской литературе".

В ту пору Григорьев писал стихи в рылеевском духе и печатал их в „Полярной звезде" — альманахе Рылеева и Бестужева.

Вскоре Рылеев рекомендовал молодого литератора в члены Вольного общества любителей российской словесности. Тут, на заседаниях общества, Григорьев встречал будущих участников декабристского восстания — Александра и Николая Бестужевых, Федора Глинку, Александра Корниловича... Этим его литературные знакомства не ограничились. Григорьев знал Пушкина, Языкова, Дельвига, Сомова, Грибоедова. Знакомство с Грибоедовым продолжилось на Кавказе, когда Григорьев был послан из Петербурга на службу в Грузию, к Завелейскому. В Тифлисе встречал он и Чавчавадзе и был даже позван на бал по случаю свадьбы Грибоедова и дочери Чавчавадзе Нины. Это в разговоре с Григорьевым Грибоедов назвал „самой пиитической принадлежностью Тифлиса" монастырь святого Давида, в ограде которого хотел найти последний приют. Так случилось, что именно он, Григорьев, первый из русских встретил „бренные останки Грибоедова у Аракса, на самой нашей границе", когда гроб с телом великого драматурга везли из Тегерана в Тифлис. Описание этой печальной встречи Григорьев послал в Петербург и оно появилось в „Сыне Отечества".

Кроме того, в петербургских журналах в те годы печатались его грузинские очерки: „Переезд через Кавказские горы", „Грузинская свадьба", „Алавердский праздник", „Встреча с англичанами в Кахетии". Последнее объясняется тем, что Григорьев занимался камеральным описанием Кахетии и заодно побывал в гостях в Цинандали — кахетинском имении А. Г. Чавчавадзе, где был принят Ниной Александровной очень радушно... Вернувшись в столицу в прежний свой департамент, Григорьев выпустил книгу „Статистическое описание Нахичеванской провинции".

Об этой книге Пушкин в своем „Современнике“ 1836 года напечатал очень похвальный отзыв» [213].

Кроме названных лиц, близкие отношения с первой русской газетой на Кавказе и ее редакцией могли поддерживать и некоторые другие сослуживцы и друзья П. Д. Завелейского, в частности И. Н. Калиновский, имя которого «упоминается в „Тифлисских ведомостях“. Калиновский сменил П. Д. Завелейского в должности начальника Грузинской казенной экспедиции и исполнял обязанности грузинского гражданского губернатора во время отлучек Завелейского из Тифлиса. По воспоминаниям В. Завелейского, Калиновский впоследствии „был при дяде в Грузии вице-губернатором“» [214]. Именно к этому периоду относятся его контакты с некоторыми сотрудниками местной газеты. В № 90 «Тифлисских ведомостей» за 1830 г. под рубрикой «Корреспонденция» опубликовано «Письмо из Кутаиса в Тифлис», подписанное «Б ... ев». Оно начинается так: «По приезде моем в Кутаис, в начале апреля сего года, я не мог найти в то же время хорошего места, чтоб не медля посадить табачные семена, полученные мною в Тифлисе от г-на начальника Казенной экспедиции, коллежского советника Калиновского» [215]. Обращает внимание не только поручение развести табак в Имерети, но и особенно компетентность автора «Письма» в данной культуре. В другом месте он с сожалением отмечает, что «записка с наставлением, как ходить за сим табаком, полученная мною от г-на начальника Казенной экспедиции и копии с оной, будучи даны некоторым здешним хозяевам на время, были увезены из Кутаиса и утратились» [216]. «Письмо» подтверждает, что Калиновский не случайно обратился с такой просьбой именно к «Б...еву», который отлично разбирался не только в искусстве разведения табака и других «колониальных культур», но и в ботанике вообще. Его наблюдения за природой и климатом Имерети настолько тонки и дельны, что в редакционной сноске к корреспонденции подчеркивалось: «Мы поспешили поместить сие любопытное письмо, заключающее некоторые сведения о растительной силе в Имерети, в полной уверенности, что оно с удовольствием будет принято нашими читателями» [217]. Свои замечания о флоре и преимуществах местного климата автор излагает в виде некоей преемственности традиций в проявлении интереса к Имерети, что указывало на практическую заинтересованность в этом со стороны правительства, не говоря уже о заинтересованности научно-познавательной. «Покойный Моренас, — отмечал автор, — посланный в здешний край его сиятельством господином

---

[213] *И. Л. Андроников.* Тетрадь Василия Завелейского, стр. 221—222.

[214] Там же, стр. 220. Человек веселого нрава, Калиновский был непременным участником встреч, устраивавшихся на квартире П. Д. Завелейского в Петербурге, куда после переезда своего бывшего начальника поспешил перевестись на службу и И. Н. Калиновский (там же, стр. 220—221).

[215] «Тифлисские ведомости», 15 ноября 1830 г., стр. 2.

[216] Там же, стр. 2—3.

[217] Там же, стр. 2.

министром финансов, говорил мне, что он без всякого удивления увидел в Кутаисском саду американский табак, хорошо растущий; но присовокупил только, что важнее всего для доброты искусство смотреть за ним и после высушить. Он был убежден, что в здешнем климате сыром и вместе с тем сильно жарком очень можно развесть колониальные растения, гораздо важнейшие, нежели табак, а особенно в приморских частях Мингрелии, где еще теплее кутаисского, и где часто зима бывает почти неприметна»[218]. Авторские рассуждения на экономические темы выдают в нем приверженца грибоедовского проекта преобразования края.

Мы предполагаем, что «Письмо из Кутаиса в Тифлис» принадлежит поручику Бартеневу, служившему в Кутаиси с начала 1829 г. Насколько долго он находился на Кавказе, установить пока не удалось, но в ЦГВИА мы обнаружили документ, из которого явствует, что Бартенев привлекался к ответственности за то, что в декабре 1826 г. он навестил на гауптвахте заключенного в тираспольской крепости майора 32-го егерского полка декабриста В. Ф. Раевского. В январе 1826 г. последовало соответствующее решение о Бартеневе: «Государь император высочайше повелеть соизволил иметь сего офицера под особенным надзором и не производить, ни же отпускать без особенного представления»[219]. За этим последовала ссылка на Кавказ, но без лишения воинского чина, поскольку не было обнаружено доказательств непосредственной причастности Бартенева к декабристскому движению. Однако архивные данные подтверждают, что во время службы на Кавказе, в частности в Грузии, Бартенев уже в чине поручика не только не прервал связей с ссыльными декабристами, но наладил даже с ними организационные контакты через местную русскую газету, корреспондентом которой он состоял.

Расшифровка начальной и последних двух букв фамилии Бартенева, соответствующая зашифрованной подписи под «Письмом из Кутаиса в Тифлис», подкрепляется содержанием письма поручика Бартенева к В. Д. Сухорукову от 1 февраля 1829 г., которое было изъято у Сухорукова наряду с другими документами при аресте в январе 1830 г.: «Премного, от всего сердца, благодарен Вам, почтеннейший Василий Дмитриевич, за письмо и „Описание Имеретии“ и за Ваше доброе участие в лестном для меня свидетельстве И. Г. Бурцова. Постараюсь оправдать; все меня оживляет к усердию, только мало времени и теперь я понимаю Ваши слова, что предметы распространяются более и более. Имеретия весьма, впрочем, однообразна и именно время нужно, чтоб заметить отличающие оттенки. Я дельно прожил в Кутаисе около месяца. Генерал Гессе к вам едет: прекрасный благонамеренный человек, любимый всеми народами здешними, но добрый и снисходительный до излишней мягкости, которая, например, вынуждает его терпеть небезвредного, глупого секретаря Радченку. Если вы сочтете не лишним сказать г. Устимо-

---

[218] «Тифлисские ведомости», 15 ноября 1830 г., стр. 3.
[219] ЦГВИА, ф. 14057, св. 24, я. II, оп. 16/183, л. 16 об.

вичу[220] об старании прислать сюда хороших чиновников к генералу, вы сделаете существенную милость для края, а то грабят по привилегии, по давности. К генералу необходим хотя бы один штатский хороший чиновник. Кажется, он сам об этом будет хлопотать. В Тифлисе есть какой-то Ивченко: он струна плутней. Этот секретарь только один не благоприятствует мне в сведениях об Имеретии; все, особенно начальник правления Перекрестов, старожил, много помогают. Жалею, что нет Очкина в Тифлисе, я бы к нему поехал похлопотать об этом; а Завелейский опрометчив. Я пишу это, зная ваше доброе расположение к добру общему, оставляя на волю Вашу. Я намерен посетить славный Гелатский монастырь. Прощайте, желаю Вам благополучия. Бартенев»[221]. Далее следует приписка: «Князю Щербатову и Бестужеву мой усердный поклон. Очкин просил меня стараться об материалах для „Грузинского альманаха“: Имеретия страна слишком прозаическая, жители бесцветны, я сам холоден. Не знаю, удастся ли положить свой лепт в общую их чашу»[222].

Упоминаемые в письме лица, исключая управляющего Имеретией генерала Гессе, а также чиновников Радченко, Ивченко и Перекрестова, в той или иной степени были связаны с местной русской периодикой. Из них И. Г. Бурцов и П. М. Устимович (Сахно-Устимович), как известно, являлись ведущими сотрудниками «Тифлисских ведомостей» из числа ссыльных декабристов. Кроме того, Завелейский был известным человеком в газете, а Щербатов неоднократно упоминался на ее полосах. Под «Бестужевым» здесь, должно быть, подразумевается Петр Александрович Бестужев, один из инициаторов и вдохновителей издания «Ахалцихского Меркурия». И об Очкине, и о «Грузинском альманахе» нам ничего не известно. Во всяком случае, здесь речь идет о совершенно новом периодическом издании на русском языке, видимо, оставшемся неосуществленным. Разумеется, упомянутый в письме «Грузинский альманах» нельзя отождествлять с отдельным изданием наиболее содержательных статей из «Тифлисских ведомостей» за второе полугодие 1828 г., осуществленное Санковским в 1829 г. Нет достаточных оснований для предположения что под «Грузинским альманахом» подразумевается задуманный Завелейским и Зубаревым «Закавказский вестник» или впоследствии издаваемое Санковским совместно с Гордеевым и Зубаревым «Литературное отделение» «Тифлисских ведомостей». Будем надеяться, что дальнейшие разыскания в этом направлении прольют свет на загадку «Грузинского альманаха».

Благодарность, высказанная Бартеневым в самом начале своего послания к Сухорукову «за письмо и „Описание Имеретии“ и за Ваше доброе участие в лестном для меня свидетельстве И. Г. Бурцова»,

---

[220] Против этой фамилии на полях письма другим почерком надписано: «Правитель гражданской канцелярии графа Паскевича-Эриванского».
[221] ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 16—16 об.
[222] Там же, л. 19.

подразумевает приятное Бартеневу поручение совершить труд по описанию Имеретии. Почетное задание поднадзорному военнослужащему как бы уравнивало его в правах с чиновниками, специально прибывшими с этой целью из Петербурга. Благодарность была ответом на исходатайствование у начальства заманчивого поручения, в котором, как видно, положительную роль сыграло заступничество Сухорукова и И. Г. Бурцова. Мы затрудняемся объяснить лишь факт отсутствия в «Тифлисских ведомостях» статистического и историко-этнографического обзора Имеретии, хотя аналогичный материал, в частности о Гурии, Абхазии и других областях, был опубликован в газете. Можно предположить, что, кроме «Письма из Кутаиса в Тифлис», Бартеневу могут принадлежать и другие, анонимно опубликованные в тифлисской русской газете материалы, быть может, и такие, которые вовсе не были связаны с описанием Имеретии. Ибо Сухоруков старался приобщить к сотрудничеству в газете тех своих друзей и знакомых, которые были не только образованны, но и разносторонне одарены. Он исходил при этом из интересов газеты и ее редактора, который всецело ему доверял и даже обязывал шире вовлекать таких людей в редактируемый им орган.

Коллегиальность имела положительный резонанс не только во взаимоотношениях Санковского с ближайшими сотрудниками по русскому варианту «Тифлисских ведомостей», но и в контакте с редакторами дубликатов газеты на грузинском и фарсидском языках. Свидетельство тому — публикация в газете материалов под специальной рубрикой «Грузинская история». Характерно, что в примечании к первой же статье, опубликованной под этой рубрикой, редакция отмечала: «...Мы предлагаем здесь царствование Ираклия II, переведенное из грузинской рукописи, составленной внуком его царевичем Давыдом. Мы начали сим отрывком потому, что события, в оном упоминаемые, случились в прошедшем столетии, еще свежи в памяти грузин и известны многим по самым ближайшим преданиям, а иным даже как очевидцам; следовательно, если встретится в оных что-либо не согласное с истиною, мы скорее можем надеяться на критические замечания, которые просим нам сообщать на каком угодно языке, в полной уверенности, что оныя будут приняты с крайнею признательностью» [223]. Ссылка на то, что в редакцию можно было адресоваться с замечаниями на любом из местных языков по поводу публиковавшихся газетой материалов на исторические темы, указывает на тесную взаимосвязь в источниках русского и национальных вариантов «Тифлисских ведомостей». Это вполне понятно. В организационном отношении национальные варианты газеты являлись составной частью местного правительственного издания в целом, их руководители играли весьма существенную роль в правильной ориентации редактора газеты в вопросах, связанных с историей и литературой закавказских народов.

---

[223] «Тифлисские ведомости», 20 ноября 1830 г., стр. 4. Разрядка наша. — *Д. В.*

Руководителем грузинского варианта «Тифлисских ведомостей» был Соломон Иванович Додашвили (1805—1836). Редактор «Тбилисис уцкебани» был родом из казенных крестьян. В этом смысле его руководящее участие в антиправительственном «грузинском заговоре» 1832 г. было знаменательным: оно таило в себе первые признаки пробуждения к активной революционной деятельности «третьего сословия», приближение нового, разночинского этапа в революционном движении России, в том числе и в национально-освободительном.

Получив высшее образование в Петербурге (1824—1827)[224], Додашвили занялся в Тифлисе литературной и педагогической деятельностью, совмещая работу в должности редактора местной грузинской газеты (а впоследствии также и первого грузинского журнала «Салитературони нацилни тбилисис уцкебатани»), с преподаванием грузинской словесности в Тифлисской гимназии.

Несмотря на известную организационную автономию дубликатов «Тифлисских ведомостей» на национальных языках, редактор «Тбилисис уцкебани» с самого начала был в тесном контакте с коллегами по русскому варианту. Объясняется это его разносторонними сведениями по истории и литературе не только Грузии, но и всего Закавказья. Вполне понятно, что такой сотрудник для Санковского являлся находкой. На одном из допросов в связи с участием в заговоре Додашвили заявил, что в 1832 г. он был «занят переводами истории Грузии для г. Санковского»[225].

Редакция «Тифлисских ведомостей» и прежде всего сам Санковский высоко ценили образованных грузин, подобных Додашвили. Одно из сообщений газеты, в котором речь шла о том, «какое влияние имеет Московский университет на просвещение нашего отечества, сколько отличных людей, прославившихся ученостью и службою военною и гражданскою получили в нем образование»[226], редакция сопроводила следующим примечанием: «Желательно, чтобы и грузинское дворянство отправляло своих детей для образования в российские университеты — польза от сего была бы весьма ощутительна. Мы знаем многих молодых людей, уроженцев здешнего края, которые, обучаясь в Московском университете и быв удостоены ученых степеней, вступили в государственную службу и занимают значительные должности с отличною честию»[227].

В другом случае редакция «Тифлисских ведомостей» популяризовала среди читателей книгу С. И. Додашвили. В специальном «Объявлении» по этому поводу отмечалось: «На сих днях поступила в печать одобренная цензурою[228] „Грузинская грамматика“, состав-

---

[224] В Петербурге в 1827 г. была опубликована первая часть «Логики», научного исследования, принадлежащего С. И. Додашвили.

[225] ЦГА Груз. ССР, ф. 1457, тетр. XXIII, л. 4524.

[226] «Тифлисские ведомости», 5 сентября 1828 г., стр. 2.

[227] Там же.

[228] В данном случае подразумевается либо местная цензура, либо повторное и уже положительное решение Петербургского цензурного комитета,

ленная на оном языке учителем Тифлисской гимназии Додаевым-Магарским[229], в трех частях. Желающие подписаться на сию книгу могут адресоваться или прямо к издателю на квартиру его, находящуюся 1-й части в 3-м квартале, в доме коллежского совет. кн. Дарчия Бебутова, подле Греческой церкви, или в Комитет издания „Тифлисских ведомостей", что на Эриванской площади в доме купца Харазова. Цена за все три части два рубля серебром. Имена подписавшихся особ имеют быть напечатаны в конце книги»[230]. Особо отметила тифлисская русская газета и тот факт, что при торжествах в честь преобразования Тифлисского благородного училища в гимназию «учитель грузинского языка г-н Додаев-Магарский произнес на сем языке речь о необходимости соединения хорошего нравственного домашнего воспитания с учением»[231].

Додашвили выступал в местной русской газете и в качестве литературного критика. Так, в № 1 «Тифлисских ведомостей» за 1832 г. под рубрикой «Критика» помещена статья «Краткий взгляд на грузинскую литературу», которая в редакционной сноске аттестована как «заимствованная из грузинской газеты, коей редактор г. Додаев-Магарский. Он же сочинитель сей статьи»[232]. Опровергая нелепую точку зрения неких «благомыслящих особ», утверждавших, что «грузинский язык беден литературными произведениями, не обработан и в отношении к гармонии не имеет никакой приятности»[233], Додашвили в своей статье рассматривает историю грузинской литературы начиная с царя Парнаоза, когда, по мысли автора, были изобретены грузинские буквы, и кончая царствованием Ираклия II, когда «блистательные победы царя-героя рождали в каждом дух поэтический»[234]. Интересны высказывания Додашвили о самобытности грузинского языка: «Что корень нашего языка должен быть собственный, сие видно из всех древних письменных памятников... Нынешние писатели и не знающие грузинского языка переводчики ввели в оный многие персидские, армянские и русские слова; но из сего нельзя заключить, чтобы на грузинском языке не было равно-

---

ибо мы располагаем документом, свидетельствующим «об отказе С. Додаеву-Магарскому в просьбе напечатать составленную им краткую грамматику грузинского языка». Дата документа «июнь—сентябрь 1830 г.» (ЦГИА СССР. ф. 777, оп. 1, д. 993). Отрицательный отзыв на «Грамматику» Додашвили принадлежал адъюнкту восточной словесности Мирза Джафар Топчибашеву (см. там же, л. 4).

229 Прибавка к фамилии Додашвили — «Магарский» подразумевала то, что он был уроженцем селения Магаро Сигнахского уезда Тифлисской губернии.

230 «Тифлисские ведомости», 4 октября 1830 г., стр. 4.

231 «Тифлисские ведомости», 12 июня 1830 г., стр. 1.

232 «Тифлисские ведомости», январь 1832 г., (№ 1), стр. 24. Напечатана лишь первая часть статьи, в конце которой в скобках отмечено: «продолжение обещано». Однако последующая часть статьи так и не была опубликована. Первой части статьи С. И. Додашвили в «Тифлисских ведомостях» предшествовала статья Г. С. Гордеева «Погребальные обряды последних царей грузинских» (стр. 16—18), которая вызвала резкое полемическое выступление Додашвили в «Тбилисис уцкебани».

233 «Тифлисские ведомости», январь 1832 г., (№ 1), стр. 18.

234 Там же, стр. 23.

значущих собственных слов. Хороший писатель, каким бы слогом какой бы предмет ни вздумал описать, может на отечественном языке выразить малейшие оттенки чувствований и понятий, не употребляя никаких слов другого диалекта, кроме разве технических, употребляемых целым светом»[235]. Великолепны и всесторонне обоснованы характеристики, которые Додашвили дает Иоанну Петрици, Мосе Хонели, Саргису Тмогвели, Руставели, Чахрухадзе и католикосу Антонию I. Автор как бы обращается с призывом к своему и последующим поколениям взяться за систематическое научное изучение богатейшего исторического прошлого и культурного наследия грузинского народа: «Если б век великой Тамары был бы представлен в правительственном, воинском и литературном отношении писателем, достойным изобразить сию благодетельную эпоху истории грузинской, я уверен, что творение подобного рода обратило б внимание всего просвещенного света. Тогда бы увидели, что малоизвестная Грузия есть страна, заслуживающая внимания, и что она, при всех бедствиях, тяготевших над нею в разные времена, имела сокровищницу наук и словесности, может быть, более богатую, нежели другие страны того времени»[236]. Повествование автора обрывается при перечислении грузинских деятелей просвещения и культуры XVIII в.: «Историк Вахушти, Сулхан, Вахтанг и Дмитрий Орбелиановы, преосвященный Гаий, Иесей Эристов, Дмитрий Цицианов и другие отличались удивительным красноречием, сочинения их в стихах и прозе заслуживают умонаблюдательного внимания»[237].

Во время пребывания в Тифлисе А. С. Пушкина Додашвили, будучи сослуживцем Санковского, мог быть в числе тех, кто общался с великим поэтом. Глубоким уважением Додашвили к Пушкину и его творчеству следует объяснить опубликование в «Тбилисис уцкебани», а впоследствии и в «Салитературони нацилни тбилисис уцкебатани» отдельных стихотворений поэта в переводе на грузинский язык[238]. В «Путешествии в Арзрум» Додашвили ни разу не назван, ибо «Путешествие» увидело свет в 1836 г., когда, осужденный за участие в «грузинском заговоре» 1832 г., Додашвили доживал свои последние дни в Вятке. Ясно, что его имя тогда не могло быть упомянуто в печати. По этой же причине Пушкин, не упоминая конкретно передовых деятелей тогдашней Грузии, с которыми он встре-

[235] Там же, стр. 19.

[236] Там же, стр. 22.

[237] Там же, стр. 23—24 («Преосвященный Гаий» — известный нам Гайоз. — *Д. В.*).

[238] См. «Тбилисис уцкебани», 1830, № 2. Здесь опубликовано стихотворение Пушкина «Пробуждение», перевод которого на грузинский язык выполнен, как теперь установлено, А. Г. Чавчавадзе (см. *И. Богомолов*. Александр Чавчавадзе и русская культура. Тбилиси, 1964, стр. 11); см. так же «Салитературони нацилни тбилисис уцкебатани», 1832, № 5. Здесь помещены два стихотворения Пушкина, перевод которых на грузинский язык принадлежит С. И. Размадзе. Первое стихотворение в переводе озаглавлено «Гишпанская песня» («ლიშქანური სიმღერა»), а второе «Пир» («ლხინი»). Последнее стихотворение, написанное поэтом в 1819 г., было опубликовано впервые в 1824 г., в альманахе «Мнемозина».

чался и общался в Закавказье, предпочитал пользоваться собирательными понятиями, вроде «тамошнее общество», «любезное и веселое общество».

Другим сподвижником Санковского, своего рода консультантом по вопросам быта, истории, культуры и литературы кавказских народов, был деятельный сотрудник «Тифлисских ведомостей», впоследствии выдающийся азербайджанский просветитель Абас Кули-ага Бакиханов. Как уже отмечалось, нам не удалось документально установить имя редактора фарсидского варианта «Тифлисских ведомостей». Исходя из некоторых биографических данных, а также главным образом из содержания русского варианта газеты, мы склонны полагать, что обязанности редактора фарсидского дубликата «Тифлисских ведомостей» могли быть возложены скорее всего на Бакиханова.

Абас Кули-ага Бакиханов (1794—1846) происходил от табасаранских владетелей, которые при власти персидских шахов в Азербайджане занимали в Баку важные административные должности. Отец его Мирза-Мухаммед был бакинским ханом, но, свергнутый с престола своим братом, обосновался в провинциальном городе Куба, где провел свои детские и юношеские годы его старший сын Абас Кули-ага. В Кубе получил он первоначальное образование и изучил фарсидский язык, знание которого в то время у высшей знати и просвещенных людей считалось необходимой обязанностью. Некоторое время спустя Абас Кули-ага посвятил себя изучению арабского языка и разным наукам. С этой целью он вначале учился у кубинских, а затем у дагестанских арабистов, которые считались лучшими знатоками арабского языка на Кавказе. Изучение арабского языка и отдельных наук отняло у Абас Кули-аги около десяти лет. В это время ему уже шел 27-й год. За эти десять лет он успел на Кавказе заслужить известность ученого. «На это обратил внимание тогдашний главноначальствующий Кавказа ген. Ермолов и пригласил его в 1820 г. в Тифлис на государственную русскую службу... Несмотря на свои 26 лет, Абас Кули-ага в Тифлисе усердно взялся за изучение русского языка и в этом отношении достиг больших успехов. Изучение русского языка принесло ему немалую пользу и посредством его, как он пишет в своей автобиографии, сумел ознакомиться с современной культурой, особенно историей, географией, философией, логикой, схоластикой, астрономией и т. д.»[239]

Преклонение перед наукой было характерной чертой Бакиханова, который в своей автобиографии в связи с этим замечал: «Вникая в дела человеческие, я убедился, что нет ничего прочного на земле, что богатство и власть подвержены потере, что высокое и знатное происхождение без личных достоинств способствует потере значения и цены в народе, и что лишь в одно я верю и в одном я убежден, это — наука. Если в научном мире приобретешь нужные знания и после себя оставишь для будущего поколения следы своих знаний,

[239] *А. К. Бакиханов.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. X.

тогда имеешь право считать себя счастливым человеком и по смерти можешь на земле продлить свое существование»[240].

Уважаем и почитаем А. К. Бакиханов был и при новом главноуправляющем Грузии гр. И. Ф. Паскевиче. Именно к этому периоду относится сотрудничество Бакиханова в местной русской правительственной газете, а также редактирование им, по нашему предположению, фарсидского дубликата «Тифлисских ведомостей»[241]. Подчеркнуто уважительное отношение редакции «Тифлисских ведомостей» к Бакиханову, как ученому и коллеге, выясняется из содержания самой газеты.

Первое упоминание Бакиханова в «Тифлисских ведомостях» относится к январю 1829 г. В разделе «Смесь» была помещена небольшая заметка Н. Н. Муравьева (который вместе с И. Г. Бурцовым обычно вел в газете раздел «Военный анекдот»): «По взятии приступом города Ахалциха, начальство, узнав о драгоценном приобретении, которое представляла нам библиотека Ахмедиевой мечети, поручило мне вместе с переводчиком, состоящим при его сиятельстве графе Паскевиче-Эриванском, — Абас Кули-агою, рассмотреть рукописи, находившиеся в сем книгохранилище, и составить оным систематическую роспись»[242]. В этом не было ничего необыкновенного, ибо подобные задания, как правило, возлагались на просвещенных офицеров и чиновников, сведущих в восточной литературе и истории. Выше уже отмечалось, что задание ознакомиться с содержанием и описать знаменитую на Востоке Ардебильскую библиотеку получил в свое время А. С. Грибоедов. И в данном случае выбор не случайно пал на А. К. Бакиханова и Н. Н. Муравьева, поскольку и последний еще при Ермолове, пользуясь поощрением главноуправляющего, руководил сбором древних рукописей, хартий и книг.

В прямой связи с заметкой Н. Н. Муравьева находится и другая, более пространная статья под рубрикой «История», озаглавленная «Дербент-наме (сказание о Дербенте)». Статья анонимная; автор обещает читателям газеты опубликовать в ближайшем времени это произведение на русском языке. Он сообщает, что над переводом «трудились двое: Абас Кули-ага, уроженец Бакинский, и один из наших офицеров»[243]. Нам кажется, что «одним из наших офицеров» и был Н. Н. Муравьев, которому ранее совместно с Бакихановым было поручено разведать ценности библиотеки Ахмедиевой мечети Ахалцихе. Скромно умалчивая о самом себе, автор статьи воздает, однако, должное Бакиханову: «Абас Кули-ага есть лицо замечатель-

---

[240] Там же, стр. XI.

[241] Впоследствии А. К. Бакиханов, оставив журналистскую деятельность, «подал в отставку и переселился в Кубу. Будучи материально обеспеченным и имея большой запас знаний, он предался составлению своих трудов. В 1846 г. на 52 году жизни, он совершил путешествие в Мекку и на обратном пути в апреле того же 1846 г. заболел и умер в местности Вади-Фатиме, между Меккой и Мединой, где и был похоронен» (там же).

[242] «Тифлисские ведомости», 25 января 1829 г., стр. 4.

[243] «Тифлисские ведомости», 2 ноября 1829 г., стр. 4.

ное в здешнем крае по глубокому знанию языков арабского, фарсийского, татарского и турецкого, он заслуживает внимания и европейской ученой публики по ревностному стремлению его к образованию себя: происходя из фамилии владетелей бакинских, он посвятил себя учению и служит в нашей службе майором. Русскому языку выучился он весьма хорошо и знает грамматику нашу; фарсийского же языка сам составил грамматику, которую в скором времени намеревается представить начальству. Это будет важное пособие для изучения языка сего, который доселе не имел еще систематических правил» [244].

Статья обращает на себя внимание интересными суждениями о значении источников на восточных языках для истории Ближнего Востока и особенно Закавказья. Эти источники, по мнению автора, способны дополнить и историю России. «Древняя история Грузии и татарских провинций наших, — пишет автор, — тесно соединена с историей Персии, Армении и империи калифов. Период сей, предшествуя несколькими столетиями нашей эре, включает в себе продолжение около полуторы тысячи лет; главные источники истории оного заключаются в сочинениях восточных писателей; в них же встречаются многие, весьма важные упоминания о делах, касающихся истории русской. Перевод подобных источников распространил бы новый свет на историю за-Кавказа и пояснил бы многие места русской истории» [245]. Суждения автора делают понятными усилия, которые предпринимало русское командование для приобретения ценной научной литературы на восточных языках, хранившейся в книгохранилищах и религиозных учреждениях на вновь завоеванной турецкой территории. О каталогах библиотеки Ахмедиевой мечети Ахалцихе и библиотек в городах Турецкой Анатолии, занятой войсками Отдельного Кавказского корпуса, узнаем из последующих номеров «Тифлисских ведомостей». Там сообщалось о роли Бакиханова в описании и хранении уникальных восточных рукописей и книг. В разделе «Ученые известия» газета сообщала: «Пребывание войск наших в Персии и Турции ознаменовано не одними победами: область просвещения равно сделала важные приобретения сими походами: таившиеся в неизвестности сокровища библиотек Ардебильской и Ахалцихской, вмещавшие в себе значительную часть восточного ума и просвещения, перенесены в столицу России и пред-

---

[244] «Тифлисские ведомости», 2 ноября 1829 г., стр. 4. О подготовке А. К. Бакихановым к изданию фарсидской грамматики «Тифлисские ведомости» сообщали: «Его императорское величество, приняв благосклонно сочиненную Абас Кули-агою грамматику фарсидского языка, всемилостивейше пожаловать ему соизволил, в ознаменование монаршего своего к нему благоволения, за предпринятый им общеполезный труд, бриллиантовый перстень, высочайше повелев перевести сию грамматику на российский язык, дабы доставить средство молодым россиянам учиться персидскому языку с большею легкостью, и потом напечатав сей книги пятьсот экземпляров на счет Министерства иностранных дел, сто представить в сие министерство, а остальные обратить в пользу сочинителя» («Тифлисские ведомости», 3 апреля 1830 г., стр. 1).

[245] «Тифлисские ведомости», 2 ноября 1829 г., стр. 3.

ставлены чтению ученых мужей. Поход нынешнего года в Турцию равномерно умножает наши богатства книжные: по приказанию г. главнокомандующего отыскано и приобретено покупкою в Арзруме две книги и тридцать четыре рукописи восточные; сверх того десять рукописей взято из библиотеки Баязетской, в которой кроме них не было других достойных внимания. Сии 45 книг и рукописей, из которых большая часть, — как уверяют знатоки восточных языков, — весьма редки и замечательны по своему содержанию, в скором времени будут отправлены в С.-Петербург. Сообщаем читателям нашим реестр сим творениям, составленный на русском языке Абас-Кули-агою» [246].

Характерно, что научная работа Бакиханова на Кавказе находилась под пристальным вниманием востоковедов в Петербурге. Это понятно, ибо разыскания Бакиханова, сопровождавшиеся обстоятельным комментарием, представляли значительный вклад в востоковедение. Не случайно небольшая оплошность, допущенная Бакихановым при составлении одного из вышеупомянутых реестров, стала предметом обсуждения некоторых столичных газет. В редакционном примечании «Тифлисских ведомостей» говорилось: «Абас-Кули-ага, прочитав в „Journal de S. Peter[bourg]“ некоторые указания на ошибки реестра, составленного им о книгах Ахалцихской библиотеки, просил нас представить в его оправдание, что ошибки в собственных именах на русском языке произошли от переписки, а в арабском переводе, там же предложенном, они написаны очень верно; сохранение же систематического порядка он точно выпустил из виду, составляя реестр не для напечатания» [247]. За примечанием следовал в том же номере газеты каталог восточных книг и рукописей, приобретенных в Арзруме и Баязете в 1829 г. с комментариями Бакиханова.

Одной из наиболее значительных работ Бакиханова периода его сотрудничества в «Тифлисских ведомостях» являлся перевод знаменитой исторической хроники «Дербент-наме». Редакция «Тифлисских ведомостей» поместила отдельные части хроники. В редакционном вступлении отмечалось: «Предлагаем читателям нашим два отрывка из перевода „Дербент-наме“. Переводчики в передании сочинения сего на русский язык старались сколько возможно сохранить даже характер слога подлинника» [248]. В этом же номере газеты были даны «Пояснения на сии два отрывка, почерпнутые из восточных книг». Не приходится сомневаться, что автором «Пояснений» и самого русского перевода был Бакиханов. Возможно, что Бакиханов консультировал некоторых авторов «Тифлисских ведомостей», помещавших в газете свои материалы на восточные темы или стихотворения, вроде «Пленница, или дева гор. Подражание Наваги, стихо-

---

[246] «Тифлисские ведомости», 15 ноября 1829 г., стр. 1—2.
[247] Там же, стр. 2.
[248] «Тифлисские ведомости», 8 ноября 1829 г., стр. 3.

творному сочинению на татарском языке Джагатийского наречия»[249] или «К виночерпию. Подражание Хафису»[250] и др.

В «Тифлисских ведомостях» печатались деятели науки, приезжавшие на Кавказ с этнографическими, археологическими, минералогическими, геологическими, биологическими и медицинскими целями. Весьма деятельными сотрудниками «Тифлисских ведомостей» стали члены научной экспедиции во главе с профессором физики Дерптского университета Парротом. В состав экспедиции входили: «кандидат философии Василий Федоров, занимающийся астрономическими наблюдениями, студент Михаил (Максимилиан. — *Д. В.*) фон Бегагель, занимающийся по части минералогии, и студенты медицины Юлий Ген — по части ботаники и Карл Шиман — по части зоологии»[251]. Члены экспедиции на страницах газеты не только делились своими наблюдениями, но и помещали научно-популярные статьи вроде лекции «О физике земного шара» и др.[252]

В экспедиции проф. Паррота на Кавказе, предпринявшей удачное восхождение на вершину Арарата, участвовал армянский просветитель Хачатур Абовян, безвестный до того дьякон Эчмиадзинского монастыря. Встреча с Парротом и участие в его научных изысканиях на Кавказе явились поворотным пунктом в жизни Х. Абовяна, порвавшего впоследствии с церковью и получившего в Дерпте университетское образование. Работая в экспедиции, Абовян приобщился и к авторскому активу «Тифлисских ведомостей». Заслуживает внимания тот факт, что его выступление на страницах газеты в апреле 1831 г. в поддержку проф. Паррота в полемике с И. Шопеном (последний с сомнением встретил известие о восхождении экспедиции на вершину Арарата в 1829 г.) явилось, как это установил М. Нерсесян, первым выступлением в печати великого армянского просветителя[253].

Обязанности корреспондентов «Тифлисских ведомостей» наряду с офицерами и военнослужащими Отдельного кавказского корпуса выполняли также и ряд чиновников местной гражданской администрации, что поощрялось начальством: «Правительство, желая извлечь пользу для наук из обладания новоприобретенными областями в Персии и Азиатской Турции, которые по малой известности их представляют обширное поприще для ученых изысканий, старалось при всяком удобном случае собрать на месте наставительные сведения, сколько дозволяло сие военное время. В отношении топографическом и статистическом чиновниками Генерального штаба Отдельного Кавказского корпуса сделано много любопытных изысканий, кои

---

[249] «Тифлисские ведомости», 20 февраля 1830 г., стр. 3.

[250] «Тифлисские ведомости», 2 января 1830 г., стр. 2.

[251] «Тифлисские ведомости», 21 июня 1829 г., стр. 1. Первое сообщение об этой экспедиции, поступившее из Дерпта еще до прибытия ее на Кавказ, было напечатано в № 9 газеты от 1 марта 1829 г., стр. 2.

[252] «Тифлисские ведомости», 19 июля 1829 г., стр. 4; 9 августа, стр. 4; 27 сентября, стр. 4 и др.

[253] *М. Нерсесян.* Первое публичное выступление Хачатура Абовяна. — «Известия АН Армянской ССР». Ереван, 1956, № 6, стр. 107—112.

заключают в себе самые достоверные познания в тех местах, где находились наши войска. Издатели „Тифлисских ведомостей" в намерении удовлетворить ученому любопытству публики стараются преимущественно помещать ныне в своих периодических листках сообщаемые им сведения о новопокоренных здесь российским оружием турецких пашалыках. В скором времени они надеются передать читателям полные статистические сведения о сих азиатских владениях. Член-корреспондент Издательного комитета, чиновник горной экспедиции И. М. Воскобойников послан был от правительства для минералогических наблюдений. Неутомимое старание и хорошие познания по части минералогии доставили ему возможность исполнить с успехом сие поручение»[254].

К этой же категории членов-корреспондентов «Тифлисских ведомостей» можно причислить И. Шопена, А. Щастливцева, Силича и др. Шопен был одним из плодовитых сотрудников газеты: многие из материалов, опубликованных им в «Тифлисских ведомостях» и касавшихся преимущественно Армении, где он был долгое время, вошли впоследствии в его книгу об историческом прошлом и современном ему состоянии этой страны[255]. А. Щастливцев — корреспондент газеты на Северном Кавказе. Он опубликовал на ее страницах корреспонденции из Горячеводска, в которых тонко подметил и живо передал некоторые характерные черты захолустной жизни северокавказцев[256]. Фамилия Силича встречается в некоторых официальных информационных сообщениях «Тифлисских ведомостей». Так, в одной из них он фигурирует как «дивизионный доктор, коллежский асессор Силич», который входил в состав «Комитета ... для изыскания средств к искоренению повальных болезней, столь часто возникающих в разных местах Закавказского края»[257]. В другом случае он упомянут среди акционеров «Закавказской торговой компании»[258]. Силич значился автором одного из рукописных материалов, предназначенных для «Тифлисских ведомостей» и изъятых у В. Д. Сухорукова при аресте в январе 1830 г. По заголовку («Медико-топографическое описание мест Персии в 1827 году доктора Силича») нетрудно пред-

---

[254] «Тифлисские ведомости», 15 февраля 1829 г., стр. 3. Далее следует статья И. М. Воскобойникова «Минеральные воды, находящиеся в окрестностях Диадина». Под рубрикой «Минералогия» опубликована интересная статья Воскобойникова «Описание источников каменной соли, находящихся в Карском пашалыке, и существующего там кагизманского соляного промысла» («Тифлисские ведомости», 13 марта 1830 г., стр. 2—4).

[255] Как отмечает И. К. Ениколопов, «И. Шопен был близок с Грибоедовым и Пушкиным. Его отец — Жан Мари Шопен — воспитал молодого А. Одоевского, будущего декабриста и родственника Грибоедова. По возвращении на родину Жан Мари Шопен много писал о России, ее литературе, первым во Франции стал популяризировать Пушкина, перевел и издал его «Бахчисарайский фонтан» (1826)» (*И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии, стр. 105).

[256] См. «Тифлисские ведомости», 16 августа 1829 г., стр. 4; 23 августа 1829 г., стр. 4; ср.: Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 25, стр. 183. Расшифровка авторства А. Щастливцева в «Тифлисских ведомостях» дается по второму источнику.

[257] «Тифлисские ведомости», 13 декабря 1829 г., стр. 2.

[258] «Тифлисские ведомости», февраль 1831 г. (№ 12-14), стр. 22 (110).

положить, что Силич, по всей вероятности, курировал в «Тифлисских ведомостях» материалы на темы здравоохранения [259].

У тифлисской русской газеты была и другая разновидность сотрудников, особо почитаемых редакцией. К ним относились, как мы полагаем, прежде всего, А. С. Грибоедов, С. М. Броневский, профессора Паррот, Джрпет (Чирбет) [260]. Примечательны взаимоотношения редакции «Тифлисских ведомостей» с С. М. Броневским, который в своем «Письме к издателям...» благодарил редакцию за присылку ему газеты в Феодосию, где он проживал: «Я давно порывался изъявить вам истинную мою признательность за сей великодушный дар, мною незаслуженный...» Данное место из письма Броневского редакция сопроводила следующим примечанием: «Неужели скромность почтенного корреспондента не дозволяет ему считать заслугою для отечества, и в особенности для занимающихся Кавказским краем, сочиненные им „Известия о Кавказе"? Мы, с своей стороны, почли себя обязанными признательностью к его полезным трудам и доставили ему первые листы вышедшего в сем крае периодического издания, как знак отличного нашего уважения» [261].

Итак, мы рассмотрели деятельность актива «Тифлисских ведомостей»; Санковского, Гордеева, Зубарева, Додашвили, Бакиханова, Завелейского, Бартенева, и др. Их отличало трудолюбие, патриотическое сознание гражданского долга, неустанные поиски совершенных форм газетной работы, обширные познания, литературно-журналистский опыт и глубокое понимание нужд и стремлений кавказского населения. Газета располагала сетью самых разнообразных корреспондентов: от ученых и путешественников до учителей и даже учащихся Тифлисского дворянского училища, преобразованного в гимназию [262].

---

[259] ЦГВИА, ф. 4, л. оп. 2, кор. 7027, д. 21; ср.: *М. О. Косвен.* Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 180. В «Тифлисских ведомостях» за 1829 г., № 16 (стр. 2—4), 17 (стр. 4) и 18 (стр. 1—3), была опубликована анонимная статья «Медико-топографические записки о некоторых закавказских местах и Персии». Ее принадлежность доктору Силичу, конечно, не нуждается в доказательствах. Мы склонны приписать ему также авторство части популярных материалов газеты на тему о борьбе с холерой.

[260] В дополнение к отмеченным выше материалам, принадлежность которых проф. Ш. Джрпету (Чирбету-Сирбиету) уже установлена нами, следует указать на статью, переведенную с французского, — «Переселение двух тысяч армян из Эриванской области в 1804 году» (см. «Тифлисские ведомости», 8 и 13 ноября 1830 г.) В сноске к заголовку статьи сказано: «Мы заимствовали сей занимательный отрывок из небольшой брошюрки под заглавием: „Details sur les changemens politicues gui ont cu lien en Gèorgie et en Armenie; dans les premieres ankèes du dixneuvieme sciècle", par M. Cirbied. Extreit des Annales Encyclopèdigues: fu mois de juillet, 1818. Сведения, помещенные в сем рассказе, доставлены почтенному сочинителю очевидцем...» (там же, 8 ноября 1830 г., стр. 1—2).

[261] «Тифлисские ведомости», 1 марта 1829 г., стр. 3.

[262] В сноске к разделу «Внутренние известия», составленному одним из выпускников училища — И. Тумановым, читаем: «Желательно, чтобы сей пример поощрил прочих его товарищей. Родители их, конечно, с особенным удовольствием увидят первоначальное участие, которое дети их примут в литературных трудах. Приглашая к сему подвигу, нам приятно указать им легчайший к тому способ: „Тифлисские ведомости" издаются на российском,

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИИ «ТИФЛИССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Представление о направлении «Тифлисских ведомостей» можно составить лишь на основе тщательного изучения содержания газеты. Но если содержание рассматривать в отрыве от общей политической обстановки в России или не учитывать конкретной ситуации на Кавказе, в условиях которой выходила газета, то представление может оказаться односторонним. В самом деле, нельзя не принять во внимание того обстоятельства, что весь период после 14 декабря 1825 г. вплоть до конца 50-х годов XIX в. был отмечен особой свирепостью цензуры в России, что за сравнительно безобидные высказывания в печати люди подвергались ссылке и гонениям, что ни одно официально разрешенное правительством периодическое издание не миновало бдительного надзора цензурных комитетов и жандармского ведомства Бенкендорфа.

Ко времени выхода «Тифлисских ведомостей» значительная часть Кавказа присоединилась к России, и естественно, правительство стремилось веками складывавшиеся традиции и обычаи населения вновь образованных в Закавказье губерний подчинить общеимперскому правопорядку. Для нейтрализации противодействия аборигенов особое место отводилось и первой русской газете на Кавказе.

Не исключено, что попытка воспринять историческую обстановку в России первой трети XIX в. раздельно — для метрополии, и для Кавказского края, на первый взгляд, может показаться искусственной. Однако подобный подход к истолкованию политического положения поможет, как нам кажется, выявить и учесть специфические черты тогдашней ситуации на Кавказе, обострившиеся со времени образования здесь фронта военных действий против Персии и Турции в 1826—1829 гг., что в свою очередь даст возможность установить не только условия, при которых осуществлялась деятельность «Тифлисских ведомостей», но и объективный исход этой деятельности независимо от возложенных на газету обязательств со стороны правительства. Именно в результате беспристрастного анализа содержания «Тифлисских ведомостей», при обязательном учете политической обстановки в целом по стране и специфики тогдашнего положения в Кавказском крае, можно установить действительное направление первой русской газеты на Кавказе, ее роль в русско-кавказских отношениях и значение в истории русской журналистики исследуемого периода. Необходимость этого тем более очевидна, что

грузинском и фарсийском языках; сии три языка преподаются в Тифлисском благородном училище, желающие могут заняться переводами с азиатских языков на российский и с сего последнего на азиатские; хороший выбор статей и правильное переложение мыслей и выражений подлинника сделают честь переводчику. Мы постараемся всякий раз делать небольшой разбор подобным статьям и тем самым поощрять трудящихся и давать должное направление развивающимся способностям» («Тифлисские ведомости», 26 декабря 1828 г., стр. 2).

в кавказоведческой литературе при оценке «Тифлисских ведомостей» не только отсутствует единство мнений, но встречаются точки зрения диаметрально противоположные.

Краткая историография

В библиографическом справочнике Г. В. Зерцалова «Тифлисские ведомости» квалифицированы как «официальный правительственный орган» [263]. Такая точка зрения о первой русской газете на Кавказе разделяется исследователями и по сей день. Так, «официальный характер» направления «Тифлисских ведомостей» отмечал еще Г. Кипшидзе [264], аналогичный отзыв содержится и в недавно изданной «Истории русской журналистики XVIII и XIX веков», где газета названа «провинциальной» и «носящей официальный характер» [265].

Более подробную оценку издания можно найти в книге М. А. Полиевктова: «„Тифлисские ведомости", о которых так лестно отзывался Пушкин в своем письме из Петербурга от 3 янв. 1833 к Санковскому („le seul [Journal] d'entre ceux de Russie que ait une couleur originale et où se rencontrent des articles d'un intérêt véritable et Européen"), были первою попыткой создать на месте разведывательный орган, обслуживающий интересы колониальной политики русского царизма на Кавказе» [266]. Поясняя свою точку зрения, Полиевктов пишет: «Потребность в таком органе начала особенно остро ощущаться с конца 1820-х годов, когда с назначением на Кавказ Паскевича, военный режим, господствовавший при Ермолове, начинает уступать место первым, конечно, еще весьма примитивным попыткам систематической колониальной эксплуатации края» [267].

Ссылаясь, подобно Полиевктову, на пушкинскую оценку «Тифлисских ведомостей», М. К. Гоцадзе отмечает, что газета «разжигала у читателей интерес к историческому прошлому, литературе и экономике Грузии» [268]. Гоцадзе добавляет к этому: «Хотя «Тифлисские ведомости» иногда правильно освещали вопросы, но в то же время не следует забывать, что газета в основном проводила царскую политику и постольку часто славословила и превозносила самодержавие, местную администрацию и ее мероприятия» [269].

---

[263] «Библиография русской периодики Грузии. 1828—1920». Составил Г. В. Зерцалов. Тбилиси, 1941, стр. III.

[264] *Г. Кипшидзе*. Периодическая печать на Кавказе. Тбилиси, 1901, стр. 3.

[265] «История русской журналистики XVIII и XIX веков». М., 1966, стр. 162. Вместо 1832 г., когда прекратилось издание «Тифлисских ведомостей», в названном труде ошибочно указан 1831 г. (там же).

[266] *М. А. Полиевктов*. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 48—49. Перевод: «Единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле интерес».

[267] Там же, стр. 49.

[268] *М. К. Гоцадзе*. История грузинской журналистики (на груз. яз.). Тбилиси, 1954, стр. 136.

[269] Там же.

Менее конкретная, чем у предыдущих авторов, характеристика «Тифлисских ведомостей» содержится в отзыве А. В. Фадеева о кавказской периодической печати первой трети XIX в.: «Из периодических изданий того времени представляют интерес не только столичные газеты и журналы, в которых печатались сообщения с Кавказа и различные кавказоведческие материалы („Северная почта", „Вестник Европы", „Русский инвалид" и т. п.), но и органы местной прессы. С 1819 по 1821 г. в Тифлисе выходила первая в истории кавказской журналистики газета, печатавшаяся на русском и грузинском языках. Она носила название „Грузинская газета" („Картули газети") *. В 1828—1832 гг. там же печатались на русском и грузинском языках „Тифлисские ведомости" („Тбилисис уцкебани") **. Являясь официозными, эти газеты, разумеется, отражали точку зрения царской администрации на происходившие события. Однако они публиковали различные сведения об экономической жизни края, а иногда печатали корреспонденции, позволявшие судить об отношении местной общественности к международным конфликтам и мероприятиям правительства» [270].

Официальный характер издания «Тифлисских ведомостей» не вызывает сомнения и у Г. И. Бакрадзе [271]. Однако он акцентирует внимание на «той совершенно недостаточной и не совсем справедливой оценке» роли и значения «Тифлисских ведомостей», которая дана в книге известного знатока русско-грузинских отношений проф. М. Полиевктова «Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг.» [272] Процитировав уже известную нам выдержку из книги Полиевктова, Бакрадзе пишет: «Как бы ни была верна эта характеристика, она не способна затушевать большую положительную сторону газеты, несмотря на ее реакционное направление» [273]. В чем же усматривает Бакрадзе «положительную сторону» в деятельности «Тифлисских ведомостей»? Он пишет: «Следует сказать, что, несмотря на реакционное направление, газета вообще, и в частности ее литературная часть, стояла на высокой ступени и заметно выделялась среди русских газет, выходивших в те же годы. Очень большой интерес вызывали статьи о Кавказе, с которым русское общество впервые начинало знакомиться, статьи о прошлом Грузии, об экзотической природе, о народах, населявших Кавказ, и т. д.» [274]

Противоположного мнения о направлении «Тифлисских ведомостей» придерживается В. С. Шадури. Он отмечает, что содержание

---

* «Картули газети» («Грузинская газета») печаталась только на грузинском языке.

** Газета «Тифлисские ведомости», выходившая на русском языке, имела дубликаты на грузинском и фарсидском языках.

[270] *А. В. Фадеев*. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, стр. 29.

[271] *Г. И. Бакрадзе*. Материалы по истории грузинской периодики (1779—1832). Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1954, стр. 13.

[272] Там же, стр. 15.

[273] Там же. В другом случае автор употребляет выражение «империалистическая направленность газеты» (там же, стр. 17).

[274] Там же, стр. 14.

и, особенно, полемическая заостренность свидетельствует «о передовом направлении газеты» [275], что «эта газета и после ареста Сухорукова продолжала оставаться органом передовых людей и, насколько позволяли условия, вела борьбу против реакционной журналистики» [276].

Мнение В. С. Шадури о передовом характере первого русского периодического издания на Кавказе имеет в настоящее время больше приверженцев, чем заключение о реакционном направлении «Тифлисских ведомостей». В этой связи заслуживает внимания высказывание Б. С. Мейлаха: «Тема „Декабристы после декабря“ еще ждет своей всесторонней разработки. За последние годы появились новые материалы. Так, В. Шадури опубликовал данные, из которых следует, что ряд ссыльных декабристов пытался захватить в свои руки „Тифлисские ведомости“, газету, которую редактировал Санковский, где сотрудничали Грибоедов, Бестужев-Марлинский, Сухоруков, Бурцов — литераторы-декабристы, определявшие направление газеты. Весьма характерно, что эта газета выступала против реакционной журналистики, против Булгарина» [277].

Исследователи, отметившие официальную и даже реакционную направленность «Тифлисских ведомостей», исходили, как нам кажется, преимущественно из назначения, которое официально предписывалось тифлисской русской газете, не учитывая результатов ее почти четырехлетней деятельности в крае. Поэтому в их высказываниях преобладает тенденция отмечать только теневые стороны, игнорируя большой положительный вклад газеты в укрепление и развитие русско-кавказских отношений. Исключение составляет, пожалуй, мнение Г. И. Бакрадзе, который стремится отметить и положительное в содержании «Тифлисских ведомостей». Но он решительно неправ, как нам кажется, при определении направления газеты, которую довольно легко, без достаточной научной аргументации, причисляет к разряду реакционных периодических изданий николаевской эпохи.

Значительно более аргументированной представляется точка зрения о передовом направлении «Тифлисских ведомостей», изложенная в главе V труда В. С. Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность», в которой предпринята попытка выяснить взаимоотношения ссыльных декабристов с первой русской газетой на Кавказе.

Среди приверженцев передового направления «Тифлисских ведомостей» находится и Н. А. Махарадзе, сделавшая содержание первой русской газеты на Кавказе предметом специального изучения. Она отрицает официальное направление «Тифлисских ведомостей» и утверждает, что данной газете были свойственны «демократические тенденции». Знакомясь с доводами Н. Махарадзе в пользу «неофи-

---

[275] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 264.

[276] Там же, стр. 265—266.

[277] *Б. С. Мейлах.* Пушкин и его эпоха. М., 1958, стр. 380.

циального» направления газеты, не сразу можно уяснить, что здесь речь идет о несоответствии передового содержания принадлежности ее, как официального печатного органа, местной администрации. «Перефразируя Герцена, можно сказать, — пишет Н. Махарадзе, — что пресловутая „кокарда“ не символизировала в этой газете „отличительного знака мнения“, как склонны были считать некоторые исследователи, рассматривающие „Тифлисские ведомости“ как официальную газету» [278]. В том, что именно таков смысл отрицания Н. Махарадзе официального характера «Тифлисских ведомостей», можно убедиться и по ее полемике с некоторыми из исследователей, мнения которых по данному вопросу рассмотрены нами выше. Оспаривая, например, точку зрения Г. И. Бакрадзе, совершенно справедливо, на наш взгляд, подчеркнувшего «неприкрытый классовый характер» газеты, который, по мнению Бакрадзе, сказался, в частности, в замалчивании вопроса о крепостном праве, Н. Махарадзе, видимо, упустив из виду, что на той же странице своего труда отвергла попытку «рассматривать «Тифлисские ведомости» как официальную газету», пишет: «Могла ли официальная правительственная газета в атмосфере, еще сильно накаленной антиправительственным, антикрепостническим выступлением декабристов, открыто ставить вопрос об этих проблемах? Ведь в эти годы даже театральные рецензии не миновали бдительного ока Бенкендорфа» [279].

За этой внешней противоречивостью суждений Н. Махарадзе о направлении «Тифлисских ведомостей» скрывается и некоторая смысловая несогласованность, которая сказывается не столько в стремлении подменить официальную принадлежность газеты присущими ей «демократическими тенденциями», сколько в нереальной, на наш взгляд, попытке путем противопоставления этих, в общем-то взаимоисключающих понятий определить передовое направление «Тифлисских ведомостей». Недостаточная последовательность научной аргументации Н. Махарадзе в вопросе о направлении данной газеты объясняет отчасти и ее стремление заставить читателя поверить в то, что «благодаря работам советских исследователей „Тифлисские ведомости“ уже не рассматривают как правительственную газету, хотя отголоски этой устаревшей концепции (!), к сожалению, еще встречаются: в вышедший недавно учебник „История русской журналистики XVIII и XIX веков“, очевидно, по инерции вкрались неточности... В краткой характеристике „Тифлисских ведомостей“, — пишет далее Н. Махарадзе, — в данном случае допущены две ошибки — неверная дата и категорическое утверждение об „официальном характере“ газеты» [280].

Для Н. Махарадзе характерно несколько идеализированное восприятие как содержания «Тифлисских ведомостей», так и роли, которую газета сыграла в судьбах сосланных на Кавказ декабристов:

---

[278] *Н. А. Махарадзе.* Первая русская газета на Кавказе. Канд. дисс. Тбилиси, 1968, стр. 33.
[279] Там же, стр. 33—34.
[280] Там же, стр. 35.

„Тифлисские ведомости“, начавшие свое существование в мрачные годы расправ и репрессий над декабристами, — пишет она, — предоставили, посильно, приют и убежище их немеркнущей мысли, *как бы сняли с креста „распятое поколение“, по возможности, возвращая его к жизни*» [281].

В другом случае Н. Махарадзе пытается доказать, будто с февраля 1829 г. газета приобрела право на «автономное», почти независимое от местных властей существование: «К 1829 году вышло указание, согласно которому газета переходила в собственность главного редактора П. С. Санковского» [282]. Версия эта неоригинальна, ибо обстоятельную аргументацию ее можно найти в книге М. К. Гоцадзе, который в четырехлетней деятельности «Тифлисских ведомостей» видит два периода: с начала издания газеты в июле 1828 г., когда «газета и ее издательство принадлежали местным властям», и с февраля 1829 г. до прекращения издания, когда «Тифлисские ведомости», по мнению Гоцадзе, перестали быть правительственной газетой, превратившись в «частное издание». Основанием для неверного заключения Гоцадзе, очевидно, служат «Новые правила» выпуска «Тифлисских ведомостей», вступившие в силу именно в феврале 1829 г., а также архивный документ от 26 марта 1836 г., отправленный бар. Г. В. Розеном министру внутренних дел, где говорится: «В феврале месяце 1829 года... генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский, признав правила издания „Тифлисских ведомостей“ неудобными, представил издание оных, с доходами, непременному редактору надворному советнику Санковскому, на особых правилах, 22 числа того же месяца утвержденному сроком на пять лет; в 17 § сих правил сказано: „Производство жалованья писарям и служителям типографии, канцелярские расходы и все издержки по издательному комитету лежат совершенно на непременном редакторе, который обязан делать оные из доходов представленного ему издания; он же обязан уплатить в течение определенного пятилетнего срока взятые заимообразно из экстраординарных сумм при начале издания 1000 руб. серебром“. С того времени издания „Тифлисских ведомостей“, кроме надзора, сделалось делом частным“» [283].

И «Новые правила», и процитированный выше документ, на наш взгляд, нисколько не свидетельствуют о превращении правительственного печатного органа «Тифлисских ведомостей» в частное издание, принадлежащее П. С. Санковскому, хотя бы потому, что надзор за содержанием оставался прежним. Нами уже подробно рассматривались «Новые правила». Мы отмечали, что их появление было обусловлено необходимостью упорядочить материальное состояние издания правительственных «Тифлисских ведомостей», с тем

---

281 *Н. А. Махарадзе.* Первая русская газета на Кавказе. Канд. дисс. Тбилиси, 1968, стр. 2—3 (Курсив наш. — *Д. В.*)

282 Там же, стр. 29.

283 ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 3331, стр. 37—38 (Разрядка наша. — *Д. В.*). *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики (на груз. яз.), стр. 96—97.

чтобы превратить их из убыточного для местной администрации, но весьма важного с государственной точки зрения идеологического мероприятия если не в доходное, то во всяком случае способное поддержать самое себя без дотации предприятие. «Новые правила» официально закрепляли передачу правительственного печатного органа «Тифлисских ведомостей» в арендное пользование сроком на пять лет редактору Санковскому как доверенному лицу местной администрации, разумеется, без всяких перемен в официальной принадлежности и в направлении газеты.

Передача государственного, в том числе правительственного, периодического издания в арендное пользование частному лицу в практике русской журналистики того времени не было чем-то необычным: «В начале XIX в. газетная периодика в России состояла из государственных и арендных изданий... Поскольку издание „Московских ведомостей“ и „Санкт-Петербургских ведомостей“ было делом хлопотным и зачастую убыточным, Московский университет и Академия наук предпочитали иногда отдавать свои газеты в аренду частным лицам»[284]. И передачу «Тифлисских ведомостей» в аренду Санковскому исключительно из меркантильных соображений не следует отождествлять с превращением данного издания в частное. Что касается смысла приводимого М. К. Гоцадзе архивного документа («издание „Тифлисских ведомостей“... сделалось делом частным»), то здесь речь идет только о том, что с февраля 1829 г., когда газета была передана в аренду Санковскому, все связанное с выпуском «Тифлисских ведомостей», кроме, разумеется, цензуры и присмотра (как и прежде, составлявших обязанность местных губернаторов), стало («сделалось») «частным делом», т. е. личной заботой арендатора газеты Санковского. Характерно, что аренда частным лицом не отразилась на порядке организованного обеспечения редакции «Тифлисских ведомостей» внутренней информацией, в том числе военной. Это весьма существенно, ибо ни одна частная газета в России, исключая разве только булгаринские полуофициальные издания, не могла рассчитывать на какое-либо вспомоществование со стороны правительства, тем более в материальном отношении. К тому же Санковский как частный издатель нисколько не проявлял бы интереса к поддержанию таких убыточных изданий, как выпуск дубликатов русской газеты на грузинском и других национальных языках, не будь на то воли местного начальства, которой он повиновался и будучи арендатором «Тифлисских ведомостей».

Уточнив, что «Тифлисские ведомости» с февраля 1829 г. и до прекращения их выпуска не переставали быть правительственным печатным органом на Кавказе, важно выяснить, каким же путем местная официальная газета могла добиваться некоторой независимости направления при существовавших тогда политических условиях в стране и в частности в Кавказском крае. Постановка вопроса обусловлена не только тем, что некоторые исследователи без доста-

---

[284] «История русской журналистики XVIII и XIX веков», стр. 107.

точных, на наш взгляд, оснований решительно судят о «передовом» направлении «Тифлисских ведомостей», но и главным образом двумя, тесно взаимосвязанными с историей газеты моментами — ее противоречивым содержанием и в высшей степени положительной оценкой этого содержания А. С. Пушкиным. Постараемся раскрыть глубокий смысл, содержащийся в пушкинской оценке первой русской газеты на Кавказе.

Пушкинская оценка

В ответном послании к П. С. Санковскому (3 января 1833 г.) Пушкин, как известно, писал: «Я... обязан вам большой благодарностью за присылку „Тифлисских ведомостей“ — единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес» [285]. Эта фраза из пушкинского письма содержит на редкость верную и глубокую характеристику продолжительного периода в истории русской журналистики, когда наиболее типические черты периодических изданий николаевского режима составляли исключительность понятия «свое лицо» и отсутствие в их содержании «европейского смысла». Под «своим лицом» Пушкин подразумевал политическое направление периодического издания, чему созвучно и высказанное примерно в те же годы В. Г. Белинским мнение, что «журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер, альманачная безличность для него всего хуже» [286]. Выражение «в европейском смысле» в сопоставлении с понятиями «журналистика», «периодика» можно неоднократно встретить главным образом в неопубликованных при жизни поэта статьях и заметках, а также в его эпистолярном наследии. Весьма любопытным в этом отношении является набросок плана второй записки в III Отделение с обоснованием целесообразности предполагавшегося Пушкиным издания общественно-политического журнала «Дневник». Записка начиналась с разграничения европейской и российской журналистики: «Что есть журнал европейский. Что есть журнал русской» [287]. Отметив, каковы «нынешние русские журналы», Пушкин в своей записке предполагал развить мысль о том, «каков может быть русский журнал» [288]. Более обстоятельно точка зрения Пушкина по этим вопросам, включая расшифровку «европейского смысла», выражена в заметке поэта «[О русских журналах]», написанной в 1831 г., но опубликованной лишь посмертно: «Определяйте значение слов, — говорил Декарт, — [и вы избавите свет от половины его заблуждений]. Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и

---

[285] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X. М., 1966, стр. 852.
[286] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 219.
[287] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V. М.—Л. (Academia), 1936, стр. 536.
[288] Там же.

проч. — и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются „Journal des Débats“ и „Edinburgh review“» [289].

Здесь Пушкин намекает прежде всего на Булгарина и его единомышленников, в том числе и на Н. Греча, в журнале которого «Сын Отечества» высказывалось такое мнение: «Чтение благонамеренных журналов более распространило у нас просвещение и ускорило развитие многих познаний, нежели учебные заведения. Сии последние, при самом лучшем образовании, хотя с великим успехом назидают круг обучающихся юношей, но всеобщее, скорое и взаимное обучение предоставлено трудам гг. журналистов» [290].

Другой обязанностью тогдашней официальной журналистики было распространение официальной идеологии. Именно это имел в виду автор сфабрикованной в булгаринской среде статьи «О журналистике в России. Письмо к издателю журнала des Débats», который утверждал, что влияние журналистики в России «весьма обширно и почти невероятно». Рукопись этой статьи обнаружена нами в ЦГВИА, она подписана инициалами «Н. Т.» и датируется концом 30-х годов XIX в. Весьма любопытен не только адресат статьи — довольно распространенный и популярный в то время парижский «Journal des Débats», на который ссылается в своей заметке и Пушкин, но и особенно тот факт, что содержание рукописи привлекло внимание Николая I [291].

В этой статье, так же как и в пушкинской заметке «О русских журналах», предпринята попытка размежевания русской и западноевропейской, в частности французской журналистики, но в противоположном Пушкину смысле. Автор статьи подчеркивает превосходство влияния периодического печатного слова на читающую публику в России по сравнению с Францией. Он считает, что в России «общее мнение совершенно основывается на ее (периодической печати. — *Д. В.*) решениях и в этом отношении, особенно в провинциях, привыкли к безусловной покорности. Исключения из сего правила весьма редки» [292]. «Обширность и почти невероятность» влияния журналистики в России «Н. Т.» усматривает в следующем: «Сколь ни велико влияние парижской журналистики, но я думаю, что его нельзя сравнить с влиянием журналистики С.-Петербургской, и даже во Франции невозможно сделать себе верного понятия о могуществе сей последней. По моему мнению, тому содействуют две главные причины: первая — та, что в России нет ни одного автора, сколько-нибудь известного, который бы не писал в журна-

---

[289] Там же, стр. 341. В позднейших собраниях сочинений поэта заметка озаглавлена: «Обозрение обозрений». «Journal des Débats» основан в Париже в 1789 г.; выходил до 1811 г., когда был закрыт по указанию Наполеона Бонапарта. В 1814 г. издание журнала возобновилось; в числе его редакторов был и Р. Шатобриан. «Edinbourgh review» («Эдинбургское обозрение») — английское периодическое издание, основанное в 1802 г. Редактором был Джеффри.

[290] «Сын Отечества», 1829, № 9, стр. 83.

[291] Одна из отметок, сделанных Николаем I на полях данной статьи, гласит: «Видно, что эти строки разбора сделаны издателями „Северной пчелы“».

[292] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1170, л. 6.

лах и не подписывал статей собственным именем. Таким образом, общее движение литературы некоторым образом заключается в журналистике и неудивительно, что сия последняя по особой форме своих изданий и характеру редакторов почти одной себе присвоила то влияние, которое в других местах разительнее делится на две части.

Вторая причина есть та, что русские книги вообще очень дороги, и как кабинеты для чтения находятся только в столицах и некоторых больших городах, то читатели, желающие прежде покупки книги ознакомиться с нею, предварительно собирают сведения в журналах и на их суждении сами основываются. Из сего следует, что журналы облечены какою-то доверенною властию, которой они стараются быть достойными, чтобы поддержать влияние свое в публике и собственную репутацию» [293].

Итак, позиция «Н. Т.» в вопросе воздействия русской журналистики на читающую публику ясна: «сферой влияния» русских периодических изданий, наделенных публикой «доверенною властию, которой они стараются быть достойными», может быть только художественная литература, средством — литературная критика, а целью — воспитание художественных вкусов публики; политика допустима лишь в той мере, какая необходима для пропаганды официальной идеологии. Наиболее верным ориентиром для зарубежного читателя при определении того, «что читается в России», по мнению «Н. Т.», могут служить издания «журнального триумвирата» — «Северная пчела», «Библиотека для чтения» и «Сын Отечества» [294].

Ознакомление с полуофициальным и официальным мнениями о положении и роли русской журналистики в общественно-политической жизни России 30-х годов XIX в. полностью подтверждает точку зрения Пушкина о том, что русская периодическая печать указанного периода не находилась на должном уровне и потому не заслуживала «того уважения, каким пользуются „Journal des Débats“ и „Edinburgh review“». Строгая оценка поэтом современного состояния периодики в стране подразумевала совершенно иное, в корне отличное от официальной версии, толкование назначения русской журналистики. Пушкин рассматривал периодическую печать как незаменимое средство активного вмешательства в общественно-политическую жизнь страны, народа, призванное вырабатывать общественное мнение через столкновение идей, через «истинную критику». При таком толковании возможностей журналистики в России поэт вовсе не упускал из виду реально существовавших в стране политических условий, которые делали невозможным претворение в жизнь даже элементарных прав частных издателей. Вопреки этим условиям, а также пассивной позиции некоторых его современников — прогрессивно мыслящих русских

---

[293] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1170, л. 6—6 об.
[294] Там же.

журналистов, пережидавших политическую непогоду, Пушкин действовал и довольно активно, пытаясь противопоставить тлетворному влиянию булгаринщины передовые начала русской журналистики. Поэт стремился к «политической прозе», добивался права на издание общественно-политического периодического печатного органа, высказывался по наболевшим вопросам развития русской журналистики подчас намеками, а иногда прямо:

«Когда б писать ты начал с дуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидишь в царствие небес» [295].

В статье «О русских журналах» Пушкин дал четкое определение «европейского смысла»: «Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление — свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных. Они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'épreuve (испытания.— *Д. В.*) издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противуборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что же тут общего с нашими журналами и журналистами? — Шлюсь на собственную совесть наших литераторов — спрашиваю, по какому праву „*Северная пчела*" будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь „*Северный Меркурий*"?» [296].

Содержание статьи Пушкина «О русских журналах» затрагивало многие вопросы русской журналистики, связанные с общественно-политическими и культурными условиями тогдашней России. Сопоставление российской действительности с аспектами жизни в некоторых западноевропейских странах имело целью подчеркнуть необходимость безотлагательного решения этих проблем и в России. В пушкинском толковании современного ему состояния периодической печати в некоторых просвещенных западноевропейских государствах, с одной стороны, и в Российской империи — с другой, наряду с «европейским смыслом», вкладывавшимся им в понятие «журналистика», усматривался также и другой, противоположный смысл. Нам кажется, что синонимом подразумевавшегося здесь поэтом «азиатского смысла» в журналистике являлось положение русской периодической печати 30-х годов. К такому заключению

---

[295] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в 16 томах), т. 2, ч. 1, М., 1937, стр. 152.

[296] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V. М.—Л., 1936, стр. 341. «Северный Меркурий» (1830—1832) — литературная газета, издаваемая М. Н. Бестужевым-Рюминым. Газета вторила булгаринским изданиям, выступала с нападками на так называемую «литературную аристократию».

можно прийти, учитывая общую направленность тогдашней русской журналистики, которая, на наш взгляд, характеризовалась двумя отличительными чертами: во-первых, политическим «оскоплением» после выступления декабристов, охранительностью, а во-вторых, организованным насаждением феодально-монархического национализма, который с легкой руки любомудров становился характерным признаком данного периода развития русской журналистики, выражаясь иногда слишком упрощенно в игнорировании всего, что имело отношение к понятию «европейское». Пушкин ратовал за «европейский смысл» периодической печати в противовес раболепству отечественной журналистики. Подчеркнуто уважительное отношение поэта к тогдашнему состоянию западноевропейской, в частности французской и английской, журналистики следует объяснить глубочайшим патриотизмом Пушкина: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» [297]. Стремление поэта четко разграничить и подчеркнуть превосходство, прогрессивность «европейского смысла» в журналистике перед «азиатским» восходило к столкновению исторических тенденций 30-х годов XIX в.

Однако что же все-таки могло послужить основанием того, что Пушкин в противовес даже петербургской и московской периодике того времени усмотрел «европейский смысл» в содержании тифлисского правительственного издания? «Задумываясь над оценкой, данной Пушкиным „Тифлисским ведомостям», — пишет Н. Махарадзе, — невольно задаешься вопросом, чем, собственно, она была вызвана? Разнообразием ли тематики, художественной ли силой статей, подачей ли материала или интересными сведениями о неизученном Кавказе? Вряд ли только это могло вызвать подобную реакцию Пушкина — судьи строгого и требовательного, тем более что в России в то время существовали журналы и газеты, выходившие по сравнительно широкой программе, с интересными познавательными статьями, хорошо технически оснащенные издания, где все сотрудники были профессиональными литераторами, и „Тифлисские ведомости" едва ли могли выгодно отличаться от них в этом плане. Одни же рассказы о Кавказе, как бы ценны и новы они ни были, тоже не могли вызвать этих слов Пушкина — единственная из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес» [298].

Ответ на этот вопрос поможет глубже осмыслить пушкинскую оценку «Тифлисских ведомостей», на которую исследователи предпочитают ссылаться, не объясняя ее. Так, отсутствие позитивной стороны деятельности газеты в отзыве М. А. Полиевктова создает впечатление, что либо автор не разделяет приводимой им пушкин-

---

[297] Из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г. — «Пушкин-критик», стр. 102.

[298] *Н. А. Махарадзе*. Первая русская газета на Кавказе. Рукопись канд. дисс., стр. 49. Разрядка автора.

ской оценки «Тифлисских ведомостей», либо противоречит ей. Во всяком случае, М. А. Полиевктов никак не мотивирует полной противоположности своего отзыва о «Тифлисских ведомостях» пушкинской оценке этой газеты. Почти то же самое следует сказать и в отношении Г. И. Бакрадзе, который вопреки пушкинской оценке первой русской газеты на Кавказе утверждает, что «Тбилисис уцкебани», «подобно своему подлиннику „Тифлисским ведомостям"... имели «первородный грех» — они не отражали жизни и интересов местного общества, не были общественным органом, были чужды общественности, поэтому и не могли хоть сколько-нибудь быть «коллективным организатором»» [299].

Вряд ли можно допустить, чтобы Пушкин в своем отзыве о «Тифлисских ведомостях» не учитывал официальной принадлежности газеты со всеми вытекавшими последствиями. Особый интерес к этому отзыву тем и обусловлен, что хронологически он как бы подытоживал деятельность газеты за все время ее существования, что поэт подчеркнул только положительные качества местного правительственного издания. Следовательно, официальная принадлежность «Тифлисских ведомостей» не помешала Пушкину определить газету явлением уникальным в тогдашней русской журналистике. Оценивая ее по существу, т. е. исходя из содержания, поэт заключил, что в отличие от некоего «общего лика» охранительной русской журналистики тифлисская газета имела «свое лицо», или, пользуясь его же определением, «свое влияние на порядок вещей» [300].

В «Тифлисских ведомостях» Пушкина могли привлекать не столько описания экзотической жизни и быта новых закавказских губерний, сколько публицистика, полемическая заостренность выступлений против наиболее откровенных представителей столичной охранительной журналистики. Кроме того, участие в «Тифлисских ведомостях» ссыльных «государственных преступников» и близких им по духу людей — совершенно исключительное в тогдашних условиях, — по многим причинам не могло быть равнодушно воспринято Пушкиным. Поэт учитывал и принципиальный характер полемики газеты по злободневным вопросам не только военной стратегии и тактики, но и по некоторым аспектам общественной жизни. Вспомним резко отрицательное отношение поэта к укоренившейся в тогдашней журналистской практике вульгарной перебранке. В письме к П. А. Вяземскому от 13—15 сентября 1825 г. Пушкин писал: «Заметил ли ты, что все наши журнальные антикритики основаны на с а м с ъ е ш ь? Булгарин говорит Федорову: Ты лжешь; Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: т ы н е в е ж д а. Полевой возражает Пинскому: т ы с а м н е в е ж д а. Один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! —

---

[299] *Г. И. Бакрадзе.* Материалы по истории грузинской периодики (1779—1832). Автореферат канд. дисс., стр. 18.

[300] *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V. М.—Л., 1936, стр. 341.

и все правы...»[301]. В другом месте поэт прямо отмечает, что «сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики»[302]. Отсутствие этой «пружины» в полемике «Тифлисских ведомостей» не могло не расцениваться Пушкиным как достоинство периодического издания.

Полемическая целеустремленность «Тифлисских ведомостей», направленная против представителей столичной охранительной журналистики, послужила Пушкину основанием рассматривать тифлисскую газету как «отголосок целой партии» его единомышленников в борьбе с булгаринщиной. Пусть «отголосок» этот в силу существовавших условий издания газеты был сравнительно приглушенным, но он существовал и служил передовым для своего времени людям, «известным сведениями и талантами».

Но вряд ли стоит на основании приведенных пушкинских оценок пытаться приписать тифлисской газете «антиправительственную направленность», «декабристскую оппозиционность», а также «ощутимое противуборствие» (видимо, по отношению к правительству), как это делает в своей диссертации Н. А. Махарадзе. Давая «Тифлисским ведомостям» столь завышенную оценку, Н. А. Махарадзе пытается оспаривать бесспорный, на наш взгляд, официальный характер этого издания.

Нам кажется, что позиция Н. Махарадзе, как и позиция других исследователей, с которыми она спорит, страдает определенной односторонностью. Тем досаднее, что чрезмерно прямолинейный метод взаимного исключения (о реакционном или передовом направлении газеты) совсем не способствует выявлению истины — действительного направления «Тифлисских ведомостей». На самом деле все обстоит гораздо сложнее. Изучение содержания газеты убедило нас в том, что ей в равной степени присущи как официальный характер, оправдывавшийся принадлежностью к разряду правительственных периодических изданий, так и стремление руководствоваться в своей деятельности интересами своих читателей; «неприкрытое» классовое пристрастие и тут же проявление симпатий к отдельным представителям «низов» (кстати, видимо, послужившее основанием для скоропалительного заключения о «демократических тенденциях» газеты); замалчивание жгучих проблем общественно-политической жизни тогдашней России и вместе с тем поддержка определенных передовых для того времени воззрений и открытая пропаганда дружбы русского и кавказских народов.

В двуплановости содержания «Тифлисских ведомостей» нашла отражение борьба «двух культур», неизбежно содержащихся в общенациональной культуре любого разделенного на классы общества. Русское общество первой трети XIX в., так же как и общественная жизнь Кавказа, переживали эту борьбу довольно остро. За каждой из этих «двух культур» стояли представители двух Россий: с одной

---

[301] «Пушкин-критик», стр. 87.
[302] Там же, стр. 213.

стороны, ее передовые силы с Пушкиным и декабристами во главе, а с другой — реакционеры разной масти от мракобеса А. С. Шишкова до Ф. В. Булгарина включительно. На Кавказе наряду с Грибоедовым и ссыльными декабристами передовые силы местного общества были представлены именами Додашвили, Абовяна, Бакиханова и других, тогда как противоположную сторону олицетворяла верхушка кавказской администрации и местное служилое дворянство, облагодетельствованное разными привилегиями. Любопытно, что оба эти лагеря были представлены в первой русской газете на Кавказе. Содержание газеты отразило ожесточенную борьбу «двух культур» и «двух Россий». То обстоятельство, что позиция «Тифлисских ведомостей» в этой борьбе не всегда была свободна от противоречий, часто была умеренно либеральной, имеет конкретное историческое объяснение и не заслоняет ее прогрессивных тенденций.

Борьба «двух культур» в общероссийском масштабе нашла отражение и в таком частном вопросе, как отношение к провинциальной газете «Тифлисские ведомости». Характерно, что русские журналисты-реакционеры противоположного Пушкину и декабристам лагеря, тоже положительно отзывались о тифлисской русской газете, и это обстоятельство лишний раз подтверждает необходимость двупланового рассмотрения содержания «Тифлисских ведомостей». Так, в пространной статье без подписи «Дух русских журналов. Письмо к издателю „Северной пчелы", „Сына Отечества" и „Северного архива"», опубликованной в № 13 и 14 «Сын Отечества» за 1829 г., содержится довольно обстоятельная оценка «Тифлисских ведомостей». Статья написана в форме диалога между «пожилым человеком» и «молодым человеком», олицетворявшими старое и молодое поколения России. В суждениях представителей двух поколений о современном состоянии русской периодической печати расхождения фактически отсутствуют. Их единодушие распространяется и на оценку «Тифлисских ведомостей». Приводим этот диалог:

«Пожилой человек: ...Любитель отечественного просвещения завещает своим потомкам благодарность нынешнему Министерству финансов за издание „Горного" и „Мануфактурного" журналов и „Коммерческой газеты", составляющих эпоху... в нашем ученом мире.

Молодой человек: Точно так же, как мы должны благодарить начальство Закавказских стран за издание „Тифлисских ведомостей".

Пожилой человек. Это прочный памятник любви к общему благу и просвещению графа Паскевича-Эриванского и покойного Н. М. Сипягина. Газета сия, издаваемая на русском, грузинском и персидском языках, приносит величайшую пользу, знакомя закавказские народы с Россиею и Россию с закавказскими областями, сохраняя для истории знаменитые подвиги наших соотечественников, обогащая статистику совершенно новыми сведениями и распространяя между новыми соотечественниками нашими уважение к рус-

ским, любовь к мудрому нашему правительству. „Тифлисские ведомости“ полезны и занимательны во всех отношениях, и издатели их заслуживают похвалу и благодарность за искусное составление оных, выбор статей и умение пользоваться любопытными материалами.

Молодой человек. Желательно только, чтобы типографская часть со временем улучшилась. Иногда не выходят буквы и оттого нельзя прочесть имен.

Пожилой человек. Рассудите, какая трудность в столь отдаленном краю иметь нужные материалы для усовершенствования книгопечатания! Но нет сомнения, что и это исправится, а между тем издание „Тифлисских ведомостей“ есть важное и приятное явление на горизонте нашего просвещения» [303].

В слащавом отзыве ставленников «журнального триумвирата» обращает на себя внимание одна деталь, намек на то, что в «Тифлисских ведомостях» нашли приют «государственные преступники» — ссыльные декабристы, анонимно публиковавшие материалы (замечание «Молодого человека» о том, что в тифлисской газете «иногда не выходят буквы и оттого нельзя прочесть имен»). Заметим, что статья предшествовала приезду Пушкина на Кавказ и аресту Сухорукова.

Из всего отмеченного выше следует заключить, что строго историческое рассмотрение содержания и практической деятельности первой русской газеты на Кавказе не дает основания для категорического утверждения о сугубо реакционном или исключительно передовом направлении периодического издания. Объективное мнение о направлении «Тифлисских ведомостей», как нам кажется, должно быть основано именно на совокупной оценке всех аспектов содержания и деятельности газеты.

Итак, «Тифлисские ведомости» являлись официозом кавказской администрации, в котором наряду с материалом, соответствующим профилю газеты, отразилось многое из того передового, чем характеризовался в России исследуемый нами период — первая треть XIX в. Подобное «сосуществование» было, пожалуй, единственной в то время возможностью в России поддержать периодическое издание, тяготевшее к прогрессивному, передовому направлению. В этой связи представляется не случайным обстоятельство, что «обуреваемый желанием задушить ненавистную монополию (Булгарина. — *Д. В.*), Пушкин не останавливается даже перед замыслом создать в противовес „Северной пчеле“ свою литературно-политическую газету, подчиненную в политической части правительственному направлению» [304]. К чести первой русской газеты на Кавказе следует подчеркнуть, что в единоборстве двух противоположных начал в ее

---

[303] «Сын Отечества», 1829, № 14, стр. 424—425.

[304] *Н. В. Богословский.* Обзор критических высказываний Пушкина. — «Пушкин-критик», стр. XXII. Такое намерение поэта оставшееся неосуществленным, отражено в первой записке, представленной в III Отделение (*А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч. (в шести томах), т. V, стр. 535—536).

содержании почти всегда брало верх прогрессивное начало. Наличие в газете передового авторского актива не позволило превратить «Тифлисские ведомости» в верноподданный официоз, в пассивный придаток правительственной политики на Кавказе. Газета смогла стать первым доброжелательным популяризатором древней истории и культуры кавказских народов, а также, вопреки утверждению Г. И. Бакрадзе, коллективным организатором плодотворных контактов передовых деятелей тогдашней России и Кавказа.

Как пишет Н. В. Богословский, «Пушкину так и не удалось „восстановить равновесие" в литературе и задушить Булгарина, но огромный общественный смысл этой борьбы не прошел бесследно — дело его по расправе с Фаддеем докончил Белинский» [305]. Перефразируя это высказывание, можно сказать, что огромная общественная деятельность первой русской газеты на Кавказе также не прошла бесследно. Дело по укреплению всесторонних связей между русским и кавказскими народами, начало которому в местной периодической русской печати было положено «Тифлисскими ведомостями», нашло своих продолжателей в лице многих передовых изданий последующего периода, выходивших на Кавказе как на русском, так и на национальных языках.

В истории русской журналистики «Тифлисским ведомостям» — периодическому изданию, довольно оригинальному для своего времени, с ярким, колоритным содержанием и прогрессивным направлением — должно быть отведено достойное место.

«Свое лицо» газеты

Реакционный характер правительственной политики в области печатного слова, заметно усилившийся после расправы правительства с декабристами, сказывался не только на пристрастности цензуры, но и, отчасти, в количественном росте официальной периодики в стране. Именно эту черту русской журналистики 30-х годов XIX в. имел в виду анонимный автор рукописной статьи «О журналистике в России», когда писал, что «подобными успехами периодическая литература вполне обязана правительству, без содействия или по крайней мере без соизволения которого ничто не может иметь хода в империи» [306].

Мы уже обращали внимание на тот факт, что в «Тифлисских ведомостях», выходивших в провинции, где «привыкли к безусловной покорности» [307], печатали статьи, очерки и стихотворения ссыльных декабристов. Известно также, что А. С. Пушкин, рассматривавший как парадокс возможность издания в то время действительно «евро-

---

[305] *Н. В. Богословский.* Обзор критических высказываний Пушкина. — «Пушкин-критик». М.—Л., 1934, стр. XXII.

[306] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1170, л. 2.

[307] Там же, л. 6.

пейского журнала в азиатской Москве»[308], обнаружил аналог подобного периодического печатного органа в провинциальной русской газете, выходившей в архиазиатском, по сравнению с Москвой, Кавказском крае. Положение «Тифлисских ведомостей», как местного официального издания, не дает еще основания рассматривать эту газету как разновидность губернских ведомостей. Такая попытка была предпринята М. К. Гоцадзе: «Наименование „Тифлисских ведомостей“ включало, с одной стороны, признак общепринятого тогда наименования — „ведомости“, с другой стороны, являлось носителем частного признака, указывавшего на то, что эти „ведомости“ выходили именно в Тбилиси, а не в каком-нибудь другом городе»[309]. Но дело в том, что «Тифлисские ведомости» с самого начала являлись изданием не городского или даже губернского масштаба, а значительно большего административного объединения — Кавказского края.

Самобытность «Тифлисских ведомостей», отмеченная А. С. Пушкиным, подразумевает, прежде всего, специфику газеты, т. е. то характерное, что было присуще содержанию и деятельности данной газеты. «Тифлисские ведомости» нельзя отождествить, например, с «Одесским вестником» или даже со столичным «Русским инвалидом», согласно правительственному предписанию являвшимися не только источником политической информации для тифлисской русской газеты, но и образцом, в соответствии с которым должен был составляться общекавказский официальный периодический печатный орган. Вот как, к примеру, составлялись в те годы «Санкт-Петербургские академические ведомости». Газета «наполняется почти исключительно перепечатками из других газет, русских и иностранных, без всякого выбора: такой-то генерал прибыл в такое-то местечко; в таком-то немецком городишке был пожар; там-то шел снег, а здесь не было грому, и т. п. В сих газетах вовсе не видно собственных оригинальных статей. Извещая нас о каждом прыщике, который вскочит на носу какого-нибудь Ангальт-Кешенского или Липпе-Дегамольдского, тайного гоф-референдария или его супруги, академические газеты пропускают важнейшие события нашего времени в России без внимания... Отчего это? Оттого, что для составления оригинальных статей должно мыслить и писать самим, а это дело излишнее, когда почта приносит готовые материалы: стоит отметить статьи в других газетах, и — нумер готов»[310].

Вопреки подобной практике составления официальных газет, «Тифлисские ведомости» сумели сохранить «свое лицо». Как уже отмечалось, одной из объективных предпосылок появления «Тифлисских ведомостей» стали войны 1826—1829 гг. Это событие не только ускорило создание первой русской газеты на Кавказе, но и предопределило ряд ее положительных специфических черт. Военная

---

308 Из письма А. С. Пушкина к М. Н. Погодину от 31 августа 1827 г. — «Пушкин-критик», стр. 146.

309 *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики (на груз. яз.), стр. 85.

310 «Сын Отечества», 1829, № 14, стр. 419—420.

обстановка несколько видоизменила предложенный порядок публикации в тифлисской газете политической информации. Официально «Тифлисские ведомости», как известно, имели право лишь перепечатывать политическую информацию из других правительственных периодических изданий (со ссылкой на источник, но без права комментировать ее). Однако конкретная ситуация, создавшаяся на Кавказе в связи с войной, оказалась сильнее правительственного указания: тифлисская русская газета в первых же своих номерах стала помещать не только комментированную политическую информацию о войне, но и довольно пространные оригинальные материалы, в которых отражала и свое отношение к военным событиям. «Тифлисские ведомости» сами превратились в первоисточник политических известий о русско-турецкой войне 1828—1829 гг., которым весьма усердно пользовалась тогдашняя русская периодическая печать. «Тифлисские ведомости» не утратили этого свойства и после окончания войны, продолжая оставаться одним из ценнейших русских первоисточников всевозможных сведений о Кавказе. Главнокомандующий на Кавказе бар. Г. В. Розен 2 декабря 1831 г. писал гр. Блудову: «Я считаю излишним знакомить вас с содержанием сего периодического издания, ибо оно, без сомнения, известно вам если не из подлинных „Тифлисских ведомостей", то по крайней мере из других газет и журналов, не перестававших с выхода сего издания в свет заимствовать занимательные статьи, помещаемые в оном, которые все оригинальны и относятся собственно до Закавказского края» [311].

Небезынтересно в связи с этим мнение самой редакции «Тифлисских ведомостей» о назначении периодической печати: «Периодическое издание есть, так сказать, печатный текущий разговор между издателями и читающею публикой. Всякая ошибка легко может быть исправлена, когда в том же самом издании прочтется и указание на оную. Посредством „Тифлисских ведомостей" мы поставили Россию в непосредственное печатное сношение с Кавказским и в особенности с Закавказским краем. Цель наша двоякая и состоит: во-первых, в доставлении здешним жителям сведений о происходящем в Европе и, во-вторых, в том, чтоб ознакомить наших соотечественников с сим краем, вообще в Европе столь мало известным» [312].

Весьма многозначительными в редакционном сообщении кажутся нам слова о том, что «всякая ошибка легко может быть исправлена, когда в том же самом издании прочтется и указание на оную». Отсутствие в «Тифлисских ведомостях» даже подобия попытки опровержения справедливого характера полемического выступления в газете В. Д. Сухорукова против И. Т. Радожицкого [313] (за что первый

[311] АКАК, т. VIII, док. 3, стр. 14.

[312] «Тифлисские ведомости», 25 декабря 1830 г., стр. 2.

[313] В «Тифлисских ведомостях» не было напечатано даже сообщение о том, что в № 153 и 154 «Северной пчелы» за 1829 г. И. Т. Радожицкий поместил свой «Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса».

понес столь суровое наказание) не равнозначно ли тому, что редакция «Тифлисских ведомостей» не расценивала данное выступление Сухорукова как ошибочное, что приведенная фраза выражала протест против несправедливого наказания коллеги, одного из руководителей газеты? Кроме того, заявление редакции, что одна из главных целей газеты заключается «в доставлении здешним жителям сведений о происходящем в Европе» для читателей того времени имело определенный смысл, ибо в Западной Европе бушевала революционная буря.

Редакция «Тифлисских ведомостей» небезосновательно рассматривала себя как наиболее компетентное учреждение, способное не только следить за литературой о Кавказе, в том числе за высказываниями об этом крае в тогдашней русской периодической печати, но и оценивать ее достоинства или недостатки. Такое мнение о своем назначении редакция газеты не изменила и после ареста В. Д. Сухорукова. Будучи взыскательной к своим ошибкам, прокрадывавшимся иногда на страницы газеты при освещении особенностей местной жизни, редакция «Тифлисских ведомостей» опровергала досужие измышления о крае со стороны некоторых представителей столичной периодической печати. Полемике на страницах «Тифлисских ведомостей» были присущи патриотизм, любовь к истине. В этом нетрудно распознать начало, восходящее к Грибоедову и Пушкину, к декабристам. Сопоставим высказывания двух великих писателей с соответствующими местами из «Тифлисских ведомостей». Вот, как мы уже знаем, рассуждал А. С. Грибоедов о случаях проникновения на страницы русской периодической печати непроверенных сообщений, грозивших иногда осложнениями международного характера: «Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с ней восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может» [314].

В этом же духе толковал о патриотическом долге и ответственности перед журналистикой, в том числе и зарубежной, Пушкин: «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда... Русский барин кричит: Мальчик! Забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе. Это мерзко» [315].

Ссыльные декабристы так трактовали вопрос о точности информации в «Тифлисских ведомостях». И. Г. Бурцов, резко критиковавший искаженное сообщение «Русского инвалида» о батарее, «заложенной» для прикрытия осадных работ при взятии Ахалцихе, писал:

---

[314] *Грибоедов.* Сочинения. Л., 1940, стр. 399.
[315] «Пушкин-критик», стр. 102.

«Батарея сия была заложена не в 1000, но в 400 саженях. Ошибка сия немаловажна, внимание Европы обращено на нынешнюю войну, и кто из военных людей не будет поражен, узнав, что русские начинают осаду крепости за 1000 сажен, — с отдаления, до которого едва долетают ядра; кто из них не подивится столь предосудительной осторожности. .?[316] Последствия нарушения истины в печати в том же духе толковал и В. Д. Сухоруков: «Иностранные газетчики рады будут схватиться за сие, чтобы написать какой-нибудь нарядный вздор на наш счет и, почему знать, может быть, найдется другой Манье, который станет публично проповедовать неверие к нашим известиям»[317].

Совпадение точек зрения Грибоедова, Пушкина и тифлисской газеты не случайно. Это была общая позиция передовых представителей новой России. Истинно патриотическими представляются нам полемические выступления «Тифлисских ведомостей», в которых дается отпор попыткам исказить историю и культуру отдельных кавказских народов, представить в ложном свете их обычаи и современный быт. Подобные полемические статьи, принадлежавшие, как правило, русским авторам газеты, мы склонны квалифицировать как патриотические.

В поле зрения тифлисской русской газеты в качестве объектов всестороннего изучения находились не только Грузия и Армения, но и Азербайджан, Персия, Турция и почти весь конгломерат народностей Северного Кавказа, включая закубанцев. Обширная география познавательных интересов «Тифлисских ведомостей», конечно, не может быть отнесена лишь за счет предприимчивости редакции газеты. В данном случае ее стремление к расширению географических пределов своей просветительской программы не шло вразрез с официальной установкой правительства, заинтересованного, как отмечал М. А. Полиевктов, в заполучении всевозможных данных о народах и странах Кавказа и Ближнего Востока.

Одним из наиболее существенных недостатков первой русской газеты на Кавказе мы считаем явную ограниченность социальной проблематики. Разумеется, требовать от газеты открытого обсуждения вопроса о крепостном праве было бы неправомерным. В «Тифлисских ведомостях» отсутствовали даже упоминания о плачевном положении крепостного крестьянства в стране и в самой Грузии, где наблюдалась массовая купля-продажа дворовых и крепостных крестьян[318]. Можно допустить, что порой и делались какие-то по-

---

[316] «Тифлисские ведомости», 16 октября 1828 г., стр. 4.

[317] «Тифлисские ведомости», 10 октября 1829 г., стр. 3—4.

[318] Приводимые ниже архивные сведения относятся к 20—30-м годам прошлого века: «У комиссионера 9-го класса Петухова бежала дворовая девка Клеопатра Семенова 40 лет, купленная у вдовы надв[орного] сов[етника] Санковского (редактора „Тифлисских ведомостей“. — *Д. В.*)». «У вдовствующей лекарши Марии Семеновны Случевской бежала крепостная девка Марфа Иванова с ребенком. Просила, по разыскании, наказать при полиции и возвратить. Эта вдовствующая лекарша не умела подписать своей фамилии» (Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 32, стр. 6, 12).

пытки со стороны редакции «Тифлисских ведомостей»; известно, например, что в 1830 г. три десятка с лишним номеров газеты не увидело света.

Строгостями ли цензуры или официозным характером содержания «Тифлисских ведомостей» следует объяснить отсутствие в газете даже упоминания о таких значительных событиях, как крупные народные восстания не только во многих местах Закавказья, но и в самом Тифлисе в связи с многократными наборами национальных ополчений в 1829 г. Газета не обмолвилась ни словом о дезертирстве из войск Отдельного кавказского корпуса [319], образовании в тылу русских войск после оставления Карса многочисленных «толп турецких партизанов» [320], мародерстве, грабеже скота солдатами корпуса во вновь отвоеванном у турок Ахалцихском пашалыке [321]. В газете не получил осуждения тот факт, что «лихоимство водворилось в Грузии» [322], что повсюду в крае имели место «упущения, беспорядки, всякого рода притеснения, мирным преданным жителям делаемые» [323]. Социально-политическая индифферентность была характерна и для национальных вариантов «Тифлисских ведомостей». Есть полное основание упрекнуть «Тифлисские ведомости» и в чрезмерной классовой пристрастности. Признак этот, в той или иной степени присущий почти всем повременным изданиям тогдашней России, тем более официальным, сказывался, прежде всего, в материале на военную тематику.

Служебное назначение «Тифлисских ведомостей» способствовало однобокости содержания, сориентированного не столько на местного читателя, сколько на российских «пренумерантов». Газета освещала преимущественно кавказскую историю и быт, не всегда учитывая вкусы местных читателей, заинтересованных прежде всего в обстоятельной информации познавательного характера о России и западноевропейских странах. Газета недостаточно справлялась с просветительской функцией по отношению к коренному населению Кавказского края. Однако, несмотря на недостатки, «Тифлисские ведомости» выделялись в тогдашней русской журналистике, что и было отмечено Пушкиным. Классовая ограниченность и некоторые другие свойства официоза не наложили на газету позорного клейма раболепия, столь характерного для официальной периодики николаевского режима. Положительные качества первой русской газеты на Кавказе дают основание квалифицировать ее направление в целом как прогрессивное.

---

[319] ЦГВИА, ф. 90, д. 21, л. 1.
[320] *Грибоедов*. Сочинения. Л., 1940, стр. 564.
[321] ЦГВИА, ф. 90, д. 21, л. 3.
[322] Там же, ф. ВУА, д. 915, л. 44.
[323] Там же, л. 35.

Глава VI

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ «ТИФЛИССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» И АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Содержание первой русской газеты на Кавказе многогранно. Охватывая разные стороны общественно-политической, экономической и культурной жизни кавказских народов на протяжении преимущественно первой трети прошлого века, «Тифлисские ведомости» представляют собой исторический документ, один из первоисточников общей истории народов Кавказа, а также русско-кавказских отношений. Мы видели, что этот документ не лишен тенденциозности, подчас пристрастного с позиций привилегированных классов объяснения многих современных ему событий. Однако по ценности содержащихся в нем сведений он не уступает, а иногда даже и превосходит иные архивные данные. Задача исследователя содержания первой русской газеты на Кавказе в том и состоит, чтобы отличить пристрастное от беспристрастного, достоверное от сомнительного. Он не может не воздать должного газете за сохранение для потомства весьма интересных, в некоторых случаях уникальных сведений о жизни на Кавказе в бурные годы первых трех десятилетий XIX в.

В данной главе будет дана общая характеристика содержания «Тифлисских ведомостей», подкрепляющая наше мнение о сосуществовании в газете прогрессивного направления при официозной принадлежности издания. В связи с этим нам представляется оправданным и в этой главе делать акцент на полемической заостренности содержания газеты как специфическом признаке, отличавшем ее от современных ей официальных периодических изданий. Кроме того, нам представляется необходимым подробное исследование значительной части материалов на военную тематику, где наиболее наглядно проявилась классовая ограниченность редакции «Тифлисских ведомостей». Между тем газета содержит весьма ценные фактические сведения по истории русско-грузинского боевого содружества. Если литературные страницы «Тифлисских ведомостей» подверглись изучению в кандидатской диссертации Н. А. Махарадзе «Первая русская газета на Кавказе» (1968 г.), а публикации на историко-этнографические, экономические и другие темы тоже

получили частичную разработку у других исследователей, то материалы на военную тематику, в том числе военная публицистика «Тифлисских ведомостей», в которой, в частности, до статистических подробностей отразились события на так называемом Азиатском театре русско-турецкой войны 1828—1829 гг., еще не изучены. Несмотря на классовый подход к истолкованию событий, как мы видели, закономерный для официального периодического издания того времени, «Тифлисские ведомости» являются одним из основных источников достоверных сведений о войне, в которой наглядно сказалась незыблемость военно-политического союза русского и закавказских народов.

Из обилия материалов на военную тематику, содержащих не только политическую оценку положения в Закавказье и, отчасти на Ближнем Востоке, в период Кавказской войны 1826—1829 гг., но и характеризующих основные этапы русско-грузинского боевого содружества в первой трети XIX в., мы выделили характерные публикации «Тифлисских ведомостей», дающие наиболее правильное представление о военном материале газеты в целом. Аналогичным методом мы пользовались и при общей оценке содержания «Тифлисских ведомостей», когда в качестве наиболее характерных и важных аспектов проблематики газеты, наряду с политикой, наметились такие вопросы, как история, быт и нравы народов Кавказа, экономика, наука и просвещение. В результате ознакомления с проблемами, в своеобразной манере и порой смело обсуждавшимися первой русской газетой на Кавказе, можно составить представление о содержании газеты в целом.

Структура и типология газеты

В почти четырехлетней деятельности первой русской газеты на Кавказе выделяются два периода: с июля 1828 г. по октябрь 1829 г. — период русско-турецкой войны и с октября 1829 г. до прекращения издания газеты в 1832 г.

Вполне естественно, что в первый период деятельности «Тифлисских ведомостей» их содержание сильно насыщено военной проблематикой в рубриках: «Внутренние известия», «Высочайшие приказы», «Указы», «Повеления»; отдельно выходили также «Прибавления к „Тифлисским ведомостям“». Неофициальный отдел газеты (рубрики «Современная история», «Корреспонденция» и «Путешествия») в основном составляли военные мемуары, записки, письма, дневники, принадлежавшие главным образом офицерам Отдельного Кавказского корпуса.

Другая разновидность неофициальных материалов газеты данного периода также была непосредственно увязана с военной тематикой. Так, в связи с занятием русскими войсками областей, ранее принадлежавших Персии и Турции, в «Тифлисских ведомостях» было помещено значительное количество статей на экономические темы:

«О доходах Аддербиджанской области», «Описание Карского пашалыка», «О доходах Карского пашалыка», «О мореходных способах Каспийского моря» и др. Эти статьи показывали, какие выгоды, в том числе экономические, можно извлечь из присоединенных областей. Поскольку военная проблематика газеты сравнительно подробно рассматривается в отдельном разделе данной главы, мы остановимся на общем обзоре материала невоенного содержания, наиболее значительная часть которого относится ко второму, послевоенному периоду издания «Тифлисских ведомостей».

В «Прибавлении» к № 41 газеты за 1829 г. редакция известила читателей о том, что 2 октября между Россией и Оттоманской Портой был заключен Адрианопольский мирный договор. Это сообщение, однако, не изменило содержания «Тифлисских ведомостей» — первые послевоенные номера газеты мало чем отличались от предыдущих; в них продолжали помещаться царские указы о награждении отличившихся в войне офицеров и «нижних чинов», о возвращении в Россию некоторых войсковых соединений, принявших участие в персидской и турецкой кампаниях, о празднествах по случаю окончания войны. Но постепенно военная тематика стала уступать место гражданской. Появление и безраздельное утверждение последней в «Тифлисских ведомостях» было продиктовано необходимостью способствовать упорядочению и переустройству гражданского управления Закавказским краем, который едва ли не с самого начала прошлого века превратился в поприще беззаконий и произвола, чинимых представителями русской администрации на местах. Между тем в реализации этой назревшей объективной необходимости «Тифлисские ведомости» могли претендовать в лучшем случае на роль информатора, но отнюдь не комментатора правительственных мероприятий. Характерен следующий факт: информационная заметка о том, что сенаторы П. И. Кутайсов и Е. И. Мечников, прибывшие в Тифлис в конце 1829 г. для «обревизования Закавказского края», приступили к работе, назначив приемными днями для посетителей вторник и пятницу, была опубликована как «Объявление от правительства», и без каких-либо комментариев [1]. Не удивительно, что о результатах ревизии можно узнать только лишь из соответствующих архивных документов.

Несмотря на ограниченные возможности «Тифлисских ведомостей» по части открытого обсуждения на их страницах многих общественно значимых вопросов, редакция стремилась изыскать новые формы более частого общения с читателями. В «Объявлении», помещенном в № 38 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г., редакция извещала читателей о своем намерении выпускать газету с будущего, 1830 г., два раза в неделю, так как подписчики в Кавказском крае стали жаловаться на недостаточное количество в «Тифлисских ведомостях» внешней информации, а читатели в России, естественно, желали видеть в тифлисской газете больше сведений о Гру-

[1] См. «Тифлисские ведомости», 27 декабря 1829 г., стр. 4.

зии и Кавказе в целом. Редакция попыталась примирить интересы своих кавказских и российских подписчиков, приняв следующее решение: первый лист газеты будет выходить по четвергам, в день отправления экстра-почты в Россию, а второй — «сутками после прибытия из России экстра-почты. Сей последний лист будет включать преимущественно указы, приказы, и новости, получаемые из Европы»[2]. Редакция выражала уверенность, что «сим способом откроется средство и к удовлетворению своевременно любопытства здешних жителей, и к пополнению первого листа... статьями о здешнем крае»[3].

Получилось, однако, так, что уже с № 47 за 1829 г. газета начала выходить два раза в неделю. В «Объявлении» по этому поводу, напечатанном в том же номере, «Комитет издания „Тифлисских ведомостей"» сообщал: «Желая доставить и теперь читателям более разнообразных сведений, Комитет будет и остальные полтора месяца нынешнего года выдавать в одном номере по два листа в таком виде, как выходит сей нумер»[4].

В первом листе обычно помещались разделы: «Указы», «Внутренние известия», «Литературная смесь». Во втором листе под рубриками: «Разные известия», «Новости заграничные» и «Внутренние известия» публиковались материалы, перепечатанные из «Одесского вестника», «Северной пчелы», «Коммерческой газеты», «Санкт-Петербургских ведомостей» и других газет. Таким образом, «Новости заграничные» и «Разные известия» перешли во второй лист газеты, причем информация под этими рубриками приобрела разнообразный характер не только по тематике, но и по своей географии. Существенно изменилась и рубрика «Внутренние известия». В предыдущих номерах в этом разделе газеты, помимо местной информации, печатались сообщения из Петербурга, Москвы, Одессы и других городов. С № 47 за 1829 г. местная информация под этой рубрикой помещалась в первом листе, а по России — во втором листе и тоже под рубрикой «Внутренние известия».

Однако несмотря на столь существенную перекройку содержания, «Тифлисские ведомости» и в новом виде не удовлетворили ни читателей, ни издателей. Первый лист газеты утратил отделы «Новости заграничные» и «Разные известия», а увеличение их до размеров целого номера, т. е. превращение дополнительного листа в свод официальных сообщений, разбавленных занимательной информацией, не меняло дела. Появившиеся в газете новые рубрики «Метеорология», «Ученые известия» и «Промышленность» дробили единство тематики. Редакция сознавала этот изъян. Перелистав три последних номера «Тифлисских ведомостей» за 1829 г., можно заметить, что дополнительный лист газеты постепенно приобретает самостоятельное значение за счет помещения материалов местного характера.

---

[2] «Тифлисские ведомости», 20 сентября 1829 г., стр. 4.
[3] Там же.
[4] «Тифлисские ведомости», 22 ноября 1829 г., стр. 4.

Если первые месяцы мирного времени в 1829 г. явились периодом экспериментирования по новому плану редакции «Тифлисских ведомостей», то в 1830 г. двухразовый (в неделю) выход газеты с вполне равноценными, самостоятельными номерами окончательно стабилизировался. Газета приобрела и более респектабельный внешний облик, прежде всего за счет улучшения шрифтового хозяйства и подачи материала. Вообще, 1830 г. в истории «Тифлисских ведомостей» является одним из самых интересных и, пожалуй, наиболее плодотворным. Содержание газеты насыщено великолепными материалами по истории, литературе, науке, путевыми очерками Д. Е. Зубарева, «Письмами из Осетии» Г. С. Гордеева. Социальная тематика несколько острее, чем за предыдущий год. Этому, возможно, способствовала и обстановка в Европе: революция во Франции, заговор карбонариев в Риме, восстания в Голландии, Германии, Португалии. В ноябре 1830 г. вспыхнуло польское восстание, цесаревич Александр вынужден был просить военной помощи у Николая I, временным военным губернатором Царства Польского был назначен царский адъютант Потемкин. В связи с эпидемией чумы в Севастополе вспыхнул «бунт». Неспокойно было и в Грузии: назревало народное недовольство правлением царской администрации на Кавказе.

Усиление в то время цензурных гонений на печать самым непосредственным образом отразилось на содержании первой русской газеты на Кавказе: именно в 1830 г., как мы уже знаем, не вышло в свет 33 номера «Тифлисских ведомостей» из положенных 104. В «Объявлении», помещенном в № 84 газеты, редакция принесла свои извинения читателям за невышедшие 25 номеров газеты (с № 6 по № 25 и с № 29 по № 47): «По причинам, коих никак нельзя было ни предвидеть, ни отвратить, издатели лишились материалов, заготовленных на четыре месяца впредь и в то самое время, когда они приступили к пополнению происшедшего недостатка, открывшаяся в Тифлисе холера соделала новую остановку в издании... Благосклонные читатели извинят нас в упущении, в коем мы соделались виновными по неволе и неожиданности» [5].

Вопреки вынужденному пассивному отношению к политическим проблемам современности, «Тифлисские ведомости» стремились по возможности разнообразить свое содержание, способствуя тем самым расширению кругозора своих читателей. В газете за 1830 г. появились новые рубрики: «Торговые известия», «Библиография», «Изящная словесность», «Грузинская история», «Материалы для истории подвигов русских за Кавказом» и др. Некоторые из них заменили собой старые рубрики («Характеристика русских войск», «Промышленность» и др.), а в отдельных случаях изменился порядок их размещения в газете. Так, рубрика «Разные известия» потеряла самостоятельность и стала печататься в качестве подрубрики к «Новостям заграничным». Случилось это, по всей вероятности, по-

[5] «Тифлисские ведомости», 18 октября 1830 г., стр. 1.

тому, что материалы, шедшие под рубрикой «Разные известия», копировали информацию из «Новостей заграничных».

Коренным образом изменилась и рубрика «Смесь». В 1829 г. она появлялась редко; в ней публиковалась занимательная информация, местная или иностранная, и единственный раз — военный анекдот. В 1830 г. «Смесь» появляется из номера в номер. Вначале под ней печатается зарубежная информация, а с № 73 регулярно помещается подборка из нескольких материалов: самостоятельная заметка, стихи, хроника текущих событий, «Библиография». Таким образом, функции рубрики «Смесь» в «Тифлисских ведомостях» значительно расширились, перешагнув за рамки ее традиционного назначения в русских периодических изданиях. К прежним формам подачи материала вернулась газета в рубрике «Внутренние известия». В последних номерах за 1829 г. местная информация публиковалась в основном номере, информация по России — в дополнительном. В 1830 г. и местная, и российская информация печатаются в одном из номеров под рубрикой «Внутренние известия».

Как уже отмечалось, в 1830 г. заметно изменилось и внешнее оформление газеты. Кроме ранее использовавшихся шрифтов (петита и корпуса), с № 28 в газете начали употреблять нонпарель и разновидности курсива. Сочетание названных шрифтов при наборе материалов сделало газету более нарядной. Привлекательности способствовало и изменение верстки «Тифлисских ведомостей»: прежде весь номер верстался из 8 колонок (столбцов), одинаковых по высоте и ширине. Это была так называемая постоянная по вертикали верстка. Начиная с № 28 за 1830 г. в газете применяют и горизонтальную верстку. Это чаще всего «Смесь», разверстанная на 2, 4, 6 или 8 колонок, идущих «подвалом».

Заслуживает внимания выпуск 11 номеров «Прибавлений к „Тифлисским ведомостям“» за 1830 г. Выход в свет 23 октября первого номера этого почти самостоятельного и оригинального для того времени издания редакция пояснила следующим образом: «Экстра-почта, приходя ныне весьма поздно и в такие дни, которые оставляют большие промежутки между днями выхода „Тифлисских ведомостей“, издатели решились выдавать особые прибавления, заключающие высочайшие приказы, указы и важнейшие известия: оных выпущен уже № 1. Таковые „Прибавления“ выходят и рассылаются по городу на другой же день по получении экстра-почты» [6]. Это, несомненно, была уловка редакции, испытывавшей материальные затруднения по изданию «Тифлисских ведомостей» и стремившейся посредством «Прибавлений» хоть сколько-нибудь увеличить свои доходы. Отсюда и чрезмерная предупредительность, которую она проявляла в отношении повсеместного и беспрепятственного распространения «Прибавлений» в Кавказском крае: «Издатели покорнейше просят господ подписчиков, если бы случилась какая-нибудь неисправность в раздаче своевременно сих прибавлений, да-

[6] «Тифлисские ведомости», 1 ноября 1830 г., стр. 4.

вать знать о том в Издательный комитет, дабы тотчас могли быть приняты меры к предупреждению на будущее время всякой остановки»[7].

Редакция «Тифлисских ведомостей», как видно, небезосновательно рассчитывала на помощь местных властей в деле организованного распространения «Прибавлений», содержание которых призвано было отражать интересы правительства в крае. Первоначально предполагалось даже, что в «Прибавлениях» будут публиковаться материалы следующего рода: «1-е. Вызов правительствующим Сенатом тяжущихся к выслушиванию решений и рукоприкладства под экстракты по делам, поступившим из здешних присутственных мест. 2-е. Вызов желающих взять отдаваемые Верховного грузинского правительства Казенною экспедициею разные откупные и оброчные статьи. 3-е. Объявления о продаваемых с публичного торга имениях и о наложении и снятии запрещений. 4-е. Частные лица могут также присылать для припечатывания в сих ведомостях объявления о продаваемых собственных недвижимых имениях, с препровождением надлежащего свидетельства, что на оные запрещения не числится»[8]. Но содержание «Прибавлений» перешагнуло за предполагавшиеся регламентации, отразив в себе многие характерные черты тогдашней кавказской жизни. М. К. Гоцадзе справедливо отмечает ценность сведений, помещаемых в «Прибавлениях к „Тифлисским ведомостям“»: «В настоящее время их значение более важно, чем отдельных номеров самой газеты. Если в последних... публиковались такие официальные известия, которые легко можно обнаружить и в других газетах, то большинство помещенных в „Прибавлениях“ сведений касались в основном грузинской действительности, причем некоторые из них не имеют другого источника»[9].

Действительно, когда «Тифлисские ведомости» перестали выходить в 1830 г. на № 96 (от 29 ноября), то на целый месяц — до наступления нового года — функции газеты взяло на себя «Прибавление к „Тифлисским ведомостям“». И если первые их номера, помимо официальных материалов, содержали лишь рубрику «О холере», свирепствовавшей тогда на Ближнем Востоке, на Кавказе и в России, то шесть декабрьских номеров «Прибавления» наряду с официальными отделами включали также рубрики «Библиографические известия» и «Объявления», начиненные разнообразной информацией, в том числе сообщением о выходе в свет журналов «Телескоп» и «Молва». Тем не менее неофициальный отдел в «Прибавлениях» по сравнению с основным содержанием «Тифлисских ведомостей» был сведен до минимума.

Подмена основного издания тифлисской газеты «Прибавлениями» таила в себе признаки перелома в деятельности «Тифлисских ведомостей», которая до этого развивалась по восходящей линии. В са-

[7] Там же.

[8] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3823, стр. 4.

[9] *М. К. Гоцадзе.* История грузинской журналистики (на груз. яз.). Тбилиси, 1954, стр. 91.

мом деле, последующий период издания газеты характеризовался резким спадом, который довольно четко обозначился с начала 1831 г. Видимо, редакции трудно было выдержать темп, который она взяла в 1830 г., двухразовый в неделю выход «Тифлисских ведомостей» требовал максимального напряжения всех ее сил и соответствующего финансового обеспечения. Между тем материальная недостаточность, неоднократно проявлявшаяся и ранее, а также цензурный гнет, с особой силой сказавшийся в конце 1830 г., предопределили постепенное преобразование тифлисской правительственной газеты в подобие официального журнала.

В январе 1831 г. вышли в срок все восемь номеров «Тифлисских ведомостей», если не считать объединенных 6-го и 7-го номеров. Начиная с февраля (с № 9) газета стала выходить строенными номерами (каждый строенный газетный номер был равен журнальному, заключая в себе 24 страницы. Таким был объем каждого номера «Тифлисских ведомостей» и в 1832 г.) и с большими перебоями в издании. Так, в феврале вышло 3 номера (т. е. один строенный № 9-11), с февраля по июнь газета вообще не выходила, в июне и июле вышло по 6 номеров, за август нет ни одного номера, а в сентябре, октябре и ноябре вышло по три номера. В декабре по примеру предшествовавшего года несколько номеров «Прибавлений к „Тифлисским ведомостям“» заменили основное содержание газеты, из которых лишь № 26, датированный 10 декабря, целиком состоял из местной информации.

Уменьшился формат «Тифлисских ведомостей», газета стала выходить уже не на 4, а на 8 страницах. В «Объявлении», помещенном в № 1 за 1831 г., редакция так объясняла перемену формата газеты: «Отступление сие произошло от неполучения, но причине холеры, выписанной Комитетом из России коментарной бумаги» [10]. Редакция умалчивала о более веских причинах, заверяя читателей, что газета от перемены формата нисколько не пострадает, наоборот, даже выиграет, «ибо нумер вместо одного большого листа заключает в себе два меньшего формата и статьи, помещаемые в оном, собственно, относятся до Кавказских стран» [11]. Другой особенностью «Тифлисских ведомостей» за этот год явилось то, что газета стала вообще печататься журнальным шрифтом, который был крупнее газетного, и в большей степени использовался «воздух».

Помимо внешних признаков постепенного превращения газеты в журнал, заметны и внутренние: значительно возросло число литературных материалов, сами они стали «журнальными», объемистыми. Постоянными становятся рубрики: «Изящная словесность», «Статистика», «Корреспонденция» и «Смесь». Рубрика «Внутренние известия» появилась только в пяти номерах (№ 1, 2, 3, 6, 27), а рубрика «Новости заграничные» вовсе исчезла.

---

[10] «Тифлисские ведомости», 3 января 1831 г., стр. 8.

[11] Там же.

В последнем номере «Тифлисских ведомостей» за 1831 г. было помещено объявление «Об издании „Тифлисских ведомостей“ в 1832 году», в котором сообщалось, что газета будет выходить еженедельно и состоять из следующих отделов: 1) высочайшие приказы по Отдельному Кавказскому корпусу; 2) высочайшие указы по Закавказью, Кавказской области и Черномории; 3) распоряжения начальства и правительственных мест; 4) внутренние известия; 5) новости заграничные; 6) смесь; 7) объявления, казенные и частные. В объявлении далее было сказано: «Статьи литературные, статистические и прочие, относящиеся собственно до Кавказского края, которые обыкновенно помещаются в „Тифлисских ведомостях“, будут выходить особым отделением под заглавием: «„Тифлисские ведомости“, Отделение литературное». Оно будет выходить два раза в месяц «в тетрадях точно таких и такого содержания, как те, которые составляют ныне из трех нумеров» [12].

Более подробные сведения об издании «Отделения литературного» содержались в объявлении, помещенном в № 1 газеты за 1832 г. Здесь, в частности, перечислялись отделы — словесность, статистика, история, критика и смесь, из которых должно было состоять «автономизированное» литературное приложение «Тифлисских ведомостей», фактически уже с № 1 явившееся в качестве самостоятельного, главным образом литературно-художественного журнала. Здесь же сообщалось, что редакция вынуждена была повысить цену на «Отделение литературное» для тех подписчиков, которые еще не успели подписаться на него, так как прежняя цена была «столь умеренною, что едва представляется возможность оною извороtиться» [13].

Журнал «„Тифлисские ведомости“. Отделение литературное» выходил с 1832 г. исправно, два раза в месяц, а обещанное «газетное отделение» не появлялось. В № 4 «Отделения литературного» было напечатано редакционное объявление, в котором говорилось, что любая статья, присланная для опубликования в журнале, «будет принята с признательностью», но при условии невозвращения рукописей. Здесь же отмечалось, что «также будут с удовольствием приняты всякого рода известия о достойных внимания событиях, случившихся в Кавказском крае. Таковые статьи будут помещены в газетном отделении „Тифлисских ведомостей“ и войдут в состав первого нумера, имеющего выйти по получении оных» [14].

Но первый номер газеты так и не вышел. Здесь, видимо, сказались, с одной стороны, материальные трудности, с которыми столкнулась редакция, а с другой стороны, постоянная напряженность в редакции в связи с цензурными рогатками. Все это препятствовало организации материала, достаточного для двух «отделений»

---

[12] «Тифлисские ведомости», ноябрь 1831 г. (№ 30-32), стр. 20 (256). Число и даже месяц в данном номере газеты отсутствуют, но в конце, как обычно, выставлена виза цензуры, датированная «14 ноября 1831 г.».

[13] «Тифлисские ведомости», январь 1832 г. (№ 1), стр. 24.

[14] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г. (№ 4), стр. 24 (96).

газеты. В силу этих же причин прекратилось впоследствии издание и собственно «Отделения литературного», выходившего со значительным нарушением регулярности (мартовские номера (№ 5 и 6), объединенные в один номер, вышли в июне 1832 г.).

Освещение истории, быта и нравов народов Кавказа

«Кавказские горы с обоих концов примыкают к Черному и Каспийскому морям и отделяют Грузию от Кабарды и Кавказской области. В кремнистой и неприступной их утробе, среди дикой свободы, обитают различные воинственные племена и поколения народов, отличающихся между собою языком, одеянием, обычаями, противоположностями в душевных свойствах и нравах, условными постановлениями и обрядами веры»[15]. Этот отрывок мы привели из популярного для «Тифлисских ведомостей» жанра этнографического очерка. В нем сконцентрировано стремление редакции как бы оглядывать весь Кавказ в целом в ответ на заинтересованность читателей. Сам факт издания «Тифлисских ведомостей» в столь отдаленной от центров России местности, о которой русский читатель жаждал получить по возможности всестороннюю информацию, способствовал превращению газеты в подобие свода историко-познавательных сведений о Кавказе и его многонациональном населении. Кроме того, повышенный интерес к историческому прошлому, нравам и обычаям населения Кавказа был обусловлен, как нам кажется, не столько наличием в программе газеты соответствующих разделов, прямо обязывавших ее к этому, сколько искренним стремлением редакции способствовать лучшему взаимопониманию, зарождению и укреплению дружеского расположения между русским и кавказским народами. Первая русская газета на Кавказе весьма преуспела в этом направлении, вопреки своему официальному назначению.

Материалы по истории и быту народов Кавказа помещались в газете в первый же период ее деятельности, условно названный нами военным, а в дальнейшем редакция как бы расширила границы познавательных интересов, во все более значительном объеме привлекая в газету этнографический, историко-географический и другой краеведческий материал, имевший, по словам газеты, «цену местности». Любопытно, однако, заметить, что понятие «местное» у редакции иногда выходило за пределы Кавказа, охватывая и определенную часть территории Ближнего Востока. Наряду с обстоятельными данными по истории, этнографии, археологии и нумизматике, иллюстрировавшими прошлое и современное состояние собственно кавказских народов, в газете можно было встретить разнообразные сведения и о представителях населения сопредельных стран — персах, турках, курдах, езидах, лазах.

---

[15] «Тифлисские ведомости», 8 марта 1830 г., стр. 2.

Подобный материал чаще и обширнее стал появляться в «Тифлисских ведомостях» по истечении первого полугодия издания газеты, когда на ее страницах обрели право гражданства постоянные рубрики: «История», «Современная история», «Этнография», «Этнология» и др. Достаточно сказать, что в первых двадцати номерах газеты за 1829 г. мы насчитали девять публикаций по этим проблемам. Некоторые из них отражают интерес читателей «Тифлисских ведомостей» к истории, особенностям быта армян и грузин, которые на протяжении нескольких веков являлись объектом ассимиляторской политики персидско-турецких завоевателей и лишь недавно были освобождены от их гнета русскими войсками (см. «Письма из Армении», «Записки о некоторых местах Закавказского края и Персии», «Письма к другу» и др.). К чести редакции «Тифлисских ведомостей» следует отметить, что при освещении истории и описании веками складывавшихся традиций, обычаев и нравов многонационального местного населения ее позиция была в основном благожелательна и уважительна не только по отношению к народам, присоединившимся к Российской империи, но и к тем народам и государствам, с которыми Россия имела тогда напряженные политические отношения либо находилась в состоянии войны.

Обращает на себя внимание отчетливая тенденция редакции «Тифлисских ведомостей» к сплочению закавказского населения перед опасностью персидско-турецкой агрессии, укреплению добрососедских отношений и дружеского расположения к русским войскам — защитникам его политических интересов. Так, не вызывает сомнения, что опубликование в «Тифлисских ведомостях» уже упоминавшейся статьи проф. Ш. Джрпета (Сирбиета, Чирбета) «О вере древних армян» (№ 10, 13, 14, 1829 г.) было продиктовано тем, что в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 гг. многие области Турецкой Армении отошли к России. Установлению добрососедских отношений между Грузией и Арменией в пределах Российской империи должна была способствовать, по мнению проф. Джрпета, единая христианская вера.

Не случайной, видимо, в этом отношении была и публикация в «Тифлисских ведомостях» статьи «О лазах и о крепости Петра, построенной римлянами на восточном берегу Черного моря» (№ 9, 1829 г.). Она была напечатана под рубрикой «Корреспонденция и история» в самый разгар русско-турецкой войны. В статье речь шла о происхождении лазов и доказывалось, что вместе с некоторыми другими племенами они являлись коренным населением древней Колхиды. Однако читателям газеты было хорошо известно, что лазы составляли довольно значительные и весьма активные формирования в составе турецких войск. Газета прямо не осуждала лазов, но давала понять, что лазы, этнически связанные с кавказскими народами, действуют вопреки своим национальным интересам.

Выступления газеты в 1830 г. по вопросам истории и быта кавказских народов (около 30 статей) составили приблизительно 60% всех ее неофициальных публикаций за этот год. Сказалось, что в За-

кавказье в это время была предпринята не одна экспедиция для собирания экономического, этнографического и другого материала о местном населении. Значительная часть собранных сведений нашла отражение в «Тифлисских ведомостях» и нередко за подписью самих исполнителей правительственного задания (Н. Воскобойникова, В. Легкобытова, И. Шопена и др.). Среди этих публикаций выделяется серия путевых очерков Д. Зубарева, в основу которых легло его путешествие по закавказским провинциям. Очерки насыщены разнообразными, подчас довольно основательными с научной точки зрения сведениями по истории Грузии, Армении, об архитектурных памятниках древности, о нравах и обычаях жителей Закавказья.

В 1831 г. редакция «Тифлисских ведомостей» пыталась уже связать этнографию с историей взаимоотношений Закавказья с Россией в современную эпоху. При этом, несомненно, учитывалось и мнение определенного круга читателей из числа русских офицеров — ветеранов кавказских войн, выразивших редакции свое недовольство в связи с недостаточным, по их мнению, освещением в газете военных заслуг России по отношению к освобожденным закавказским народам. Поэтому еще с № 93 за 1830 г. возникла рубрика «Материалы для истории подвигов русских за Кавказом». Публикации начались со статьи о покорении в 1804 г. граничащей с Грузией Джарской области. Однако рубрика в 1831 г. не вызвала ожидаемого притока писем в газету непосредственных участников походов русских войск в Закавказье. В частности, статья редактора П. Санковского «Экспедиция против Эривани в 1804 году» не имела широкого отклика читателей, хотя публикация воскрешала в подробностях современную историю боевого содружества русского и закавказских народов против персидско-турецкой агрессии, поддерживавшейся иногда враждебными по отношению к местному населению акциями отдельных северокавказских владетельных феодалов.

Вопросы истории и быта народов Кавказа представлены в «Тифлисских ведомостях» за 1831 г. четырьмя крупными материалами и несколькими заметками. Из них наиболее интересны статья Г. Гордеева «Старинные свадебные обряды в Грузии» (№ 5, 1831 г.) и путевой очерк П. Санковского «Отрывок из путешествия по закавказским провинциям» (№ 27-29, 30-32, 1831 г.). Несомненный интерес представляют также «Письма из Тифлиса в С.-Петербург» (№ 1, 6-7, 24-26, 1831 г.), в которых предпринята попытка рассказать читателям газеты об истории и быте уроженцев столицы Грузии.

Превращение «Тифлисских ведомостей» в 1832 г. в подобие журнала, названного «Отделением литературным», не сказалось отрицательно на качестве материалов, посвященных вопросам истории и этнографии народов Кавказа. Отметим статью Г. Гордеева о погребальных обрядах последних грузинских царей, материалы о введении христианства в Грузии и Армении, по истории присоединения Имеретии к России и др. Тем не менее количество подобных

публикаций в сравнении с предыдущими годами значительно сократилось.

Интерес «Тифлисских ведомостей» к прошлому кавказских народов охватывал период с древнейших времен вплоть до современных газете исторических событий, включая, в частности, войну России с Персией и Турцией в 1826—1829 гг., в которой решались насущные для местного населения политические проблемы. Не случайно поэтому в содержании газеты древняя и средневековая история народов Кавказа тесно переплеталась с событиями современной жизни. Таким образом, интерес редакции газеты к историческому прошлому Кавказа приобретает не столько познавательный, сколько политический характер.

Изложение истории и быта кавказских народов редакция давала на научном уровне. В примечании к статье «Царствование Ираклия II» (рубрика «Грузинская история») редакция признавалась, что из-за отсутствия «исторической критики», а также в связи с незнанием восточных языков «мы по сие время не решались помещать ничего относящегося до грузинской истории; наконец представилась нам та мысль, что если мы будем сообщать читателям простые переводные статьи изо всего, что было написано на грузинском языке об Грузии, мы по крайней мере окажем ту услугу наукам, что выведем из мрака неизвестности обстоятельства, остававшиеся поныне сокрытыми в немногих рукописях на таком языке, который, включая крайне ограниченного числа природных жителей, весьма мало кто знает. Нельзя не согласиться с тем, что и таковое предприятие может принести немаловажную пользу» [16].

Столь же ответственным было отношение редакции к публикациям по истории и быту других народов Кавказа, публикациям, которые фактически являлись одной из первых попыток связного изложения данной проблемы на русском языке. Вполне понятно, что в этих публикациях внимание заострялось на истории русско-кавказских и, в частности, русско-закавказских отношений. Вполне закономерным нам кажется и то, что выбор первой статьи для рубрики «Грузинская история» пал именно на «царствование Ираклия II» — период, когда русско-грузинские отношения вступили в новую стадию после заключения Георгиевского трактата 1783 г. Интересно, что последняя публикация газеты по этой проблеме также касалась русско-грузинских отношений. В ней речь шла о «Донесении царю Алексею Михайловичу бояр Толочанова и Иевлева по поводу принятия Имеретинского царства в подданство» [17]. Читателям сообщалось, что еще в 1649 г. имеретинский царь Александр послал к русскому царю послов с просьбой принять Имеретию в подданство России; и давалась выдержка из донесения бояр, посланных для приведения царя Александра к присяге. Смысл подобных публикаций на страницах газеты ясен — обратить внимание читате-

---

[16] «Тифлисские ведомости», 20 ноября 1830 г., стр. 4.

[17] «Тифлисские ведомости», март 1832 г. (№ 5-6), стр. 47—48 (143—144).

лей на стародавнее тяготение народов Закавказья к дружбе и сотрудничеству с могущественным северным соседом — единоверной Россией.

Кстати, вопрос о вере играл весьма существенную роль в пропаганде «Тифлисскими ведомостями» единого для народов России и Кавказа государства. Обращение, в частности, к истокам христианства в Армении и Грузии, акцент на единоверие с русским народом, на «христианском братстве равно усердных в вере», являлись одной из ведущих тем в газете. Под рубрикой «Смесь» в № 6 за 1832 г. была помещена, например, «Заметка о введении веры христианской в Грузии и Армении». В ней повествовалось о том, как прибывшая из Константинополя св. Нина обратила в 320 г. грузин в христианскую веру, сообщались биографические сведения о проповеднике христианства в Грузии антиохийском архиепископе Евстафии. Автор с уважением говорил о том, что «грузины не равнодушны к вере», и приводил примеры их религиозной стойкости в периоды персидско-турецких нашествий. В Армении христианство было введено в 302 г. св. Георгием, и этот факт наряду с основными этапами развития вероисповедания у армии также прослеживался газетой.

Несмотря на стремление редакции к научности в освещении истории Кавказа, она иногда не подымалась выше библейских толкований. Е. Котова в статье «Очерк истории армянского народа» писала без тени сомнения: «Все сии события и доказательства увлекают нас к мнению о том, что после потопа Ной поселился, жил и умер в Нахичеване, и из сего следует, что страна Армянская первая населена людьми после потопа, что язык древней Армении есть язык, на коем объяснялся Ной, следовательно, допотопный, и, наконец, что мы можем иметь доверие к летописателям армянским...» [18]. И все же «Тифлисские ведомости» в общем справлялись с задачей удовлетворения пытливого интереса своих читателей к древней и средневековой истории народов Кавказа.

Серьезный вклад внесла газета в выявление и фиксацию памятников древности Кавказа, преимущественно на территории Закавказья. Так, в статье И. Шопена «Поездка к развалинам древнего армянского города Гарни и Кегортского монастыря» (№ 64, 65, 1830 г.) содержится подробное описание развалин древних армянских городов и монастырей. Это описание впоследствии было дополнено аналогичным сообщением редактора газеты П. Санковского, изложившего в статье сведения о развалинах другого древнего армянского города Лори, расположенного в Северной Армении (№ 30-32, 1831 г.). С большим интересом читается статья Г. Гордеева «Караязская степь и древние грузинские пустыни св. Иоанна Крестителя и св. Давыда Гареджийского» (№ 1-3, 1832 г.), в которой наряду с описанием названных грузинских монастырей дается история их возникновения. А рассказ о развалинах древней крепости Тортом

---

[18] «Тифлисские ведомости», март 1831 г. (№ 15-17), стр. 24 (136).

(№ 26, 1831 г.), расположенной в Арзрумском пашалыке, завершается характерной для позиции газеты ремаркой: «Сколько за Кавказом находится древних замков, обросших кругом густым лесом, так, что неприметно даже малейших следов к ним... Исследование подобных мест, без сомнения, не осталось бы бесплодным»[19]. Не является случайной высказанная редакцией мысль о необходимости охраны памятников прошлого на Кавказе (№ 71, 1830 г.). Редакция не упускает случая, чтобы разведать и уточнить подлинный характер событий отдаленных времен. В статье «О лазах и крепости Петра, построенной римлянами на восточном берегу Черного моря» (№ 9, 1829 г.), повествуется о маленьком народе — лазах. «Колхида, как слабая и обильная страна, всегда возбуждала в соседях желание властвовать над нею»[20],— пишет автор о борьбе персов и римлян за обладание Колхидой. Лазы попеременно просили защиты то у римлян от персов, то у персов от римлян, а те и другие на протяжении столетий грабили народ. В IV в. император Юстиниан построил на берегу Черного моря крепость Петра, которую впоследствии захватили персы, а затем разрушили римляне. Само собой напрашивался вывод о бедственной участи малочисленного народа, в окружении агрессивных соседей, народа, нуждавшегося в покровительстве сильной державы. Эта идея присутствовала и во многих других материалах газеты, даже тех, которые вовсе не были связаны с историей.

Путешествие по закавказским областям легло в основу путевых очерков Д. Зубарева, публиковавшихся в «Тифлисских ведомостях» на протяжении 1830 г. Они имели подзаголовок «Отрывок из путешествия по закавказским провинциям» и печатались в основном под рубрикой «Путешествия», иногда «Современная история», «Вероисповедание», «Этнография» и «История». Тематика статей была самая разнообразная: тут и просвещение, и экономика, и быт кавказских народов. Значительное место занимали исторические экскурсы, описание древних памятников архитектуры. Так, в газете помещены материалы, содержащие описание древних архитектурных памятников Грузии и Армении: «Дер. Огруджа — замок разбойника Урушана, Кер-Оглы, его история; Рассказы об Ериванском сардаре» (№ 68); «Красный мост» (№ 71), «Каракала; — развалины города Сурмала; Могила праведного Иова» (№ 77), «Тативский монастырь» (№ 85), «Серый замок» (№ 87), «Хорвираб; сел. Большие Веды. — Кислые воды; Алиев камень — пещера гяуров» (№ 89).

Помимо описания достопримечательностей автор рассказывал связанные с ними легенды, сказания, приводил исторические факты. Статьи Зубарева отличает живой, очерковый стиль изложения и, что важнее, глубокое знание местной жизни. Эрудиция автора в истории, а также собственные выводы и заключения о прошлом местных на-

---

[19] «Тифлисские ведомости», май 1831 г. (№ 24-26), стр. 24 (208).
[20] «Тифлисские ведомости», 1 марта 1829 г., стр. 4.

родов и архитектурных памятниках позволили Зубареву оспаривать некоторые высказывания французского ученого-историка Клапрота [21].

Характерной особенностью такого рода публикаций является постоянная перекличка прошлого с современностью — не в плане прямых сопоставлений, а в своеобразном смешении времен: воспоминания, легенды, цитаты и высказывания о древности, описания развалин перемежаются рассказами о встречах и разговорах авторов со своими современниками. Знаменательно, что редакция пыталась использовать факты древней истории в целях пропаганды гуманности, умеренности в социальной политике. Такова, например, статья Г. Гордеева «Нечто о древнем судопроизводстве в Грузии» (№ 87, 1830 г.). В ней говорится, что судопроизводство в древней Грузии почти не отличалось от европейского: оно осуществлялось посредством крови, железа, меча, огня, воды и присяги. Одно из древних узаконений грузинской юриспруденции подразумевало следующее: «Когда кто лишал жизни равного себе состоянием и званием человека, тогда он подвергался сам смертной казни или увечью, либо заключаем был на всю жизнь в темницу, по уплате сверх того определенной денежной пени ближайшим родственникам за кровь убиенного, когда же убитый был званием ниже убийцы, то сей последний, заплатив цену крови, удалялся на время из отечества» [22]. Невольно рождался вопрос, почему вопиющие несправедливости, возникавшие из сословных предрассудков и имущественного неравенства, не только не уменьшились в современной Грузии, а скорее приумножились? Подробно останавливаясь на рассмотрении способов осуществления правовых отношений в древней Грузии, автор не скрывает своего отрицательного отношения к действительности.

Наконец древняя история нередко служила поводом к тому, чтобы редакция могла выразить прогрессивное для того времени понимание общих проблем государственного управления, взаимоотношения сословий, свою неудовлетворенность неблагополучием в «благоустроенных государствах». Так, в № 49 газеты за 1829 г. была опубликована статья «Мцхетский собор» (из записок П. Санковского). В ней рассказывалась история основания древней столицы Грузии Мцхета, сообщались детальные сведения о строительстве собора Светицховели. Авторские отступления по ходу рассказа характеризовали либерально-прогрессивную позицию самого Санковского. Как известно, пишет автор, в 1414 г. грузинский царь Александр, созвав придворных, объявил им о своем решении восстановить христианские храмы. «Предложение сие было принято с тою готовностью и с тем благоговейным восторгом, которые обыкновенно властелины встречают в своих подданных при объявлении им о благонамеренных предприятиях; но исполнение доказало, что и самые добровольные пожертвования высшего звания людей почти всегда

---

[21] См. «Тифлисские ведомости», октябрь 1830 г. (№ 86), стр. 3—4.
[22] «Тифлисские ведомости», 30 октября 1830 г., стр. 3—4.

обращаются на рабочие сословия — одна из тех несчастных истин в государственном управлении, коих примеры, как следствие человеческой слабости, к сожалению, слишком часты в благоустроенных государствах, если сие не исполняется публично, то почти всегда приводится в действие частными мерами: к возобновлению разоренных храмов наложено было на всех поселян во всем царстве, кроме обыкновенных в казну податей, по три кирмансули в год. Из сего сбора перестроены были и сооружены в Грузии многие церкви, и древний Мцхетский собор воздвигнут был вновь с особенным великолепием» [23]. Из статьи видно, что хотя автор и относит недуг социальный за счет «следствия человеческой слабости», он вовсе не склонен считать его неустранимым.

Изображение современной жизни Кавказа на страницах «Тифлисских ведомостей» напоминает мозаичное панно, составленное из разнообразных материалов, объединенных в основном благожелательным тоном повествования о новых областях Российской империи. Наиболее характерным для данной разновидности публикаций являлся жанр путевых заметок, переписки с друзьями и зарисовок с натуры, которые помещались соответственно под рубриками «Путешествия», «Корреспонденция» и «Нравы».

При знакомстве с этими материалами обращает на себя внимание прежде всего патриотическая настроенность по отношению к Кавказу «местного» русского, от имени которого, собственно, и выступала в таком случае газета; его оппозиционность к пренебрежительному отношению соотечественников в России к краю, где он служил, который полюбил и с которым связал свою судьбу и жизнь. Лейтмотивом статей является противопоставление затхлой и чопорной атмосферы российских столиц ощущению простора и воли, осмысленного существования на Кавказе. Характерно занимательное описание Зубаревым путешествия из Москвы на Кавказ (№ 54 — 57, 1830 г.), в котором живой рассказ о Екатеринодаре, Владикавказе, Военно-Грузинской дороге и Мцхета начинается таким вступлением: «27 мая 1828 г. оставил я шумную Москву, где предрассудки, сплетни и жалкие приличия света тяготят человека, любящего заниматься полезным» [24].

В № 5 газеты за 1832 г. помещена переписка двух друзей. Столичный житель просит своего корреспондента в Грузии дать «письменное понятие» о том крае, который он предпочел «благословенной России». В том же номере редакция печатает ответ «тифлисца», в котором тот объясняет, что удерживает его в этом городе. Ему непонятно, «как можно согласиться на вечное заключение себя в клетке (т. е. Петербурге. — *Д. В.*) как бы она богата и пестра ни была» [25], и далее автор поясняет, почему он предпочитает Кавказ: «Я уподобляю себя птичке, которую как бы ее ни лелеяли в тесной,

---

[23] «Тифлисские ведомости», декабрь 1829 г. (№ 49), стр. 3.
[24] «Тифлисские ведомости», 5 июля 1830 г., стр. 3.
[25] «Тифлисские ведомости», март 1832 г. (№ 5-6), стр. 13.

хотя и золотой ограде, среди душной городской атмосферы, она все порывается подышать привольным воздухом полей и рощ, а тебя — прости нескромность сравнения — изнеженной фидельке, которая вечно бы не вышла из роскошного будуара своей госпожи» [26]. Величавая природа, зовущая к вольному общению людей и забвению предрассудков,— одна из постоянных тем корреспонденций газеты о Кавказе, местных обычаях, нравах.

В подавляющем большинстве материалов интересы редакции газеты вращались в основном вокруг условий местной жизни. Правда, показать свое отношение к этим условиям редакция, разумеется, не могла, но зоркий глаз ее корреспондентов сквозь первозданную красоту цветущих долин и взметнувшихся ввысь хребтов гор усматривал убогость существования коренного населения края, которую редакция склонна была квалифицировать как «образцовую бедность». Материалов, содержащих в себе элементы критической заостренности в этом смысле, сравнительно мало в газете. Но намеки на некоторые отрицательные явления характерны, в частности, для некоторых путевых очерков и корреспонденций.

География передвижения корреспондентов «Тифлисских ведомостей» весьма обширна: их материалы поступали из разных концов Кавказа и даже сопредельных стран. В № 27-28 и 30 газеты за 1831 г. приведен «Отрывок из путешествия по Закавказским провинциям (Эриванская провинция)», где описывается путешествие автора (П. Санковского) до села Аркури у подошвы Арарата, само село и дворец — летняя резиденция сардара.

В № 16, 17, 18 газеты за 1829 г. в отделе «Статистика» помещены «Медико-топографические записки о некоторых местах Закавказского края и Персии», сообщающие сведения о грузинских селениях, их жителях, климате, местности. По ходу продвижения русских войск в глубь завоеванной территории автор описывал армянские деревни, крепости, сообщал сведения об обычаях армян и употребляемой ими пище, рассказывал о жизни армянских женщин. Подобные публикации давали понятие об условиях жизни в новом крае, обогащали полезными сведениями тех, кто собирался поселиться на Кавказе, вводили читателя в ритм существования и особенности быта страны. Газета открывала перед своими читателями мир современных отношений на Кавказе, предостерегала от возможных ошибок в общении с местными жителями.

Под рубрикой «Этнография» в № 20 и 21 за 1829 г. была помещена статья Григория Гордеева «Народные праздники тифлисских жителей и соединенные с ними обычаи и предрассудки», в которой на основании интереснейших материалов рассказывается об основных праздниках грузин и армян — уроженцев столицы Грузии. Газета как бы приглашала окунуться в эту жизнь, способствовать процветанию нового края, принять деятельное участие в его судьбе. В связи с этим возникала проблема: каких людей ждет Кавказ из

---

[26] «Тифлисские ведомости», март 1832 г. (№ 5-6), стр. 13.

России? Разумеется, не всяких. Воссоздавая на своих страницах сатирический тип «преобразователя» — деляги и себялюбца, газета осторожно рисовала образ человека пустого и беспринципного, принадлежавшего, несомненно, к тому кругу, из которого царским правительством «рекрутировался» административный аппарат для новых земель.

В № 52 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. (под рубрикой «Нравы») была помещена статья П. Санковского «Находка», где автор рассказывал, что, возвращаясь из загородной прогулки в Тифлис, он нашел на дороге пакет. В нем оказалась тетрадь с записями, которые понравились автору. Вслед за вступлением Санковского был напечатан отрывок из тетради под названием «Знатоки». Итак, автор записок, едучи на службу в Грузию, остановился у знатного помещика, графа. На следующий день к помещику понаехало множество гостей. Их внимание привлек портрет, на котором был изображен генерал, родственник графа. Никто не осмеливался первым высказать своего мнения о портрете, но когда присутствующие услышали, что портрет написан домашним живописцем графа, каждый из них обратился в пристрастного критика, и в заключение было решено, «что живопись никуда не годится. И в самом деле, что может сделать порядочного русский и притом же крепостной человек» [27]. Когда же приехавший граф объявил, что портрет работы Дова (английского живописца Джорджа Доу. — *Д. В.*), наступило неловкое молчание. Но «критики» недолго молчали, через несколько минут они уже яростно хвалили портрет. Так автор осмеял приспособленчество, беспринципность некоторых приезжих чиновников.

Под рубрикой «Путешествия» (№ 18, 19, 20, 22, 23, 24, 1830 г.) был помещен «Отрывок из путевых записок Гр. Горд.. ва» — «Поездка из Польши за Кавказ». Много любопытного рассказывается здесь о Моздоке, Владикавказе, о русских постах и укреплениях по Военно-Грузинской дороге, о поселениях горцев. Со спокойным величием Кавказа контрастирует поведение героев происшествия на Александровском редуте (№ 19). Случайная встреча с коллежскими асессорами, едущими на службу в Грузию, оборачивается впечатляющей сатирической зарисовкой. Напуганные ночными выстрелами будущие «преобразователи» Грузии отказываются продолжать путешествие и решают возвратиться в Россию: «Наконец юнейший из всех, обратясь к коменданту, возгласил: „Воля ваша! Весьма глупо и непростительно было бы с моей стороны подвергать ежеминутной опасности цветущие лета моей жизни! Прошлая страшная ночь решила все. Я кланяюсь вашей Грузии и Кабарде, я еду обратно в Россию“. — „И я! И я!“ — повторило несколько голосов... и мы двинулись в путь без транспорта господ преобразователей, столь драгоценного для Грузии...» Не будь ночной тревоги, замечает автор,

---

[27] «Тифлисские ведомости», 27 декабря 1829 г., стр. 3.

«мало ли чего они не наделали б в Грузии»[28]. Служба на Кавказе для большинства бездарных чиновников была лишь необходимой ступенькой в продвижении по служебной лестнице, и потому в Грузии, как нигде, процветало взяточничество и лихоимство. А военные чиновники? Они мало отличались от своих штатских собратьев, разве лишь тем, что, имея чуть больше власти, они и вреда приносили больше.

В той же «поездке» (№ 23) Гордеев описывает остатки древней крепости в Дарьяльском ущелье, служившей некогда «жителям цветущего юга» надежным оплотом от набегов буйных горцев: «По левую сторону Терека на высокой скале видны по сие время ея развалины. О сей крепости любопытным путешественникам рассказывают многие чудеса, полное их собрание могло бы составить толстый и презанимательный роман для любителей ужасных приключений. Но я узнал только за достоверное, что несколько лет тому назад один из здешних постоянных начальников, желая отыскать сокровенный клад в Дарьяльской крепости, подрывал порохом древние ее стены и *весьма удачно* ниспровергнул часть оных в Терек»[29]. Читатель узнавал знакомый ему тип ретивого начальника, который пренебрежительно относился к местным памятникам старины.

Присоединение некоторых закавказских областей к России не облегчило участи беднейших слоев населения. Отсюда идет сочувственное отношение редакции «Тифлисских ведомостей» к горцам, чья жизнь нуждалась в коренном улучшении. И в прекрасном краю жизнь бедного человека оставалась горькой и к тому же подверженной природным стихиям. Под рубрикой «Путешествия» в № 5 1830 г. было помещено «Описание бури на Военно-Грузинской дороге (Из путевых записок Гр. Горд. .ва)». Автора не столько поразили картины разбушевавшейся стихии, сколь огорчили последствия бури для бедного люда. Град побил почти все посевы горцев: «Потеря весьма значительная для бедных теулитинцев и осетин»[30].

В № 2 и 3 за 1829 г. были опубликованы «Письма из Армении», в которых описывалась суровая природа страны, ее замки и монастыри. Автор, узнав, что на месте Диадинского замка в древности существовал богатый армянский город, поднялся на возвышенность, но ничего не увидел с нее, кроме серых камней и едва приметных над землей хижин, между которыми уныло бродили жители. Картина представляла собой «образцовую бедность». И даже самый грустный ландшафт рядом с этой убогой деревенькой являл собой отрадное зрелище: с южной стороны замка простиралось «обширное и несравненно красивее деревни кладбище!»[31]. Впечатляющее сопоставление! Кавказ видится краем, который предстоит во многом возродить к жизни: бедность сегодня — процветание завтра.

---

[28] «Тифлисские ведомости», 6 марта 1830 г., стр. 4.
[29] «Тифлисские ведомости», 20 марта 1830 г., стр. 4.
[30] «Тифлисские ведомости», 16 января 1830 г., стр. 4.
[31] «Тифлисские ведомости», 11 января 1829 г., стр. 2.

Нищета Кавказа, бедность подавляющего большинства людей, населяющих его, порою возводится редакцией в некий общий закон жизни, разделивший все человечество на богатых и неимущих. Разумеется, это нельзя считать критикой социальных основ действительности, но горестное ощущение неустройства жизни пропитывает многие материалы газеты, возникая порой в самом неожиданном контексте. Так, в № 18 и 19 за 1829 г. под рубрикой «Путешествия» были помещены «Письма к другу» Григория Гордеева. Автор описывал свое путешествие от Тифлиса до крупного окрестного селения Марткоби и далее вдоль реки Иори и рассказывал о расположенной невдалеке Мариенфельдской немецкой колонии. Наблюдая оба берега Иори, он был поражен, насколько один отличен от другого: «По сю сторону Иори одно только мертвое однообразие пустынной степи, но на той стороне за несколько верст природа дышит роскошною жизнью, красой и весельем». И кончает как бы нечаянным сопоставлением: «Не толи же самое и в жизни человеческой? Как часто случается, что ветхий соломенный кров, жилище бедности и скорби стоит вблизи великолепных чертогов, жилища веселия и богатства!» [32].

Подробно освещая жизнь кавказских народов, редакция «Тифлисских ведомостей» стремилась подчеркнуть право каждого народа на самобытность, на своеобразие своего национального облика, привычек, обычаев. В № 23 за 1831 г. (рубрика «Смесь») рассказывалось о том, что «в Грузии многое делается наоборот»: в лунную ночь можно встретить на улице человека с фонарем, слуга обычно идет впереди своей госпожи, на лошадь садятся с правой стороны и т. д. По мнению автора, это подпадает под русскую пословицу: «Что город, то норов, что деревня, то обычай» [33].

Редакция не ограничивалась публикацией поверхностных наблюдений своих корреспондентов в жанре популярных в то время «путешествий», «путевых заметок». Так, в статье Зубарева «Поездка в Джарскую и Белоканскую области» (№ 81-83, 1830 г.) приводились любопытные сведения о происхождении и занятиях жителей и не без сочувствия отмечалось, что правление здесь «республиканское», а все дела вершатся судом — джамаат.

Газета сообщала о грузинских погребальных обрядах (№ 73, 1830 г.) и «древних грузинских играх» (№ 97, 1830 г.), в мельчайших подробностях описывала богатую грузинскую свадьбу (статья Г. Гордеева «Старинные свадебные обряды в Грузии», № 5, 1831 г.). Местные обряды авторы сопоставляют с русскими и нередко сетуют на неизбежные с вторжением новой цивилизации исчезновения красочной обрядности, пережившей века. В статье Гр. Гордеева читаем: «Время и вводимая нами европейская простота, которую мы также заимствовали от других, скоро истребит и последние оттенки древнего великолепия сего торжества» [34].

---

[32] «Тифлисские ведомости», 3 мая 1829 г., стр. 4.
[33] «Тифлисские ведомости», апрель 1831 г. (№ 21-23), стр. 24 (184).
[34] «Тифлисские ведомости», 17 января 1831 г., стр. 5 (37).

Насаждаемые сверху европейские «правила хорошего тона» часто не вызывают сочувствия. В очерковой зарисовке П. Санковского «Новый год в Тифлисе» (№ 1, 1829 г.) насмешливо описывается «визитный этикет», скалькированный с петербургского или московского образца. И баре и слуги — комические страдальцы нового для грузинской столицы обычая. Характерна концовка этого очерка: «Так обычай светских приличий распространил свое злодейское могущество за Кавказом. Он не имеет здесь еще довольно власти, чтобы огорчить честного человека нахальным ответом дерзкого служителя: „Барин не принимает“. Лакеи еще не вышли из должного предела вежливости к незначительным посетителям, навещающим их господ, но, кажется, это скоро будет»[35].

Как бы в развитие мысли о бессмысленности насаждения столичного этикета газета высказывает пожелание упрочить то истинно ценное, что Россия может дать Кавказу в сфере человеческого общения. В статье П. Санковского «Несколько слов по случаю Светлого Праздника, о препровождении времени в Тифлисе» (№ 17, 1829 г.) говорится: «многие из нас... могли бы быть довольными своей участью в Тифлисе. Увеселения в Тифлисе осуществляются образованным юношеством, которое составляет дух наших обществ»[36]. Автор упоминает при этом «о молодых людях лучшего круга и первых фамилий», которые едут служить на Кавказ. «На прошедшей Святой неделе,— читаем мы далее,— дан был любителями музыкальный вечер в пользу бедных». И у автора возникает мысль: почему бы не построить в Тифлисе театр и не пригласить играть в нем профессиональных актеров? В то же время обращение газеты к персидским, например, обрядовым праздникам дает ей возможность характеризовать некоторые обычаи соседней страны критически — в бытописательство явно вторгаются отзвуки государственной политики империи. Так, рассказывая о наврузе (праздновании весеннего равноденствия в Персии) и говоря о подарках, которые принято в этот день дарить друг другу, редакция сообщала, что дары, получаемые шахом, составляют две пятых государственного дохода, что подати, таким образом, взимаются под видом добровольных подношений подданных (№ 17, 1831 г.).

Нередко интерес к событиям жизни горцев выливается в глубокое изучение истоков национального образа жизни или национального характера. В № 88, 94, 95, 96 газеты за 1830 г. под рубрикой «Путешествия» был помещен «отрывок из путешествия по горским народам», под заголовком «Осетинская деревня Тот.— Водопад Крейтадон.— Древняя крепость Арса-Фида.— Буря и осетинская повесть Заре». Материал посвящен Екатерине Федоровне Ханыковой. Автором мог быть Г. Гордеев, совершивший путешествие по Осетии и публиковавший в газете обстоятельные очерки. Помимо описания деревни Тот и великолепного водопада Крейта-дон, в статье со-

---

[35] «Тифлисские ведомости», 4 января 1829 г., стр. 4.
[36] «Тифлисские ведомости», 26 апреля 1829 г., стр. 2.

держатся подробные сведения о создании крепости Арса-Фида. Бедные обитатели Хевии, окруженные со всех сторон хищными и кровожадными соседями, беспрестанно были ими разоряемы... Совместными усилиями в XIV в. они построили крепость Арса-Фида, где со своими семействами и укрывались каждое лето. Рождается мысль о вынужденной воинственности миролюбивого народа, которая невольно ассоциировалась с тогдашним взаимоотношением русского правительства и некоторых горских народов.

Как правило, сообщения, отображающие бытовые реалии кавказских народов и особенности местных нравов, основывались на вдумчивом анализе с акцентом на историю вопроса. В качестве консультантов редакция привлекала и местных специалистов. Возьмем, например, серьезные и обстоятельные материалы пяти «Писем из Тифлиса в С.-Петербург» (№ 1, 6-7, 24-26, 1831 г.) Симптоматично для общего духа газеты, что в «письмах» наряду с рассказом о взаимовлиянии русских и кавказских обычаев автор считает уместным зло пошутить над «подьячими душой и телом», фанфаронами и прожектерами, которых влечет на Кавказ не служение отечеству, а корысть и честолюбие.

Стремление понять, объективно разобраться в жизни малознакомого русскому читателю народа отличает статью «Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин» (№ 28, 29, 1830 г.). На № 29 от 10 апреля 1830 г. издание газеты временно прервалось и следующий № 47 вышел через два месяца — 12 июня, поэтому в статье речь шла только о вероисповедании, суеверии и обрядах осетин.

Автор, восхваляя одни обычаи и порицая другие, противопоставлял в своих оценках разум и веру. В главе о гадании и прорицателях он заметил, что одно из лучших качеств человеческой души — любопытство, «которое заставляет нас доискиваться, допытываться до самых сокровенных тайн природы», — используется прорицателями в корыстных целях.

И вновь рассказ о сложившемся укладе жизни становится поводом для выражения определенных идей. Приведем характерное рассуждение из главы «Женитьба»: «Чем сильнее фамилия, тем она больше уважается, ибо на Кавказе право сильного является во всей своей наготе. Не знаю, достойны ли горцы сожаления или зависти в сем отношении. По крайней мере каждый из сих дикарей знает, до какой степени он должен остерегаться сильного, и они не имеют понятия о том мучительном недуге, который малопомалу высасывает всю нравственную и физическую жизнь у несчастных жертв, зараженных заблуждением: будто бы справедливость дает возможность тягаться против права сильного. Недуг, от которого страждут и погибают столько семейств в нашем просвещенном мире!» [37]. Достаточно смелая по тому времени мысль.

---

[37] «Тифлисские ведомости», 10 апреля 1830 г., стр. 4.

Целиком статья не увидела света из-за цензурных условий («Объявление» в № 84), однако в семи номерах за тот же год (№ 72, 73, 74, 77, 78, 84, 87) под рубрикой «Корреспонденция» появились «Письма из Осетии» с подзаголовком «Из писем Гр. Горд...ва к А. Н. М... в Москву», что дает основание предполагать, что и предшествующая статья об Осетии написана также Григорием Гордеевым. В первых пяти «письмах» содержится рассказ об экспедиции генерала Ранненкампфа по усмирению осетин. Как участник экспедиции, автор сообщает интересные сведения об осетинских племенах, о происхождении Ксанских эриставов и их борьбе с эриставами Арагвскими.

Характерна двойственность авторской позиции: одобряя по существу царскую политику на Кавказе, оправдывая вынужденную жестокость войск, выражая надежду на то, что с упрочением власти России на Кавказе «право сильного» уступит место благоустроенной правительственной власти, он в то же время не перестает восхищаться мужеством свободолюбивых осетин, восхваляет храбрость и гуманность главы кешельтских осетин Аки Кобисашвили, который, если бы был воспитан «среди народу образованного и кроткого, то мог бы быть человеком добродетельным и способен к совершению великих дел» [38]. Автору больно, что идея, одушевляющая этих людей, принадлежит вчерашнему дню. Так, описывая самоотверженную защиту осетинами селения Коллы (третье письмо), он заключает: «Жаль, что все действующие лица, оказавшие в сем случае удивительную храбрость и необыкновенное самоотвержение, были ожесточенные и давно преследуемые законами разбойники» [39].

Автор обращается к общественным обычаям, описывает образ правления у осетин. В четвертом письме подробно разбираются «коренные обыкновения», или законы рода, основывающиеся на уложении грузинского царя Георгия VI.

И здесь, как и во многих случаях прежде, газета оценивает социальную жизнь горцев с позиций, во многом прогрессивных для того времени. В главе «Права наследства» автор открыто говорит, что права у осетин «искажены собственным произволом помещиков»: если, например, умирает крестьянин, у которого нет детей, помещик забирает его имущество себе.

В социальном отношении, рассказывает Гордеев, осетины делятся на шесть сословий: 1) эристави, 2) духовенство, 3) старейшины родов, 4) тарханы, или люди, свободные от податей, 5) крестьяне и 6) невольники. «Крестьяне сначала не были рабами своих властителей. Они имели полную свободу оставлять родную свою землю и со всем своим имуществом переходить на жительство в другие владения. Одни только невольники, купленные или приобретенные на войне, были совершенными рабами. Жизнь и смерть их зависели

[38] «Тифлисские ведомости», 11 сентября 1830 г., стр. 4.
[39] «Тифлисские ведомости», 13 сентября 1830 г., стр. 3.

от воли их господ» [40]. «Полицейская команда» эристава «по своевольству и дерзости своей, во всякое время была крайне тягостна для народа» [41].

Для общего духа газеты примечательна авторская сноска, где говорится, что варварская торговля невольниками распространена и в просвещенном мире, например торговля неграми. «К чести грузин можно, однако же, сказать, что их законодательство с давних времен обратило внимание на истребление сего постыдного обычая»: еще в начале XV в. царь Александр I издал закон, запрещающий воинам присваивать себе пленных [42].

В седьмом письме говорится о неограниченной власти эриставов, которые только формально зависели от грузинского царя. Они «управляли подвластными им народами со всей жестокостью деспотической власти». Исполнителями власти эриставов были ясаулы, и крестьяне, помимо всех других податей, обязаны были содержать их, выплачивая подать, именуемую «саясауло».

Не улучшилось положение осетинских крестьян и с появлением царской администрации на Кавказе. Разве не с затаенной насмешкой звучит заключение автора: «Ныне, в отвращение злоупотреблений, сии платимые натурой повинности, соразмерно положительной им в горах ценности, попечительным нашим правительством обращены в денежную подать» [43].

Итак, знакомясь с материалами, освещающими историю, быт и нравы народов Кавказа, русский читатель «Тифлисских ведомостей» получал довольно живое и во многом объективное, хотя и далеко не самое полное представление о новом для него крае и его людях. Не менее важным являлось и то, что редакция «Тифлисских ведомостей» стремилась с прогрессивных позиций влиять на умонастроения своих читателей, воспитывать их в духе демократизма, в духе дружественного общения народов.

Проблемы экономического развития края

Особое внимание в программе «Тифлисских ведомостей» отводилось освещению вопросов экономического развития Кавказа. Естественно, что правительство стремилось наделить вновь создававшийся провинциальный периодический орган полномочиями разведчика экономических ресурсов края, который должен был стать сырьевой базой для промышленности метрополии. При этом подразумевалось, что газета будет не только способствовать выявлению новых возможностей местной экономики, но и указывать способы их планомерного освоения.

---

[40] «Тифлисские ведомости», 18 октября 1830 г., стр. 4.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] «Тифлисские ведомости», 30 октября 1830 г., стр. 3.

Однако в то время, как известно, существовала и другая точка зрения на перспективы экономического развития Кавказа, противостоявшая официальной установке, это — мнение А. С. Грибоедова и его соавтора по проекту «Российской Закавказской компании» П. Д. Завелейского. На основе тщательного изучения, прежде всего, экономических ресурсов края, а также с учетом политических возможностей преобразования местного хозяйства на капиталистических началах (что имело тогда, безусловно, прогрессивное значение для Закавказья в целом) авторы проекта предусматривали колоссальный размах производства и довольно высокое развитие производительных сил. Имелся в виду значительный подъем экономического и культурного уровня жизни местного населения.

Можно смело сказать, что в данном вопросе редакция «Тифлисских ведомостей» в основном стояла на позициях проекта «Российской Закавказской компании». Об этом наглядно свидетельствует содержание газеты.

В первое полугодие существования «Тифлисских ведомостей» материалы на экономические темы, так же как, впрочем, и по другим аспектам проблематики, были тесно связаны с военными событиями. Тем не менее уже в этот период редакция проявляла стремление обсуждать отдельные важные вопросы экономического развития края, популяризируя среди местного населения достижения российской промышленности. Одним из самых важных считался в то время вопрос о создании в Закавказье своеобразного рынка сбыта русских и иностранных товаров и использования местного сырья. Именно в связи с этим царская администрация на Кавказе проявляла особое внимание к международной ярмарке, открывшейся в столице Грузии 1 октября 1828 г. Несмотря на то что в этот напряженный период войны России с Турцией газета была перегружена военным материалом, редакция поместила две обстоятельные статьи — «О Тифлисской ярмарке» (№ 5, 1828 г., стр. 3—4) и «Об открытии Тифлисской ярмарки» (№ 15, 1828 г., стр. 2—4). Придавая огромное значение этому событию, газета заостряла внимание на экономических выгодах, которые сулил российским и закавказским купцам создавшийся в Тифлисе крупный опорный пункт торговли России с восточными странами: «Учреждение в Тифлисе ярмарки есть событие, которое может составить эпоху в нашей торговле. Сей город принадлежит к числу тех немногих средоточных мест, которые представляют всевозможные выгоды для подобных предприятий. Здесь легко могут соединиться все движения важнейших торговых оборотов между Европою и Азиею, и действия сии должны обратиться к особенной пользе российской промышленности» [44]. Далее газета следующим образом обосновывала выбор столицы Грузии в качестве центра русской торговли на Кавказе и Ближнем Востоке: «Выгодное положение Тифлиса, с одной стороны, по близости его к персидской границе, открывает возмож-

[44] «Тифлисские ведомости», 1 августа 1828 г., стр. 3.

ность привлечь тех азиатских торговцев, коим отдаленность, неизвестность мест и опасности не дозволили посещать Оренбург, Троицк и Нижний Новгород, с другой стороны, берега Черного моря, в особенности теперь, когда мы обладаем устьем Риона, представляют нам выгоды удобного сообщения с Европою и, наконец, с третьей стороны, Россия получит возможность из первых рук продавать азиатцам произведения своих фабрик и мануфактур» [45]. Редакция газеты стремилась доказать, что размах торговли в Грузии выгоден не только России, что он должен отразиться самым благотворным образом и на экономической жизни Закавказья в смысле расширения сферы приложения местных товаров и изделий: «Учрежденная армарка имеет целью из нынешнего торга между Россией и Азией, на сей точке весьма скудного, образовать торг обширный: с достижением сей цели множество капитала должно обратиться к Тифлису, движение оного должно соделаться живым и быстрым, и тогда кто же более как не коренные купцы Грузии могут ожидать от оного для себя пользы? Не говоря уже о том, что торг города Тифлиса неисчислимо выиграет от многолюдного стечения разных лиц, что внутренняя торговля Кавказских областей и между горскими жителями всегда в их руках останется, но сверх того, купцы грузинские, несравненно искуснейшие в оборотах купцов персидских и турецких, могут своею деятельностью заменить сих последних и соделаться посредниками между россиянами и торговцами отдаленнейших городов Азии» [46].

Благие намерения редакции «Тифлисских ведомостей» об ускорении темпов экономического развития края подкреплялись конкретными практическими мерами. Достаточно сказать, что уже в 1828 г. газета стала помещать содержательную экономическую информацию, способствовавшую расширению кругозора и торговых интересов местного купечества, вплоть до регулярной, из номера в номер, публикации бюллетеней о денежном курсе в Тифлисе. Подобная информация нередко включала перепечатки либо аннотированное изложение соответствующего материала из петербургских, московских газет и журналов, например заметки о Нижегородской ярмарке (№ 18, 1828 г., стр. 2), перепечатанные из «Коммерческой газеты», и сообщение о «Русских товарах, бывших на Лейпцигской ярмарке» (№ 12, 1828 г., стр. 3). Имелись случаи, когда в подобной информации попросту рекламировался товар того или иного местного, либо прибывшего в Тифлис купца. Например: «Новоприбывший из Москвы астраханский из армян купец Григорий Иванов честь имеет объявить, что он открыл в Караван-сарае дворянина Арцру́ни лавку с разными галантерейными товарами и офицерскими вещами» [47].

В дальнейшем редакция шире помещала экономическую информацию, причем ее источником были не только русские, но и зару-

[45] Там же.
[46] «Тифлисские ведомости», 10 октября 1828 г., стр. 3.
[47] «Тифлисские ведомости», 12 декабря 1828 г., стр. 4.

бежные периодические издания. С 1829 г. в газете регулярно помещались известия «О торговле Закавказского края по официальным ведомостям таможень и застав», а сообщения на экономические темы из иностранных журналов и газет печатались под рубрикой «Разные известия». Характерно, что отбор экономической информации производился исходя из того, в какой мере то или иное техническое усовершенствование или изобретение было бы полезно на Кавказе и, в частности, в Грузии. В последних номерах газеты за 1829 г. (№ 48-51) редакция публиковала статьи и заметки, заимствованные из столичных газет и журналов, среди них — информация «Усовершенствованная машина для размотки шелка», полезная для развития шелководства на Кавказе. Уже тогда многие были знакомы с великолепными качествами грузинского вина, но свои высокие качества оно теряло от хранения в плохо выделанных бурдюках, и газета предложила виноделам статью «О приготовлении кожаных бурдюков для хранения в них вина».

В вопросах будущего экономического развития края газете не чужда была и широта взгляда. Так, в № 48 за 1829 г. под рубрикой «Разные известия» была помещена заметка «О соединении Рейна с Дунаем», заимствованная из «Одесского вестника». В ней говорилось о создании в Париже общества, которое занимается вопросом соединения каналом Рейна и Дуная, что обещает немалые экономические выгоды. Автор выражал надежду, что когда-нибудь и мы подумаем о соединении каналом Черного и Каспийского морей.

Ответственность, с которой редакция относилась к своему назначению своеобразного катализатора местной экономической жизни, прослеживается и по методам подачи материалов читателям. Наряду с традиционными для тогдашней русской журналистики рубриками «Статистика» и «Торговые известия» в тифлисской газете можно было встретить и специфические рубрики: «Минералогия» и «Виноделие», свидетельствующие о том, что редакция стремилась приноравливаться к особенностям местной экономики. Из опубликованных под этими рубриками статей обращают на себя внимание: «Мнение горного офицера о россыпях Куринской долины в Грузии» (№ 4, 1830 г.), «Минеральные воды, находящиеся в окрестностях Диадина» (№ 7, 1829 г.); «О приисках каменного уголья в Тифлисском уезде» (№ 29, 1829 г.), «Замечания на способ выделывания вина в Грузии и сравнение оного с европейским» (№ 20, 1830 г.) и др.

Несмотря, однако, на то, что редакция «Тифлисских ведомостей» на протяжении всего периода существования газеты продолжала публиковать статьи, способствовавшие дальнейшему экономическому росту края, есть основание упрекнуть ее в несколько одностороннем толковании этого вопроса. Дело в том, что с 30-х годов XIX в. в Закавказье и, в частности, в Грузии промышленность и сельское хозяйство начинают развиваться заметно высокими темпами в сравнении с предшествующим периодом. Между тем в газете это не находит полного отражения. Об открытии в Грузии,

например, шелкоткацкой фабрики, стекольных, бочарных заводов мы получаем из «Тифлисских ведомостей» самые минимальные сведения. В газете можно найти более или менее обстоятельные сообщения, пожалуй, лишь об Аллавердском медном заводе, но и они в большей степени исторического характера. О современном же его состоянии и перспективах развития данной отрасли промышленности в крае не сказано ничего.

Одновременно содержание «Тифлисских ведомостей» было перегружено пространными статьями обзорного характера, выяснявшими главным образом специфику и состояние разработки природных ресурсов в отдельных местностях Кавказского края. Этой цели служили статьи о Кульпинской соляной ломке и Кагизманском соляном промысле (№ 21 и 78, 1830 г.), всевозможные «Статистические взгляды. . .» на Абхазию (№ 24-26, 1831 г.), на Эриванскую (№ 6-7, 1831 г.), Талышинскую (№ 12-14, 1831 г.) и Нахичеванскую (№ 22-25, 1831 г.) области, на Гурию (№ 2, 1832 г.) и т. д. Подобная тенденция в деятельности «Тифлисских ведомостей» как местного правительственного периодического издания не была случайной. Она являлась, как нам кажется, свеобразной данью редакции официальной установке на торможение промышленного развития края, с тем чтобы держать его экономику на уровне не более чем сырьевой базы метрополии. Это было продиктовано вполне реальными опасениями конкуренции продукции нарождавшейся местной промышленности изделиям российских фабрик и мануфактур. Именно поэтому успехи промышленности края редко освещались на страницах «Тифлисских ведомостей».

Но зато, когда материал на подобные темы проникал в газету, редакция не сглаживала острые углы, не затушевывала теневые стороны капиталистического развития края. Характерно, что в таких случаях в информации прямо указывалось на определенные «ненормальности» изображаемых производственных процессов, а также связанных с ними человеческих отношений. Так, в № 47 газеты за 1829 г. была напечатана статья «Горное производство на медном заводе, именуемом Мис-Мадан, в 16-ти верстах от Бейбурта». Это — сокращенные записки офицера путей сообщения Релье, в которых описывается добыча медной руды и получение из нее чистой меди. Описание самого рудника и нечеловеческих условий труда выдержано в сочувственных тонах. Автору в шахте пришлось надеть на себя одежду рабочего, «ибо проход был столь узок, что во многих местах надлежало с трудом пролезать по грязному грунту», по этой причине «на выноску земли употребляют мальчиков 12 и 14 лет» [48].

Та же тенденция прослеживается и в материалах о прошлом горнорудной и горнодобывающей промышленности. В № 58 за 1830 г. под рубрикой «Путешествия» напечатан один из путевых очерков Д. Зубарева — «Алвертский медный завод. Уста Баши Греческий,

---

[48] «Тифлисские ведомости», 22 ноября 1829 г., стр. 3.

его история». Это рассказ о том, как по приглашению царя Ираклия II в 1763 г. тайным образом из местечка Гумишханэ в Грузию перебрались две тысячи греков-рудопромышленников со своими семьями. Они и основали в Грузии два серебряных и два медных завода. По дешевой цене греки продавали добытые металлы царю. Русское правительство попыталось извлечь выгоды из заводов Грузии. При гр. Мусине-Пушкине в 1803 г. «вызваны были из России мастера и начали плавить руду, покупая черную медь у греков». Последние, найдя для себя условия работы невыгодными, оставили заводы, и правительство вынуждено было пойти на уступки[49]. Нам представляется это осторожным повествованием о забастовке рабочих.

Развитие сельского хозяйства в Грузии и в целом на Кавказе поощрялось всемерно. Типично «Письмо из Кутаиса в Тифлис» (№ 92 1830 г.), в котором с радостью сообщается об удачно завершившейся попытке разведения табака в Имерети. Характерно, что задание это было от начальника Казенной экспедиции. Заметка одновременно отображает политику царского правительства: из Грузии в Россию должно было поставляться сырье, а в Грузии — сбываться товары русских фабрик и заводов.

Этой же цели, хотя в несколько широком плане, служил тот факт, что еще в ходе войны с Турцией и вскоре после ее завершения правительство всерьез принялось за освоение новых областей. В газете появилось обилие статистических и документальных описаний. Администрация стремилась войти во все тонкости состояния хозяйства и управления им, сравнивала старое и настоящее, разумеется, в пользу новых хозяев. В решении этой задачи местная русская газета служила незаменимым средством.

В № 8 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. под рубрикой «Статистика» напечатана статья «О доходах Аддербиджанской области». В связи с занятием русскими войсками Иранского Азербайджана так называемое Временное Аддербиджанское правление выяснило, какие доходы получало персидское правительство от разных ханств, входивших в эту область. Более систематизированной и углубленной экономической разведке подвергались на страницах газеты природные ресурсы вновь присоединенных турецких территорий. Так, в № 15 за 1829 г. под рубрикой «Статистика» была напечатана статья «О доходах Карского пашалыка (из описания г. штабс-капитана Блома)». В ней приводились подробные сведения о доходах, которые получало турецкое правительство с Карского пашалыка, сравнивались турецкие и русские меры веса, длины и денег. Статью заканчивал параграф «Доходы, полученные Российским правительством с Карского пашалыка в 1828 г.». О тщательном и планомерном обследовании газетой экономических возможностей отторгнутых у Турции территорий свидетельствует тот факт, что статья «О доходах Карского пашалыка» явилась продол-

[49] «Тифлисские ведомости», 19 июля 1830 г., стр. 4.

жением статьи «Описание Карского пашалыка» (ср. № 11 и 12 за 1829 г.), в которой сообщалось его географическое местоположение, границы, деление на округа, площадь. В разделе «О физических свойствах страны» говорилось о горах, богатых солью и селитрой, реках, озерах. Подробно было рассказано о климате, почвах. Говоря о домашнем скоте, автор указывал даже цены на буйволов, коров, лошадей и баранов.

Характерно для газеты небольшое авторское отступление. Оно «обращается к минувшему», к древней столице Армении городу Ани: «Здесь некогда на площадях кипела деятельность народная, цвела богатая торговля; здесь умные мужи Востока в храмах наук распространяли в кругу многочисленного юношества нравственность и поучительные познания; здесь из рук попечительных владык Армении сыпалось благоденствие и счастье для народа и у подножия престола их кружилась суетная гордость царедворцев со всеми тонкостями искусства и происков; здесь совершено столько подвигов добродетели и столько ужасных злодеяний»[50]. Видимо, автору не были чужды идеи просветительства, если даже в сухом статистическом очерке он нашел возможность заговорить о «попечительных владыках», сеющих «благоденствие и счастье для народа».

Документально-справочные материалы готовились сотрудниками редакции и составлялись по документам правительственных экспедиций по изучению края. Материалы печатались обычно под рубриками «Корреспонденция», «Заметки», «Описания», «Письма».

В № 1, 2, 3 и 5 газеты за 1831 г. под рубрикой «Статистика» была опубликована обзорная статья И. Шопена «О произведениях и богатстве Эриванской провинции». Цель обзора — «обратить внимание отечественной торговли и промышленности на сей достопримечательный край». Статья состояла из трех глав: «Царство животное», «Царство растительное», «Царство ископаемых», и «Заключения». В первой главе говорилось о скотоводстве, рыбной ловле, птицеводстве, отлове зверей и т. д.; во второй главе — о том, что произрастает в Эриванской провинции; в третьей — о богатстве недр Армении. Здесь, в частности, содержатся интересные сведения о Кульпинской соляной ломке и доходах, получаемых с нее. В «Заключении» автор восклицал: «Какое обширное поле Эриванская провинция представляет для наук».

В № 7 газеты за тот же год была помещена статья «Статистический взгляд на Эриванскую провинцию», которая служила дополнением к «прекрасной статье» И. Шопена, как отмечалось в редакционной сноске. Это сообщение о «физическом состоянии» страны (границы, горы, реки, озера и т. д.), о «состоянии народа» (народонаселение, мануфактура и торговля), о «разделении Эриванской провинции» (характеристика семи магалов, т. е. округов) и «образе управления».

---

[50] «Тифлисские ведомости», 22 марта 1829 г., стр. 4.

Чтобы дать наглядное и более полное представление об Армянской области, редакция в № 8 и 11 газеты за 1831 г. поместила статью «Статистический взгляд на провинцию Нахичеванскую». Она написана по тому же плану, что и статья об Эриванской провинции.

В № 11 и 13 газеты за 1831 г. появилась статья «Провинция Талышинская» из двух глав — «Географическое описание земли» и «Состояние народа». Все эти материалы были для многочисленных читателей насущной необходимостью, изучались с большим вниманием и заинтересованностью. Последняя из упоминавшихся статей даже вызвала в 1832 г. критическое письмо в редакцию, поскольку содержала неверные и устаревшие сведения.

Примечательно, что многие сообщения газеты на экономические темы выходили за рамки чисто практической информации. Газета видела свою задачу в том, чтобы рассказать о природных богатствах края, быть разведчиком его недр, проследить эволюцию экономики многих областей, в том числе вновь завоеванных. Следовательно, соображения практического характера подтверждались данными истории, географическими сопоставлениями и т. п.

Под рубрикой «Статистика» в № 26, 28 и 29 газеты за 1831 г. была помещена статья «Статистический взгляд на Абхазию». В отличие от многих статистических обозрений она включала в себя главу «Краткие исторические сведения об Абхазии» со сведениями о происхождении абхазцев, о роде владетельных князей Абхазии — Шервашидзе, об установлении русского правления в Абхазии. В главе «Географическое описание страны» говорилось о границах Абхазии, о ее реках, озерах, значении Черного моря в ее жизни, климате и флоре, а раздел «Состояние народа» повествовал о народонаселении страны, особенностях быта абхазцев, об их вере и занятиях. В отдельной главе рассматривалась система управления страной: каждый округ (за исключением «Цыбельдинского», который не признает над собой никакой власти) имел своего правителя из рода Шервашидзе. Абхазским владетелем считался князь Михаил Шервашидзе, но его власть далее Бзыбского округа не распространялась. Затем следовала даже «Перечневая ведомость о числе деревень и дворов в Абхазии».

В № 4, 5, 6 газеты за 1832 г. под рубрикой «Статистика» в статье Флуга «Статистическое описание Ахалцихского пашалыка» речь шла о той части Ахалцихского пашалыка, которая по условиям Адрианопольского мира отошла к России. Автор дал географическое описание пашалыка, численность его населения, отметил казенные доходы. Каждый из четырех санджаков (уездов) Ахалцихского пашалыка (Ацкурский, Аспиндзский, Ахалкалакский и Хертвисский) описывался по определенной схеме: границы, местоположение, народонаселение, климат и т. д.

В № 22-25 газеты за 1832 г. в разделе «Статистика» было помещено «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе» (черкесы). Во вступлении давалась характери-

стика народа, деление на племенные группы, географическое расположение земли, на которой они живут. Сообщалось, что адехе не представляют собой «одного целого в государственном отношении», одними правят князья или дворяне, другими — суд присяжных. В первой части статьи — «Статистическое обозрение народа адехе» — сообщались сведения о народонаселении (помещена таблица), говорилось об отличительных чертах характера этого народа, о его религии: хотя адехе и исповедуют ислам, но их вера содержит остатки язычества и даже христианства. Язык у этого народа общий — черкесский.

Глава «О народном богатстве» была посвящена основным занятиям черкесов: земледелию, хлебопашеству, лесоводству, виноделию, скотоводству, пчеловодству, горным промыслам и др. В главе «О народной образованности», между прочим, отмечалось: «Князю или дворянину за стыд почитается уметь читать или писать... Между простым народом более заметны порывы к просвещению». Применяется на практике только одна наука — медицина.

Вторая часть статьи — «О народных постановлениях» — рассказывала, как в зависимости от того, кем управляются адехе — князьями или судом присяжных, существуют две системы правления: аристократическая и демократическая. Газета показывала преимущества последней: земли адехе, подчиняющихся суду присяжных, разделены на округа, каждый из которых управляется «обществом избранных старейшин». Все дела племени обсуждаются собранием, решение которого является законом». В совет присяжных судей одинаково могут быть избраны и князь, и дворянин, и крестьянин. Понятно, что такого рода исторические сведения на страницах «Тифлисских ведомостей» не могли быть простой случайностью. Они отражали общие взгляды редакции на соотношение различных систем правления.

Интересны формы «взаимной связи» у адехе: 1) союз взаимного воспитания; 2) союз принятия в родство; 3) союз присяжных братьев; 4) союз через брак; 5) коммерческие союзы.

У адехе существует торговля — внутренняя и внешняя. Соединенные политическими союзами, они представляют собой грозную военную силу: автор отмечает мужество и сплоченность этого народа во время войны.

Таким образом, история края, традиции общежития его народов, природные условия и возможности, которые Кавказ представляет для развития экономики, как бы сосуществовали на страницах «Тифлисских ведомостей». У читателя создавалась широкая картина экономической жизни Кавказа, которая давала богатую пищу для размышлений, для практических выводов, касающихся предпринимательской и иной деятельности.

В связи с общей экономической политикой правительства на Кавказе понятен и интерес, который проявляла газета к проблемам торговли, особенно внешней. В отделе «Статистика» № 47, 48 и 49 газеты за 1829 г. печаталась обширная статья «О мореходных спо-

собах Каспийского моря и о пристанях по западному берегу оного», в которой отмечалось великолепное расположение Закавказского края для торговых сношений: он омывается Каспийским и Черным морями, что дает возможность осуществлять торговлю с Турцией, Персией, Грецией и другими странами: «Россия посредством Грузии может одержать и необходимо должна одержать, решительную поверхность в сбыте изделий своих перед всеми европейскими державами в Северной Персии, турецкой Армении и даже Анатолии... Сопредельность морей доставляет нам решительный перевес» [51]. Таким образом, активизация внешней торговли для победы в конкурентной борьбе становится существенной частью экономической пропаганды газеты. Говоря о количестве торговых судов, автор замечал, что их недостаточно, но выражал уверенность, что «число транспортных судов, без сомнения, умножится, коль скоро сумма перевозных товаров увеличится» [52]. Успеху внешней торговли будет способствовать и изменение маршрута: вместо сухопутного, которым пользовались тифлисские купцы, можно использовать от Нижнего Новгорода до Баку речной путь, более удобный и выгодный. Выигрыш во времени позволит удачно соперничать на Тавризском рынке с английскими, французскими и немецкими купцами. Статья рекомендовала коммерсантам наиболее удобные порты, через которые можно вести торговлю с Востоком. Газета вела своеобразный учет внешнеторговых отношений края, информировала читателя о степени интенсивности и характере торговли.

В № 45 за 1829 г. в рубрике «Внутренние известия» были помещены «Известия о торговле Закавказского края по официальным ведомостям таможень и застав» с указанием, какой товар, на какую сумму был провезен через южную границу в течение сентября 1829 г. Под рубрикой «Торговые известия» (№ 3 и 5, 1830 г.) печатались сведения о пришедших в Грузию торговых судах и транспортах или через Редут-Кале, или через Бакинскую таможню, даны сведения и о купцах, отправившихся с товарами в Россию. В последующих номерах рубрика «Торговые известия» уже не появляется, но экономическая информация продолжает печататься во «Внутренних известиях» (№ 25, 48, 51, 57, 74, 75, 77 и др., 1830 г.). Зарубежная экономическая информация печаталась обычно под рубрикой «Смесь».

Проблема торговли освещалась газетой не только с информационных, но и с пропагандистских позиций. Под рубрикой «Внутренние известия» в № 47 за 1829 г. были даны сведения о ценах на продукты в Арзруме после его занятия русскими войсками. Вниманию читателей для сравнения была представлена таблица цен арзрумского и тифлисского рынков. Из нее видно, насколько цены на хлеб, мясо, крупы в Арзруме ниже, чем в Тифлисе. Автор объясняет это «и плодородием страны, и досужливостью жителей».

---

[51] «Тифлисские ведомости», 22 ноября 1829 г., стр. 3.
[52] «Тифлисские ведомости», 28 ноября 1829 г., стр. 3.

Такие материалы должны были внушить читателю, что под властью России экономическая жизнь страны не только не переживает спада, но наоборот — активизируется. Косвенное или прямое указание на экономические выгоды закавказских стран от присоединения к России прослеживается во многих статьях.

В № 21 и 23 газеты за 1830 г. под рубрикой «Минералогия» была напечатана статья Н. Воскобойникова «Описание источников каменной соли, находящихся в Карском пашалыке, и существующего там Кагизманского соляного промысла». В статье давались исторические сведения о Кагизманском соляном промысле и его разработке за последние пятьдесят лет, описание соляных источников и расположения соляных пластов или гнезд, способов добычи соли. Автор говорил об острой нехватке соли в Закавказье и выражал удовлетворение тем, что с завоеванием Карского пашалыка Грузия перестает зависеть от ввоза соли из Персии и Турции.

Под рубрикой «Путешествия» в № 78 газеты за этот же год был помещен путевой очерк Зубарева «Кульпинская соляная ломка». Основное занятие жителей селения Кульп — разработка соляных копей. При турецком правлении все доходы получал сардар и назначаемые им управляющие, в настоящее время положение, естественно, менялось. Облегчение тягот при новой власти в Закавказье, связанное с возможностью широкого использования его богатств, — важный мотив многих корреспонденций. Эта мысль трансформировалась порой в проекты преобразования Кавказского края.

Таким образом, можно сказать, что экономическая политика правительства на Кавказе воспринималась и использовалась газетой как политика многообещающая и перспективная. Отчасти в этом и следует искать объяснение преимущественно описательного характера материалов «Тифлисских ведомостей» на экономические темы, отсутствие в них должной степени критической заостренности. Тем не менее, публикуя обширный фактический материал, газета ставила насущные проблемы хозяйственного развития Кавказа, выявляла как узкие места, так и наиболее перспективные направления экономического развития в крае. В этом смысле надо отдать должное редакции газеты, которая, несмотря на цензурные стеснения, немало сделала для того, чтобы с прогрессивных позиций, с позиций грибоедовского плана преобразования хозяйственной жизни Закавказья подчеркнуть необходимость экономического сближения и сотрудничества закавказских народов с Россией.

Вопросы науки и просвещения

Анализируя публикации «Тифлисских ведомостей», связанные со специфически научными проблемами, следует, прежде всего, подчеркнуть серьезное отношение к ним редакции. Как нам уже известно, обращаясь к вопросам промышленности и торговли, редакция стре-

милась рассматривать их всесторонне, обстоятельно, подчас на научной основе. Остановимся на научно-просветительных проблемах, интересовавших газету.

В № 7 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. под рубрикой «Минералогия» была напечатана статья чиновника И. М. Воскобойникова «Минеральные воды, находящиеся в окрестностях Диадина». Автор описал основные серные и минеральные источники, их физические и химические свойства. Привезенные им из экспедиции пробы минеральных вод в результате химических анализов должны были дать возможность говорить об их целебных свойствах. Однако гораздо важнее для понимания позиции газеты редакционное примечание, в котором помещенная публикация расценивается как часть правительственной программы по научному изучению края: «Правительство, желая извлечь пользу для наук из обладания новопокоренными областями в Персии и Азиатской Турции, которые, по малой известности их, представляют обширное поприще для ученых изысканий, старалось при всяком удобном случае собрать на месте наставительные сведения, сколько дозволяло сие военное время... Издатели „Тифлисских ведомостей“, в намерении удовлетворить ученому любопытству публики, стараются преимущественно помещать ныне в своих периодических листках сообщаемые им сведения о новопокоренных здесь российским оружием турецких пашалыках» [53].

Программа научных изысканий в крае должна, таким образом, составить не свод случайных сведений, а стройную систему знаний. О том, что газетные материалы должны удовлетворять не только «ученому любопытству публики», но в первую очередь активно служить экономическим потребностям, способствовать реализации природных богатств, свидетельствует помещенная под рубрикой «Минералогия» в № 29 (за 1829 г.) статья профессора Паррота и его коллеги Максимилиана Бегагеля «О приисках каменного уголья в Тифлисском уезде». Речь шла о том, что открытие запасов каменного угля столь же важно для науки, как и для промышленности, так как найденный в Тифлисском у. каменный уголь позволит восполнить недостаток в топливе, испытываемый фабриками и заводами. Авторы, однако, сетовали на то, что из-за нерешительности тифлисских предпринимателей вопрос этот остается открытым. Проведенные Парротом и Бегагелем исследования каменного угля доказали его хорошее качество при очень удобном расположении — почти на поверхности земли. Для разработки залежей необходима была сумма в 10 000 руб. и знающий человек, который бы направил все усилия «на изыскание источника сего ископаемого, столь полезного для здешних мест» [54].

Редакция, поблагодарив в примечании авторов за статью, заявила: «Сообщение, посредством наших „Ведомостей“, известий о подобных

---

[53] «Тифлисские ведомости», 15 февраля 1829 г., стр. 3.
[54] «Тифлисские ведомости», 19 июля 1829 г., стр. 4.

открытиях, имея цель самую благонамеренную, доставляет нам новое средство направлять наше издание к пользе сего края».

Несомненно, «к пользе сего края» служил целый ряд материалов, опубликованных в «Тифлисских ведомостях» на научные темы. Они расширяли сферу познавательных интересов читателей газеты, способствовали превращению газеты в источник сведений о научных достижениях как внутри страны, так и за ее пределами. В № 34 газеты за 1829 г. под рубрикой «Корреспонденция» был напечатан «отрывок из частного письма» А. Щастливцева — «Экспедиция к Эльборусу» с описанием восхождения на Эльбрус ученых из Петербурга под руководством генерала Эмануеля. Достигнуть вершины горы ученым не удалось: единственным человеком, сделавшим это, оказался «неуклюжий и хромой черкес». Ученые лишь высчитали приблизительную высоту Эльбруса. Во время путешествия ими были найдены каменный уголь, свинец и другие руды.

Чрезвычайно важное практическое значение для всей жизни края имели публикации «Тифлисских ведомостей» о борьбе с эпидемиями. В информации под рубрикой «Внутренние известия» (№ 50, 1829 г.) сообщалось об учреждении в Тифлисе комитета, цель которого — «изыскание средств к искоренению повальных болезней, столь часто встречающихся в разных местах Закавказского края»[55]. В круг обязанностей этого учреждения входило: определение климата в разных местах Закавказья и воздействия его на здоровье людей, исследование эпидемических болезней и причин их возникновения, принятие мер к предотвращению этих болезней.

Приветствуя полезное начинание, редакция высказала свои суждения о географическом положении Закавказского края, о климате, перечислила «самые нездоровые места в здешнем краю», бывшие когда-то самыми цветущими и многолюдными: «Таковой общий взгляд на протекшее ведет ко многим умозаключениям»[56].

В № 61 газеты за 1830 г., в небольшой заметке, предшествующей статье «Замечания о повальной болезни холере (Cholera morbus), сделанные во время свирепствования оной в Таврисе в 1822 году», редакция с беспокойством сообщала, что в Тифлисе обнаружены случаи заболевания холерой, проникшей из Турции. «Мы с своей стороны, — говорится в газете, — считая священнейшей обязанностью быть по возможности полезным человечеству в сем бедственном случае, будем стараться собирать все представляющиеся сведения о сей опустошительной язве, коей свойства еще совершенно не дознаны, и не сомневаемся в том, что почтенные врачи, истинно пекущиеся о пользе науки, не откажутся нам способствовать в сем благонамеренном предприятии»[57]. Далее была помещена написанная врачом статья, в основу которой легли сведения, собранные автором во время эпидемии холеры в Тавризе. Здесь были даны признаки

---

[55] «Тифлисские ведомости», 13 декабря 1829 г., стр. 2.
[56] Там же.
[57] «Тифлисские ведомости», 31 июля 1830 г., стр. 3.

заболевания, свойства и особенности холеры, способы лечения. Значителен сам факт помещения этого материала газетой в тяжелые для города дни. Статья публиковалась в трех номерах подряд (№ 61, 62, 63, 1830 г.). В № 75 и 76 за тот же год под рубрикой «Корреспонденция» было опубликовано письмо с описанием холеры в Тифлисе.

Характерны информационные публикации, отражающие текущие исследования края и научные наблюдения. Все они представляли известный интерес для науки, хотя и не имели немедленного практического использования. Так, в № 39 газеты за 1829 г. под рубрикой «Корреспонденция» дан перевод письма проф. Паррота к П. Санковскому. В нем содержится описание двух окончившихся неудачей попыток восхождения на гору Арарат. На высшей точке, достигнутой экспедицией, был установлен деревянный крест. В № 42 сообщалось, что проф. Паррот достиг, наконец, вершины Арарата и провел там исследования. В № 23 газеты за 1830 г. под рубрикой «Корреспонденция» помещена «Выдержка» из письма того же проф. Паррота к Санковскому, которая содержит информацию о продолжении исследовательской работы в крае его экспедицией, о переходе через Кавказский хребет и проведенных научных наблюдениях. В № 2 «Тифлисских ведомостей» за 1831 г. под рубрикой «Корреспонденция» появилось «Письмо к Г. С. Г.....ву», в котором описывалось, как по поручению гр. И. Ф. Паскевича автор вместе с «В.....вым» (не Воскобойниковым ли?) исследовал горы Тамани. В № 25 газеты за тот же год под рубрикой «Метеорология» было опубликовано «Письмо к П. С.», т. е. к редактору газеты Санковскому, в котором описано одно из солнечных явлений, виденное в Манглисском урочище Эриванским карабинерным полком.

Любопытны «наблюдения, сделанные профессором Парротом о наклонении и уклонении магнитной стрелки в Тифлисе» (№ 31, 1829 г., под рубрикой «Физика»). Переведенная с французского заметка излагала краткую историю изобретения и употребления магнитной стрелки, а вслед за этим характеризовались показания стрелки в Тифлисе.

Обзор материалов «Тифлисских ведомостей», в разной степени связанных с научными проблемами, был бы неполным, если не сказать о том, что под рубрикой «Смесь» газета периодически помещала информацию о важнейших научных открытиях и изобретениях, перепечатанную из столичных газет и журналов.

Таким образом, сопоставляя рассматриваемый раздел «Тифлисских ведомостей» с аналогичными публикациями столичных, например, газет, можно прийти к следующему заключению. Если тифлисская русская газета и уступала некоторым столичным периодическим изданиям в географической обширности научной информации, то ее публикации на эту тему отличались насыщенностью конкретным научным материалом края. Это были главным образом наблюдения непосредственных участников научных экспедиций по Кавказскому краю, извещавших публику через местную газету обо всех своих выводах и открытиях.

Материалы «Тифлисских ведомостей», связанные с проблемами просвещения, тесно соприкасаются с информацией о научных изысканиях и прогнозах. В этом смысле показательно, что многие вопросы просвещения рассматривались в рубрике «Ученые известия». В основном, эти публикации «Тифлисских ведомостей» были реакцией на проводимую в Закавказье реорганизацию системы образования по российскому образцу или информировали о состоянии учебных заведений. Заслуживают внимания библиографические заметки о новых изданиях.

Редакция, чуждая ретроградства, присущего иным столичным официозам, с подъемом приветствовала продвижение края по пути просвещения, поощрительно отзывалась о каждом шаге в этом направлении. Так, редакция «Тифлисских ведомостей» особо известила читателей о таком значительном культурном событии в жизни края, как основание в Тифлисе публичной библиотеки. Любопытно, что инициатива создания библиотеки принадлежала члену авторского актива тифлисской газеты Екатерине Котовой, которая время от времени публиковала материалы на исторические темы. В «Объявлении» № 50 «Тифлисских ведомостей» сообщалось об открытии «Библиотеки для чтения», так как уровень грамотности в Грузии довольно высок, то и «необходимость в книгах должна с каждым днем становиться ощутительнее» [58]. Под «Объявлением» были помещены правила пользования библиотекой. В редакционном примечании было сказано: «Вот новое полезное заведение, открытое в Тифлисе. Честь и хвала по всем правам принадлежит почтенной учредительнице, успех зависит от благосклонного внимания, которое наша публика обратит на сие пособие, столь необходимое для просвещенных обитателей Закавказского края, следовательно в оном и сумневаться не смеем» [59].

Важнейшее место в материалах рассматриваемого профиля занимают сообщения, связанные с известной перестройкой системы образования в крае. Внимательный читатель не мог не заметить сочувствия газеты к некоторым признакам демократизации обучения в общеобразовательных учебных заведениях. В № 37 за 1829 г. в отделе «Высочайшие указы» было помещено новое «Положение о закавказских училищах и штате оных», утвержденное 2 августа 1829 г. По новому «Положению» двадцать уездных училищ (которые правительство еще собиралось открыть в Закавказье) и Тифлисская гимназия непосредственно подчинялись Главноуправляющему в Грузии И. Ф. Паскевичу и получали те же права, что и училища в российских губерниях. Далее следовало «Положение» о штате училищ. Редакция расценивала это как важнейшее событие в жизни края.

В № 47 газеты за 1830 г. во «Внутренних известиях» был помещен репортаж об открытии в Тифлисе гимназии, преобразованной по «высочайшему повелению» из дворянского Благородного училища

---

[58] «Тифлисские ведомости», 21 июня 1830 г., стр. 3.
[59] Там же, стр. 4.

еще в августе 1829 г. На открытии были произнесены речи директором гимназии Грубером, учителем российской словесности Дементьевым и учителем грузинского языка Додашвили («О необходимости соединения хорошего нравственного домашнего воспитания с учением»). В связи с этим в том же номере была помещена и статья «О преобразовании Тифлисского благородного училища в гимназию». В ней излагалась история училища и причина его преобразования в гимназию: «Заведение сие, остававшееся по сие время при первоначальном своем учреждении, ограничиваясь образованием грузинского дворянского юношества и не распространяя просвещения между прочими сословиями закавказских обитателей, кои при возрастающем общем благосостоянии начинали уже чувствовать пользу наук, не могло в полной мере соответствовать требованиям края». И все-таки «главнейшая цель учреждения гимназии есть доставление средств к приличному воспитанию детей грузинских дворян и служащих в сем крае русских чиновников». Впрочем, отмечалось в статье, учиться в гимназии могут и «дети всякого свободного сословия» [60]. Перечислялись основные пункты «Положения» о закавказских училищах, утвержденного 2 августа 1829 г.: 1) учреждение гимназии в Тифлисе и двадцати училищ в уездах; 2) открытие при гимназии пансиона для сорока «казенных воспитанников». В гимназию посредством экзаменов было определено 298 человек, составлен и учительский штат. Среди 30 учеников-«пансионеров», за «нравственность и успехи» назначенных на казенное содержание, упоминается и будущий великий грузинский поэт Н. М. Бараташвили.

В № 51, 52 и 23 газеты за 1830 г. под рубрикой «Изящная словесность» помещена «Речь, произнесенная при торжественном открытии Тифлисской гимназии директором оной коллежским советником Грубером» («О пользе просвещения, особенно в отношении к Грузии»). Во вступлении говорилось, что с присоединением к России Грузия стала на путь быстрого экономического развития. В стране, богато одаренной природой, почти не существовала промышленность, сельское хозяйство и торговля были развиты слабо. Экономическому росту страны должно было способствовать распространение образования в народе. Программу просвещения русское правительство проводило с самого начала существования Грузии в пределах империи. Одной из таких мер в данный момент и явилось преобразование Тифлисского училища в высшее учебное заведение, «долженствующее изливать благодетельный свет на все высшие сословия здешнего края» [61]. Далее оратор говорил о «пользе просвещения в ближайшем отношении к Грузии» и в отдельности для каждого из ее сословий, подробно останавливался на подготовке кадров для гражданской и военной службы [62].

По-видимому, редакция не пропускает незамеченным ни одного события, связанного с реорганизацией системы образования в Кав-

[60] «Тифлисские ведомости», 12 июня 1830 г., стр. 2.
[61] «Тифлисские ведомости», 21 июня 1830 г., стр. 2.
[62] Там же, стр. 2—3.

казском крае. Так, в № 52 газеты за 1829 г. под рубрикой «Корреспонденция» было помещено письмо из Кизляра о торжественном открытии Благородного пансиона, учрежденного братьями Арзановыми. В № 7 «Прибавления к „Тифлисским ведомостям"» за 1830 г. дан «высочайший рескрипт» на имя главноуправляющего в Грузии гр. Паскевича с разрешением употреблять ежегодно по 2,5 тыс. руб. серебром из «пенсиона азиатцам» на содержание вновь открытого пансиона «для воспитания малолетних благородных девиц».

Редакция периодически помещала на страницах газеты сообщения о ходе экзаменов в учебных заведениях и даже об успехах отдельных учеников, делилась с читателями интересными сведениями по истории отдельных учебных заведений. Так, в рубрике «Внутренние известия» (№ 31, 1829 г.) было напечатано сообщение о «публичном испытании» учеников Тифлисской духовной семинарии по основным предметам (семинария была основана в 1818 г. митрополитом и экзархом Грузии Феофилактом). Отмечая успехи семинаристов в изучении наук, корреспондент сожалеет, что «трудность в обучении сих детей русскому языку и в особенности выговору противопоставляет им сильное препятствие к достижению полного успеха. Вероятно, от сей трудности изъясняться на чуждом языке происходит принятый сими воспитанниками в умозрительных науках образ изложения, в коем действует более память, нежели рассудок» [63].

В № 51 за 1830 г. вновь сообщалось о публичных экзаменах в Тифлисской духовной семинарии и перечислялись фамилии учеников, успешно ее окончивших. В рубрике «Внутренние известия» № 24 газеты за 1829 г. была дана информация о «публичном испытании в Тифлисском благородном училище» и также перечислялись фамилии отличившихся учеников и полученные ими награды.

Редакция разными способами выражала тревогу по поводу бедственного положения народного образования на фоне успехов отдельных учеников. В № 53 газеты за 1830 г. была помещена статья Д. Зубарева «Базельские Миссионеры. — Татарские и армянские училища (Отрывок из путешествия по Закавказским провинциям)». В статье говорилось о деятельности в Шуше немцев-миссионеров, принадлежащих к Базельскому Евангелическому обществу. Занимаясь распространением христианства среди магометан, они основали школу, где обучали 40 армянских детей. В то время как с обращением магометан в христианскую веру ничего не получалось, в школе дела шли более успешно: обучение было бесплатным, преподавание велось на армянском языке, имелась даже своя типография. Обрадованный таким примером, автор решает ознакомиться с другими училищами в Шуше. В татарских училищах детей обучают муллы и «учение производится во всех училищах весьма небрежно». По складам, едва разбирая буквы, ребенок читает Фирдоуси, Саади, Гафиза, а «бедные, кои не в состоянии иметь сих книг, довольствуются чтением творений своего учителя или какой-нибудь вздорной гада-

[63] «Тифлисские ведомости», 2 августа 1829 г., стр. 2.

тельной книжки»[64]. Не лучше поставлено преподавание и в армянских училищах. Одним из них заведует некий вартабет Погос, «сам едва знающий грамоте». Учителя нисколько не заботятся об учениках, «ибо, получая исправно плату от родителей, почитают лишним заниматься учениками»[65]. Успехи женского училища те же, что и в мужских. Автор возлагал большие надежды на предполагавшееся в Шуше учреждение училища в связи с новым положением об учебных заведениях в Закавказских провинциях.

Итак, можно считать, что общая тенденция редакции в подаче материалов о просвещении масс и образовании детей и юношества была достаточно прогрессивной. Понятно удовлетворение, какое высказывали «Тифлисские ведомости» в связи с общностью структуры учебных заведений Центральной России и Закавказья.

Полемическая целеустремленность газеты

Укомплектованность «Тифлисских ведомостей» сотрудниками, долгое время прослужившими на Кавказе и хорошо знавшими местную жизнь и историю края, давала основание редакции газеты рассматривать себя в качестве единственно компетентного учреждения, в той или иной степени сведущего во всем, что имело отношение к Кавказу и его разноплеменному населению. Небезосновательность подобного мнения редакции о себе подтверждается не только научной ценностью опубликованного в газете историко-этнографического, экономического и другого фактического материала, но и обширностью ее познавательных интересов в кавказоведении вообще.

Исходя из этого, редакция «Тифлисских ведомостей» считала себя правомочной и в известной мере даже обязанной отвечать на всевозможные печатные высказывания о Кавказе, в которых искажалась действительность. Полемическая заостренность содержания газеты характерна для ее деятельности за все время существования.

Как известно, еще в начале 20-х годов XIX в. А. С. Грибоедов положил начало полемическому единоборству представителей местных литературных кругов с теми из официальных и полуофициальных столичных периодических изданий, которые дезинформировали русского читателя неверными сведениями о Кавказе, в частности о политическом положении в крае. Вполне закономерно, что редакция первой местной русской газеты не только продолжила грибоедовскую традицию в кавказской печати, но и приумножила ее довольно смелым по тем временам опытом полемической борьбы. Полемика в «Тифлисских ведомостях» охватывает самые различные аспекты, включая политику, экономику, науку и культуру.

---

64 «Тифлисские ведомости», 3 июля 1830 г., стр. 4.
65 Там же.

В предыдущих разделах уже рассматривались полемические выступления «Тифлисских ведомостей» по злободневным вопросам тогдашней кавказской действительности. Сейчас мы займемся обзором опубликованных материалов, еще раз подтверждающих принципиальность и гражданское мужество редакции.

Весь полемический материал газеты можно подразделить на две части: первая — выступления против столичной периодики, главным образом против булгаринских изданий; вторая — полемика местного значения.

Почти в каждом отдельном случае, когда на страницах газеты завязывалась полемика, редакция не была сторонним наблюдателем. Наоборот, она проявляла свое отношение как к предмету спора, так и к его участникам, стараясь при этом быть предельно объективной. Своей позиции редакция придерживалась даже тогда, когда неправым в полемике оказывался либо представитель «круга, предназначенного для тифлисской газеты», либо даже член самой редакции. Более того, к чести последней надо сказать, что, не в пример руководителям других официальных изданий того времени, она умела прямо признать в подобных случаях справедливый характер замечаний своего оппонента.

Весьма показательна в этом отношении небольшая дискуссия, возникшая на страницах «Тифлисских ведомостей» в связи с предпринимавшимися тогда усилиями всестороннего, в том числе историко-географического, описания Закавказского края. В № 60 газеты за 1830 г. под рубрикой «Критика» были напечатаны две заметки члена редакции Д. Е. Зубарева «Несколько замечаний на статью, помещенную в „В[естнике] Е[вропы]“ текущего года» и «О неверности географических описаний Закавказского края».

В первой заметке речь шла об ошибках, допущенных одним из авторов «Вестника Европы», который утверждал, что на Кавказе существует страна Казахия и что между малороссиянами и кавказскими горцами обнаруживается много общего. На основе ошибочных данных журнал неверно объяснял слово «козак». Зубарев совершенно справедливо отрицал факт существования на Кавказе страны Казахии, указывая на то, что под этим наименованием подразумевается так называемая Казахская дистанция, объединявшая «63 селения армянских и татарских», т. е. азербайджанских. О малороссийских казаках он замечает, что они больше схожи с грузинами и армянами, чем с лезгинами и осетинами. Эта схожесть, отмечает Зубарев, заметна и в одежде и во внешности.

Объектом критического рассмотрения второй заметки Зубарева служило «Краткое Всеобщее землеописание по новому разделению, изданное г. Каменецким в 1827 г.». Четыре страницы, отведенные в этом труде Закавказью, изобиловали географическими неточностями и ошибками фактического характера. Так, автор «Всеобщего землеописания» объединил Имерети с Гурией, хотя последняя была присоединена к России только в 1828 г.; сообщал, что в Тифлисе имеются коверные фабрики, тогда как они там отсутствовали;

главным городом Гурии был назван Батуми, а Поти присоединен к Имерети, в то время как оба эти города в 1827 г. еще принадлежали Турции, и т. д. Короче говоря, автор «Всеобщего землеописания» поспешил присоединить к России области, ей не принадлежащие. Кроме этого, Зубарев указал на целый ряд ошибок, допущенных Каменецким в описании округов, поселений горцев, а также в названиях городов.

Несмотря на то что критика Зубарева была аргументированной, а пояснения его — довольно основательными и четкими, он сам не избежал ляпсусов при описании некоторых местностей Закавказья. В № 78 «Тифлисских ведомостей» за тот же год появилась заметка И. Шостенко «Критика на критику», в которой указывалось на ошибку Зубарева, утверждавшего, что в Рачинском округе Имерети находится крепость и гавань Редут-Кале. «Не только Рачинский округ, но никакая часть Имеретии... не прилегает к морю, — писал Шостенко, — следовательно, в ней и гавани быть не может; да и крепости Редут-Куле в Имеретии не существует, а есть Редут-Куле в Мингрелии, не крепость, а небольшой земляной редут, построенный на берегу Черного моря, при устье реки Хопии в 1804 году российскими войсками...» [66].

В № 87 газеты за тот же год в редакционной заметке «Г-ну сочинителю статьи „Критика на критику“» редакция поблагодарила И. Шостенко за его статью, отметив, что, если в газете допущена ошибка, читатели могут и должны ее исправить.

В самый разгар событий на Кавказском фронте русско-турецкой войны в 1829 г. редакция, решив несколько оживить материалы газеты на военную тематику, в № 26 под новой рубрикой «Военные науки» поместила инженерно-артиллерийскую задачу некоего Босовела. Предлагалось «сделать и укрепить четырехугольный редут таким образом, чтоб два полевых легких или батарейных орудия могли весьма легко и проворно обстреливать все четыре стороны редута» [67]. Интересно, что автор имел, оказывается, в виду не столько развлечение читателей «Тифлисских ведомостей» предлагавшейся головоломкой, сколько злободневность ее практического применения в условиях военного времени. «Сей способ построения и укрепления редута..., — писал Босовел, — не худо бы употребить при небольших, так называемых, летучих отрядах, составляемых несильным корпусом (каков, например, наш Кавказский) на важных пунктах сообщений и на вновь завоеванных обширных границах, для воспрепятствования и, если уж так случится, для уничтожения больших неприятельских партий, вторгшихся в наши пределы» [68].

В № 37 газеты за тот же год появился ответ на эту задачу (под рубрикой «Корреспонденция») — «Письмо к издателю „Тифлис-

---

[66] «Тифлисские ведомости», 27 сентября 1830 г., стр. 4.
[67] «Тифлисские ведомости», 1 июня 1829 г., стр. 4.
[68] Там же.

ских ведомостей“» за подписью «Артиллерийский прапорщик». Автор письма подвергал критике задачу Босовела, отметив, что подобные «вопросы» были известны каждому артиллеристу еще в давние времена. Он объяснил построение редута, предложенного в задаче Босовела, и сообщил, что такие укрепления давно существуют на Кавказской линии.

Босовел не замедлил ответить на это выступление: в № 46 газеты за 1829 г. в отделе «Критика» появилась его статья «„Г. Артиллерийскому прапорщику“ на его отзыв, помещенный в 37 номере „Тифлисских ведомостей“». Босовел ополчился не столько против справедливых замечаний в его адрес «Артиллерийского прапорщика», сколько против личности последнего. О тоне всей статьи можно судить по ее первым строкам: «Его благородие, какой-то г. „Артиллерийский прапорщик“ и, вероятно, если не из недорослей, то еще юный (во всем Кавказском корпусе я не знаю артил. прапорщика, который бы имел более 20 лет) ... изволил приметить...» [69] и т. д. Вероятно, этой статьей Босовел поставил в неудобное положение редакцию газеты, потому что здесь же последовало примечание от редакции: «Напротив, за ту статью мы очень благодарим г. прапорщика; а за сию будет нам со всячиною от публики; заранее каемся», а в сноске к тексту Босовела: «Здесь мы не смели поместить одной очень грубой фразы» [70]. Так редакция показала свое отношение к помещаемому материалу.

Под рубрикой «Антикритика» в № 51 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. появился ответ «Артиллерийского прапорщика» — «Г. Босовелу на возражение его, помещенное в 46 нумере „Тифлисских ведомостей“». Автор последовательно по пунктам разобрал выступление Босовела и аргументированно доказал свою правоту. В этом же номере был помещен отклик, цель которого, по всей видимости, положить конец полемике. Это — «Отрывок из письма казачки Василисы Софроновой к сыну ея, находящемуся в Тифлисе», где говорилось, какой отклик нашло письмо Босовела среди казаков станицы Червленной. «Казаки наши, — писала Василиса Софронова, — что-то говорят, что он немудрой человек, за какие-то редуты, о которых он написал какую-то околесную» [71]. Если мнение одного человека для Босовела ничего не значило, то суждение большой группы читателей должно было бы как-то охладить его полемический пыл. К такому приему редакция прибегла, не желая, видимо, дальше участвовать в полемике, завязавшейся между двумя представителями читательского актива газеты.

Многие примеры из практической деятельности «Тифлисских ведомостей» свидетельствуют о внимании редакции к запросам своих читателей. Справедливые критические замечания неизменно воспринимались с благодарностью и признательностью,

---

[69] «Тифлисские ведомости», 15 ноября 1829 г., стр. 3.
[70] Там же.
[71] «Тифлисские ведомости», 20 декабря 1829 г., стр. 6.

в противном же случае редакция высказывала свое несогласие, либо указывала на беспредметность спора. Характерно в этом отношении «Письмо к редактору „Тифлисских ведомостей“» за подписью Легкобытова, опубликованное в № 2 за 1832 г. В нем говорилось о том, что статья со статистическими данными о Талышинской провинции (№ 11 за 1831 г.) содержала много неточностей. Легкобытов, которому наряду с другими местными чиновниками было поручено составить статистическое описание Закавказского края, чувствовал себя уязвленным тем, что многие из его друзей и знакомых восприняли эту публикацию в газете как принадлежавшую ему, поскольку именно он занимался описанием данной провинции.

В ответе Легкобытову, помещенном в том же номере газеты, редакция отмечала, что неточности в указанной статье о Талышинской провинции возможны, так как сведения собраны за несколько лет до ее опубликования. Но редакция здесь же справедливо упрекнула своего оппонента: «Не мешало бы господину Легкобытову показать замеченные им неисправности, ибо голословная критика бесполезна и не вызывает доверенности к рецензенту» [72].

Из рассмотренного материала отчасти можно убедиться, что редакция «Тифлисских ведомостей» реагировала на все критические высказывания. В этом смысле неким исключением из правила предстает случай, когда на полемическое выступление редактора «Салитературони нацилни Тбилисис уцкебатани» С. И. Додашвили в связи со статьей Гр. Гордеева «Погребальные обряды последних царей грузинских» (№ 1, 1832 г.) в «Тифлисских ведомостях» не было опубликовано ни ответа, ни разъяснения от редакции.

Между тем Додашвили в своей статье, озаглавленной «Замечание на статью о порядке погребения последних царей Грузии, которая была напечатана в первом номере русской газеты настоящего 1832 года», довольно резко критиковал Гордеева. Основной упрек Додашвили к Гордееву заключался в том, что последний, сославшись на историю Грузии Вахушти Багратиони как на источник, не только неверно интерпретировал содержащиеся в этом труде факты, но и перепутал периоды, к которым они относятся. Так, погребальные обряды, описываемые Гордеевым, имеют, как отмечает Додашвили, тысяча пятисотлетнюю давность, а не относятся к периоду последних грузинских царей, который решил осветить автор. В заключение своего выступления против коллеги из русской газеты Додашвили упрекал издателей «Тифлисских ведомостей» в том, что, не будучи хорошо осведомленными в некоторых местных обычаях, о которых взялся писать Гордеев, не следовало помещать на страницах газеты материал «без должного рассмотрения» [73]. Почему же редакция «Тифлисских ведомостей» не выразила своего отношения к полемическому выступлению

---

[72] «Тифлисские ведомости», январь 1832 г. (№ 2), стр. 24 (48).
[73] «Салитературони нацилни Тбилисис уцкебатани», 1832, № 3, стр. 24 (72).

коллеги из «Салитературони нацилин Тбилисис уцкебатани»? По нашему мнению, редакция просто молча признала справедливость критики.

Когда для вынесения решения о справедливом характере какого-либо из противоборствующих мнений отсутствовал объективный критерий, редакция становилась на позицию той из сторон, которая в большей степени заслуживала доверия и доводы которой были более аргументированы. Весьма характерно в этом отношении полемическое единоборство в газете между правительственным чиновником из Эривани И. Шопеном, являвшимся одновременно одним из активных и плодовитых корреспондентов «Тифлисских ведомостей», и профессором физики Дерптского университета Парротом, прибывшим на Кавказ, как уже отмечалось, во главе небольшой научной экспедиции для проведения «ряда опытов и ученых исследований». В числе последних, как мы помним, значилось и восхождение на гору Арарат, ради чего Паррот в середине 1829 г. прибыл в Эривань. Здесь он познакомился с будущим великим армянским просветителем Хачатуром Абовяном, тогда еще священнослужителем Эчмиадзина, который высказал желание участвовать в восхождении на Арарат. 18 октября 1829 г. «Тифлисские ведомости» извещали читателей: «26-го сентября г. Паррот, в сопровождении неутомимого эчмиадзинского монаха, о котором мы упомянули прежде и коему имя Абовян, пяти поселян и двух солдат отправились в твердом намерении достигнуть вершины Арарата, если сие только возможно человеческим силам. Путешественники ночевали выше, нежели прежде (имеются в виду две предыдущие безрезультатные попытки покорения Арарата, предпринятые экспедицией в том же 1829 г. — *Д. В.*), на скале, где не было снегу, и на другой день, то есть 27 сентября в 3 часа пополудни, оставив на половине дороги трех поселян, истощенных усталостью, они достигли самой вершины Арарата. Вершина сия теперь осенена небольшим крестом в 5 футов вышины, который г. Паррот поставил в знак владения христианами сим священным местом. Посредством своих наблюдений, сделанных на самой вершине Арарата, г. Паррот определил высоту сей горы в 16 200 французских футов над поверхностью моря» [74].

Каково же было удивление редакции «Тифлисских ведомостей», когда год с лишним спустя в заключительной части своей статьи «О произведениях и богатстве Эриванской провинции» И. Шопен, между прочим, упомянул Масис (древнее название Арарата), как ветхозаветную гору, к вершине которой после Ноя «не прикасалась нога человеческая» [75]. Смысл редакционной сноски к данному месту из статьи был таков: автор, по-видимому, ничего не знает о восхождении на Арарат проф. Паррота, иначе он не сказал бы этого. Шопен счел своим долгом ответить на реплику. И в № 11

---

[74] «Тифлисские ведомости», 18 октября 1829 г., стр. 2.
[75] «Тифлисские ведомости», 17 января 1831 г., стр. 8 (40).

газеты за тот же год под рубрикой «Корреспонденция» было опубликовано его «Письмо к издателю „Тифлисских ведомостей“», где он подверг сомнению достижение вершины Арарата и барометрическое определение высоты горы экспедицией проф. Паррота [76]. Это выступление Шопена вызвало реакцию со стороны проф. Паррота. И в № 22 за 1831 г. под рубрикой «Критика» в газете появился «Ответ профессора Паррота на замечание г-на Шопена, помещенное в № 11 „Тифлисских ведомостей“ настоящего года» [77]. Профессор привел множество доказательств, назвал свидетелей, способных подтвердить, что он и некоторые члены его экспедиции побывали на вершине Арарата.

Решающее слово в этой полемике было сказано Хачатуром Абовяном, рассказ которого о восхождении на Арарат был воспроизведен вслед за текстом редакционного комментария к «Ответу» проф. Паррота. Не случайно последний, опровергая тенденциозные доводы Шопена, ссылался на Абовяна как на очевидца и участника покорения вершины Арарата: «В числе сопутствовавших мне не было никакого дьячка, но молодой монах, в сане дьякона, служивший переводчиком в монастыре Эчмиадзинском, по имени Хачатур Абоян (опечатка, должно быть — Абовян. — *Д. В.*), который уже гораздо более имеет образования, нежели какого достигнуть может какой-либо армянин в Эчмиадзине или Эривани... он во всякую минуту готов утвердить священною клятвенною присягою, что мы были на вершине» [78].

Во время трудного восхождения на Арарат Х. Абовян постоянно находился с Парротом и его коллегами, восхищаясь их твердой волей, мужеством и целеустремленностью. В свою очередь и молодой монах, должно быть, производил благоприятное впечатление на участников экспедиции, ибо, по словам Абовяна, «Паррот, щадя мою молодость, советовал мне не вдаваться в столь опасное путешествие, но, твердо решившись быть верным их спутником во всех их полезных исследованиях, я объявил ему свое непоколебимое намерение не отставать от них ни на шаг» [79].

Подробно описав первые две неудавшиеся попытки покорения вершины горы, Абовян рассказал о серьезной подготовке членов экспедиции к третьей попытке, о том, как, в частности, Паррот во время вынужденных в связи с непогодой стоянок делал всевозможные расчеты для изыскания наименее затруднительного способа к достижению цели. «Наконец величественный Мазис, — продолжал свой рассказ Абовян, — открыл седую главу свою и, благосклонно приветствуя ученых путешественников, пригласил их принять заслуженную награду за их постоянство в перенесении толиких трудов и опасностей. 26 сентября чуть свет мы вновь пустились в путь. Люди, бывшие с нами в прежних попытках,

---

[76] «Тифлисские ведомости», 11 февраля 1831 г., стр. 19—21 (83—85).
[77] «Тифлисские ведомости», апрель 1831 г. (№ 23-25), стр. 10—16 (170—176).
[78] Там же, стр. 15—16 (175—176).
[79] Там же, стр. 19 (179).

устрашенные виденными ими затруднениями и опасностями, отказались на сей раз нам сопутствовать. Мы наняли других шесть мужиков, взяли их и двух солдат и отправились в путь. Сей раз мы имели ночлег выше того места, где останавливались при втором восхождении нашем... На другой день мы с рассветом собрались в путь; но медленность, с которою ленивые мужики, очищавшие нам дорогу, прорубали лед, сделала нам большую остановку. Трое из них отказались даже следовать дальше того места, где воздвигнут был крест. Через десять часов мы достигли вершины горы. Не стану описывать восторга, который мы ощутили, когда подавили пятою голову гордого Арарата. Я весь трепетал от радости, между тем как г. профессор занимался своими барометрическими наблюдениями, я в восхищении бегал, как ребенок, по всей вершине горы и с жадностью отыскивал какой-нибудь предмет, который я мог бы взять для памяти, но к крайней моей горести ничего не нашел. Надо было довольствоваться небольшим куском снега, и растаявшую из него воду я по прибытии моем в Эчмиадзин разделил между знакомыми архимандритами. На вершине Арарата, на северной ее стороне, я собственными руками своими поставил деревянный крест. Мы спустились к ночлегу нашему при захождении солнца» [80].

Рассказ Х. Абовяна редактору «Тифлисских ведомостей» П. Санковскому — это не только подробное, наподобие дневниковой записи, описание первого восхождения на вершину Арарата. В устах священнослужителя, инока Хачатура, этот рассказ, проникнутый чувством глубочайшего уважения и преклонения перед людьми науки, перед смелыми естествоиспытателями, подвергавшими себя опасности во имя торжества разума и прогресса, приобретал на страницах официальной русской газеты того времени совершенно особое звучание. Заслуживает внимания также и тот факт, что, судя по этому первому, в какой-то степени вынужденному, выступлению в периодической печати Х. Абовяна, в нем уже тогда, еще до получения университетского образования, проглядывал передовой мыслитель своего времени, окончательно порывавший с поповщиной и отдавший предпочтение науке.

Поместив рассказ Х. Абовяна в «Тифлисских ведомостях», редакция тем самым открыто подчеркнула свою солидарность с проф. Парротом и его сподвижниками в споре с Шопеном, не изменив своей традиции быть до конца объективной. Об этом было сказано и в заявлении «От издателя „Тифлисских ведомостей"» Санковского: «Поставив себе неизменным правилом строгое беспристрастие, я не усумнился поместить в издаваемом мною журнале и возражение г-на Шопена на сделанное мною замечание под статьею его „О богатстве Эриванской области" и настоящий ответ г-на Паррота. Но исполнив долг беспристрастия, я считаю себя

---

[80] Там же, стр. 20 (180).

обязанным следовать внушению здравой критики»[81]. В комментарии к «Ответу профессора Паррота» редакция осудила предвзятость Шопена, которая основывалась, как отмечал Санковский, на «опрометчивом доверии» разным суеверным толкам и слухам обитателей Армянской области[82]. Иными словами, редакция смело выступила за науку и «ученое исследование» против церковных мракобесов и консерваторов. Отсюда и предпочтение «здравой критике» перед утверждением Шопена независимо от того, что последний был активным сотрудником газеты.

Не менее принципиальной, а в определенном смысле, может быть, более последовательной и непримиримой была позиция редакции «Тифлисских ведомостей» в полемике со столичными периодическими изданиями, в частности с изданиями Булгарина и Греча. Благодаря разумной тактике ведения полемической борьбы с полуофициальными охранительными периодическими изданиями редакции удавалось отстаивать свою точку зрения. Правда, после репрессий против В. Д. Сухорукова в связи с его полемическим выступлением в 1829 г. против «Северной пчелы» и «Русского инвалида» редакция тифлисской газеты долгое время воздерживалась от полемики, особенно на политические темы.

В № 3 и 4 «Тифлисских ведомостей» за 1832 г. было напечатано резкое выступление члена редакции Гр. Гордеева против писем одного из булгаринских корреспондентов, касавшихся кавказской действительности и опубликованных... три года с лишним назад! Объяснение своей столь запоздалой реакции, которое Гордеев дает в своей статье «Возражения господину Х. Ш. ... на письма его к Ф. Булгарину, помещенные в 9 № „Северного архива" 1829 года», на наш взгляд, не выдерживает критики. Он пишет: «В № 9-м „Северного архива", изданного в 1829 году, помещены письма об Тифлисе и Грузии, наполненные чрезвычайною и оскорбительною несправедливостью на счет грузин, братий и единоверцев наших, соединенных навсегда с нами в одно великое политическое тело. Письма сии в то же время привели всех читающих за Кавказом в сильное изумление и негодование на автора. Толь неприятные чувства, вместе с туземцами, разделяли и все благомыслящие россияне. Я, не доверяя еще сам себе на счет точного моего познания нравов и образа жизни грузин, удержался тогда от критических замечаний на сие сочинение. Ныне же, по прошествии нескольких лет, уверившись, что оно действительно так далеко от истины, как тьма от света, вменяю себе в приятную обязанность удостоверить моих соотечественников, что грузины вместе со своею страною, представлены господином Х. Ш. ... совершенно в таком виде, в каком они никогда не находились»[83].

Мы не исключаем, что полемическая статья Гордеева могла быть написана и по выходе «Писем Х. Ш.» к Булгарину, т. е.

[81] «Тифлисские ведомости», апрель 1831 г., стр. 17 (177).
[82] Там же.
[83] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г. (№ 3), стр. 18—19 (66—67).

в том же 1829 г., но в связи с арестом В. Д. Сухорукова подобная публикация в «Тифлисских ведомостях» была бы весьма рискованной по крайней мере до того, пока один из верховных учинителей погрома в Грузии над ссыльными декабристами и местной русской газетой в конце 1829—начале 1830 г. — гр. И. Ф. Паскевич находился на Кавказе. А в 1832 г. Паскевич был уже в России, а на Кавказе его заменил бар. Г. В. Розен.

Инициалы «Х. Ш.» до сих пор не расшифрованы. М. А. Полиевктов пишет о «Х. Ш.», «совершившем [в] 1827—1828 [годах] путешествие по западным областям Европейской России, Черноморью, Кавказу и Крыму. Настоящую фамилию этого анонима надо искать среди знакомых Фаддея Булгарина, в форме писем к которому появилось описание этого путешествия в „Северном Архиве"... Х. Ш. — типичный „российский" обыватель того времени, туго воспринимающий непривычные для него впечатления» [84]. Касаясь личности «Х. Ш.», В. С. Шадури сообщает: «В экземпляре „Северного архива", хранящемся в библиотеке ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, под статьей Х... Ш... неизвестной рукой написано: „Харитон Шевырев". Раздобыть какие-либо сведения о личности Харитона Шевырева мне не удалось» [85].

Из полемической статьи Гордеева, рассматривавшей преимущественно ту часть писем «Х. Ш.», в которых описано пребывание последнего в Грузии, может создаться впечатление, что автор «Писем» задался целью охаять и очернить современную ему жизнь грузин. Между тем достаточно ознакомиться со всем циклом «Писем», чтобы убедиться в хлесткости выражений «Х. Ш.» и по отношению к другим народам Ближнего Востока и даже «сынам туманной Британии», которые, как оказывается, «страдают умственною обструкциею» [86]. Для вынесения характеристики той или иной нации в целом «Х. Ш.» часто довольствовался слухами. «Говорят,— писал он,— что турки честнее персиян; положим, что это справедливо; но не все же люди имеют нужду в честности первых, а угрюмость их несносна» [87], и «вообще в народах необразованных приверженность к родине велика» [88]. Эти слова обращены, прежде всего, к народам Кавказа, жизнь которых представляется «Х. Ш.» в особенно мрачных тонах. Рассматривая Кавказ почти целиком подвластным России краем, где ему, представителю метрополии, хотелось бы навести общеимперский порядок, «Х. Ш.» пишет: «Расставаясь с Кавказом, скажу еще несколько слов о обитателях оного. Все они живут селениями и занимаются хлебопашеством и скотоводством; все равно хищники» [89].

[84] *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг., стр. 58—59.

[85] *В. С. Шадури.* Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 265.

[86] «Северный архив», 1828, стр. 239.

[87] Там же, стр. 212.

[88] Там же, стр. 205.

[89] Там же, стр. 240.

Но не только люди, живущие на Кавказе, антипатичны «Х. Ш.»: он недоволен и природой края, которой восторгались многие его соотечественники, а местные обычаи, требующие от путешественника уважения, вызывают у него периодическое брюзжание. Так, величественная картина Дарьяльского ущелья и вид буйного Терека, по мнению «Х. Ш.», «располагает сначала к унынию, меланхолии, которая наконец превращается в ужас» [90]. И далее автор заключает: «Сколь малым чувствует себя человек среди гигантского Кавказа!» [91] Эстетические вкусы «Х. Ш.» лучшим образом характеризует его попытка сравнить кавказскую лезгинку с танцем... дрессированных собачек «мадамов Пумперникелей».

В статье Гордеев пункт за пунктом разобрал измышления «Х. Ш.» об истории, местных нравах и обычаях Грузии, отметил множество фактических ошибок, поверхностных умозаключений, объективно наносивших вред русско-кавказским отношениям.

Гордеев с возмущением отвечал на утверждение «Х. Ш.», будто грузины не отличаются природной живостью и остротой ума: «Время доказало, что грузины имеют счастливые способности к наукам, а потому и ход просвещения не может быть медлителен в Грузии, если только к распространению оного будут употребляться... ревностные старания» [92] со стороны, прежде всего, правительства. В другом месте автор статьи подчеркивал, что не приходится сомневаться «в природной остроте грузин... Таковой дар ума доказывают они многими замысловатыми иносказаниями и своими различными... сочинениями» [93].

Когда «Х. Ш.» проявлял явное невежество при описании особенностей местной жизни, Гордеев снисходительно уличал его: полноте, «г-н „Х. Ш.“, бог с вами, что вы пишете...?» [94] Но когда бестактность и невежество переступали границу, то стиль обращения Гордеева к «Х. Ш.» менялся, приобретая форму резкого порицания: «Я не знаю, как можно между всеми описательными несправедливостями еще дозволять себе наносить оскорбление целой нации!.. Стыдитесь г. „Х. Ш.“...!» [95] Но наиболее удачным методом, к которому прибегал Гордеев в своей критике соратника Ф. В. Булгарина, было цитирование отдельных мест его «Писем», разоблачавших «Х. Ш.» как «знатока» Кавказа. Эти выдержки, как правило, сопровождались кратким, но выразительным комментарием. «Грузины и армяне сказывают,— говорилось в одной из цитат,— что они имеют весьма много исторических преданий, кои простираются до первых наших исторических времен(стран. 128).— Весьма много, г. „Х. Ш.“... но мы еще и доныне не умеем или не хотим ими пользоваться» [96]. «Вы справедливо сожалеете,— писал Гордеев

[90] «Северный архив», 1828, стр. 221.
[91] Там же.
[92] «Тифлисские ведомости», февраль 1832 г. (№ 4), стр. 13 (85).
[93] Там же.
[94] Там же, стр. 11 (83).
[95] Там же, стр. 10 (82).
[96] Там же, стр. 13 (85).

„Х. Ш.“, — что у нас много переводят, а мало пишут о России. Но вот беда, если многие будут писать подобно вам, тогда иной русский, читая таковые описания, не будет узнавать в них даже того города, в котором он родился и вырос! К чему же это послужит?» [97]. Эта же мысль, что такого рода писания наносят ущерб братскому союзу русского и грузинского народов, присутствовала и в заключительном абзаце гордеевской статьи: «Все ваши шесть писем, г. „Х. Ш.“... наполнены одной несправедливостью и ложными понятиями, которые местами приправляются еще обидными сравнениями и колкими уподоблениями насчет грузин и грузинок. Правда, вы заговорились языком неправды о грузинах и о Грузии» [98].

Критика Гордеева являлась примером журналистской принципиальности и — что весьма характерно для его публикаций в тифлисской газете вообще — глубокой заинтересованности в предмете, о котором он писал. Это, пожалуй, одна из лучших статей Гордеева в «Тифлисских ведомостях», в которой он показал себя великолепным полемистом. Сам факт выступления газеты против представителя булгаринского лагеря, на этот раз в 1832 г., свидетельствовал о том, что после событий 1829 г. в политических симпатиях и умонастроениях редакции «Тифлисских ведомостей» перемены не произошло. Оно лишний раз свидетельствовало о том, что редакция свое назначение усматривала не только в сообщении российским читателям сведений о Кавказе, но и, быть может, в большей степени в том, чтобы способствовать укреплению дружбы народов, расширению по возможности поприща для всестороннего сотрудничества. В полемическом материале, опубликованном в «Тифлисских ведомостях», наиболее полно сказался прогрессивный характер направления газеты, которая свое правдивое слово о Кавказе и местных народах не только доносила, но и успешно популяризовала среди читателей.

И еще одно важное обстоятельство.

Все активные сотрудники редакции «Тифлисских ведомостей» владели известной степенью художественного мастерства. В языке и стиле каждого из них определенно прослеживались индивидуальные литературные вкусы, пристрастия, сложившиеся под влиянием господствующих стилистических традиций в русской литературе первой трети XIX в. Два литературных жанра преобладали в литературно-журналистской практике авторского актива газеты: очерки и стихи. Их объединял общий предмет — Кавказ, который уже сам по себе имел специфическое стилеобразующее значение. Величественность природы, экзотика нравов и быта мотивировали в газетном языке обилие живописных сравнений, ярких и определительных эпитетов, затейливых метафор.

Мы не решаемся причислить произведения П. Санковского, Гр. Гордеева, Д. Зубарева и других авторов газеты к высоким об-

[97] Там же.
[98] Там же, стр. 15—16 (87—88).

разцам русского литературного стиля того времени, но в них отразились характерные для XIX в. стилистические течения и в силу этого они служили не только источником информации, но и в известной степени источником литературно-художественного образования, воспитания у читателей литературно-эстетических вкусов. Наблюдения над очерками Санковского и его коллег по «Тифлисским ведомостям» показывают, что этот жанр сложился под воздействием популярных в конце XVIII в. дневниковых записок путешествий Крашенинникова, Лепёхина, Палласа. Здесь обнаруживается та же обстоятельность и объективность в изложении, та же тонкость многочисленных наблюдений над окружающим. Фактографическая обстоятельность облекается в формы сравнительно легкого литературного стиля. Здесь, безусловно, чувствуется влияние карамзинских традиций, особенно его известных «Писем русского путешественника». Влияние «нового слога» обнаруживается и в характерных фразах («сопровождаемый бродатым казаком, воинственным сыном Тихого Дона» — в «Описании бури на Военно-Грузинской дороге», № 5, 1830 г., стр. 3), и в сентименталистских эпитетах: «грустному сердцу моему не могло нравиться шумное веселье» или «трепетные сердца сих миролюбивых путешественников... как гром поразили маленького моего ритора» — в «Поездке из Польши за Кавказ» (№ 19, 1830 г., стр. 3—4). Вместе с тем в стиле очерков Санковского и особенно Гордеева отражался, ставший популярным в литературе первой трети XIX в., стиль исторического повествования Н. М. Карамзина и Н. А. Полевого.

Следует подчеркнуть, что известная схематичность, выспренность и даже приторность очеркового стиля Санковского, Гордеева и других авторов восполнялись достоинствами добросовестных наблюдений и искренних выводов, представлявших для читателя и познавательную, и эмоциональную ценность. Можно предположить, что существенное влияние на литературные вкусы сотрудников тифлисской газеты оказала восходящая литературная звезда декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. Стиль Марлинского сильно чувствуется в тех диалогах, какие вводятся авторами в текст очерков.

Что же касается стихотворных опытов Санковского и Гордеева на страницах «Тифлисских ведомостей», то по своему стилю они явно восходят к той поэтической традиции, которая утвердилась после Н. М. Карамзина (К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, юный А. С. Пушкин). Но степень этого влияния сказывается у Санковского и Гордеева по-разному. У Гордеева она заметней и проявляется в характерной для сентименталистов стилизации народных песен:

«Шуми, Чорох! в струях игривых
Катись по белому песку!
Не заглушишь речей унылых,
Не унесешь души тоску!»
(«Бейбуртская дева») [99]

---

[99] «Тифлисские ведомости», март 1830 г. (№ 27), стр. 3.

В стихах Санковского, напротив, сильно чувствуется влияние архаистов, приверженность к «старому слогу», к насыщенности славянизмами, к торжественно-риторическому стилю:

«Могу ль я, смертный, проницать
Творца определение?
. . . .
Лежит протяжною грядой
До облаков громада,
Меж просвещением и тьмой
Гранитная ограда.
. . . .
Здесь некая уныла сень
Свет дневный заменяет».

(«Русский в Дарьяле») [100]

Справедливости ради все же следует отметить, что большинство стихотворных опытов Санковского и его коллег носило явно подражательный характер, что авторы хорошо сознавали сами и скромно обозначали в подзаголовках: «Подражание» [101].

Военная тематика в «Тифлисских ведомостях» и вопросы истории русско-грузинского боевого содружества

В основе грузино-русских отношений до и после заключения Георгиевского трактата 1783 г. лежала, с одной стороны, кровная заинтересованность Грузии в оказании ей военной помощи единоверной Россией, помощи, которая могла бы оградить Грузию от опустошительных персидско-турецких нашествий и разбойничьих набегов дагестанских феодалов. С другой стороны, эти отношения характеризовались расчетом царизма использовать Грузию в качестве надежного плацдарма для осуществления своих устремлений на Ближнем и Среднем Востоке.

Вынашивавшаяся на протяжении долгого времени идея русского покровительства Грузии нашла свое первоначальное воплощение в Георгиевском трактате, который знаменовал собой коренные преобразования в межгосударственных отношениях Грузии не только с Россией, но и с соседними мусульманскими державами, в первую очередь — с Ираном и Турцией. Грузия избавлялась от насильственно навязываемой ей в течение многих веков персидско-турецкой «опеки» и окончательно связывала свою судьбу с могущественным, издревле дружественно расположенным к ней северным соседом. Значение трактата, несомненно, возрастало и оттого, что

---

[100] «Тифлисские ведомости», ноябрь 1831 г. (№ 30—32), стр. 5 (237), 6 (238), 7 (239), 8 (240).

[101] «Тифлисские ведомости», январь 1830 г. (№ 1), стр. 2; ноябрь 1831 г. (№ 30—32), стр. 8 (240) и др.

«ближневосточная международная политика в последнее двадцатилетие XVIII века нашла свою завязку в Закавказье» [102].

Поручительство России за целостность территории Восточногрузинского царства, зафиксированное в трактате, подразумевало оказание действенной военной помощи. В «Сепаратных артикулах» к трактату русское правительство обязалось содержать в Грузии два батальона пехоты при 4 пушках и в случае войны увеличить число своих войск. Непосредственная военная поддержка Россией Грузии приняла сравнительно систематический характер лишь после заключения трактата. Но даже в этот период она порой зависела от добрососедских отношений между двумя государствами и от других факторов, определенным образом влиявших на русско-грузинские отношения. Среди этих факторов немаловажную роль играли англо-русские и русско-французские противоречия на Ближнем Востоке, которые вплоть до фактического присоединения Восточной Грузии к России (1801 г.) сковывали военную инициативу царизма в отношении недругов Грузии, заставляли его считаться с конкретной международной обстановкой, особенно на Ближнем и Среднем Востоке. Подобная осмотрительность протектора приводила к тому, что существование Восточной Грузии оказывалось иногда под угрозой, как это случилось в 1795 г. Тем не менее стратегическое значение русской военной помощи Грузии, несмотря на ее номинальное проявление в конце XVIII в., оказывало весьма устрашающее воздействие на враждебно настроенные по отношению к Грузии мусульманские государства. Именно этим следует объяснить исторически достоверный факт, что после Крцанисской битвы до вступления Восточной Грузии в состав Российской империи со стороны Турции или Ирана не было осуществлено сколько-нибудь серьезных военных акций против Грузии.

Основой межгосударственных отношений Грузии и России, особенно в конце XVIII в. и отчасти в первые десятилетия XIX в., в том числе экономических, культурных, религиозных связей, являлись отношения военно-политические. Не будет преувеличением сказать, что от их благополучного состояния зависел русско-грузинский союз вообще.

Разнообразие и обилие документального материала по вопросам русско-грузинского боевого содружества поддерживает неослабный интерес историков к этой теме. Но следует отметить, что многие из дореволюционных военных историков, посвятивших специальные труды разработке данной проблемы, односторонне освещали эти вопросы. Классовое пристрастие сказалось не только при описании отдельных боевых операций, но и при анализе публикуемых документальных материалов [103].

---

[102] *Н. А. Бердзенишвили.* Вопросы истории Грузии (на груз. яз.), кн. II. Тбилиси, 1965, стр. 229.

[103] *Н. Дубровин.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871—1888; «Утверждение русского владычества на Кавказе», под редакцией генерал-майора В. А. Потто. Тифлис, 1901—1908; *Ушаков.* История военных

Особое внимание изучению русско-грузинского военного содружества в различные исторические периоды уделяли советские грузинские историки. Этой проблеме посвящены докторские и кандидатские диссертации, монографии и исследования [104]. Мы не собираемся анализировать достоинства и недостатки выполненных работ, но отметим, что для всех этих работ характерен один общий просчет: полное игнорирование либо недостаточное использование периодической печати Грузии, особенно журналов и газет, издававшихся в Тифлисе в первой половине XIX в. Между тем это — незаменимый источник, содержащий уникальные сведения по истории русско-грузинского боевого содружества.

В первой трети XIX в. попеременно Турция, Иран и дагестанские феодалы не только дипломатическими ухищрениями и разбойничьими набегами, но и кровопролитными войнами безуспешно пытались поколебать складывающееся на протяжении веков русско-грузинское боевое единение. Это был период, когда грузинский народ при поддержке русского воинства в смертном бою с иноземными поработителями отстаивал свою территориальную целостность, когда представители русского народа «запечатлели кровью братский союз с грузинами и доказали своим единоверцам готовность жертвовать жизнью для защиты их пределов, семейств и имущества с тем же рвением, как и собственное Отечество» [105].

Одним из наиболее ценных источников по истории боевого содружества русского и грузинского народов в первой трети XIX в. является газета «Тифлисские ведомости». К сожалению, этот источник не только не полно использован историками, но часто и вовсе обойден молчанием. Поскольку выход газеты в свет был сопряжен, как уже отмечалось, с началом боевых действий на Кавказском фронте войны с Турцией, редакция одну из своих основных задач видела в пропаганде сплочения русского и закавказских народов, и прежде всего в упрочении русско-грузинского воинского содружества. Этой цели служила не только регулярно публикуемая в газете военная информация, но и специальные статьи, воскресавшие в памяти современников славные победы русского и грузинского оружия в сравнительно недавнем прошлом. Характерно, что эта тема, как одна из наиболее актуальных в тот период, нашла отражение еще в «Проекте учреждаемого в Тифлисе периодического издания». В разделе «Проекта», где предопределялось содер-

---

действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах (ч. 1 и 2). СПб., 1836; *Щербатов.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1895 и др.

[104] *Н. М. Кортуа.* Грузия в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. (Из истории боевого содружества русского и грузинского народов). Рукопись докт. дисс. Тбилиси, 1965; *Э. А. Орджоникидзе.* Присоединение Ахалцихского края к Грузии в 1828—1829 гг. (рукопись канд. дисс.). Тбилиси, 1955; *В. И. Джикия.* Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и Грузия (рукопись канд. дисс.). Тбилиси, 1954; *И. Г. Антелава.* Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и Грузия. — «Труды Сухумского педагогического института», вып. VII, 1952, и др.

[105] «Тифлисские ведомости», 11 июля 1828 г., стр. 4.

жание будущих статей для «Тифлисских ведомостей», между прочим, отмечалось, что наряду с сообщением военных сведений, среди читателей следует популяризировать «походы, сражения, осады и подвиги отличившихся здесь полководцев, в особенности известных военачальников Цицианова и Котляревского»[106].

Среди достаточно обильного материала газеты, характеризующего русско-грузинское боевое содружество в первой трети XIX в., мы остановимся на Какабетском сражении 1800 г. и русско-турецкой войне 1828—1829 гг., в которых ярко проявилось это содружество.

К историографии Какабетского сражения

По своему значению Какабетское сражение 1800 г. смело может быть причислено к битвам, сыгравшим немаловажную роль в исторических судьбах грузинского народа. К сожалению, специального монографического исследования, посвященного истории этого сражения, пока нет.

В произведениях отдельных авторов, затрагивающих тот или иной аспект истории Грузии XIX в., можно встретить более или менее обстоятельное упоминание об этом сражении. Мы попытаемся воссоздать картину этого сражения, основываясь на рассмотрении существующего документального и другого фактического материала, в том числе извлеченного из газеты «Тифлисские ведомости». Это прояснит причины, обусловившие победу русско-грузинского оружия.

Объектом исследования послужит статья без подписи, опубликованная в № 1 и 2 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г., которая воспроизводит историю нашествия лезгин (в данной статье под собирательным именем «лезгины» всюду подразумевается исключительно феодальное охвостье, составляющее войско Омар-хана Аварского) на Грузию в самом начале XIX в. Особая ценность статьи, озаглавленной «Нападение на Грузию Омар-хана Аварского и сражение при Иоре 7-го ноября 1800 года», заключается в том, что в ней впервые за 28 лет после описываемого сражения довольно подробно изложена его история[107]. Иными словами, названная статья явилась первым исследованием по истории Какабет-

---

[106] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 367, стр. 3.

[107] Первые сообщения об этом сражении появились в печати в том же 1800 г. Так, в печатном листке «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1800 г., № 99 от 11 декабря была помещена «Выписка из донесения ген.-м. Лазарева, находящегося с деташаментом российских войск в Грузии». В том же листке «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1800 г., № 102 от 21 декабря было напечатано «Подробное донесение ген.-лейт. Кнорринга 2-го о победе, одержанной российскими войсками, в Грузии находящимися, над аварским Омар-ханом». К донесению прилагался «Список всемилостивейше пожалованным награждениям, отличившимся в поражении войск аварского Омар-хана при Иоре».

ского или Ниахурского [108] боя, как еще именуют поражение войск Омар-хана при Иори в 1800 г.

Историографическую основу статьи составляют официальные документы, связанные с историей сражения с Омар-ханом в 1800 г., которые впоследствии были опубликованы в первом томе «Актов Кавказской археографической комиссии». Ко времени публикации статьи в «Тифлисских ведомостях» автор располагал не всеми документами, проливающими свет на историю Какабетского сражения, чем, видимо, и следует объяснить некоторые поспешные авторские выводы, нуждающиеся в уточнении.

В начале статьи обрисована политическая ситуация, сложившаяся в Грузии накануне Какабетского сражения. «Грузия в конце восемнадцатого столетия,— говорится в статье,— претерпевшая разорение от нашествия Аги-Мехмед-хана [109], обуреваемая внутренними несогласиями, обеспокоенная и истощенная беспрестанными покушениями вероломных соседей, подвергалась опасности соделаться жертвою иноверных владельцев, потерять свои права, преимущества и христианский закон, сей драгоценный залог, сохраненный ею с толикою твердостью в течение нескольких столетий» [110]. В таких условиях Грузия обратилась за покровительством к России. Однако появление русских войск в Грузии, хотя и имело, по словам автора, сильное влияние на внутреннюю и внешнюю безопасность этого края, все же не пресекло хищнических набегов на страну феодального охвостья из Дагестана. Что же касается непосредственной причины, вызвавшей нашествие полчищ Омар-хана на Грузию в 1800 г., автор полагает, что таковой послужила «издавна существовавшая вражда лезгин против Грузии» [111] и то обстоятельство, что сын Ираклия II царевич Александр «принял живейшее участие в предприятии лезгин на Грузию и был почти главным виновником их вторжения в ее пределы» [112].

С подобным выводом автора о причинах Какабетского сражения, конечно, нельзя согласиться, ибо достоверно известно, что неприязненные действия Омар-хана против Грузии в 1800 г. явились следствием не какой-то абстрактной «издавна существовавшей вражды лезгин» к иноверцам-грузинам, как уверял автор статьи. Дело в том, что разбойничьи набеги дагестанских феодалов на Грузию, не только физически, но и экономически и духовно истощавшие население страны в течение нескольких веков, особенно участились, приняв ожесточенный характер после заключения Георгиевского трактата. Подстрекаемые главным образом агентами турецкого

---

[108] Какабети — селение в Кахети (в Сагареджойском районе), вблизи которого произошло сражение объединенного русско-грузинского войска с полчищами Омар-хана Аварского в 1800 г. Ниахура — название местности непосредственно перед селением Какабети, на которой разыгралась битва.

[109] Ага-Магомед-хан разорил Тифлис в 1795 г.

[110] «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 3.

[111] Там же.

[112] Там же, стр. 4.

правительства, лезгинские феодалы не упускали случая поживиться за счет соседнего грузинского народа. Так было и летом 1785 г., когда в ожидании крупного похода на Грузию, планируемого правителем Аварии Омар-ханом, лезгины, состоявшие на службе у ахалцихского Сулейман-паши, «разсеялись по всей Грузии небольшими партиями, грабили и опустошали страну. Чрезвычайные жары изсушили все реки, так что переправа через них не представляла никаких затруднений и почти не было дня, чтобы лезгины не похищали где-нибудь скота или людей или не сжигали хлеба, до которого до сих пор они никогда не касались» [113].

Первый поход на Грузию Омар-хан предпринял в том же 1785 г. 20-тысячное войско лезгин, миновав Караязскую степь, захватило в Борчало крепость Агджа-кала, разорило значительный по тому времени промышленный очаг страны — Ахтальские рудники и медеплавильные заводы. В связи с этим в другой статье, опубликованной в «Тифлисских ведомостях» позднее, было сказано: «Во время вторжения Омар-хана Аварского в Грузию в 1785 году аллавердские греки *, устрашась его свирепости, бросили все рудокопные инструменты и имущество, скрылись в Ахтальском заводе, который по местоположению почитали более крепчайшим и безопаснейшим; но Омар-хан 20 сентября взял Ахтальский завод, разрушил селения и великолепный греческий монастырь, при оном сооруженный, жителей же увлек в плен и распродал в Ахалцихском пашалыке» [114]. Тогда же головорезы, предводительствуемые Омар-ханом, совершили нападение на Саабашидзео (Верхняя Имеретия), где разорили Ваханскую крепость и возвратились с богатой добычей и пленными в Дагестан.

Грузия в то время не имела возможности содержать в тех условиях регулярное грузинское войско («мориге»), расформированное благодаря козням местных феодалов. К тому же малочисленность русских войск в Грузии (составлявших тогда всего два батальона под начальством полковника Бурнашева) не давала возможности обуздать хищничество лезгин. Поэтому царь Ираклий вынужден был тогда принять унизительное условие мира с Омар-ханом — стать его данником, с выплатой ежегодно 5 тыс. руб. «салеко» (в буквальном переводе с грузинского — «предназначаемое для

[113] *Н. Дубровин.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. II. СПб., 1886, стр. 85.

* «Греки-рудокопы были приглашены царем Ираклием II в 1763 г. из местечка Гумишхана, лежащего между Арзрумом и Трапезонтом. С их помощью и были основаны сперва Ахтальский и Тамбулутский серебряные заводы, а потом в 1770 г. и Аллавердский и Шамлугский медные заводы». — *Примечание газеты.*

[114] «Тифлисские ведомости», 19 июля 1830 г., стр. 3. Установлено, что «при этом нападении было взято хищниками в плен до 860 и побито до 640 человек. Омар-хан предлагал Ираклию (царю) возвратить пленных по цене 50 руб. за каждого. Ираклий давал по 45 руб., половину деньгами, половину парчами» (см. Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 30, стр. 9—10; Ср. *Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа, ч. II. СПб., 1809, стр. 163, 181, 182).

лезгин»). Нерегулярная выплата денег Георгием XII лезгинам и побудила прежде всего Омар-хана предпринять второй поход на Грузию. Любопытно в этом отношении признание самого Омар-хана, который в письме к царевичу Давиду, написанном в средних числах октября 1800 г., без обиняков объяснял главную причину своего ополчения против Грузии тем, что трижды был обманут царем Георгием, не выплатившим ему дани. «Если вы устоите в своем слове и нам деньги не удержите,— писал Омар-хан,— то я с войском своим пойду вниз (в сторону Ганджинского ханства.— *Д. В.*). Через два дня дядюшка ваш Александр сюда прибудет, который с посланцем получил от Баба-хана фирман, в коем написано, что сколько ему, царевичу, потребно войска и на оных провианта прислано будет» [115]. И далее: «Вам самим известно, что ежели я с войском возвращусь назад, то ни Баба-хан, ни царевич Александр без меня в границы ваши идти не осмелятся» [116]. Из этого письма нетрудно заключить, во-первых, что повторный поход Омар-хана на Грузию имел бы место независимо от участия в нем царевича Александра. Во-вторых, ссылка в письме на тесные связи царевича Александра с персидским шахом служит определенной цели — сделать более устрашающей для Грузии альтернативу, выставляемую Омар-ханом. В тесных взаимоотношениях царевича Александра с недругами Грузии сомневаться не приходится. Нереальной и лживой представляется лишь сама альтернатива, содержащаяся в письме Омар-хана, ибо трудно допустить, что даже при условии выплаты ему царем Георгием «задолженности» многочисленное войско лезгин, собранное у самых границ Грузии, так и убралось бы восвояси, направив путь в Ганджинское ханство или обратно в Дагестан. Трудно это допустить потому, что Омар-хан при повторном своем нашествии на Грузию преследовал, наряду с экономическими, определенные политические цели.

Таким образом, основной причиной Какабетского сражения послужили вполне определенные политические и экономические цели, преследуемые Омар-ханом Аварским, а не «издавна существовавшая вражда» по отношению к «неверным» грузинам со стороны лезгин.

Что касается царевича Александра, он, действительно, «принял живейшее участие в предприятии лезгин на Грузию», но «главным виновником их вторжения в ее пределы», как утверждается в статье, он не был. Об этом свидетельствует приведенная выше выдержка из письма Омар-хана к царевичу Давиду. Нам кажется, что царевич Александр только ускорил осуществление готовившегося в 1800 г. нападения на Грузию лезгинских феодалов.

---

[115] Цит. по кн.: *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1897, стр. 150.

[116] Там же. В другом документе также подчеркивается непосредственная заинтересованность в походе на Грузию Омар-хана Лезгинского «разными неудовольствиями на правительство здешнее (т. е. грузинское. — *Д. В.*) возбужденного» (см. АКАК, т. I, док. 34, стр. 115).

Предпоследний потомок (по мужской линии) Ираклия II царевич Александр разделял кровное недовольство родных братьев и матери, царицы Дареджан, «клятвопреступлением» старшего, но неединоутробного брата своего Георгия XII, который нарушил завещание отца. Как известно, незадолго перед смертью царь Ираклий (под давлением царицы Дареджан), в отклонение от традиционного порядка престолонаследования, установил новую преемственность для своих наследников, в соответствии с которой грузинский престол от Георгия XII должен был перейти не к старшему сыну его, царевичу Давиду, а к старшему из здравствовавших братьев Георгия — царевичу Юлону. Дав сперва обещание подчиниться воле отца, Георгий впоследствии нарушил ее, добившись от Павла I утверждения в качестве наследника грузинского престола своего сына, царевича Давида. На этой почве и произошел окончательный раскол в грузинской царской фамилии, объективно способствовавший впоследствии упразднению грузинского престола вообще.

Среди братьев Георгия наиболее воинственным и «неуемным» оказался царевич Александр, который проявлял определенное тяготение к Персии. «В самом начале своей „деятельности“ в Грузии Александр Багратиони установил связь с врагами своего народа, рассчитывая на помощь этих врагов больше, чем на силы в самой Грузии» [117]. Пользуясь большим уважением среди горских народов Кавказа как сын «великого царя» Ираклия [118], царевич Александр основную надежду возлагал на персидскую помощь в «отвоевании» Грузии у русских и свержении Георгия XII. В условиях, когда «каждый член царского дома почитал себя уготованным к царствованию» [119], царевич Александр имел больше оснований рассчитывать на грузинскую корону при наличии у него мощных союзников среди немалого числа недругов своего отечества.

Побег царевича Александра в Персию имел место незадолго перед его участием в походе Омар-хана. В лагерь персидских войск под Карабагом он прибыл с твердым намерением уговорить шахского наследника, тогда еще несовершеннолетнего Аббаса-Мирзу, двинуть войска на Грузию. Лихорадочные поиски Александром путей к осуществлению своих планов с помощью персиян не имели успеха. Удрученный царевич направился в Карабаг, где в продолжение пяти недель пользовался радушным гостеприимством местного хана Ибраима, давнишнего друга его отца.

Здесь же царевич Александр получил фирман от персидского владетеля Баба-хана, о котором упоминает в своем письме к царевичу Давиду Омар-хан. Фирман должен был служить своеобразным моральным подкреплением царевичу Александру, близкому к отчаянию из-за ухода персидских войск из-под границ Грузии. Восхваляя Александра, награждая его ханским достоинством и обещая

---

[117] *О. П. Маркова.* Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951, стр. 21.

[118] АКАК, т. I, док. № 105, стр. 167.

[119] *П. И. Иоселиани.* Жизнь царя Георгия XII (на груз. яз.). Тбилиси, 1900, стр. 16.

всяческую помощь, шах посылал царевичу наряду с богатым подарком «план на приступ к Тифлису с двух сторон, совместно с Омар-ханом Лезгинским, который находится в Белаканах — ближайшем селении к границам Грузинским и ожидает в подкрепление себе войск» [120]. Однако независимо от извещения царевича Александра шахским фирманом о намерениях Омар-хана в отношении Грузии владетель Аварии сам предпринял шаги к налаживанию связи с Александром с целью пригласить его в стан своих войск. Вот, что сказано об этом в собственноручном письме царевича Баграта, отправленном 12 октября 1800 г. из Телави к генералу Лазареву: «Сего числа получили писмо от Кизикского моурава князя Ендроникова, в коем он уведомлает, что Омар-хан расположился на ту стороне реки Алазани, назеваемом Урдо, и в Шуше (в Карабаг. — *Д. В.*) отправил син Муртузалий Али (сын Омар-хана — Муртуз-Али. — *Д. В.*) к дедушки (дядюшке. — *Д. В.*) моей Александре, которого хочет взять к себя» [121]. Примерно то же сказано и у Н. Дубровина, который пишет, что к Александру «приехал в Шушу сардарь Омар-хана, успевший уговорить царевича отправиться в его лагерь... Омар-хан принял очень ласково как царевича Александра, так и прибывшего вместе с ним сына Ибраин-хана Шушинского» [122].

Как видно из приведенных источников, Омар-хан добивался в полном смысле слова заполучить царевича Александра, конечно, не без определенного умысла, направив к нему с этой целью своего отпрыска. Александр был настолько опечален действиями персиян, что нуждался, оказывается, в том, чтобы его «уговорили» отправиться в лагерь лезгинских войск. Но если «ласковое» обхождение Омар-хана с Александром легко объяснимо, не вполне ясно, почему царевич, перед тем как отправиться к лезгинам, испытывал колебания? Видимо, Омар-хан был для него не таким уж надежным единомышленником, как персияне.

Таким образом, действия царевича Александра в ту пору и даже сам факт его участия в походе Омар-хана на Грузию не дают основания рассматривать царевича первопричиной и «главным виновником» похода. Небезынтересно, что как только командованию русских войск в Грузии стало известно о контактах царевича Александра с лезгинами, Омар-хан не замедлил воспользоваться царевичем для сокрытия истинных причин, побудивших его напасть на Грузию. В своей переписке с генералом Лазаревым (за несколько дней до Какабетского сражения) Омар-хан всячески старался заставить Лазарева поверить в то, что не он, владетель Аварии, ищущий покровительства и дружбы России, повинен в неприязненных действиях

---

120 АКАК, т. I, док. 65, стр. 147.

121 Там же, док. 87, стр. 159.

122 *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1897, стр. 149. Н. Дубровин полагал, что посланцем Омар-хана к царевичу Александру был, видимо, не Муртаз-Али, сын владетеля Аварии.

лезгин против Грузии, а царевич Александр — его «друг» и гость, которому он-де по азиатскому адату гостеприимства не в состоянии отказать в совместной борьбе с недругами [123].

Лживые заверения Омар-хана в том, что многочисленное войско его выступило в поход исключительно с целью подчиниться воле царевича Александра, не сбили с толку генерала Лазарева. Однако эти заверения показались, видимо, убедительными Л. С. Исарлову, который в своих «Письмах о Грузии» вслед за автором рассматриваемой статьи писал: «В 1800 году царевич Александр вторгнулся с двадцатью тысячами лезгин [124] в Грузию, стремясь свергнуть брата своего Георгия с престола» [125].

Подобный комментарий причин Какабетского сражения поражает наивностью. Стремление Омар-хана заслониться царевичем Александром, изобразить его виновником похода лезгин на Грузию, нам кажется, лишний раз неоспоримо свидетельствует о том, что царевич Александр послужил Омар-хану лишь поводом к попытке добиться осуществления своих целей.

Каковы же были действительные политические устремления Омар-хана Аварского? Являясь ставленником двух главенствующих ближневосточных держав — Турции и Персии, издавна вынашивавших идею о подвластном им мусульманском Кавказе, Омар-хан в своей внешнеполитической деятельности исходил, прежде всего, из этой панисламистской идеи. Весьма характерно, что степень его верноподданнических чувств по отношению к этим державам, как отмечает один из его современников, определялась принципом — служить «тому, кто больше даст» [126]. Именно из расчета определенной политической выгоды и предпринял Омар-хан повторный поход на Грузию при поддержке своих персидских вдохновителей. Уже тогда не составляло ни для кого тайны, что «настоящее ополчение Омар-хана, на границах грузинских собранное, без сомнения, есть дело приглашения его единомышленниками Баба-хана» [127], что «сей

---

[123] АКАК, т. I, док. 105, стр. 167.

[124] Н. Дубровин отмечал, что войско Омар-хана в Какабетском сражении насчитывало до 15 тыс. человек (*Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России, стр. 153). А в рассматриваемой статье в связи с этим сказано: «В настоящем предприятии Омар-хан имел до восемнадцати тысяч войска пешего и конного и разные дагестанские владельцы со своими силами лично участвовали в его предприятии» («Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 4).

[125] *Л. С. Исарлов.* Письма о Грузии. Тифлис, 1899, стр. 301. Более точно степень активности участия царевича Александра в войске Омар-хана Аварского подчеркнута в труде Г. В. Хачапуридзе «Грузия в первой половине XIX века», где сказано: «Когда в ноябре 1800 года дагестанские феодалы (владетель Аварии Омар-хан и другие), имевшие в своем распоряжении более 15 тысяч вооруженных людей, вторглись в пределы Грузии, с ними находился и царевич Александр» (см. «Труды Тбилисского государственного университета», 1958, т. II, стр. 13).

[126] См. АКАК, т. I, док. 34, стр. 122.

[127] Там же, стр. 123.

вероломный владелец Омар-хан есть игралище посторонних внушений»[128].

В планах Омар-хана едва ли не первое место отводилось организации нападения на Грузию, которая, мало того, что регулярно не выплачивала ему «законной» дани, но постепенно превращалась в форпост христианства на Кавказе, особенно после заключения Георгиевского трактата. В подобных условиях, по мысли Омар-хана, не следовало откладывать расправу с Грузией, тем более что осуществлению намерений благоприятствовали следующие обстоятельства: «гость» Омар-хана грузинский царевич Александр, малое количество русских войск в Грузии в сравнении с многочисленными отрядами лезгин и, наконец, из рук вон плохое вооружение грузинского ополчения.

В этом комплексе благоприятных для нападения на Грузию условий Омар-хан, надо думать, не на последнее место ставил свои личные качества военачальника и положение, какое он занимал среди прочих дагестанских владетелей. В рассматриваемой статье в связи с этим сказано: «Лезгинский Омар-хан, человек способный к великим предприятиям, отважного духа и известной храбрости, был в то время опаснейшим для Грузии неприятелем, из всех окружавших ее владельцев. Собственные его владения были не пространны, но, умея кстати пользоваться временем и обстоятельствами, он приобрел сильное влияние на окрестные народы, и весь Дагестан покорялся его воле. Привязанность к нему и слепое доверие, возбуждаемые удачными подвигами, при малейшем его движении привлекали к нему всех горских хищников»[129]. Эта характеристика Омар-хана, почти дословно заимствованная автором из известной «Записки С. С. Коваленского о Грузии»[130], видимо, настолько соответствовала личности Омар-хана, что от соблазна воспользоваться ею не удержался и Н. Дубровин при изложении сведений по истории Какабетского сражения[131].

Итак, какие же выгоды сулил Омар-хану повторный поход на Грузию? В случае успеха — овладение Тифлисом, изгнание оттуда русских и тем самым подтверждение верноподданнических чувств шаху Персии. С ведома последнего грузинский престол мог бы занять «кунак» — царевич Александр, который не в пример старшему брату своему исправно выплачивал бы Омар-хану дань и следовал бы его наставлениям при управлении страной.

«В октябре месяце 1800 года, — говорится в статье, — получено известие, что Омар-хан Аварский, собрав значительные силы, намеревается сделать нападение на Грузию». Эта фраза, начавшая повествование о Какабетском сражении, нуждается в комментарии. Как известно, решительный отказ Георгия XII в ответ на требова-

---

[128] Там же, док. 111, стр. 170.

[129] «Тифлисские ведомости», 7 июля 1828 г., стр. 4.

[130] См. АКАК, т. I, док. 34, стр. 122.

[131] *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России, стр. 147.

ние иранского властителя Баба-хана порвать с Россией и отослать к нему наследника грузинского престола царевича Давида крайне обострил грузино-персидские отношения. На случай непослушания Георгия, а также «для приведения в действие дел Ширвана и Дагестана» к границам Грузии заблаговременно были стянуты персидские войска, возглавляемые шахским наследником Аббас-Мирзой. Аббас-Мирза откровенно известил царя Георгия об основной цели предпринимаемого им похода: «чтобы служителей вечно существующей империи Персидской наградить многими милостями, а отрекающихся попрать к подножию войск наших» [132]. Нетрудно догадаться, что под «отрекающимися» подразумевались, прежде всего, сам царь Георгий, а затем уже некоторые владетели Дагестана и соседних ханств, прибегнувшие по примеру Грузии к покровительству России. «Служителями» же являлись горские владетели и ханы, в том числе Омар-хан Аварский, сохранившие верность Ирану.

Однако лояльность «служителей» по отношению к Ирану все больше уступала место трезвой политике из расчета собственной выгоды, вплоть до колебания в отдельных случаях в выборе «сюзерена» на Востоке (Иран, Турция) или на Севере (Россия). Баба-хан и его приближенные отдавали отчет в том, что пример Грузии грозил подорвать престиж Ирана, оказать дурное влияние на верноподданных Персии в пределах Кавказа. Теперь становилось ясно, почему Аббас-Мирза соединил поход на Грузию с наведением порядка в Дагестане и Ширване. В том, что эта проблема не была разрешена, немалую роль сыграла поколебленная лояльность местных ханов по отношению к Ирану. Ханы активным действиям в поддержку Аббас-Мирзы предпочли выжидательную позицию, ориентируясь «на участь Грузии, дабы по тому располагать и свои движения» [133].

В самый критический момент, когда персидские войска находились под Эриванью и намерение Аббас-Мирзы продолжить поход на Грузию еще не определилось, соседние с Грузией ханства проиранской ориентации, в том числе и Аварское, предпочли изобразить политику «неутралитета, или по крайней мере, явной на содействие персам решимости в сие время не оказали» [134]. Но «неутралитет» Омар-хана Аварского был показным. Как об этом свидетельствует письмо генерал-майора Лазарева к генерал-лейтенанту Кноррингу от 6 августа 1800 г., 10-тысячному войску Омар-хана (разумеется, с его ведома и согласия) в соответствии с планами персиян предназначалось «сделать диверсию» за Алазань, в результате которой «кахетинцы все принуждены будут возвратиться в домы для защиты своих селений» [135], вместо того чтобы участво-

---

[132] *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России, стр. 129.

[133] АКАК, т. I, док. 34, стр. 116.

[134] Там же.

[135] Там же, док. 38, стр. 128.

вать в совместном с русскими войсками отпоре персидским завоевателям.

Вторжение полчищ Омар-хана в Кахетию намечалось одновременно с выступлением персидских войск из-под Эривани на Тифлис и приурочивалось к 15 августа 1800 г.[136] Инспектору Кавказской дивизии генералу Кноррингу было сообщено об этом из Тифлиса генералом Лазаревым еще 6 августа 1800 г. Выходит, что сообщение о намерении Омар-хана напасть на Грузию было впервые получено в Тифлисе не в октябре 1800 г., как утверждает автор статьи в «Тифлисских ведомостях», а несколько раньше — в конце июля — начале августа того же года. Впоследствии, вплоть до начала Какабетского сражения, царь Георгий, а также царевичи Баграт и Иоанн, через митрополита кизикского Бодбели, мелика Абова и кизикского старшину князя Андроникашвили регулярно получали сведения о движении лезгинских войск вдоль границ Грузии, доставляемые из неприятельского стана специально засланными лазутчиками. Большую помощь объединенным русско-грузинским войскам оказали также точные разведывательные данные о неприятеле, сообщенные непосредственно перед началом боя генералу Лазареву русскими дозорными, так называемыми «подсыльщиками», среди которых особенно отличился старшина Моздокского казачьего полка Богаевский [137].

Благодаря хорошо поставленной разведке царю Георгию и генералу Лазареву стал известен обширный персидский план «отвоевания» Грузии у русских, который, в частности, предусматривал «чтоб имеретинцы с войсками Ахалцихского паши напали на Карталинию, Омар-хан — на Кахетию, а Александр с персами — на казахов и татар — самые лучшие провинции царские, и потом следовать к Тифлису» [138]. Таким образом, с самого начала враждебные действия Омар-хана против Грузии были тесно связаны с завоевательскими планами персиян на Кавказе.

Известно, что русское правительство в ответ на готовящееся наступление персидских войск против Грузии и некоторых северокавказских ханств, вошедших под покровительство России, предприняло определенные шаги к укреплению своих позиций на Кавказе. 3 августа 1800 г. были разосланы грамоты имп. Павла I северокавказским владетелям, в частности Мегди-шамхалу, табасаранскому кадию Рустему, Шейх-Али-хану Дербентскому и владетелю Каракайтакской области Рустем-Усмию, в которых «повелевается присоединить и свои силы к русским и грузинским, в случае действительного нападения персиян» [139]. Именно в эти дни, т. е. в первых числах августа 1800 г., Омар-хан Аварский, готовившийся к нашествию на Грузию в соответствии с персидскими планами, «присылает на имя

---

[136] Там же, стр. 129.
[137] Там же, док. 111, стр. 172.
[138] Там же, док. 69, стр. 150.
[139] *П. Г. Бутков*. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 год, ч. III, 1869, стр. 321.

императора Павла I просьбу о покровительстве»[140], которая была удовлетворена рескриптом от 26 августа того же года[141]. Это был дипломатический маневр Омар-хана, рассчитанный на то, чтобы гарантировать себе безопасность со стороны России в случае поражения персиян, в противном случае он — верноподданный шаха, соучастник победы персидских войск на Кавказе — в такой гарантии не нуждался.

Вскоре выяснилось, что тщательно разработанному персидскому плану завоевания Грузии не суждено было осуществиться, а дипломатический маневр Омар-хана был разгадан. Энергичные меры по обороне, предпринятые грузинским царем Георгием при поддержке и с помощью русских войск, отбили охоту у персиян заниматься опасными авантюрами. Отступив с войсками к Тавризу, Аббас-Мирза и приставленный к нему дядька-наставник Сулейман-хан предпочли реализовать новый, несколько видоизмененный план захвата Грузии, одобренный Баба-ханом. Они обратились к кавказским ханам, на приверженность которых все еще рассчитывали, с призывом предпринять совместный поход на Грузию, разумеется, с обещанием активной поддержки со стороны Ирана. Иначе говоря, окончательно убедившись в том, что Россия будет охранять Грузию от персидских притязаний, а также полагая преждевременным серьезное столкновение с Россией из-за внутренних неурядиц в Персии, Баба-хан и его наследники решили попробовать иной путь.

Здесь нельзя не отметить совершенно иную трактовку вопроса о том, почему «Иран на этот раз воздержался от вторжения в Грузию», содержащуюся в книге О. П. Марковой «Восстание в Кахетии в 1812 г.»: «Русская дипломатия проявляла в это время максимальную уступчивость, отозвав из Грузии, в угоду Ирану, своего представителя Коваленского. Этот факт не мог не иметь значения для иранской политики. Нападение дагестанских феодалов, которых привел затем в Грузию Александр Багратион, произошло без участия иранцев»[142]. Было бы наивным объяснять неучастие Ирана в предполагаемом совместно с лезгинами походе на Грузию отозванием Коваленского из Грузии «в угоду Ирану», вызванным, как известно, злоупотреблениями по службе, допущенными им в период пребывания в Грузии. Толкование О. П. Марковой тем более непонятно, что на предшествующей странице она справедливо отмечает, что «твердая позиция протектора имела несомненное значение для сохранения безопасности Грузии в этот момент»[143].

Как только стало известно, что персы на сей раз уклонились от похода на Грузию, мнимый «неутралитет» Омар-хана сменился открытым недружелюбием к Грузии. Войдя в сговор с некоторыми

---

[140] *П. Г. Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 год, стр. 321.

[141] АКАК, т. I, док. 60, стр. 144.

[142] *О. П. Маркова.* Восстание в Кахетии в 1812 г., стр. 21.

[143] Там же.

северокавказскими владетелями, в том числе с Сурхай-ханом Казикумыкским, Мегмед-ханом Дженгутаем и с кадиями Акушинским и Андинским, слепо доверявшими ему, Омар-хан проявил явное намерение «учинить нападение на Грузию» [144]. На этот шаг его толкало теперь не столько подстрекательство персов и, конечно, не забота об участи царевича Александра, а честолюбивое стремление стать главным, если не единоличным обладателем лавров победителя при повторном походе на Грузию, который, кроме прочих выгод, сулил укрепить за ним «право» регулярно взимать с нее дань. Новая ситуация, созданная уходом персидских войск в Тавриз, заставила Омар-хана пересмотреть и свое отношение к России, в подданстве которой он уже состоял. Чтобы придать вторжению своего войска в Кахетию «законный» характер, Омар-хан попытался противопоставить российскому покровительству Грузии свое покровительство беглому царевичу Александру. В одном из писем к генералу Лазареву, отправленных накануне Какабетского сражения, Омар-хан писал: «Хан Александр (царевич Александр. — *Д. В.*) прибегнул под покровительство дагестанцев, которые из уважения к его просьбе и унижению, не меньше как и по гостеприимству, должны были ему оказать помощь» [145].

Предлог этот Омар-хан считал слишком благовидным, чтобы не воспользоваться им с определенной целью, тем более что из-за проволочек и нерешительности Аббаса-Мирзы в августе 1800 г. был упущен, пожалуй, наиболее удобный для нападения на Грузию момент, когда второй русский полк под начальством генерал-майора Гулякова еще не успел прибыть с Кавказской линии в Тифлис [146]. Не исключено, что некоторая поспешность Омар-хана в стремлении осуществить свой коварный замысел в отношении Грузии была вызвана и тем, что он прослышал о намерении царя Георгия увеличить контингент русских войск в Грузии до 6 тыс. человек [147].

Между тем царь Георгий и российский полномочный министр в Грузии Коваленский, не разобравшись пока в истинных намерениях аварского владетеля и его сподручных, полагали, что стягивание лезгинского ополчения у кахетинской границы было предпринято «для содействия покушению на Грузию войск персидских, следственно, при настоящем сих последних удалении предприятие сие может и рушится» [148]. Поэтому в письмах, отосланных к Омар-хану с нарочным, они увещевали его, советуя, при наличии каких-либо справедливых притязаний к Грузии, «объясниться в том по соседственой дружбе миролюбиво» [149].

---

[144] АКАК, т. I, док. 48, стр. 136.

[145] Там же, док. 108, стр. 168.

[146] Полк генерала Гулякова прибыл в Тифлис 23 сентября 1800 г. (АКАК, т. I, док. 78, стр. 154).

[147] Там же, док. 64, стр. 146 (К моменту нападения войск Омар-хана на Грузию, т. е. к ноябрю 1800 г., русские войска в Грузии насчитывали 3 тыс. человек при 7 артиллерийских орудиях).

[148] Там же, док. 48, стр. 136.

[149] Там же.

Примерно так же рассуждал тогда и генерал Лазарев, который, как видно, скорее допускал повторение персидского демарша в отношении Грузии, чем наглость покровительствуемого Россией Омар-хана. «Угрожающий же нападением Омар-хан Лезгинский, — писал он генералу Кноррингу 20 августа 1800 г., — узнав об отступлении персидских войск, думаю, не осмелится впасть в границы грузинские» [150]. Эта некоторая предвзятость в отношении возможных действий Омар-хана и была причиной того, что в плане обороны Грузии, предложенном в то время генералом Лазаревым [151], несколько недооценивалась угроза вторжения лезгин со стороны Кахетии. На участке «казах-татары» (именно на этом участке ожидалось вторжение в Грузию войск, предводительствуемых Аббас-Мирзой и царевичем Александром) намечалось сосредоточить вдвое больше войск, чем в Кизики, хотя непосредственная опасность нашествия персов к тому времени уже миновала. План Лазарева, думается нам, несколько неоправданно в этой ситуации рассредоточивающий силы русских войск в Грузии, предусматривал: «в Кизике, лежащем при лезгинской границе, поставить батальон, в Казахах и у татар — два, и в Гори — один, кои могут быть подкреплением грузинским войскам, а неприятелю страшилищем; в Тифлисе же иметь три или два батальона — род резерва» [152].

План претерпел существенные изменения из-за его несоответствия дальнейшему развитию событий, из-за поколебленной уверенности генерала Лазарева, будто «исключая бездельных набегов, нынешний [1800] год кажется уже ничего важного случиться не может, да и сии сумнительны» [153].

Сведения, поступавшие от засланного в лезгинский лагерь лазутчика, носили все более тревожный характер. В одном из его донесений, например, сообщалось, что отряды лезгин «день ото дня нарочито умножаются», что «конное и пешее воинство прибавляется ежедневно» и что Омар-хан разослал нарочных к различным владельцам Кавказа с просьбой о поддержке [154].

Учитывая стягивание войск Омар-хана у Алазани, генерал Лазарев, вопреки своему поспешному «прогнозу», приступил к деятельной подготовке для отражения противника. «По принятии всех возможных мер, дабы обезопасить столицу, средину Грузии и остальную ее границу, — говорится в статье, — генерал-майор Лазарев, взяв с собою два батальона [155]: один егерского, а другой мушкетерского полка и принадлежавшую оным артиллерию, 28 ок-

[150] АКАК, т. I, док. 54, стр. 139.
[151] См. там же, док. 69, стр. 150.
[152] Там же.
[153] Там же.
[154] Там же, док. 95, стр. 161.
[155] «Егерского же Лазарева полка полковник Карягин оставался с двумя батальонами при нас в Тифлисе, который все мои приказания исполнял с великим усердием, сохраняя благополучие города и будучи всегда готов к сопротивлению неприятелю» (из письма Георгия XII Павлу I от 17 ноября 1800 г. — АКАК, т. I, док. 118, стр. 178).

тября[156] выступил с генерал-майором Гуляковым к пределам Кахетии»[157]. 31 октября Лазарев с войсками прибыл в Сигнах. За день до этого Омар-хан переправил свои отряды через Алазань, расположившись лагерем близ урочища Топ-Карагач в 16 верстах от Сигнаха.

Итак, несколько отвлекшись от анализа самого Какабетского сражения ради предыстории, мы восполнили слишком скупо обрисованную автором статьи политическую обстановку, в которой оно произошло.

Автор, опустив сообщение о военном совете у Омар-хана до начала сражения, не сумел показать принципиальной стратегической позиции царевича Александра в этом походе. Опираясь на показание Турманидзе, находившегося вместе с царевичем Александром в стане лезгинских войск, Н. Дубровин утверждает, что на военном совете «Александр советовал идти на Калагиры, но лезгинские старшины требовали движения на Сагареджо»[158]. В статье же сказано, что «царевич Александр вел оное (авангардную часть войска Омар-хана. — *Д. В.*) особым путем в намерении с двумя тысячами занять местечко Сагареджи»[159]. Получается, что на военном совете царило полное согласие между царевичем и лезгинскими старшинами. Это кажущееся противоречие между Н. Дубровиным и автором статьи вызвано тем, что последний перед вышеприведенной фразой не оговорил, что царевич Александр при своем особом мнении вынужден был подчиниться решению военного совета, приняв план движения лезгинских войск сперва на Сагареджо.

Кстати, это решение о движении на Сагареджо двухтысячного лезгинского авангарда, являющееся копией неосуществленного персидского плана «двустороннего приступа» к Тифлису, предусматривало расчленение остальных войск Омар-хана на две части: «С одной половиною приступить к Тифлису, осадить сей город и стараться завладеть оным; а другую половину переправить через р. Куру для соединения с имеретинами и с частью грузин, которых он полагал готовыми ему содействовать[160], и все сии совокупные силы двинуть на столицу Грузии, — если первое покушение будет неудачно»[161].

Этому плану, так же как и персидскому, не суждено было осуществиться. В противовес ему генералом Лазаревым был разработан план атаки неприятеля, в соответствии с которым 5 ноября русские батальоны совместно с грузинским пешим и конным опол-

---

[156] Эта дата неточная. Генерал Лазарев выступил с войском в Кахети 28 сентября 1800 г. (см. там же, док. 80, стр. 156).

[157] «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 4.

[158] *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России, стр. 153.

[159] «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 4.

[160] Подразумеваются войска, которые, в случае надобности, должны были выставить братья Александра — царевичи Юлон, Вахтанг и Парнаоз.

[161] «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 4.

чением, предводительствуемым сыновьями Георгия XII — царевичами Иоанном и Багратом, двинулись навстречу противнику.

Сражение с Омар-ханом произошло 7 ноября 1800 г. на правом берегу реки Иори, неподалеку от деревни Какабети. Статья подробно описывает основные эпизоды Какабетского боя, в результате которого противник был разбит наголову: «Сражение продолжалось три часа, лезгины претерпели страшное поражение, полторы тысячи человек убитыми и ранеными [162] найдено на месте сражения, до пятисот тел устилали путь, по коему спасался побежденный неприятель. Войско Омар-хана обратилось в бегство в таком беспорядке, что одна только невозможность к преследованию спасла оное от совершенного уничтожения» [163].

В статье названы некоторые участники сражения с обеих сторон, в том числе храбрые русские воины поручик Новицкий, который, «убив собственноручно одного знаменщика, взял знамя и умножил оным трофеи победителей» [164], поручик Котляревский, «прославившийся впоследствии в сей стране незабвенными воинскими подвигами» [165] и др. Автор особо подчеркивал роль грузинского ополчения в Какабетской битве: «Ничто не могло удержать ожесточения грузин, которые дрались против врожденных врагов своего отечества. В сражении они показали опыты неустрашимой храбрости, по одержании победы никакия увещания не могли их заставить щадить побежденных, в коих они видели лютых варваров, привыкших издревле разорять их поля и с неимоверным коварством терзать их семейства» [166].

К довершению биографии Омар-хана заметим, что некоторые полагали, будто он «помер» от тяжелой раны, полученной во время Какабетского сражения [167]. Вскоре, однако, выяснилось, что тяжелораненый Омар-хан не только выжил и избежал пленения, но, перебравшись в январе 1801 г. с 200 воинами в Шушу, вновь собирал войско [168]. Но «Омар-хан не предпринимал, однако, никаких покушений на Грузию. Предавшись своему обычному пороку, разврату и разгулу, он умер от пьянства в марте 1801 г.» [169] Существует также версия о том, что Омар-хан «был отравлен по подкупу русского начальства» и что он «погребен около мечети в сел[ении] Джары» [170].

---

[162] Среди раненых были Омар-хан Аварский и царевич Александр, которые, однако, избежали пленения (см. АКАК, т. II, док. 109, стр. 168).

[163] «Тифлисские ведомости», 11 июля 1828 г., стр. 4.

[164] Там же, стр. 3.

[165] Там же, стр. 4.

[166] Там же.

[167] АКАК, т. I, док. 117, стр. 177; *П. Г. Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа, ч. III. СПб., 1869, стр. 326.

[168] АКАК, т. I, док. 150, стр. 193.

[169] *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России, стр. 157.

[170] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 24, стр. 268.

Причины, обусловившие поражение войск Омар-хана в Какабетском сражении, были следующие.

1) Четко организованная, при активной помощи кизикинцев, подготовка русско-грузинских войск к сражению с лезгинами с учетом того, что «запас всех воинских снарядов и жизненных продовольствий есть душа всех предприятий, благословенным успехом при порядочных распоряжениях награждаемых» [171]. Соответственно недостаточное количество у лезгин провианта, частью скупаемого у джар-белаканцев, а частью добываемого охотой, и полное отсутствие фуража, заменяемого подножным кормом [172].

2) Справедливый характер войны со стороны грузинских и русских войск — отсюда их высокий моральный дух, несмотря на слабое вооружение грузинского ополчения, в котором приходилось «на 10 человек два ружья, а прочие вооружены кизиловыми обожженными палками» [173].

3) Боевой порядок русских войск, которые «построились в два каре: правое крыло составляли егеря, левое — мушкетеры, пространство между обоими кареями занято было грузинскою пехотою и конницею» [174], а также тактика ведения боя, отличающаяся от азиатских традиций войны, полностью обескуражили противника, сведя на нет его значительное численное превосходство. Противопоставлением «необузданной толпы [лезгин], ободренной надеждою на превосходство своих сил» [175], четкой организованности русско-грузинских войск объясняется и несоразмерность в уроне, который понесли обе стороны [176].

4) Действенность разведки русско-грузинских войск, которая давала возможность предугадывать намерения противника и вовремя обезвреживать его.

По своему значению и последствиям победа над Омар-ханом явилась уроком для горских хищников, предпринимавших регулярные набеги на Грузию. «Эта победа не только спасла Кахетию от страшного разорения, но и способствовала поднятию авторитета русского имени и симпатий к нему среди грузинских крестьян» [177]. Поражение лезгинских войск в Какабетском сражении, пожалуй впервые

---

[171] АКАК, т. I, док. 102, стр. 165.

[172] *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России, стр. 154.

[173] АКАК, т. I, док. 35, стр. 124.

[174] «Тифлисские ведомости», 11 июля 1828 г., стр. 3.

[175] Там же, стр. 3.

[176] Лезгины потеряли в бою 1500 человек убитыми и ранеными, по Н. Дубровину — до 2000 человек (см. *Н. Дубровин.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России, стр. 156). В русско-грузинских войсках, «кроме одного солдата и двенадцати грузин, горских жителей», не было убитых (АКАК, т. I, док. 110, стр. 169). Среди раненых были: «один мушкетер, а в егерском батальоне контузиею в ногу один офицер — поручик Голованев, да сверх того, один егерь очень легко и несколько подъемных лошадей» (там же, док. 109, стр. 168).

[177] *О. П. Маркова.* Восстание в Кахетии в 1812 г., стр. 20.

после заключения Георгиевского трактата столь бесспорно подтвердило стратегическую выгодность союза Грузии с Россией. Не исключено, что оно способствовало и некоторому ускорению вручения грузинским полномочным послом Гарсеваном Ревазовичем Чавчавадзе 17 ноября 1800 г.[178] российскому правительству так называемых просительных пунктов царя Георгия и последовавшего за этим подписания 22 декабря того же года[179] в Петербурге манифеста о присоединении Восточной Грузии к России. Во всяком случае, все это произошло под определенным впечатлением торжества русско-грузинского оружия в битве с лезгинскими феодалами при Иори 7 ноября 1800 г.

Появление статьи «Нападение на Грузию Омар-хана Аварского и сражение при Иоре 7 ноября 1800 года»[180] не носило «юбилейного» характера. Она написана не столько с целью отметить 28-ю годовщину победы над Омар-ханом, сколько с намерением восстановить в подробностях историю этого сражения. В статье заострялось внимание на деталях Какабетского боя, которые, несомненно, не были известны многим читателям «Тифлисских ведомостей», а если и были известны, то понаслышке. Нам представляется, что обращение к теме нашествия Омар-хана на Грузию в первых же номерах «Тифлисских ведомостей» не было случайным. Она возбуждала патриотические чувства, вселяла веру в неодолимость русско-грузинского военного содружества, что было актуально в самый разгар русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Кроме того, тема эта напоминала о тех испытаниях, которые с честью выдержал русско-грузинский союз и в последующий период, особенно в 1806—1812 гг. — годы войны России с Турцией и в Отечественную войну 1812 г., когда немало грузин бок о бок с русскими сражались против наполеоновских войск, и в персидскую кампанию 1826—1828 гг., которая отбила охоту у персиян испытывать незыблемость этого союза.

Правда, автор даже не упоминает о идущей русско-турецкой войне, но, судя по оптимистическому тону и содержанию статьи, основная цель публикации заключалась в том, чтоб вселить веру в победу над новым врагом, против которого выступают победоносные российские войска, известная часть которых в 1800 г. противостояла полчищам Омар-хана. Автор статьи старается связать славные события, имевшие место четверть века с лишним назад, с боевыми действиями русских войск против Турции. Так, вспоминая о том, что контингент войск для охраны границ Грузии от внешних врагов в конце XVIII в. был укомплектован двумя русскими полками, он пишет, что один из них, а именно 17-й егерский полк — «тот самый, который в последнюю персидскую войну переименован в Эриванский карабинерный»[181]. В другом случае га-

---

[178] *П. Г. Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа, ч. III, стр. 327.
[179] *Н. Дубровин.* Указ. соч., стр. 170.
[180] «Тифлисские ведомости», 11 июля 1828 г., стр. 4.
[181] «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 3.

зета отмечала, что «это знаменитое сражение (Какабетская битва. — *Д. В.*) доставила мальтийские знамена Кабардинскому, что ныне Пехотный генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского полк» [182].

Эпизоды русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Обращение к боевым событиям сравнительно недалекого прошлого, с тем чтобы оттенить всю важность переживаемой войны России с Турцией, — такой подход редакции «Тифлисских ведомостей» к освещению истории русско-грузинского боевого содружества сам по себе служит показателем, насколько серьезно военная тема должна была рассматриваться на свежем материале, поступавшем в газету от очевидцев и непосредственных участников боевых событий на Кавказском фронте войны с Турцией. В «Тифлисских ведомостях» собран весьма интересный, до сих пор малоизученный материал по истории русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в том числе отображающий дальнейшее укрепление дружбы русского, грузинского и других народов Закавказья.

Вначале попытаемся в общих чертах передать обстановку на русско-турецком фронте в Закавказье в начале войны.

Кавказский фронт войны с Турцией занимал довольно пространную территорию от Таманского полуострова до границ Ирана. Чтобы обеспечить маневренность войск, русское командование решило подразделить линию фронта на пять участков: первый начинался от Сухуми и был растянут вдоль побережья до впадения реки Риони, а оттуда — вплоть до Боржомского ущелья. Этот участок находился в ведении войск под командованием генерал-майора Гессе. Второй участок простирался от Боржомского ущелья до укрепленного пункта Цалка, где были расквартированы войска под начальством генерал-майора Попова. Третий участок охватывал местность от Цалки до Талыни и был охраняем войсками генерал-майора Вадбольского. Четвертый участок занимал пространство от Шурагельской области до Магазберта. В этой местности были расположены войска под начальством генерал-майора А. Г. Чавчавадзе. Пятый участок включал всю Нахичеванскую область, которая опекалась войсками генерал-майора Мерлини [183].

Общее командование всеми русскими войсками, находящимися на Азиатском фронте, осуществлял командир Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий в Грузии генерал-адъютант гр. И. Ф. Паскевич-Эриванский. Под началом Паскевича, по разным источникам, находилось тогда от 11 до 16 тыс. солдат [184]. Российским войскам на Кавказском фронте противостояла количест-

---

[182] «Тифлисские ведомости», октябрь 1830 г. (№ 82), стр. 4.

[183] См. *Ушаков*. История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг., ч. I. СПб., 1836, стр. 158—159.

[184] См. «Русский архив», 1893, № 3, стр. 349; *В. А. Потто*. Кавказская война, т. IV. Турецкая война 1828—1829 гг., вып. I. СПб., 1889, стр. 349.

венно намного превосходящая турецкая армия, вымуштрованная на английский манер.

К моменту развязывания войны между Турцией и Россией на так называемом Европейском фронте русские войска на Кавказе в связи с предыдущей войной с Ираном почти сплошь были сосредоточены на русско-персидской границе. Переброска войск Отдельного Кавказского корпуса требовала времени. Бездорожье сильно затрудняло передвижение войск. Этим и объясняется некоторая задержка военных действий на Кавказском фронте в сравнении с развернувшимися событиями на Балканах [185].

Итак, нетрудно заключить, что почти вся территория Грузии, как и в предшествующей войне с Ираном, представляла собой подобие большого прифронтового бивачного лагеря. Причем материальное обеспечение Отдельного Кавказского корпуса людскими ресурсами, транспортом, продовольствием и фуражом тяжелым бременем легло на плечи изнуренного предыдущей военной кампанией населения Грузии [186]. Только сознание, что благополучный для России исход в этой войне будет способствовать окончательному избавлению Грузии от турецких посягательств на ее свободу и территориальную целостность, вдохновляло грузинский народ. Наличие у русских войск надежного тыла, враждебно настроенного по отношению к Ирану и Турции населения Грузии, имело существенное значение для успеха России в обоих войнах — и против Ирана (1826—1828 гг.), и против Турции (1828—1829 гг.).

В «Тифлисских ведомостях» сконцентрированы уникальные материалы по истории русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Газета долгое время, особенно в первые годы после войны, служила едва ли не единственным источником для печатных органов России. Многие статьи были написаны непосредственными участниками войны под свежим впечатлением от пережитого. Конечно, в «Тифлисских ведомостях» не давалось отличного от официальной версии толкования событиям на фронте, но определенная оперативность редакции в подаче военной информации, близость к фронту, а также бóльшая достоверность публикаций газеты о войне с Турцией всегда выгодно отличали «Тифлисские ведомости» от прочих официозов. Должно быть, этим и следует объяснить тяготение многих периодических изданий Петербурга и Москвы к заимствованию материалов на эту тему именно из тифлисской русской газеты.

---

[185] Войска Отдельного Кавказского корпуса включались в войну против Турции в середине июня 1828 г.

[186] 13 июля 1828 г. в Грузии была учреждена так называемая «Комиссия для рассмотрения претензий потерпевших при вторжении персиян в границы наши», в состав которой вошли генерал-майор Ховен, полковник Бахман, начальник Казенной экспедиции коллежский советник Завелейский, коллежский советник кн. Палавандов, надворный советник Закревский и коллежский асессор Корейша (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 991, л. 2). Вряд ли могла восполнить убыток и разруху сумма в 269 603 руб. 29 коп. серебром и 121 712 руб. 12 коп. ассигнациями, предусмотренная названной комиссией к раздаче «потерпевшим» (там же, л. 3).

Примечательно, что перепечатка требовала соответствующей санкции от III Отделения с. е. и. в. канцелярии. Так, в октябре 1828 г., когда булгаринская «Северная пчела» вознамерилась опубликовать одно из первых обозрений о ходе войны на Балканах и Кавказе («Картина турецкой войны 1828 года»), это обсуждалось в III Отделении, и 6 ноября того же года на тексте статьи была выставлена виза: «Утверждено к напечатанию». Часть этого обозрения, касающаяся военных действий Отдельного кавказского корпуса против турок, была сплошь основана на материалах «Тифлисских ведомостей» и официальных сообщениях [187]. Мало вероятно, чтобы каждый отдельный случай заимствования материалов из «Тифлисских ведомостей» разбирался III Отделением, но и опека жандармерии и цензуры над столичными журналами не гарантировала от неточностей при освещении боевых событий. Ранее мы отмечали, что «Тифлисские ведомости» нередко вступали в полемику со столичными периодическими изданиями из-за искажения исторической действительности при описании событий русско-персидской и русско-турецкой войн 1826—1829 гг. Но справедливость требует отметить, что редакция газеты подчас сама грешила против действительности, проявляя при оценке отдельных событий войны 1828—1829 гг. классовую тенденциозность: в материалах газеты фактически отсутствует описание действий солдатской массы, именуемой обычно «нижними чинами», и младшего командного состава, в то время как официальные сводки о войне и даже оригинальные статьи и репортажи корреспондентов газеты с театра военных действий пестрят восторженными отзывами о представителях высшего начальства и именитого офицерства (Сухтеленах, Остен-Сакенах, Муравьевых, Чавчавадзе, Орбелиани, Бебутовых и др.). Фамилии же непосредственных участников штурма турецких крепостей и боев — солдат и младших офицеров — русских, грузин, азербайджанцев, армян — редко появлялись на страницах газеты.

Еще опыт предшествовавшей военной кампании подсказал основателям «Тифлисских ведомостей» (и это отразилось в соответствующем параграфе программы газеты) необходимость популяризировать среди читателей «геройские подвиги, оказанные простыми воинами в сей стране и, к сожалению соревнователей Отечественной славы, оставшиеся доныне в неизвестности» [188]. Однако вопреки высказанному сожалению оно оставалось лишь благим намерением. «Тифлисским ведомостям» вменялось в обязанность быть выразителем интересов определенного сословия тогдашнего общества, а именно дворянско-княжеского сословия, в связи с чем всякие намерения членов редакции газеты, идущие вразрез с обозначенной обязанностью, теряли силу. Подобная установка, обусловленная правопорядком буржуазно-помещичьего строя, конечно, являлась обязательной и для «Тифлисских ведомостей» —

---

[187] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 1890.
[188] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3823, л. 3 об.

николаевский режим заставлял считаться с ней не только официальные, но и частные периодические издания того времени. Узкоклассовый подход тифлисской русской газеты к отображению военных событий можно проследить по многим примерам. Но наиболее наглядно он сказался в оценке самоотверженности грузинского народа в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., когда редакция заслуги всего народа приписала исключительно грузинскому дворянству. Весьма характерным для сословной позиции редакции было опубликование в «Тифлисских ведомостях» речи директора Тифлисской гимназии Грубера, сказанной в день открытия заведения. По Груберу, грузинский народ был лишь «ближайшим свидетелем тех чудес, кои воинская дисциплина и ратное искусство совершили в две последние достопамятные войны России с Персией и Турцией» [189], а «лучшая» его часть, а именно грузинское дворянство, «находилось... всюду в рядах тех храбрых, но малочисленных полчищ, кои сокрушили навсегда силы двух соседственных держав и наполнили свет славою своих побед» [190]. А между тем материальная и моральная поддержка простым грузинским народом, в основном крестьянством, боевых мероприятий русского командования, направленных на разгром турецких полчищ, во многом способствовала победе русских войск в войне 1826—1829 гг.

При характеристике войск Отдельного кавказского корпуса и национальных вспомогательных частей редакция «Тифлисских ведомостей» пользовалась собирательным наименованием «русские войска» или «российские войска». Такое наименование в известной мере оправдывалось вкладываемым тогда в него политическим смыслом. Но с точки зрения фактического положения в личном составе войск, отстаивавших интересы России на Азиатском фронте с Турцией, оно не соответствовало действительности.

Дело в том, что среди выгод, которые сулило России присоединение Грузии, царское правительство при планомерном осуществлении своих колониалистских устремлений на Кавказе и Ближнем Востоке не на последнее место ставило возможность использовать в стратегических целях территорию вновь обретенного края и его население. Эта задача значительно облегчалась при наличии, как уже отмечалось выше, враждебной настроенности грузинского народа к Ирану и Турции, в условиях проявления больших симпатий со стороны простого народа Грузии к русскому воинству.

С тех пор, т. е. буквально со времени присоединения Грузии к России, в рядах русских войск на Кавказе, как правило, участвовали грузины, причем не только представители «благородного» сословия в командном составе, но и целые войсковые соединения в виде отдельных частей так называемых ополчений, составленных из жителей Восточной и Западной Грузии, преимущественно из крестьянского сословия. Впоследствии, когда население Грузии

---

[189] «Тифлисские ведомости», 3 июля 1830 г., стр. 2.
[190] Там же, стр. 2—3.

стало призываться в царскую армию, появились так называемые грузинские батальоны, полки, дивизии и т. п.

Утилитарным было отношение царского правительства и к армянскому и азербайджанскому населению и занимаемой ими территории в Закавказье. Боевые отряды, составленные из представителей этих народов, в разные исторические периоды плечом к плечу с русскими и грузинскими воинами отстаивали свою независимость.

В разгар русско-персидской войны 1826—1828 гг. была предпринята попытка использовать национальные ополчения в качестве постоянных вспомогательных войсковых соединений Отдельного кавказского корпуса. Из письма тифлисского военного губернатора Сипягина гражданскому губернатору, например, выясняется, что предписанием Ермолова от 29 марта 1827 г. предполагалось «учреждение в Грузии земского войска под грузинским названием „Мориге“ и предоставлено было нам сделать распоряжение о содержании означенного войска по уездам в показанных местах из пеших и немногих конных» [191]. Однако это воскрешение традиции времен царя Ираклия II не удалось полностью осуществить, ибо, во-первых, определенные обстоятельства заставили правительство воздержаться тогда от долгосрочного призыва местных жителей в земское войско и, во-вторых, осуществлению намерения Ермолова помешало также создавшееся в то время в Грузии двоевластие. На недоуменный вопрос Сипягина, почему «первоначально сделанное по сему распоряжение во многих случаях изменилось и ... отчего сие могло произойти» [192], грузинский гражданский губернатор отвечал что распоряжение «*бывшего* Главноуправляющего Ермолова (слово „бывшего“ перечеркнуто. — *Д. В.*) было отменено генерал-адъютантом, генералом-от-инфантерии Паскевичем» [193], который 15 апреля того же года распорядился об учреждении караулов вместо постоянных национальных войсковых формирований [194]. Видно, Сипягину ничего другого не оставалось, как подчиниться воле Паскевича, вскоре после этого официально назначенного новым командиром Отдельного кавказского корпуса.

В «Воззвании грузинам», напечатанном 24 мая 1827 г. за подписью Сипягина, последний спешил сообщить, что полагает «нужным обнародовать предположение для составляемого Грузинского ополчения, дабы каждый добровольно вступающий в оное мог видеть, на какое время и под какими условиями обязывается служить» [195]. 21 июня того же года были напечатаны и разосланы обращенные к местному населению «Предположение для составления Грузинского ополчения» и «Предположение для составления Армянского ополчения» идентичного содержания, состоявшее каждое

---

[191] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3555, л. 1.
[192] Там же.
[193] Там же, л. 2.
[194] Там же, л. 4.
[195] Текст «Воззвания грузинам» хранится в Государственной публичной библиотеке им. К. Маркса в Тбилиси.

из 29 пунктов. В ополчение, которое должно было состоять из батальонов, принимались лица «не моложе 18 и не старше 30 лет, но сие правило не может ныне строго соблюдаться, а требуется только, чтобы человек имел силы, достаточные для перенесения похода» [196]. Ополченцы «освобождаются с женами и детьми от всяких податей и повинностей на время службы их» [197]. Приняв «присягу на верность службы», ополченцы «наравне с воинскими чинами» не только обучались военному делу и находились на казенном иждивении, но и подвергались наказаниям за нарушение дисциплины согласно «Артикулов Устава Петра Великого» [198]. Ополченцам вменялось в обязанность: «Знать самую необходимую часть Егерского учения, стреляние в цель, строить отделения, взводы, колонны в атаке и каре. Стоять в карауле со всею потребною исправностью. Их не будут обременять сложными построениями и выправкою. Всего более требуется от них совершенного и безусловного повиновения начальникам» [199]. Батальон подразделялся на 8 сотен или дружин, а сотня — на 10 десятков. В документе подчеркивалось, что «командует каждым батальоном штаб-офицер или капитан настоящей службы, которой должен быть родом...» — соответственно национальному составу ополчения — либо грузином, либо армянином [200], причем «офицеры назначаются самим корпусным командиром по расторопности, способностям и усердию каждого» [201]. Таково было в общих чертах существо «Предположений» местных властей к созыву национальных ополчений среди закавказского населения в условиях новой войны.

Некоторое время спустя после распространения приведенного выше документа — 2 июля 1827 г. начальник Главного штаба бар. И. И. Дибич сообщал гр. Паскевичу, что Николай I «соизволяет о сформировании армянского и других земских ополчений только лишь на нынешнее военное время, и что для образования постоянной армянской стражи будет сделано особое распоряжение» [202]. Надо полагать, что царь и его новый ставленник в Грузии воздерживались от учреждения постоянных вспомогательных национальных войсковых отрядов, руководствуясь соображениями не столько экономического, сколько политического характера, а именно — опасением, как бы мера эта не была воспринята местным населением как набор рекрутов, на что оно реагировало всегда болезненно, вплоть до вооруженного выступления против правительства. Такая предосторожность, однако, не означала, что правительство не проявляло должной заботы о военном образовании и совершенствовании боевых качеств закавказских национальных войсковых со-

---

196 ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3536, л. 79.
197 Там же.
198 Там же.
199 Там же, л. 80.
200 Там же, л. 79.
201 Там же.
202 Там же, д. 3546, л. 2.

единений, выступавших в составе русских войск. Процитированное выше «Предположение» рисует иную картину. Усердие правительства в этом направлении поставило однажды, как уже отмечалось, под угрозу существование единственного общеобразовательного училища в Грузии, которое пытались преобразовать в военное «с преподаванием соответственных заведению сему наук» [203].

В период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. многие представители народов Закавказья находились на действительной службе в войсках Отдельного кавказского корпуса, в том числе грузины и не только «благородного» происхождения, они служили в Ширванском и Мингрельском пехотных и Грузинском гренадерском полках, а также в других войсковых соединениях.

Перед началом военных действий на Кавказском фронте корпус был усилен вспомогательными силами — конными и пешими отрядами, именуемыми ополчением или земской милицией, которые были составлены раздельно из азербайджанцев, армян и грузин. Распущенное перед окончанием персидской кампании 1826—1828 гг. Грузинское военное ополчение [204] вновь было созвано дважды: в мае—июне 1828 г., а затем в феврале—мае 1829 г. Оно было едва ли не самым многочисленным среди закавказских национальных ополчений и на протяжении всей войны с Турцией насчитывало примерно 16 тыс. человек [205]. Если учесть, что перед началом военных действий личный состав Отдельного кавказского корпуса насчитывал «всего унтер-офицеров и рядовых под ружьем в кавалерии и пехоте (кроме артиллерийской прислуги) 12 006» [206], грузинская земская милиция сыграла немаловажную роль как союзник русского воинства наряду с азербайджанским и армянским военным ополчениями. В «Тифлисских ведомостях» давалась положительная, а в некоторых случаях даже восторженная оценка боевых качеств закавказских национальных военных соединений, выступавших под русским командованием. Однако в отношении грузин — участников турецкой кампании 1828—1829 гг. в силу опять-таки классовой позиции редакции боевые отличия приписывались почти исключительно лицам «благородного» происхождения. Подобная тенденциозность наметилась еще в так называемых «Объявлениях по Кавказскому краю», предшествовавших появле-

---

[203] АКАК, т. IV, док. 63, стр. 58.

[204] Списки грузинских дворян, а также агаларов и обывателей так называемой Казахской дистанции, принявших участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг. в составе закавказских национальных ополчений, хранятся в ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3755.

[205] См. *В. И. Джикия*. Русско-турецкая война 1828—1829 годов и Грузия. Тбилиси, 1954, стр. 135, 139. Надо думать, что под этим количеством (16 тыс. человек) В. И. Джикия подразумевает не только постоянно находившихся в сражении грузинских ополченцев, но и тех, которые, приняв участие в боях с противником, распускались по домам и в случае надобности призывались повторно.

[206] См. «Росписание действовавшего против турок корпуса российских войск, пред выступлением за границу, 1828 год». — *Ушаков*. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. I. СПб., 1836, стр. 192.

нию «Тифлисских ведомостей», в которых содержались некоторые лестные отзывы об отдельных отрядах грузинского ополчения. Так, в № 2 «Объявления...» о первом серьезном столкновении с неприятелем перед штурмом Карса отмечается роль грузинского дворянства в успешном исходе этой схватки: «В продолжение сей атаки Донские казачьи полки на левом нашем фланге, под командою генерал-майора Заводовского, вместе с грузинским дворянством на правом под командою генерал-майора Леонова и полковника Сергеева ударили на бывшие против них толпы и также погнали их в крепость» [207].

По свидетельству одного из исследователей русско-турецкой войны 1828—1829 гг., упоминаемое в «Объявлении...» грузинское ополчение «состояло из нескольких грузинских князей, добровольно явившихся на службу с частью своих подвластных, их не было более 100 человек» [208]. Следовательно, в корреспонденции речь идет об обычном отряде грузинского ополчения [209], сформированного преимущественно из крестьян.

Несмотря на энергичные меры, предпринятые Паскевичем для спешного издания «Тифлисских ведомостей», газета не появилась в свет до начала военных действий русских войск на втором, Кавказском фронте войны с Турцией: № 1 «Тифлисских ведомостей» датирован 4 июля 1828 г.[210], тогда как войска Отдельного кавказского корпуса включились в войну против Турции еще в середине июня того же года.

Опыт предшествовавшей военной кампании, когда отсутствие регулярного печатного оповещения населения о ходе войны имело определенные отрицательные последствия, заставил кавказское военное начальство, не дожидаясь выпуска газеты, вновь приступить к печатанию летучих корреспонденций — сводок о войне на русском и грузинском языках, озаглавленных «Объявление по Кавказскому краю». Непосредственно перед выходом № 1 газеты было издано две такие корреспонденции, в которых вкратце описаны военные события на фронте Азиатской Турции с 14 по 28 июня 1828 г. Впоследствии, с появлением газеты, информационные сообщения о русско-турецкой войне регулярно помещались в разделе «Внутренние известия» и в специальных «Прибавлениях» к отдельным номерам «Тифлисских ведомостей». В отличие от «Объявлений по Кавказскому краю» эти два раздела газеты наряду с «Изве-

---

207 «Объявление по Кавказскому краю», 1828 г., № 2, стр. 2 (Приложение к № 1 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г.).

208 *Ушаков.* История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 годах, ч. I, стр. 207.

209 Вопреки утверждению автора корреспонденции из «Объявления», по свидетельству Ушакова отрядом грузинского ополчения командовал полковник Бекович-Черкасский (там же).

210 На фронтисписе № 1 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г. ошибочно указано вместо 4 июля — 4 июня. Более подробно об этой опечатке см. *А. З. Абрамишвили.* «Тифлисские ведомости». — «Библиографиис моамбе» («Вестник библиографии»), № 4-5. Тбилиси, 1948, стр. 239.

стиями о действующем Кавказском корпусе» содержали и сведения о событиях на Европейском фронте русско-турецкой войны. При единообразном стиле подачи информационного материала разница между ними заключалась и в том, что в конце вышеуказанных двух корреспонденций («Объявлений») отмечалось: «Печатано по приказанию начальства», а в «Прибавлениях», так же как и в конце каждого номера газеты, стояла виза цензуры: «Печатать позволяется». В обоих случаях указывались место и дата составления корреспонденций. Сличением корреспонденции с каждым соответствующим номером «Тифлисских ведомостей» легко определялась не только «свежесть» помещенной военной информации, но и оперативность деятельности редакции газеты. Разрыв между датой происшествия на поле брани и датой опубликования сообщения об этом происшествии в газете составлял всего 2—3 дня.

Отмеченные выше две информационные корреспонденции под заголовком «Объявление по Кавказскому краю» хотя и были напечатаны до выхода № 1 «Тифлисских ведомостей», тем не менее прилагались к первым двум номерам газеты. Редакция, видимо, учитывала, что в «Тифлисских ведомостях», содержащих обильный материал по истории русско-турецкой войны 1828—1829 гг., без этих корреспонденций отсутствовали бы подробные сведения о самом начале войны.

Из первой корреспонденции мы узнаем, что примерно за две недели до начала активных военных действий войска Отдельного кавказского корпуса провели основательную подготовку к войне. Была определена территория «для начатия военных действий противу азиатской Турции, сборным местом было назначено селение Гумры, лежащее в Шурагели на реке Орпачае» [211]. Кроме войск, в указанном районе были сосредоточены и приведены в боевую готовность материальные ресурсы корпуса, в том числе войсковой транспорт и осадная артиллерия. Селение Гумры, полностью разоренное в предшествующую войну, заново было «укреплено каменною стеною с бастионами и приведено в безопасность от набегов неприятельских» [212]. Последним пополнением войск корпуса был отряд генерал-майора Муравьева, прибывший накануне выступления в поход — 13 июля 1828 г. В тот же день 8-й пионерный батальон произвел «опыты минных работ», которые, как отмечается в корреспонденции, прошли весьма успешно. На следующий день по окончании церемониального смотра, устроенного войскам, заблаговременно прибывшим сюда гр. Паскевичем, отборные силы корпуса, «составленные из Донской казачьей бригады полковника Сергеева, двинулись за Орпачай; за ними последовали и прочие. Сим сделан первый шаг к военным действиям» [213].

---

[211] «Объявление по Кавказскому краю», № 1 (Приложение к № 1 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г.).
[212] Там же.
[213] Там же.

«Объявление по Кавказскому краю» № 2 состояло из трех информационных сообщений. Первое — небольшая заметка, датированная 24 июня, которая содержит несколько запоздалое сообщение о занятии русскими войсками 13 июня крепости Анапа.

Второе сообщение с подзаголовком «Из-под Карса, 20 июня. Известие о действующем Кавказском корпусе» подробно описывало продвижение войск корпуса в направлении крепости Карс. Это, в сущности, непосредственное продолжение информации о переправе через реку Орпачай и углублении русских войск в турецкую территорию, содержащейся в № 1 «Объявления по Кавказскому краю». Первая встреча с неприятелем произошла, как утверждается в корреспонденции, близ селения Мешков. Турецкая конница стремительно выехала из крепости, напала на передовые пикеты русских войск. Однако эта атака противника, так же, как и попытка его застать врасплох русские войска во время ночлега у деревни Азаткева, не имела успеха: неприятель со значительными потерями отступил в крепость.

Автор корреспонденции писал об этой местности, где впервые скрестили боевое оружие русские и турецкие войска: «Весь сей край, населенный армянами, представлял ныне совершенное опустошение, ибо турецкое правительство всех жителей переселило в отдаленнейшие места» [214]. Со ссылкой на доставленные лазутчиками известия сообщались данные о крепости Карс, гарнизон которой, оказывается, «весьма многочислен и составлен из хороших войск. Число конницы из делибашей, кефранов, куртинцев и карапапахцев простирается до пяти тысяч; пехота же заключает в себе всех жителей, способных к подъятию оружия, и коих число, вместе с пришедшими лазами, может составлять также около пяти тысяч человек» [215]. Несмотря, однако, па казавшуюся неприступность Карса, жаркая схватка, происшедшая непосредственно перед крепостью, решила ее судьбу: 23 июня в 8 часов утра Карс был взят штурмом русскими войсками.

Сообщение об этом содержится в третьей, последней части корреспонденции, выделенной подзаголовком «Тифлис, 28 июня». Сообщив читателям вкратце о победе, автор корреспонденции в заключение писал: «Подробности о сем штурме будут помещены в первом нумере „Тифлисских ведомостей“» [216].

Эти первые же информации местного происхождения о начале военных действий на Кавказском фронте по своему содержанию весьма примечательны. В них наглядно проявились некоторые тенденции, которые в дальнейшем стали характерными для «Тифлисских ведомостей» при освещении русско-турецкой войны. Подобную взаимосвязь между газетой и выпущенными до ее появления летучими корреспонденциями о ходе войны можно легко объ-

---

[214] «Объявление по Кавказскому краю», № 2, стр. 1.
[215] Там же.
[216] Там же, стр. 2.

яснить, допуская, что указанные корреспонденции, изданные под грифом «Печатано по приказанию начальства», могли послужить для редакции вновь создававшегося правительственного органа своеобразным эталоном, по которому следовало освещать военные события. В корреспонденциях не упоминался ни один офицер ниже полковника, за исключением перечня убитых и раненых при сражении за крепость Карс («С нашей стороны убито: обер-офицер 1 и нижних чинов 38; ранено: штаб-офицер 1, обер-офицеров 45, нижних чинов 216»)[217].

Автор корреспонденции не усматривал никакого недостатка ни в материальном обеспечении войска, ни в моральном духе личного состава корпуса. Описывая смотр войск корпуса, устроенный в Гумрах гр. Паскевичем накануне выступления в поход, автор пишет: «Устройство полков, недавно совершивших тягостную персидскую войну, было превосходное: два месяца отдохновения возродили сии войска. Артиллерия и конница, более прочих претерпевшие, явились в самом блистательном виде»[218]. Известно, что перед началом турецкой кампании 1828—1829 гг. Паскевич, большой приверженец внешнего лоска войск, весьма бурно выражал свое недовольство помятым видом личного состава Отдельного кавказского корпуса, усматривая в этом вину своего предшественника — генерала А. П. Ермолова. Перед началом войны с Турцией в одном из черновых набросков своих донесений Николаю I Паскевич писал: «Осматривая (личный состав войск Отдельного кавказского корпуса. — *Д. В.*), я нашел, что артиллерия, кроме роты Сабурова, прочие весьма дурны в лошадях; и люди весьма дурно выучены. Пехота же одета без штанов в мундирах 1822 года... без рубашек и сапогов»[219].

Новый, парадный стиль, который насаждался Паскевичем в деятельности местной администрации взамен ермоловской деловитости, наложил свой отпечаток на многие стороны местной военной и гражданской жизни. Помпезность при освещении успешных действий войск стала характерной и для местной печати того времени. Сошлемся на корреспонденции, где прослеживаются преувеличенное представление о заслугах командного состава в начавшихся военных действиях против Турции, выспренние выражения, подробное перечисление титулов и званий военачальников, эпитеты в превосходной степени («храбрейший», «главнейший», «блистательнейший» и т. п.). Эти черты нашли отражение даже в пятистрочной заметке о взятии Анапы (№ 2 «Объявления по Кавказскому краю»), где сказано, что крепость была покорена «силою русского оружия» и что известие об этом получено не иначе, как от самого «командующего войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта Эмануеля».

---

[217] Там же.
[218] «Объявление по Кавказскому краю», 1828, № 1, стр. 1.
[219] ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 10, д. 1, л. 25.

Таким, образом, содержание двух номеров «Объявлений по Кавказскому краю», предшествовавших появлению «Тифлисских ведомостей», показывает, что эти летучие корреспонденции не просто приложены к первым двум номерам газеты, а органически связаны с ней. С каким усердием принялась редакция «Тифлисских ведомостей» выполнять возложенную на нее задачу — неуклонно следовать примеру своего предшественника в освещении военных событий, видно из содержания первых же номеров газеты. В № 4 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г., например, говорилось «об отличном усердии, оказанном при транспортировке провианта в Грузию от берегов Черного моря имеретинскими князьями Ростомом Церетели и Вахтангом Цулукидзе, мингрельскими князьями Алексеем Дадианом и Вахтангом Чиковани, имеретинским дворянином Отиею Чхеидзе»[220]. Известно, что «отличное усердие» было проявлено прежде всего крестьянством Западной Грузии, которое в трудных условиях войны не считалось с потерями ради поддержания дееспособности войск Отдельного кавказского корпуса, а также истощенного в предшествовавшей войне населения Восточной Грузии. Между тем за самоотверженность крестьян Западной Грузии были щедро вознаграждены лишь местные князья и дворяне: Николай I «повелеть соизволил первых четырех (названных князей. — *Д. В.*) произвести в 14 класс; а последнему (дворянину Чхеидзе. — *Д. В.*) всемилостивейше пожалован подарок в 400 рублей ассигнациями»[221].

В разделе «Внутренние известия» того же номера газеты подчеркивалась заслуга ополченцев при взятии крепости Поти. Газета придавала огромное значение этому событию, отмечая, что «обладание устьем Риона должно представить величайшие выгоды для внутреннего и внешнего сообщения сего края»[222]. Взятие Поти было знаменательно и в другом отношении: оно «показало туркам, как неосновательны были расчеты на сочувствие к ним народов картвельского племени, которые приняли живое участие во взятии крепости»[223]. Характерно, что наряду с общей положительной оценкой самоотверженности воинов-грузин при осаде и штурме Поти в «Тифлисских ведомостях» названы были представители лишь «благородного» сословия: «При покорении Поти весьма много содействовали владетель Мингрелии ген.-лейтенант князь Дадиан и ген.-м. кн. Николай Дадиан, которые, лично находясь с ополчением своим при осаде крепости, подавали воинам своим пример неустрашимости и воинской дисциплины. Мингрельцы, одушевленные преданностью к российскому правительству, принимали ревностное участие в сем предприятии и на места заболевших ратников высылали новых к подкреплению храброго своего ополчения»[224].

[220, 221] «Тифлисские ведомости», 25 июля 1828 г., стр. 1.

[222] Там же, стр. 2.

[223] «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. II. СПб., 1908, стр. 133—134.

[224] «Тифлисские ведомости», 25 июля 1828 г., стр. 2.

На первом этапе войны России с Турцией самым значительным событием было овладение крепостью Карс. Внимание печати Грузии на протяжении определенного времени было заострено на этом событии. Вслед за № 2 «Объявления по Кавказскому краю» и специальной корреспонденцией, опубликованной в № 1 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г., «Письма из Армении» (№ 3 и 4 за тот же год) были третьим, сравнительно крупным печатным материалом, в котором наиболее подробно описывалось взятие русскими войсками крепости Карс.

Первые два сообщения содержали лишь информацию о взятии Карса, почерпнутую из одного и того же источника — реляции военного командования. Подобные отчеты за подписью гр. Паскевича, как правило, спешно отсылались в Петербург в надежде заслужить «монаршее благоволение», которое подчас зависело от того, насколько умело была составлена реляция.

В отличие от краткой информации, помещенной в № 2 «Объявления по Кавказскому краю», корреспонденция, опубликованная в № 1 «Тифлисских ведомостей», давала оценку этому крупному поражению турецких войск. В ней были приведены цифровые данные о потерях русских и турецких войск. Некоторое сомнение вызывает лишь соотношение убитых и раненых с обеих сторон: 264 (в том числе 34 убитых) — у русских и 2000 [225] (без выделения количества убитых) — у турок. Если учесть, что наступающие войска, тем более штурмующие крепость, терпят бóльший урон в живой силе, чем обороняющиеся, то данные, приводимые в корреспонденции о потерях русских войск, представляются нам сильно заниженными. Это не исключительный случай, неполные данные о потерях в живой силе приводились не только в «Тифлисских ведомостях»: «даже самая потеря и большой урон в убитых и в погибших солдатах — сокрыты; малая часть погибших показана, а большая часть побитых приписаны к числу от климату или болезни умерших» [226]. Потери вполне понятны, если прочесть описание отвоеванной у противника крепости: «Карс — одна из первейших азиатских крепостей, а наипаче по местному положению. Толстые каменные стены в три ряда с башнями, построенными в виде бастионов, окружают город и часть предместия и находятся под обороною цитадели, лежащей на высокой скале и одной укрепленной горе, называемой Карадагом. 151 орудие очищает поле выстрелами во все стороны. Почва земли чрезвычайно каменистая,

---

[225] В кандидатской диссертации В. И. Джикия указано ошибочное число убитых и раненых турок при покорении крепости Карс: вместо 2000 — 20 000 человек (см. *В. И. Джикия.* Русско-турецкая война 1828—1829 годов и Грузия. Рукопись канд. дисс., стр. 108).

[226] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 856, л. 35. В подтверждение достаточно сослаться на списки рядовых и нижних чинов Нижегородского драгунского полка (данные за 1831 г.), которые наглядно свидетельствуют, насколько значительным был процент убитых в войну 1828—1829 гг. (см. ЦГВИА, ф. 90, оп. 1, д. 38, лл. 2—3).

припятствует осадным работам»[227]. Перечисленные военно-оборонительные достоинства крепости одновременно подчеркивают доблесть русских войск, которые, несмотря на труднодоступность крепости, сумели ее покорить.

Заключительная часть корреспонденции повествует о ликовании жителей столицы Грузии в связи с сообщением о взятии Карса: «В день получения известия о взятии штурмом крепости Карс, возимы были по городу Тифлису трофеи, отнятые у турок храбрыми войсками Отдельного кавказского корпуса. Во время сего торжественного шествия раздавался гром пушек, недавно возвещавший нам победы, одержаннные над персиянами»[228]. На следующий день после получения сообщения о падении Карса «в Сионском соборе совершено благодарственное господу богу молебствие, во время коего произведен был сто один выстрел из Метехской крепости»[229].

Рассмотренная выше корреспонденция, а также другие материалы из «Тифлисских ведомостей» наряду с архивными данными не оставляют сомнения в том, что основу военной информации в газете составляли реляции гр. Паскевича царю. Поскольку «донесения мои г[осударю] и[мператору] о военных происшествиях заключали всегда сущность самих событий, — писал гр. Паскевич военному министру А. И. Чернышеву в мае 1829 г., — основаны были на строгой истине и, по мнению моему, не имели в себе ничего такого, чтобы должно было скрывать от здешнего народа, то я и приказывал те же самые обстоятельства, которые излагаемы были в означенных донесениях, помещать и в „Тифлисских ведомостях"; но если случались такие события, которые касались до обстоятельств политических, то я приказывал не упоминать об оных вовсе»[230]. Однако реляции составлялись настолько нескромно, что на это обратил внимание даже Николай I. В письме царю, датированном ноябрем 1829 г., Паскевич вынужден был это признать: «Всемилостивейший государь, не осмеливаюсь беспокоить Вас оправданием о нескромности моих реляций; но с чувством сердечной благодарности принимаю оные (замечания царя. — *Д. В.*) и впредь буду стараться оных избегнуть»[231].

Первым сравнительно крупным по объему оригинальным материалом газеты о войне следует считать «Письма из Армении», опубликованные в № 3 и 4 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г. Это — дневниковые записи русского военнослужащего, принявшего непосредственное участие в штурме крепости Карс. Литературный прием, к которому прибегает автор (письма к товарищу), придает определенную живость изложению, способствует лучшему восприятию описываемых событий. Содержание «Писем» во многом дополняет официальные сведения. Вот описание крепости Карс, которое

---

227 «Тифлисские ведомости», 4 июля 1828 г., стр. 2—3.
228 Там же, стр. 3.
229 Там же.
230 АКАК, т. VII, док. № 34, стр. 17.
231 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1006, л. 7.

в отличие от известного нам описания ее в предыдущем материале содержит много нового: «В 50 саженях от восточной стены крепости, по обширному отлогому холму начинаются первые дома, домики и лачужки; внизу является довольно красивый и пространный форштат, с восточной стороны коего, по углам, стоят две каменные пятиугольные башни, вооруженные каждая шестью пушками. Башни сии соединяются незадолго перед нашим приходом складенною кое-как из камня стеною, рвом и гласисом. Часть южной стороны сего укрепленного предместия, от юго-западной башни, высока, крута и скалиста. Против южной стороны, чрез реку, по высокому, но довольно отлогому берегу разбросаны дома армянского форштата. Против северной стороны крепости видны дома третьего небольшого предместья. Левее сего, на самом верху высокой горы, господствует укрепление Карадах»[232].

Автор «Писем» не лишен дара остроты видения и художественного осмысления переживаемых событий. Второе письмо к товарищу он начинает с изображения своего местонахождения и эпизода пленения двухбунчужного Махмуда Эмин-паши: «Первые строки этого письма начинаю к тебе с батареи, устроенной турками в третьем ярусе Карской цитадели, отстоящей от поверхности реки Карс-чай по крайней мере на 50 саженей. Вместо стола служит мне еще не простывшая от боевых выстрелов огромная, до 300 пудов весом, медная 48-фунтовая пушка, подле которой не более получаса как развевается русское Грузинского гренадерского полка георгиевское знамя. ...На возвышениях в 200 саженях от крепости, за бруствером мортирной батареи, развеваются наши трофеи: разноцветные турецкие знамена. Там присутствует корпусный командир. От сего возвышения в занятую крепость с приказаниями, а из оной с ответами, с известиями скачут штаб-офицеры, адъютанты, козаки. Со всех сторон кучами, конные и пешие пленные турки ведутся в лагерь и, наконец, сам двухбунчужный паша, окруженный нарядною толпою своих чиновников, верхом, тихим шагом, приближается к графу Эриванскому с покорною головой...»[233]

Нужно сказать, что культ корпусного командира является характерным для этого первого оригинального материала газеты о войне. Паскевич выведен полководцем-ясновидцем, заранее предвосхищающим все действия противника. Автор ставит на один уровень полководческое дарование Паскевича и... Наполеона Бонапарта. Примечательна заключительная часть первых двух «Писем из Армении», где автор подытоживает сказанное выше: «Вот, любезнейший друг, описание быстрых успехов российского оружия в Азиатской Турции: 11-го июня мы выступили за границу[234]; 19-го мы были перед Карсом; 28-го покоритель Эривани завладел турецкою крепостью, которая почитается также одной из лучших в Азии,

---

232 «Тифлисские ведомости», 18 июля 1828 г., стр. 3.
233 Там же.
234 Тут допущена неточность: русские войска перешли русско-турецкую границу 14 июня 1828 г.

и в коей находилось одиннадцать тысяч гарнизону, храбро ее защищавшего. Здесь справедливо можно воскликнуть: „Пришел, увидел, победил!“»[235].

Как и в рассмотренных выше официальных материалах о войне, в «Письмах», кроме непомерно вознесенного Паскевича и его отдельных генералов (Королькова, Берхмана и Муравьева), не упомянут ни один конкретный участник сражения за Карс из нижних чинов. Последние фигурируют здесь под собирательными именами — «егеря», «уланы», «драгуны», «козаки». Но «Письма» примечательны и тем, что в отличие от официальных сведений о взятии Карса в них подмечены и некоторые трудности, возникавшие при штурме крепости. Вот как описывает автор один из эпизодов жаркой схватки за укрепленное возвышение перед Армянским форштатом, откуда «начали показываться спрятавшиеся пред сим турки, которые, беспрестанно увеличиваясь числом, открыли ружейный огонь. С правой траншейной нашей батареи сделали в них несколько картечных выстрелов, но это их не остановило: ружейный огонь становился гуще. В лощине раздалось громкое „ура“, и вскоре по отлогости укрепленного возвышения начали подыматься до 200 человек егерей и за ними в подкрепление другие две роты. Несмотря на малочисленность, храбрые егеря ударили в штыки. Турки, отстреливаясь, тихо отступали к укреплению. Сошлись, сразились, многочисленность турок одолела: стрелки наши стали отступать, неприятель напирал на них с ужасным криком»[236]. Неуспех атаки автор объяснял тем, что ряды наступавших егерей «слишком рассыпались».

В дальнейшем заголовок «Письма из Армении» превратился в своеобразную рубрику, под которой печатались материалы того же автора из разных мест театра войны с Турцией. Кстати, несколько слов об авторе «Писем», которые подписаны инициалами «М. С.» (иногда — «М. С-въ»).

После опубликования в «Тифлисских ведомостях» первых двух «Писем» в апрельском № 8 журнала «Московский телеграф» за 1829 г. также были напечатаны «Письма из Армении» за подписью «М. С-въ». В библиографическом справочнике М. Миансарова инициалы его расшифрованы как Михаил Соболев[237], активный участник кампании 1828—1829 гг. Раскрыть инициалы помогает и содержание «Тифлисских ведомостей». В письме из Ахалцихе от 2 сентября 1828 г. «М. С-въ» сообщал, что при овладении крепостью Ахалкалаки Паскевич приказал ему «взять 4 батарейные и две осадные пушки, подвезти их к северо-восточной стене и растворить ворота ядрами»[238]. Между тем в информации, помещенной в разделе «Внутренние известия» № 6 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г.,

---

[235] «Тифлисские ведомости», 25 июля 1828 г., стр. 4.

[236] Там же.

[237] *М. Миансаров.* Bibliographia Caucasica et Transcaucasica, t. I. СПб., 1874—1876, отделы I и II, стр. 748.

[238] «Московский телеграф», 1830, № 1, стр 373.

об этом факте сказано следующее: «Для умножения страха и поражений в крепости, господин корпусный командир приказал артиллерии подполковнику М. Соболеву, с четырьмя батарейными орудиями, под прикрытием батальона Ширванского пехотного полка, с которым находился командир сего полка полковник Бородин, занять то место под стеною цитадели, которое назначено было для брешь-батареи, а генерал-майор барон Остен-Сакен направил два легких орудия против городских ворот»[239].

Вряд ли можно сомневаться в том, что упомянутый в информационной заметке подполковник Соболев и автор «Письма» из Ахалцихе — одно и то же лицо. Это подтверждается и другим фактом. В «Московском телеграфе» напечатана статья «Взятие Арзрума» (в форме письма из города от 12 сентября 1829 г.), которая повествует о взятии войсками Отдельного кавказского корпуса крупного центра Восточной Турции. Статья не подписана, но в начале письма автор сообщает читателям, что имеет честь быть комендантом Арзрумской цитадели[240]. В официальной информации об овладении Арзрумом, помещенной в № 31 «Тифлисских ведомостей» от 2 августа 1829 г., в связи с замещением этой должности сказано, что главнокомандующий назначил комендантом Арзрумской цитадели подполковника М. Соболева. Подобных назначений на территории, вновь отвоеванной у противника, удостаивались лишь отличившиеся в бою. Е. Г. Вейденбаум установил, что «Соболев, как видно из его писем, командовал в Эривани ротой в 20-й арт. бригаде, затем при движении корпуса к Карсу был назначен для поручений при начальнике корпусной артиллерии генерала Гимленшмидта. Затем возвратился в Эривань и участвовал в походе к Диадину, под конец — арзрумский комендант»[241]. Находясь в Эривани, Соболев, по его словам, «не имел ни малейшей надежды служить в нынешнюю турецкую кампанию, и следовательно, как и в прошедшую с персиянами войну, и подумать не смел о наградах, какими тогда украсились и еще теперь украсятся мои храбрые товарищи»[242]. Чрезмерная объективность и скрупулезность Соболева при описании отдельных боевых эпизодов, равно как и содержание некоторых других материалов «Тифлисских ведомостей», подробно повествующих о развитии русско-турецкой войны, пришлись не по душе местному военному начальству. После опубликования в «Тифлисских ведомостях» первых двух «Писем из Армении» последующие третье, четвертое и пятое письма не увидели света на страницах газеты. В примечании к шестому письму автор писал, что предыдущие (третье, четвертое и пятое) письма «были готовы, но при переправе через Аракс бричка моя опрокинулась: много кой-чего, получше писем, унесло в реку. Однако же я их помню и при до-

---

[239] «Тифлисские ведомости», 8 августа 1828 г., стр. 2—3.
[240] «Московский телеграф», 1830, № 2, стр. 141.
[241] Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 25, стр. 187.
[242] «Тифлисские ведомости», 18 июля 1828 г., стр. 3.

суге напишу снова»[243]. Не было напечатано также и предпоследнее, «9-е письмо, заключающее в себе одни дружеские изъяснения»[244].

Если даже поверить авторскому объяснению причин, исключивших возможность напечатания третьего, четвертого и пятого «Писем из Армении» в «Тифлисских ведомостях», то на первый взгляд представляется странным, что, сдержав обещание — при досуге написать эти письма снова, Соболев опубликовал их не в «Тифлисских ведомостях», как предполагалось, а в «Московском телеграфе» № 8 за 1829 г. Эти «Письма из Армении» хотя и не пронумерованы, но по содержанию как раз дополняют серию писем, опубликованных в «Тифлисских ведомостях». Так, письмо из Ахалцихе (от 2 сентября 1828 г.) является третьим по счету письмом; из Сурамского карантина (от 11 сентября 1828 г.) — четвертым, а из Тифлиса (от 28 октября 1828 г.) — пятым.

Тот факт, что пятое письмо, не говоря уже о двух предыдущих, написанное в Тифлисе, автор поместил не в местной газете, а отослал в московский журнал, показывает, что причина, воспрепятствовавшая напечатанию трех этих писем в «Тифлисских ведомостях», заключалась, очевидно, не в их утере, а в чем-то другом. Сомнение относительно действительной причины опубликования Соболевым указанных трех писем не в «Тифлисских ведомостях», а в «Московском телеграфе» впервые было высказано еще Е. Г. Вейденбаумом: «Остается вопросом, действительно ли подлинники их (трех писем.— *Д. В.*) были утрачены при переправе автора через Аракс или же он почему-либо предпочел напечатать их в московском журнале»[245].

Дело в том, что сообщения о русско-турецкой войне в «Тифлисских ведомостях» публиковались сначала без особых ограничений, иногда вплоть до сведений о передвижении войск Отдельного кавказского корпуса и войсковых соединений, временно расквартированных в Грузии. Это не противоречило «программе» «Тифлисских ведомостей», которая, в частности, предусматривала «военные известия о действиях и движениях отрядов войск Отдельного Кавказского корпуса как по внешним войнам, так и по разным предприятиям для усмирения и покорения хищных племен»[246]. Надо полагать, что именно благодаря наличию в программе газеты подобного пункта цензура не притесняла на первых порах редакцию, позволяя ей более чем подробно излагать на страницах газеты события на фронте. После опубликования достаточно подробного материала о взятии Карса, редакция с № 10 газеты ввела постоянную рубрику «Современная история» и начала публикацию материалов с серии статей под заголовком «Описание крепости Карс и взятие оной штурмом русскими войсками под предводительством графа Паске-

---

243 «Тифлисские ведомости», 11 января 1829 г., стр. 2.
244 «Тифлисские ведомости», 18 января 1829 г., стр. 3.
245 Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, № 25, стр. 187.
246 Там же, № 367, стр. 3.

вича-Эриванского». Интересно, что в примечании к первой же статье под таким заголовком редакция поместила характерное обращение к читателям: «Просим извинения у наших читателей, что мы несколько поздно сообщаем о сем знаменитом событии (и это после напечатания в газете специально посвященных этому событию реляции в виде информации и второго „Письма из Армении"! — *Д. В.*). Победы графа Эриванского столь часты и столь быстры, что ни один журнал не может успеть своевременно извещать о них с надлежащею подробностью» [247].

Цензура не могла не обратить внимания на то, что наряду с подробностями в описании боевых эпизодов редакция стала помещать и такие сведения, разглашение которых могло нанести определенный ущерб военным интересам России. Так, в № 2 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г. была напечатана информация о том, что «Лейб-гвардии сводный полк, находившийся в Грузии с 1826 года и по высочайшему повелению возвращающийся ныне в С.-Петербург, выступил сего числа (7 июля 1828 г. — *Д. В.*) из Тифлиса и расположился лагерем в 3 верстах от сего города, в урочище Сабуртано (Сабуртало. — *Д. В.*), за речкою Верою» [248]. В следующем № 3 «Тифлисских ведомостей» за тот же год сообщались подробные данные о количестве русских войск, оставленных командованием для охранения Карского пашалыка: «Гарнизон крепости составляют следующие войска: Крымский пехотный полк, 2-й батальон 39-го Егерского полка и две сотни казачьего Извалова полка» [249]. А в разделе «Внутренние известия» № 8 газеты за тот же год сообщалось: «Войска действующего корпуса двинулись к Ахалциху, куда, по полученным известиям, поспешали значительные турецкие силы из Арзерума чрез Ардаган под начальством пашей Мустафы и Киоса-Мамета. Первый вел с собою до 7000 человек, а последний около 20000. У обоих было 15 полевых орудий» [250]. Ясно, что столь подробные и точные сообщения могли заинтересовать разведку противника, а кроме того, вызвать толки среди местного населения. На это обстоятельство указал Паскевичу военный министр Чернышев, после чего в начале 1829 г. последовало распоряжение Паскевича, «чтобы в „Тифлисских ведомостях" на будущее время известия о военных действиях Кавказского Отдельного корпуса были помещаемы без всяких подробностей» [251]. Одними из первых попали под действие

---

247 «Тифлисские ведомости», 5 сентября 1828 г., стр. 3.

248 «Тифлисские ведомости», 11 июля 1828 г., стр. 1.

249 «Тифлисские ведомости», 18 июля 1828 г., стр. 1.

250 «Тифлисские ведомости», 22 августа 1828 г., стр. 1.

251 АКАК, т. VII, док. 34, стр. 17. Любопытно отметить, что промахи редакции «Тифлисских ведомостей», казалось бы граничившие с разглашением военной тайны в самый разгар русско-турецкой войны, не повлекли за собой репрессивных мер в отношении литературных сотрудников газеты. А полемическая статья В. Д. Сухорукова, напечатанная, как мы уже знаем, в газете на исходе войны и заключавшая в себе некоторые не подлежащие огласке цифровые данные (фактически переставшие быть тайной после заключения перемирия с Турцией), тем не менее послужила поводом к аресту и повторной ссылке заместителя главного редактора «Тифлисских ведомостей».

распоряжения Паскевича третье, четвертое и пятое «Письма из Армении» Соболева, предназначенные для опубликования в «Тифлисских ведомостях». Основанием для нашего предположения служит совпадение времени распоряжения Паскевича с датой напечатания этих писем в № 8 «Московского телеграфа» за 1829 г. Напомним, что распоряжение главноначальствующего соответствовало «высочайшему повелению», как это видно из письма Паскевича к гр. Чернышеву от 9 мая 1829 г.[252] Кстати говоря, этот факт еще раз свидетельствует, что газета «Тифлисские ведомости» подвергалась цензуре не только со стороны местных властей, но и внимательно прочитывалась в соответствующих кругах в Петербурге.

В этом свете рассказ автора о случайной утрате трех писем при переправе через Аракс представляется вымышленным, служившим своеобразным оправданием тому, что эти письма, начиненные богатым фактическим материалом об эпизодах войны с Турцией, не были напечатаны в «Тифлисских ведомостях». Характерно и то, что последующие шестое—десятое «Письма из Армении» составлены в несколько ином плане, уже без подробностей.

Вслед за взятием приступом Карса русские войска овладели крепостями Ахалкалаки и Хертвиси. Эти первые, реально ощутимые для грузинского народа результаты войны России с Турцией — освобождение земель, издревле принадлежавших Грузии, но утраченных ею в XVI в.,— вызвали всеобщее ликование в Грузии: «Благополучное взятие Ахалкалак имеет сильнейшее влияние на успокоение пограничной Сомхетии и Карталинии. Находясь вблизи входящего угла, определяющего сии две области, оная крепость доставляла во всякое время удобность скрывающимся в ней разбойникам обеспокоивать наши кочевья и селения и была причиною опустошения всего ближнего края. Ныне зло сие отвращено» [253].

Из газеты видно, что население освобожденных крепостей, среди которого немалый процент составляли принявшие ислам грузины, не питало враждебного отношения к русским войскам. Сообщая, например, сведения о народонаселении в Хертвиси, газета писала, что оно «простирается до шестисот душ обоего пола и состоит из турок, грузин, армян и жидов. Такое многоразличие вероисповеданий соделывает всех вообще жителей терпимыми касательно сего предмета, и в сем месте гораздо менее приметно фанатизма, нежели в прочих городах турецких. Жители отличаются даже некоторым обхождением и приветливостью» [254]. Газета писала: «С утверждением владения нашего над Курою все жители сей населенной и обработанной долины, страхом войны загнатые в дальние ущелья, немедленно начали возвращаться в свои дома, приступать к уборке поспевшего хлеба и продавать оный войску. Таким образом, в Гертвисе (Хертвиси.— *Д. В.*) и в другом подобном ему замке Аспиндже

---

[252] АКАК, т. VII, док. 34, стр. 17.
[253] «Тифлисские ведомости», 8 августа 1828 г., стр. 4.
[254] «Тифлисские ведомости», 15 августа 1828 г., стр. 4.

(Аспиндзе.— *Д. В.*), лежащем ниже по Куре в 12 верстах, могут устроиться значительные складки зернового продовольствия, обращаемого с помощью мельниц в муку: продовольствие сие может облегчить тягостную в здешней войне транспортировку провианта из Грузии» [255].

Обеспечив покорением Ахалкалаки и Хертвиси непосредственную связь с Грузией через Цалки и Гумры, войска Отдельного кавказского корпуса предприняли стремительный поход на Ахалцихе. Поспешность в передвижении русских войск была продиктована полученными сведениями об экстренных мероприятиях сераскира для обеспечения обороны Ахалцихе: из Арзрума через Ардаган на выручку ахалцихскому гарнизону двигался 25-тысячный турецкий отряд, предводительствуемый известными в Турции военачальниками пашами Мустафой и Киоса-Мехмедом.

Схватка с намного превосходящим численностью противником потребовала крайнего напряжения сил Отдельного кавказского корпуса. Из «Тифлисских ведомостей» видно, что при овладении Ахалцихе вместе с русскими и закавказскими собратьями особую неустрашимость в борьбе с турками проявили воины-грузины.

При первом же столкновении с противником отличились батальоны Грузинского гренадерского и Эриванского карабинерного полков, а также четыре эскадрона драгун и улан под командой полковника Н. Н. Раевского. Описывая сражение за удобно расположенное к крепости ущелье, где русские намеревались заложить редут, корреспондент газеты писал: «Едва только полковник Раевский начал выстраивать эскадроны и два орудия Донской артиллерии, пройдя ущелье, как огромные толпы турок с трех сторон двинулись против него. Отправив один эскадрон драгун под начальством майора Казасси влево и увидев, что оный врубился в толпу турок, но по десятеричному превосходству числа их должен был несколько отойти, он немедленно послал другой эскадрон с подполковником князем Андрониковым во фланг неприятеля и тем на сей точке совершенно смял и загнал его в горы» [256].

25-тысячный вспомогательный турецкий корпус, прибывший из Арзрума с намерением помешать осаде Ахалцихе, 9 августа 1828 г. был разбит наголову русскими войсками. Лишь одна часть корпуса турок успела укрыться в Ахалцихе, усилив тем самым 15-тысячный гарнизон крепости; другая часть его спаслась беспорядочным бегством в сторону Арзрума, преследуемая на протяжении 30 верст русской кавалерией.

В тот же вечер войска Отдельного кавказского корпуса приступили к осадным работам, которые продолжались пять дней. 15 августа в 4 часа дня начался штурм Ахалцихе. Главным пунктом атаки был определен пролом, образовавшийся от бреш-батарей против северного бастиона крепости. На этом самом важном участке

---

[255] Там же.
[256] Там же, 22 августа 1828 г., стр. 2.

боя действовал Ширванский пехотный полк, перед которым стояла задача «овладеть бастионом и потом занять всю часть предместия до Католической церкви» [257].

Самоотверженное сражение ширванцев с противником описано в «Подробном известии об осаде и взятии Ахалциха», помещенном в № 14 «Тифлисских ведомостей» за 1828 г.: «Ширванский полк под начальством полковника Бородина, говорится в корреспонденции, с необыкновенной храбростью и хладнокровием пошел к пролому, без выстрела, и неприятель встретил его жестоким ружейным огнем с разрушенного бастиона и из-за палисада, от коего в одно мгновение подпоручик Вачнадзе 3-й и 20 рядовых убиты. Ширванский полк бросился немедленно через пролом и овладел бастионом, отбив три пушки и несколько знамен» [258].

В тот момент, когда вслед за ширванцами в город вступили саперные и пионерные роты, «сильные отважные турецкие войска, состоявшие из аджарцев, лазов и жителей в числе около 4000 человек, собравшихся позади церкви и в овраге, близ оной находившемся, встретили с флангов и с фронта ужасным натиском ширванских стрелков» [259]. Столкновение имело следствием значительный урон с обеих сторон: «В то время, когда опрокинутый неприятель бежал за церковь и усыпал трупами все расстояние, пуля поразила смертельным ударом сего достойного штаб-офицера (полковника Бородина. — *Д. В.*) ... В то же время убиты: начальник застрельщиков Апшеронского пехотного полка майор Радзевский и ширванского полка прапорщик Бежанов» [260].

Кровопролитные бои отдельных русских частей в черте города энергично поддерживались войсками корпуса снаружи крепостной стены. Газета особо подчеркивает успешные действия эскадрона драгун под начальством уже отмеченного выше подполковника князя Андроникова, который не переставал «совместно с Грузинским гренадерским полком и батальоном 41-го егерского, бывшими под начальством графа Симонича, со стороны реки, тревожить неприятеля и отвлекать его фальшивыми атаками, дабы он не давал помощи атакованным бастионам» [261]. Здесь же отмечено, что с наступлением ночи штабс-капитан Корганов впереди 40 егерей «опрокинул неприятельских стрелков и, подкрепленный означенными ротами (три роты 42-го Егерского полка.— *Д. В.*), ворвался в башню (Кап-даг, в западном предместье города.— *Д. В.*), упорно защищаемую, при сем случае взято 5 орудий» [262]. Автор корреспонденции сообщает любопытную деталь: когда Грузинский гренадерский полк завладел двумя нижними восточными бастионами Ахалцихской

---

[257] «Тифлисские ведомости», 25 июля 1828 г., стр. 1.
[258] Там же.
[259] Там же.
[260] «Тифлисские ведомости», 3 октября 1828 г., стр. 1.
[261] Там же, стр. 3.
[262] Там же.

крепости, «на них найдено 6 орудий, в том числе русские единороги, отбитые турками во время осады Ахалцихе в 1810 году»[263].

В 1828 г. осада Ахалцихе оказалась более успешной: в результате ожесточенных боев и немногосложных завершающих переговоров между русским командованием и Киоса-Мехмед-пашой уцелевшая часть гарнизона крепости сложила оружие: «Грузинский гренадерский полк, — говорится в газете, — водрузил знамя (Отдельного кавказского корпуса. — *Д. В.*) на цитадели, на коей не развевались знамена чужеземные в течение 250 лет — со времени овладения турками сею страной» (Ахалцихским пашалыком.— Д. В.)[264]. В специальном приказе, изданном гр. Паскевичем в связи с овладением Ахалцихе, отмечался подлинный героизм личного состава Отдельного кавказского корпуса: «В продолжение 22-летней боевой моей службы много видел я войск храбрых, но более мужественных в сражении, более постоянных в трудах не знаю»[265].

Взятие Ахалцихе явилось событием первостепенной важности, прежде всего, для населения Грузии, повсеместно отметившего его как национальный праздник. Велика была радость жителей Грузии, узнавших о возвращении отторгнутой турками в конце XVI в. древней столицы Самцхе — Саатабаго. Когда из Ахалцихе в Тифлис были доставлены раненные в бою солдаты и офицеры, то, по свидетельству «Тифлисских ведомостей», несмотря на многотрудный пятнадцатидневный путь, на сырость погоды, угрожавшую больным, все офицеры получили значительное «облегчение от ран и 91 человек выздоровело дорогою *. К сбережению больных много способствовали спокойные помещения, которые ... приготовлены были для них в пределах Грузии. В Тифлисе граждане сего города, воспламененные похвальною ревностью, доставили безвозмездно на первые дни все нужные для новоприезжих жизненные припасы»[266].

Как известно, территория Ахалцихского пашалыка со времени ее захвата Турцией служила гнездом для разбойников разных мастей,

---

[263] Там же, стр. 1.

[264] Там же.

[265] «Тифлисские ведомости», сентябрь 1828 г. (№ 12), стр. 2. Высокого мнения о боевых качествах офицеров Отдельного кавказского корпуса был и А. С. Грибоедов. В письме к Ф. Булгарину от 27 июня 1828 г. он сообщал: «Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы. Бесит меня только этот пехотный маиор, который не соединился с Родионовым и [был] причиною его безвременной смерти. Он 20-й крымской дивизии. Нашего кавказского корпуса штаб-офицер никогда бы этой глупости не сделал» (*Грибоедов*. Сочинения. Л., 1940, стр. 562). «Пехотный маиор» — Казачковский.

Среди архивных документов 50-х годов XIX в. мы обнаружили отзыв об Отдельном кавказском корпусе полковника Новоселова: «Отдельный Кавказский корпус есть сонм героев — это общий голос в Отечестве. В каждой губернии необъятной России, едва ли не в каждом городе, можно встретить безногих, безруких, подвязанных бывших кавказцев — этих, как сказал кто-то — живых букв, вынутых из истории славных дел корпуса» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 80, 1857 г., л. 4).

* Всего было доставлено по назначению раненых: 239 рядовых и 10 офицеров.

[266] «Тифлисские ведомости», 3 октября 1828 г., стр. 4.

предпринимавших набеги на мирных жителей Грузии. Ахалцихе, где хищники сосредоточивали награбленное из грузинских деревень, в том числе выкраденных детей, молодых парней и девушек, считался также поставщиком живого товара для работорговцев Ближнего и Среднего Востока. Успехи русско-грузинского оружия на земле древней Месхет-Джавахетии изменили обстановку в Юго-Западной Грузии. Овладение вслед за Ахалцихе крепостями Ацкури, Ардаган и Баязет возымело «столь сильное действие, что в Боржомских лесах и ущельях, известных издревле грабежом и хищничеством, ныне существует совершенная безопасность. Один проезжий с проводником спокойно отправляется через сии леса, даже ночью, без всякой боязни. В Боржомском ущелье, где до ныне существовала одна только разбойничья тропинка, проведенная по перпендикулярным утесам, и по коей едва с трепетом мог пробраться конный, теперь... устроена весьма хорошая ровная дорога» [267]. Эта заметка из «Тифлисских ведомостей» свидетельствовала о том, что успехи русских войск в войне против Турции заставили заметно присмиреть феодалов некоторых северокавказских племен, которые еще в предшествующую войну России с Персией проявляли нескрываемое тяготение к султанской Турции [268].

Другим крупным после Ахалцихе пристанищем для хищников, предпринимавших разбойничьи набеги на Грузию, являлись пограничные с Кахетией Джары и Белакани, которые в свое время, как известно, не раз служили своеобразным опорным пунктом для войск Омар-хана Аварского при его нашествиях на Грузию. Между ахалцихским пашой и его окружением, с одной стороны, и джар-белаканскими хищниками, вдохновляемыми местными феодалами, — с другой, поддерживался самый тесный контакт и в ограблении мирных деревень, и в похищении жителей отдельных областей Грузии. Этому был положен конец вступлением в Ахалцихе войск Отдельного кавказского корпуса.

Не исключено, что под впечатлением покорения Ахалцихе и продвижения русских войск в глубь турецкой территории, а также в связи с изменением обстановки в Грузии и было продиктовано письмо джар-белаканских жителей к Паскевичу: «Мы были черны пред Вашим сиятельством и решились предстать белыми. Мы удовлетворили все требования, которые на нас оказались: возвратили весь скот, захваченный разбойниками, послали выкупать людей, ими увлеченных, и в знак нашей искренности отдали полковнику Раевскому в залог, до их возврата, по 200 рублей серебром за каж-

---

267 «Тифлисские ведомости», 26 сентября 1828 г., стр. 2.

268 Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Эмануель доносил 30 июля 1827 г. бар. Дибичу «об открытии им намерений турецкого правительства возмутить противу нас азиатские народы, живущие на Кавказской линии» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 915, л. 1). А из письма Дибича к Нессельроде, датированного июнем 1827 г., выясняется, что «государь император из донесения сего изволил [усмотреть] новое и явное доказательство неприязненных против России действий Оттоманской порты» (там же, л. 11).

дого захваченного щекинца[269] и по 300 — за каждого грузина; чтобы еще больше доказать Вашему сиятельству совершенное наше повиновение, мы выдали полковнику Раевскому главных разбойников, изгнали из общества, сожгли дома и вырубили сады остальных. Для совершенного прекращения разбоев мы положили, что общество, которое примет или у которого будут скрываться разбойники, изгнанные из другого общества, заплатит 1000 рублей серебром штрафу»[270]. Характерно, что примерно в это же время и табасаранцы (жители нижнего Дагестана) приняли на себя аналогичные обязательства. Один из пунктов этих обязательств, в частности, гласил: «В случае, если бы кто из них (табасаранцев. — *Д. В.*) оказался виновным в грабительстве на землях, принадлежащих российским подданным, то они обязываются или представить самих преступников, или, наказав их по своим обычаям, возвращать все похищенное»[271].

После Карса и Ардагана крепость Баязет, через которую пролегала большая караванная дорога из Трапезонда и Арзрума в Тавриз, была крупным плацдармом противника на территории, принадлежавшей ранее Армянскому царству. 27 августа 1828 г. небольшой отряд русских войск под командованием начальника Армянской области генерал-майора А. Г. Чавчавадзе в непосредственной близости от Баязета принял бой с неприятельской конницей и, одолев ее, осадил крепость. Комендант крепости Баллюль-паша через своего парламентера изъявил согласие сдать Баязет, но потребовал для этого определенного срока, рассчитывая на подход подкрепления. А. Г. Чавчавадзе, однако же, не поддался на обман. В полдень 28 августа Баязет был занят русскими войсками, а Баллюль-паша объявлен военнопленным.

О событиях, разыгравшихся при взятии Баязета, рассказано в небольшой корреспонденции, помещенной в разделе «Внутренние известия» № 11 «Тифлисских ведомостей» от 12 сентября 1828 г. В ней говорится: «Эривань, 29 августа. Отряд войск, под командой генерал-майора князя Чавчевадзе (sic!), назначенный для взятия турецкой крепости Баязета, перешедши весьма трудную дорогу, лежащую через горы Агадониг, 27-го августа приблизился к крепости и под оной встречен был неприятельской кавалерией, которая удачным действием нашей артиллерии была прогнана в крепость. На другой день, русский отряд, несмотря на сильную пушечную пальбу, производимую из крепости и города, двинулся вперед. Начальник крепости двухбунчужный Элюль-паша (Баллюль-паша. — *В. Д.*), видя что невозможно сопротивляться храброму русскому войску, немедленно сдал крепость»[272].

---

[269] В тексте письма, напечатанного в № 5 «Тифлисских ведомостей» за 1829 г. (стр. 2), указано «ширванца», но в поправке к этому месту, помещенной в следующем № 6 газеты (стр. 4), отмечено: «Подлежит читать: „щекинца“».

[270] «Тифлисские ведомости», 1 февраля 1829 г., стр. 2.

[271] «Тифлисские ведомости», 8 февраля 1829 г., стр. 1.

[272] «Тифлисские ведомости», 19 сентября 1828 г., стр. 2.

Вскоре после этого о своей покорности объявило и население двух ближайших санджаков (районов) Баязетского пашалыка — Хамурского и Диадинского. Этот последний был занят армянским ополчением, также действовавшим под руководством генерала Чавчавадзе. Некоторое время спустя «Тифлисские ведомости» извещали читателей уже о новом успехе его войск: «Генерал-майор князь Чавчавадзе с отрядом, начальству его вверенным, 9-го числа сего месяца (сентябрь, 1828 г.) выступил из крепости Баязета и, сделав около 150 верст, 12 числа в 6 часов утра явился под стенами турецкой крепости Топрак-кале. Неприятель не ожидал столь быстрого движения наших войск, оставался спокойным, но каково было его изумление, когда восходящее солнце осветило оружие наше в двух верстах от крепости! Устрашенный гарнизон, состоящий из 500 человек конницы и пехоты, и сам Абдул-Ризах-бек, брат Баллюль-паши, поспешили оставить крепость и обратились в бегство»[273]. При преследовании беспорядочно отступавшего противника «с нашей стороны ранено 2 козака, у неприятеля взято в плен 128 человек, а в крепости найдены достаточные запасы провианта»[274]. Взятие Топрак-кале завершило покорение генералом Чавчавадзе Баязетского пашалыка. Чтобы обеспечить продовольствием небольшие отряды своих войск, оставленных в качестве гарнизонов во вновь завоеванных турецких крепостях, генерал снарядил Нашебургский пехотный полк с тремя орудиями в пределы Мушского пашалыка. 20 сентября полк занял большую деревню Софикент, где были обнаружены громадные запасы хлеба.

Отличные качества военачальника и трогательная забота о благополучии войск, вверенных его командованию, всегда вызывали к генералу Чавчавадзе большие симпатии подчиненных. «У нас Чавчавадзе молодец, — говорили солдаты, — пусти его, так он с одним полком дойдет до Эрзерума. Легко ли дело? С тысячью нас завоевал два пашалыка!»[275]. Стремительно осуществленные А. Г. Чавчавадзе операции по овладению крепостями Баязетского пашалыка вызвали у гр. Паскевича изрядную ревность, тем более что А. Г. Чавчавадзе считался приближенным ненавистного А. П. Ермолова[276]. Один из исследователей истории русско-турецкой войны 1828—1829 гг. справедливо замечает: «Паскевич не хотел оценить военных дарований князя Чавчавадзе, резко выделявшегося из среды современных ему отдельных начальников, и свел деятельность этого замечательного генерала к ответственной, но невидной должности губернатора Армянской области»[277].

---

[273] «Тифлисские ведомости», 3 октября 1828 г., стр. 3.

[274] Там же.

[275] «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2. СПб., 1908, стр. 116.

[276] А. П. Ермолов, всегда лестно отзывавшийся о военном даровании А. Г. Чавчавадзе, рекомендовал его царю как отличного кавалерийского офицера, вполне достойного занять место командира Нижегородского драгунского полка (там же, стр. 100).

[277] Там же, стр. 127.

После завоевания Баязетского пашалыка в связи с наступлением зимних холодов военные действия на Кавказе временно прекратились. Результатом почти пятимесячных непрерывных сражений русских войск с турками «было покорение трех пашалыков: Карсского, Ахалцихского и Баязетского; взятие шести крепостей и трех замков; 313 пушек, 195 знамен, 11 бунчуков и до 8000 пленных» [278].

Однако передышка оказалась сравнительно непродолжительной. Уже в январе 1829 г. «Тифлисские ведомости» сообщали своим читателям о тщательной подготовке противника к продолжению войны: «По известиям, полученным нами с турецкой границы, видно, что турки в Азии делают сильные приготовления к будущей кампании, и по всему заключить должно, что они с наступлением весны начнут весьма рано военные действия. В Арзруме, как говорят, кроме других войск, находится восемь тысяч регулярной пехоты» [279].

В ответ на подготовку противника к продолжению войны гр. Паскевич принял экстренные меры для обеспечения Отдельного кавказского корпуса надежным подкреплением, тем более что, «окончив без всяких новых подкреплений две персидские и одну турецкую кампании ... перенеся смертоносный жар Персии, чуму и потери на штурмах нескольких крепостей, некоторые полки Закавказские уменьшились наполовину, от других едва осталась четвертая часть» [280]. И все же Николай I кроме рекрутов из внутренних губерний России ничего другого не обещал Паскевичу [281]. Известно, что у новобранцев не было навыков к военному делу, да и вряд ли они успели бы прибыть к месту назначения до начала военных действий [282].

Напряженное положение заметно усугубилось в связи с убийством в Тегеране в январе 1829 г. полномочного посла России в Персии А. С. Грибоедова. Это неожиданное событие взбудоражило население России, послужив в некоторых случаях основанием для слухов о якобы предстоящем вступлении Персии в войну на стороне Турции. Слухи казались вероятными в связи с формированием из рекрутов во внутренних губерниях России обещанных царем Паскевичу войсковых соединений. 19 апреля 1829 г. в III Отделение с. е. и. в. к. поступило донесение от полковника Жемчужникова,

[278] *Ушаков*. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, изд. 2, ч. I. СПб., 1843, стр. 372.

[279] «Тифлисские ведомости», 18 января 1829 г., стр. 2.

[280] *Ушаков*. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. II, стр. 4.

[281] Там же, стр. 6.

[282] Два батальона и 2000 рекрутов, отправленных из России в подкрепление войскам Отдельного кавказского корпуса, прибыли в Имеретию со значительным опозданием (см. *Ушаков*. Указ. соч., т. II, стр. 73). Кроме того, по свидетельству Ушакова, «14 пехотная дивизия в кадренном шестибатальонном составе и в числе 7200 человек была по воле государя императора командирована из России на подкрепление Кавказского корпуса в начале 1829 года, но по отдаленному расстоянию едва прибыла на Кавказскую линию в июне месяце» (там же, стр. 245).

озаглавленное «О мнении орловской публики на счет убийства г-на Грибоедова». В документе сказано: «Официальное известие о убийстве персидского нашего посланника Грибоедова, и вслед за сим присланное и никем не ожиданное повеление недавно пришедшим квартировать в Орловскую губернию полкам 5-го пехотного корпуса выступить 1-го числа апреля в Грузию, тогда как сии войска еще не совсем укомплектованы людьми, привело здешнюю публику в недоумение. Опасение, чтоб сие небывалое приключение с нашим посланником не привело вновь войны с Персией. Затем следуют по обыкновению различные догадки, кои, основываясь иногда на ложном страхе, иногда на неведении истинных кабинетных сношений, причиняют попеременно беспокойства в публике, людей привязанных к существенным пользам своего Отечества, но не имеющих основательных о том сведений» [283].

Понятно, что в прифронтовой полосе Закавказья, особенно в Грузии, также возникали разные догадки и не только в связи с ошеломившим всех известием о гибели Грибоедова, но и по многим другим вопросам, связанным с войной, по которым местные официальные источники информации, в том числе и «Тифлисские ведомости» хранили упорное молчание. Выясняется, что в осложнившейся политической обстановке даже такой, казалось, почитатель периодической печати, как гр. Паскевич, отдал предпочтение методу санкционированного распространения «под рукой» слухов среди населения. Так, в Центральном государственном архиве Грузинской ССР мы обнаружили секретный документ, датированный 24 марта 1829 г., — отношение исполняющего обязанности начальника штаба Отдельного кавказского корпуса к грузинскому гражданскому губернатору — «Известия, кои должно распространить в народе» [284]. Эти слухи, прежде всего, призваны были нейтрализовать сообщения периодической печати об усиленных приготовлениях противника к возобновлению военных действий на Кавказском фронте. В связи с этим в первых трех пунктах отмечалась необходимость распространить среди населения Закавказья слухи о стягивании из России в Грузию резервных войск пехоты численностью 40 тыс. человек, которые прибудут до конца апреля текущего года. При этом следовало «присовокупить», как отмечается в документе, что движению резервов помешали большие снегопады, а то к «наврузу» (т. е. к 10 марта) указанные войска уже были бы в Грузии [285].

Весьма любопытно содержание четвертого пункта документа: «Главнокомандующий граф Паскевич-Эриванский, не имея достоверного сведения о причине смерти русского посла в Тегеране и о настоящем положении персидского двора, при том же слыша о вооружении Адербиджана (Азербайджана. — *Д. В.*), по предоставленной ему власти предписал войскам, находящимся на Кавказ-

[283] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1829 г., д. 147, л. 7—7 об. Публикуется впервые.

[284] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3961, л. 1.

[285] Там же.

ской линии, следовать в Грузию двумя колоннами, одной через Кавказские горы, а другой на Сальян; на Кавказскую же линию идут войска из ближайших внутренних российских губерний»[286].

Смерть Грибоедова произвела на жителей Грузии и Армении весьма удручающее впечатление, и не только оттого, что они видели в нем защитника своих интересов, но и оттого, что склонны были расценивать ее как предвестник совместного выступления Ирана и Турции против России. В пользу такого предположения свидетельствовали и некоторые происшествия, настораживающие население Закавказья. Так, талышинский хан Мир Гассан, «полагая, что будто смерть русского посла произошла с намерения персидского правительства, вздумал сделать в границах Талыша шалости!»[287]. Именно поэтому гр. Паскевич наряду с другими распространяемыми в народе слухами старался распространить контрверсию «о неумышленной смерти русского посла, виновников же к тому прикосновенных ведут в Грузию в цепях для казни»[288]. Кроме того, следовало разнести слух и о том, что якобы Аббас-Мирза специально снарядил своего сына с войском в Талышинское ханство, чтобы «наказать глупого Мир Гассана»[289].

Содержание последующих пятого и шестого пунктов, завершающих цитируемый документ, призывало создавать впечатление якобы «носится слух, что командующий представил государю императору повелеть 10 тысяч человек пехоты и 24 орудий приготовить в Астрахане для десанту, и, как говорят, к сему предприятию уже приступают». Кроме того, «есть известие, что султан Махмуд через посредничество дворов Австрийского и Французского желает заключить мир с Россией, и уполномоченные съезжаются уже для переговоров»[290].

Ясно, что распространением этих и других слухов гр. Паскевич стремился вселить уверенность в положительном для России исходе войны с Турцией. В большинстве своем слухи были вымышленными и имели одну цель — успокоить местных жителей. Разумеется, Паскевич не обольщался вероятными сроками прибытия в Грузию резервных соединений из рекрутов; они вообще не могли направиться из внутренних губерний России к месту назначения ранее апреля 1829 г. Зная это, Паскевич в преддверии возобновления военных действий на Кавказском фронте попытался, как и прежде, использовать внутренние ресурсы края, вверенного его попечению. Он решил вновь создать военные ополчения из представителей народов Закавказья, а также путем тайных переговоров и посулами материальных благ склонить на свою сторону куртинцев и колеблющегося мушского пашу. Кстати, в тайных сношениях с последним большую помощь Паскевичу оказал капитан Вачнадзе, который под

---

286 Там же, л. 1 об.
287 Там же, л. 3.
288 Там же.
289 Там же.
290 Там же, л. 1 об.

чужим именем, переодетый в армянского купца побывал у Эмин-паши со специальным заданием от главнокомандующего.

Противник несколько опередил названный «Тифлисскими ведомостями» срок возобновления военных действий на Кавказском фронте: 20 февраля 1829 г. город и крепость Ахалцихе вновь были осаждены, на этот раз двадцатитысячным турецким войском во главе с Ахмед-беком Аджарским. Так началось одно из крупных сражений кампании 1829 г. — попытка султана, тяжело переживавшего дорогостоящую утрату Ахалцихе, во что бы то ни стало отбить у русских эту крепость.

В этих условиях нельзя было медлить с переброской частей Отдельного кавказского корпуса на выручку малочисленному гарнизону Ахалцихской крепости, а также со сбором закавказских национальных военных ополчений. Паскевич предписал командиру Херсонского гренадерского полка полковнику И. Г. Бурцову «сформировать в Карталинии отряд, в состав коего должна войти часть карталинской милиции» [291].

При первом наборе милиционеров в Карталинии в помощь Бурцову спешно была составлена дружина из 700 ополченцев, из которых 500 человек совместно с пятью ротами Херсонского гренадерского полка и одной сотней донских казаков, перейдя границу, устремились к Ахалцихе. Остальные же 200 человек заняли Ваханское ущелье, «дабы чрез оное неприятель не мог ворваться в Карталинию» [292].

Однако одного набора оказалось недостаточно в связи с задержкой переброски войск из Тифлиса к Ахалцихе. Поэтому пришлось провести дополнительный набор милиционеров. «Вторично же, когда войска еще не прибыли из Тифлиса, — сообщал исполняющему обязанность грузинского гражданского губернатора Завелейскому горийский окружной начальник, — то по сношению его же г. полковника Бурцова высланы были жители Карталинии поголовно со всякого дыма по одному человеку» [293]. Довольно многочисленное ополчение из карталинских крестьян и отдельные соединения Херсонского гренадерского полка под командованием Бурцова с приданной ему сотней донских казаков составили авангард «секурса» (мощное подкрепление осажденным войскам), который прибыл к Ахалцихе в самый критический момент и оказал решающее влияние на исход сражения.

В «Тифлисских ведомостях» следующим образом передана обстановка, создавшаяся в осажденном Ахалцихе перед появлением объединенного русско-грузинского вспомогательного отряда под командованием полковника Бурцова: «2 марта 1829 г. Ахмед-паша снова решительно требовал сдачи крепости, объявляя, что секурс, шедший к оной на помощь, разбит братом его в Боржомском ущелье;

---

[291] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, оп. 1, д. 3960, л. 3.
[292] Там же, л. 48.
[293] Там же.

но гарнизон, считая сие несбыточным делом, убедился только, что вспомогательное войско близко; и общая бодрость всех увеличилась еще более»[294].

Вскоре русский гарнизон крепости, возглавляемый генерал-майором Бебутовым, и до 700 человек христианского населения Ахалцихе, которых удалось приютить в крепости (остальные христиане были либо перебиты турками, либо угнаны в плен при отступлении войск Ахмед-бека Аджарского), активизировали действия против противника, начавшего обнаруживать намерение к отступлению. В полдень 4 марта 1829 г. «прибыл к городу авангард вспомогательного отряда: и тогда узнали причину поспешного отступления неприятеля. Турки намеревались держаться в ущелье перед Ацхвером (Ацкури. — *Д. В.*), но полковник Бурцов искусным маневром обошел их и заставил бросить занятую ими весьма крепкую позицию. Извещенный о сем Ахмед-паша с войском, изнуренным осадою, не решился дать полевого сражения и отступил»[295].

В то время как русско-грузинское войско теснило противника в Боржомском ущелье, правитель Имеретии генерал-майор Гессе с войсками, находившимися в его распоряжении, при активной поддержке гурийского военного ополчения предпринял поход на владения Ахмед-бека Аджарского. Выйдя с войском своим к Кобулети, Гессе начал наступление против 8-тысячного турецкого отряда под командой трехбунчужного трапезондского паши Кея-Оглы, расположившегося с войсками неподалеку от Кинтриши, в местности, называемой Лимани: «В сем крепком месте Кея-Оглы намерен был дождаться 10-тысячного корпуса, шедшего ему на подкрепление, и тогда сделать нападение на отряд (генерала Гессе. — *Д. В.*) и завладеть Гурией»[296].

Чтобы не дать возможности соединиться неприятельским войскам, Гессе немедля переправился через реку Натанеби. «В трех верстах от переправы турки открыли огонь с первого завала, но милиция (гурийцев. — *Д. В.*), взяв их во фланг, обратила в бегство и быстрым своим натиском столько устрашила их, что бывшие в последующих двух завалах бросили оные и бежали в лагерь»[297]. Продвинувшись вперед, русско-грузинское войско вплотную подошло к укрепленному лагерю противника. «Четыре часа продолжалось весьма жаркое дело. Наконец, генерал-майор Гессе, устроив батарею, действовавшую успешно гранатами и картечью, приказал взять штурмом лагерь, что и было исполнено как пехотой, так и милициею с отличной храбростью»[298].

«Тифлисские ведомости» особо подчеркивали заслугу Гурийского ополчения в успехе русских войск в сражении при Лимани. «В знак благоволения начальства за отличное поведение Гурийской мили-

---

[294] «Тифлисские ведомости», 8 марта 1829 г., стр. 3.
[295] Там же.
[296] «Тифлисские ведомости», 15 марта 1829 г., стр. 2.
[297] Там же.
[298] Там же.

ции, которая показала похвальный пример соревнования в славе победоносным российским войскам, роздана ей добыча, приобретенная в неприятельском лагере. Усердие и храбрость, оказанные гурийцами в сем деле, тем более заслуживают внимания, что еще в прошедшем году большая часть их, следуя примеру княгини своей (кн. София, вдова владетельного князя Гуриели. — *Д. В.*), была на стороне турок, и многие действовали против нас при защите Поти» [299].

Все больше убеждаясь в том, что совместные действия с русскими войсками закавказских национальных военных ополчений приносят большую пользу, в значительной степени восполняя численное превосходство противника, гр. Паскевич с начала же кампании 1829 г. принимал энергичные меры к увеличению количества боевых отрядов, составленных из представителей народов Закавказья.

Особую деликатность местная администрация проявила при повторном наборе грузинской народной милиции, учитывая возможную реакцию изнуренного военными поборами населения Восточной Грузии. Окружным начальникам и земским исправникам рекомендовалось быть пообходительнее с местным населением. При формировании карталинской милиции, например, горийскому окружному начальнику было дано указание исполнять все требования полковника Бурцова «как по предмету сбора милиции, так и по перевозке провианта на места... способами сколько возможно менее обременительными для жителей» [300].

Дело в том, что условия набора грузинской милиции, предписанные гр. Паскевичем Завелейскому, предусматривали определенные льготы только для дворян. Милиционеры должны были участвовать в войне со своим обмундированием и оружием, им же вменялось в обязанность обеспечить себя провиантом в течение первых двух недель со дня призыва в ополчение. Кроме того, «для своза больных, запасного провианта и прочего назначить по раскладке предводителя дворянства с местным начальством по 15 ароб на каждую дружину, которые должны безотлучно находиться во все время действия милиции» [301].

«Предписание» Паскевича насчитывало 16 пунктов, с обязательным учетом которых должны были образовываться милицейские дружины Тифлисского, Телавского, Горийского, Сигнахского и Душетского уездов с 6-месячным сроком участия в войне. Командные должности в дружинах отводились исключительно для князей и дворян, «что же касается нижних чинов, т. е. урядников, они назначены будут по сборе милиции... из низкого состояния» [302]. В порядке исключения тифлисским военным губернатором было разрешено

---

[299] «Тифлисские ведомости», 15 марта 1829 г., стр. 3.
[300] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3960, стр. 4.
[301] Там же, стр. 5—6.
[302] Там же, стр. 24.

«в городскую дружину выбирать в сотники и пятидесятники из мокалаков или именитых граждан», и то на случай «недостатка князей или почетных дворян» [303].

9 марта 1828 г. Паскевич вслед за «Предписанием» переслал Завелейскому утвержденные им «Правила для скорейшего образования Грузинского ополчения из 5000 человек по войне с Турцией, предназначенного на шестимесячный термин» [304]. А уже 15 марта «Тифлисские ведомости» сообщали читателям о том, что «Грузинская милиция города Тифлиса и его уезда, готовящаяся к наступающей кампании, представлялась на днях его сиятельству г. главнокомандующему. Несколько граждан лучших здешних домов, собственным примером возбуждая в соотечественниках чувство благородного соревнования, вступили в сие ополчение. До полутора тысячи человек в полном вооружении и в красивой азиатской одежде, которая столь прилична для воинского наряда, представляли превосходное зрелище, тем более, что мужчины здесь по большей части взрослые и хорошей наружности. Депутаты от тифлисских граждан в приличных выражениях изъявили г. главнокомандующему от лица всего собравшегося ополчения желание оного разделить труды и подвиги с победоносным Российским войском. На лестный отзыв его сиятельства все ополчение приветствовало по обычаю русских воинов громогласным „ура“ и по древнему обыкновению сей страны — ружейными залпами; после того при многочисленном стечении народа проходило оно с ружейной пальбой по всему городу» [305].

Если в предшествовавших военных кампаниях при сборе грузинского ополчения действовал принцип добровольности, то на этот раз он лишь изображался, причем инициатором этого организованного мероприятия власти всячески старались представить грузинское дворянство. Какой степени достигало стремление отдельных представителей польщенного дворянства Грузии доказать начальству свои верноподданнические чувства, видно из рапорта Завелейскому горийского уездного предводителя М. Тархан-Моурави. Последний сообщал, что, получив от Паскевича приказ собрать «из Горийского уезда милицию с каждого дыма по одному человеку [306], я по прибытии моем в Гори 4 марта нимало не медля выгнал таковых в два дни четыреста человек, которые в самоскорейшем времени отсылаются к предназначенному месту» [307].

Нередко случалось, что местные гражданские власти, не осведомленные о намерениях военного командования, несколько раз собирали одних и тех же ополченцев, не умея поставить перед ними боевой задачи. Распускались же милиционеры домой по поводам, отмеченным в рапорте горийского окружного начальника Ильяшенкова:

---

303 ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3960, стр. 53—54.

304 Там же, стр. 36.

305 «Тифлисские ведомости», 15 марта 1829 г., стр. 3.

306 Впоследствии этот принцип призыва в милицию был заменен другим: с каждых пяти дворов — одного человека.

307 ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3960, стр. 23.

в Карталинии, писал он Завелейскому, «собранная вторично во многом числе милиция, издержав свой пятидневный провиант, не имела продовольствия, и я, не решась довольствовать оную от казны, роспустил их и приказал быть всегда в готовности. Ныне же по получении предписания Вашего высокородия о собрании народной милиции, я приступил к исполнению предписанных в нем правил» [308].

Слишком обременительные условия сбора милиции в Восточной Грузии, нечеткая организация, усложнявшаяся окружными начальниками и местным дворянством, распространившийся между крестьянами Восточной Грузии слух о том, что под видом призыва в земскую милицию правительство осуществляет набор рекрутов для зачисления на действительную долгосрочную военную службу в российских войсках, все это в совокупности послужило основанием для заявления решительного протеста крестьянством Восточной Грузии. Особенно упорный характер этот протест принял сперва в Тифлисе, а затем в отдельных уездных городах и селениях Карталинии и Кахети, в том числе в Душети, Дзегви, Сагареджо.

Как правительственная газета, поддерживавшая и пропагандировавшая мероприятия царской администрации в Закавказье, «Тифлисские ведомости» и в этом случае не изменили своему назначению. В то время как вся Восточная Грузия была объята народным волнением, первые признаки которого проявились в самом Тифлисе еще 9 марта 1829 г., редакция «Тифлисских ведомостей» не только обошла молчанием этот факт, но и поместила в газете цитированную выше корреспонденцию о сборе грузинского ополчения в городе. Позднее (август 1830 г.) корреспондент «Тифлисских ведомостей» в том же духе описывал один из эпизодов сбора военного ополчения в Эривани в мае 1829 г.: «Граф Эриванский с высочайшего соизволения решился собрать из туземцев в турецкий поход пехоту и конницу. Лишь только объявили об этом через местное начальство жителям, татары (азербайджанцы. — *Д. В.*) и армяне наперерыв спешили стать под непобедимые российские знамена и толпами являлись к местным начальникам, испрашивая позволения служить в ополчении. Одни только грузины не приняли участия в оном» [309].

Последняя фраза корреспонденции, как нам думается, намекает на то движение протеста среди крестьянства Восточной Грузии против сбора земской милиции, которое власти окрестили «опасным волнением». Редакция «Тифлисских ведомостей» предпочла одной фразой, вложенной в уста своего эриванского корреспондента, упрекнуть грузинских крестьян за противодействие властям. Но все это не исключает и того, что по своей малочисленности грузины могли действительно не участвовать в сборе военного ополчения в Эривани, тем более что к тому времени в результате некоторого смягчения условий призыва в ополчение и соответствующей разъяснительной работы грузинская земская милиция была все-таки со-

---

[308] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3960, стр. 49.
[309] «Тифлисские ведомости», 21 августа 1830 г., стр. 4.

брана в самой Грузии, в том числе в Тифлисе и в уездах: Горийском, Сигнахском, Телавском и Душетском [310].

«Тифлисские ведомости» скрыли от читателей и другой факт протеста крестьян Восточной Грузии против сбора ополчения. При составлении, например, армянской пешей милиции из жителей Казахской дистанции последние также проявили противодействие властям. К ним присоединились армяне Шамшадильского уезда. Как и в Восточной Грузии, протест казахских и шамшадильских армян приобрел социальный оттенок. Они требовали «освободить деревни их от повинностей, подати денежной и хлеба, от перевозки провианта, от поставки людей для работ на медный завод и, наконец, сформировать их конными» [311]. Приведенные выше факты замалчивания тифлисской газетой острых вопросов, непосредственно связанных с русско-турецкой войной 1828—1829 гг., не являлись случайными и единичными. На страницах «Тифлисских ведомостей» не были даже упомянуты некоторые негативные явления тогдашней военной жизни в Закавказье и на территории, отвоеванной у противника [312].

Участие грузинских ополченцев в кампании 1829 г., конечно, не ограничилось сражением против Ахмед-бека Аджарского при Ахалцихе и против Кея-Оглы при Лимани. Грузинские милиционеры, как об этом свидетельствуют «Тифлисские ведомости», вместе с азербайджанскими и армянскими конными и пешими дружинами в составе войск Отдельного кавказского корпуса самым непосредственным образом участвовали в покорении турецкой территории вплоть до заключения Адрианопольского мирного договора. Каинлы, Милли-Дюз, Гассан-кале, Арзрум, Байбурт, Харт, Муха-Эстате — вот неполный перечень городов и крепостей, в битвах за овладение которыми в 1829 г. сражались грузинские ополченцы.

Одним из значительных событий завершающего этапа войны России с Турцией, в котором наряду с русскими активное участие приняли и представители закавказского населения, было овладение городом Арзрум — важнейшим центром Восточной Турции. Редакция «Тифлисских ведомостей» восторженно отозвалась на это радостное сообщение. В одной из заметок взятие Арзрума сравнивалось с победой под Полтавой (совпали их даты): «Итак, 27 июня, день, ознаменованный уже незабвенною Полтавскою битвою, чрез сто двадцать пять лет новым славным событием соделался достопамятным в летописях нашего отечества. Столица Анатолии (Арзрум. — *Д. В.*), заключающая до 80 000 жителей, богатая внутренними средствами к обороне, обнесенная двумя крепкими стенами, защищаемая 200 пушками, в первый раз в день сей, со времени владычества в оной поклонников Магомета, склонила гордую главу свою пред грозным оружием победителей!» [313].

---

[310] ЦГА Груз. ССР, ф. 16, д. 3690, стр. 82.
[311] Там же, стр. 76.
[312] ЦГВИА, ф. 90, д. 21, л. 2—3; *Грибоедов.* Сочинения. Л., 1940, стр. 564.
[313] «Тифлисские ведомости», 26 февраля 1830 г., стр. 3.

Насколько самоотверженными были грузинские ополченцы в боях против турок на Кавказском фронте, можно проследить по пространным наградным спискам и царским указам о производстве в чины «за отличие в сражениях в минувшую противу турок войну», публиковавшимся в «Тифлисских ведомостях»: наряду с княжескими и дворянскими грузинскими фамилиями все чаще стали появляться фамилии грузинских крестьян (Кикнадзе, Шекриладзе[314], Теришвили, Хелхелидзе[315], Абазадзе[316] и др.). Но самым лучшим вознаграждением их самоотверженности, проявленной в борьбе за отвоевание у турок исконно принадлежавших Грузии земель, были те пункты Адрианопольского мирного договора, которые утверждали право России, а следовательно, и Грузии на Ахалцихский пашалык.

Как уже отмечалось, «Тифлисские ведомости» порой грешили против истории, с классовым пристрастием описывая и оценивая некоторые современные им события, в частности отдельные эпизоды войны с Турцией в 1828—1829 гг. Точка зрения передового крыла «Тифлисских ведомостей» на свое вынужденное пристрастное отношение к современной истории выявляется из заметки «Шах-булах (шахский родник)», которая посвящена «грозному победителю персиян и турок» П. С. Котляревскому. О достойном представителе русского воинства на Кавказе, чья боевая деятельность лучшим образом характеризует русско-грузинское боевое содружество в первой трети XIX в., сказано: «Пусть имя сего героя не гремело в газетах и напыщенных одах (которые скорее своих героев предаются забвению, несмотря, что пишутся для бессмертия, для потомства); но зато слава его дойдет до позднейшего потомства в изустных преданиях народных, и правдивая история, без сомнения, назначит ему достойное место в летописях Кавказа. Таковые памятники прочнее пышных мавзолеев и газетных возгласов»[317]. Эта самокритичная выдержка из газеты высмеивает ее же собственный напыщенный стиль изложения материала на военные темы. С другой стороны, она свидетельствует о том, что цена действительной истории и неподкупность ее приговора хорошо были известны не только декабристам. сотрудничавшим в газете, но и самим членам редакции, деятельность которой объективно не способствовала превращению газеты в придаток правительственной политики на Кавказе. «Тифлисские ведомости» сумели отобразить то, что совместные боевые усилия, предпринятые против недругов, доказали нерасторжимость русско-грузинского военно-политического союза и дальнейшее укрепление вековечной дружбы между русским и грузинским народами.

---

[314] «Тифлисские ведомости», 11 сентября 1830 г., стр. 1.
[315] «Тифлисские ведомости», 8 марта 1829 г., стр. 1.
[316] «Тифлисские ведомости», 11 января 1830 г., стр. 1.
[317] «Тифлисские ведомости», 28 августа 1830 г., стр. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение печатного слова в истории цивилизованных народов трудно переоценить. По образному высказыванию А. И. Герцена, печатное наследие является духовным завещанием одного поколения другому, в котором «кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца» [1]. Среди множества функций печатного слова укрепление связей между народами, их дружеского расположения и сотрудничества — одна из главных. Именно поэтому в истории культурных взаимоотношений народов России и Кавказа весьма важными являются отношения в области книгопечатания и журналистики, способствовавшие сближению и взаимопониманию между этими народами.

Русское печатное слово, включавшее и периодические издания, сыграло особую роль в русско-кавказских отношениях; в процессе своего развития оно из рупора царской администрации постепенно превращалось в могучее средство воспитания народных масс в духе передовых идей времени. Несмотря на грубые формы самодержавного произвола, «журналистике и литературе, в силу исторически сложившихся условий развития, было суждено стать трибунами общественного мнения... развивать перед своими читателями одухотворявшие их идеи, пусть в несколько приглушенном виде» [2]. Но в силу этих же условий, стабилизировавшихся в первой трети XIX в., журналистская трибуна не в равной степени была доступна и использовалась представителями «двух культур», олицетворявших противоположные политические начала в тогдашней России.

В такой политической атмосфере возникла и развивалась кавказская русская печать начала XIX в. Со времени своего зарождения в крае, независимо от сугубо местного характера ее содержания, она не только предназначалась, но и на самом деле была неразрывной составной частью общерусского печатного слова и журнали-

---

[1] *А. И. Герцен.* Собр. соч. в 30 томах, т. I. М., 1954, стр. 367.

[2] «История русской журналистики XVIII—XIX веков». М., 1966, стр. 4.

стики. Выяснение исторической обусловленности возникновения русской печати, в том числе русской периодики, на отдаленной окраине империи, каким был Кавказ, а также объективная общая оценка ее содержания позволяют сделать следующие выводы.

Развитие русско-кавказских отношений, предшествовавшее заключению первых международных договоров между Россией и отдельными странами Кавказа, характеризовалось активным сотрудничеством, в частности в культурно-просветительской сфере. Поскольку печатное слово являлось тогда одной из наиболее распространенных форм культурных взаимоотношений между народами, оно не изменило своему назначению и в данном случае, сыграв немаловажную роль в укреплении дружбы и всестороннего сотрудничества между русским и закавказскими народами.

Первые камни в фундамент русско-кавказских связей в книгопечатании были заложены видными государственными и церковными деятелями Грузии и Армении, эмигрировавшими в Россию в XVII—XVIII вв. Их деятельность по развитию национального книгопечатного дела в России, равно как и славные традиции, созданные армянскими и грузинскими первопечатниками в Западной Европе и на Ближнем Востоке, упрочили основу для развития книгопечатного дела в самом Закавказье.

Уже с начала XVIII в. Тифлис постепенно становился одним из немногих в юго-восточной Европе и во всей Передней Азии крупных очагов книгопечатного дела. О степени профессионального уровня и технической оснащенности первой тифлисской типографии свидетельствует иллюстрированное издание в 1712 г. гениального творения Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Более того, новые фактические данные, выявленные в последние годы, дают основание заключить, что грузинские книгоиздатели со второй половины XVII в. и на протяжении всего XVIII в. играли существенную роль в печатном размножении и распространении церковной православной литературы. Документально засвидетельствованы их тесные взаимоотношения с русскими, голландскими и венгерскими, а также с греческими и румынскими мастерами типографского искусства.

Значительные международные связи закавказских патриотов книгопечатного дела питали обширные планы по развитию типографского искусства у себя на родине. Однако напряженность политической обстановки в крае, вызванная нашествиями персидско-турецких полчищ, нередко на продолжительное время исключала возможность даже частичной реализации планов. Но в критических ситуациях закавказские книгоиздатели неизменно получали помощь и поддержку единоверной России. Завязавшиеся тесные контакты грузинских и армянских типографщиков с русскими книгопечатниками имели своим следствием не только то, что в период господства в Закавказье иноземных завоевателей местные религиозные учреждения продолжали нелегально снабжаться церковной литературой на родном языке, напечатанной в России, но что грузинские и армянские типографщики в России, а затем и в Закавказье стали все

чаще использовать опыт русского книгопечатания. Само содержание выпускавшейся ими печатной продукции было как бы направлено на укрепление дружбы и сотрудничества русского и закавказских народов.

Становление и развитие печатного дела в Закавказье, в частности в Грузии последней трети XVIII в., прошло под знаком благотворного воздействия русского опыта, тесного творческого содружества и контактов книгоиздателей со своими коллегами в России. Этому во многом способствовала энергичная деятельность в области просветительства предпоследнего грузинского царя Ираклия II, придерживавшегося прорусской ориентации не только во внешней, но и во внутригосударственной политике. Заключенный по его инициативе Георгиевский трактат 1783 г., ставший важной вехой в истории русско-грузинских отношений, создал условия для более полноценного культурного обмена между Россией и Кавказом, в том числе и в области книгопечатного дела. Этот период в истории развития собственно грузинской печати знаменателен зарождением элементов капиталистических отношений в местном типографском производстве. Элементы частнособственнических отношений в книгопечатании заметно оживили типографское дело в Грузии. Оно стало развиваться по восходящей линии вплоть до вторжения в Грузию в 1795 г. полчищ Аги-Магомед-хана Каджара. В результате этого нашествия культурная жизнь в Грузии была парализована, пришло в упадок и книгопечатание. Тифлисская типография была сожжена и разграблена персами.

Историю печатного дела в Закавказье, а также русско-грузинские и русско-армянские связи в области книгопечатания до XIX в. включительно следует рассматривать в качестве исторических предпосылок зарождения на Кавказе русского печатного слова. В становлении и развитии последнего наряду с преемственностью местных традиций книгопечатания существенную роль сыграло уцелевшее от разгрома в 1795 г. оборудование грузинской типографии в Тифлисе, став материальной базой русского книгоиздательства и периодики в Кавказском крае.

Присоединение Восточногрузинского царства к России на рубеже XVIII—XIX вв. обусловило новый этап в истории русско-кавказских отношений, положив начало систематическому и организованному сотрудничеству в культурно-просветительской сфере. Если в предшествующий период эти отношения складывались эпизодически и целиком зависели от нюансов стратегии царизма на Кавказе и Ближнем Востоке, то с 1801 г. их развитие приобретает последовательный и в определенном смысле независимый от внешней политики характер.

Вслед за упразднением права престолонаследования в Картлийско-Кахетинском царстве и его включением в состав Российской империи на правах окраинных губерний правительством Александра I были предприняты первые шаги к освоению присоединенного края. Решающими мероприятиями созданной русской администрации

в Грузии, в частности в культурно-просветительской сфере, стали основание дворянского училища в Тифлисе и попытка восстановления бывшей грузинской царской типографии. Расхищенная персами тифлисская типография нуждалась в основательном переоснащении, а полагаться на вспомоществование от казны не приходилось. Между тем созданное в Тифлисе дворянское училище испытывало крайнюю нужду в учебной литературе. И здесь на помощь своим соотечественникам пришел известный церковный деятель Гайоз Вагошошвили, проживавший в России. Он передал в дар Тифлисскому училищу свою типографию из Моздока. Оборудование гайозовой типографии включало наряду с грузинским и русский гражданский шрифт, который до этого отсутствовал в Грузии. В дальнейшем русское шрифтовое хозяйство тифлисской типографии пополнилось в 1813 г., когда из Петербурга в Грузию для службы в местной типографии прибыл Г. Пайчадзе с комплектами грузинского и русского шрифтов.

Таким образом, инициатива в развитии русского печатного слова на Кавказе принадлежала не правительству, которое не выделило никаких средств для оснащения доставшейся ему в наследство бывшей грузинской царской типографии, а двум грузинам-патриотам.

Независимо от изменения профиля тифлисской типографии, переименованной в 1810 г. в духовную, она не стала полноценно действующей до того, пока не поступила в ведение местного военного ведомства. Это произошло в 1816 г., когда на основе наличного в Тифлисе соответствующего оборудования при штабе Отдельного грузинского корпуса была создана Военно-походная типография для нужд местной русской администрации. В типографии увидели свет в 1819 г. первенец кавказской периодики — «Газета Грузии», или «Грузинская газета», как ее еще именовали, а также первый образец русской непериодической литературы на Кавказе — русско-грузинский разговорник, озаглавленный «Собрание российских разговоров, в общежитии употребляемых, с приобщением грузинского перевода, в пользу благородного юношества».

Первому значительному культурному сдвигу в жизни Грузии после присоединения к России много способствовали не только усилия местной администрации, но и стремление представителей передовых кругов, с одной стороны, местного грузинского общества, а с другой — русских чиновников и офицеров, находившихся на службе в Грузии, к взаимному сближению, установлению контактов. Несмотря на то что «Грузинская газета» — официоз правительственной власти — была чуждой прогрессивным слоям местного общества, тем не менее и она сыграла известную роль в развитии национального периодического печатного слова в Грузии, а затем и на всем Кавказе.

Необычный порядок издания «Грузинской газеты» — в рукописи она составлялась сперва по-русски, а затем переводилась и печаталась на грузинском языке — дает основание расценивать ее русский вариант не только в качестве дубликата первой грузинской

газеты, но и как первое рукописное русское периодическое издание на Кавказе. В самом факте двуязычного метода составления «Грузинской газеты», а также целого ряда печатных, в основном прокламационных публикаций тифлисской типографии на протяжении первой четверти XIX в., усматривалась необходимость четкого разграничения функций и назначения местной русской и национальной печати, что привело к созданию самобытной периодической печати на русском, грузинском и других национальных языках кавказских народов.

Мысль о создании периодического издания в Грузии вынашивалась давно, но осуществить ее удалось лишь после присоединения страны к России. Основную причину следует видеть в несомненном экономическом преимуществе нового государственного устройства по сравнению с ограниченными возможностями ранее существовавшего здесь феодально-патриархального аппарата царской власти. Элементы капиталистического уклада жизни, отчетливо проявившиеся в Грузии сразу после включения в состав Российской империи, стимулировали осуществление ряда прогрессивных начинаний в стране, в том числе основание первой в Грузии и на всем Кавказе русской газеты.

Выходу в свет «Тифлисских ведомостей» (1828 г.) предшествовал богатый опыт более чем векового развития журналистики в России, но газета как официальный орган местной власти была создана по образу и подобию некоторых столичных охранительных периодических изданий. Анализ содержания тифлисской русской газеты показал, что она положительно отличалась от своих прототипов. Этому во многом способствовали специфические условия местной жизни, с которыми вынуждена была считаться и правительственная политика на Кавказе, и передовой для того времени авторский актив, прогрессивно настроенные члены редакции газеты. Достаточно сказать, что среди них значились А. С. Грибоедов, сосланные на Кавказ декабристы В. Д. Сухоруков, А. А. Бестужев-Марлинский, И. Г. Бурцов, Е. Е. Лачинов, а также выдающиеся просветители Закавказья — С. И. Додашвили, А. К. Бакиханов, Х. Абовян и др. Газета способствовала плодотворным контактам между передовыми деятелями России и Кавказа.

Проблематика «Тифлисских ведомостей» охватывает разные стороны общественно-политической, экономической и культурной жизни преимущественно на протяжении первой трети XIX в. В содержании газеты почти в равной степени отразились историческое прошлое и многообразие современной жизни местного населения, что дает основание рассматривать «Тифлисские ведомости» как один из ценных источников по истории народов Кавказа и русско-кавказских отношений. Разумеется, газета была не всегда свободна от пристрастного классового толкования событий современности. Объяснение следует искать не только в природе официоза, каким являлись «Тифлисские ведомости», но и в ожесточенной борьбе представителей «двух культур» и «двух Россий» внутри редакции газеты.

Основанием для заключения о преобладании в «Тифлисских ведомостях» передовой мысли над реакционными тенденциями официальной идеологии служит само содержание газеты и, прежде всего, ее острые полемические выступления против булгаринщины. Одновременно «Тифлисские ведомости» служили своеобразным посредником между Европой (через периодику России) и Кавказом, а также способствовали укреплению дружеских связей между русским народом и многонациональным населением Кавказского края. Умело используя свое официальное назначение ускорителя освоения ресурсов края, «Тифлисские ведомости» объективно выступили глашатаем дружбы народов. Эти качества первой русской газеты на Кавказе имел в виду А. С. Пушкин, когда отозвался о «Тифлисских ведомостях» как о периодическом издании, выгодно выделявшемся не только среди печатных органов данного профиля, но и на фоне всей тогдашней русской журналистики. В самом деле, один только факт участия сосланных на Кавказ декабристов в тифлисской газете можно рассматривать как редчайший в проклятую пору «эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества!» [3].

Таковы общие выводы из анализа отдельных аспектов развития русской печати на Кавказе. В сложный, исполненный политических противоречий период трех первых десятилетий прошлого века, когда русская печать только зародилась на Кавказе, она, естественно, не справилась, да и не могла справиться с первейшей обязанностью печатного слова в развитом классовом обществе, которая, по определению К. Маркса, состоит в том, чтобы *«подорвать все основы существующего политического строя»* [4].

Конечно, кавказская русская печать первой трети XIX в., как и первая местная русская газета «Тифлисские ведомости», отразила некоторые из противоречий, характеризовавшие социально-политическое движение и общественную мысль России данного периода. Существовавшие в то время в стране политические условия, предопределившие ярко выраженный охранительный по отношению к самодержавному строю характер почти всей печатной продукции России, в том числе и периодики, исключали возможность самостоятельных, политически независимых периодических изданий: «Слабость классовой дифференциации общества, самодержавно-монархический гнет, отсутствие политических свобод, партий обусловили в России такое положение, что политических газет почти не было даже во второй половине XIX в.» [5]

Тем не менее вновь образовавшаяся кавказская ветвь русской журналистики первой трети XIX в., безусловно, была здоровой ветвью древа русской периодической печати последекабристского

---

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 100.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 247.

[5] *Б. И. Есин.* Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII—XIX веков. М., 1967, стр. 12.

периода ее развития. Наряду с «Литературной газетой» Пушкина и Дельвига, а также некоторыми другими русскими прогрессивными периодическими изданиями более позднего времени «Тифлисские ведомости» служили провозвестником и носителем первых признаков постепенного общего оздоровления общественного организма России в целом. В этом огромная заслуга политически отверженных сынов России — декабристов, а также прогрессивно мыслящих членов авторского актива первой русской газеты на Кавказе. «Как ни случайно было пребывание русских писателей на Кавказе, они все же успевали вносить ценный вклад в духовную сокровищницу как кавказского, так и всего русского общества. Тяжела была опека над русской литературой, но она почти всегда умела сохранить при всех неблагоприятных обстоятельствах свою независимость, насколько это было возможно» [6]. Надо отдать должное деятелям кавказской русской печати и среди них представителям передовой части местной национальной интеллигенции, которые, несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства политической ситуации в крае, не только обогатили духовную сокровищницу русского и кавказских народов, но и старались придать местной русской периодике все более откровенно классовое звучание. Эта тенденция прослеживается, прежде всего, в деятельности первых русских частных периодических изданий на Кавказе, сыгравших немаловажную роль в формировании общественного мнения открытым обсуждением жгучих проблем современности в буржуазно-демократический период освободительной борьбы. Летописец и бытописатель кавказской старины, местная русская печать рассматриваемого периода все менее увлекается экзотикой, обращая внимание на злободневные вопросы социально-политической обстановки в крае.

Особенно наглядно классовая направленность кавказской русской печати начала проявляться в пролетарский период освободительного движения в стране. Передовая местная русская печать характеризовалась не только самобытными чертами, в определенном смысле существенно отличавшими ее задачи в крае от некоторых общих установок печатного дела и журналистики в масштабе страны. Она решала теперь задачу русской рабочей печати на Кавказе — интернационального воспитания трудящихся масс края, дружбы между русскими рабочими и многонациональным пролетариатом Кавказа. Прогрессивная русская печать Кавказа и особенно местная русская периодика наряду с передовой национальной журналистикой кавказских народов в условиях ожесточенной идеологической борьбы с разномастной реакционной местной печатью сыграла огромную роль в сплочении трудящихся масс края в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Революционный путь общественного преобразования в России, начатый декабристами и пролегавший через три русские револю-

---

[6] *Г. М. Туманишвили.* Кавказские писатели в русской беллетристике. — Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. Г. Н. Туманишвили, № 68, стр. 3.

ции, привел к свержению буржуазно-помещичьего строя и установлению власти рабочих и крестьян. Только в этом историческом контексте можно оценивать значение печатного слова, в частности кавказской периодической печати первой трети XIX в., донесшей до нас в подробностях события отдаленного прошлого, когда прокладывались изначальные тропы социальных свершений в России. Горячие и проникновенные слова передовых мыслителей того времени, зафиксированные местной периодической печатью, дошли до нас как перекличка двух эпох, как свидетельство исторической обусловленности процесса общественного развития, как документ, отобразивший вековечную дружбу русского и кавказских народов.

SUMMARY

The history of Social thought and effective means of its expression — a printed word — is an important aspect of all the history of each civilized people. Taking into consideration the multinational character of the Caucasus of the first three decades of the XIXth century along with printed matter in native languages there began to play yet more important role the Russian press, which contributed to the building up of social and political consciousness of the Caucasian peoples. The elucidation of the historical conditionality of the creation and development of Russian Social thought and press, periodical press included, in such a distant outlying districts of the Russian Impire, as the Caucasus was, as well as the historically motivated estimation of the contents of the local Russian printed production during first three decades of the last century — such is the main task, which is solved in the monograph of Djuansher L. Vateyshvili.

The Russian-Transcaucasian cultural intercommunication is thoroughly scrutinized in the book, mainly in the field of book-printing and journalism, being fore-runners of the creation in the Caucasus of a Russian printed word and social thought. The special attention the author pays to the analysis of the first samples of the local Russian periodical and non-periodical literature, comparing its contents with concrete social, economic and political situation in the area. The colonial expansion of the Russian autocracy in the Caucasus, the industrial exploitation of area's natural resources, foreign Tsarist actions in the Middle East, the strengthening military cooperation of the fraternal peoples in the Russian-Persian and Russian-Turkish companies of 1826—1829, the hints of democratization of education in the area, the increasing of liberation struggle in Georgia under the influence of the Decembrists' ideas — such is the range of problems, explored in the monograph. The other

range of problems is made up of guestions of more specific character: the history of the book-printing base creation, the finding out the names of printers-enlighteners, journalists-enthusiasts by word and deed contributing to the bringing closer of the Russian and Caucasian peoples, the difficulties of printing business financing in the area, etc.

In the monograph there shown the fruitful contacts of progressive representatives of the Russian and mainly Transcaucasian national intellectuals, their common concept in the struggle against the autocracy. Taking the wide range, in the great deal newly discovered documentary material, the author explores the problems dealing with personal contacts and participation in the local Russian periodical press of the Decembrists, Alexander Pushkin, Alexander Griboyedov, Solomon Dodashvili, Hatchatur Abovyan, Abbas Bakikhanov and other progressive figures of Russia and the Caucasus. Analysing the versatile contents of the local Russian periodical press, the author comes to the conclusion, that it is not only the richest source of information on the history of the Caucasian peoples, but also an original historical document testifying to their cultural, social, economic and political development for the past century and a half.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава V
ОБ АВТОРСКОМ АКТИВЕ И НАПРАВЛЕНИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ГАЗЕТЫ НА КАВКАЗЕ

Глава VI
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ «ТИФЛИССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» И АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

ДЖУАНШЕР ЛЕВАНОВИЧ ВАТЕЙШВИЛИ

Русская общественная мысль и печать
на Кавказе в первой трети XIX века

Утверждено к печати Институтом истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили Академии Наук Грузинской ССР

Редактор издательства *М. М. Медведев*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*. Художник *Г. А. Кудрявцев*
Технические редакторы *И. А. Макагонова, В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 22 IX 1972 г. Подписано к печати 16/II 1973 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 28,75. Уч.-изд. л. 34,8. Тираж 2800. Т-01239. Бумага № 1. Тип. зак. 1394.
Цена 2 р. 43 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, 9-я линия, д. 12

